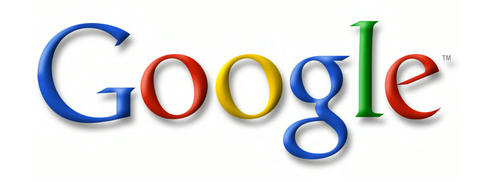
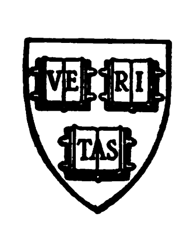



VE RI
TAS

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

1883

№ 1 ЯНВАРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(См. страницу 3-ю).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ СОРОКЪ-ПЯТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ ССLXI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Бассейная, № 2).
1883.



КРАСАВЕЦЪ-МУЖЧИНА.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Вмѣсто пролога).

Лица:

Аполлинарія Антоновна, пожилая дама.

Зоя Васильевна Окоемова, ея племянница, молодая женщина.

Наумъ Ѳедотычъ Лотохинъ, богатый баринъ, пожилой, дальній родственникъ Окоемовой.

Ѳедоръ Петровичъ Олешунинъ, молодой человѣкъ, средняго состоянія, землевладѣлецъ.

Никандръ Семенычъ Лупачевъ, пожилой баринъ, очень широко живущій и бросающій деньги. Репутаціи не безукоризненной; въ хорошемъ обществѣ не принятъ.

Сосипатра Семеновна, сестра его, пожилая дама, одѣвается богато и оригинально, ведетъ себя самостоятельно и совершенно свободно, не стѣсняясь приличіями.

Пьеръ } **Жоржъ** } Молодые люди, пріятели Лупачева безъ опредѣленныхъ занятій, похожи другъ на друга, одѣты и причесаны одинаково-безукоризненно, по послѣдней модѣ; молчаливы, скромны и совершенно приличны.

Василій, человѣкъ въ вокзалѣ.

Акимычъ, старый слуга Лотохина.

Садъ лѣтняго клуба.

Дѣйствіе въ городѣ Бряхимовѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входитъ Пьеръ и Жоржъ, *потомъ* Василій.

Пьеръ (*ложась на садовый диванъ*).

Жоржъ, ты что̀ пилъ сейчасъ?

Жоржъ.

Коньякъ.

Пьеръ.

Хорошо?

Жоржъ.

Выпей, такъ узнаешь.

Пьеръ.

Да мнѣ не хочется.

Жоржъ.

И мнѣ не хотѣлось.

Пьеръ.

Зачѣмъ же ты пилъ?

Жоржъ.

Отъ нечего дѣлать. Пьеръ, что̀ это за чудакъ съ нами обѣдалъ?

Пьеръ.

Наумъ Ѳедотычъ какой-то. Какое имя глупое, Жоржъ! По фамиліи Лотохинъ. Пріѣзжій. А кто онъ такой, кто-жъ его знаетъ.

Жоржъ.

Знаютъ.

Пьеръ.

Кто?

Жоржъ.

Буфетчикъ Василій.

Пьеръ.

Что-жъ онъ говоритъ?

Жоржъ.

Говоритъ, что Лотохинъ, его баринъ, богатый человѣкъ, стараго вѣку, нынѣшнимъ не чета̀. Какого-то «стараго вѣку», какая-то «не чета̀». Ничего этого я не понимаю.

Пьеръ.

Все-таки ты знаешь больше моего, а меня спрашиваешь.

Жоржъ.

Что̀ я знаю? Что онъ стараго вѣку, да какая-то «нечета» —

только и всего. Я думалъ, что ты больше меня просвѣщенъ на этотъ счетъ.

Пьеръ.

Ну, мои свѣденія очень ограничены. Лотохинъ пріѣхалъ откуда-то, кажется, изъ Москвы, покупаетъ здѣсь имѣніе, собираетъ о немъ справки. Все это здѣсь бываетъ часто; никому бы до него и дѣла не было; но онъ человѣкъ богатый; отъ того имъ всѣ интересуются. Вѣрно только одно: что онъ чудакъ.

Жоржъ.

Я этихъ чудаковъ да простаковъ боюсь немножко.

Пьеръ.

Отчего?

Жоржъ.

А помнишь въ прошломъ году, какой-то чудакъ наѣхалъ? Лохматый, нечесаный, сюртукъ въ пуху, сапоги нечищенные, шампанское пополамъ съ квасомъ пилъ. Бумажника не носилъ, ассигнаціи свертывалъ въ комокъ, да по разнымъ карманамъ разсовывалъ. Карты въ рукахъ держать не умѣлъ; а обобралъ всѣхъ здѣсь. Послѣ я его видѣлъ въ Петербургѣ въ Ливадіи: раздушенный, завитой, всѣхъ опереточныхъ артистовъ знаетъ, шансонетки не хуже ихъ поетъ.

Пьеръ.

Да, бываютъ художники. Вотъ Василій. Позовемъ его да разспросимъ хорошенько. (*громко*) Василій! (*входитъ Василій*).

Василій.

Что угодно-съ?

Пьеръ.

Ты Лотохина знаешь?

Василій.

Какъ же не знать-съ. Коли они мой баринъ, настоящій, природный, а не то чтобъ... это, однако, довольно для меня удивительно, чтобы не знать, коли я съ измальства былъ ихъ слуга.

Жоржъ.

Богатъ онъ?

Василій (*махнувъ рукой*).

Ну, что ужъ! Можетъ, однѣхъ вотчинъ у нихъ въ пяти губерніяхъ... и тамъ всего прочаго... Про это что-жъ! Ужъ всѣмъ извѣстно.

Пьеръ.

Да... ну, а зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ?

Василій.

Имѣнье покупаютъ.

Жоржъ.

Зачѣмъ ему? У него и такъ много.

Василій.

Они не съ тѣмъ, чтобъ... а какъ собственно, у сродственницы.

Пьеръ.

У какой сродственницы? Кто она?

Василій.

Ужъ это я не могу знать-съ. Потому какъ... изволите видѣть, я съ ихнимъ камардиномъ, съ Акимычемъ говорилъ... (*таинственно*). Они въ отель-Парижѣ стоятъ, три нумера занимаютъ... можете судить... мы, говоритъ, имѣнье покупать, только, говоритъ, мы не за барышемъ гонимся, а по родственному расположенію.

Пьеръ.

Въ карты онъ играетъ?

Василій.

Этому они не подвержены, а обыкновенно, какъ господа, когда со временемъ, для компаніи, отъ чего же... это они могутъ... Потому, выиграть ли, проиграть ли, это имъ какой разсчетъ! А чтобъ гостямъ удовольствіе... Ну обнаковенно, какъ завсегда въ хорошихъ домахъ.

Жоржъ.

Давно онъ пріѣхалъ?

Василій.

Да какъ вамъ доложить! Дня четыре будетъ-съ, а пожалуй и всѣхъ пять. Только они сродственницу свою еще не видали; въ имѣнье ѣздили, осматривать; а вчера пріѣхали обратно.

Пьеръ.

Ну, а больше ты ничего не знаешь?

Василій.

Да помилуйте, я все знаю. Дядинька у нихъ генералъ, въ конницѣ служили—такъ ужъ вотъ баринъ!..

Жоржъ.

Гдѣ же онъ теперь?

Василій.

Въ чужихъ краяхъ-съ.

Жоржъ.

Ну такъ что-же намъ! Богъ съ нимъ!

Василій.

Опять сестрица двоюродная, за бариномъ за-мужемъ, которые откупами занимались, такъ, Боже мой, брови у нихъ... Кажется, изойди весь бѣлый свѣтъ... Да нѣтъ, невозможно...

Пьеръ.

Ну довольно, будетъ съ насъ.

Василій.

Больше ничего не прикажете?

Пьеръ.

Ничего. Ступай! (*Василій уходитъ. Лотохинъ и Сосипатра входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Пьеръ, Жоржъ, Сосипатра и Лотохинъ.

Сосипатра.

Вы извините, что для перваго знакомства, братъ приглашаетъ васъ обѣдать не домой, а въ трактиръ.

Лотохинъ.

Ничего-съ. Я самъ бездомовникъ, человѣкъ кочующій; зимой по клубамъ, а лѣтомъ по роднымъ кочую.

Сосипатра.

У васъ много родни?

Лотохинъ.

Очень много-съ, и, къ несчастію, все родственницы: племянницы, внучки, сестры двоюродныя, троюродныя, дѣвицы да вдовы-съ. Невѣстъ много. Опека большая.

Сосипатра.

Какое же это несчастіе? Развѣ бѣдныя? Помогать надо?

Лотохинъ.

Нѣтъ-съ, богатыя, есть даже очень богатыя.

Сосипатра.

Чего-жъ лучше.

Лотохинъ.

Красота мужская нашему семейству очень дорого обходится.

Сосипатра.

Я васъ не понимаю.

Лотохинъ.

Если изволите, я вамъ объясню.

Сосипатра.

Сдѣлайте одолженіе.

Лотохинъ.

Только, сударыня, я заранѣе прошу вашего извиненія: можетъ быть, придется сказать, что-нибудь такое...

Сосипатра.

Пожалуйста, не церемоньтесь! Напускную скромность я не считаю за добродѣтель и излишней стыдливостью не отличаюсь,

особенно въ мужскомъ обществѣ. Да вотъ у меня платокъ (*показываетъ носовой платокъ*). Коли что такое, такъ я закроюсь; а все-таки послушаю, я очень любопытна.

Лотохинъ.

Да нѣтъ-съ, сказать что-нибудь неприличное я себѣ не позволю; а можетъ быть, вамъ покажется, что я не очень лестно отзываюсь о женскомъ полѣ.

Сосипатра.

Только-то? Такъ не бойтесь; я сама не очень высокаго мнѣнія о нашемъ полѣ. (*Пьеру и Жоржу*). Вы, шалопаи, чему смѣетесь? Говорятъ люди солидные...

Лотохинъ.

Умудренные опытомъ.

Сосипатра.

Такъ вы должны слушать съ почтеніемъ; это вамъ впередъ пригодится, потому что вы еще молокососы. А то лучше убирайтесь.

Пьеръ.

Нѣтъ ужъ позвольте!

Жоржъ.

Это очень интересно.

Сосипатра.

Ну, такъ ведите себя скромно и сидите, какъ умныя дѣти сидятъ.

Лотохинъ.

Такъ вотъ, изволите видѣть, много у меня родственницъ. Разсѣяны онѣ по разнымъ мѣстамъ Россійской имперіи, большинство, конечно, въ столицахъ. Объѣзжаю я ихъ часто, я человѣкъ сердобольный, къ роднѣ чувствительный... Пріѣдешь къ одной, напримѣръ, навѣстить, о здоровьи узнать, о дѣлахъ; а она прямо начинаетъ, какъ вы думаете, съ чего?

Сосипатра.

Объ шляпкахъ, конечно, о платьяхъ, вообще, о тряпкахъ.

Лотохинъ

Никакъ нѣтъ-съ. Она начинаетъ: «Ахъ, онъ меня любитъ!» Кто этотъ «онъ»—я почти никогда не спрашиваю; потому что отвѣтъ одинъ, стереотипный-съ: «мой женихъ, онъ хорошъ, уменъ, образованъ!»

Сосипатра.

Да, правда ваша. А потомъ окажется, что онъ такъ же уменъ и образованъ, какъ вотъ эти милыя особы.

Пьеръ.

Вы насъ въ примѣръ глупости выставляете? — Merci!

Сосипатра.

У женщинъ, коли мужчина хорошъ, да ей нравится, такъ онъ ужь и уменъ и образованъ; это я по себѣ знаю. И вы, господа, дождетесь, что васъ будутъ считать умными.

Жоржъ.

Такъ обижаться не прикажете?

Сосипатра.

Еще бы! Не ломайтесь, пожалуйста.

Жоржъ (*со вздохомъ*).

Что же дѣлать, Пьеръ! Перенесемъ.

Пьеръ. (*со вздохомъ*).

Перенесемъ, Жоржъ.

Лотохинъ.

Такъ вотъ-съ: Ахъ! онъ меня любитъ! Ну что-же тутъ дѣлать? Остается только радоваться. Любитъ, такъ и пускай любитъ. Хотя, конечно, пожилому человѣку не очень интересно любоваться на эти восторги. Онъ тебя любитъ, ну, и знала бы про себя. Вѣдь это ея дѣло, такъ сказать, келейное и общественнаго интереса никакого не представляетъ, зачѣмъ же знакомымъ-то свои восторги навязывать. Другая вѣдь ужь далеко не малолѣтняя, ужь давно полной и довольно вѣской зрѣлости—такъ пудовъ отъ шести съ половиною вѣсу—а все прыгаетъ, да охаетъ: «Ахъ онъ меня любитъ!» «Ахъ онъ меня любитъ!» Такъ знаете ли, неловко какъ-то становится.

Сосипатра.

Да, это скверно, я тернѣть не могу; мнѣ просто стыдно становится. Я очень понимаю, что вамъ должно быть скучно слушать эти ихъ изліянія, но вѣдь отъ этого легко избавиться. Махнуть рукой и уѣхать. Радъ молъ твоей радости и Богъ съ тобой, матушка! Блаженствуй.

Лотохинъ.

Нельзя-съ. Ужъ я вамъ докладывалъ, что я человѣкъ сердобольный; ужъ тутъ смотри въ оба; а прозѣваешь—бѣда! Вотъ извольте послушать. Заѣдешь къ этой же родственницѣ, этакъ черезъ мѣсяцъ, или черезъ два; ужь совсѣмъ другой тонъ въ домѣ, переходъ изъ мажора въ миноръ. Одеколоны, спирты, у самой истерики, глазки опухли, носикъ покраснѣлъ, и разговоръ ужъ другой: «Ахъ онъ меня разлюбилъ. (*Пьеръ и Жоржъ смѣются*).

Сосипатра.

Чему вы смѣетесь? Безчувственные!

Лотохинъ.

Утѣшать ужъ тутъ напрасно; чѣмъ ее утѣшишь? Такіе недуги

время врачуетъ: глядишь, черезъ мѣсяцъ и оправится и повеселѣетъ немножко, а черезъ два опять заохаетъ. Тутъ ужъ у меня совсѣмъ другая забота начинается: между оховъ и вздоховъ стараешься развѣдать, нѣтъ ли, кромѣ сердечнаго ущерба, еще имущественнаго.

Сосипатра.

Да, это важный вопросъ.

Лотохинъ.

На первыхъ порахъ, разумѣется, ничего не узнаешь. «Ахъ, да стоитъ ли объ этомъ говорить! Да все это вздоръ! Какіе тутъ разсчеты! Я всѣ эти мелочи презираю». Ну сейчасъ ревизія, распросы и видишь, что имѣніе разстроено, долги. «Это молъ какже такъ?»—«Ахъ Боже мой, да что-жь тутъ удивительнаго? Я готова была для него всѣмъ пожертвовать, даже жизнію; а вы пристаете. Развѣ можно было ожидать, что человѣкъ, съ такой прекрасной наружностью, имѣетъ такую коварную душу? Этого никогда не бываетъ, никогда! я васъ увѣряю, это исключеніе. У кого наружность хороша, у того и душа благородная, это ужь всегда, всегда, всегда! и не разговаривайте больше со мной». Вотъ и толкуйте съ такимъ народомъ.

Сосипатра.

Господа кавалеры, правда это, или нѣтъ?

Пьеръ.

Спросите у Жоржа! Я еще не женихъ пока, а онъ ужь...

Жоржъ.

Молчи, пожалуйста! Это не честно.

Пьеръ.

Молчу.

Лотохинъ.

Иной молодой человѣкъ, красивой наружности, такую брешь въ капиталѣ и въ имѣньи-то сдѣлаетъ, что хоть по міру ступай. Вотъ почему я и стараюсь предупреждать такія катастрофы. Какъ увижу, что какая-нибудь родственница заохала, я тутъ и вьюсь.

Сосипатра.

Что же вы можете сдѣлать, если женщина дѣйствительно влюблена?

Лотохинъ.

На разныя хитрости подымаюсь, а коли ужь ничто не беретъ, такъ отступного даю. Лучше ужь тысячъ пятьдесятъ бросить, чѣмъ все состояніе потерять. Вѣдь навертываются и хорошіе женихи-съ, дѣльные, солидные—да какъ и не быть при такомъ приданомъ!—такъ не нравятся: люди очень обыкновенные—проза.

Подавай имъ красавцевъ. Глядишь, глядишь кругомъ, ну, слава Богу, думаешь, нѣтъ красавцевъ, все люди какъ люди. И вдругъ, откуда ни возьмись красавецъ тутъ какъ тутъ. И гдѣ только онѣ ихъ откапываютъ? Все не было, все не было, а вдругъ какой-нибудь длинноволосый ужь ходитъ около. Въ бархатномъ сюртукѣ, въ голубомъ, либо въ розовомъ галстукѣ, художникъ какой-нибудь не признанный, пѣвецъ безъ голосу, музыкантъ на неизвѣстномъ инструментѣ, а то такъ и вовсе темная личность, а голову держитъ гордо. Выскочитъ замужъ вотъ за этакого проходимца, раззоренье-то раззореньемъ, да кого еще въ родню-то введетъ! Черезъ этакого красавца и сама-то попадетъ въ общество, въ которомъ и мужчинѣ быть совѣстно, и насъ-то надѣлитъ родственникомъ, что нетолько руку подать стыдно, а того и гляди увидишь ихъ на скамьѣ подсудимыхъ за мошенничество! Наказаніе! Наша фамилія хорошая, уважаемая; вотъ одинъ только недостатокъ.

Пьеръ.

Да неужели у васъ всѣ такъ влюбчивы?

Лотохинъ.

Почти что всѣ; вѣдь это родомъ бываетъ, въ нашемъ семействѣ такая линія вышла.

Сосипатра.

Да, дѣйствительно, у васъ забота большая, если вы не шутите. Мнѣ кажется, что вы просто хотѣли занять меня забавнымъ разговоромъ послѣ обѣда, вотъ и придумали исторію о своихъ родственникахъ.

Лотохинъ.

Какъ угодно-съ, спорить съ вами не стану. Если мой разговоръ показался вамъ интересенъ, съ меня и этого довольно (*встаетъ*). Извините, я пойду чайку напиться. Московская привычка.

Сосипатра.

Я васъ удержу не надолго, позвольте только одинъ вопросъ.

Лотохинъ.

Къ вашимъ услугамъ.

Сосипатра.

Вы только для однѣхъ родственницъ такъ хлопочете, или случается и для постороннихъ?

Лотохинъ.

Въ какомъ отношеніи?

Сосипатра.

Напримѣръ, устроить имѣніе, подать совѣтъ въ запутанномъ дѣлѣ.

Лотохинъ.

Если имѣю досугъ, такъ съ удовольствіемъ-съ.

Сосипатра.

Не сдѣлаете ли вы мнѣ одолженіе дать нѣсколько совѣтовъ по моимъ дѣламъ? Мнѣ обратиться не къ кому, у меня нѣтъ знакомыхъ дѣловыхъ людей. Все вотъ такіе. (*Указывая на Пьера и Жоржа*).

Пьеръ.

Кланяйся, Жоржъ!

Жоржъ.

Кланяйся, Пьеръ!

Лотохинъ.

Радъ служить чѣмъ могу.

Сосипатра.

При томъ же мнѣ съ вами очень ловко будетъ; вы человѣкъ пожилой, бывалый, видали виды, я съ вами могу говорить не стѣсняясь.

Лотохинъ.

Къ вашимъ услугамъ, къ вашимъ услугамъ. Я хоть сегодня же къ вамъ зайду.

Сосипатра.

Милости просимъ (*Входитъ Лупачевъ*). Вотъ и потолкуемъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Лотохинъ, Сосипатра, Пьеръ, Жоржъ и Лупачевъ.

Лупачевъ.

Объ чемъ это вы толковать собираетесь?

Сосипатра.

О серьёзныхъ дѣлахъ.

Лупачевъ.

Не вѣрьте ей: никакихъ у нея серьёзныхъ дѣлъ нѣтъ.

Пьеръ.

Ты напрасно. Мы и сейчасъ о серьёзныхъ дѣлахъ толковали.

Жоржъ.

То есть мы съ Пьеромъ слушали, а разговаривали они.

Лупачевъ.

Любопытно.

Пьеръ.

О женскихъ слабостяхъ.

Лупачевъ.

Вотъ разговоръ нашли! Женскими слабостями надо пользоваться, а разговаривать о нихъ не стоитъ.

Сосипатра.

Ну, я домой (*Лотохину*). Извините, что задержала. Вы хотѣли чай пить. До свиданья (*подаетъ руку Лотохину*).

Лотохинъ.

Мое отъ меня не уйдетъ (*уходитъ*).

Сосипатра.

Господа Аяксы! кто нынче дежурный, чья очередь меня провожать?

Жоржъ (*подавая руку Сосипатрѣ*).

Моя-съ. (*Сосипатра и Жоржъ уходятъ*).

Пьеръ.

Что̀ тебѣ за охота ублажать этого чудака? Угощаешь его обѣдами, шампанскимъ; не въ коня кормъ.

Лупачевъ.

Ты еще молодъ, чтобъ меня учить. Ужь повѣрь, что я ничего даромъ не дѣлаю. Онъ москвичъ, клубный обыватель, знаетъ всѣ трактиры и рестораны, такіе люди нужны. Пріѣдешь въ Москву, онъ тебя такими обѣдами и закусками угоститъ, что цѣлый годъ помнить будешь. А что̀ мнѣ за дѣло, что онъ чудакъ! Мнѣ съ нимъ не дѣтей крестить. Поѣсть, выпить умѣетъ и любитъ, вотъ и нашего поля ягода. Кто это? никакъ Зоя Васильевна?

Пьеръ.

Да, они съ теткой, а кавалеромъ у нихъ Олешунинъ.

Лупачевъ.

Что за прелесть женщина! И кѣмъ окружена! Кабы этому бриліанту хорошую оправу. Нашла себѣ красиваго мужа и рада. Эко счастье этому барашку! Ей не красиваго, а богатаго.

Пьеръ.

Такого, какъ ты?

Лупачевъ.

Да, эта женщина заблестѣла бы: я бы не пожалѣлъ ничего. Ну, да еще подождемъ; чего на свѣтѣ не бываетъ.

Пьеръ.

А Олешунинъ постоянно при ней. Ужь не влюбленъ ли?

Лупачевъ.

Онъ и любить-то не умѣетъ, а умѣетъ только ревновать. Онъ до тѣхъ поръ не обращаетъ вниманія на женщину, пока она не полюбила кого-нибудь; а какъ полюбитъ, такъ онъ сейчасъ обижаться, почему не его.

Пьеръ.

Это бы ничего, а вотъ скверно, что онъ очень скупъ и даетъ взаймы деньги малыми суммами за большіе проценты, да еще съ залогомъ. (*Входятъ Зоя, Аполлинарія Антоновна и Олешунинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лупачевъ, Пьеръ, Зоя, Аполлинарія Антоновна и Олешунинъ.

Аполлинарія (*Олешунину*).

Нѣтъ, нѣтъ, вы никогда меня не убѣдите, и напрасно вы проповѣдуете такія идеи! вамъ жизнь не передѣлать (*подаетъ руку Лупачеву и Пьеру, Зоя и Олешунинъ тоже*). Да вотъ мы спросимъ Никандра Семеныча, онъ не меньше вашего жизнь знаетъ.

Лупачевъ.

Все, что я знаю, Аполлинарія Антоновна, я знаю про себя, а резонерствомъ не занимаюсь.

Аполлинарія.

Нѣтъ, позвольте; скажите, пожалуйста, за кого должна дѣвушка выходить замужъ?

Лупачевъ.

Я не знаю, за кого она должна выходить, а знаю только, какъ это обыкновенно дѣлается. Дѣвушка, если она свободна, выходитъ замужъ за того, кто ей нравится.

Аполлинарія (*Олешунину*).

Ну, вотъ слышите! (*Лупачеву*). А онъ говоритъ, что дѣвушка не должна обращать вниманія на наружность мужчины, а на какія-то душевныя качества.

Лупачевъ.

Отчего-жь ему и не говорить такъ, Аполлинарія Антоновна? Всякій судитъ по своему. Такъ говорятъ кавалеры, которые не имѣютъ счастія нравиться женщинамъ.

Аполлинарія.

Ахъ, вотъ прекрасно! Слово въ слово, какъ я говорила.

Олешунинъ.

Нашли себѣ поддержку и обрадовались. Не очень ли смѣло съ вашей стороны, Никандръ Семенычъ, сказать, что я не нравлюсь женщинамъ?

Лупачевъ.

Да я не про васъ, я говорилъ вообще. Вы, можетъ быть, и нравитесь, чего на свѣтѣ не бываетъ.

Аполлинарія.

Можете и вы понравиться, коли женщина никого лучше не видала. Ну, а увидитъ Аполлона Евгеньича, такъ извините.

Зоя.

Зачѣмъ вы трогаете моего мужа, оставьте насъ въ покоѣ. Наше безмятежное счастье никому не мѣшаетъ. Я не горжусь своимъ мужемъ, хотя и имѣла бы право. Я знаю, что не стою его и счастьемъ своимъ обязана не себѣ, не своимъ достоинствамъ, которыхъ у меня мало, а только случаю. Я благодарю судьбу и блаженствую скромно.

Олешунинъ.

Не понимаю, рѣшительно не понимаю, за что вы себя унижаете и что такое особенное находите въ своемъ мужѣ.

Аполлинарія.

Ахъ, Боже мой! Ну вотъ, подите, говорите съ человѣкомъ! Да, что вы, или у васъ глазъ нѣтъ, или ужь о себѣ очень много мечтаете!

Пьеръ.

Не спорьте, Ѳедоръ Петровичъ! Окоемовъ лучше васъ.

Олешунинъ.

Да въ какомъ смыслѣ, желаю я знать?

Пьеръ.

Просто лучше, да и все тутъ. Не спорьте, не спорьте, не хорошо.

Олешунинъ.

Ахъ, отстаньте, пожалуйста! Ну, положимъ, что лучше; только отъ этихъ красавцевъ женщины часто страдаютъ.

Аполлинарія.

Такъ ужь было бы отъ кого. Отъ такого мужа и страдать есть счастье; а съ немилымъ вся жизнь есть непрерывное страданіе. За то когда видишь, какъ всѣ женщины завидуютъ тебѣ, какъ зеленѣютъ отъ злости—вотъ и торжествуешь, вотъ всѣ страданія и все горе забыто.

Олешунинъ.

Зависть, ревность, злоба, торжество! Все это такъ мелко, такъ ничтожно!

Аполлинарія (*горячо*).

Да въ этомъ вся жизнь женщины. Подите вы! Что-жь ей, астрономіей что ли заниматься?

Лупачевъ и Пьеръ.

Браво, Аполлинарія Антоновна, браво!

Аполлинарія.

Да въ самомъ дѣлѣ, господа, что же это такое! Нѣтъ, это

ужасно! Винять мою Зою за то, что она нашла себѣ красиваго мужа.

Зоя.

Тетя, довольно объ этомъ.

Аполлинарія.

Погоди, Зоя. Да надо радоваться этому; по крайней мѣрѣ, всѣ, кто ее любитъ, радуються; а я просто торжествую. Когда она была еще маленькой дѣвочкой, я ей постоянно твердила: Зоя, ты богата, смотри, не погуби свою жизнь, какъ погубила твоя несчастная тетя. Ахъ, что это былъ за ребенокъ! Это былъ воскъ! изъ нея можно было сдѣлать все, что угодно. И я сдѣлала изъ нея идеалъ женщины, и образовала, и воспитала ее именно въ тѣхъ понятіяхъ, которыя нужны для женскаго счастія.

Олешунинъ.

Любопытно, что̀ это за понятія.

Аполлинарія.

Да ужь конечно, не ваша философія. Теперь на нее мода прошла. Теперь нуженъ простой, натуральный умъ. Я надѣюсь, господа, что я не глупа.

Лупачевъ.

Кто же смѣетъ въ этомъ сомнѣваться.

Пьеръ.

Кто смѣетъ, Аполлинарія Антоновна!

Аполлинарія.

Я ей говорила: «не спѣши выходить замужъ, пусть тебя окружаетъ толпа молодыхъ людей; ты богата, женихи слетятся со всѣхъ сторонъ, жди, жди! Можетъ, явится такой красивый мужчина, что заахаютъ всѣ дамы и дѣвицы, вотъ тогда на зависть всѣмъ и бери его. Бери, во что бы то ни стало, не жалѣй ничего, пожертвуй половиной состоянія, и тогда ты узнаешь, въ чемъ заключается истинное счастье женщины! И моя Зоя торжествуетъ. Да, я могу гордится; я устроила ея судьбу. И если я сама не видала радостей въ своей жизни, такъ живу ея счастіемъ и ея радостями.

Лупачевъ.

Да на что вы-то можете жаловаться? Сколько мнѣ извѣстно, вы никакого горя въ жизни не испытали.

Аполлинарія.

Вы не знаете моего горя, и не можете его знать, его надо чувствовать; а чувствовать его можетъ только женщина.

Лупачевъ.

Значитъ это горе особое, женское?

Пьеръ.

Женскаго рода?

Олешунинъ.

Мужчина можетъ всякое горе понять, если только оно человѣческое.

Пьеръ.

Погодите, не мѣшайте.

Аполлинарія.

Понять—пожалуй, но чувствовать вы не можете такъ, какъ женщина. Я вышла замужъ очень рано, я не могла еще разбирать людей, и своей воли не имѣла. Мои родители считали моего жениха очень хорошимъ человѣкомъ, отъ того и отдали меня за него.

Лупачевъ.

Да онъ и дѣйствительно былъ хорошій человѣкъ.

Аполлинарія.

Я не спорю. Я могла уважать его, но все-таки была къ нему равнодушна. Я была молода, еще мало видѣла людей, и не умѣла еще различать мужчинъ по наружности, по внѣшнимъ пріемамъ; для меня почти всѣ были равны, потому я и не протестовала. Но вѣдь это должно было придти и пришло; я вступила въ совершенный возрастъ, и понятіе о мужской красотѣ развилось во мнѣ; но, господа, я ужь была не свободна... выбора у меня ужь не было. Должна я была страдать, или нѣтъ? Нѣтъ, это драма, господа!

Лупачевъ.

Да, дѣйствительно, положеніе затруднительное.

Аполлинарія.

Вѣдь все-таки глаза-то у меня были, вѣдь я жила не за монастырской стѣной; я видѣла красивыхъ мужчинъ и видѣла ихъ очень довольно; господа, вѣдь я человѣкъ, я женщина, не могла же я не сокрушаться при мысли, что будь я свободна, такъ этотъ красавецъ могъ быть моимъ, и этотъ, и этотъ.

Лупачевъ.

Какъ: «и этотъ, и этотъ?» да неужто...

Аполлинарія.

Ахъ, какія вы глупости говорите! Я хотѣла сказать: или этотъ, или этотъ...

Лупачевъ.

То-то, а ужь я было подумалъ.

Аполлинарія.

Съ вами невозможно говорить.

Лупачевъ (*взглянувъ на часы*).

Да мнѣ и некогда. Пора на желѣзную дорогу, сейчасъ придетъ поѣздъ.

Зоя.

Вы уѣзжаете?

Лупачевъ.

Нѣтъ, я встрѣчаю.

Зоя.

Кого-нибудь изъ нашихъ общихъ знакомыхъ?

Лупачевъ (*смѣясь*).

Да нашего общаго знакомаго—мужа вашего.

Зоя.

Ахъ, что вы, какъ же это?

Лупачевъ.

Я сегодня получилъ телеграмму.

Зоя.

Почему же онъ меня не извѣстилъ?

Лупачевъ.

Не знаю. Вѣроятно, хотѣлъ сдѣлать вамъ сюрпризъ.

Зоя.

Ахъ, такъ и я съ вами. Поѣдемте, поѣдемте.

Лупачевъ.

Не очень ажитируйтесь. Еще поспѣемъ; это очень близко.

Зоя.

Нѣтъ, поѣдемте! Прощайте, господа.

Аполлинарія.

Зоя, какъ я рада за тебя. А я къ вамъ ужъ завтра утромъ. (*Лупачевъ, Зоя и Аполлинарія уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Пьеръ и Олешунинъ.

Пьеръ.

Охота вамъ ухаживать за женщиной, которая влюблена въ своего мужа, какъ кошка.

Олешунинъ.

Влюблена? Вы думаете? Позвольте вамъ сказать, что вы ошибаетесь.

Пьеръ.

Да вы видѣли, какъ она бросилась встрѣчать мужа!

Олешунинъ.

Она слѣпая женщина, она не видитъ, что онъ ее разлюбилъ давно; онъ ужь забылъ объ ея существованіи и даже не извѣстилъ ея о своемъ пріѣздѣ. А эта ея радость не больше, какъ экзальтація, которая скоро пройдетъ.

Пьеръ.

Однако, вотъ не проходитъ; а она ужь давно замужемъ.

Олешунинъ.

Совѣты сумасшедшей тетки парализируютъ мое вліяніе. Но я ей скоро глаза открою; она увидитъ ясно, что̀ за человѣкъ ея супругъ благовѣрный.

Пьеръ.

И тогда?

Олешунинъ.

Тогда она будетъ цѣнить человѣка по его внутреннимъ достоинствамъ, а не по внѣшнимъ.

Пьеръ.

Ничего этого не будетъ, а если и будетъ, такъ вамъ нѣтъ никакой выгоды; потому что не одни же вы имѣете эти внутреннія достоинства, есть люди, которые имѣютъ ихъ больше вашего.

Олешунинъ.

Но я первый научилъ ее правильно оцѣнивать людей; я ужь и теперь пользуюсь нѣкоторымъ расположеніемъ ея, а тогда она, конечно, предпочтетъ меня всѣмъ.

Пьеръ.

Ничего этого нѣтъ и ничего не будетъ.

Олешунинъ.

Хотите пари?

Пьегъ.

Нѣтъ, не хочу. Да мы съ вами далеко зашли, вернемтесь назадъ. Вы говорите, что откроете ей глаза на счетъ мужа?—такъ знайте, что ни одному слову вашему она не повѣритъ.

Олешунинъ.

Посмотримъ.

Пьеръ.

И все передастъ мужу. А онъ, я вамъ скажу, такой человѣкъ, такой человѣкъ, что...

Олешунинъ.

Такой же онъ человѣкъ, какъ и всѣ люди.

Пьеръ.

Ну, нѣтъ... Онъ такой человѣкъ, такой человѣкъ...

Олешунинъ.

Ну, что «человѣкъ, человѣкъ»!? Не съѣстъ же онъ меня.

Пьеръ.

Ну, не поручусь. Боже мой, что онъ съ вами сдѣлаетъ!

Олешунинъ.

Пожалуйста!.. Не очень-то я его боюсь. Да оставьте этотъ разговоръ; вонъ подходитъ какой-то незнакомый человѣкъ.

Пьеръ.

Это знакомый: Наумъ Ѳедотычъ Лотохинъ, богатый баринъ изъ Москвы. Хотите я и васъ съ нимъ познакомлю?

Олешунинъ.

Пожалуй (*входитъ Лотохинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Пьеръ, Олешунинъ и Лотохинъ.

Пьеръ (*Лотохину*).

Вотъ позвольте васъ познакомить еще съ однимъ изъ нашихъ: Ѳедоръ Петровичъ Олешунинъ.

Лотохинъ (*подавая руку*).

А я Лотохинъ, Наумъ Ѳедотычъ. Очень пріятно, очень пріятно. А гдѣ же Никандръ Семенычъ?

Пьеръ.

Онъ поѣхалъ на желѣзную дорогу встрѣчать пріятеля своего, Аполлона Евгеньевича Окоемова.

Лотохинъ.

Окоемовъ-съ? Вы адресъ его знаете?

Пьеръ.

На Дворянской улицѣ, въ собственномъ домѣ... То-есть, въ домѣ жены, но это все равно. Извощики знаютъ... Вы съ нимъ знакомы?

Лотохинъ.

Нѣтъ, не знакомъ, но онъ мнѣ родственникъ. Племянница моя, впрочемъ, очень дальняя, замужемъ за нимъ.

Пьеръ.

Она сейчасъ была здѣсь.

Лотохинъ.

Очень жаль, что мы не встрѣтились; впрочемъ, я бы ее не узналъ, мы лѣтъ десять не видались. Надо будетъ заѣхать, поглядѣть на ихъ житье-бытье! Что за кроткое созданье была эта сиротка. Она воспитывалась у тетки. Что̀ они, согласно живутъ?

Пьеръ.

А вотъ спросите у Өедора Петровича, онъ у нихъ каждый день бываетъ.

Олешунинъ.

Согласно-то согласно, да не знаю, долго ли это согласіе будетъ продолжаться.

Лотохинъ.

Почему же вы такъ думаете?

Олешунинъ.

Она женщина прекрасная, про нее ничего сказать нельзя; ну, а онъ (*пожимаетъ плечами*)... Не пара ей.

Лотохинъ.

Да не мотаетъ онъ, не соритъ деньгами?

Пьеръ.

Ничего подобнаго.

Олешунинъ.

Ну, все-таки онъ проживаетъ довольно, но, кажется, не выше средствъ.

Лотохинъ.

И слава Богу! Съ меня и довольно, а остальное какъ хотятъ; это ужь ихъ дѣло. Я только съ экономической стороны.

Олешунинъ.

Любопытно бы было присутствовать при ихъ встрѣчѣ. Какимъ холодомъ онъ отвѣтитъ на ея восторги! (*входитъ Жоржъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Пьеръ, Олешунинъ, Лотохинъ и Жоржъ.

Пьеръ.

Откуда ты?

Жоржъ.

Съ желѣзной дороги. Видѣлъ трогательную встрѣчу супруговъ Окоемовыхъ: объятія, поцѣлуи, слезы.

Олешунинъ.

Разумѣется, со стороны жены.

Жоржъ.

Нѣтъ, и со стороны мужа тоже, да еще въ придачу онъ навезъ ей кучу разныхъ дорогихъ подарковъ.

Олешунинъ.

Не понимаю.

Лотохинъ.

Чтъ-жь тутъ непонятнаго? Такъ и должно быть.

Жоржъ (*Лотохину*).

Никандръ Семенычъ, проситъ васъ, если вы свободны, провести сегодня вечеръ у него. Онъ извиняется, что не успѣлъ самъ васъ пригласить; онъ торопился на желѣзную дорогу.

Лотохинъ.

Это все равно. Хорошо, я пріѣду.

Жоржъ.

Поѣдемъ, Пьеръ! (*Лотохину*) До свиданія!

Пьеръ.

Поѣдемъ, Жоржъ! (*Лотохину*) До свиданія!) (*Пьеръ и Жоржъ уходятъ. Олешунинъ молча кланяется и уходитъ въ другую сторону*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Лотохинъ, потомъ Акимычъ.

Лотохинъ.

Что за чудеса! Зоя съ мужемъ живетъ въ трогательномъ согласіи, мотовства нѣтъ; а имѣніе продаютъ за безцѣнокъ? Что ихъ заставляетъ? Никакъ не догадаешься. Ну, утро вечера мудренѣе: завтра заѣду къ нимъ и разберу всѣ дѣла. (*Входитъ Акимычъ*). Что ты, Акимычъ?

Акимычъ (*снявъ шапку*).

Письмо къ вамъ, баринъ батюшка. Думалъ, что, пожалуй, молъ, нужное; такъ и побрелъ васъ розыскивать. Извольте! (*подаетъ письмо*).

Лотохинъ.

Отъ кого бы это? Рука женская. Должно быть отъ Сусанны Сергѣевны?

Акимычъ.

Надо быть, что отъ нихъ-съ. Коронку-то у нихъ на письмахъ я запримѣтилъ, такъ сходственная.

Лотохинъ (*распечатываетъ письмо*).

Надѣнь шапку-то!

Акимычъ.

Ну, вотъ... что ужь... не зима... (*отходитъ къ сторонѣ*).

Лотохинъ (*пробѣжавъ глазами нѣсколько строкъ*).

Что такое, что такое? Глазамъ не вѣрю. (*Читаетъ*). «Милый

дядя! Какъ я рада, что ты въ настоящее время въ Бряхимовѣ. Судьба видимо мнѣ благопріятствуетъ. Мнѣ нужно какъ можно скорѣе продать мое бряхимовское имѣніе; тамъ на мѣстѣ ты скорѣй найдешь покупщика. Пожалуйста, не очень торгуйся. Ты такой скупой, что ужасъ». Батюшки! Что-жь это такое! (*Читаетъ*). «Мнѣ денегъ, дядя, денегъ нужно; отъ нихъ зависитъ нетолько мое счастіе, но и жизнь. Довѣренность и всѣ документы я пришлю завтра, а вѣрнѣе, что сама пріѣду. Вашему хваленому жениху, умному, практичному человѣку, какъ вы его величали, я отказала. Нѣтъ, дядя, не того жаждетъ душа моя. Я не хотѣла много распространяться въ письмѣ, но не могу, нѣтъ силъ скрыть моей радости. Милый дядя, я нашла свой идеалъ; ахъ, милый дядя, я встрѣтила... да, я встрѣтила человѣка... Онъ молодъ, уменъ, образованъ, а какъ хорошъ собой, ахъ, какъ хорошъ!» Ну, эта пѣсенка знакома мнѣ. (*Читаетъ*). «Но, милый дядя, пожалѣй меня, несчастную, есть препятствія! Чтобы побороть ихъ, нужны деньги, нужно много денегъ!» Нѣтъ, я не выдержу, закричу караулъ. (*Читаетъ*). «Для того-то я и продаю имѣніе, я ничего не пожалѣю!» Акимычъ, караулъ! Грабятъ!

Акимычъ.

Чего изволите, баринъ батюшка?

Лотохинъ.

Грабятъ, говорю тебѣ, грабятъ!

Акимычъ.

Что̀ же это! Да, Господи помилуй!

Лотохинъ.

Пойдемъ домой! Грабятъ, грабятъ, караулъ!

(*Занавѣсъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лица:

Аполлонъ Евгеньичъ Окоемовъ.
Зоя Васильевна, жена его.
Аполлинарія.
Лотохинъ.
Олешунинъ.
Лупачевъ.
Пьеръ.
Жоржъ.
Паша, горничная.

Зала въ домѣ Окоемовыхъ, въ глубинѣ входная дверь; направо (отъ актеровъ) дверь въ гостинную, налѣво—въ кабинетъ Окоемова; мебель и вся обстановка приличныя.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Окоемовъ и Аполлинарія (*выходятъ изъ двери налѣво*), потомъ Паша.

Окоемовъ.

Такъ вы безъ меня поживали довольно весело?

Аполлинарія.

Ну, какое веселье! Не знали, куда дѣться отъ скуки.

Окоемовъ.

И за вами никто не ухаживалъ; можетъ ли это быть?

Аполлинарія.

За кѣмъ «за вами»?

Окоемовъ.

За женой моей и за вами.

Аполлинарія.

Да кто же смѣетъ!

Окоемовъ.

О, если за тѣмъ только дѣло стало, такъ смѣлые люди найдутся.

Аполлинарія.

Какъ это у васъ языкъ-то поворачивается такія глупости говорить.

Окоемовъ.

Не понимаю, чего это здѣсь молодые люди смотрятъ! Двѣ женщины свободныя, живутъ однѣ, а молодежь зѣваетъ. Нѣтъ, я бы не утерпѣлъ.

Аполлинарія.

Да перестаньте! какъ вамъ не стыдно! про меня, пожалуй, говорите, что хотите; а про жену не смѣйте! Она васъ ужь такъ любитъ, что и представить себѣ невозможно.

Окоемовъ.

Какъ это ей не надоѣстъ.

Аполлинарія.

Что̀ «не надоѣстъ»?

Окоемовъ.

Да любить-то меня.

Аполлинарія.

Ахъ, что̀ вы говорите! Это невыносимо, невыносимо.

Окоемовъ.

Ну, люби годъ, два, а вѣдь она за мной замужемъ-то лѣтъ шесть, коли не больше.

Аполлинарія.

Вѣдь это мужчины только непостоянны; а женская любовь и вѣрность — до гроба.

Окоемовъ.

Ахъ, не пугайте, пожалуйста! Что-жь вы мнѣ этого прежде не сказали, я бы и не женился.

Аполлинарія.

Да, понимаю... Вы шутить изволите, милостивый государь. Вамъ весело, что вы завоевали два такія преданныя сердца, какъ мое и Зои, вотъ вы и потѣшаетесь. А я-то разглагольствую.

Окоемовъ.

Нѣтъ, что̀ за шутка! Я серьёзно.

Аполлинарія.

Ну, да, какъ же, серьёзно! Вы, я думаю, во всю свою жизнь ни разу серьёзно-то съ женщинами не разговаривали. Да, впрочемъ, вамъ и не нужно, васъ и такъ обожаютъ.

Окоемовъ.

Такъ вы, бѣдныя, скучали? Это жаль. Неужели даже Ѳедя Олешунинъ не посѣщалъ васъ?

Аполлинарія.

Вотъ нашли человѣка.

Окоѣмовъ.

Вы ужь очень разборчивы; чѣмъ же Ѳедя Олешунинъ не кавалеръ! Одинъ недостатокъ: самъ себя хвалитъ. Да это не порокъ. Человѣкъ милый; я его очень люблю.

Аполлинарія.

Ну, ужь позвольте не повѣрить. Это такой скучный, такой непріятный господинъ! А что онъ про васъ говоритъ, кабы вы знали.

Окоемовъ.

Да знаю, все равно; я его за это-то и люблю.

Аполлинарія.

Онъ ужасъ что говоритъ; онъ говоритъ, что женщины не должны обращать вниманія на внѣшность мужчины, не должны обращать вниманія на красоту! Да что-жъ, ослѣпнуть намъ, что ли? Нужно искать внутреннихъ достоинствъ: ума, сердца, благородства...

Окоемовъ.

Да, да, да.

Аполлинарія.

Да скоро-ль ихъ найдешь... Мужчины такъ хитры... Да и вздоръ все это.

Окоемовъ.

Онъ правду говоритъ, правду. Это лучшій другъ мой. И я прошу васъ быть съ нимъ какъ можно любезнѣе. И Зоѣ скажите, чтобъ она была ласковѣе съ Олешунинымъ; этимъ она доставитъ мнѣ большое удовольствіе.

Аполлинарія.

Вотъ ужь не ожидала.

Окоемовъ.

Нѣтъ, я васъ серьёзно прошу.

Аполлинарія.

А коли просите, такъ надо исполнять; я не знаю, у кого достанетъ силъ отказать вамъ въ чемъ-нибудь. Для насъ ваше слово законъ. Зоя такъ васъ любитъ, что она за счастіе сочтетъ сдѣлать вамъ угодное. Да и я... Охъ... еще это неизвѣстно, кто изъ насъ больше любитъ васъ, она или я.

Окоемовъ.

А что-жъ вы молчали до сихъ поръ, что меня любите!

Апэллинарія (*конфузясь*).

Да, можетъ быть, вы не такъ понимаете...

Окоемовъ.

Да что ужь толковать! Ну, берегись теперь!

Аполлинарія.

Ахъ, что вы, что вы!

Окоемовъ.

Да ужь поздно охать-то. (*Обнимаетъ одной рукой Аполлинарію*). Ну, подите-же къ Зоѣ, а то она приревнуетъ; да поговорите ей насчетъ Олешунина.

Паша (*входитъ*).

Ѳедоръ Петровичъ Олешунинъ.

Окоемовъ.

Проси ко мнѣ въ кабинетъ. (*Уходитъ въ кабинетъ, Паша уходитъ въ переднюю*).

Аполлинарія.

Ахъ, что это за мужчина! Онъ какой-то неотразимый. На него и обижаться нельзя, ему все можно простить! (*Входитъ Зоя*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Аполлинарія и Зоя.

Зоя.

Ахъ, тетя, я не могу опомниться отъ радости. Какъ онъ меня любитъ, какъ онъ меня любитъ!

Аполлинарія.

Счастливая ты, Зоя, счастливая!

Зоя.

Прежде онъ иногда бывалъ задумчивъ, какъ будто скучалъ; хоть не часто, а бывало съ нимъ. А вѣдь это, тетя, ужасно видѣть, когда мужъ скучаетъ; какъ-то страшно дѣлается...

Аполлинарія.

Ну, еще бы.

Зоя.

Какой веселый пріѣхалъ, сколько мнѣ подарковъ привезъ; ко мнѣ постоянно съ лаской да съ шутками. Я его давно такимъ милымъ не видала.

Аполлинарія.

Онъ и со мной все шутилъ. Онъ просилъ, чтобъ мы были какъ можно любезнѣе съ Олешунинымъ.

Зоя.

Неужели? Зачѣмъ это?

Аполлинарія.

Онъ говорилъ, что считаетъ его лучшимъ своимъ другомъ и очень хвалилъ его.

Зоя.

Я догадываюсь: онъ, вѣроятно, хочетъ пошутить надъ нимъ, подурачить его. Онъ и прежде любилъ посмѣяться надъ нимъ. Что-жъ, тетя, сдѣлаемъ ему угодное; это для насъ ничего не стоитъ. (*Входятъ изъ кабинета Окоемовъ и Олешунинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Зоя, Аполлинарія, Окоемовъ и Олешунинъ.

Окоемовъ.

Очень, очень, благодаренъ вамъ, добрѣйшій Өедоръ Петровичъ! Изъ моихъ друзей только вы ведете себя, какъ истинно порядочный человѣкъ. Какъ я изъ дому, такъ всѣ и бросили мою жену; хоть умирай со скуки.

Олешунинъ.

Я всегда былъ такъ привязанъ къ Зоѣ Васильевнѣ и къ ея семейству; зачѣмъ же мѣняться мнѣ?

Окоемовъ.

Да я, признаться и не жалѣю, что здѣшняя молодежь безъ меня не обивала мои пороги. Всѣ они такъ пусты, такъ ничтожны, что отъ ихъ разговоровъ, кромѣ головной боли, никакихъ слѣдовъ не остается.

Зоя.

Да, ужь лучше однѣмъ проскучать, чѣмъ слушать глупые анекдоты Пьера или Жоржа.

Аполлинарія.

И другіе не лучше ихъ.

Окоемовъ.

Да ужь и вы-то хороши! что̀ у васъ за интересы, что̀ за разговоры, какъ васъ послушать. Вы такихъ людей, какъ Өедоръ Петровичъ, должны на рукахъ носить. Онъ одинъ затрогиваетъ серьёзные вопросы, одинъ возмущается вашей мелочностью и пустотой. Проще сказать, онъ одинъ между нами серьёзный человѣкъ. Я не говорю, чтобы въ нашемъ городѣ ужь совсѣмъ не было людей умнѣе и дѣльнѣе Өедора Петровича; вѣроятно, есть не мало.

Олешунинъ.

Конечно, но...

Окоемовъ.

Но они съ нами не водятся; а ему спасибо за то, что онъ нашимъ пустымъ обществомъ не гнушается.

Аполлинарія.

Да мы ему и такъ очень благодарны.

Окоемовъ.

Нѣтъ, мало цѣните. Вѣдь мало васъ цѣнятъ, Ѳедоръ Петровичъ?

Олешунинъ.

Но я надѣюсь, что со временемъ...

Окоемовъ.

Непремѣнно, Ѳедоръ Петровичъ, непремѣнно. (*Аполлинаріи*). Вѣдь умныхъ и дѣльныхъ людей ни за что не заманить въ нашу компанію. Они очень хорошо знаютъ, что учить васъ и насъ уму-разуму напрасный трудъ, что ровно ничего изъ этого не выдетъ; а онъ жертвуетъ собой, и не жалѣетъ для васъ краснорѣчія.

Зоя.

Да я всегда съ удовольствіемъ слушаю Ѳедора Петровича.

Окоемовъ.

И прекрасно дѣлаешь, Зоя. Я прошу тебя и впередъ быть какъ можно внимательнѣе къ Ѳедору Петровичу. Его бесѣды тебѣ очень полезны. Не бойся, я къ нему ревновать не стану, я знаю, что онъ человѣкъ высокой нравственности.

Олешунинъ (*пожимая руку Окоемову*).

Благодарю васъ! Вы меня поняли. Я не люблю хвалить себя, я хочу только, чтобъ мнѣ отдавали справедливость. Я скажу вамъ откровенно... я читалъ жизнеописанія Плутарха... Для меня очень странно, за что эти люди считаются великими. Я всѣ эти черты въ себѣ нахожу, только мнѣ нѣтъ случая ихъ выказать.

Окоемовъ.

Можетъ быть, и представится.

Олешунинъ.

Положимъ, что я не считаю себя великимъ человѣкомъ.

Окоемовъ.

Отъ чего же? Это вы напрасно.

Олешунинъ.

Но что я не хуже другихъ, это я знаю вѣрно.

Окоемовъ.

Конечно, конечно Такъ вотъ вы и слушайте, что говоритъ Ѳедоръ Петровичъ. Все это вамъ на пользу. Конечно, истины,

которыя онъ вамъ проповѣдуетъ, такъ сказать, дешевыя, и всякому гимназисту извѣстныя; но вы-то ихъ не знаете. Вотъ въ чемъ его заслуга.

Зоя.

Пойдемте ко мнѣ, Өедоръ Петровичъ, я васъ чаемъ напою съ вареньемъ. (*Уходятъ: Зоя, Аполлинарія и Олешунинъ. Паша показывается изъ передней*).

Паша.

Никандръ Семенычъ. (*Окоемовъ идетъ на встрѣчу. Входитъ Лупачевъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Окоемовъ и Лупачевъ.

Лупачевъ (*подавая руку*).

Ты что-то, я замѣчаю, веселъ пріѣхалъ. Это добрый знакъ. Съ чѣмъ поздравить?

Окоемовъ.

Погоди, еще поздравлять рано.

Лупачевъ.

Но все-таки что-нибудь да есть. Я по глазамъ твоимъ вижу. Ты не мечтатель, пустыми надеждами не увлечешься.

Окоемовъ.

Ну, конечно.

Лупачевъ.

Ты всегда довольно вѣрно расчитываешь шансы.

Окоемовъ.

Всѣ слухи, всѣ свѣдѣнія, которыя я получилъ отъ тебя, оправдались. Могу сказать, что я съѣздилъ не даромъ.

Лупачевъ.

Я не спрашиваю, понравилась ли она тебѣ...

Окоемовъ.

Нѣтъ, отчего же? Все, что говорили, правда; она и довольно молода и хороша собой, характеръ прелестный, живой, веселый.

Лупачевъ.

А существенное?

Окоемовъ.

Достаточно, очень достаточно; самымъ широкимъ требованіямъ удовлетворяетъ. Однимъ словомъ, съ такими средствами доступно все.

Лупачевъ.

Но вѣдь не богаче же Оболдуевой?

Окоемовъ.

О, да, конечно, куда же! У Оболдуевой, кромѣ богатѣйшихъ имѣній, нѣсколько милліоновъ денегъ. Это чортъ знаетъ что такое—это съума можно сойти!.. Десятки тысячъ десятинъ чернозему, сотни тысячъ десятинъ лѣсу, четыре винокуренныхъ завода, полтораста кабаковъ въ одномъ уѣздѣ. Вотъ это кушъ!

Лупачевъ.

Не удалось тебѣ съ ней познакомиться; а хлопоталъ ты очень.

Окоемовъ.

Да, и познакомился бы, еслибъ она была свободна; а то у нея отецъ, человѣкъ съ предразсудками. Меня даже и не пустили въ ихъ общество; отецъ не хотѣлъ, потому, видишь ли, что у меня репутація не хороша.

Лупачевъ.

Да, какже онъ смѣетъ такъ говорить про тебя? Чѣмъ твоя репутація не хороша?

Окоемовъ.

Идіотъ; что съ него взять-то!

Лупачевъ.

Умному человѣку пользоваться своимъ умомъ позволяется, а красивому человѣку пользоваться своей красотой предосудительно. Вотъ какія у нихъ понятія. Оболдуева, кажется, на дняхъ сюда пріѣдетъ; сестра что-то говорила.

Окоемовъ.

Сюда? (*Нѣсколько времени находится въ задумчивости*). Э, да что тутъ думать! Она пріѣдетъ съ отцомъ, онъ ни на шагъ ее отъ себя не отпускаетъ, значитъ мнѣ туда ходу нѣтъ. Это мечты, будемъ говорить о дѣлѣ.

Лупачевъ.

Ты, разумѣется, наводилъ справки?

Окоемовъ.

Самыя подробныя, и документы видѣлъ. Въ моемъ положеніи рисковать нельзя: вѣдь такой шагъ только разъ въ жизни можно сдѣлать.

Лупачевъ.

И что же?

Окоемовъ.

Болѣе полутораста тысячъ доходу.

Лупачевъ.

Брависсимо! Ты меня извини, что я вмѣшиваюсь въ твои дѣла

и вызываю тебя на откровенность! Ты знаешь, что и я тутъ заинтересованъ немножко.

Окоемовъ.

Еще бы!

Лупачевъ.

Значитъ, ея судьба рѣшена. (*Киваетъ по направленію къ гостиной*).

Окоемовъ.

Что жь дѣлать-то! Нужда.

Лупачевъ.

Да уломаешь ли?

Окоемовъ.

Никакого нѣтъ сомнѣнія. Онѣ обѣ съ теткой такой инструментъ, на которомъ я разыграю какую хочешь мелодію. А жаль бѣдную.

Лупачевъ.

Погоди жалѣть-то! Коли она умна, такъ будетъ не бѣднѣй тебя.

Окоемовъ.

Что толковать-то! Ты богатъ какъ чортъ.

Лупачевъ.

Допустимъ и это. Ты меня не попрекай, что я богатъ; я не виноватъ, родители виноваты. Кàкъ они наживали, это не мнѣ судить: я сынъ почтительный, мнѣ только остается грѣшить на ихъ деньги. (*Входятъ Зоя и Олешунинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Окоемовъ, Лупачевъ, Зоя и Олешунинъ.

Зоя.

До свиданія, Ѳедоръ Петровичъ, не забывайте! Мы всегда рады вашему посѣщенію. (*Олешунинъ раскланивается и уходитъ*).

Лупачевъ (*Зоѣ*).

Сіяете!

Зоя.

Сіяю, Никандръ Семенычъ.

Окоемовъ.

Ну, вы побесѣдуйте, а я пойду приведу въ порядокъ кой-какіе счеты.

Лупачевъ.

Прощай! Я уѣду сейчасъ домой; вечеромъ увидимся. (*Окоемовъ уходитъ*).

Зоя.

Ахъ, Никандръ Семенычъ, какъ онъ меня любитъ! Вѣдь ужь мы не первый годъ мужъ и жена, а точно недѣлю тому назадъ обвѣнчаны.

Лупачевъ.

Да, онъ порядочный человѣкъ, онъ свои обязанности помнитъ.

Зоя.

Какія обязанности? Любить жену развѣ обязанность? Я люблю его, потому что онъ мнѣ нравится, я думаю, и онъ тоже.

Лупачевъ.

Когда люди сходятся по любви, такъ они и живутъ въ любви, пока не надоѣдятъ другъ другу; а когда бѣдный человѣкъ беретъ за женой большое приданое, такъ онъ, радъ ли, не радъ ли, а обязанъ любить.

Зоя.

И вы можете такъ дурно думать о моемъ мужѣ и вашемъ другѣ.

Лупачевъ.

Я ничего о немъ не думаю; я говорю только, какъ это обыкновенно бываетъ у людей.

Зоя.

Но развѣ не могутъ быть исключенія?

Лупачевъ.

Конечно, могутъ; и желаю чтобы любовь вашего мужа была исключеніемъ.

Зоя.

Какіе у васъ мрачные взгляды на жизнь!

Лупачевъ.

За то я никогда и не разочаровываюсь, я этого горя не знаю; а вамъ, съ вашими розовыми взглядами, придется разочаровываться постоянно и много страдать.

Зоя.

Не пугайте, пожалуйста!

Лупачевъ.

Предостерегать не значитъ пугать. Пора вамъ, Зоя Васильевна, приходить въ совершеннолѣтіе. Браки между людьми не равнаго состоянія, по большей части, торговыя сдѣлки. Богатый мужчина, если женится на бѣдной, то говорятъ, что онъ беретъ ее за красоту; то есть, проще сказать, платитъ деньги за ея красоту.

Зоя.

Какъ это хорошо покупать женщинъ за деньги!

Лупачевъ.

Точно также не хорошо и женщинамъ покупать красивыхъ мужей.

*

З о я.

Да этого никогда не бываетъ, вы клевещете на женщинъ.

Л у п а ч е в ъ.

Нѣтъ, бываетъ и очень часто.

З о я.

И что же это за женщины, которыя безъ любви выходятъ замужъ за богатыхъ людей? Это значитъ продавать себя. Это развратъ. Я презираю такихъ женщинъ.

Л у п а ч е в ъ.

Погодите презирать, погодите! Во-первыхъ, ни одна женщина не скажетъ вамъ, что она выходитъ замужъ по разсчету, а будетъ увѣрять, что любитъ своего жениха. И не вѣрить ей не имѣете никакого права, потому что въ ея душѣ не были. Во-вторыхъ, дѣвушки часто жертвуютъ собой, чтобъ спасти отъ нищенства свою семью, чтобъ поддержать бѣдныхъ престарѣлыхъ родителей.

З о я.

Ахъ, да, конечно. Я поторопилась. Извините!

Л у п а ч е в ъ.

Погодите, погодите! Продавать себя богатому мужу, конечно, развратъ; но и богатой женщинѣ разбирать красоту мужскую, и покупать себѣ за деньги мужа, самаго красиваго—тоже развратъ; но тутъ есть разница: между продающими себя часто попадаются экземпляры очень умные и съ сильными характерами; тогда какъ тѣ, которыя бросаются на красоту, по большей части, отличаются пустотою головы и сердца.

З о я.

Вы не знаете женщинъ, оттого такъ и говорите.

Л у п а ч е в ъ.

Нѣтъ, знаю лучше васъ. Деньги, это дѣло прочное, существенное, а красота блестящая игрушка, а на игрушки бросаются только дѣти.

З о я.

Зачѣмъ вы мнѣ это говорите?

Л у п а ч е в ъ.

На всякій случай; можетъ быть, и пригодится.

З о я.

Вы ужасны, васъ слушать невозможно.

Л у п а ч е в ъ.

Какъ хотите, я съ своими разговорами не навязываюсь.

З о я.

Но иногда и боль бываетъ пріятна, и потому я васъ слушаю.

Лупачевъ.

Вотъ и вашъ бракъ. Я не знаю, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ слѣдствіемъ обоюдной горячей любви—это вамъ знать; но, въ глазахъ посторонних, онъ имѣлъ видъ торговой сдѣлки.

Зоя.

Нѣтъ, ужь это слишкомъ! я вамъ говорю, что я люблю Аполлона, люблю и люблю безумно.

Лупачевъ.

Безумно? Ну, и прекрасно: такъ ужь и не сѣтуйте, не жалуйтесь и принимайте съ покорностью послѣдствія, которыя непремѣнно слѣдуютъ за всякимъ безуміемъ.

Зоя.

Это что еще?

Лупачевъ.

А вотъ будемте продолжать разговоръ. Угодно?

Зоя.

Хорошо... Истощайте мое терпѣніе...

Лупачевъ.

Въ бракахъ, которые основаны на денежныхъ разсчетахъ, любовь пропорціональна деньгамъ: чѣмъ больше денегъ, тѣмъ больше и любви; убываютъ деньги и любовь убываетъ, кончаются деньги, и любовь кончается, а часто и раньше, если въ другомъ мѣстѣ окажется для нея богатая практика.

Зоя.

Послушайте, я на васъ буду мужу жаловаться.

Лупачевъ.

Жалуйтесь! А если вашъ мужъ думаетъ такъ же, какъ и я? тогда кому жаловаться.

Зоя.

Во всякомъ случаѣ, ужь не вамъ.

Лупачевъ.

Напрасно. Вы меня не обѣгайте я гожусь на многое. До свиданія (*подаетъ руку*). Быть хорошенькой женщиной—привилегія большая.

Зоя.

Да, это по вашей денежной теоріи.

Лупачевъ.

Что-жь дѣлать! Прежде была теорія любви, теперь теорія денегъ.

Зоя.

Прощайте; извините! Разговоръ зашелъ такъ далеко, что я боюсь услышать отъ васъ что-нибудь дерзкое. (*Лупачевъ уходитъ*).

Сколько разъ меня разстроивалъ этотъ человѣкъ. Послѣ каждаго разговора съ нимъ щемитъ сердце, какъ передъ бѣдой. Ужъ лучше разочароваться и страдать, чѣмъ совсѣмъ не вѣрить въ людей. (*Входитъ Лотохинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Зоя и Лотохинъ.

Лотохинъ.

Не узнали? (*Молчаніе*). Ну, задумались; такъ значитъ не узнали. Родственникъ вашъ, только дальній.

Зоя.

Ахъ, Наумъ Ѳедотычъ! То-то мнѣ сразу что-то очень знакомое показалось, да боялась ошибиться. Да вѣдь ужъ сколько лѣтъ мы не видались-то!

Лотохинъ.

Да лѣтъ шесть, коли не больше.

Зоя.

Забыли вы меня, совсѣмъ забыли.

Лотохинъ.

Вы въ Москвѣ не бываете, мнѣ сюда не дорога — вотъ и не видались; а забыть, какъ можно! Помнимъ. Знаемъ, что вы живете подъ крылышкомъ у тетеньки Аполлинаріи Антоновны, изрѣдка получаемъ отъ нея извѣстія о васъ... Кстати, какъ ея драгоцѣнное здоровье?

Зоя.

Она здорова.

Лотохинъ.

И все такъ же молода душой?

Зоя.

Все такъ же.

Лотохинъ.

Ну, вотъ и прекрасно. Надо правду сказать, слуховъ объ васъ было мало; но это я считаю хорошимъ знакомъ. По пословицѣ: нѣтъ вѣстей — хорошія вѣсти. Знаемъ, что вы вышли замужъ, слышали, что живете согласно, порадовались за васъ. Да и намъ полегче на душѣ стало, одной заботой меньше: выпустили птенца изъ гнѣздышка, пусть порхаетъ на своей волѣ.

Зоя.

Ахъ, Наумъ Ѳедотычъ, какъ онъ меня любитъ!

Лотохинъ.

Кто, онъ-то?

Зоя.

Мужъ.

Лотохинъ.

Ну, слава Богу, слава Богу! Что-жь тутъ удивительнаго, что онъ васъ любитъ! это его прямая обязанность.

Зоя.

Нѣтъ, вы представьте... ахъ, милый Наумъ Ѳедотычъ, вы только представьте себѣ, какъ онъ меня любитъ, какъ балуетъ...

Лотохинъ.

Да-съ, ужь это обыкновенно такъ бываетъ; я очень радъ-съ. Вы мнѣ сказали, ну, я такъ знать и буду, и распространяться объ этомъ нечего.

Зоя.

Нѣтъ, я не могу... Ахъ, кабы вы знали!.. Вѣдь мнѣ всѣ завидуютъ.

Лотохинъ.

Завидуютъ? Чему же-съ?

Зоя.

Да вѣдь онъ у меня красавецъ.

Лотохинъ.

Красавецъ? Да-съ... это дѣло другого рода... Виноватъ-съ. Это обстоятельство значительно усложняетъ дѣло и вы ужь мнѣ позвольте предложить вамъ нѣсколько вопросовъ.

Зоя.

Сдѣлайте одолженіе! Я очень рада отвѣчать на всѣ ваши вопросы; я такъ довольна, такъ счастлива!

Лотохинъ.

Позвольте-съ! Красавецъ! Значитъ, тутъ любовь-съ безотчетная и безрасчетная.

Зоя.

Да, да, страстная любовь и взаимность; однимъ словомъ, полное счастіе...

Лотохинъ.

Изъ всего этого позвольте мнѣ заключить, что у него собственнаго состоянія не было.

Зоя.

Ахъ, да какое же мнѣ до этого дѣло! Никогда я не спрашивала, есть у него состояніе, или нѣтъ. Того, что у насъ есть, съ насъ довольно, и мы живемъ очень хорошо; а мое ли, его ли состояніе, это рѣшительно все равно. Мы мужъ и жена, зачѣмъ намъ дѣлить? У насъ все общее.

Лотохинъ.

Неоспоримая истина. Противъ этого и говорить ничего нельзя.

Зоя.

Я думаю.

Лотохинъ.

Но если у него не было состоянія, такъ долговъ не было ли? Вы не удивляйтесь, что я васъ о долгахъ спрашиваю! У мужчинъ красавцевъ постоянно бываютъ долги—это ихъ всегдашняя принадлежность.

Зоя.

Ничего этого я не знаю. Я знаю только одно, что мы любимъ другъ друга, съ меня этого довольно.

Лотохинъ.

Конечно, довольно: чего-жь еще-съ!

Зоя.

Какъ съ вами легко и пріятно говорить, вы во всемъ со мной соглашаетесь; а другіе такъ осуждаютъ меня за мою неразсчетливость, за мою довѣрчивость.

Лотохинъ.

Какъ можно осуждать! Сохрани Богъ. Но у васъ, когда вы были дѣвицей, былъ большой капиталъ.

Зоя.

Да, я знаю.

Лотохинъ.

Гдѣ же онъ, какъ вы имъ распорядились?

Зоя.

Онъ тамъ... у него... Вѣдь должна же я была принести мужу приданое. Вы только подумайте, Наумъ Ѳедотычъ; онъ явился, ослѣпилъ здѣсь всѣхъ; всѣ дѣвушки и женщины стали бредить имъ. Вѣдь рѣшительно всѣ, даже и тѣ, которыя не имѣли никакого права на него, то есть, разныя безприданницы. Онъ былъ на расхватъ, за нимъ ухаживали до безстыдства... Я его полюбила съ перваго взгляда; но гдѣ же мнѣ! Это все устроила тетя; я ей обязана. Разумѣется, тутъ помогло больше всего счастье; что я передъ нимъ! Онъ могъ бы взять гораздо больше приданаго.

Лотохинъ.

Но у васъ еще есть отличное имѣніе.

Зоя.

Оно мнѣ досталось послѣ свадьбы отъ дяди.

Лотохинъ.

Значитъ, вы живете на проценты съ капитала и на доходы съ имѣнія?

Зоя.

Да, конечно.

Лотохинъ.

И вамъ достаточно?

Зоя.

Совершенно достаточно.

Лотохинъ.

Зачѣмъ же вы продаете имѣніе?

Зоя.

Какое имѣніе?

Лотохинъ.

Ваше наслѣдственное, золотое дно.

Зоя.

Это не мое дѣло; если онъ продаетъ, значитъ, нужно.

Лотохинъ.

И должно быть, очень нужно, потому что имѣніе продается за безцѣнокъ.

Зоя.

Ка̀къ за безцѣнокъ? Что̀ это значитъ?

Лотохинъ.

А вотъ я вамъ сейчасъ объясню. Что̀ стоитъ это ваше колечко?

Зоя.

Сто рублей.

Лотохинъ.

Продайте мнѣ его за пятьдесятъ.

Зоя.

Зачѣмъ же его продавать за пятьдесятъ, когда оно стоитъ сто? да притомъ же оно мнѣ дорого: это подарокъ мужа.

Лотохинъ.

Вотъ и имѣніе стоитъ сто тысячъ, а продается за пятьдесятъ; да, кромѣ того, оно должно быть вамъ дорого, потому что это имѣніе дѣдовъ вашихъ, тамъ они родились и умерли.

Зоя.

Право, Наумъ Ѳедотычъ, я ничего не знаю. Вы поговорите съ мужемъ.

Лотохинъ.

Да-съ, я затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы оно не доставалось чужимъ; все-таки въ нашемъ роду будетъ.

Зоя.

Я сейчасъ позову мужа. (*Подходитъ къ дверямъ кабинета*). Аполлонъ, Аполлонъ! (*Входитъ Окоемовъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Зоя, Лотохинъ и Окоемовъ.

Зоя (*Лотохину*).

Вотъ мой мужъ, Аполлонъ Евгеньичъ Окоемовъ! (*Мужу*). Это, Аполлонъ, нашъ родственникъ, Наумъ Өедотычъ Лотохинъ; онъ нарочно пріѣхалъ сюда, чтобы купить наше имѣніе.

Окоемовъ.

Ахъ, очень радъ! очень пріятно познакомиться.

Лотохинъ.

Я давно знаю ваше имѣніе и могъ бы купить его за глаза, но я все-таки съѣздилъ его посмотрѣть; я вчера только оттуда. Поразстроили вы его немножко, лѣску убыло.

Окоемовъ.

Разворовали, Наумъ Өедотычъ. Присмотру нѣтъ, я очень плохой хозяинъ; потому я его и продаю.

Лотохинъ.

Ужъ это ваше дѣло. Чѣмъ вамъ съ комиссіонерами возиться, я у вась его куплю безъ всякаго посредничества. Цѣна не дорогая, какъ я слышалъ, мы кончимъ въ два слова. Документы у васъ готовы?

Окоемовъ.

Все готово, и справки всѣ ужь собраны, остается только купчую совершить.

Лотохинъ.

Такъ ужь вы не хлопочите, вамъ не сдѣлаютъ такъ скоро, какъ мнѣ; я слово знаю. Я сейчасъ же отсюда заѣду къ старшему нотаріусу. Пожалуйте документы.

Окоемовъ.

Благодаренъ вамъ, очень благодаренъ. Сію минуту доставлю, они у меня на столѣ. (*Уходитъ въ кабинетъ*).

Зоя.

Вы долго здѣсь пробудете?

Лотохинъ.

Да вотъ только устрою дѣлишки.

Зоя.

Надѣюсь, вы не въ послѣдній разъ у насъ.

Лотохинъ.

Конечно, куда же мнѣ здѣсь дѣться? Я никого не знаю. Да и вы, вѣроятно, не откажетесь посѣтить меня?

Зоя.

Завтра же заѣдемъ съ мужемъ. (*Входитъ Окоемовъ и подаетъ пакетъ Лотохину*).

Окоемовъ.

Тутъ все, что нужно. Позвольте, я только возьму довѣренность.

Лотохинъ.

Да на что она вамъ? Мнѣ она нужнѣе, я велю съ нея снять копію. Я такъ облуплю яичко, что вамъ останется только въ ротъ положить. Въ деньгахъ задержки не будетъ; мнѣ купчую въ руки, а вамъ деньги, всѣ до одной копеечки.

Окоемовъ.

А ка̀къ вы думаете, скоро эта процедура можетъ кончиться?

Лотохинъ.

Дня въ три, въ четыре, не больше.

Зоя.

Пріѣзжайте обѣдать къ намъ. Когда вамъ угодно.

Лотохинъ.

А вотъ кончимъ дѣло, тогда и пообѣдаемъ и спрыснемъ покупку. До пріятнаго свиданія. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Окоемовъ и Зоя.

Зоя (*съ лаской*).

Какъ я рада, что хоть это дѣло такъ хорошо устроилось Ты такъ хлопочешь, такъ безпокоишься, мой милый! Ѣздилъ по дѣламъ въ Москву, прожилъ тамъ больше мѣсяца, безъ меня. Я ужь не говорю про себя, я для тебя все перенести готова; но какъ тебѣ-то, я думаю, было скучно безъ меня.

Окоемовъ.

Да, милая Зоя, имѣніе мы продадимъ, съ этой стороны я покоенъ; но этого мало, и заботы у меня все-таки остаются.

Зоя.

Какія же заботы, мой другъ?

Окоемовъ.

Зоя, я заранѣе прошу твоего извиненія; я скажу тебѣ много непріятнаго для тебя и неожиданнаго; я во многомъ долженъ буду признаться передъ тобой.

Зоя.

Ахъ, мой другъ, только будь откровененъ, я заранѣе тебя во всемъ извиняю.

Окоемовъ.

Зоя, я много долженъ.

Зоя.

Только-то? Это еще бѣда не большая. Заплатимъ; ну, въ крайнемъ случаѣ, продадимъ все, будемъ жить бѣдно, будемъ работать. Я для тебя на все готова. Я умѣю вязать, умѣю вышивать, вотъ посмотри. (*Показываетъ работу*).

Окоемовъ.

Все это вздоръ! Перестань ребячиться. Наступаетъ время, когда ты должна взглянуть на жизнь серьёзно. Я попалъ въ такія тиски, что всего твоего состоянія мало, чтобы выручить меня. Потомъ, я не могу жить въ бѣдности, да и ты не можешь; это пустыя мечты.

Зоя.

Милый, что же дѣлать? Ну, вѣдь есть же какое-нибудь средство, есть же?

Окоемовъ.

Одно.

Зоя. (*Дрожа*).

Какое, какое?

Окоемовъ.

Намъ нужно разойтись.

Зоя.

Какъ «разойтись?» Что это? Я не понимаю.

Окоемовъ.

Разводъ, Зоя...

Зоя.

Ты шутишь, ты шутишь надо мной? Ну, скажи, милый, ты шутишь?

Окоемовъ.

Не до шутокъ мнѣ, Зоя; дѣло серьёзное.

Зоя. (*Бросаясь къ мужу и обнимая его*).

Нѣтъ, нѣтъ, не отдамъ... умру, умру, а не отдамъ тебя. Не мучь меня! Я умираю, у меня захватываетъ дыханіе. Милый мой, милый мой! Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно.

Окоемовъ.

Успокойся, Зоя, будь благоразумнѣе! Никто меня не отнимаетъ у тебя.

Зоя.

Такъ говори, говори! Что-жь это? Я ничего не понимаю.

Окоемовъ.

Мы съ тобой не разстанемся, мы только разведемся формальнымъ образомъ.

Зоя. (*Хватаясь за голову, садится*). Какъ... за чѣмъ... что̀ же будетъ?

Окоемовъ.

Слушай, Зоя: я ужъ раззорилъ тебя; весь твой капиталъ пошелъ на уплату моихъ долговъ; часть денегъ, которыя получимъ за имѣніе, пойдетъ туда же. Что̀ у насъ останется? Развѣ могу я простить себѣ, что довелъ тебя до нищеты? Я долженъ загладить свою вину и во что бы то ни стало, возвратить тебѣ состояніе.

Зоя.

Но какъ же это ты сдѣлаешь?

Окоемовъ.

Я пойду на все, даже на преступленіе.

Зоя.

Это страшно! не говори такъ! Ахъ, прошу тебя, не говори!

Окоемовъ.

Другіе умомъ, оборотливостью, талантомъ зарабатываютъ себѣ состояніе; а у меня этого нѣтъ. У меня только одно достоинство: красивая наружность, я нравлюсь женщинамъ; этимъ я и хочу воспользоваться.

Зоя.

Ахъ, что̀ ты говоришь! Аполлонъ! пожалѣй меня!

Окоемовъ.

Не возражай, Зоя! То, что я говорю, дѣло рѣшеное; другого выхода изъ моего положенія нѣтъ. Въ Москвѣ я случайно познакомился съ одной дамой. Не ревнуй! Она старуха и безобразна до крайности. Мы часто встрѣчались съ ней у моихъ знакомыхъ; она думала, что я холостой и, на старости лѣтъ, влюбилась въ меня до безумія.

Зоя.

Ты бы сказалъ ей, что ты женатъ.

Окоемовъ.

Разумѣется, сказалъ; не обманывать же ее; она, конечно, опечалилась; но...

Зоя.

Что, «но?» Договаривай!

Окоемовъ.

Но обѣщала мнѣ полмилліона, если я разведусь съ тобой. (*Зоя плачетъ*). Не плачь, Зоя, полмилліона все-таки деньги! Ты для меня всѣмъ пожертвовала, долженъ же и я сдѣлать что-нибудь для тебя! Она проживетъ не долго; прямыхъ наслѣдниковъ у ней нѣтъ, все достанется мнѣ и тогда мы съ тобой опять вмѣстѣ, мы будемъ счастливы, богаты и ужь навѣкъ нераз-

лучны. Не плачь же, я ужь тебѣ говорилъ, что это дѣло рѣшеное; такой случай можетъ не повториться; надо быть совсѣмъ сумасшедшимъ, чтобы не воспользоваться имъ. Я близокъ къ нищетѣ, къ позору, къ отчаянію, быть можетъ, къ самоубійству; потому что, вмѣстѣ съ собой, я погубилъ и тебя; я не буду знать ни дня, ни ночи покою, меня замучатъ угрызенія совѣсти. И въ такомъ положеніи отказываться отъ денегъ, отъ богатства?

Зоя (*сквозь слезы*).

Ну, что-жъ? разведемся.

Окоемовъ.

Я навсегда обезпечу тебя и себя.

Зоя.

Я ничего отъ тебя не возьму.

Окоемовъ.

Я, по крайней мѣрѣ, возвращу тебѣ все, что отнялъ у тебя. Зоя, ты меня презираешь?

Зоя.

Еслибъ я презирала тебя, я бы не стала тебя слушать и ушла отъ тебя. Да, ты стоишь презрѣнія; но я, къ несчастію, люблю тебя и жалѣю; я не хочу, чтобъ ты жаловался, что я помѣшала твоему счастію... Разведемся.

Окоемовъ (*цѣлуетъ руку жены*).

Благодарю тебя, милая Зоя. Ты героиня! Я теперь только понялъ, на какія жертвы способна любящая женщина. Но, Зоя...

Зоя.

Что еще?

Окоемовъ.

Ты знаешь законы о разводѣ?

Зоя.

Слыхала...

Окоемовъ.

Надо дѣлать такъ, чтобъ я могъ жениться...

Зоя (*съ печальной улыбкой*).

Конечно. Иначе за чѣмъ же и разводиться. Что̀ же тебѣ отъ меня нужно?

Окоемовъ.

Нужно, Зоя, чтобъ ты была виновата.

Зоя.

Какъ виновата, въ чемъ?

Окоемовъ.

Чтобъ я могъ уличить тебя въ невѣрности — несомнѣнно, со свидѣтелями.

Зоя.

Ахъ! ахъ! нѣтъ, нѣтъ! Ты забылся, Аполлонъ! Ты съ ума сошелъ! Ты говоришь съ честной женщиной и вспомни, кто я! Несчастный, ты забылъ уваженіе ко мнѣ... Чѣмъ я это заслужила (*плачетъ*)!

Окоемовъ.

Да ты и останешься честной женщиной; вѣдь всѣ будутъ знать, что это комедія, что это только предлогъ...

Зоя.

Да, нѣтъ, нѣтъ! невозможно! Ты не знаешь, что̀ такое порядочная женщина. Вы все судите по себѣ... Вы, мужчины, всѣ такъ развратны, для васъ нравственнаго чувства не существуетъ, вы не боитесь грязи... А порядочная женщина брезглива... Ты только представь себѣ: дѣвушка, совершенно чистое существо... она полюбила тебя, вышла за тебя замужъ, чтобы любить тебя всю жизнь; любовь для нея святыня, торжество; она лелѣетъ, бережетъ ее! Она знаетъ, что съ такой любовью къ мужу, она всю жизнь, куда бы ее ни забросила судьба, останется чиста, непогрѣшима, уважаема всѣми... съ этой любовью она неуязвима! Любовь къ мужу поддерживаетъ ее, спасаетъ; любовь— это ея душа. И ты хочешь, чтобъ я посрамила это чувство какимъ-то притворствомъ, какой-то комедіей! Да чѣмъ же мнѣ жить послѣ? что̀-жь у меня въ душѣ останется, для чего мнѣ существовать, когда любовь моя къ тебѣ будетъ поругана мной? Вѣдь у меня нѣтъ ничего; нѣтъ ума, нѣтъ знанія жизни, теперь даже нѣтъ и средствъ, у меня только одна чистота, непорочность; зачѣмъ же я ее грязнить стану?

Окоемовъ.

Сколько разъ я говорилъ тебѣ, Зоя; смотри легче на жизнь, смотри легче; съ такими правилами нельзя жить! Жизнь должна быть весела, легка, пріятна; а вѣдь такъ, какъ ты разсуждаешь—это ужь не жизнь, а вѣчная трагедія.

Зоя.

Нѣтъ, нѣтъ! обвиняй меня въ чемъ хочешь, только моей любви, моей души не тронь! Ну, скажи, что я зла, ревнива, что я сумасшедшая, что я могу убить тебя, что я глупа, идіотка...

Окоемовъ.

Да за это не разведутъ! Зоя, чего ты боишься? Мы такъ устроимъ, что твоей невѣрности никто не повѣритъ; мы пріищемъ тебѣ самаго смѣшного любовника; ну, хоть Ѳедора Петровича... Ну, развѣ возможно представить, чтобъ ты серьёзно полюбила его...

Зоя.

Нѣтъ, невозможно, это возмущаетъ меня.

Окоемовъ.

Зоя, спаси меня! (*падаетъ на колѣни*).

Зоя.

Нѣтъ, не могу; это выше моихъ силъ. Придумай что-нибудь другое.

Окомоквъ (*встаетъ*).

А когда такъ, прощай! (*Беретъ Зою за руку*). Прощай, моя милая! Взгляни на меня! Ты меня видишь въ послѣдній разъ. Ты меня ничѣмъ не воротишь и нигдѣ не найдешь. Услыхать-то обо мнѣ, ты услышишь; твое упрямство принесетъ плоды... Ты отнимаешь у меня больше полумилліона; ты отнимаешь у меня возможность расплатиться съ долгами, возвратить то, что я похитилъ у тебя; ты отнимаешь у меня послѣднее средство примириться съ совѣстью и сдѣлаться порядочнымъ, честнымъ человѣкомъ: ты отнимаешь у меня надежду провести жизнь въ довольствѣ, счастливо, безъ горя и волненій... И ты думаешь, что я могу равнодушно перенести это, не впасть въ отчаяніе... Ты услышишь обо мнѣ! Для меня дорога одна: развратъ, пьянство, мошенничество... Я буду воровать... да, воровать — и ты услышишь все это. Я сейчасъ же уѣзжаю, и пропаду для тебя безъ слѣда. Прощайся со мной! Прощайся, Зоя, навсегда!

Зоя (*почти безъ чувствъ*).

Я со-глас-на! (*падаетъ въ обморокъ*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Лица:

Лотохинъ.
Сосипатра Семеновна.
Сусанна Сергѣевна Лундышева, молодая вдова, племянница Лотохина.
Пьеръ.
Акимычъ.

Комната въ гостинницѣ, довольно прилично меблированная, двѣ двери: одна съ лѣвой стороны, другая въ глубинѣ въ переднюю: на стѣнѣ зеркало.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лотохинъ входитъ изъ средней двери, за нимъ Акимычъ.

Лотохинъ.

Скажи въ конторѣ, чтобы фамилію Сусанны Сергѣвны не писали на доскѣ, чтобы номера, которые она заняла, отмѣтили за мной! Да не болтай ничего! Кто будетъ спрашивать, говори, что молъ дальняя родственница барина, проѣздомъ въ имѣніе, въ другую губернію, всего молъ, на одинъ день. Завтра уѣзжаютъ.

Акимычъ.

Слушаю, баринъ батюшка. Только Сусанна Сергѣвна, надо полагать надолго, пріѣхали.

Лотохинъ.

Почему же ты такъ думаешь?

Акимычъ.

Чемодановъ, да сундуковъ больно съ ними много. Давеча какъ принялась Дуняша разбирать, такъ Боже ты милостивый, цѣлую комнату завѣсила, какихъ такихъ платьевъ нѣтъ! И съ кружевами и съ цвѣтами, и съ живыми птицами райскими. Однѣхъ

шляпокъ никакъ дюжина. Какъ есть цѣлый магазинъ. Опять же этого бѣлья сквозного, съ дырочками, да съ рѣшеточками, конца нѣтъ. Одна штука съ широкими рукавами, другая совсѣмъ безъ рукавовъ, и не придумаешь на чемъ она держится.

Лотохинъ.

Ну, по платью никакъ не узнаешь, на долго ли онѣ ѣдутъ: что на день, что на мѣсяцъ, у нихъ все одно. Платья два-три — говоритъ, непремѣнно нужно взять, да на всякій случай еще пятнадцать, вотъ и наберется ихъ много. Ну, ступай же въ контору и распорядись, какъ я тебѣ приказывалъ.

Акимычъ.

Слушаю, баринъ батюшка. Въ одну минуту.

(*Уходитъ; изъ лѣвой двери выходитъ Сусанна*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Лотохинъ и Сусанна.

Сусанна.

Ну, милый дядюшка, теперь примемся за дѣло. Времени терять не надо. Вотъ документы. Извольте поглядѣть, все ли тутъ, что нужно.

Лотохинъ (*беретъ документы*).

А вотъ мы положимъ ихъ пока въ карманъ, къ прочимъ таковымъ же. На это завтра время будетъ; утро вечера мудренѣе. А теперь побесѣдуемъ. (*Садятся*). На долго вы сюда пожаловали?

Сусанна.

Я не знаю.

Лотохинъ.

А зачѣмъ? Вѣроятно, тоже не знаешь.

Сусанна.

Нѣтъ, знаю, да не скажу.

Лотохинъ.

А я и спрашивать не стану. Ну, вотъ, что̀ взяла?

Сусанна.

Ну, нѣтъ ужъ дядюшка, прошу извинить. Перемѣните тонъ, тутъ шутки не у мѣста.

Лотохинъ.

Значитъ, дѣло серьёзное?

Сусанна.

Очень серьёзное. Я вѣдь женщина рѣшительная.

Лотохинъ.

Ну, слава Богу. Всю жизнь пустяками да тряпками занималась, а теперь серьёзничать стала. Радъ, очень радъ.

Сусанна.

Да, очень серьёзное, очень серьёзное дѣло... и даже секретное... Конечно, и поговорить и посовѣтоваться я бы не прочь, а всего лучше съ тобой, но только съ уговоромъ.

Лотохинъ.

Диктуйте ваши условія.

Сусанна.

Чтобъ никакихъ возраженій, ни наставленій не было; я совершеннолѣтняя.

Лотохинъ.

Да съ чего ты выдумала, что я буду читать тебѣ наставленія? Нужно очень! Да живите какъ знаете, только меня не троньте.

Сусанна.

Да, любезный дядюшка, дѣло серьёзное, ахъ! очень для меня серьёзное. (*Встаетъ и подходитъ къ зеркалу*). А что̀, дядя, я могу нравиться?

Лотохинъ.

Ахъ ты, курочка моя! Ишь ты выдумала! Да такая женщина можетъ съ ума свести. Вѣдь ужь я старикъ, а и меня ты заживое задѣла. Такая ты милая, хорошая сегодня, что вотъ все посматриваю, съ которой стороны поцѣловать тебя, чтобы туалету не нарушить.

Сусанна.

Ахъ, какъ это смѣшно! Ну что такое туалетъ! Чему онъ мѣшаетъ! Родной дядя, да туалета боится. Что-жь, не за версту-жь тебѣ губы тянуть.

Лотохинъ (*цѣлуя Сусанну*).

Будь я помоложе, такъ не побоялся бы. Большую тревогу въ мужскомъ сердцѣ-ты можешь произвесть.

Сусанна (*довольнымъ тономъ*).

Ахъ, дядя! какой вы милый!

Лотохинъ.

Что̀ ужъ! Очаровательница! хороша то хороша, да умѣешь и товаръ лицомъ показать; ну, мужчинамъ-то и смерть.

Сусанна (*совершенно довольная*).

Ахъ ты, дядя, какой! (*Грозитъ пальцемъ*). А какъ ты хорошо меня понимаешь. И вѣдь это все ты вправду, безъ хитрости?

Лотохинъ.

Да какая же мнѣ корысть лгать-то?

Сусанна.

Ну, благодарю. Да, вотъ съ такимъ человѣкомъ можно говорить обо всемъ; ну, а ужь съ другимъ ни за что бы...

Лотохинъ.

Ну, и поболтаемъ; благо, время свободное.

Сусанна.

Дѣло-то вотъ какое: я влюблена, милый дядюшка.

Лотохинъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго; это очень натурально.

Сусанна.

Я женщина свободная и со средствами, я хочу выйти замужъ за того человѣка, котораго люблю.

Лотохинъ.

Превосходно.

Сусанна.

Я увидала его въ Москвѣ, тамъ познакомилась съ нимъ и полюбила. Вотъ тебѣ начало исторіи.

Лотохинъ.

Пока исторія очень обыкновенная. Теперь, значитъ, дѣло стало за тѣмъ, чтобъ узнать, что̀ это за человѣкъ и стоитъ ли его любить, а тѣмъ паче, выходить замужъ. Потому что пословица говоритъ: семь разъ отмѣряй, а одинъ отрѣжь.

Сусанна.

Что̀ это значитъ? Какъ отмѣрять? Я не понимаю.

Лотохинъ.

Это очень просто. Напримѣръ: ты нанимаешь повара... Для тебя что̀ нужно? Чтобъ онъ не оставлялъ тебя безъ обѣда, чтобъ не отравилъ тебя.

Сусанна.

Да, конечно.

Лотохинъ.

Поэтому ты собираешь объ немъ справки, требуешь аттестата, чтобъ узнать, гдѣ онъ жилъ, у какихъ господъ, знаетъ ли свое дѣло и какъ велъ себя.

Сусанна.

Это повара, а если мужа... такъ какъ же?

Лотохинъ.

И мужа также. Ты стараешься узнать, въ какомъ онъ былъ обществѣ, его знакомство, интимный кружокъ.

Сусанна.

Зачѣмъ же мнѣ это?

Лотохинъ.

Но если онъ былъ въ обществѣ шуллеровъ, или червонныхъ

валетовъ, такъ вѣдь такой тебѣ негодится, чай? Какъ ты думаешь?

Сусанна.

Ну, само собой, нечего и думать.

Лотохинъ.

А если и изъ порядочнаго общества, такъ надо узнать, не долженъ ли.

Сусанна.

Зачѣмъ? Нѣтъ, это не надо. Можно заплатить.

Лотохинъ.

Да вѣдь каковъ долгъ? Другому кавалеру и вся-то цѣна грошъ, а долгу-то натощахъ не выговоришь. А если долговъ нѣтъ, такъ нѣтъ ли какихъ обязательствъ.

Сусанна.

Какія еще обязательства?

Лотохинъ.

А вотъ какія: я дворянинъ, тамъ, или чиновникъ и кавалеръ такой-то, обязуюсь жениться на мѣщанкѣ такой-то слободы, дѣвицѣ Милитрисѣ Кирбитьевнѣ, въ чемъ и даю сію росписку.

Сусанна.

Да развѣ такія обязательства бываютъ?

Лотохинъ.

Бываютъ. Одна моя знакомая недавно вышла замужъ, такъ у мужа-то такихъ обязательствъ оказалось четыре.

Сусанна.

Четыре. Какъ много!

Лотохинъ.

Достаточно и одного, и то скандалу-то не оберешься.

Сусанна.

Что̀ же съ этими обязательствами дѣлать?

Лотохинъ.

Надо по нимъ деньги платить.

Сусанна.

Сколько?

Лотохинъ.

А сколько мѣщанская дѣвица потребуетъ, сколько ее совѣсть не зазритъ.

Сусанна.

А если ей не заплатить?

Лотохинъ.

Тогда молодого-то мужа потребуютъ въ судъ. Это будетъ спектакль любопытный, особенно для жены. Она можетъ во всей подробности ознакомиться съ любовными похожденіями своего мужа.

Мѣщанскія дѣвицы имѣютъ привычку и на судѣ въ рѣчахъ своихъ сохранять прежнюю короткость съ своими измѣнниками. И заговоритъ она съ чувствомъ: «сердечный ты другъ мой, кабы я прежде-то знала, что ты такой мошенникъ, не стала бы я съ тобой и вязаться».

СУСАННА.

Такъ и скажетъ?

ЛОТОХИНЪ.

Такъ и скажетъ. У мѣщанскихъ дѣвицъ такое правило: «коли ужь денегъ не возьму, такъ осрамлю, по крайности». И надо правду сказать, что срамить онѣ мастерицы, и довели это искуство до высокой виртуозности.

СУСАННА.

Ха, ха, ха. Какъ это смѣшно! Но успокойся, любезный дядюшка! Со мной ничего этого не будетъ, мой женихъ не Донъ Жуанъ, онъ самъ несчастная жертва. Когда онъ былъ очень молодъ, довѣрчивъ, его женили чуть не насильно на дѣвушкѣ, безобразной, злой, развратной, и притомъ же много старше его. Вся жизнь его есть непрерывное страданіе, пытка.

ЛОТОХИНЪ.

Такъ онъ женатъ?

СУСАННА.

Ну, такъ что же?

ЛОТОХИНЪ.

Ты сумасшедшая! Нѣтъ, Сусанна Сергѣевна, я за докторомъ пошлю.

СУСАННА.

Оставьте, пожалуйста! Нисколько я не сумасшедшая. Онъ терпѣлъ, терпѣлъ, наконецъ хочетъ развестись съ женой. На это нужны деньги, а онъ бѣденъ, вотъ почему я и хочу заложить свое имѣніе. Говорятъ, это очень дорого стоитъ.

ЛОТОХИНЪ.

А если онъ возьметъ деньги, а съ женой-то не разведется? Послѣ и ищи его съ деньгами-то!

СУСАННА.

Ахъ, ахъ, что̀ ты говоришь! Да я ему вѣрю больше себя. Я готова ему все отдать.

ЛОТОХИНЪ (*всплеснувъ руками*).

О! Боже мой! Что̀ ты дѣлаешь!

СУСАННА.

Да погоди охать-то, я еще не отдала ничего. Знаешь ли, дядя, у меня какой-то странный характеръ. Я иногда такъ расчувствуюсь, что готова все отдать, а какъ придется вынимать

деньги, такъ мнѣ и жалко. У насъ въ роду была одна такая бабушка, такъ я должно быть въ нее.

Лотохинъ.

Эта черта въ тебѣ хорошая. А зачѣмъ же мужей-то съ женами разводить? Чего только эти женщины не выдумають.

Сусанна.

Ахъ, какой ты, дядя, смѣшной! Да непремѣнно разводъ. Я больше имѣю правъ на него, чѣмъ его жена.

Лотохинъ.

Какихъ это? Что̀ ты говоришь?

Сусанна.

Да конечно. Я люблю его, а она — нѣтъ; я богаче... Коли у нея нѣтъ состоянія, какое же она имѣетъ право на такого мужа? Наконецъ онъ страдаетъ, я хочу его освободить; это доброе дѣло. Все это на судѣ должны принять во вниманіе.

Лотохинъ.

Ну да, какъ же, непремѣнно.

Сусанна.

Мы обязаны дѣлать добрыя дѣла, жить только для себя—нехорошо; надо помогать и ближнему. Вѣдь это человѣкъ кроткій, нѣжный, съ младенческой душой. Кабы ты послушалъ, какъ онъ разсказываетъ о своихъ страданіяхъ! Я плакала, плакала. Онъ хорошъ, уменъ, образованъ и въ такомъ несчастномъ, жалкомъ положеніи. Ахъ, какъ я плакала! Ну, наконецъ, я не утерпѣла и пріѣхала.

Лотохинъ.

Зачѣмъ?

Сусанна.

Я соскучилась.

Лотохинъ.

По комъ?

Сусанна.

Да не по тебѣ же, дядя; конечно, по немъ.

Лотохинъ.

Да развѣ онъ здѣсь?

Сусанна.

Да я ужъ, кажется, говорила тебѣ... Онъ здѣшній помѣщикъ, Аполлонъ Евгеньевичъ Окоемовъ.

Лотохинъ (*пораженный*).

Окоемовъ!

Сусанна.

Развѣ ты его знаешь?

Лотохинъ.

Да... немного я слыхалъ о немъ.

Сусанна.

Что же ты слышалъ! Скажи!

Лотохинъ.

Я скажу тебѣ послѣ; я соберу еще нѣкоторыя справки.

Сусанна.

Кто-то пришелъ къ тебѣ; я пойду въ свой номеръ. Мнѣ еще работы много, надо гардеробъ разобрать.

Лотохинъ.

Пойдемъ, я тебя провожу. (*Сусанна и Лотохинъ уходятъ въ дверь налѣво. Изъ средней двери выходятъ Сосипатра, Пьеръ и Акимычъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Сосипатра, Пьеръ и Акимычъ.

Акимычъ.

Сейчасъ были здѣсь... Должно быть вышли въ сосѣдній номеръ; тутъ у нихъ родственница, проѣздомъ въ имѣніе, остановились до завтра. Извольте обождать минутку.

Сосипатра.

Хорошо, мы подождемъ. Доложи поди.

Акимычъ.

Слушаюсь. (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

Пьеръ.

Какой Олешунинъ смѣшной.

Сосипатра.

Это не новость, мой другъ! Найди что-нибудь поинтереснѣе.

Пьеръ.

Я вамъ самую свѣжую новость хочу разсказать. Мы сегодня завтракали вмѣстѣ съ Олешунинымъ, онъ хвастался какой-то новой побѣдой, говорилъ, что получилъ billet-doux.

Сосипатра.

Отъ горничной вѣроятно.

Пьеръ.

Такъ и сіяетъ отъ радости.

Сосипатра.

А вамъ съ Жоржемъ завидно? Пусть его блаженствуетъ, ему это въ диковинку.

Пьеръ.

Да правда ли, не сочиняетъ ли онъ?

Сосипатра.

Коли есть что, такъ онъ не утаитъ, онъ по всему городу разблаговѣститъ. Онъ, можно сказать, изъ одной чести бьется; ему не любовь нужна, а чтобъ всѣ знали, что его любятъ. Посмотри, какъ онъ голову-то подыметъ.

Пьеръ.

Да онъ и теперь ужъ поднялъ и на насъ смотритъ съ глубокимъ презрѣніемъ. (*Входитъ Акимычъ*).

Акимычъ.

Сейчасъ будутъ. Извиняются (*уходитъ въ среднюю дверь*).

Сосипатра.

Поди, Пьеръ, подожди меня въ общемъ залѣ.

Пьеръ.

Здѣсь Жоржъ, онъ на билліардѣ играетъ, мы обѣдъ заказали.

Сосипатра.

И прекрасно. Я одна домой доѣду. (*Пьеръ кланяется и уходитъ. Изъ лѣвой двери входитъ Лотохинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сосипатра, Лотохинъ, потомъ Акимычъ.

Лотохинъ.

Извините! Все съ женщинами, служба моя тяжелая. (*Подаетъ руку Сосипатрѣ*). Очень радъ васъ видѣть; благодарю, что осчастливили. Бумаги ваши, отчеты и письма управляющаго я разобралъ. Надо ихъ обоихъ смѣнить, вотъ и все. Я вамъ пришлю изъ Москвы, у меня есть на примѣтѣ два человѣка. Дѣла ваши въ отличномъ положеніи, только не обращайте вниманія на пустяки, а смотрите на существенное. Впрочемъ, это ужъ обыкновенный, неизбѣжный недостатокъ женскаго хозяйства. Мало вывелось кохинхинскихъ цыплятъ, и вы ужасно разгнѣвались; мечете громы и молніи, грозите всѣхъ прогнать, а недочетъ болѣе двухъ сотъ четвертей пшеницы вы проглядѣли и оставили безъ замѣчанія, и тѣмъ поощрили управляющихъ къ дальнѣйшему воровству. Впрочемъ, вы можете быть спокойны, ваши имѣнія въ хорошемъ положеніи. Поменьше гнѣва и поменьше довѣрія и побольше...

Сосипатра.

Разсудку, вы хотите сказать? Да мало-ли что, гдѣ-жъ его

взять. Я вамъ искренно благодарна и готова, съ своей стороны, служить чѣмъ могу.

Лотохинъ.

Благодарить меня не за что, а вотъ одолжить меня вы можете очень.

Сосипатра.

Съ удовольствіемъ одолжу васъ всѣмъ, чѣмъ могу.

Лотохинъ.

Скажите мнѣ откровенно, что̀ за человѣкъ Окоемовъ.

Сосипатра.

Извольте. Я его знаю давно и могу вамъ сообщить объ немъ многое. Я его зазнала хорошенькимъ мальчикомъ съ ограниченнымъ состояніемъ; онъ учился плохо, но въ обществѣ его любили и баловали. Онъ не кончилъ нигдѣ курса и рано попалъ въ дурное общество. Къ сожалѣнію, я должна сказать, что это дурное общество есть общество моего брата. Вы видѣли это пошлое трактирное общество, для котораго ни дома, ни семьи не существуетъ. Я живу съ братомъ для того, чтобъ нашъ домъ имѣлъ хоть сколько-нибудь приличный видъ. Я ужь давно хотѣла бросить брата, но разсудила, что я старая вдова, ко мнѣ ничего не пристанетъ, а если я брошу домъ, такъ они будутъ верхомъ по комнатамъ ѣздить. Вы видѣли нѣкоторыхъ изъ нашихъ, вотъ хоть Пьера и Жоржа. Что̀ это такое? Это недоучившіеся шалопаи, похожіе одинъ на другого, какъ двѣ капли воды. Они ужь были развратны, прежде чѣмъ узнали жизнь, они ужь надѣлали долго̀въ, прежде чѣмъ выучились считать деньги. И теперь ждутъ только богатыхъ дуръ, чтобы поправить свои обстоятельства и заполучить деньги для дальнѣйшихъ кутежей. Но какова будетъ жизнь ихъ бѣдныхъ женъ? Таковъ же и Окоемовъ. Онъ по душѣ не дурно̀й человѣкъ, но пріобрѣлъ трактирныя привычки и легкій почти презрительный взглядъ на женщину и ея душу. Ваша родственница Зоя влюбилась въ него, и вышла за него замужъ, чему главнымъ образомъ способствовала ея тетка, помѣшанная на мужской красотѣ. Я ихъ предостерегала, но они вообразили, что я завидую счастію Зои.

Лотохинъ.

Согласно̀ ли они живутъ?

Сосипатра.

До сихъ поръ хорошо; хотя онъ съ самаго начала къ ней холоденъ, а она отъ него безъ ума. Вотъ вамъ примѣръ: у меня есть знакомая дѣвушка, безобразная собой, но очень богатая; онъ нѣсколько разъ выражалъ мнѣ свое сожалѣніе, что рано связалъ себя и лишился возможности жениться на этомъ уродѣ. Такъ

что, будь только маленькая возможность, онъ, не задумываясь, бросилъ бы жену и сталъ бы ухаживать за этой дѣвицей.

Лотохинъ.

А еслибъ представилась возможность развестись съ женой?

Сосипатра.

Онъ бы не задумался ни на минуту.

Лотохинъ.

Онъ много проживаетъ?

Сосипатра.

Теперь нѣтъ. Здѣсь онъ не мотаетъ; развѣ гдѣ въ другомъ мѣстѣ. Онъ часто уѣзжаетъ.

Лотохинъ.

Долги у него есть?

Сосипатра.

Прежде—были; когда женился на Зоѣ, такъ всѣ заплатилъ; онъ тогда много заплатилъ. А теперь едва ли есть долги, потому что у него нѣтъ никакого кредита.

Лотохинъ.

Зачѣмъ же онъ продаетъ за безцѣнокъ имѣніе, вѣдь онъ Зоюто по міру пуститъ. Имъ будетъ нечѣмъ жить.

Сосипатра.

Я этого не слыхала. Ну, значитъ, опять душу продалъ. То-то онъ часто ѣздилъ въ Москву; вѣроятно, хотѣлъ блеснуть, кутилъ тамъ, игралъ...

Лотохинъ.

Позвольте, позвольте! Какъ «душу продалъ»? Развѣ у васъ люди свои души продаютъ?

Сосипатра.

Продаютъ... Это вотъ какъ дѣлается: есть особые спеціалисты ростовщики, у которыхъ наша безпутная молодежь занимаетъ деньги за огромные проценты, въ ожиданіи наслѣдства или выгодной женитьбы. Эти спеціалисты зорко слѣдятъ за молодыми людьми и когда видятъ, что чьи-нибудь фонды начинаютъ падать; то ужь не довольствуются простыми векселями, а заставляютъ ихъ давать подложные документы, то-есть дѣлать фальшивые бланки, или поручительства отъ своихъ родныхъ.

Лотохинъ.

Такъ вотъ что̀ значитъ, душу продавать!

Сосипатра.

Тогда ужь должникъ въ ихъ рукахъ. Они, постоянно пугая ихъ судомъ, обираютъ совершенно, а если ужь нечего взять, то предъявляютъ такіе документы родственникамъ. Тѣ поневолѣ платятъ, чтобъ избавить фамилію отъ безчестія и не по-

губить молодого человѣка. Съ Окоемовымъ, когда онъ былъ холостой, ужь подобная исторія была одинъ разъ. Скряга дядя заплатилъ за него тысячъ пять; но поклялся, что ужь въ другой разъ онъ племянника не пожалѣетъ и обратится къ прокурору. Вѣроятно, опять такая же штука. Деньги женины прожилъ, кредита нѣтъ; вотъ онъ, въ ожиданіи наслѣдства, и рискнулъ.

Лотохинъ.

Какъ бы мнѣ разузнать это дѣло и распутать? Помогите!

Сосипатра.

Извольте, съ удовольствіемъ. Онъ вѣроятно долженъ тому же ростовщику, которому былъ долженъ прежде. Я его знаю. Эти господа сколько жадны, столько же и трусливы. Надо пріѣхать къ нему съ кѣмъ-нибудь изъ лицъ судейскихъ или административныхъ, такъ только, чтобы попугать его! «И тебя, молъ, милый другъ, привлекутъ къ отвѣтственности за подстрекательство». Тогда можно будетъ выкупить векселя довольно выгодно; то-есть не придется заплатить вдвое или втрое. Сумма, вѣроятно, не очень большая, ему много не повѣрятъ. Вы это дѣло можете завтра обдѣлать. Я васъ сегодня же познакомлю съ молодымъ прокуроромъ; человѣкъ ловкій и обязательный.

Лотохинъ. (*Жметъ ей руку*).

Благодарю васъ, благодарю! У меня есть еще просьба до васъ.

Сосипатра.

Хоть десять. Рада служить; услуга за услугу.

Лотохинъ.

Ко мнѣ тутъ пріѣхала племянница изъ Москвы, вдова богатая.

Сосипатра.

Такъ ей нужно женское общество, что ли?

Лотохинъ.

Нѣтъ-съ. Вотъ видѣте ли, она женщина хорошая и добрая; только немножко...

Сосипатра.

Сумасшедшая?

Лотохинъ.

Этого нельзя сказать-съ; а ужь очень увлекается, довѣрчива...

Сосипатра.

Знаю, знаю, видала много такихъ.

Лотохинъ.

Такъ вотъ-съ, Окоемовъ въ Москвѣ очень разжалобилъ ее, даже до слёзъ-съ.

Сосипатра.

Чѣмъ же?

Лотохинъ.

А тѣмъ, что онъ очень несчастливъ; что жена у него и безобразна, и зла и развратна...

Сосипатра (*съ удивленіемъ*).

Скажите, пожалуйста!

Лотохинъ.

Ну, моя птичка и расчувствовалась, и даетъ ему много денегъ для развода съ женой.

Сосипатра.

Что̀ такое! Что̀ вы говорите! Это ужасно!

Лотохинъ.

Имѣнье хочетъ закладывать.

Сосипатра.

Богата она?

Лотохинъ.

Очень богата.

Сосипатра.

Вотъ бѣда! Какъ тутъ быть? Я положительно теряюсь. Ужъ коли она рѣшилась, такъ не уговоришь.

Лотохинъ.

И слушать не станетъ.

Сосипатра.

А все-таки надо съ ней познакомиться.

Лотохинъ.

Я васъ сейчасъ познакомлю.

Сосипатра.

Постойте, погодите (*задумывается*). Я кой-что придумала. Позовите вашего человѣка.

Лотохинъ (*растворяетъ дверь въ переднюю. Акимычъ, сидя на стулѣ, спитъ*).

Акимычъ!

Акимычъ (*въ просоньѣ*).

Ась?

Лотохинъ.

Проснись, проснись!

Акимычъ.

Асинька, милый?

Лотохинъ.

Проснись, баринъ зоветъ!

Акимычъ (*встаетъ*).

Виноватъ, баринъ батюшка (*входитъ въ комнату*). Что угодно?

Сосипатра.

Посмотри въ столовой или въ билліардной, здѣсь ли тотъ баринъ, который входилъ сюда со мной! Если здѣсь, такъ приведи его.

Акимычъ.

Слушаю-съ (*уходитъ*).

Сосипатра.

Что̀, она общительная, милая женщина?

Лотохинъ.

Это такая душа... про̀сто прелесть! Канарейка, а не женщина.

Сосипатра.

Тѣмъ лучше.

Лотохинъ.

Вотъ только...

Сосипатра.

Ну, что-жъ дѣлать! Совершенства нѣтъ на свѣтѣ (*входитъ Пьеръ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Лотохинъ, Сосипатра и Пьеръ.

Пьеръ (*раскланявшись съ Лотохинымъ, Сосипатрѣ*).

Къ вашимъ услугамъ. Что прикажете?

Сосипатра.

Я давеча забыла тебѣ сказать... Сегодня вечеромъ пріѣдетъ Оболдуева.

Пьеръ.

Съ отцомъ?

Сосипатра.

Нѣтъ, одна; она теперь совершенно свободна, отецъ разбитъ параличомъ и ужь давно безъ языка и движенія.

Пьеръ.

Вотъ это новость. Это извѣстіе произведе̇тъ сенсацію.

Сосипатра.

Только, пожалуйста, никому не говори, знай про себя.

Пьеръ.

О! Будьте увѣрены.

Сосипатра.

Ну, больше ничего. Прощай!

Пьеръ.

Честь имѣю кланяться (*подаетъ руку Лотохину и уходитъ*).

Лотохинъ.

Чтò это за новость вы ему сообщили, и для чего?

Сосипатра.

Это ужь мое стратегическое соображеніе.

Лотохинъ.

Зачѣмъ же вы просили его никому не сказывать?

Сосипатра.

За тѣмъ, чтобъ онъ сейчасъ же разсказалъ всему городу. Ну, теперь пойдемте знакомиться съ племянницей.

Лотохинъ (*стучитъ въ дверь налѣво*).

Сусанна, можно войти? Я съ гостьей. (*Сусанна за сценой*: «Милости просимъ»).

Сосипатра.

Ну, начинается война, война съ красавцами. Врагъ силенъ, но и мы постоимъ за себя.

Лотохинъ.

Еще бы. Съ такимъ союзникомъ, какъ вы, я на цѣлую армію красавцевъ пойду (*уходитъ въ дверь налѣво*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Лица:

Окоемовъ.
Зоя.
Олешунинъ.
Лупачевъ.
Пьеръ.
Жоржъ.
Паша.

Гостиная, съ лѣвой стороны (*отъ актеровъ*) окно, далѣе дверь въ залу. Съ правой, дверь въ спальню Зоя. Ближе къ зрителямъ, каминъ съ экраномъ, большія щипцы для угля и прочія каминныя принадлежности; недалеко отъ камина небольшой диванчикъ; мебель мягкая.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(*Изъ лѣвой двери выходятъ* Окоемовъ *и* Лупачевъ).

Лупачевъ.

Да, это извѣстіе даетъ совсѣмъ другой оборотъ дѣлу. Тутъ ужь не сотни тысячъ, а милліоны.

Окоемовъ.

Попытаемъ.

Лупачевъ.

Оболдуева и прежде была къ тебѣ неравнодушна, да отецъ мѣшалъ; а теперь, вѣроятно, для тебя и пріѣзжаетъ.

Окоемовъ.

А вотъ посмотримъ. Не бойся, ужь не пропустимъ, что̀ само въ руки плыветъ.

Лупачевъ.

Съ моей стороны разсчитывай на всякое дѣйствіе.

Окоемовъ.

Только бы Сосипатра Семеновна не помѣшала.

Лупачевъ.

И ее какъ-нибудь уломаемъ.

Окоемовъ.

Тогда успѣхъ вѣрный.

Лупачевъ.

А ужь московскую барыню за штатомъ оставишь?

Окоемовъ.

Она и подождетъ. Что-жь дѣлать. Я не виноватъ, коли богаче ея нашлась. Я бы радъ радостью, да разсчету нѣтъ. Коли тутъ не удастся, такъ и за нее примусь; она отъ меня не уйдетъ. (*Смотритъ въ окно*).

Лупачевъ.

Что̀ ты смотришь?

Окоемовъ.

Да не идетъ ли нашъ Донъ-Жуанъ.

Лупачевъ.

Послушай! Ты рѣшился на окончательный разрывъ съ женой?

Окоемовъ.

Ты знаешь мои дѣла. Если я и продамъ имѣніе и какъ-нибудь расплачусь съ долгомъ, чѣмъ же я буду жить потомъ? Не по міру же мнѣ идти? Еслибъ не это, разумѣется, я бы не разстался съ Зоей. Я не очень чувствительный человѣкъ и порядочно-таки испорченъ, а мнѣ ее очень жаль.

Лупачевъ.

Съ такой сентиментальностью, ты ничего не добьешься путнаго. Чтобъ успѣвать въ жизни, надо быть рѣшительнымъ. Задумалъ, рѣшилъ и отрѣзалъ безъ всякихъ колебаній. Только такъ и можно достичь чего-нибудь. Только такъ и наживаются милліоны. Ты долженъ совсѣмъ оттолкнуть отъ себя жену, показать ей презрѣніе, унизить ее.

Окоемовъ.

Да для чего же это?

Лупачевъ.

Для того, чтобы она поняла, что она опозорена, безъ средствъ, что ты для нея потерянъ навсегда.

Окоемовъ.

И чтобъ утопилась?

Лупачевъ.

О, нѣтъ! До этого не дойдетъ. Какъ онѣ мужей ни любятъ, а любовь къ жизни въ нихъ сильнѣе.

Окоемовъ.

Ну, такъ для того, чтобъ она къ тебѣ бросилась?

Лупачевъ.

Ну, ужь это какъ она знаетъ. Если она не глупа, такъ будетъ счастлива, и тебѣ жалѣть ее будетъ нечего.

Окоемовъ.

Признайся! Ты ее любишь?

Лупачевъ.

Это до тебя не касается.

Окоемовъ.

Ты за нее сватался и тебѣ отказали?

Лупачевъ.

Положимъ, что и такъ; что-жь изъ этого?

Окоемовъ.

Да вѣдь я ее ограбилъ и я же ее отталкиваю; вѣдь я не разбойникъ. Нужно же мнѣ успокоиться хоть на томъ, что она не останется безъ поддержки, не будетъ въ крайней нищетѣ. (*Хватаетъ себя за голову*). Впрочемъ, что-жь я! Когда я разбогатѣю, я ей возвращу все, что отнялъ у нея.

Лупачевъ.

Да, если позволятъ тебѣ безотчетно распоряжаться деньгами. А если будетъ строгій контроль?

Окоемовъ.

Ахъ, вѣдь вотъ меня счастье, богатство ожидаетъ, а все-таки мнѣ невыносимо скверно... Такъ скверно, что... кажется...

Лупачевъ.

Ну, философія началась. Пойдемъ въ кабинетъ, тамъ Пьеръ и Жоржъ; насъ четверо, сядемъ играть въ винтъ и развлечемся.

Окоемовъ.

Погоди! (*У двери*). Паша! (*Входитъ Паша*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Окоемовъ, Лупачевъ и Паша.

Окоемовъ.

Паша! Не принимать никого.

Паша.

Слушаю-съ...

Окоемовъ.

Принять только Өедора Петровича, если онъ придетъ.

Паша.

Они придутъ-съ. Они каждый день ходятъ.

Окоемовъ.

Такъ ты ему скажи, что меня дома нѣтъ, а дома только барыня, что я уѣхалъ на охоту съ Никандромъ Семенычемъ и не ворочусь до завтра. Такъ и людямъ скажи. А мы сядемъ играть въ карты и запремся, чтобъ намъ не мѣшали.

Паша.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Окоемовъ (*взглянувъ въ окно*).

А вотъ и Олешунинъ. Легокъ на поминѣ. Кажется, я не ошибся. (*Прислушивается*). Нѣтъ... Вотъ ужь онъ въ передней... разговариваетъ съ Пашей. Идемъ! (*Окоемовъ и Лупачевъ уходятъ въ кабинетъ. Входятъ Олешунинъ и Паша*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Олешунинъ и Паша.

Олешунинъ.

Доложите барынѣ.

Паша.

Сейчасъ доложу-съ. (*Уходитъ*).

Олешунинъ.

Наконецъ! (*Смотритъ въ зеркало и поправляется*). Впрочемъ, что же наружность? Это вздоръ. (*Разсматриваетъ волосы*). Конечно, при всей моей скромности, я не могу себѣ отказать во многихъ достоинствахъ... ну, тамъ... умъ и прочее... но любопытно, что собственно во мнѣ ей понравилось? (*Входитъ Зоя*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Олешунинъ и Зоя.

Зоя (*потупляясь и шепотомъ*).

Вы получили мое письмо?

Олешунинъ (*цѣлуя руку Зои, шутливо*).

А развѣ вы писали? (*Серьёзно*). Нѣтъ, я шучу. Получилъ.

Зоя (*потупясь*).

Мнѣ совѣстно вамъ въ глаза смотрѣть.

Олешунинъ.

Нѣтъ, что же... я этого ожидалъ... Рано или поздно, это должно было случиться.

Зоя.

Но все-таки... какъ хотите... я замужняя женщина... я не должна была открывать своихъ чувствъ.

Олешунинъ (*съ важностію*).

Отчего же? Конечно, ваше письмо въ рукахъ какого-нибудь фата... это другое дѣло... А я серьёзный человѣкъ.

Зоя.

Вы не удивились... садитесь, пожалуйста. (*Садится на кресло*).

Олешунинъ.

Помилуйте! Чему же удивляться? (*Очень свободно садится на диванъ*). Я себѣ цѣну знаю, Зоя Васильевна. Вѣдь гдѣ же этимъ господамъ Пьерамъ и Жоржамъ понять меня! Оттого они и позволяютъ себѣ разныя глупыя шутки. Но я на нихъ не претендую; они слишкомъ мелки. Вотъ теперь посмотрѣли бы они на меня!

Зоя.

Ахъ, что̀ вы говорите! Вы подумайте! Вѣдь у меня мужъ... Наша любовь требуетъ тайны.

Олешунинъ.

Да, тайны, тайны. Помилуйте, развѣ я не понимаю... Только вѣдь обидно... Я въ секретѣ, въ самомъ глубокомъ секретѣ буду таить... Но за что же такія шутки, когда.. вотъ меня любятъ... Вѣдь вы меня любите?

Зоя.

Какой вы холодный человѣкъ!

Олешунинъ.

Кто холодный? Я? Нѣтъ, извините... я васъ люблю... я даже

очень, очень люблю... (*Молча и сконфуженно смотрятъ другъ на друга*).

Зоя.

Ѳедя!

Олешунинъ (*растерявшись*).

А? Что? Ѳедя... да... (*Стараясь быть развязнымъ*). Нѣтъ, вотъ что, Зоя... Еслибъ теперь вдругъ... луна и тамъ... вдали прудъ... (*Съ паѳосомъ*). Какое блаженство!

Зоя.

Да зачѣмъ намъ луна? Нѣтъ, ты ледъ, ты ледъ! (*Встаетъ съ кресла и бросается на шею Олешунину*). Ѳедя, я люблю тебя, люблю...

Олешунинъ.

И я, Зоя, и я... Зоя, ручку! Нѣтъ, знаешь, Зоя, все-таки любовь... въ волшебной обстановкѣ. Это прелесть... Знаешь... когда вся природа ликуетъ...

Зоя (*обнимая Олешунина*).

Ѳедя, Ѳедя! (*Входятъ: Окоемовъ, Лупачевъ, Пьеръ и Жоржъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Олешунинъ, Зоя, Окоемовъ, Лупачевъ, Пьеръ и Жоржъ.

Зоя (*присматриваясь къ Олешунину*).

Ахъ, Ѳедя, спаси меня! Онъ меня убьетъ. (*Прячется на диванъ за Олешунина*).

Олешунинъ (*рестерявшись*).

Что это? Кàкъ? Но позвольте... (*Встаетъ съ дивана. Зоя тихо уходитъ въ дверь направо*).

Окоемовъ.

Ну, чтò тутъ за разговоры! (*Обращаясь къ Лупачеву, Пьеру и Жоржу*). Вотъ, господа, вы видѣли. Кажется, этого для васъ довольно, чтобъ составить понятіе о вѣрности моей супруги.

Лупачевъ.

Чего-жъ еще! (*Пьеръ и Жоржъ утвердительно кланяются*).

Окоемовъ.

Господа, теперь вы, нисколько не грѣша противъ совѣсти, можете показать даже подъ присягой, что поведеніе моей жены не безукоризненно.

Лупачевъ.

Нѣтъ, этого мало. Я смѣло скажу, что оно преступно. (*Пьеру и Жоржу*). Согласны, господа?

Пьеръ.

Совершенно согласенъ.

Жоржъ.

Безъ всякихъ сомнѣній.

Окоемовъ.

Благодарю! Господа! Я пригласилъ васъ... я хотѣлъ весело провести время съ друзьями, но случай натолкнулъ насъ на эту печальную сцену; я не думаю, чтобы дальнѣйшее присутствіе въ этомъ безславномъ домѣ было для васъ пріятно. Я и самъ бы бѣжалъ изъ дому, но я, къ несчастію, одно изъ дѣйствующихъ лицъ этой семейной драмы; я долженъ буду выслушивать разныя объясненія, я обязанъ выпить чашу до дна. Господа! оставьте меня наединѣ съ моимъ позоромъ.

Лупачевъ (*подавая руку Олешунину*).

Прощай, бѣдный другъ мой! (*Уходитъ. Пьеръ и Жоржъ подаютъ руки, раскланиваются и уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Окоемовъ, Олешунинъ и Зоя.

Олешунинъ.

Милостивый государь! тутъ одно недоразумѣніе; хотя жена ваша дѣйствительно предпочитаетъ меня другимъ, но въ этомъ ничего преступнаго нѣтъ.

Окоемовъ (*холодно*).

Я знаю.

Олешунинъ.

И все-таки, если вамъ угодно, я готовъ дать вамъ удовлетвореніе.

Окоемовъ.

Какое тутъ еще удовлетвореніе! Ничего этого не нужно. Напротивъ, я вамъ очень благодаренъ.

Олешунинъ.

Но это дѣло не можетъ кончиться иначе, какъ дуэлью.

Окоемовъ.

Что за дуэль! Вотъ еще! Охота мнѣ свой лобъ подъ пулю подставлять.

Олешунинъ.

А! такъ вы трусъ? Нѣтъ, я требую, непремѣнно требую.

Окоемовъ.

Никакой дуэли не будетъ, зачѣмъ? А вотъ со мной револьверъ, не хотите ли, я лучше васъ тàкъ убью? Это мнѣ ничего не стоитъ. И меня оправдаютъ. Знаете, чтò адвокатъ будетъ говорить?

Олешунинъ.

Оставьте шутки! Я ихъ не люблю.

Окоемовъ.

Нѣтъ, оно интересно. Адвокатъ скажетъ: горячій, благородный человѣкъ застаетъ въ домѣ обольстителя и въ благородномъ негодованіи, въ горячкѣ, въ изступленіи убиваетъ его. Можно ли обвинить его? Онъ дѣйствовалъ въ состояніи невмѣняемости! Ну, что-жь вы молчите? Вамъ не угодно, чтобъ я убилъ васъ? Такъ уходите! Вызывать на дуэль могу—я! Но я васъ не вызываю, а благодарю.

Олешунинъ.

Какая благодарность? За чтò?

Окоемовъ.

Вотъ видите ли: намъ нужно было разойтись, это ужь наши разсчеты. Я долго искалъ человѣка, который бы былъ такъ легкомысленъ ..

Олешунинъ (*грозя пальцемъ*).

Ссс-ъ! Безъ оскорбленій!

Окоемовъ.

Я не говорю ничего оскорбительнаго; я говорю только: «легкомысленъ». Но какъ же назвать того человѣка, который повѣритъ, что Зоя можетъ прельститься имъ, имѣя такого мужа, какъ я. Вотъ нашлись вы, и я вамъ очень благодаренъ.

Олешунинъ.

Ну, такъ нѣтъ-съ! Не нужно мнѣ вашей благодарности. Я крови хочу, крови!.. я завтра же пришлю къ вамъ моихъ секундантовъ.

Окоемовъ.

Милости просимъ! Я прогоню ихъ, какъ васъ.

Олешунинъ.

Я не позволю играть надъ собой. (*Наступаетъ на Окоемова, тотъ хладнокровно вынимаетъ изъ кармана карманный пистолетъ. Олешунинъ отступаетъ и идетъ къ двери*).

Окоемовъ (*ласково*).

Прощайте! (*Подойдя къ двери*). Эй! Кто тамъ! Проводите господина Олешунина. (*Входитъ Зоя*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Окоемовъ и Зоя.

Зоя.

Ахъ, кабы ты могъ чувствовать, Аполлонъ, какая это пытка. Ну, что, мой милый, хорошо я сыграла свою роль?

Окоемовъ (*сухо*).

Да, такъ хорошо, что можно усомниться, роль ты играла или дѣйствительно любишь Олешунина.

Зоя.

Значитъ, хорошо?

Окоемовъ.

Не мѣшало бы и хуже; никто тебя не заставлялъ быть очень натуральной.

Зоя.

Ты ревнуешь, мой милый. Какъ я рада. Значитъ, ты меня любишь.

Окоемовъ.

Погоди радоваться. Ты не забывай, что ты говоришь съ мужемъ, который сейчасъ только видѣлъ тебя въ объятіяхъ чужого человѣка.

Зоя.

Да, несчастный... Аполлонъ, Аполлонъ... что ты... Вѣдь ты самъ меня заставилъ, ты меня упрашивалъ.

Окоемовъ.

То-то вотъ, что ты ужь очень скоро меня послушалась. Это-то и подозрительно.

Зоя.

Ты и умолялъ, и грозилъ... Ты знаешь, съ какимъ я отвращеніемъ...

Окоемовъ.

Съ отвращеніемъ ли? Кто-жь это знаетъ? Женщинѣ, которая такъ ловко умѣетъ обниматься съ посторонними мужчинами, какъ-то плохо вѣрится.

Зоя.

Зачѣмъ ты такъ говоришь? (*Въ изнеможеніи опускается на диванъ*). Зачѣмъ, Аполлонъ, зачѣмъ, зачѣмъ?

Окоемовъ.

А затѣмъ, чтобы ты поняла, наконецъ, что ты вся въ моихъ

рукахъ: что я захочу, то съ тобой и сдѣлаю. Пора перестать сентиментальничать-то.

Зоя.

Я ничего не понимаю.

Окоемовъ.

Что ты такое? Женщина безъ состоянія, опозоренная, сегодня же весь городъ узнаетъ о нашемъ позорѣ, и мнѣ оттолкнуть тебя съ презрѣніемъ даже выгодно. И я это непремѣнно сдѣлаю, если ты вздумаешь мѣшать мнѣ.

Зоя (*съ трепетомъ*).

Аполлонъ, Аполлонъ! Я боюсь... Мнѣ страшно... ты совсѣмъ не тотъ... ты другой человѣкъ.

Окоемовъ.

Тотъ же, или другой—это все равно; люди мѣняются съ обстоятельствами. Нужда всему научитъ. Кто меня осудитъ, если я брошу и совсѣмъ забуду тебя? Ты будешь жаловаться, плакать, увѣрять, что я обманулъ тебя? Кто-жь повѣритъ тебѣ?

Зоя.

Ты убиваешь меня! Перестань, перестань! Заговори со мной попрежнему, съ прежней лаской... Вѣдь мнѣ страшно, мнѣ кажется, что я теряю... хороню тебя! Ахъ, ахъ... Ну, улыбнись мнѣ, мой милый! Пожалѣй меня, вѣдь я женщина... гдѣ же силы, гдѣ же силы, другъ мой...

Окоемовъ.

Оставь нѣжности! Не до нихъ... Ты меня разъ послушалась и ужъ теперь ты въ такомъ положеніи, что должна слѣпо повиноваться мнѣ; иначе ты погибнешь.

Зоя.

Да я тебя слушаюсь. Приказывай. (*Опускается съ дивана на колѣни и складываетъ руки*). Я раба твоя.

Окоемовъ.

Ахъ! Пожалуйста, безъ глупостей... Сядь! (*Зоя садится на диванъ въ полномъ отчаяніи*). Прежде всего помни, что мы теперь чужіе... (*Зоя слабо вскрикиваетъ*). Примиреніе возможно... мы еще можемъ быть друзьями, но только съ однимъ условіемъ.

Зоя.

Говори, говори! Я впередъ на все согласна.

Окоемовъ.

Я требую отъ тебя, чтобъ ты бросила всѣ эти нѣжности и сентиментальности и поступила благоразумно.

Зоя.

Благоразумно? Женщинѣ съ чувствомъ это трудно, но изволь, я буду принуждать себя.

Окоемовъ.

Потомъ, надо бросить всѣ эти предразсудки, тамъ долги разные, приличія и обязанности, которыми вы себя опутываете, какъ цѣпями. Живи, Зоя, какъ живутъ люди дѣловые, практическіе; они не очень-то разборчивы на средства, когда добиваются чего-нибудь большого, существеннаго.

Зоя.

Говори, милый, яснѣе! Я тебя слушаю со всѣмъ вниманіемъ.

Окоемовъ.

Тебѣ есть случай жить богато, весело и постоянно пользоваться моей дружбой. Глядя на тебя, я бы радовался... Моя совѣсть была бы спокойнѣе, потому что причина всего твоего горя—я! (*Зоя слушаетъ съ напряженнымъ вниманіемъ*). А тутъ я видѣлъ бы тебя опять богатой, любимой. Отчего тебѣ не сойтись съ Лупачевымъ, онъ такъ тебя любитъ? Полюби и ты его!

Зоя (*вскрикиваетъ*).

Ахъ! (*Хватаетъ щипцы отъ камина и бросается на мужа*).

Окоемовъ.

Что ты, что ты!

Зоя.

Ахъ, извини! (*Щипцы падаютъ изъ рукъ ея*). Ты меня заставилъ притворяться... Притворяться я могу... но быть безчестной, нѣтъ... какъ ты смѣлъ... какъ ты смѣлъ!..

Окоемовъ.

Зоя, Зоя, успокойся, тише!

Зоя.

Нѣтъ, я не могу, я не могу, ты тутъ... (*показывая на грудь*) разорвалъ все... Мнѣ надо придти въ себя... надо одуматься... послѣ... (*Идетъ къ двери*).

Окоемовъ.

Зоя, Зоя, выслушай!

Зоя (*у двери*).

Нѣтъ, нѣтъ, я пойду... Прощай! Что я говорю... Нѣтъ, я подумаю...

Окоемовъ (*идетъ за ней*).

Зоя, ну, извини! Я грубо выразился!

Зоя.

Прощай! То есть, я пойду, подумаю... Не ходи за мной... (*Оборачивается, беретъ Окоемова одной рукой за лицо, пристально смотритъ на него. Покачавъ головой*). Красавецъ! (*Уходитъ въ дверь направо. Окоемовъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ двери*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лица:

Сосипатра.
Лупачевъ.
Лотохинъ.
Сусанна.
Окоемовъ.
Зоя.
Пьеръ.
Иванъ, лакей Сосипатры Семеновны.

Небольшая, но изящно убранная и меблированная гостинная; по срединѣ закрытая богатой портьерой дверь въ другую гостинную; направо (отъ актеровъ) дверь во внутреннія комнаты.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лупачевъ и Сосипатра (*выходятъ изъ средней двери*).

ЛУПАЧЕВЪ.

Послушай, сестра! что̀ за дама пріѣхала къ тебѣ вчера поздно вечеромъ?

СОСИПАТРА.

Что̀ тебѣ за интересъ знать, кто эта дама? Мало ли ихъ, проѣздомъ въ деревню, останавливаются у меня.

ЛУПАЧЕВЪ.

Она долго пробудетъ у тебя?

СОСИПАТРА.

Да тебѣ-то что? Она сегодня же уѣзжаетъ въ имѣніе. Я не захотѣла, чтобъ она стояла въ гостинницѣ и перевезла ее къ себѣ.

ЛУПАЧЕВЪ.

Кто-жь она такая? Не секретъ, я думаю.

СОСИПАТРА.

Не секретъ, да не хочетъ она, чтобъ знали о ея пріѣздѣ. Н хочетъ, чтобъ ей надоѣдали визитами.

ЛУПАЧЕВЪ.

Да не Оболдуева?

Сосипатра.

Ахъ, отстань, пожалуйста! Ну, хоть и Оболдуева, тебѣ-то что за дѣло?

Лупачевъ.

А въ такомъ случаѣ у меня къ тебѣ будетъ просьба.

Сосипатра.

Какая еще?

Лупачевъ.

И ты должна будешь ее исполнить, потому что это первая и послѣдняя; никогда я къ тебѣ ни съ какими просьбами не обращался и не обращусь.

Сосипатра.

Да говори, что такое!

Лупачевъ.

Если Оболдуева здѣсь, или будетъ здѣсь, познакомь съ ней Окоемова и доставь ему случай видѣться съ ней tête-à-tête!

Сосипатра.

Зачѣмъ это она ему?

Лупачевъ.

А кто-жь его знаетъ. Значитъ, надо. Чужая душа потемки.

Сосипатра.

Ужь именно потемки. Да у всѣхъ-то у васъ души темненькія.

Лупачевъ.

Ну, я къ тебѣ не за моралью пришелъ. Такъ ужь, пожалуйста! Я тебя прошу. Ты и мнѣ сдѣлаешь большое, очень большое одолженіе.

Сосипатра.

Тебѣ-то что̀ нужно? Тоже потёмки?

Лупачевъ.

Это зависитъ отъ взгляда: по вашему, потёмки, а по нашему—ясный день. Такъ, пожалуйста, Сосипатра (*идетъ къ двери*).

Сосипатра.

Хорошо! (*Идетъ за нимъ. Лупачевъ уходитъ. Сосипатра, открывъ портьеру, видитъ Лотохина*). Пожалуйте сюда, Наумъ Ѳедотычъ! (*Входитъ Лотохинъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Сосипатра и Лотохинъ.

Сосипатра.

Салонъ у меня—тамъ (*указываетъ въ гостинную*), а эта комната для друзей, для интимныхъ и дѣловыхъ бесѣдъ.

Лотохинъ.

Какія дѣла-то, Сосипатра Семеновна!

Сосипатра.

Ахъ, и не говорите! Я давно знаю этихъ господъ, а такого поступка отъ нихъ не ожидала. Вѣдь это злодѣйство! Я наплакалась на Зою. Мнѣ было обидно вообще за женщину: нельзя-же такъ ругаться надъ чистой привязанностью, надъ женскимъ сердцемъ, надъ нашимъ добрымъ именемъ! (*Плачетъ*). Я съ разу догадалась, что главнымъ двигателемъ тутъ мой братецъ любезный. Окоемовъ дѣйствуетъ по его указаніямъ. Зоя всегда нравилась брату; онъ зубами скрипѣлъ, когда она вышла за Окоемова.

Лотохинъ.

Нѣтъ, ужь не защищайте и Окоемова!

Сосипатра.

Ему оправданія нѣтъ. Еслибъ его присудили въ Сибирь, я бы не очень пожалѣла. Я говорю только, что Окоемовъ, по натурѣ, не золъ, онъ еще не безнадежно испорченъ; онъ только пустой человѣкъ: съ хорошими людьми и онъ будетъ недуренъ, а съ дурными будетъ негодяй. Бѣдная Зоя совсѣмъ безъ пріюта. Вчера на нее было страшно смотрѣть; а сегодня немного успокоилась.

Лотохинъ.

Да, я знаю, она у меня была; для обезпеченія ея матеріальнаго положенія нужны были нѣкоторыя формальности, нужна была ея подпись подъ бумагами. При такой душѣ она имѣетъ довольно сильный характеръ.

Сосипатра.

Да, характеръ у нея есть.

Лотохинъ.

Она у васъ?

Сисипатра.

У меня: сидитъ въ спальнѣ и не выходитъ. Хороша ея тетенька, Аполлинарія Антоновна! Не могла дать угла племянницѣ; видите ли, у нея какія-то семейныя обстоятельства.

Лотохинъ.

Да жалѣть-то много не о чемъ. Она сама не влюблена ли въ кого на старости лѣтъ?

Сосипатра.

Кажется; похоже на то.

Лотохинъ.

А что моя Сусанна Сергѣвна?

Сосипатра.

Я ее вчера перевезла къ себѣ.

Лотохинъ.

Не скучаетъ она?

Сосипатра.

Да ей некогда еще скучать-то: вчера цѣлый вечеръ проболтали; а ныньче встали поздно, да на туалетъ она употребляетъ часа три—вотъ и все время. Я успѣла ужь съ ней подружиться: такая милая! Она нѣсколько разъ заговаривала объ Окоемовѣ, но я уклонялась отъ разговора; я увѣряла ее, что его нѣтъ въ городѣ, что онъ въ деревнѣ, или на охотѣ и что его ждутъ сегодня вечеромъ, или завтра. Мнѣ нужно только выиграть время.

Лотохинъ.

На что же вы надѣетесь?

Сосипатра.

Я распустила слухъ, чтъ съ часу на часъ жду милліонщицу-невѣсту, Оболдуеву; до Окоемова ужь дошло, и онъ засылалъ ко мнѣ, чтобъ я ему доставила случай познакомиться съ ней и поговорить наединѣ. Онъ ее никогда не видалъ, а ужь что-то задумываетъ. Теперь пусть Сусанна Сергѣвна съ нимъ увидится; онъ, въ ожиданіи милліоновъ, обдастъ ее такимъ холодомъ, что она совсѣмъ разочаруется.

Лотохинъ.

Тщетныя надежды. Окоемовъ не дуракъ, онъ знаетъ, что лучше синицу въ руки, чѣмъ журавля въ небѣ.

Сосипатра.

У меня другого средства не было; утопающій хватается за соломенку. Можетъ быть, и еще что-нибудь придумаемъ. А какъ ваши дѣла?

Лотохинъ.

Векселя, при вашемъ содѣйствіи, я выручилъ довольно дешево. Они дѣйствительно были фальшивые. Теперь имѣніе Зои спасено.

Сосипатра.

Ну, слава Богу!

Лотохинъ.

Можно видѣть Сусанну Сергѣвну?

Сосипатра.

Я ее помѣстила здѣсь. (*Показываетъ дверь направо*). Хотите вызову?

Лотохинъ.

Сдѣлайте одолженіе!

Сосипатра (*у двери*).

Сусанна Сергѣевна, Наумъ Ѳедотычъ у насъ. (*Голосъ Сусанны: «Иду». Выходитъ Сусанна.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Сосипатра, Лотохинъ, Сусанна, потомъ Иванъ.

Лотохинъ (*цѣлуя Сусанну*).

Здравствуй, моя ласточка! Какъ прыгаешь?

Сусанна.

На удивленье! Здорова и весела.

Сосипатра.

Вотъ и кстати, а у насъ тутъ веселый разговоръ идетъ. Для веселаго человѣка пищи много.

Сусанна.

Что̀ такое? Скажите, пожалуйста! Я очень люблю все веселое.

Сосипатра (*Лотохину*).

Сказать?

Лотохинъ.

Скажите! Она свой человѣкъ.

Сосипатра.

Вотъ видите ли! Я бы должна была молчать изъ чувства мѣстнаго, такъ сказать, губернскаго патріотизма; потому что то, о чемъ мы разговаривали, нисколько не сдѣлаетъ намъ чести, то есть, главымъ образомъ, нашей молодежи.

Сусанна.

Молодежи? Ахъ, это очень интересно! Ну, душечка, Сосипатра Семеновна, скажите!

Сосипатра.

Нечего дѣлать, придется накладывать на себя руки, и доставлять вамъ, столичной дамѣ, матеріалъ для насмѣшекъ надъ нами, провинціалами.

Лотохинъ.

Только, Сусанна, это секретъ; ты насъ не выдавай.

Сусанна.

Ну, вотъ еще! Ахъ, дядя! Кого я здѣсь знаю, кому мнѣ выдавать васъ! Да хоть бы и знала, такъ развѣ я такая?.. Вотъ ужь я не сплетница-то... Я все держу въ секретѣ и про себя, и про другихъ. Мнѣ только самой посмѣяться, больше ничего.

Сосипатра.

Такъ уговоръ дороже денегъ; потому что я буду называть по фамиліямъ.

Сусанна.

Да кого же я здѣсь знаю?

Сосипатра.

Можетъ быть, кого-нибудь и знаете. Да я вамъ вѣрю. Вотъ въ чемъ дѣло: прошелъ слухъ, въ чемъ я немножко виновата, что сюда пріѣдетъ моя знакомая дѣвица, невѣста съ милліоннымъ приданымъ.

Сусанна.

Кто такая?

Сосипатра.

Купеческая дочь Оболдуева.

Сусанна.

Хорошенькая?

Сосипатра.

То-то, что нѣтъ. Она немного горбата и у ней черное родимое пятно, покрытое мелкой шерстью.

Сусанна.

На видномъ мѣстѣ?

Сосипатра.

Да, скрыть мудрено. Оно занимаетъ половину лица: лобъ, бровь, лѣвый глазъ и полщеки.

Сусанна.

Ахъ! Вотъ несчастіе! Какое горе!

Лотохинъ.

При милліонахъ-то всякому горю можно помочь; тутъ и родимыя пятна не помѣха.

Сусанна.

Какъ же она людямъ показывается?

Сосипатра.

Дома при знакомыхъ и родныхъ, она всегда въ полумаскѣ; а когда выѣзжаетъ, такъ надѣваетъ густую вуаль.

Сусанна.

Такъ вы говорите, что она пріѣдетъ?

Сосипатра.

Да, ее ждутъ; и по тому случаю вся наша молодежь съума сошла.

Сусанна.

О такомъ-то уродѣ?

Лотохинъ.

Не объ уродѣ, а объ милліонахъ.

Сосипатра.

Да, убиваются объ этихъ милліонахъ нетолько холостые, а даже и женатые. Объ чемъ они-то хлопочатъ, я ужь не понимаю. Развѣ хотятъ съ женами развестись.

Сусанна.

Кто, кто женатые? Это любопытно.

Сосипатра.

Да, ужь я, право, не знаю, говорить ли.

Лотохинъ.

Говорите, не выдадимъ.

Сосипатра.

Да вотъ Аполлонъ Евгеньичъ Окоемовъ первый.

Сусанна.

Ахъ, нѣтъ, не можетъ быть! Я его знаю, я за него ручаюсь.

Лотохинъ.

Погоди горячиться-то!

Сосипатра.

Поручиться-то за него я не поручусь; а все-таки не думала, что онъ раньше другихъ поинтересуется Оболдуевой.

Сусанна.

А онъ что же?

Сосипатра.

Ужь два раза присылалъ освѣдомиться, не пріѣхала ли она.

Сусанна.

На что ему? Вотъ ужь это непонятно. Дядя, вѣдь это совершенно непонятно?

Сосипатра.

Просилъ доставить ему возможность поговорить съ ней наединѣ.

Сусанна.

Ахъ, Сосипатра Семеновна, позвольте, я васъ поймала. Какъ же онъ могъ присылать къ вамъ, коли его въ городѣ нѣтъ!

Сосипатра.

Онъ самъ говорилъ брату, что ѣдетъ на охоту; должно быть, вернулся, или остался, совсѣмъ не поѣхалъ.

Лотохинъ.

Какой ему разсчетъ на охоту въ болото ѣхать! Бекасовъ да утокъ хоть цѣлый ягташъ настрѣляй, все корысть-то не Богъвѣсть какая; а тутъ одну птичку подстрѣлилъ—и милліонъ. Любопытно бы послушать, какъ и объ чемъ онъ станетъ съ Оболдуевой разговаривать.

Сосипатра.

Тутъ ничего нѣтъ любопытнаго. Всѣ женатые, когда ухажи-

ваютъ, говорятъ одно и тоже. Чтобъ оправдать свой поступокъ и возбудить къ себѣ состраданіе, они обыкновенно жалуются на женъ. (*Сусанна задумывается*). Будь жена хоть ангелъ, все-таки на нее посыплются всевозможныя обвиненія.

Сусанна (*въ задумчивости*).

А у Окоемова жена развѣ хорошая женщина?

Сосипатра.

Я не говорю, кто изъ нихъ лучше; я мужей съ женами не сужу. Я говорю только, что у всѣхъ женатыхъ одна пѣсенка.

Сусанна.

Ужь будто непремѣнно онъ будетъ бранить жену свою Оболдуевой? Можетъ быть, онъ объ чемъ-нибудь другомъ хочетъ поговорить съ ней?

Сосипатра.

Не о чемъ больше ему говорить. Хотите, я вамъ слово въ слово передамъ его объясненіе? «Я страдаю, моя душа разбита; мнѣ нужно, чтобъ меня любилъ кто-нибудь. Моя жена не хороша собой, глупа, зла и къ тому же не вѣрна мнѣ. Если вы поможете мнѣ, моему горю, такъ плачьте вмѣстѣ со мной!» Варіанты, конечно, могутъ быть разные, но тэма все одна.

Сусанна (*горячо*).

Да почемъ вы знаете?

Сосипатра.

Имъ говорить больше нечего. Поживите съ мое, такъ вы и узнаете. Я готова съ вами пари держать, что Окоемовъ будетъ именно эти самыя слова говорить. Жаль только, что провѣрить этого нельзя: Оболдуева не пріѣдетъ.

Сусанна.

Ахъ, какъ я желала бы выиграть! Увѣряю васъ, что я выиграла бы непремѣнно? На что̀ будемъ держать пари?

Сосипатра.

Да тутъ дѣло не въ цѣнѣ. Что̀ бы ни выиграть, только выиграть. Тутъ задѣто самолюбіе... Ну, хоть на конфеты.

Сусанна.

Такъ извините, выиграю я. (*Задумывается*). Мнѣ приходитъ въ голову соблазнительная мысль. Какого роста эта Оболдуева?

Сосипатра.

Почти вашего.

Сусанна.

Она умна, образована?

Сосипатра.

Ни то, ни другое. Изъ жалости, чтобъ ее не мучить и не безпокоить, её ничему не учили; у ней не было ни учителей,

ни гувернантокъ; она едва знаетъ граматѣ. Время свое она проводитъ бо́льшею частью съ няньками и самыми простыми горничными, и переняла у нихъ и тонъ, и манеры, и даже самыя выраженія.

Сусанна.

И тонъ, и выраженія эти я знаю. А какъ она одѣвается?

Сосипатра.

Конечно, богато, только всегда накидываетъ что-нибудь на плечи, чтобы скрыть горбъ, а лицо закрываетъ вуалемъ, или надѣваетъ маску.

Сусанна.

Подите сюда на минуточку! (*Отводитъ Сосипатру и что-то шепчетъ ей*).

Сосипатра.

Превосходная мысль! Я совершенно одобряю. (*Входитъ Иванъ.*)

Иванъ (*Сосипатрѣ*).

Аполлонъ Евгеньичъ Окоемовъ желаютъ васъ видѣть.

Сусанна.

Такъ я пойду. Дядя, до свиданія!

Лотохинъ.

Еще увидимся; я къ вамъ на цѣлый день. (*Сусанна уходитъ направо.*)

Сосипатра (*Ивану*).

Проси сюда! (*Иванъ уходитъ*). Дѣло идетъ на ладъ, Наумъ Ѳедотычъ.

Лотохинъ.

Очень радъ, Сосипатра Семеновна. (*Входитъ Окоемовъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сосипатра, Лотохинъ и Окоемовъ.

Окоемовъ (*цѣлуя руку Сосипатры*).

Виноватъ, Сосипатра Семеновна; давно не былъ у васъ, каюсь. То въ Москвѣ, то дѣла. Теперь опять подъ ваше крылышко. (*Обращаясь къ Лотохину и подавая ему руку.*) А! это вы! Я заѣзжалъ къ вамъ сегодня; мнѣ нужны нѣкоторые документы.

Лотохинъ.

Все, что вамъ нужно, вы сегодня же получите. Я мѣшать вамъ не буду. Сосипатра Семеновна, я на минуточку отлучусь; есть дѣлишки. Не прощаюсь. (*Уходитъ.*)

Сосипатра.

Какой вѣтеръ занесъ вамъ ко мнѣ?

Окоемовъ.

Будто не знаете?

Сосипатра.

Знаю, да плохо вѣрится. Зачѣмъ вамъ Оболдуева? Вы женихомъ быть не можете; вы женаты. Какія же ваши намѣренія?

Окоемовъ.

Не исповѣдуйте! Грѣхи свои, коли они есть у меня, и намѣренія я вамъ объясню послѣ, и вы меня оправдаете. А теперь, если я стою, если въ васъ осталась хоть капля расположенія ко мнѣ, окажите милость.

Сосипатра.

Какую прикажете?

Окоемовъ.

У васъ Оболдуева?

Сосипатра.

Ну, положимъ, у меня; что-жь потомъ?

Окоемовъ.

Я давно добиваюсь съ ней видѣться, да отецъ не позволяетъ; я надѣюсь, что вы будете снисходительнѣе отца. Дозвольте съ ней поговорить!

Сосипатра.

Да вѣдь вы незнакомы.

Окоемовъ.

Это не бѣда; я отрекомендуюсь. Я знаю, что она меня видѣла... Не препятствуйте!

Сосипатра.

Какой вы плутъ, однако!

Окоемовъ.

Слово «плутъ» отъ васъ не брань, а похвала; потому я и не обижаюсь.

Сосипатра.

Она здѣсь! (*Указываетъ направо.*) Но я хотѣла, чтобъ никто не зналъ о ея короткомъ пребываніи у меня. Смотрите, не проболтайтесь.

Окоемовъ.

Да что вы! Съ какой стати я стану разсказывать. Я вамъ позволяю считать меня плутомъ, но никакъ не дуракомъ; я хочу самъ воспользоваться всѣми выгодами пребыванія здѣсь Оболдуевой; я самъ хочу эксплуатировать этотъ предметъ, такъ какой же разсчетъ накликать конкуррентовъ?

*

Сосипатра.

Откровенно.

Окоемовъ.

Передъ вами-то! Что-жь мнѣ святымъ, что ли, прикидываться? Такъ вѣдь не повѣрите.

Сосипатра.

Не повѣрю. Не хотите ли, чтобъ я сообщила вамъ еще какія-нибудь свѣденія о дѣвицѣ Оболдуевой?

Окоемовъ.

Сдѣлайте одолженіе! Для меня каждая малость дорога; мнѣ все нужно принять въ соображеніе. Во-первыхъ, я забылъ, какъ ее зовутъ.

Сосипатра.

Матрена Селивёрстовна. Еще чего не нужно ли?

Окоемовъ.

Все, что ни скажете, для меня чистое золото.

Сосипатра.

Вы ей нравитесь больше всѣхъ нашихъ молодыхъ людей.

Окоемовъ.

Да неужели? Вы не шутите?

Сосипатра.

Нисколько. Она за тѣмъ и пріѣхала, чтобъ повидаться съ вами.

Окоемовъ.

Изъ чего же вы это заключаете?

Сосипатра.

Она сама сказала; она вѣдь откровенна. Она говоритъ: «Я очень богата, и въ своихъ чувствахъ стѣснять себя не желаю».

Окоемовъ.

Какъ это мило съ ея стороны.

Сосипатра.

Теперь не желаете ли, чтобъ я васъ представила ей?

Окоемовъ.

Ужъ осчастливьте до конца, по гробъ не забуду.

Сосипатра (*въ дверь направо*).

Матрена Селиверстовна, не прячьтесь! Выползайте на свѣтъ Божій. Здѣсь свои. (*Выходитъ Оболдуева*) [1].

---

[1] Держитъ себя въ продолженіи всей сцены неподвижно, не позволяя себѣ никакихъ жестовъ, на подобіе изваянія, говоритъ медленно, однимъ тономъ, не повышая и не понижая голоса.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Сосипатра, Окоемовъ и Оболдуева.

Сосипатра.

Честь имѣю представить вамъ: Аполлонъ Евгеньичъ Окоемовъ

Оболдуева.

Да, это они; я ихъ видѣла.

Сосипатра.

Это вашъ гость, а не мой; я могу оставить васъ, не извиняясь. Вы здѣсь хозяйка. (*Уходитъ*).

Оболдуева (*садясь*).

Присядьте! Что-жь вы!

Окоемовъ.

Благодарю васъ. (*Садится*).

Оболдуева.

Ну, что-жъ, мы такъ-то сидимъ! Объ чемъ же мы будемъ говорить? Говорите что-нибудь! Мнѣ антиресно васъ послушать.

Окоемовъ.

Я давно искалъ случая; но я боюсь наскучить вамъ своими жалобами на судьбу; я человѣкъ несчастный.

Оболдуева.

Да все одно, говорите, что хотите, а я на васъ смотрѣть буду.

Окоемовъ.

Я очень несчастливъ своей женитьбой, я погубилъ себя. Долго распространяться о своихъ горестяхъ я не стану; скажу вамъ коротко: жена моя глупа, и что хуже всего, не вѣрна мнѣ. Матрена Селивёрстовна! помочь вы не можете, хоть пожалѣйте меня, хоть поплачьте вмѣстѣ со мной.

Оболдуева.

Жалѣть всѣхъ невозможно, и ежели плакать обо всемъ, такъ слезъ недостанетъ.

Окоемовъ.

Ахъ! Я несчастливъ отъ того, Матрена Селивёрстовна, что родился съ душой, нѣжной, чувствительной.

Оболдуева.

Что-жъ, это очень хорошо.

Окоемовъ.

Но моя душа не находитъ отвѣта. Съ горя, съ отчаянія, я хотѣлъ утѣшить себя веселой жизнью: я бросился въ разгулъ. въ общество людей праздныхъ.

Оболдуева.

И частенько таки вы...

Окоемовъ.

Что «частенько»?

Оболдуева.

Запиваете-то?

Окоемовъ.

Я не запиваю.

Оболдуева.

Да вы не лгите, лучше вы мнѣ всю правду... Вы не стыдитесь! Нѣтъ... ежели не надолго да не часто, тàкъ раза два-три въ годъ, такъ это ничего.

Окоемовъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь! Я ищу любви, Матрена Селивёрстовна... ищу и не нахожу... Я готовъ полюбить и буду любить всякую женщину. Мнѣ красоты не нужно, мнѣ нужно любящее сердце. Красоту я видалъ, а сердца не находилъ.

Оболдуева.

Вотъ, одно сердце страдаетъ, а другое не знаетъ. Я жила здѣсь въ городѣ, такъ всѣ глаза проглядѣла на васъ, когда, бывало, дѣлаю проминажъ. Я каждый день дѣлаю проминажъ въ каретѣ и часто встрѣчала васъ на улицѣ. Вотъ тогда я и полюбила васъ за вашу красоту.

Окоемовъ.

Какое несчастіе, что я этого не зналъ. Я бы не женился, не сдѣлалъ этой непростительной глупости.

Оболдуева.

Да ужъ вамъ теперь жениться нельзя и любить постороннюю женщину грѣхъ; потому что вы въ законѣ живете.

Окоемовъ.

Ну, я грѣха не побоюсь, я полюблю женщину, если она того стоитъ и меня любитъ.

Оболдуева.

Это хорошо.

Окоемовъ.

Да я и жениться могу, нужно только развестись съ женой.

Оболдуева.

А это еще лучше, потому крѣпче, и для всякой женщины пріятнѣе. Какое же это сравненіе! мужъ или другой кто! мужъ завсегда при тебѣ, никуда не уйдетъ, а другого кàкъ удержишь! Ежели вамъ на разводъ деньги нужны, такъ я могу дать, сколько потребуется; я за этимъ не постою. Кого я полюблю, такъ тому человѣку очень хорошо; подарки дарю и деньга́ми даю.

Окоемовъ.

Конечно, что же вамъ стоитъ при вашемъ состояніи.

Оболдуева.

У насъ есть молодецъ, просто артельщикъ, по-русски ходитъ; а понравился мнѣ, такъ теперь въ спинжакахъ ходитъ и при часахъ.

Окоемовъ.

Вы, съ вашими средствами, всякаго можете осчастливить.

Оболдуева.

Только вѣдь этого вашего разводу долго ждать.

Окоемовъ.

Съ деньгами скоро сдѣлаемъ.

Оболдуева.

То-то же. Я еще вамъ вотъ что скажу: у меня такой характеръ, коли я кого люблю, чтобы и меня на отвѣтъ любить завсегда, постоянно и аккуратно, и чтобъ никакихъ подлостевъ.

Окоемовъ.

Да помилуйте, какъ это возможно! Ваше расположеніе каждый долженъ за счастіе считать. Вы отъ измѣны застрахованы.

Оболдуева.

Ну, смотрите же, чтобъ никакого даже сумлѣнія не было, чтобъ мнѣ этимъ самымъ сумлѣніемъ не мучиться. А то, я отъ сумлѣнія могу придти въ разстройство. Такъ сами разсудите, какой же мнѣ антиресъ за свои же деньги себѣ разстройство чувствъ получить?

Окоемовъ.

Совершенно справедливо.

Оболдуева.

И, при всемъ томъ, я въ разстройствѣ бываю ужасно какъ горяча и нетолько что всякими бранными словами, но и руками бываю неосторожна. Такъ что меня всѣ домашніе даже очень боятся; потому я въ это время никакой осторожности не наблюдаю, а что подъ руку попало.

Окоемовъ.

Да, конечно, характеры бываютъ разные.

Оболдуева.

Подождите, я подарю вамъ подарокъ. (*Встаетъ*).

Окоемовъ.

Благодарю васъ. (*Цѣлуетъ руку Оболдуевой*).

Оболдуева.

Ну, что цѣловать прежде времени. (*Уходитъ. Изъ средней двери выходитъ Сосипатра*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Окоемовъ и Сосипатра.

Сосипатра.

Съ чѣмъ поздравить?

Окоемовъ.

Съ полнымъ успѣхомъ. Я блаженствую. Благодарю васъ.

Сосипатра.

За что? Вы меня обижаете. Это ужь ея и ваше дѣло, я тутъ не причемъ. И, пожалуйста, вы меня не путайте въ эту исторію. Она моя гостья, она желала васъ видѣть; я изъ гостепріимства, не могла отказать ей, а какія у васъ и у нея цѣли и намѣренія, это ужь до меня не касается.

Окоемовъ.

А вы правду говорили. Она совсѣмъ не воспитана, такая простушка. Это немножко странно на первый взглядъ; но ничего, пожалуй, даже мило.

Сосипатра.

Я эту милую простоту знаю. Она состоитъ въ незнаніи того, что нужно знать и въ знаніи того, что не нужно знать. Надо быть глубоко безнравственнымъ, чтобы мириться съ такой простотой.

Окоемовъ.

А милліоны-то вы и забыли; милліоны примирятъ со всѣмъ.

Сосипатра.

А у меня въ гостяхъ еще одна ваша знакомая, московская, Сусанна Сергѣевна.

Окоемовъ.

Ахъ, увольте!

Сосипатра.

Да ужь я ей сказала, что вы здѣсь.

Окоемовъ.

Нельзя ли какъ скрыться незамѣтнымъ образомъ? Скажите, что я къ ней заѣду сегодня же. Гдѣ она остановилась?

Сосипатра.

Что вы такъ перепугались? Видно, дѣло-то не чисто?

Окоемовъ.

Нѣтъ, я тутъ ни чуть не виноватъ, но она женщина навязчивая; она меня преслѣдуетъ своей любовью.

Сосипатра.

Куда же васъ спрятать, я не знаю. Да вотъ и она! Ужъ выпутывайтесь сами, какъ хотите! (*Изъ средней двери выходитъ Сусанна. Сосипатра уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Окоемовъ и Сусанна.

Окоемовъ.

Сусанна Сергѣвна! Какими судьбами?

Сусанна.

Пріѣхала имѣніе закладывать да васъ посмотрѣть.

Окоемовъ.

Развѣ вы не получали моего письма?

Сусанна.

Какого письма?

Окоемовъ.

Я просилъ у васъ извиненія; я просилъ васъ забыть меня и оставить всѣ наши переговоры безъ послѣдствій. Я писалъ вамъ, что я опомнился, что моя любовь къ вамъ не была серьёзной страстью, что это было какое-то безотчетное и неразумное увлеченіе, въ которомъ я раскаяваюсь.

Сусанна.

Нѣтъ, вы не раскаяваетесь; вы еще будете раскаяваться. Вы мнѣ ничего не писали и намѣреніе свое вы перемѣнили только сегодня, когда увидали Оболдуеву.

Окоемовъ.

А хоть бы и такъ; какое право вы имѣете требовать отъ меня отчета? Вы не жена моя.

Сусанна.

Ахъ, кстати! Я сейчасъ познакомилась съ женой вашей, она очень милая женщина.

Окоемовъ (*съ испугомъ*).

Она здѣсь?

Сусанна.

Здѣсь. Что! Испугались!

Окоемовъ.

Нѣтъ. Я ничего теперь не испугаюсь; я пойду напроломъ. Слишкомъ великъ кушъ, чтобъ колебаться. Такіе случаи не повторяются въ жизни.

Сусанна.

Ахъ, несчастный, какъ вы глубоко падаете А главное-то, я изъ-за васъ пари проиграла.

Окоемовъ.

Какое пари?

Сусанна (*печально*).

Конфеты. Фунтовъ пять купить надо будетъ.

Окоемовъ.

Ну, вотъ горе какое! Велики деньги!

Сусанна.

Хоть и не велики, а все-таки дороже васъ; вы и ихъ не стоите. (*Уходитъ*).

Окоемовъ.

Что же Оболдуева не идетъ съ подаркомъ? Я бы скрылся въ ея комнатѣ. (*Входитъ Пьеръ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Окоемовъ, Пьеръ, *потомъ* Иванъ.

Пьеръ.

Аполлонъ, я за тобой. Никандръ Семенычъ тебя дожидается.

Окоемовъ.

Погоди, Пьеръ! Тамъ жена; а мнѣ не хотѣлось бы съ ней встрѣчаться.

Пьеръ.

Ничего, мы проскользнемъ незамѣтно.

Окоемовъ.

Мнѣ надо подождать немного, я сейчасъ получу значительный купъ.

Пьеръ.

Интересныя новости! Оболдуева вышла замужъ.

Окоемовъ.

То есть, скоро выдетъ, а еще не вышла.

Пьеръ.

Нѣтъ, вышла. У Никандра Семеныча сидитъ ихъ управляющій; онъ говоритъ, что она вышла замужъ на прошлой недѣлѣ за профессора.

Окоемовъ.

За профессора?

Пьеръ.

Бѣлой магіи. Никандръ Семенычъ говоритъ, что тебѣ сейчасъ надо ѣхать въ Москву и кончать дѣло съ Лундышевой.

Окоемовъ.

Оболдуева здѣсь, говорю тебѣ; я самъ ее видѣлъ.

Пьеръ.

Ты ошибаешься. Справки наведены самымъ тщательнымъ образомъ: у Сосипатры Семеновны остановилась какая-то барыня, пріѣзжая изъ Москвы. Съ ней только одна горничная; я ее видѣлъ, прехорошенькая.

Окоемовъ.

Вотъ эта пріѣзжая-то Лундышева и есть. И я ужь дѣло испортилъ. (*Входитъ Иванъ*).

Иванъ (*подавая Окоемову пакетъ*).

Отъ госпожи Оболдуевой. (*Уходитъ*).

Пьеръ.

Вотъ сейчасъ все дѣло объяснится.

Окоемовъ (*разорвавъ пакетъ*).

Мои письма къ Сусаннѣ Сергѣевнѣ Ландышевой. Я попалъ въ ловушку. (*Молчаніе*). Нѣтъ, я еще молодъ для крупныхъ операцій. Надо больше хладнокровія... Надо мной насмѣялись, какъ надъ мальчишкой! И вѣдь было замѣтно... вѣдь я чувствовалъ, что тутъ что-то не такъ. Милліоны-то меня ужь очень отуманили, Пьеръ. Кажется, посади передо мной куклу, да скажи, что это Оболдуева, я и то бы сталъ ручки цѣловать. Куда же я гожусь послѣ этого? На серьёзное честное дѣло не способенъ, при большомъ плутовствѣ—теряюсь; остается только мелкое мошенничество.

Пьеръ.

Ты ужь слишкомъ мрачно смотришь на жизнь.

Окоемовъ.

Теперь только одна надежда на милость жены. Я готовъ подчиниться ея приговору, какъ бы жестокъ онъ ни былъ. Все-таки это лучшій выходъ изъ моего положенія. Пять минутъ тому назадъ, я считалъ себя обладателемъ милліоновъ, а теперь что̀ я? О, съ какой радостью пошелъ бы я теперь въ лакеи самому себѣ. Безподобное существованіе: у безпутнаго барина лакею житье отличное. Если жалованье получаешь не всегда аккуратно, за то доходы есть, и воровать можно, сколько угодно. Потребности небольшія; пиджакъ съ баринова плеча производитъ на горничныхъ дѣйствіе поразительное; всегда веселъ и никакой отвѣтственности ни передъ совѣстью, ни передъ обществомъ. Чѣмъ не жизнь? (*Портьера открывается, входятъ: Сосипатра, Зоя, Сусанна и Лотохинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Окоемовъ, Пьеръ, Сосипатра, Зоя, Сусанна и Лотохинъ.

Сосипатра.

Такъ тонутъ маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой.

Зоя Васильевна! я отмстила за васъ; теперь оскорбленіе, нанесенное вамъ, заглажено, если не въ вашемъ сердцѣ, такъ въ общественномъ мнѣніи. Я мстила вообще за женщину; а за себя расправляйтесь, какъ знаете! Позоръ, которымъ они хотѣли покрыть васъ, обратился на ихъ голову. Русскій человѣкъ любитъ посмѣяться надъ ближнимъ и смѣется безжалостно. Вотъ пусть они попробуютъ теперь показаться куда-нибудь въ публичное мѣсто; они оцѣнятъ силу и мѣткость русскаго остроумія. А ваше несчастіе послужитъ намъ урокомъ: другая и призадумается передъ замужествомъ-то и не кинется, очертя голову, на шею первому встрѣчному.

Лотохинъ.

Нѣтъ, я съ вами не согласенъ. Для женщины уроковъ нѣтъ... Мало ли было подобныхъ исторій, а женщины все тѣ же.

Сосипатра.

Ну, по крайней мѣрѣ, у насъ въ городѣ или хоть въ нашемъ кружкѣ этотъ случай послужитъ предостереженіемъ.

Лотохинъ.

Едва ли.

Пьеръ (*Окоемову*).

Поѣдемъ! Пора!

Сосипатра.

Куда вы торопитесь?

Пьеръ.

У насъ торжественный завтракъ. Мы къ Аполлинаріи Антоновнѣ, она выходитъ замужъ за Жоржа.

Лотохинъ.

Ну, вотъ извольте полюбоваться. Вотъ вамъ и уроки! Бабѣ пятьдесятъ лѣтъ, выходитъ замужъ чуть не за мальчика и радарадехонька.

Сосипатра.

Ну, ужь теперь я молчу. Я завтра же уѣду въ деревню на все лѣто.

Сусанна.

И я тоже.

Лотохинъ.

А мы къ тебѣ съ Зоей Васильевной въ гости.

Сусанна.

Милости просимъ.

Лотохинъ.

Выпишемъ твоего полковника, да и обвѣнчаемъ васъ.

Сусанна.

Я его боюсь, онъ очень уменъ.

Лотохинъ.

Ну, это бѣда не большая. Поживете вмѣстѣ и сравняетесь.

Сусанна.

Ты думаешь, я поумнѣю?

Лотохинъ.

Ну, это рѣдко бываетъ. А скорѣе онъ поглупѣетъ, какъ поживетъ съ тобой. Вотъ и будете пара. (*Окоемову*). Вы желаете получить документы? Изъ нихъ я могу возвратить вамъ только довѣренность Зои Васильевны, остальные вамъ не принадлежатъ. А довѣренность я вамъ отдамъ съ большимъ удовольствіемъ, потому чта она ужь формально уничтожена. Я бы вамъ совѣтовалъ уединиться въ деревню годика на два, на три и заняться хозяйствомъ, чтобы поправить тѣ ущербы, которые вы нанесли имѣнію. Управлять тамъ будетъ новый управляющій; а вы будете только присматривать и помогать ему. Впрочемъ, какъ вамъ угодно.

Зоя.

А я, какъ и всегда, хочу заплатить вамъ за зло добромъ. (*Отдаетъ Окоемову пакетъ*). Вотъ ваши векселя, я ихъ выкупила. Вы боялись отвѣтственности, эти векселя лежали тяжелымъ гнетомъ на душѣ вашей; въ тревогѣ, въ страхѣ вы готовы были даже на преступленіе. Теперь вамъ бояться нечего; ничто васъ не тянетъ въ пропасть; передъ вами открыты всѣ дороги, и хорошія, и худыя, и вы совершенно свободны въ выборѣ.

Окоемовъ.

Векселя! О, какое великодушіе! Зоя, ты ангелъ!

Зоя.

Вы меня пугали разлукой, и я ее очень боялась; теперь я сама желаю разлуки. Любить мужчину только за красоту я уже считаю безнравственнымъ. Вчера я перенесла ужасную пытку; и эта пытка отрезвила меня. Еслибъ вы съ уваженіемъ, котораго я заслуживаю, съ любовью, которой я стою, сказали мнѣ: «Зоя, я гибну, ты мѣшаешь моему счастью, спаси меня!» Я бы не

винила васъ, и кто знаетъ, какъ бы я поступила. Я способна на самоотверженіе, я вамъ это доказала. Вы говорили со мной не какъ мужъ, не какъ любящій человѣкъ, а какъ неисправимый, наглый развратникъ. Добрая, честная женщина способна на безконечную преданность, способна прощать мужу его недостатки, пороки, переносить незаслуженныя оскорбленія; въ горькихъ обстоятельствахъ терпѣнію ея нѣтъ конца; но знайте, что есть границы, за которыя честная женщина не перейдетъ никогда. Постарайтесь, я не говорю исправиться, постарайтесь найти въ своей душѣ хоть что-нибудь доброе, честное, и я опять полюблю васъ и все остальное прощу вамъ; отъ васъ зависитъ, чтобъ разлука наша не была вѣчной. Всякій хорошій поступокъ вашъ будетъ приближать васъ ко мнѣ и всякій дурной—отдалять отъ меня. Я ужь не убѣждаю васъ, а прошу васъ... вы видите мои слезы... постарайтесь быть порядочнымъ человѣкомъ и доставьте мнѣ счастье опять полюбить васъ. Прощайте!

А. Н. Островскій.

10 декабря 1882 г.

КЪ ВОПРОСУ
О БѢДНОСТИ, ЕЯ ПРИЧИНАХЪ И УСТРАНЕНІИ.

(По поводу экономической теоріи Джорджа [1]).

Развѣ вопросъ о бѣдности и нуждѣ, ихъ причинахъ и устраненіи стоитъ у насъ на очереди? Развѣ имъ интересуются въ настоящее время, его разрабатываютъ, его разрѣшеніемъ занимаются? Повидимому, вовсе не эти вопросы и заботы лежатъ на сердцѣ современнаго поколѣнія; не они составляютъ злобу дня нашей эпохи. Политическіе вопросы стоятъ на первомъ планѣ, извѣстно какіе, а въ сферѣ экономической, что насъ интересуетъ? Прежде всего, мы интересуемся теперь усовершенствованіемъ формъ производства при помощи капитализма; мы интересуемся также ландлордизмомъ и исторически-славными формами ирландской арендной системы, старательно заботясь о ихъ насажденіи у насъ; мы интересуемся вящимъ сосредоточеніемъ капиталовъ, при помощи концессій, протекціонизма, коммерческаго кредита, акціонерныхъ компаній, и т. д. Капитализмъ и ландлордизмъ—вотъ чѣмъ мы интересуемся, что призываемъ, о чемъ заботимся, что насаждаемъ и внѣдряемъ въ рутину нашей экономической жизни. Капитализмъ и ландлордизмъ, ихъ развитіе и успѣхи, да это, конечно, не совсѣмъ похоже на заботы объ уничтоженіи бѣдности и нужды! Это—заботы имущихъ классовъ стать еще болѣе имущими; это стремленіе экономически господствующихъ классовъ, сдѣлаться еще болѣе господствующими. Вотъ наши злобы дня, а, говоря высокимъ слогомъ, *дневи довлѣетъ злоба его*, что̀ въ переводѣ на слогъ низкій будетъ приблизительно въ родѣ «не суйся съ суконнымъ рыломъ да въ калачный рядъ». Сегодня рынокъ нашихъ интересовъ и заботъ

---

[1] *Progress and Poverty*, an inquiry into the cause of industrial depressions and of increase of want with increase of wealth. The Remedy. By Henry George. London. 1882.

весь сосредоточенъ въ калачномъ ряду капитализма и ландлордизма, а у бѣдности, конечно, суконное рыло! Какъ же являться-то намъ съ нашими вопросами объ этой бѣдности, ея нуждахъ и заботахъ, ея скорбяхъ и страданіяхъ, на эту ярмарку алчной суеты и жаднаго тщеславія, гдѣ общество всецѣло поглощено заботою накопленія, сосредоточенія и монополизаціи капитала и землевладѣнія, гдѣ всѣ помыслы и пожеланія, дѣйствія и мечтанія всецѣло заняты этимъ дѣломъ, столь неудобнымъ при состраданіи къ бѣдности, столь несовмѣстимымъ съ заботами объ ея устраненіи? Развѣ тотъ, чей идеалъ — доходы безъ труда, склоненъ заботиться о справедливомъ вознагражденіи труда, способенъ оцѣнить правомѣрность этого вознагражденія? Конечно, нѣтъ; вся исторія есть тому одно безконечно длинное и безконечно омерзительное доказательство. Но таже исторія представляетъ собою столь же непрерывную картину дѣятельности мысли и подвиговъ героевъ моральнаго долга въ ихъ борьбѣ съ экономическою несправедливостью, какую бы форму она ни принимала: юридически установленнаго рабства, или (маскированной при помощи нищей свободы) экономической кабалы. Рабство пало и не воскреснетъ; но кабала еще сидитъ на первомъ мѣстѣ, командуетъ настоящимъ и провозглашаетъ себя опорою цивилизаціи, покровительницею просвѣщенія, защитницею порядка, права и свободы. Въ свое время рабство предъявляло подобныя же притязанія и долго, слишкомъ долго для чести человѣчества, эти притязанія признавались и служили «основами» всякаго цивилизованнаго общежитія. Люди мысли, которые пробовали сомнѣваться въ правомѣрности этихъ основъ и въ ихъ зиждительной силѣ, люди моральнаго долга, которые пробовали бороться съ этимъ зломъ и полагали, что цивилизація можетъ и должна обойтись безъ рабства, эти мыслители и дѣятели признавались опасными мечтателями, вредными сектантами, возмутителями спокойствія государства и общества; ихъ преслѣдовали, съ ними боролись, казнили и заточали. Но чѣмъ сильнѣе были эти гоненія, чѣмъ успѣшнѣе умѣло общество вырывать изъ среды своей плевелы общественной мысли и крапиву моральнаго долга, тѣмъ скорѣе и неумолимѣе исторія карала и казнила это общество, столь успѣшно охранявшее свои незыблемыя «основы». Что рабство было главною причиною паденія древняго міра и его блестящей цивилизаціи—это стало теперь общераспространенною истиною. Въ новой Европѣ, такимъ же образомъ, успѣхи странъ, которыя, какъ Англія или Нидерланды, не успѣли уничтожить въ своей средѣ людей мысли и долга, и пораженія странъ, которыя, какъ Испанія, съумѣли

достичь наисовершеннѣйшаго охраненія своихъ *основъ*, эти успѣхи и эти пораженія направили развитіе новаго міра по пути къ свободѣ и равноправности. Чтобы успѣвать—надо не отставать; чтобы торжествовать международную побѣду—надо не слишкомъ ревностно охранять свои «основы», не очень ревниво преслѣдовать людей мысли и нравственнаго долга. То обстоятельство, что процвѣтаніе, богатство и могущество государствъ, часто самое даже ихъ существованіе зависитъ нетолько отъ присутствія въ обществѣ людей мысли и моральнаго долга, но и отъ того, насколько приняты во вниманіе интересы большинства; эта тѣсная связь между степенью угнетенія и нужды, составляющихъ удѣлъ большинства, и преуспѣяніемъ націи, какъ цѣлаго, и составляетъ одинъ изъ могущественныхъ рычаговъ, на который можетъ опираться прогрессивная мысль и активная мораль въ своихъ заботахъ объ устраненіи бѣдности и нужды. Чувство справедливости по отношенію къ трудящемуся, не пользующемуся плодами труда своего; чувство состраданія къ этому большинству, къ этому множеству женщинъ и дѣтей, принужденныхъ въ нищетѣ и униженіи, невѣжествѣ и грубости, снискивать непосильными трудами право влачить свою убогую жизнь; наконецъ, чувство патріотическаго долга передъ отечествомъ, котораго процвѣтаніе и могущество зависятъ отъ благосостоянія и преданности сихъ нищихъ и убогихъ, униженныхъ и оскорбленныхъ — все это соединяется, чтобы вопросъ о бѣдности, ея причинахъ и устраненіи не былъ бы вопросомъ неумѣстнымъ или несвоевременнымъ во всякомъ обществѣ, имѣющемъ претензію на историческую жизнь, имѣющемъ виды на историческую роль. И чѣмъ омерзительнѣе громкіе возгласы дѣятелей кабалы, эти оргіи дѣятелей капитализма и ландлордизма, тѣмъ настоятельнѣе выдвигается общій вопросъ о причинахъ бѣдности и нужды, потому что тѣмъ опаснѣе невниманіе къ нему, тѣмъ болѣе чревато будущее экономическими осложненіями и моральнымъ разложеніемъ. Экономическая кабала, которая, въ формѣ капитализма и ландлордизма, нынѣ замѣнила собою легальное рабство и, подобно послѣднему, узурпируетъ всѣ плоды труда, оставляя ему лишь необходимое на прожитіе (что оставляло ему и рабство), эта кабала, подобно тому же рабству, пробуетъ узурпировать въ свою пользу *«основы»* общежитія. Порядокъ, цивилизація, просвѣщеніе, право собственности—все это, оказывается, освящаетъ собою кабалу и ею, кабалою, поддерживается. Не тоже ли утверждало въ свое время и рабовладѣніе? Оказалось, однако, что порядокъ, цивилизація и просвѣщеніе лишь выиграли отъ отмѣны рабовладѣнія, а право собственности на чужое

тѣло и чужой трудъ признано теперь (даже адвокатами кабалы) вопіющимъ нарушеніемъ истиннаго права собственности, явнымъ противорѣчіемъ съ истиннымъ его пониманіемъ. Но, не признавая права собственности на чужой трудъ, эти адвокаты кабалы защищаютъ право собственности на продукты чужого труда. Капитализмъ и ландлордизмъ являются именно такими экономическими формами общежитія, при которыхъ право собственности на трудъ принадлежитъ самому рабочему, но продукты этого труда капиталисту и землевладѣльцу. Эти формы вполнѣ развились и господствуютъ на западѣ Европы; они частью уже вторглись, частью еще только вторгаются къ намъ и наша экономическая жизнь представляетъ пеструю амальгаму несовмѣстныхъ принциповъ, являющихся то завѣтомъ старины, отрицавшей ландлордизмъ и капитализмъ, то вторженіемъ новаго западно-европейскаго строя съ обособлеными факторами производства, съ капитализмомъ, ландлордизмомъ и пролетаріатомъ. Чѣмъ кончится это столкновеніе принциповъ, если все останется по старому или даже, какъ теперь, если все будетъ покровительствовать сосредоточенію капитала и землевладѣнія—предвидѣть не трудно, но именно поэтому-то теперь вопросъ о тѣсной связи между экономической кабалой съ одной стороны и такими экономическими явленіями, какъ ландлордизмъ и капитализмъ—съ другой, вопросъ о причинахъ бѣдности есть вопросъ дня. Вотъ почему совершенно умѣстно и своевременно появленіе суконнаго рыла бѣдности и нужды въ калачномъ ряду насадителей капитализма и ландлордизма.

Мы, русскіе, не знавшіе формы легальнаго рабства, когда вся Европа была страною рабовъ и господъ, ввели у себя эту форму, когда передовыя страны Европы стали одна за другою отказываться отъ рабовладѣнія. Восемнадцатый вѣкъ, бывшій эпохою освобожденія рабовъ почти во всей Европѣ, былъ у насъ эпохою окончательнаго легальнаго развитія этого института. Неужели той же странной подражательности суждено сбыться у насъ и относительно кабальнаго строя? Когда въ Америкѣ и Англіи прямо поставленъ вопросъ о ландлордизмѣ и его отмѣнѣ, когда шаги къ тому сдѣланы уже въ Ирландіи и дѣлаются въ Италіи, въ это самое время мы собираемся его насадить у себя. Тоже и съ капитализмомъ. У насъ и теперь еще вопросъ въ томъ, которой изъ двухъ формъ экономической жизни, реально существующихъ, суждено одержать верхъ (такъ какъ рядомъ онѣ существовать не могутъ) и слѣдовательно вопросъ лишь въ томъ, чтобы оказать содѣйствіе болѣе справедливой и болѣе выгодной формѣ, которую не надо ни изобрѣтать, ни навязывать, потому

что она на лицо; на Западѣ, между тѣмъ, задача гораздо болѣе сложная и трудная—отмѣнить существующую форму и замѣнить ее новыми формами, неиспытанными и необычными. Желаемъ ли и мы предварительно столь же осложнить проблему, чтобы потомъ пройти всѣ фазисы кризисовъ и экономическихъ нестроеній, постоянно тревожащихъ и грозящихъ Европѣ? Конечно, идя въ хвостѣ Европы и перенеся всѣ тѣ страданія и опасности, которыя та перенесла, переноситъ и еще перенесетъ, мы будемъ имѣть и готовое, ею, тою же Европою, найденное рѣшеніе, но неужели вѣчно влачиться въ хвостѣ Европы и есть наша самобытность (потому что именно господа самобытники soi disant и суть у насъ адвокаты кабалы)? Неужели возстать противъ вторженія къ намъ капитализма и, остановивъ развитіе достаточно уже распространенной формы ландлордизма, поддержать исконныя формы землевладѣнія и землепользованія, распространить ихъ и открыть возможность перехода и остальныхъ формъ въ эту, неужели это не будетъ и самобытнѣе, и легче, нежели продѣлывать съизнова всю западно-европейскую экономическую исторію, лишь бы отречься отъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ идей? Но оставимъ въ сторонѣ лукавую самобытность калачныхъ рядовъ и обратимся, наконецъ, къ предмету этой статьи, къ новому экономическому изслѣдованію о причинахъ бѣдности и нужды и ихъ устраненіи.

Новое изслѣдованіе, о которомъ я упомянулъ, принадлежитъ американскому экономисту *Генриху Джорджу*, издавшему, года два тому назадъ, въ Санъ-Франциско книгу подъ заглавіемъ «*Прогрессъ и бѣдность*», изслѣдованіе о причинахъ промышленныхъ нестроеній, о возростаніи нужды вмѣстѣ съ возростаніемъ богатства и объ устраненіи этихъ явленій». Успѣхъ этого краснорѣчиваго изслѣдованія былъ такъ значителенъ, что сочиненіе американскаго автора удостоилось чести проложить себѣ дорогу въ европейскія литературы. Оно переведено на нѣмецкій языкъ и переиздано въ Англіи; рѣдкое отличіе для американской книги. Изслѣдованіе Джорджа пріобрѣло довольно значительную популярность и нынѣ въ Англіи и Америкѣ организуется партія, поставившая своею задачею провести реформы, предложенныя Джорджемъ. Все это придаетъ тѣмъ бо́льшій интересъ доктринамъ Джорджа, что изъ нихъ нашъ авторъ выводитъ свою программу, «которая является, по мнѣнію Джорджа, простымъ, но дѣйствительнымъ средствомъ для того, чтобы возвысить заработную плату, увеличить выручку капитала, уничтожить пауперизмъ, доставить всякому желающему справедливо оплаченное занятіе, открыть широкое и свободное поприще человѣческой дѣятельности, умень-

шить преступность, поднять уровень нравственности, вкуса и образованности, улучшить правительство и увлечь нашу цивилизацію на благородныя, нынѣ недоступныя высоты» [1]. Эта широкая проблема, достойная человѣческаго труда и дѣятельности, эта великая задача, способная возбудить благороднѣйшія чувства и отвѣтить лучшимъ стремленіямъ человѣческой природы, является между тѣмъ такимъ контрастомъ тому, что мы видимъ и что насъ окружаетъ; эта дѣйствительность такъ далека отъ осуществленія подобной проблеммы, такъ мало соотвѣтствуетъ этой свѣтлой картинѣ, обѣщанной Джорджемъ, и такъ много и постоянно служитъ лишь матеріаломъ для разочарованій! На эти разочарованія указываетъ и Джорджъ. Указавъ на быстроту изобрѣтеній и открытій, столь безконечно увеличившихъ производительность труда въ теченіе какихъ нибудь ста лѣтъ, Джорджъ замѣчаетъ: «Въ началѣ чудесной эры этой можно было надѣяться (и дѣйствительно надѣялись), что изобрѣтенія, сберегающія трудъ, облегчатъ тягости и улучшатъ условія быта рабочаго, что громадное увеличеніе производительной силы сдѣлаетъ бѣдность явленіемъ прошедшаго. Еслибы человѣкъ прошлаго столѣтія — какой-нибудь Франклинъ или Пристлей — могъ, прозрѣвая будущее, увидѣть, какъ пароходъ замѣнилъ парусное судно, паровозъ—телегу, жатвенная машина—серпъ, молотильная—цѣпъ; еслибы онъ могъ узнать, что машины, нынѣ находящіяся въ распоряженіи человѣчества и служащія для удовлетворенія его желаній, оказываются сильнѣе всѣхъ людей и всѣхъ домашнихъ животныхъ всего земного шара; если бы онъ могъ увидѣть наши фабрики, гдѣ подъ надзоромъ одной дѣвочки вырабатывается полотна больше, нежели прежде производили сто ткачей, наши паровые молоты, наши мелкія машинки и т. д., и т. д.; еслибы онъ могъ только представить себѣ то громадное сбереженіе труда, которое вытекаетъ изъ быстроты и легкости обмѣна и сношеній и которое дозволяетъ напр. потреблять въ Лондонѣ свѣжее мясо овцы, убитой въ Австраліи, или въ Санъ-Франциско сегодня утромъ исполнять распоряженія, данныя сегодня же послѣ обѣда въ Англіи; еслибы онъ, этотъ Франклинъ или Пристлей могъ только вообразить себѣ всѣ сотни тысячъ усовершенствованій, на которыя здѣсь лишь вскользь указано, что̀ бы онъ долженъ былъ заключить о соціальномъ состояніи человѣчества?» Онъ вѣроятно ожидалъ бы увидѣть новый золотой вѣкъ: онъ конечно былъ бы увѣренъ, что эти новыя силы, переустроивъ вполнѣ общественный бытъ, «возвы-

[1] Poverty and progress, 364.

сили самаго бѣднаго надъ всякою возможностью недостатка, избавили самаго низшаго отъ всякой заботы о матеріальной нуждѣ жизни, превратили жизнь бѣднѣйшаго рабочаго въ праздникъ и тѣмъ дали возможность каждому развивать высшія способности и благороднѣйшія побужденія.—Молодость не должна болѣе страдать и гибнуть; старость не должна больше жадничать и скупиться; раздоры должны превратиться въ гармонію. Ибо изъ-за чего ссориться, когда каждому всего вдоволь? Откуда возьмутся пороки, преступленія, невѣжество, грубость, эти порожденія бѣдности и страха бѣдности, когда бѣдность разъ навсегда изгнана?» [1]. Таковы были общія надежды друзей человѣчества, таковыми должны были быть онѣ, но не имъ суждено было сбыться. «Со всѣхъ сторонъ цивилизованнаго міра приходятъ жалобы на промышленное разстройство; всюду жалуются на то, что трудъ осужденъ на невольную праздность (не находитъ занятія), что капиталъ непроизводительно теряется, что предпріимчивые люди нуждаются въ деньгахъ, что рабочее сословіе проводитъ жизнь свою въ нуждѣ, заботахъ и страданіяхъ. Такое положеніе дѣлъ, общее странамъ, столь сильно различающимся по географическому мѣстоположенію, политическимъ учрежденіямъ, фискальнымъ и финансовымъ системамъ, по густотѣ населенія и соціальнымъ формамъ, конечно, съ натяжкою лишь можетъ быть приписано мѣстнымъ причинамъ. Нужда оказывается и тамъ, гдѣ содержатся громадныя постоянныя арміи, и тамъ, гдѣ постоянная армія существуетъ едва лишь номинально; и тамъ, гдѣ протекціонные тарифы стѣсняютъ торговлю, и тамъ, гдѣ торговля совершенно свободна; нужда одинаково проявляется и въ странахъ съ автократическою формою правленія, и въ странахъ, гдѣ политическая власть находится всецѣло въ рукахъ народа; въ странахъ, гдѣ бумага обращается вмѣсто денегъ и гдѣ денежное обращеніе исключительно пользуется золотомъ и серебромъ. *Очевидно, за всѣми этими мѣстными условіями, должна скрываться общая причина»* [2].

Если мы сравнимъ страны по ихъ матеріальному развитію, то скоро убѣдимся, что «тамъ, гдѣ населеніе гуще, богатство — обильнѣе, механизмъ производства и обмѣна — совершеннѣе вообще, гдѣ матеріальное развитіе достигло высшей степени и совершеннѣйшей формы, тамъ же мы находимъ и наиболѣе глубокую бѣдность, сугубую нужду, самую острую и ожесточенную борьбу за существованіе, наиболѣе невольной праздности». А все

---

[1] Ibidem, 1—3.
[2] Ibid. 6.

это лишь доказываетъ, что *исчисленныя общественныя нестроенія «обязаны своимъ существованіемъ не какимъ-нибудь мѣстнымъ обстоятельствамъ, но такимъ или инымъ путемъ порождаются самимъ прогрессомъ»*.—«Эта связь между бѣдностью и прогрессомъ является великою загадкою нашего времени. Оказывается, что именно прогрессъ и есть тотъ центральной коренной фактъ, отъ котораго происходятъ промышленныя, соціальныя и политическія затрудненія, повсемѣстно тревожащія міръ и доселѣ не поддававшіяся никакимъ средствамъ науки, филантропіи и образованности. Самъ прогрессъ, стало быть, порождаетъ тѣ тучи, что омрачаютъ собою будущность самыхъ прогрессивныхъ и самоувѣренныхъ націй. Прогрессъ, такимъ образомъ, представляется загадкою, которую сфинксъ предлагаетъ нашей цивилизаціи подъ опасеніемъ погибели. До тѣхъ поръ, пока все возрастающее богатство человѣчества, которое приноситъ съ собою новѣйшій матеріальный прогрессъ, идетъ единственно на образованіе крупныхъ состояній и на увеличеніе роскоши, пока прогрессъ этотъ только рѣзче и безпощаднѣе проводитъ границы и выставляетъ противуположность между Областью Довольства съ одной стороны и Владѣніями Нужды съ другой, до тѣхъ поръ прогрессъ не можетъ считаться прочнымъ и постояннымъ. Башня современнаго экономическаго строенія шатается съ самаго своего основанія и надстройка каждаго новаго этажа лишь должна ускорять катастрофу» [1].

Эта причинная связь «Прогресса и Бѣдности» и есть то положеніе, изъ котораго исходитъ Джорджъ и разъяснить которое призвано его изслѣдованіе. «На нижеслѣдующихъ страницахъ (говоритъ Джорджъ, заключая свое введеніе) я намѣренъ попытаться разрѣшить, при помощи политико-экономическаго метода, великую проблему, выше очерченную; я намѣренъ розыскать законъ, благодаря которому бѣдность сопровождаетъ прогрессъ, а увеличеніе богатства усиливаетъ нужду» [2].

Главный интересъ этого изслѣдованія сводится къ вопросу о распредѣленіи богатства: почему доля рабочаго въ производствѣ стремится къ minimum'у? почему рента постоянно возрастаетъ? въ чемъ причина прибыли на капиталъ? почему съ ходомъ прогресса распредѣленіе постоянно преобразуется въ ущербъ труду? кто выигрываетъ отъ этихъ потерь рабочаго сословія?

---

[1] Ibid, 9.
[2] Ib., 11.

I.

Между прибылью и рентою.

Классическая политическая экономія (Смитъ, Рикардо, Миль) излагаетъ ученіе о распредѣленіи богатства приблизительно въ слѣдующемъ видѣ. Богатство производится при содѣйствіи трехъ факторовъ—*Земли* (вообще природы), какъ поприща и матерьяла, къ которому прилагается дѣятельность человѣка, *Труда*, преобразующаго и приспособляющаго природу къ потребностямъ человѣка, и *Капитала*, т. е. прежде произведеннаго богатства, которое употребляется либо на содержаніе труда, либо на вооруженіе труда бо̀льшею производительностью (орудія). Трудъ производитъ богатство и создаетъ цѣнности, но для того, чтобы онъ могъ это дѣлать, ему необходимо имѣть доступъ къ землѣ, какъ полю и матеріалу своей дѣятельности, и къ прежде созданному богатству (капиталу), необходимому для содержанія труда и для поддержанія его на среднемъ уровнѣ производительности страны и времени. Вотъ за это-то снабженіе труда землею и прежде созданнымъ богатствомъ владѣльцы земли и капитала и взимаютъ въ свою пользу часть продукта, произведеннаго трудомъ. Поэтому-то распредѣленіе богатства и не соотвѣтствуетъ простой формулѣ: каждому столько, сколько онъ самъ произвелъ. Такая формула есть лишь формула этическая, а политико-экономическія формулы, при современномъ экономическомъ строѣ, никогда не соотвѣтствуютъ этическимъ. Политико-экономическая формула распредѣленія богатства гораздо сложнѣе и представляетъ собою три теоремы: формулу ренты, формулу заработной платы и формулу прибыли, которыми опредѣляются доли землевладѣнія, труда и капитала. Формулу ренты далъ прекрасно и основательно разработанною Рикардо, и съ тѣхъ поръ она принята всѣми, кто ее понялъ, потому что, по выраженію Миля, ее оспаривали лишь тѣ, кто не понималъ. Эта формула исходитъ изъ положенія о разнообразіи естественной производительности и доходности земель. Доходность можетъ зависѣть, конечно, нетолько отъ производительности (плодородія), но и отъ мѣстоположенія и разныхъ соціальныхъ условій мѣстности. Отсюда крайнее различіе между доходностью того же пространства земли при той же затратѣ на него труда и капитала. Это-то обстоятельство и дисконтируется землевладѣніемъ въ свою пользу въ видѣ ренты. Во всей странѣ есть земли, по своей малодоходно-

сти совсѣмъ на обрабатываемыя, и рядомъ съ ними другія, которыя ровно на столько доходны, что обрабатываются, если не уплачиваютъ ренты. Эти-то земли, т. е. самыя малодоходныя, состоящія подъ культурою, и опредѣляютъ собою высоту ренты на остальныхъ земляхъ. Все, превышающее доходность этихъ наименѣе доходныхъ изъ культивируемыхъ земель, взимается въ видѣ ренты, составляетъ ренту. Рента такимъ образомъ опредѣляется низшимъ предѣломъ культуры, понижаясь съ его повышеніемъ и повышаясь съ его пониженіемъ. Поэтому-то рента постоянно ростетъ съ прогрессомъ культуры. Все менѣе и менѣе доходныя земли обращаются подъ культуру, предѣлъ культуры все понижается, рента должна возрастать.

Законы прибыли и заработной платы даны были еще самимъ Адамомъ Смитомъ и потомъ, получивъ новую поддержку въ законѣ народонаселенія Мальтуса, перешли почти цѣликомъ въ трактаты Рикардо и Миля. По Смиту, высота заработной платы зависитъ отъ отношенія между числомъ рабочихъ, ищущихъ занятія, и величиною капитала, предназначеннаго въ данное время и данной странѣ на содержаніе труда. Высота прибыли зависитъ отъ этого же самаго отношенія, такъ что чѣмъ заработная плата выше, тѣмъ прибыль ниже, и наоборотъ. Эта высота заработной платы, опредѣляясь сказаннымъ отношеніемъ, регулируется спросомъ и предложеніемъ. Законъ народонаселенія Мальтуса, введя въ политическую экономію теорему объ умноженіи предложенія труда, т. е. населенія, болѣе быстромъ, нежели умноженіе его спроса, т. е. капитала (средства его содержанія), заставилъ экономистовъ признать, что заработная плата имѣетъ поэтому тенденцію къ minimum'у и опредѣляется суммою, необходимою для содержанія труда и его воспроизведенія (содержаніе семьи). Такимъ образомъ, вкратцѣ резюмируя ученіе классической политико-экономической школы, должно сказать, что распредѣленіе богатствъ происходитъ между представителями труда, капитала и землевладѣнія такъ, что представители труда получаютъ не больше, нежели сколько необходимо для удовлетворенія первыхъ потребностей, чтобы прожить и плодиться; представитель землевладѣнія получаетъ все, что превышаетъ наинизшую доходность культивируемой земли, а все остальное получаетъ капиталъ, въ видѣ прибыли. *Заработная плата опредѣляется уровнемъ минимальныхъ потребностей рабочаго; рента низшимъ предѣломъ культуры; прибыль высотою заработной платы.* Причина низкаго уровня заработной платы по этой теоріи лежитъ въ быстротѣ размноженія; это же размноженіе, вызывая расширеніе культуры на менѣе доходныя земли, есть при-

чина и повышенія ренты. Законъ народонаселенія Мальтуса связываетъ общимъ истолкованіемъ законъ заработной платы А. Смита и законъ ренты Рикардо и является въ трактатахъ классической школы коренною силою, управляющею распредѣленіемъ богатствъ.

Эту теорію распредѣленія Джорджъ оспариваетъ и старается доказать, что изъ всѣхъ этихъ теоремъ можетъ быть признана лишь теорема Рикардо, опредѣляющая законъ ренты. Формулы же прибыли и заработной платы ошибочны и противорѣчивы, а потому и все ученіе о распредѣленіи въ его цѣломъ требуетъ полнаго пересмотра и передѣлки. Начать съ того, что основной законъ, дающій общее истолкованіе и освѣщающій собою весь механизмъ распредѣленія, законъ народонаселенія Мальтуса ложенъ въ самомъ своемъ основаніи. Подробно, въ четырехъ главахъ своей книги, Джорджъ занимается опроверженіемъ мальтузіанизма, доказывая 1) что доводы самого Мальтуса и его послѣдователей на выдерживаютъ ни малѣйшей критики, 2) что формула средствъ (ариѳметическая прогрессія Мальтуса) опровергается уже тѣмъ, что нигдѣ и никогда доселѣ не было случая переполненія населеніемъ страны (для чего онъ подробно разбираетъ примѣры Индіи, Китая и Ирландіи, странъ, которыя обыкновенно приводятся въ видѣ примѣра) и 3) что формула потребностей нетолько не доказана самимъ Мальтусомъ, но прямо опровергается тѣмъ фактомъ, что плодовитость уменьшается съ увеличеніемъ образованности и развитіемъ вкуса, съ повышеніемъ уровня потребностей. Тамъ, гдѣ уровень потребностей низокъ, тамъ плодовитость проявляется сильнѣе. Словомъ не плодовитость производитъ бѣдность, какъ думаетъ Мальтусъ и его послѣдователи, но наоборотъ, бѣдность порождаетъ плодовитость. Я не останавливаюсь подробнѣе на опроверженіи мальтузіанской теоріи Джорджемъ [1], такъ какъ въ русской литературѣ читатели могутъ найти болѣе полное и строгое опроверженіе этой доктрины и такъ какъ подобный анализъ отвлекъ бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета. Но если законъ Мальтуса устраненъ и отвергнутъ, то вмѣстѣ съ этимъ падаетъ все ученіе, какъ цѣлое. Нѣтъ больше общаго истолкованія; нѣтъ единой силы, руководящей распредѣленіемъ. Законы ренты, заработной платы и прибыли, не связанные и не истолкованные закономъ народонаселенія, оказываются уже несогласованными; теорія теряетъ стройность; ученіе оказывается собраніемъ теоремъ, не имѣющихъ другъ къ другу отношенія. Эта безсвязность и без-

[1] Ib. 78—134.

системность ученія сама по себѣ уже является его опроверженіемъ.

Обращаясь къ фактамъ, Джорджъ думаетъ найти въ нихъ явное опроверженіе господствующей теоріи. «Если справедливо, замѣчаетъ онъ:—что заработная плата зависитъ отъ отношенія между количествомъ труда, ищущаго занятія, и величиною капитала, назначеннаго для этого, то высокая рабочая плата (признакъ относительной скудости труда) должна быть сопровождаема низкимъ процентомъ (признакъ относительнаго обилія капитала) и наоборотъ. Однако, мы этого въ дѣйствительности не находимъ. Если выключимъ изъ прибыли элементъ риска и возьмемъ только процентъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. вознагражденіе за пользованіе капиталомъ, то развѣ не повсемѣстная и общеизвѣстная истина тотъ фактъ, что процентъ высокъ тамъ и тогда, гдѣ и когда рабочая плата высока, и наоборотъ? И заработная плата и процентъ выше въ Соединенныхъ Штатахъ, нежели въ Англіи, въ Тихо-океанскихъ Штатахъ, нежели въ При-атлантическихъ. Развѣ нужно еще указывать на тотъ фактъ, что куда притекаетъ трудъ ради высокой платы, туда же стремится и капиталъ ради высокаго процента? Развѣ неизвѣстно, что гдѣ происходитъ общее паденіе или возвышеніе заработной платы, тамъ и процентъ въ тоже самое время и подобнымъ же образомъ падаетъ или возвышается?» [1]. Если же заработная плата и прибыль одновременно повышаются и понижаются, то законъ заработной платы и прибыли, принятый господствующею теоріею, очевидно ложенъ, такъ какъ онъ требуетъ, чтобы заработная плата понижалась, когда повышается прибыль, и наоборотъ. Онъ ложенъ еще и потому, что, утверждая, будто заработная плата заимствуется изъ капитала, этимъ самымъ утверждаетъ, что капиталъ—этотъ продуктъ труда—долженъ быть накопленъ прежде, нежели трудъ можетъ развить свою дѣятельность. Продуктъ труда является какъ бы предсуществующимъ самому труду.

Если не изъ капитала, то откуда же заимствуется рабочая плата? Она является продуктомъ того же труда, за который получается, отвѣчаетъ Джорджъ. Когда рабочій работаетъ на себя, то продуктъ его труда и является его заработною платою; тутъ совершенно ясно, по мнѣнію Джорджа, что заработная плата заимствуется не изъ какого-либо капитала, предсуществующаго труду и ему авансирующаго содержаніе, а изъ продукта того самаго труда, за который получается. Это первый случай, самый простой; немногимъ сложнѣе, когда рабочій нанимается хозяи-

[1] Ibid., 16—17.

номъ изъ доли продукта. Здѣсь тоже ясно, что заработная плата заимствуется изъ продукта труда. Слѣдующимъ затѣмъ осложненіемъ является случай, когда заработная плата выплачивается монетою, но исчисляется размѣръ ея въ видѣ процента на сумму общаго продукта. Въ сущности это тотъ же второй случай съ тою существенною разницею, что для обоюдной выгоды хозяинъ и рабочіе согласились долю послѣднихъ оцѣнивать въ деньгахъ и въ деньгахъ же выдѣлять изъ всей суммы продукта. Остается послѣдній случай, самый сложный, когда заработная плата имѣетъ опредѣленный размѣръ. И здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тотъ общераспространенный фактъ, что заработная плата, будь она задѣльная, поденная, помѣсячная или годовая, выплачивается всегда послѣ того, какъ работа уже сдѣлана и цѣнность работою создана. Въ обмѣнъ за эту цѣнность, уже полученную отъ рабочаго, хозяинъ выдаетъ заработную плату. «Возьмемъ, говоритъ Джорджъ: — капиталиста-фабриканта, который обработываетъ сырой матеріалъ въ тонкія издѣлія, хлопокъ—въ платье, желѣзо—въ орудія, кожу—въ обувь и т. д., и который выдаетъ заработную плату, какъ это общепринято, однажды въ недѣлю. Сдѣлавъ самый точный инвентарь его капиталу въ понедѣльникъ утромъ до начала работы, мы нашли бы его состоящимъ изъ построекъ, машинъ, сырья, наличной суммы въ монетѣ, обработанныхъ готовыхъ продуктовъ. Для упрощенія предположимъ, что въ теченіи недѣли ничего имъ не было ни куплено, ни продано и, что по окончаніи работъ въ субботу, послѣ выдачи заработной платы, сдѣланъ снова инвентарь капитала-фабрики. Сумма наличной монеты окажется меньше, потому что изъ нея выплачена заработная плата; такъ же уменьшится количество сырья, угля и пр., оцѣнка зданій и машинъ тоже должна быть уменьшена въ виду пользованія ими въ теченіе недѣли, порчи и пр. Но за то, если только мы имѣемъ дѣло съ производительнымъ предпріятіемъ, итогъ готовыхъ издѣлій окажется настолько возросшимъ, что нетолько покроетъ всѣ эти минусы, но въ общемъ покажетъ увеличеніе капитала. Очевидно, что цѣнность рабочей платы взята капиталистомъ не изъ капитала, своего собственнаго или чьего-либо другого; очевидно, рабочая плата заимствуется не изъ капитала, а изъ цѣнности, созданной самимъ трудомъ. Здѣсь такъ же нѣтъ никакихъ авансовъ съ стороны капитала». [1]

Заработная плата заимствуется не изъ капитала, но быть можетъ содержаніе труда, покуда онъ работаетъ и ждетъ заработ-

[1] Ib. 53.

ной платы, слѣдуетъ отнести на счетъ капитала? Джорджъ отвергаетъ и это; содержаніе труда не составляетъ нимало функцію капитала. Трудъ содержится собственною производительностью. «Когда Робинзонъ Крузо дѣлалъ свою лодку съ такимъ трудомъ своими несовершенными инструментами, это былъ случай производства, которое долгое время не могло дать непосредственнаго возмѣщенія. Но было ли необходимо при этомъ, чтобы прежде, нежели начинать свою лодку, Робинзонъ скопилъ количество пищи, необходимое для своего пропитанія во весь срокъ, покуда онъ срубалъ дерево, долбилъ лодку и наконецъ спускалъ ее на море? Нисколько. Необходимо было только, чтобы онъ часть своего времени употреблялъ на добываніе пищи, а остальную на сооруженіе и спускъ своей лодки. Предположимъ теперь, что въ такомъ же положеніи находится сто человѣкъ, выброшенныхъ на необитаемый берегъ безъ малѣйшаго запаса провизіи. Необходимо ли для нихъ накопить предварительно столько провизіи, сколько нужно имъ всѣмъ въ теченіи срока полнаго сельско-хозяйственнаго оборота, прежде, нежели приступить къ воздѣлыванію почвы? Нисколько. Необходимо только, чтобы рыба, дичь, ягоды и пр. были на столько обильны, чтобы трудъ части этой сотни людей могъ ежедневно въ достаточной степени снабжать всѣхъ. Что вѣрно въ этомъ случаѣ—вѣрно во всѣхъ случаяхъ. Не слѣдуетъ ли поэтому заключить, что потребленіе снабжается (is supported) не прошедшимъ, а современнымъ ему производствомъ»? [1]

Опроверженіемъ закона Мальтуса уничтожается связность и стройность господствующей теоріи распредѣленія и законы ренты и заработной платы разъединяются, теряя взаимную зависимость и взаимную поддержку. Анализомъ же закона заработной платы Джорджъ полагаетъ окончательно его опровергнуть. Мнѣ кажется, что одного опроверженія закона Мальтуса достаточно для этого опроверженія господствующей теоріи заработной платы. Уровень минимальныхъ потребностей, какъ естественный опредѣлитель заработной платы, выводится господствующею школою единственно изъ закона Мальтуса, изъ теоремы о неизбѣжно болѣе быстромъ возрастаніи предложенія труда (народонаселенія), нежели спроса (капитала). Однажды эта теорема отвергнута, вмѣстѣ съ нею падаетъ и основаніе закона *естественной* заработной платы, стремящейся къ minimum'у. Остается лишь вторая частъ теоремы заработной платы, что отъ ея высоты зависитъ высота прибыли, которая падаетъ съ возвышеніемъ заработной платы и

[1] Ib. 66.

возвышается съ пониженіемъ ея. Вся приведенная аргументація Джорджа такимъ образомъ направлена не противъ закона заработной платы, который опровергается вмѣстѣ съ закономъ народонаселенія, а противъ закона прибыли, противъ воззрѣнія на естественный антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ, оспаривающими другъ у друга доли продукта. Это невѣрно, по мнѣнію Джорджа, 1) потому, что повсюду и всегда возвышеніе и пониженіе заработной платы и процента идутъ рука объ руку, совершаясь одновременно, завися отъ одной причины, связанныя однимъ закономъ, но закономъ согласія, а не антагонизма; а 2) и потому еще, что заработная плата заимствуется не изъ капитала, его нимало не уменьшаетъ ни на какой стадіи производства. Но вся эта аргументація, вкратцѣ нами изложенная выше, составляетъ одну изъ самыхъ слабыхъ частей книги Джорджа. Начать съ того, что эмпирическое обобщеніе объ одновременномъ повышеніи и пониженіи заработной платы и процента не выдерживаетъ критики. Эмпирическое обобщеніе представляется вообще очень опаснымъ методомъ, которымъ пользоваться можно лишь съ большою осмотрительностью и осторожностью. Иванъ — умеръ, Петръ—умеръ, доселѣ всѣ извѣстные намъ люди кончали жизнь смертью, неизвѣстно, чтобы кто-либо изъ людей избѣгъ смерти, *слѣдовательно*—люди смертны и смерть есть неизбѣжный удѣлъ человѣка. Вотъ примѣръ эмпирическаго обобщенія, правильно веденнаго. Оно требуетъ, чтобы всѣ извѣстные факты его подтверждали, чтобы ни одинъ фактъ ему не противорѣчилъ; только такое общее, постоянное и повсемѣстное согласіе *всѣхъ* фактовъ даетъ право сдѣлать изъ нихъ эмпирическое обобщеніе, которое все-таки только согласованное съ дедукціями можетъ получить значеніе научной истины. Отдѣльно же взятое, оно, несмотря на всю осторожность наведенія, останется лишь полуистиной, которая можетъ быть съ теченіемъ овремени провергнута. Европеецъ XVI вѣка могъ, напримѣръ, разсуждать слѣдующимъ образомъ: мой лебедь—бѣлый, лебедь моего сосѣда тоже бѣлый, всѣ извѣстные лебеди бѣлы, неизвѣстно ни одного случая, когда бы лебедь не былъ бѣлаго цвѣта, *слѣдовательно*, лебеди бѣлы и бѣлый цвѣтъ есть необходимое свойство лебедя. Этотъ европеецъ сдѣлалъ бы правильное эмпирическое обобщеніе; за нимъ было бы пятьдесятъ вѣковъ человѣческой исторіи и никогда въ теченіе этой исторіи никто не видѣлъ иныхъ лебедей; передъ нимъ былъ старый и новый свѣтъ, Азія, Африка, Европа и Америка, полярныя страны и тропическія, континентальныя и приморскія, плоскія и гористыя, степныя и лѣсистыя, населенныя и пустынныя, и нигдѣ никто никогда не встрѣчалъ

иныхъ лебедей. Эмпирическое обобщеніе было бы правильно, но оно, не будучи истолковано, не могло бы быть принято иначе, какъ съ оговоркою. Дѣйствительно, открытіе черныхъ лебедей въ Ново-Голландіи опровергло бы его. Эмпирическое обобщеніе прекрасное оружіе, какъ расчищающее путь изслѣдованію, какъ указующее этотъ путь, руководящее изслѣдованіемъ, повѣряющее заключеніе, санкціонирующее выводы. Но взятое само по себѣ, оно ни мало не есть доказательство и даже, какъ вспомогательное и повѣрочное доказательство, оно годится лишь въ случаѣ полнѣйшаго согласія всѣхъ фактовъ и не противорѣчія ни единаго. То ли мы видимъ у Джорджа? Доказывая, что процентъ и заработная плата единовременно повышаются и понижаются, и выводя отсюда законъ прямой, а не обратной связи между этими экономическими явленіями, Джорждъ выбираетъ для этого прежде всего методъ эмпирическаго обобщенія, но при этомъ пренебрегаетъ основнымъ правиломъ этого метода: «взять во вниманіе всѣ безъ исключенія извѣстные факты». Онъ указываетъ, что въ Англіи заработная плата и процентъ ниже, нежели въ восточныхъ, атлантическихъ штатахъ Америки, а что въ этихъ штатахъ снова заработная плата и процентъ ниже, нежели въ штатахъ западныхъ, тихо-океаническихъ. Далѣе онъ приводитъ примѣръ Калифорніи, гдѣ на памяти поколѣнія значительно понизились заработная плата и процентъ. Наконецъ, онъ ссылается еще на торгово-промышленные кризисы, когда и заработная плата и процентъ (не включая сюда преміи за рискъ) одинаково падаютъ. Вотъ и всѣ факты, собранные Джорджемъ для доказательства своего заключенія. Ихъ вполнѣ недостаточно для эмпирическаго обобщенія. Намъ нечего далеко ходить, чтобы привести рядъ примѣровъ совершенно обратнаго характера. Въ Россіи заработная плата значительно ниже, нежели въ Англіи, а процентъ гораздо выше. На азіатскомъ Востокѣ процентъ еще выше, а заработная плата еще ниже. Во время торгово-промышленныхъ кризисовъ цѣнность наилучше гарантированныхъ бумагъ понижается, что равнозначительно повышенію на нихъ процента, а заработная плата понижается и множество рабочихъ остаются совершенно праздными. Не правда ли, этотъ рядъ примѣровъ стоитъ выставленнаго Джорджемъ и оба эти ряда однако нисколько не противорѣчатъ другъ другу. Они несовмѣстимы лишь для эмпиризма, а надлежаще истолкованные они, напротивъ, вполнѣ согласуются, служа выраженіемъ тому же самому закону заработной платы и прибыли. Но не одно недостаточное вниманіе къ фактамъ при эмпирическомъ наведеніи вовлекло Джорджа въ его ошибочное заключеніе, а

такъ же и забвеніе того (что онъ въ другихъ мѣстахъ книги отлично знаетъ и помнитъ), что заработная плата обыкновенно исчисляется въ абсолютныхъ величинахъ, а процентъ въ относительныхъ, такъ что сравниваются величины несоизмѣримыя. Относительная величина прибыли можетъ повышаться, когда ея абсолютная величина будетъ меньше (напримѣръ, въ случаѣ уничтоженія значительной части національнаго капитала отъ войны, землетрясеній, наводненій и пр.) или абсолютная величина будетъ больше при уменьшеніи относительной высоты (что мы постоянно наблюдаемъ при обращеніи оборотнаго капитала въ основной). Сравнивать же должно лишь соизмѣримыя величины. Такъ какъ заработная плата и рента всегда даются намъ въ величинахъ абсолютныхъ и иначе даваемы быть не могутъ, то очевидно и прибыль для сравненія должна быть предварительно обращаема въ величины абсолютныя. Весьма часто высота процента есть признакъ незначительной абсолютной величины прибыли и наоборотъ, но такъ какъ это «весьма часто» не есть «всегда», то сравненіе высоты процента съ абсолютными величинами заработной платы и ренты есть дѣло совершенно безплодное и безрезультатное для науки.

Первый аргументъ Джорджа противъ принятыхъ господствующею школою соотносительныхъ законовъ заработной платы и прибыли, очевидно, недоказателенъ. Второй, веденный уже дедуктивно, самъ по себѣ, еслибы и признать его вполнѣ доказаннымъ, не можетъ служить доводомъ въ пользу несуществованія антагонизма между величиною заработной платы и величиною прибыли, потому что, если даже заработная плата и заимствуется не изъ оборотнаго капитала предпріатія, а изъ продукта его, то вѣдь изъ этого же продукта получаетъ прибыль и капиталъ, такъ что чѣмъ больше будетъ эта прибыль, чѣмъ большая доля продукта будетъ взята за счетъ этой прибыли, тѣмъ меньше, *при всѣхъ равныхъ условіяхъ*, останется на долю труда, тѣмъ ниже будетъ заработная плата. Я не стану здѣсь вдаваться въ болѣе обстоятельный анализъ воззрѣнія Джорджа, что заработная плата не составляетъ части оборотнаго капитала и что богатство, потребляемое рабочими на свое содержаніе, не входитъ какъ составная часть въ капиталъ страны, т. е. въ богатство, предназначенное на производство. Въ общихъ чертахъ выше я познакомилъ съ ними читателя, а теперь лишь замѣчу, что, какъ исключительно дедуктивные, эти выводы вполнѣ зависятъ отъ тѣхъ посылокъ, изъ которыхъ исходятъ, и отъ опредѣленій, которыми ограничиваются. Джорджъ, давая во второй главѣ опредѣленіе понятію «капиталъ», напередъ уже толкуетъ его такимъ

образомъ, что содержаніе рабочихъ изъ его состава исключается. Капиталъ есть богатство, содѣйствуещее производству новаго богатства. Поэтому всякое богатство, непосредственно потребляемое, не есть капиталъ. Все богатство раздѣляется на два разряда, на богатство, потребляемое, растрачиваемое или сохраняемое для цѣлей, ничего общаго съ производствомъ не имѣющихъ (напр., тщеславія, скаредности, политическаго вліянія, международнаго могущества и пр.), и на богатство, употребляемое для умноженія богатства. Только послѣднее есть капиталъ, а прочее нимало. Потребляемое рабочими на ихъ содержаніе, такимъ образомъ, самимъ опредѣленіемъ выключается изъ состава капитала. Благодаря такому распредѣленію разнаго вида богатства между двумя главными его родами, капиталомъ и некапиталомъ, получается весьма опредѣленная пограничная линія, но вмѣстѣ съ тѣмъ теряется всякое различіе между богатствомъ, потребляемымъ производительными классами и растрачиваемымъ непроизводительно на роскошь, спѣсь и пр. Такія опредѣленія капитала, какъ Рикардо и Миля, тоже распредѣляютъ богатство въ два разряда, употребляемаго производительно и непроизводительно, и тоже называютъ первое капиталомъ, но включаютъ въ него и все необходимое потребленіе производительныхъ классовъ. Не будемъ останавливаться дольше на этомъ вопросѣ политико-экономической терминологіи, тѣмъ болѣе, что то или другое рѣшеніе его не имѣетъ значенія для интересующаго насъ вопроса, разъ уничтожена связь между этимъ рѣшеніемъ и воззрѣніемъ о несуществованіи антагонизма между величиною заработной платы и величиною прибыли.

Резюмируя критику Джорджа господствующей теоріи распредѣленія, можно сказать, что онъ не доказалъ несуществованія антагонизма между долями труда и капитала при дѣлежѣ продукта, но что онъ прекрасно разъяснилъ, насколько неудовлетворителенъ въ самомъ своемъ основаніи законъ народонаселенія, служившій и служащій для господствующей школы исходною точкою всего ученія о распредѣленіи. Онъ вполнѣ ясно показалъ, что, лишенныя этой опоры, теоремы о законахъ распредѣленія лишились съ нею систематичности и связи, сдѣлались отрывочными лоскутьями, едва ли заслуживающими названія теоріи. Законъ заработной платы, всецѣло выведенный изъ закона народонаселенія, вмѣстѣ съ этимъ закономъ долженъ почитаться опровергнутымъ. Наконецъ, законъ прибыли, простой корроларій закона заработной платы, естественно теряетъ значеніе вслѣдъ за нимъ. Остается стало быть найти новый законъ распредѣленія богатства

на мѣсто опрокинутаго съ опроверженіемъ мальтузіанской доктрины.

Рента поглощаетъ собою въ земледѣліи всю выручку, превышающую доходъ съ наименѣе доходной земли въ культурѣ; она опредѣляется предѣлами культуры, съ ея пониженіемъ повышаясь, съ ея повышеніемъ понижаясь. Но еслибы, разсуждаетъ Джорджъ, предпріятіе не земледѣльческое, при той же затратѣ труда и капитала, давало бы большую выручку, т. е. заработная плата была бы больше, а прибыль — выше, то отъ земледѣлія были бы отвлечены руки и капиталы въ эту сторону, культурная площадь сократилась бы, предѣлъ культуры повысился бы и рента понизилась бы, повысивъ прибыль и заработную плату. Тоже и наоборотъ. Словомъ, въ среднемъ выводѣ выручки капитала и труда въ земледѣліи и въ другихъ отрасляхъ національной дѣятельности должны быть приблизительно равными, такъ что высота ренты, опредѣляя величину выручекъ капитала и труда въ земледѣліи, горнопромышленности и пр., тѣмъ самымъ косвенно устанавливаетъ вообще уровень прибыли и заработной платы, вмѣстѣ взятыхъ. Поэтому законъ ренты можно съ полнымъ основаніемъ изложить такъ: «Право собственности на естественные факторы производства даетъ силу и власть присвоить себѣ столько богатства, произведеннаго на этой собственности трудомъ и капиталомъ, на сколько оно (богатство) превышаетъ доходъ, который тоже количество труда и капитала могутъ получить съ наименѣе производительнаго предпріятія, свободно доступнаго предпріимчивости» [1]. Словомъ, можно сказать, что заработная плата и прибыль, вмѣстѣ взятыя, получаютъ лишь то, что оставляетъ имъ рента, а рента присвоиваетъ себѣ весь доходъ всѣхъ предпріятій, поскольку онъ превышаетъ наинизшій доходъ наименѣе выгоднаго предпріятія. «Богатство, производимое данною страною, дѣлится прежде всего на двѣ части тѣмъ, что можетъ быть названо линіею ренты, которая обозначается низшимъ предѣломъ культуры или доходомъ, который трудъ и капиталъ могутъ добыть изъ тѣхъ естественныхъ предметовъ, что свободны отъ платежа ренты. Изъ той части всего продукта, что лежитъ ниже этой линіи ренты, выплачивается заработная плата и процентъ (interest) [2]. Все, что выше, поступаетъ землевладѣнію.

---

[1] Ib. 151.

[2] Джорджъ повсюду употребляетъ терминъ interest, а не profit, находя послѣдній весьма сбивчивымъ. Излагая и анализируя теорію Джорджа, я нахожу, однако, болѣе удобнымъ держаться привычнаго термина *прибыли*,

Такимъ образомъ, тамъ гдѣ цѣнность земли стоитъ низко—можетъ быть весьма незначительное производство богатства, но высокая заработная плата и высокій процентъ (что мы и видимъ въ новыхъ странахъ). И наоборотъ, гдѣ цѣнность земли высока, тамъ рядомъ съ весьма широкимъ производствомъ богатства, заработная плата и процентъ будутъ низки, какъ въ старыхъ странахъ. Гдѣ производительность возростаетъ, какъ во всѣхъ прогрессивныхъ странахъ, тамъ заработная плата и высота процента опредѣляются не этимъ возростаніемъ производительности, а тѣмъ способомъ, какимъ опредѣляется рента. Если цѣнность земли возростаетъ пропорціонально, то все умноженіе продукта поглотится рентою, а заработная плата и процентъ останутся безъ измѣненія. Если цѣнность земли увеличится въ болѣе значительной степени, нежели производительность, то рента поглотитъ больше, нежели приростъ; заработная плата и процентъ понизятся, хотя и произведутъ больше продуктовъ. Только, если цѣнность земли отстанетъ въ своемъ возрастаніи отъ производительности, только въ этомъ случаѣ, вмѣстѣ съ рентою, возрастутъ заработпая плата и процентъ, и доли каждаго фактора увеличатся вмѣстѣ съ умноженіемъ богатства» [1].

«Капиталъ вовсе не есть необходимый факторъ производства. Трудъ, затраченный въ землю, можетъ произвести богатство и безъ содѣйствія капитала и въ естественномъ генезисѣ вещей такъ и произошло богатство, прежде нежели выдѣлился и образовался капиталъ, какъ особенний родъ богатства. Слѣдовательно, законъ ренты и законъ заработной платы должны соотноситься другъ съ другомъ и образовать цѣлое, безъ всякаго отношенія къ закону капитала. Иначе, эти законы не объясняли бы случаевъ, которые легко могутъ быть представлены, а отчасти и теперь встрѣчаются, именно, когда капиталъ не принимаетъ никакого участія въ производствѣ» [2]. Само собою ясно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда капиталъ не участвуетъ въ производствѣ или хотя бы и участвовалъ, но прибыли не получаетъ, законъ ренты есть вмѣстѣ съ тѣмъ законъ заработной платы. Линія

чтобы избѣгнуть недоразумѣній, но поэтому же самому прошу читателя помнить, что, говоря о повышеніи или пониженіи прибыли, я ни мало не беру во вниманіе той ея части, которая составляетъ *премію за рискъ* или *заработную плату за трудъ управленія*, а единственно лишь среднюю выручку капитала, какъ капитала.

[1] Progress and Poverty—154.

[2] Ib. 147.

ренты, уровень и предѣлъ культуры дѣлятъ всѣ продукты на двѣ части, отдавая все, что выше этой линіи, рентѣ и оставляя все, что ниже ея, на долю труда, въ видѣ заработной платы. Эту линію заработной платы, соотносительную линіи ренты, Джорджъ выводитъ самостоятельно изъ первыхъ принциповъ науки. «Всякій ищетъ удовлетворенія своихъ желаній съ затратою возможно меньшаго количества труда. Очевидно, этотъ принципъ долженъ, подъ вліяніемъ свободной конкурренціи, вести къ уравнительности вознагражденія, получаемаго за равную дѣятельность при другихъ равныхъ условіяхъ. Когда люди работаютъ на себя, то эта уравнительность достигается равенствомъ цѣнъ на продукты труда, но и между тѣмъ, кто работаетъ на себя, и тѣмъ, кто работаетъ на другихъ, проявляется тоже стремленіе къ выравненію вознагражденія. Въ самомъ дѣлѣ, при условіи свободы и подъ вліяніемъ указаннаго принципа, за какую цѣну можетъ одинъ человѣкъ нанять другого работать? Очевидно, цѣна эта опредѣляется цѣнностью, которую тотъ могъ бы произвести, работая на себя.—Еслибы нанимаемый потребовалъ больше, то конкурренція другихъ не допустила бы его найти нанимателя. Но еслибы ему было предложено меньше, то ни онъ и никто другой не принялъ бы условія, если они могутъ получить больше, работая на себя. Такимъ образомъ, хотя наниматель желаетъ заплатить по возможности меньше, а нанимаемый — получить возможно больше, *заработная плата всегда нормируется и опредѣляется цѣнностью или продуктомъ труда рабочаго, трудящагося на себя*. Если заработная плата и отклоняется отъ этой нормы въ ту или другую сторону, то немедленно должно возникать стремленіе возвратить ее къ этому уровню» [1]. Нельзя не признать этого положенія прекрасно обоснованнымъ и бросающимъ новый свѣтъ на законъ заработной платы и прибыли, но, какъ мы увидимъ, самъ Джорджъ весьма мало воспользовался этою теоремою. Она послужила ему лишь для опредѣленія отношенія заработной платы къ рентѣ, тогда какъ она особенно важна для опредѣленія отношенія между заработною платою и прибылью. Продолжаемъ, однако, анализъ отношеній ренты и заработной платы. «Богатство есть продуктъ труда и земли и то, что можетъ произвести данное количество труда, измѣняется по качествамъ природы, къ которой прилагается. Вслѣдствіе этого, принципъ, что человѣкъ ищетъ удо-

---

[1] Ib. 185.

*

влетворить свои потребности съ наименьшею затратою работы, опредѣляетъ заработную плату количествомъ продукта, производимаго трудомъ, прилагаемымъ къ мѣсту наибольшей производительности, ему свободно доступному. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу того же принципа, наивысшій предѣлъ естественной производительности, *свободно* доступный труду при данныхъ условіяхъ, будетъ низшимъ предѣломъ, до котораго будетъ доходить производство, потому что люди, въ силу того же принципа, не будутъ затрачивать труда на мѣсто низшей производительности, если для нихъ открыто и свободно доступно мѣсто болѣе высокой производительности. Такимъ образомъ, заработная плата, которую долженъ выплачивать наниматель, измѣряясь низшимъ предѣломъ естественной производительности, до котораго простирается производство, будетъ повышаться и понижаться съ повышеніемъ и пониженіемъ этого предѣла». Согласно этому разсужденію, при равной производительности земель и при свободномъ къ нимъ доступѣ — нѣтъ ренты и рабочая плата есть просто средняя выручка рабочаго, вся сумма продукта, раздѣленная на число производителей. При неравной производительности земель, заработная плата уже не будетъ среднею выручкою всего труда, а лишь среднею выручкою наименѣе производительнаго труда». Еслибы при этихъ измѣненныхъ условіяхъ кто-либо пожелалъ нанять другого работать на себя, то онъ заплатилъ бы ему лишь то, что выручаетъ трудъ на низшемъ предѣлѣ производительности (что могъ бы выручить нанимаемый со свободной еще, не занятой земли, конечно, наименѣе производительной). Если и этотъ предѣлъ культуры спускается все ниже, распространяя культуру на менѣе и менѣе производительныя земли, то и заработная плата должна понижаться. Наоборотъ, если эта линія поднимается, то и заработная плата повышается» [1]. Это разсужденіе вполнѣ ясно опредѣляетъ отношенія ренты и заработной платы до появленія, въ качествѣ третьяго дольщика, обособленнаго капитала, потребовавшаго и себѣ доли.

Каково же теперь будетъ отношеніе заработной платы и прибыли? Въ чемъ состоитъ законъ прибыли? «Капиталъ есть, говорятъ намъ, лишь сбереженный трудъ, является лишь особою формою труда, видовымъ подраздѣленіемъ родоваго термина *трудъ*; въ такомъ случаѣ, не ясно ли, что законъ прибыли долженъ быть подчиненъ и самостоятельно соединенъ съ закономъ

---

[1] Ib. 186.

заработной платы такимъ образомъ, чтобы объяснить случаи, когда весь продуктъ дѣлится между трудомъ и капиталомъ безъ всякаго участія ренты. Распредѣленіе продукта между землевладѣніемъ, трудомъ и капиталомъ должно походить на распредѣленіе дохода между Томомъ, Дикомъ и Гарри, гдѣ Томъ и Дикъ первоначальные дольщики, а Гарри является лишь ассистентомъ и дольщикомъ Дика» [1].

Обыкновенно процентъ почитается какъ бы преміей за воздержаніе. «Но, очевидно, восклицаетъ Джорджъ:—это не очень-то оправдываетъ его взиманіе! Воздержаніе не есть что-либо активное, а лишь чисто пассивное, не есть какое-либо дѣланіе, а напротивъ, есть ничегонедѣланіе. Воздержаніе само по себѣ ничего не производитъ.—Если скажутъ, что, давая взаймы, я дѣлаю услугу заемщику, то столь же справедливо будетъ и возраженіе, что и заемщикъ дѣлаетъ мнѣ услугу, въ цѣлости сохранивъ мою сумму, услугу, весьма цѣнную при извѣстныхъ условіяхъ, что еще яснѣе видно, если ссужаемый капиталъ накопленъ не въ монетѣ, а въ какихъ-либо другихъ предметахъ. Многія формы капитала даже вовсе не могутъ быть сохраняемы, а лишь постоянно обновляемы въ оборотѣ производства.—Воздержаніе имѣетъ своею цѣлью и предѣломъ накопленіе. Воздержаніе не можетъ идти дальше и не можетъ сдѣлать ничего больше; само по себѣ оно не всегда даже на это способно. Если мы будемъ только воздерживаться отъ пользованія богатствомъ, сколько богатства исчезнетъ въ теченіи одного лишь года такого воздержанія! И какъ ничтожно было бы оно къ концу второго года нашего опыта! Но если это вѣрно, то требованіе за воздержаніе больше, нежели простого возмѣщенія капитала, не есть ли явная несправедливость по отношенію къ труду» [2]. Нѣсколько далѣе, послѣ обстоятельнаго анализа аргументовъ Бастіа въ пользу справедливости процента, и доказавъ совершенную тщету доводовъ французскаго экономиста, Джорджъ даже восклицаетъ, что онъ не усомнился бы назвать взиманіе процентовъ дневнымъ грабежемъ и разбоемъ, еслибы въ его пользу нельзя было ничего привести другого, еслибы всѣ случаи его взиманія походили на выбранные Бастіа для его объясненія. «Но не всѣ богатства того же рода, какъ орудія, инструменты, или монета. Не все производство состоитъ лишь въ преобразованіи трудомъ формъ инертной неорганиче-

---

[1] Ib. 147.
[2] Ib. 158.

ской матеріи» [1]. Производство включаетъ въ себя такъ же воспитаніе живой органической матеріи и обмѣнъ. Здѣсь, по Джорджу, надо искать происхожденія и оправданія процента. Домашній скотъ размножается, лѣса и сады разростаются, сѣмена отъ урожая многократно умножаются. Это умноженіе богатства лишь частью обязано труду, а частью присущей живой матеріи силѣ самовозрастанія, самоумноженія. Если овцеводъ уступаетъ другому часть своихъ стадъ въ кредитъ, положимъ, на годъ, то естественно онъ желаетъ и имѣетъ основаніе желать получить черезъ годъ сумму равную не теперешней цѣнности стада, но плюсъ цѣнность приплода, шерсти, молока, за вычетомъ расходовъ на уходъ и содержаніе. Этотъ плюсъ будетъ его процентомъ, происшедшимъ изъ присущаго его капиталу (стадамъ скота) свойства самоумноженія. Если лѣсоводъ продаетъ въ кредитъ на годъ участокъ лѣса, онъ имѣетъ такое же основаніе желать, чтобы, получая годомъ позже цѣнность лѣса, онъ получилъ бы и часть цѣнности, прибавившейся къ лѣсу за годъ отъ наростанія древесины. Тоже и относительно сада, гдѣ наростаетъ нетолько древесина, но и умножается плодоносная площадь сада, увеличивается количество приносимыхъ садомъ фруктовъ, цвѣтовъ и пр. Равнымъ образомъ, тотъ, кто ссужаетъ сельскаго хозяина сѣменами пшеницы, имѣетъ въ виду, что черезъ четыре мѣсяца каждый пудъ сѣмянъ превратится въ 5—10 пудовъ зерна. Винодѣлъ, кредитующій виноторговца виномъ, не можетъ не принимать въ разсчетъ возрастанія цѣнности вина отъ одного выдерживанія; еслибы онъ продалъ вино годомъ позже, то его улучшеніе отъ храненія дало бы ему возможность взять, положимъ, на 10% дороже. Продавая вино теперь, но отсрочивая покупщику платежъ на годъ, онъ естественно потребуетъ этого прироста цѣнности. Словомъ, капиталъ, состоящій въ живой органической матеріи, имѣетъ силу самовозрастанія и самоумноженія и эта сила есть источникъ и причина процента. Здѣсь элементъ времени самъ по себѣ создаетъ новую цѣнность.

Элементъ времени создаетъ цѣнность также и въ процессѣ обмѣна. «Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, данное количество труда производитъ 200 единицъ растительной пищи или 100 единицъ пищи животной. Въ другомъ мѣстѣ условія совершенно обратныя и тоже количество труда можетъ произвести 100 единицъ растительной пищи или 200 животной. Въ первой относительная

---

[1] Ib. 160.

цѣнность растительной и животной пищи будетъ какъ 2 : 1, а во второй, какъ 1 : 2. Предположивъ равномѣрное производство каждой, тоже количество труда въ обѣихъ странахъ произведетъ по 150 единицъ пищи. Но если въ одной мѣстности затратить всю эту рабочую силу на производство одной растительной пищи, а въ другой—лишь животной и затѣмъ обмѣнять между ними соотвѣтственныя доли производства, то населеніе каждой страны, затрачивая тоже количество труда, будетъ имѣть уже не 150, а 200, за исключеніемъ, впрочемъ, издержекъ обмѣна. Такимъ образомъ, въ каждой мѣстности продуктъ, изъятый изъ потребленія и помѣщенный въ обмѣнъ, вернулся съ возросшею цѣнностью» [1]. Но это возростаніе цѣнности продукта, такимъ образомъ, тѣсно связано съ изъятіемъ его изъ потребленія, съ его скопленіемъ и выдерживаніемъ. Элементъ времени и здѣсь есть факторъ, умножающій цѣнность. Если производитель растительной пищи въ первой странѣ ссужаетъ торговца 100 единицами своего продукта, а торговецъ, отправивъ его во вторую страну и обмѣнявъ тамъ на животную пищу, привозитъ обратно въ первую страну 100 единицъ животной пищи, цѣнностью равныхъ 200 единицамъ растительной; если, такимъ образомъ, послѣ этого изъятія отъ потребленія товара на годъ, его цѣнность удвоилась вслѣдствіе обмѣна, то не ясно ли, что кредиторъ, ссудившій его товаромъ, будетъ имѣть основаніе получить долю этой преміи за отсрочку потребленія. И вотъ второй источникъ процента. Самовозростаніе капитала, помѣщеннаго въ сельское хозяйство и торговлю, есть первоначальный источникъ, причина и оправданіе процента. «Но размѣнность богатства, его способность мѣнять форму и помѣщеніе вызываетъ уравненіе между доходностью различнаго рода богатствъ, распредѣленіе между ними по ровну какой-либо особой выгоды или преимущества, которое вытекаетъ изъ владѣнія какою-либо особою формою богатства, потому что никто не будетъ сохранять капиталъ въ извѣстной формѣ, если онъ можетъ быть обмѣненъ на болѣе выгодную» [2]. Вслѣдствіе этого и капиталъ, затраченный въ обрабатывающую промышленность, долженъ тоже приносить процентъ, хотя и не обладаетъ самъ по себѣ способностью самоумноженія. «Короче, если мы проанализируемъ внимательно производство, то найдемъ, что оно распадается на три рода: 1) *Приспособленіе* или измѣненіе произведеній

---

[1] Ib., 164.
[2] Ibid., 163.

природы, частью ихъ формы, частью—мѣста, съ цѣлью удовлетворить человѣческія потребности; 2) *возращеніе*, *воспитаніе* или вообще пользованіе органическими силами природы, какъ при производствѣ растеній, животныхъ, и 3) *обмѣнъ* или извлеченіе пользы изъ разнообразія и различій производительныхъ силъ разныхъ мѣстностей и разныхъ людей. Въ каждомъ изъ этихъ трехъ случаевъ капиталъ помогаетъ труду, или точнѣе—въ первомъ случаѣ капиталъ можетъ оказать помощь труду, но не есть абсолютная необходимость; въ двухъ же остальныхъ онъ абсолютно необходимъ». Въ первомъ случаѣ «характеристическая особенность капитала въ томъ, что прибыль извлекается лишь изъ пользованія имъ. Но когда мы употребляемъ капиталъ второго рода, когда мы сажаемъ зерно въ почву, или помѣщаемъ животное на ферму, или прячемъ вино для его улучшенія, прибыль получается не отъ пользованія капиталомъ, а отъ его роста, самоумноженія. Равнымъ образомъ, если мы затрачиваемъ капиталъ третьимъ способомъ и, вмѣсто пользованія, обмѣниваемъ, прибыль тоже состоитъ въ умноженной цѣнности вымѣненнаго товара. Такимъ образомъ, процентъ вытекаетъ изъ способности капитала къ самовозрастанію вслѣдствіе дѣйствія производительныхъ силъ природы или вслѣдствіе обмѣна. Онъ не есть нѣчто произвольное, но явленіе вполнѣ естественное; онъ не есть послѣдствіе какой-либо особенной общественной организаціи, но общихъ законовъ, управляющихъ обществомъ. Онъ, слѣдовательно, справедливъ».

Отсюда, по Джорджу, естественная высота процента есть средняя величина самоумножившейся цѣнности капитала сельскаго хозяйства и торговли, распредѣленная между всѣмъ капиталомъ страны въ силу закона размѣнности капитала и уравненія его доходности. Если весь капиталъ страны равенъ 100 милліонамъ, въ томъ числѣ помѣщенный въ живой органической матеріи равенъ 20 милліонамъ, а въ торговлѣ 40 милл., если при этомъ самоумноженіе перваго равно ежегодно 2 милл., а самовздорожаніе второго — 4 милл., всего 6 милл., то рыночный процентъ, по мнѣнію Джорджа, будетъ равняться 6% или около того. Допустимъ покуда, что Джорджъ правъ и что процентъ оправдывается самоумноженіемъ капитала, но какая сила регулируетъ его высоту около этого уровня? Что заставляетъ капиталиста взимать не болѣе того? Что побуждаетъ производителей уступать капиталисту не менѣе того? «Совершенно ясно, что при условіи свободнаго договора maximum, что можетъ быть данъ за пользованіе капиталомъ—это прибавленіе, которое онъ самъ собою при-

носитъ, а minimum или ничего есть возмѣщеніе капитала полностью, но безъ процента. Въ самомъ дѣлѣ, давши больше перваго, заемщикъ понесетъ убытокъ, а получая меньше второго, заимодавецъ не удержитъ капитала». Этотъ нормальный процентъ, который заключается между необходимымъ максимумомъ и необходимымъ минимумомъ выручки капитала, долженъ по необходимости быть такимъ, чтобы, принимая во вниманіе все прочее (чувство безопасности, стремленіе къ накопленію и проч.), выручка капитала и выручка труда оказывались бы справедливыми и уравнительными, т. е. представляли бы собою доходъ, равно привлекательный для дѣятельности труда и для затраты капитала. Долженъ быть уровень, къ которому или, вѣрнѣе, около котораго высота процента будетъ стремиться осѣсть; покуда не установится такое равновѣсіе, трудъ не приметъ пользованіе капиталомъ, а капиталъ не будетъ предоставленъ въ распоряженіе труда. Но такъ какъ капиталъ можетъ быть употребленъ лишь будучи потребленъ, то пользованіе имъ есть просто расходъ труда (сконцентрированнаго въ капиталѣ) и для сохраненія капитала его производство трудомъ должно быть соизмѣрено съ его потребленіемъ трудомъ на производство. Отсюда само собою вытекаетъ равновѣсіе между заработною платою и процентомъ, поддерживаемое тѣмъ основнымъ положеніемъ, что человѣкъ стремится удовлетворить свои потребности съ наименьшею затратою труда. Это естественное отношеніе между заработною платою и процентомъ, это равновѣсіе, при которомъ оба фактора представляютъ равное вознагражденіе за равную дѣятельность—можетъ быть выражено въ формѣ, вызывающей представленіе объ антагонизмѣ, но этотъ антагонизмъ лишь кажущійся. При дѣлежѣ между Дикомъ и Гарри предполагается, что если Дикъ получаетъ извѣстную часть прибыли, то доля Гарри больше или меньше, смотря по тому, будетъ ли доля Дика меньше или больше. Но тамъ, гдѣ, какъ въ нашемъ случаѣ, каждый получаетъ лишь то, что онъ прибавилъ къ общему фонду, увеличеніе доли одного вовсе не должно непремѣнно уменьшать доли другого. И разъ это отношеніе стало опредѣленнымъ, очевидно, что процентъ и заработная плата могутъ повышаться и понижаться вмѣстѣ, и не иначе, какъ вмѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если заработная плата понижается, процентъ соотвѣтственно долженъ понизиться; иначе становится болѣе выгоднымъ обращать трудъ въ капиталъ, нежели прилагать его прямо. Съ другой стороны, когда понижается процентъ, заработная плата тоже должна понизиться; иначе накопленіе капитала по-

терпитъ ущербъ». Надо помнить, говоритъ Джорджъ, что «капиталъ не есть постоянная величина, но можетъ быть увеличиваемъ или уменьшаемъ 1) посредствомъ бо̀льшей или меньшей затраты труда на производство капитала (вмѣсто производства непроизводительнаго богатства) и 2) при помощи обращенія непроизводительнаго богатства въ капиталъ и капитала въ непроизводительное богатство, ибо капиталъ есть богатство, извѣстнымъ образомъ употребленное». Словомъ, если капиталъ въ странѣ состояніемъ промышленности и торговли сильно требуется, то повышается рыночный процентъ и этимъ путемъ, съ одной стороны, часть труда, прежде создававшая непроизводительное богатство, обращается къ производству капитала, а съ другой стороны, часть непроизводительнаго богатства перспективою большихъ барышей привлекается къ производству, обращается въ капиталъ. Наоборотъ, если состояніе промышленности и торговли не можетъ дать достаточнаго процента, то количество богатства, употребляемаго въ качествѣ капитала должно, по Джорджу, уменьшаться двумя путями—посредствомъ обращенія части труда на производство богатства, которое не есть капиталъ, и посредствомъ изъятія изъ капитала части богатства, обращаемаго къ другому назначенію. Изъ этой-то способности капитала увеличиваться и уменьшаться, смотря по состоянію рынка, и выводитъ Джорджъ неизбѣжную солидарность процента и заработной платы. «Такимъ образомъ, всякое стремленіе со стороны процента подняться надъ этимъ равновѣсіемъ съ заработною платою должно немедленно породить нетолько стремленіе направить трудъ на производство капитала, но и обращеніе богатства непроизводительнаго въ капиталъ; съ другой стороны, всякое стремленіе заработной платы возвыситься надъ равновѣсіемъ съ процентомъ должно подобнымъ же образомъ породить нетолько стремленіе отвратить трудъ отъ производства капитала, но и уменьшить относительную величину богатства, обращенную въ капиталъ, отвлекая отъ производительнаго къ непроизводительному употребленію нѣкоторую часть богатства, заключеннаго въ капиталѣ». Резюмируетъ же свои доводы Джорджъ въ слѣдующихъ строкахъ: «Существуетъ извѣстное соотношеніе между заработною платою и процентомъ, опредѣляемое причинами, которыя, не будучи абсолютно постоянными, медленно лишь измѣняются и вслѣдствіе которыхъ ровно столько труда обращается въ капиталъ, сколько—при данномъ состояніи знанія, искуства, населенности, характера занятій, распространенія и быстроты обмѣна—требуется для производства, и это соотно-

шеніе (заработной платы и процента) постоянно поддерживается въ равновѣсіи взаимодѣйствіемъ труда и капитала. Поэтому процентъ долженъ повышаться и понижаться вмѣстѣ съ повышеніемъ и съ пониженіемъ заработной платы». А какъ общій выводъ всего изслѣдованія и какъ формулированіе закона прибыли слѣдующая теорема: «Отношеніе между заработною платою и процентомъ опредѣляется среднею силою роста, свойственною капиталу при его употребленіи производительнымъ образомъ. Когда рента возростаетъ, процентъ и заработная плата понижаются, опредѣляемые предѣломъ культуры» [1].

Я остановился довольно обстоятельно на теоріи прибыли, предлагаемой Джорджемъ, и постарался передать ее читателю по возможности его же словами. Теперь посмотримъ, насколько эта теорія выдерживаетъ критику и насколько можетъ быть она допущена въ ряды научныхъ истинъ? Аргументація Джорджа распадается сама собою на три части: 1) подвижность и размѣнность капитала, возможность въ короткое время усилить и ослабить его производство, возможность его обращенія изъ непроизводительнаго богатства и снова въ непроизводительное богатство; словомъ, его способность приспособлять свою величину къ требованіямъ рынка влечетъ за собою то, что эта способность превращается въ необходимость и величина капитала и процента на капиталъ, опредѣляемая условіями рынка, постоянными, лишь медленно измѣняющимися причинами, представляется величиною тоже постоянною, лишь медленно измѣняющеюся подъ вліяніемъ этихъ причинъ. Для даннаго мѣста и времени высота процента—нормальна и неизмѣнна. 2) Этотъ уровень, для даннаго мѣста и времени постоянный и неизмѣнный, опредѣляется доходностью капитала, каковая доходность является maximum'омъ прибыли, а minimum—безпроцентное возмѣщеніе капитала. Между этими двумя терминами и колеблется величина прибыли, потому что никто не даетъ за пользованіе капиталомъ больше, нежели капиталъ можетъ выручить; иначе онъ потерпитъ убытокъ. 3) Эта же величина дохода, которую капиталъ можетъ выручить, опредѣляется присущею нѣкоторымъ формамъ капитала силою самовозрастанія, самоумноженія, каковая сила и есть источникъ, регуляторъ и оправданіе процента и прибыли. Я резюмировалъ тутъ доводы Джорджа въ обратномъ порядкѣ, чтобы показать, что всѣ эти теоремы совершенно независимы и если представ-

---

[1] Ib., 183.

ляютъ въ рукахъ Джорджа нѣчто цѣлое, то вовсе не потому, что основаны послѣдовательно другъ на другѣ, а потому, что, самостоятельно доказанныя, онѣ потомъ координированы. Истинность или ложность одной изъ нихъ, вліяя на выводъ о происхожденіи прибыли, нимало, однако, не показываетъ истинности или ложности другихъ двухъ теоремъ.

Первая (въ нашемъ резюме) теорема, напримѣръ, доказывая лишь постоянство уровня прибыли и заработной платы вслѣдствіе постоянства причинъ, его обусловливающихъ—можетъ сохранить свое значеніе и доказательность и въ томъ случаѣ, если бы остальныя двѣ теоремы оказались ложными. При данномъ состояніи рынка линія прибыли, выше которой все забирается капиталомъ, а ниже оставляется труду, эта линія, при данныхъ условіяхъ населенности, производительности, знанія, обмѣна и проч., должна быть столь же постоянною, какъ и линія ренты. Но выводъ, прибавляемый Джорджемъ къ этой теоремѣ, что, слѣдовательно, заработная плата и процентъ должны одновременно и въ одномъ направленіи измѣнять свою высоту, логически съ содержаніемъ теоремы не вяжется. Для этого надо доказать нетолько, что совокупность причинъ, опредѣляющихъ линію прибыли, будучи въ предѣлахъ мѣста и времени величиною постоянною и лишь медленно измѣняющеюся, не допускаетъ поэтому прибыль или заработную плату выйти за эту линію и нарушить установившееся равновѣсіе, постоянно каждое отклоненіе приводя снова къ прежнему уровню (при помощи процесса, основательно анализированнаго Джорджемъ); но такъ же необходимо анализомъ самихъ причинъ, устанавливающихъ этотъ уровень прибыли и заработной платы, показать, что эти причины имѣютъ тенденцію одинаково покровительствовать и прибыли и заработной платѣ. Ясно, что этотъ анализъ, а равно и формулированіе подобнаго положенія лежатъ за предѣлами нашей теоремы. Изъ нея оно не можетъ быть выведено, а является надстройкою, обязанною двумъ остальнымъ теоремамъ, именно анализирующимъ причины прибыли.

Вторая теорема, какъ она изложена нами, можетъ быть допущена и независимо отъ третьей, но у Джорджа ея изложеніе непосредственно связано съ изложеніемъ третьей. Взятая независимо, она сводится къ утвержденію, что никто не дастъ капиталисту за пользованіе его капиталомъ больше того, что при помощи того капитала можно выручить, и что никакой капиталистъ не дастъ своего капитала въ пользованіе, если ему не будетъ обезпечено, по крайней мѣрѣ, сохраненіе его капитала въ

цѣлости. Джорджъ, излагая эту очевидную истину въ связи съ третьею теоремою, подставляетъ вмѣсто выраженія «никто не дастъ за пользованіе капиталомъ больше того, что при помощи капитала можно выручить» другое, повидимому, равнозначущее, но въ сущности совершенно противуположное, именно: «никто не дастъ за пользованіе капиталомъ больше того, что этотъ капиталъ самъ собою принести можетъ». Но если мой капиталъ самъ собою можетъ принести мнѣ 10%, зачѣмъ я уступлю его кому-либо за меньшую сумму. Я имѣю, положимъ, сумму въ банковыхъ билетахъ, приносящихъ 5%. Неужели, отдавая въ займы эту сумму, я соглашусь получать 4% или 4½%? Очевидно нѣтъ. Я потребую даже не 5%, а 6% или 5½%. Ясно, что если признать за капиталомъ силу самовозрастанія, самоумноженія и самовздорожанія, то средняя сила этого самовозрастанія будетъ не maximum'омъ, а minimum'омъ процента. Слѣдовало бы тогда изложить нашу теорему такъ: никто не дастъ за пользованіе капиталомъ больше того, что при содѣйствіи капитала можно выручить; никто не возьметъ за пользованіе капиталомъ меньше того, что капиталъ самъ собою принести можетъ; эта средняя сила самовозростанія капитала представляетъ собою minimum прибыли, а maximum будетъ равняться увеличенной производительности труда вслѣдствіе снабженія его капиталомъ. Топоръ, конечно, не имѣетъ силы самовозрастанія, но если вмѣсто того, чтобы срѣзывать деревья ножомъ, мы начнемъ рубить топоромъ, разница въ производительности труда будетъ громадная. Если мнѣ необходимо срубить извѣстное количество деревьевъ, но я не имѣю топора и не могу его достать нигдѣ, кромѣ сосѣда Петра, то Петръ можетъ потребовать у меня за пользованіе топоромъ болѣе или менѣе значительной части срубленныхъ мною деревьевъ. Работая моими собственными орудіями я могъ бы, положимъ, срѣзать въ день пять деревьевъ данной толщины, а при содѣйствіи топора я срѣзываю пятнадцать; содѣйствіе топора мнѣ дало десять деревьевъ. Я не могу сосѣду Петру уступить одинадцать деревьевъ, потому что «никто не дастъ за пользованіе капитала больше того, что при содѣйствіи капитала можно выручить», но могутъ быть условія, при которыхъ я ему дамъ 9½ деревьевъ и даже всѣ 10, потому что топоромъ удобнѣе работать. Во всякомъ случаѣ эти 10 деревьевъ суть maximum вознагражденія за пользованіе топоромъ. Изъ всѣхъ этихъ соображеній ясно, что теорема изложена Джорджемъ ошибочно, что даже допуская существованіе силы самовозростанія капитала, нельзя признать среднюю вели-

чину этого самовозростанія высшею линіею прибыли, а скорѣе низшею. Высшая же—въ томъ содѣйствіи, которое капиталъ оказываетъ труду, увеличивая производительность послѣдняго.

Послѣ того, какъ мы исправили, такимъ образомъ, двѣ теоремы, на которыхъ основываетъ Джорджъ свой законъ прибыли, становится совершенно очевиднымъ, что законъ этотъ теряетъ свою доказательную силу даже въ томъ случаѣ, еслибы теорема о самовозростаніи капитала и была истинна. Земля тоже обладаетъ способностью и силою производить сама собою предметы, необходимые человѣку, но отнюдь не количество этого самопроизвольнаго дара земли опредѣляетъ величину ренты. Точно такъ же, еслибы капиталъ и имѣлъ подобную способность производить предметы потребленія независимо отъ труда, то не они опредѣляли бы высоту прибыли. Рента опредѣляется разною доходностью земель въ культурѣ; прибыль же разною производительностью труда, снабженнаго и не снабженнаго капиталомъ. Въ виду этого для насъ уже не представляетъ большого интереса анализъ положенія Джорджа о самовозрастаніи капитала. Поэтому, мы ограничимся лишь бѣглымъ взглядомъ на его основаніе. Начать съ того, что силы природы увеличиваютъ количественно и улучшаютъ качественно продуктъ далеко не въ одной только области производства живой органической матеріи. Хлоръ бѣлитъ полотно, анилинъ окрашиваетъ матеріи, упругость стали движетъ часы, упругость пара работаетъ нынѣ съ силою, по свидѣтельству самого Джорджа, превосходящею силу всѣхъ людей и всѣхъ домашнихъ животныхъ всего земного шара, вѣтеръ движетъ суда и мелетъ муку, живая сила текущей воды приводитъ въ движеніе столько разнообразныхъ производствъ. Неужели содѣйствіе производству человѣческаго богатства со стороны всѣхъ этихъ неорганическихъ силъ природы—химической силы, упругости, таготѣнія, электричества—неужели это содѣйствіе менѣе значительно, менѣе знаменательно и менѣе цѣнно, чѣмъ содѣйствіе органическихъ силъ—плодовитости, роста, возобновленія? Разумѣется, не менѣе значительно и не менѣе цѣнно, но, скажутъ намъ, эти органическія силы умножаютъ богатство сами собою, потому что дѣйствуютъ и безъ затраты человѣческаго труда. Но развѣ теплота, тяготѣніе, упругость не дѣйствуютъ въ природѣ безъ затраты человѣческаго труда? Конечно, но *въ производствѣ* они дѣйствуютъ, *примѣняются* лишь человѣческимъ трудомъ. Точно тоже и съ органическими силами; въ природѣ онѣ дѣйствуютъ сами собою, но для примѣненія къ производству онѣ требуютъ приложенія труда. Раз-

ницы нѣтъ и быть не можетъ. Относительно обмѣна это столь же очевидно. Нужно время, чтобы перевести продукты для обмѣна, но развѣ не нужно времени на переработку этихъ продуктовъ? Если элементъ времени играетъ какую-либо роль въ торговлѣ, то не меньшую роль онъ играетъ и во всякомъ производствѣ. Но нигдѣ и никогда онъ не исчисляется въ цѣнности продукта, какъ не исчисляется въ этой цѣнности нигдѣ и никогда и элементъ содѣйствія силъ природы, органическихъ или неорганическихъ, а исчисляется единственно трудъ. Вообще можно сказать (и это главное возраженіе противъ теоріи прибыли Джорджа), что, выводя свою теорему, онъ совершенно не принялъ во вниманіе основныхъ законовъ науки объ образованіи цѣнности. Цѣнность вкладывается въ предметъ потребленія единственно трудомъ; предметы потребленія, даже очень полезныя и совершенно необходимыя, не имѣютъ цѣнности, если не производятся или не добываются трудомъ, напримѣръ, воздухъ, солнечный свѣтъ, солнечное тепло и т. д. Только трудъ влагаетъ въ предметъ потребленія цѣнность и высота цѣнности прямо пропорціональна количеству вложеннаго въ него труда. Эта теорія цѣнности, данная еще въ общихъ чертахъ Адамомъ Смитомъ, строже проведена, полнѣе разработана и обстоятельнѣе доказана Рикардо и съ тѣхъ поръ принята, какъ всею классическою школою политической экономіи, такъ и всѣми серьёзными экономистами до нашихъ дней.

И такъ, законъ прибыли, установленный Джорджемъ, не выдерживаетъ критики. Линія прибыли, имъ опредѣляемая, не можетъ, слѣдовательно, служить намъ для уясненія отношеній между прибылью и заработною платою и нимало не нормируетъ эти отношенія къ взаимной выгодѣ, одновременно повышая и понижая эти двѣ доли продукта. Если капиталъ самъ по себѣ не возростаетъ и никакой цѣнности независимо отъ труда въ производство не вкладываетъ, то, очевидно, само собою, что и прибыль, какъ и рента, взимается изъ цѣнности, вложенной въ произведеніе природы трудомъ. Очевидно поэтому, что законъ прибыли нормируется закономъ заработной платы и составляетъ дѣйствительно, какъ то и утверждали экономисты классической школы, лишь корроларій этого послѣдняго. Вернемся же къ закону заработной платы, чтобы при его помощи вывести и законъ прибыли.

Законъ ренты говоритъ: все мое, что превышаетъ доходъ съ культуры, наименѣе выгодной въ странѣ; земля моя, а слѣдовательно и все, что ей обязано своею сравнительно высшей доход-

ностью (благодаря ея бо́льшему плодородію, мѣстоположенію, соціальному значенію и проч.), все это я тоже присвоиваю себѣ. Не въ тѣхъ ли самыхъ отношеніяхъ находятся капитало-владѣніе и трудъ? Какъ безъ земли не можетъ быть ея культуры и даже вообще производства, такъ точно безъ капитала не можетъ быть сколько-нибудь усовершенствованнаго производства, сколько-нибудь, стало быть, доходнаго труда. Если въ вопросѣ ренты ея размѣръ опредѣляется превышеніемъ доходности арендуемой земли надъ доходстью наименѣе доходной культивируемой земли, такъ точно и въ вопросѣ прибыли ея высота должна опредѣляться превышеніемъ дохода производства, снабженнаго капиталомъ, надъ доходностью производства безъ капитала. Если я могу работать на себя безъ содѣйствія капитала или при помощи общедоступнаго капитала (дешевыхъ простыхъ орудій и интрументовъ), то доходность этого кустарнаго производства (хотя и не абсолютно лишеннаго капитала) и будетъ тою линіею, которая предоставитъ капиталовладѣнію воспользоваться въ видѣ прибыли всѣмъ доходомъ промышленности, превышающимъ эту доходнесть кустарнаго промысла. Въ дѣлѣ ренты мы видимъ, что если наименѣе доходная земля въ культурѣ приноситъ, положимъ, съ десятины, при извѣстной затратѣ труда и капитала, чистую цѣнность, равную 10, а другая земля въ той же странѣ и въ то же время приноситъ, при той же затратѣ труда и капитала, чистую цѣнность, равную 15, то цѣнность, равная 5, и выразитъ собою высоту ренты послѣдней земли. Точно такъ же, если кустарь или вообще человѣкъ, работающій на себя, можетъ, безъ содѣйствія капитала или при содѣйствіи общедоступной формы капитала, произвести цѣнность, равную 10, а фабрика, дѣйствующая въ той же странѣ и въ то же время, производитъ, употребляя трудъ 100 рабочихъ, въ тотъ же срокъ цѣнность, равную 5,000, т. е. среднимъ числомъ по 50 на рабочаго, то рабочій получитъ тѣже 10, что выручилъ бы, работая на себя, всѣ 100 рабочихъ получатъ вмѣстѣ 1,000, а остальная цѣнность, равная 4,000, поступитъ прибылью капиталисту. Когда рядомъ существуютъ кустарная промышленность и фабричная, работа на себя и работа по найму, заработная плата послѣдней будетъ регулироваться выручкою первой. Вознагражденіе, вырабатываемое самостоятельнымъ работникомъ, будетъ всегда нормою для заработной платы наемнаго рабочаго. Слѣдовательно, вся добавочная производительность, создаваемая раздѣленіемъ труда, машинами, разными усовершенствованіями и пр., увеличитъ собою прибыль. Но распространеніе фабричнаго производства, введеніе машинъ, открытія и изобрѣтенія—уде-

шевляютъ продуктъ, увеличивая производительность труда. Въ нашемъ примѣрѣ самостоятельный рабочій выработывалъ продуктъ цѣнностью 10, а фабричный — цѣнностью 50; трудъ послѣдняго былъ впятеро производительнѣе. Положимъ, что дальнѣйшій ходъ усовершенствованій поднялъ производительность еще выше и теперь фабричный рабочій производитъ уже вшестеро больше кустаря (оставшагося, конечно, при прежней производительности). Это даетъ возможность фабрикантамъ понизить цѣну продукта, положимъ, на 10%. И такъ, теперь тѣ же 100 рабочихъ на фабрикѣ произведутъ уже не 5.000, а 6,000, но, удешевляя на 10%, всего останется 5,700. Удешевленіе продукта влечетъ, однако, къ тому, что и кустарь продаетъ свои издѣлія на 10% дешевле, т. е. они будутъ стоить уже только 9. Сообразно съ этимъ и заработная плата понизится до 9 и фабрикантъ заплатитъ рабочимъ уже не 1,000, а всего 900, чистая выручка прибыли будетъ не 4,000, а 4,500. Результатъ: кустарь выручитъ на 10% меньше, рабочіе получатъ на 10% меньше, а фабрикантъ получитъ больше, заработная плата понизится, а прибыль возрастетъ. Мы еще вернемся впослѣдствіи къ этимъ интереснымъ отношеніямъ, а теперь лишь укажемъ на выводъ, еще разъ устанавливающій параллелизмъ закона прибыли и закона ренты. Капиталистъ, какъ и землевладѣлецъ, говоритъ: капиталъ — мой, а слѣдовательно, я возьму въ свою пользу все, что составляетъ доходъ предпріятія выше того, который тоже количество труда могло бы добыть себѣ безъ содѣйствія капитала или при содѣйствіи общедоступнаго капитала. Расширеніе культуры, распространяя ее на менѣе доходныя земли, повышаетъ ренту; расширеніе производства фабричнаго, удешевляя продуктъ и понижая выручку самостоятельнаго рабочаго, понижаетъ заработную плату и повышаетъ прибыль, какъ насчетъ этихъ потерь труда, такъ и насчетъ увеличенной его производительности.

Джорджъ формулируетъ законъ заработной платы слѣдующимъ образомъ [1]: «Заработная плата зависитъ отъ предѣла производства или отъ того продукта, который можетъ быть полученъ трудомъ, приложеннымъ къ высшей точкѣ естественной производительности, свободно-доступной ему безъ платежа ренты». Тутъ не оговорена доля капитала; она оговаривается въ слѣдующей, распространенной формулѣ:

«Когда земля свободна и трудъ обходится безъ капитала—

---

[1] Ib. 192.

весь продуктъ труда поступаетъ ему, какъ его заработная плата.

«Когда земля свободна, но труду въ производствѣ содѣйствуетъ капиталъ, заработная плата состоитъ изъ всего продукта, исключая части, необходимой для того, чтобы произвести скопленіе труда, какъ капитала.

«Когда земля обращена въ собственность и возникла рента, заработная плата опредѣляется тою выручкою, что трудъ можетъ добыть съ мѣста наивысшей производительности, открытаго ему безъ платежа ренты.

«Когда же естественныя произведенія всецѣло монополизованы, заработная плата можетъ быть доведена конкурренціею до minimum'a, при которомъ рабочій соглашается воспроизводиться. Этотъ необходимый minimum самъ собою вытекаетъ изъ нашего закона заработной платы, ибо ясно, что предѣлъ культуры не можетъ пасть ниже точки, на которой оставляется труду лишь столько, сколько нужно на содержаніе и воспроизведеніе» [1].

Неполнота и односторонность такого изложенія закона заработной платы явствуютъ теперь сами собою. Вполнѣ вѣрно оцѣнивая громадное значеніе монополизаціи природы, Джорджъ обходитъ значеніе монополизаціи орудій производства, капитала. Обособленіе земли онъ замѣчаетъ и въ счисленіе вводитъ; обособленія капитала онъ не видитъ и опускаетъ въ вычисленіи окончательнаго результата. Онъ разсуждаетъ такъ, будто трудъ и капиталъ не разобщались. Между тѣмъ, ихъ разобщеніе, монополизація капитала вводитъ новое осложненіе и проводитъ новую черту, линію наивысшей производительности труда безъ содѣйствія капитала (или при содѣйствіи свободно-доступнаго капитала безъ платежа процента); она же линія низшаго предѣла капиталистическаго производства, линія прибыли. Несомнѣнно, что линія ренты давитъ на заработную плату и что пониженіе предѣла культуры (расширеніе производства) понижаетъ и заработную плату, которую, такимъ образомъ, рента все болѣе и болѣе поглощаетъ. Несомнѣнно, что и этимъ однимъ путемъ можно довести заработную плату до minimum'a стоимости содержанія труда (примѣръ—Ирландія). Несомнѣнно, что съ этой стороны формула заработной платы Джорджа представляетъ совершенно неоспоримую истину. Но существенный пробѣлъ этой формулы заключается въ томъ, что ею совершенно пропущено параллельное дѣйствіе монополизованнаго капитала. Линія при-

---

[1] Ib., 192—193.

были также точно давить на заработную плату и расширеніе капиталистическаго производства (сравнительное пониженіе выручки самостоятельнаго труда) понижаетъ тоже заработную плату, которая и этимъ путемъ, все болѣе и болѣе поглощаемая прибылью, можетъ быть доведена до minimum'а, независимо отъ всякаго вліянія ренты.

И вотъ въ этомъ-то смыслѣ формула заработной платы, предлагаемая Джорджемъ, не полна и одностороння. Дополняя и исправляя ее, сообразно приведеннымъ соображеніямъ, мы ее получимъ въ слѣдующемъ сжатомъ видѣ:

Заработная плата опредѣляется выручкою труда, самостоятельно работающаго безъ платежа ренты и процента, а потому зависитъ отъ предѣла культуры и отъ предѣла капиталистическаго производства, т. е. отъ той выручки, которую трудъ можетъ получить, будучи приложенъ къ мѣсту высшей естественной производительности, свободному отъ ренты, при содѣйствіи наиболѣе производительной формы капитала, свободнаго отъ платежа процента и доступнаго труду.

Эта сжатая абстрактная формула, развитая подобно предлагаемой Джорджемъ, опредѣлитъ законы, управляющіе заработною платою слѣдующимъ образомъ:

1) Гдѣ земля свободна и трудъ обходится безъ капитала или при содѣйствіи всѣмъ одинаково легко доступнаго капитала, тамъ весь продуктъ поступаетъ въ заработную плату труду.

2) Гдѣ земля обращена въ частную собственность (монополизована), но трудъ еще можетъ обходиться безъ капитала или при содѣйствіи общедоступнаго капитала, тамъ заработная плата опредѣляется выручкою труда, приложеннаго къ мѣсту наивысшей естественной производительности, свободно-доступному безъ платежа ренты, т. е. низшимъ предѣломъ культуры.

3) Гдѣ земля свободна, но капиталъ обращенъ въ частную собственность, монополизованъ и недоступенъ въ любой формѣ труду, тамъ заработная плата опредѣляется выручкою труда при содѣйствіи наиболѣе производительной формы капитала, свободно-доступной труду безъ платежа процента.

4) Гдѣ и земля, и капиталъ монополизованы, и возникли рента и процентъ, тамъ заработная плата опредѣляется выручкою труда, приложеннаго къ мѣсту наивысшей производительности, свободно-доступной труду (безъ платежа ренты) и при содѣйствіи наиболѣе производительной, общедоступной формы капитала.

5) Гдѣ и земля, и капиталъ всецѣло монополизованы и нѣтъ больше ни земли, открытой для эксплуатаціи безъ платежа ренты,

*

ни капитала, доступнаго труду, тамъ заработная плата необходимо должна опуститься до minimum'a, нужнаго для содержанія и воспроизведенія труда.

Этотъ послѣдній результатъ естественно получается, когда постепенное пониженіе выручки самостоятельнаго труда, нормирующей собою высоту заработной платы, доходитъ до того, что самостоятельный трудъ на себя, наконецъ, исчезаетъ, а исчезаетъ, конечно, онъ тогда, когда уже перестаетъ содержать рабочаго. Такимъ образомъ, доведя заработную плату до уровня минимальныхъ потребностей, пониженіе выручки самостоятельнаго рабочаго кончаетъ свою исторію тѣмъ, что упраздняетъ совершенно самостоятельный трудъ на себя. Дальше эта естественная линія заработной платы (выручка труда на себя) уже больше не регулируетъ заработной платы. Трудъ уже не имѣетъ передъ собою выбора: работать на себя или выходить на рынокъ. Вмѣсто пайщика, договорившагося съ капиталомъ о долѣ продукта, трудъ уже является просто *товаромъ*, покупаемымъ и продаваемымъ на рынкѣ. Рабочій есть теперь лишь продавецъ товара, именуемаго трудомъ и, какъ продавецъ сырья не договаривается съ фабрикантомъ о долѣ выручки, а требуетъ съ него только цѣнность сырья, такъ и рабочій, продавецъ труда, тоже можетъ теперь требовать лишь цѣнность труда, т. е. стоимость его производства. Стоимость производства труда (точнѣе, рабочей силы) и есть то, что называется стоимостью его содержанія и воспроизведенія или суммою минимальныхъ потребностей. Лассаль и Марксъ впервые вполнѣ ясно показали, что обособленіе факторовъ производства, труда, и капитала, въ связи съ усовершенствованіями производства, приводитъ къ тому, что трудъ обращается въ товаръ, и съ тѣхъ поръ, конечно, подлежитъ всѣмъ законамъ, управляющимъ обращеніемъ товаровъ. Онъ оплачивается по своей мѣновой цѣнности, а его мѣновая цѣнность опредѣляется, какъ всякая мѣновая цѣнность, стоимостью производства, относительнымъ количествомъ вложеннаго въ него труда. Все, что трудъ произведет[illegible] больше, нежели необходимо для его содержанія и воспроизведені[illegible] вся разница между количествомъ труда, необходимымъ на его соб[illegible]ственное содержаніе, и количествомъ, которое онъ можетъ про[illegible]явить, вся это *добавочная цѣнность* и поступаетъ въ пользу ка[illegible]питала въ видѣ прибыли. При экономическомъ строѣ, въ кото[illegible]ромъ совершенно исчезла работа на себя и гдѣ трудъ оконча[illegible]тельно сталъ товаромъ, стоимость его производства, сумма е[illegible] минимальныхъ потребностей необходимо является естественно[illegible] линіею заработной платы. Наша линія заработной платы, ли[illegible]

выручки самостоятельнаго труда является болѣе общею формулою, объемлющею всѣ виды экономическаго строя, но «желѣзный законъ заработной платы» Лассаля и Маркса яснѣе обрисовываетъ послѣдній изъ пяти указанныхъ нами случаевъ. Онъ является закономъ только этого пятаго случая, но современный экономическій строй старыхъ странъ Европы уже вполнѣ представляетъ именно этотъ пятый случай, когда земля и капиталъ всецѣло монополизованы и работа на себя окончательно исчезла. Экономическое развитіе болѣе молодыхъ странъ европейской культуры, какъ Америка и Россія, хотя еще и не достигли этой ступени, но быстро къ ней стремятся.

И такъ, въ результатѣ нашего анализа распредѣленія приходится признать, что окончательные выводы классической школы экономистовъ вполнѣ правильны: рента опредѣляется предѣломъ культуры (какъ признаетъ и Джорджъ); заработная плата опредѣляется суммою минимальныхъ потребностей рабочаго (при господствующемъ экономическомъ строѣ Западной Европы); прибыль зависитъ отъ высоты заработной платы, будучи по существу своему въ антагонизмѣ съ послѣднею. Но хотя эти теоремы классической школы и вполнѣ правильны, но онѣ неполны, представляя собою лишь частный случай капиталистическаго строя, а потому и невѣрны, такъ какъ по этой теоріи онѣ почитаются общимъ закономъ. А во-вторыхъ, ихъ основной порокъ въ ошибочномъ координированіи и ложномъ истолкованіи ихъ причины. Эта причина, по мнѣнію школы—законъ народонаселенія, который понижаетъ плату до minimum'а, повышаетъ ренту и возбуждаетъ антагонизмъ между факторами производства. Но законъ народонаселенія Мальтуса опровергнутъ, а съ нимъ и все зданіе ученія о распредѣленіи. Не размноженіе народонаселенія, а обособленіе факторовъ производства, монополизація природы и богатства, земли и капитала составляетъ причину пониженія заработной платы до minimum'а; эта же монополизація создаетъ ренту и затѣмъ постоянно гонитъ ее въ гору, производитъ процентъ и постепенно даетъ ему поглощать заработную плату. Экономическій строй, въ основаніе котораго положено обособленіе факторовъ производства, есть причина, истолковывающая и связующая между собою отдѣльныя явленія, въ которыхъ выражается распредѣленіе богатства.

Отличіе вывода Джорджа отъ нашего въ томъ, что онъ обращаетъ вниманіе лишь на обособленіе земли, на монополизацію природы. По его мнѣнію, причина пониженія заработной платы до minimum'а лежитъ въ этой монополизаціи, которая дозволяетъ

монополистамъ присваивать себѣ весь приростъ продукта, все умноженіе производительности, все увеличеніе богатства. Мы видѣли уже, въ чемъ основной промахъ Джорджа. Обратимся теперь отъ статики распредѣленія къ динамикѣ, отъ разбора естественной тенденціи факторовъ распредѣленія при данныхъ условіяхъ къ опредѣленію тѣхъ измѣненій и преобразованій, которыя эта тенденція претерпѣваетъ съ теченіемъ прогресса, съ измѣненіемъ и преобразованіемъ условій.

С. Южаковъ.

(Продолженіе въ слѣд. №).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ РЯДОВОГО ИВАНОВА.

I.

Четвертаго мая тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмого года, я пріѣхалъ въ Кишиневъ и черезъ полчаса узналъ, что черезъ городъ проходитъ 56-я пѣхотная дивизія. Такъ какъ я пріѣхалъ съ цѣлью поступить въ какой-нибудь полкъ и побывать на войнѣ, то седьмого мая, въ четыре часа утра, я уже стоялъ на улицѣ въ сѣрыхъ рядахъ, выстроившихся передъ квартирой полковника 222-го старобѣльскаго пѣхотнаго полка. На мнѣ была сѣрая шинель съ красными погонами и синими петлицами, кепи съ синимъ околышемъ; за спиною ранецъ, на поясѣ патронныя сумки, въ рукахъ тяжелая крынковская винтовка.

Музыка грянула: отъ полковника выносили знамена. Раздалась команда; полкъ беззвучно сдѣлалъ на караулъ. Потомъ поднялся ужасный крикъ: скомандовалъ полковникъ, за нимъ батальонные командиры и взводные унтеръ-офицеры. Слѣдствіемъ всего этого было запутанное и совершенно непонятное для меня движеніе сѣрыхъ шинелей, кончившееся тѣмъ, что полкъ вытянулся въ длинную колонну и мѣрно зашагалъ подъ звуки полкового оркестра, гремѣвшаго веселый маршъ. Шагалъ и я, стараясь попадать въ ногу и идти наровнѣ съ сосѣдомъ. Ранецъ тянулъ назадъ, тяжелыя сумки впередъ, ружье соскакивало съ плеча, воротникъ сѣрой шинели теръ шею; но, несмотря на всѣ эти маленькія непріятности, музыка, стройное, тяжелое движеніе колонны, раннее свѣжее утро, видъ щетины штыковъ, загорѣлыхъ и суровыхъ лицъ настроивалъ душу твердо и спокойно.

У воротъ домовъ, несмотря на раннее утро, толпился народъ: изъ оконъ глядѣли полураздѣтыя фигуры. Мы шли по длинной, прямой улицѣ, мимо базара, куда уже начали съѣзжаться молдаване на своихъ воловьихъ возахъ; улица поднималась въ гору и упиралась въ городское кладбище. Утро было пасмурное и холодное, накрапывалъ дождикъ; деревья кладбища виднѣлись

въ туманѣ; изъ-за мокрыхъ воротъ и стѣны выглядывали верхушки памятниковъ. Мы обходили кладбище, оставляя его вправо. И казалось мнѣ, что оно смотритъ на насъ сквозь туманъ въ недоумѣніи. «Зачѣмъ идти вамъ, тысячамъ, за тысячи верстъ умирать на чужихъ поляхъ, когда можно умереть и здѣсь, умереть покойно и лечь подъ моими деревянными крестами и каменными плитами? Останьтесь!»

Но мы не остались. Насъ влекла невѣдомая тайная сила: нѣтъ силы бо̀льшей въ человѣческой жизни. Каждый отдѣльно ушелъ бы домой, но вся масса шла, повинуясь не дисциплинѣ, не сознанію правоты дѣла, не чувству ненависти къ неизвѣстному врагу, не страху наказанія, а тому невѣдомому и безсознательному, что̀ долго еще будетъ водить человѣчество на кровавую бойню, самую крупную причину всевозможныхъ людскихъ бѣдъ и страданій.

За кладбищемъ открылась широкая и глубокая долина, уходившая изъ глазъ въ туманъ. Дождь пошелъ сильнѣе; кое-гдѣ, далеко-далеко, тучи, раздаваясь, пропускали солнечный лучъ; тогда косыя и прямыя полосы дождя сверкали серебромъ. По зеленымъ склонамъ долины ползли туманы; сквозь нихъ можно было различить длинныя, вытянувшіяся колонны войскъ, шедшихъ впереди насъ. Изрѣдка блестѣли кое-гдѣ штыки; орудіе, попавъ въ солнечный свѣтъ, горѣло нѣсколько времени яркою звѣздочкою и меркло. Иногда тучи сдвигались; становилось темнѣе; дождь шелъ чаще. Черезъ часъ послѣ выступленія, я почувствовалъ, какъ струйка холодной воды побѣжала у меня по спинѣ.

Первый переходъ былъ не великъ: отъ Кишинева до деревни Гаурени всего восьмнадцать верстъ. Однако, съ непривычки нести на себѣ фунтовъ двадцать пять-тридцать груза, я, добравшись до отведенной намъ хаты, сначала даже сѣсть не могъ: прислонился ранцемъ къ стѣнѣ, да такъ и стоялъ минутъ десять въ полной амуниціи и съ ружьемъ въ рукахъ. Одинъ изъ солдатъ, идя на кухню за обѣдомъ, сжалившись надо мной, взялъ и мой котелокъ, но когда онъ пришелъ, то засталъ меня спящимъ глубокимъ сномъ. Я проснулся только въ четыре часа утра отъ нестерпимо рѣзкихъ звуковъ рожка, игравшаго генералъ-маршъ, и черезъ пять минутъ снова шагалъ по грязной глинистой дорогѣ, подъ мелко сыпавшимъ, точно сквозь сито, дождикомъ. Передо мною двигалась чья-то сѣрая спина съ навьюченнымъ на нее бурымъ телячьимъ ранцемъ, побрякивавшимъ желѣзнымъ котелкомъ и ружьемъ на плечѣ; съ боковъ и сзади тоже шли такія же сѣрыя фигуры. Первые дни я не могъ

отличить ихъ другъ отъ друга. 222-й пѣхотный полкъ, куда я попалъ, состоялъ бо̀льшею частью изъ вятскихъ (вячкихъ, какъ они говорили) и костромскихъ мужиковъ. Все широкія, скуластыя лица, побурѣвшія отъ похода; сѣрые небольшіе глаза, бѣлокурые безцвѣтные волосы и бороды. Хотя я и помнилъ нѣсколько фамилій, но кому онѣ принадлежатъ, не зналъ. Черезъ двѣ недѣли я не могъ понять, какъ я могъ смѣшивать двухъ своихъ сосѣдей, одного, шедшаго рядомъ со мною, и другого, шедшаго рядомъ съ обладателемъ сѣрой спины, бывшей постоянно передъ моими глазами. Я безразлично называлъ ихъ Ѳедоровымъ и Житковымъ и постоянно ошибался, а между тѣмъ, они были совершенно непохожи другъ на друга.

Ѳедоровъ, ефрейторъ, былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-двухъ, средняго роста, стройно, даже изящно сложенный. У него было правильное, будто выточенное лицо, съ очень красиво очерченными носомъ, губами и подбородкомъ, покрытымъ бѣлокурой курчавой бородкой, и съ веселыми голубыми глазами. Когда кричали: пѣсенниковъ впередъ!—онъ бывалъ запѣвалой нашей роты и часто выводилъ груднымъ теноромъ, на высокихъ нотахъ, прибѣгая въ величайшему фальцету:

...Царя тре-е-е-бу-ютъ въ сенатъ!

Онъ былъ уроженецъ Владимірской губерніи, съ дѣтства новавшій въ Петербургъ. Что рѣдко случается, петербургская «образованность» не испортила его, но только отшлифовала, научивъ, между прочимъ, читать газеты и говорить всякія мудреныя слова.

— Конечно, Владиміръ Михайловичъ, говорилъ онъ мнѣ: —я могу имѣть разсужденія больше, чѣмъ дядя Житковъ, такъ какъ Питеръ оказалъ на меня свое вліяніе. Въ Питерѣ цивилизація, а у нихъ въ деревнѣ одно незнаніе и дикость. Но, однако, какъ они человѣкъ пожилой и, можно сказать, виды видѣвшій и перенесшій различныя превратности судьбы, то я не могу на нихъ орать, напримѣръ. Ему сорокъ лѣтъ, а мнѣ двадцать третій. Хотя я въ ротѣ и ефрейторъ.

Дядя Житковъ — коренастый, необыкновенной силы мужикъ, всегда мрачнаго вида. Лицо у него было темное, скуластое, глаза маленькіе, смотрѣвшіе изподлобья. Онъ никогда не улыбался и рѣдко говорилъ. Онъ былъ плотникъ по ремеслу и находился въ безсрочномъ отпуску, когда мобилизировали нашу армію. До чистой отставки ему оставалось всего нѣсколько мѣсяцевъ; началась война и Житковъ пошелъ въ походъ, оставивъ дома жену и пятерыхъ ребятишекъ. Несмотря на непривлека-

тельную наружность и вѣчную мрачность, въ немъ было что-то влекущее, доброе и сильное. Теперь мнѣ кажется совершенно непонятнымъ, какъ я могъ смѣшивать этихъ сосѣдей, но въ первые два дня оба мнѣ казались одинаковыми: сѣрыми, навьюченными, уставшими и продрогшими.

Всю первую половину мая шли непрерывные дожди, а мы двигались безъ палатокъ. Безконечная глинистая дорога подымалась на холмъ и спускалась въ оврагъ чуть ли не на каждой верстѣ. Идти было тяжело. На ногахъ комья грязи; сѣрое небо низко повисло и безпрерывно сѣетъ на насъ мелкій дождь. И нѣтъ ему конца; нѣтъ надежды, придя на ночлегъ, высушиться и отогрѣться: румыны не пускали насъ въ жилье, да имъ и негдѣ было помѣстить такую массу народа. Мы проходили городъ или деревню и становились гдѣ-нибудь на выгонѣ. —Стой!.. Составь!

И приходилось, поѣвши горячей похлебки, укладываться прямо въ грязь. Снизу вода, сверху вода; казалось, и тѣло все пропитано водой. Дрожишь, кутаешься въ шинель, понемногу начинаешь согрѣваться влажною теплотой и крѣпко засыпаешь опять до проклинаемаго всѣми генералъ-марша. Снова сѣрая колонна, сѣрое небо, грязная дорога и печальные, мокрые холмы и долины. Людямъ приходилось трудно.

— Растворились всѣ хляби небесныя, со вздохомъ говорилъ нашъ полувзводный унтеръ-офицеръ Карповъ, старый солдатъ, сдѣлавшій хивинскій походъ.—Мокнемъ-мокнемъ безъ конца.

— Высохнемъ, Василь Карпычъ! вотъ солнышко выглянетъ, всѣхъ высушитъ. Походъ дологъ: поспѣемъ и высохнуть и вымокнуть, пока дойдемъ. Михайлычъ! обращается сосѣдъ ко мнѣ:— далече ли до Дунаю-то?

— Недѣли три еще пройдемъ.

— Три недѣли! Да двѣ идемъ вотъ...

— Идемъ къ чорту въ лапы, проворчалъ дядя Житковъ.

— Чего ты тамъ, старый чортъ, ворчишь? Народъ смущаешь! Къ какому чорту въ лапы? Почему ты такое произносишь?

— На праздникъ, что ли, идемъ? огрызается Житковъ.

— Не на праздникъ, а какъ должны исполнять присягу!.. Ты что, когда присягалъ, говорилъ? «Не щадя живота!..» А! старый дуракъ! Ты смотри у меня!

— Что-жь я сказалъ, Василь Карпычъ? Нешто не иду? Помирать, такъ помирать... все одно...

— То-то! Поговори еще!..

Житковъ молчитъ; лицо его становится еще мрачнѣе. Да и всѣмъ вообще не до разговоровъ: идти было слишкомъ тяжело.

Ноги скользятъ и люди часто падаютъ въ липкую грязь. Крѣпкая ругань раздается по батальону. Одинъ Ѳедоровъ не вѣшаетъ носа и безъ устали разсказываетъ мнѣ исторію за исторіей о Петербургѣ и деревнѣ.

Однако, всему бываетъ конецъ. Однажды, проснувшись утромъ на бивуакѣ, около деревни, гдѣ была назначена дневка, я увидѣлъ голубое небо, бѣлыя мазанки и виноградники, ярко залитые утреннимъ солнцемъ, услышалъ повеселѣвшіе, живые голоса. Всѣ уже встали, обсушились и отдыхали отъ тяжелаго полуторанедѣльнаго похода подъ дождемъ безъ палатокъ. Во время дневки, привезли и ихъ. Солдаты тотчасъ же принялись натягивать ихъ, и, устроивъ все, какъ слѣдуетъ, забивъ колышки и натянувъ полотнища, почти всѣ улеглись подъ тѣнь.

— Отъ дождя не помогли, отъ солнышка сберегутъ.

— Да̀, чтобы личико у барина не почернѣло, пошутилъ Ѳедоровъ, лукаво подмигивая въ мою сторону.

II.

Въ нашей ротѣ было всего два офицера: ротный командиръ, капитанъ Заикинъ, и субалтернъ-офицеръ, прапорщикъ Стебельковъ. Ротный былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, толстенькій и добрый; Стебельковъ—юноша, только-что выпущенный изъ училища. Жили они дружно: капитанъ приголубилъ прапорщика, поилъ и кормилъ его, а во время дождей, даже пригрѣвалъ подъ своимъ единственнымъ гуттаперчевымъ плащомъ. Когда роздали палатки, наши офицеры помѣстились вмѣстѣ, а такъ какъ офицерскія палатки были просторны, то капитанъ рѣшилъ поселить съ собою и меня.

Утомленный безсонною ночью (наканунѣ наша рота была назначена къ обозу, и мы всю ночь вытаскивали его изъ рытвинъ и даже вывозили при помощи «дубинушки» изъ разлившейся рѣчки), я крѣпко уснулъ послѣ обѣда. Деньщикъ ротнаго командира разбудилъ меня, осторожно трогая за плечо.

— Баринъ Ивановъ! баринъ Ивановъ! шепталъ онъ, какъ будто не хотѣлъ разбудить меня, а напротивъ, всѣми силами старался не нарушить моего сна.

— Чего вамъ?

— Ротный требуютъ.—И видя, что я надѣваю портупею со штыкомъ, прибавилъ:—они сказали: веди въ чемъ есть.

Въ палаткѣ Заикина собралась цѣлая компанія. Кромѣ хозяевъ, было еще два офицера: полковой адъютантъ и командиръ

стрѣлковой роты Венцель. Въ 1877 году, батальонъ состоялъ не изъ четырехъ, какъ теперь, а изъ пяти ротъ; на походѣ стрѣлковая рота шла сзади, такъ что наша рота своими послѣдними рядами соприкасалась съ ея первыми. Мнѣ приходилось идти почти между стрѣлками, и я уже нѣсколько разъ слышалъ отъ нихъ самые дурные отзывы о штабсъ-капитанѣ Венцелѣ. Всѣ четверо сидѣли вокругъ ящика, замѣнявшаго столъ и занятого самоваромъ, посудою и бутылкою, и пили чай.

— Господинъ Ивановъ! пожалуйте, пожалуйте! закричалъ капитанъ.—Никита! чашку, кружку, стаканъ, что тамъ у тебя есть! Подвинься, Венцель; пусть онъ присаживается.

Венцель всталъ и весьма любезно поклонился. Это былъ сухощавый небольшого роста молодой человѣкъ, блѣдный и нервный. «Какіе у него безпокойные глаза и какія тонкія губы», пришло мнѣ тогда въ голову. Адъютантъ, не вставая, протянулъ мнѣ руку.

— Лукинъ, коротко отрекомендовался онъ.

Мнѣ было неловко. Офицеры молчали; Венцель прихлёбывалъ чай съ ромомъ; адъютантъ пыхтѣлъ коротенькой трубкой; прапорщикъ Стебельковъ, кивнувъ мнѣ головою, продолжалъ читать растрепанный томъ какого-то переводнаго романа, совершившаго въ его чемоданѣ походъ изъ Россіи за Дунай и вернувшагося впослѣдствіи въ еще болѣе растрепанномъ видѣ въ Россію. Хозяинъ налилъ большую глиняную кружку чая и влилъ въ него огромную порцію рома.

— Нате-ка, господинъ студентъ! Вы на меня не сердитесь: я человѣкъ простой. Да и всѣ мы здѣсь, знаете, люди простые. А вы человѣкъ образованный; значитъ, должны насъ извинить. Такъ, что ли?

И онъ своею огромною рукою схватилъ мою руку сверху, какъ хищная птица хватаетъ добычу, и нѣсколько разъ потрясъ ее въ воздухѣ, нѣжно смотря на меня выпученными и округлившимися маленькими глазами.

— Вы студентъ? спросилъ Венцель.

— Да, бывшій, господинъ капитанъ.

Онъ улыбнулся и поднялъ на меня свой безпокойный взоръ. Мнѣ вспомнились солдатскіе разсказы, но въ ту минуту я усомнился въ ихъ правдивости.

— Зачѣмъ это «господинъ капитанъ»? Здѣсь въ палаткѣ свой между своими. Здѣсь вы просто интеллигентный человѣкъ между такими же, тихо сказалъ онъ.

— Интеллигентный—это вѣрно! закричалъ Заикинъ: — сту-

дентъ! Люблю студентовъ, хоть они и бунтовщики. Самъ былъ бы студентомъ, еслибъ не судьба.

— Какая-жь такая у тебя особенная судьба, Иванъ Платонычъ? спросилъ адъютантъ.

— Да приготовиться никакъ не могъ. Ну, математика еще туда-сюда, а ужь насчетъ другого чего—не идетъ, да что хочешь. Словесность эта... Правописаніе... Такъ и въ юнкерскомъ училищѣ писать не научился. Ей-Богу!

— Знаете, господинъ студентъ, сказалъ адъютантъ между двумя огромными выпущенными имъ клубами дыма:—какъ Иванъ Платонычъ въ словѣ «еще» четыре ошибки дѣлаетъ?

— Ну, ну, не ври, тётенька!—Заикинъ отмахнулся рукой.

— Право, не вру. *И, эсъ, ша, о*—какъ это вамъ покажется? И адъютантъ громко расхохотался.

— Дери глотку. Самъ тоже... еще адъютантъ! «столъ» черезъ *ять* пишетъ...

Адъютантъ совсѣмъ залился; прапорщикъ Стебельковъ, только-что хлебнувшій чая, прыснулъ имъ на свой романъ и потушилъ одну изъ двухъ свѣчей, освѣщавшихъ палатку; я тоже не могъ удержаться отъ смѣха. Иванъ Платонычъ, болѣе всѣхъ довольный своею остротой, гремѣлъ раскатами басистаго хохота. Одинъ Венцель не смѣялся.

— Такъ словесность, Иванъ Платонычъ? попрежнему тихо спросилъ онъ.

— Словесность, словесность... Ну, и прочее. Знаете, какъ нѣкто географію прошелъ «до экватора», а исторію «до эры». Да нѣтъ! это все ерунда, не въ томъ дѣло. А просто деньжонки водились, ну, и прожигалъ жизнь. Вѣдь я, Ивановъ... позвольте имя и отчество?..

— Владиміръ Михайлычъ.

— Владиміръ Михайлычъ? ладно... Вѣдь я безпутная голова былъ смолоду. Чего только не выкидывалъ! Ну, знаете, какъ въ пѣснѣ поется: прежде жилъ я, мальчикъ, веселился и имѣлъ свой капиталъ; капиталу, мальчикъ, я рѣшился, и въ неволю жить попалъ. Поступилъ юнкеромъ въ сей славный, хотя глубоко-армейскій полкъ; послали въ училище, кончилъ съ грѣхомъ пополамъ, да вотъ и тяну лямку второй десятокъ лѣтъ. Теперь вотъ на турку прёмъ. Выпьемте, господа, натуральнаго! стоитъ ли его чаемъ портить. Выпьемъ, господа «пушечное мясо».

— Chair à canon, перевелъ Венцель.

— Пускай шеръ а канонъ, пускай по-французски. Капитанъ у насъ умный, Владиміръ Михайлычъ: языки знаетъ и разные нѣмецкіе стишки наизусть долбитъ. Слушайте, юноша! я васъ

затѣмъ позвалъ, чтобы предложить вамъ перебраться ко мнѣ въ палатку. Тамъ вѣдь вамъ вшестеромъ съ солдатами тѣсно и скверно. Насѣкомыя. Все-таки у насъ лучше...

— Благодарю васъ, только позвольте отказаться.

— Это отчего? Вздоръ! Никита! тащи его ранецъ! Вы въ которой палаткѣ?

— Вторая съ правой стороны. Только все-таки позвольте мнѣ остаться тамъ. Мнѣ вѣдь съ солдатами больше бывать приходится. Лучше ужь совсѣмъ съ ними.

Капитанъ внимательно посмотрѣлъ на меня, какъ будто бы хотѣлъ прочитать мои мысли. Подумавъ, онъ сказалъ:

— Вы что̀ же, въ дружбѣ съ ними состоять хотите?

— Да, если это будетъ возможно.

— Вѣрно. Не перебирайтесь. Уважаю.

И онъ сгребъ своей ручищей мою руку и началъ трясти ее въ воздухѣ.

Немного времени спустя, я распрощался съ офицерами и вышелъ изъ палатки. Вечерѣло; люди одѣвались въ шинели, приготовляясь къ зорѣ. Роты выстроились на линейкахъ, такъ что каждый батальонъ образовалъ замкнутый квадратъ, внутри котораго были палатка и ружья въ ко̀злахъ. Въ тотъ же день, благодаря дневкѣ, собралась вся наша дивизія. Барабаны пробили зорю, откуда-то издалека послышались слова команды:

— Полкѝ на молитву, шапки долой!

И двѣнадцать тысячъ человѣкъ обнажили головы. «Отче нашъ, иже еси на небеси», начала наша рота. Рядомъ тоже запѣли. Шестьдесятъ хоровъ по двѣсти человѣкъ въ каждомъ пѣли каждый самъ по себѣ; выходили диссонансы, но молитва все-таки звучала трогательно и торжественно. Понемногу начали затихать хоры; наконецъ, далеко, въ батальонѣ, стоявшемъ на концѣ лагеря, послѣдняя рота пропѣла: «но избави насъ отъ лука̀ваго». Коротко пробили барабаны.

— Накро̀йсь!

Солдаты укладывались спать. Въ нашей палаткѣ, гдѣ, какъ и въ другихъ, помѣщалось шестеро на пространствѣ двухъ квадратныхъ саженъ, мое мѣсто было съ краю. Я долго лежалъ, смотря на звѣзды, на костры далекихъ войскъ, слушая смутный и негромкій шумъ большого лагеря. Въ сосѣдней палаткѣ кто-то разсказывалъ сказку, безпрестанно повторяя слова «наконецъ того», произнося не «тово», а «того».

— Наконецъ того, приходитъ тотъ принцъ къ своей супругѣ

и началъ ей про все выговаривать. Наконецъ того, она... Лютиковъ, спишь, что ли?

— Ну, спи, Христосъ съ тобой. Господи, Царица Небесная... Преподобныхъ отецъ нашихъ.. шепчетъ разсказчикъ и стихаетъ.

Въ офицерской палаткѣ, тоже говоръ. По освѣщенному изнутри полотну двигаются огромныя и уродливыя тѣни сидящихъ въ палаткѣ офицеровъ. Изрѣдка слышенъ взрывъ хохота: это заливается адъютантъ. По линейкѣ ходитъ туда и сюда часовой съ ружьемъ; напротивъ насъ, на бивуакѣ недалеко стоящей артиллеріи, тоже часовой съ обнаженной шашкой. Оттуда изрѣдка слышенъ топотъ лошадей у коновязей, ихъ фырканье; слышно, какъ они мирно жуютъ овесъ, съ такимъ же точно добродушнымъ шурханьемъ, какъ мнѣ случалось слышать не здѣсь, на войнѣ, а гдѣ-нибудь на постояломъ дворѣ на родинѣ, въ такую же тихую звѣздную ночь. Семь звѣздъ Большой Медвѣдицы блестѣли низко надъ горизонтомъ, гораздо ниже, чѣмъ у насъ. Смотря на полярную звѣзду, я думалъ, что именно въ этомъ направленіи долженъ быть Петербургъ, гдѣ я оставилъ мать, друзей и все дорогое. Надъ головою блестѣли знакомыя созвѣздія; Млечный Путь не тускло свѣтился, а сіялъ ясною, торжественно-спокойною полосою свѣта. На югѣ, какія-то большія звѣзды незнакомаго, невидимаго у насъ созвѣздія горѣли одна краснымъ, другая зеленоватымъ огнемъ. Мнѣ думалось: когда мы пойдемъ дальше, за Дунай, за Балканы, въ Константинополь, увижу ли я тогда еще новыя звѣзды? и какія онѣ?

Спать не хотѣлось; я всталъ и началъ бродить по сырой травѣ между нашимъ батальономъ и артиллеріей. Темная фигура поровнялась со мною, гремя саблею; по ея звуку, я догадался, что это офицеръ, и вытянулся во фронтъ. Офицеръ подошелъ ко мнѣ и оказался Венцелемъ.

— Не спится, Владиміръ Михайлычъ? спросилъ онъ мягкимъ и тихимъ голосомъ.

— Не спится, капитанъ.

— Меня зовутъ Петръ Николаевичъ... И мнѣ тоже не спится. Сидѣлъ-сидѣлъ у вашего командира; надоѣло: засѣли за карты, да и перепились всѣ... Ахъ, какая ночь!

Онъ пошелъ рядомъ со мною; дойдя до конца линейки, мы повернули назадъ и прошли нѣсколько разъ взадъ и впередъ молча. Венцель началъ первый.

— Скажите мнѣ, вы пошли въ походъ по собственному желанію.

— Да.

— Что же влекло васъ?

— Какъ вамъ сказать? отвѣтилъ я, не желая вдаваться въ подробности.—Больше всего, конечно, желаніе поиспытать, посмотрѣть.

— И, вѣроятно, изучать народъ въ лицѣ его представителя—солдата? спросилъ Венцель. Было темно, и я не видѣлъ выраженія его лица, но слышалъ въ голосѣ иронію.

— Куда ужь тутъ изучать! До изученія ли, когда думаешь только о томъ, какъ бы дойти до привала, да заснуть.

— Нѣтъ, безъ шутокъ. Скажите мнѣ, отчего вы не перебрались къ вашему командиру? Неужели вы дорожите мнѣніемъ этого мужичья?

— Конечно, дорожу, какъ мнѣніемъ всѣхъ, кого у меня нѣтъ причины не уважать.

— Не имѣю причины вамъ не вѣрить. Да, впрочемъ, вѣдь теперь такая полоса нашла. И литература—и та возводитъ мужика въ какой-то перлъ творенія.

— Кто говоритъ о перлахъ творенія, Петръ Николаичъ? Признавали бы человѣка, и то ладно.

— Ахъ, полноте, пожалуйста, съ жалкими словами! Кто его не признаетъ! Человѣкъ?—ну, пусть будетъ человѣкъ; какой?—это другой вопросъ... Давайте, поговоримъ о другомъ.

Мы, дѣйствительно, разговорились. Венцель, видимо, очень много читалъ и, какъ сказалъ Зайкинъ, зналъ и языки. Замѣчаніе капитана о томъ, что онъ «стихи долбитъ», тоже оказалось вѣрнымъ: мы заговорили о французахъ, и Венцель, обругавъ натуралистовъ, перешелъ къ 40-мъ и 30-мъ годамъ, и даже съ чувствомъ продекламировалъ «Декабрьскую ночь» Альфреда де-Мюссе. Онъ читалъ хорошо: просто и выразительно, и съ хорошимъ французскимъ выговоромъ. Кончивъ, онъ помолчалъ и прибавилъ:

— Да, это хорошо; но всѣ французы вмѣстѣ не стоятъ десяти строкъ Шиллера, Гёте и Шекспира.

Завѣдуя полковой библіотекой, пока не принялъ роту, онъ прилежно слѣдилъ и за русской литературой. Говоря о ней, онъ строго осудилъ, какъ онъ выразился, «сиволапое направленіе». Отъ этого замѣчанія разговоръ вернулся къ прежнему предмету. Венцель спорилъ горячо.

— Когда я, почти мальчикомъ, поступилъ въ полкъ, я не думалъ того, что говорю вамъ теперь. Я старался дѣйствовать словомъ, я старался пріобрѣсти нравственное вліяніе. Но прошелъ годъ, и они вытянули изъ меня всѣ жилы. Все, что осталось отъ такъ называемыхъ хорошихъ книжекъ, столкнувшись съ дѣйствительностью, оказалось сентиментальнымъ вздоромъ.

И теперь я думаю, что единственный способъ быть понятымъ— вотъ!

Онъ сдѣлалъ какой-то жестъ рукою. Было такъ темно, что я не понялъ его.

— Что-жь это, Петръ Николаичъ?

— Кулакъ! отрѣзалъ онъ.—Прощайте, однако, пора спать.

Я сдѣлалъ ему подъ козырекъ и побрелъ къ своей палаткѣ. Мнѣ было и больно, и противно.

Въ палаткѣ, казалось, уже всѣ спали, но минуты черезъ двѣ послѣ того, какъ я легъ, Өедоровъ, спавшій рядомъ со мною, тихо спросилъ:

— Михайлычъ, спите?

— Нѣтъ, не сплю.

— Съ Венцелемъ ходили?

— Съ нимъ самымъ.

— Что-жь онъ съ вами какъ? Смирный?

— Ничего, смирный; даже любезенъ.

— Ишь ты вѣдь! Что значитъ свой братъ-баринъ! Не то, что съ нами.

— А что? развѣ очень сердитъ?

— Иии... бѣда! Трещатъ скулы во второй стрѣлковой. Звѣрь!

И онъ сейчасъ же уснулъ, такъ что въ отвѣтъ на мой слѣдующій вопросъ я услышалъ только его ровное и спокойное дыханіе. Я завернулся покрѣпче въ шинель; въ головѣ все спуталось и исчезло въ крѣпкомъ снѣ.

III.

За дождями наступили жары. Около этого времени, мы вышли съ проселка, гдѣ ноги вязли въ расползавшейся почвѣ, на большое шоссе, ведущее изъ Яссъ въ Бухарестъ. Первый нашъ переходъ по шоссе, отъ Текуча къ Берладу, навсегда останется въ памяти сдѣлавшихъ его. Было 35 градусовъ въ тѣни; переходъ былъ сорокъ восемь верстъ. Было тихо; мелкая известковая пыль, подымаемая тысячами ногъ, стояла надъ шоссе; она лѣзла въ носъ и ротъ, пудрила волосы, такъ что нельзя было разобрать ихъ цвѣта; смѣшанная съ потомъ, она покрыла всѣ лица грязью и превратила всѣхъ въ негровъ. Почему-то мы шли тогда не въ рубахахъ, а въ мундирахъ. Солнце нагрѣвало черное сукно, невыносимо пекло головы сквозь черныя кепи; ноги чувствовали сквозь подошву раскаленный щебень шоссе. Люди задыхались. На бѣду, колодцы были рѣдки, и въ бо̀льшей части ихъ было

такъ мало воды, что голова нашей колонны (шла цѣлая дивизія) вычерпывала всю воду, и намъ, послѣ страшной давки и толкотни у колодцевъ, доставалась только глинистая жидкость, скорѣе грязь, чѣмъ вода. Когда не хватало и ея, люди падали. Въ этотъ день въ одномъ нашемъ батальонѣ упало на дорогѣ около девяноста человѣкъ. Трое умерло отъ солнечнаго удара.

Я выносилъ эту пытку, сравнительно съ другими, легко. Можетъ быть, потому, что нашъ полкъ былъ набранъ большею частью изъ сѣверянъ, а я съ дѣтства привыкъ къ степнымъ жарамъ, а можетъ быть, тутъ дѣйствовала и иная причина. Мнѣ случилось замѣтить, что простые солдаты вообще принимаютъ физическія страданія ближе къ сердцу, чѣмъ солдаты изъ такъ называемыхъ привилегированныхъ классовъ (говорю только о тѣхъ, кто пошелъ на войну по собственному желанію). Для нихъ, простыхъ солдатъ, физическія бѣды были настоящимъ горемъ, способнымъ наводить тоску и вообще мучить душу. Тѣ же люди, которые шли на войну сознательно, хотя физически страдали, конечно, не меньше, а больше солдатъ изъ простыхъ людей — вслѣдствіе изнѣженнаго воспитанія, сравнительной тѣлесной слабости и проч. — но душевно были спокойнѣе. Душевный миръ ихъ не могъ быть нарушенъ избитыми въ кровь ногами, невыносимымъ жаромъ и смертельною усталостью. Никогда не было во мнѣ такого полнаго душевнаго спокойствія, мира съ самимъ собой и кроткаго отношенія къ жизни, какъ тогда, когда я испытывалъ эти невзгоды, и шелъ подъ пули убивать людей. Дико и странно можетъ показаться все это, но я пишу одну правду.

Какъ бы то ни было, когда другіе падали на дорогѣ, я всетаки еще помнилъ себя. Въ Текучѣ я запасся огромною тыквенною кубышкою, въ которую входило, по крайней мѣрѣ, бутылки четыре. Дорогой мнѣ пришлось не разъ наполнять ее водой; половину этой воды я вылилъ въ себя, другую раздавалъ сосѣдямъ. Идетъ человѣкъ, перемогается, но жара беретъ свое: ноги начинаютъ подгибаться, тѣло качается, какъ у пьянаго; сквозь слой грязи и пыли видно, какъ багровѣетъ лицо; рука судорожно стискиваетъ винтовку. Глотокъ воды оживляетъ его на нѣсколько минутъ, но, въ концѣ концовъ, человѣкъ безъ памяти валится на пыльную и жесткую дорогу. «Дневальный!» кричатъ хриплые голоса. Обязанность дневальнаго — оттащить упавшаго въ сторону и помочь ему; но и самъ дневальный почти въ такомъ же состояніи. Канавы по сторонамъ шоссе усѣяны лежащими людьми... Өедоровъ и Житковъ идутъ рядомъ со мною, и, хотя видимо страдаютъ, но крѣпятся. Жара произвела на нихъ дѣйствіе со-

образно съ ихъ характерами, но только въ обратную сторону: Өедоровъ молчитъ, и только иногда тяжело вздыхаетъ, жалобно посматривая своими прекрасными, а теперь воспаленными отъ пыли глазами; дядя Житковъ ругается и резонерствуетъ.

— Ишь валится... Штыкомъ задѣнешь, чоортъ! сердито кричитъ онъ, отклоняясь отъ штыка упавшаго солдата, который чуть не попалъ ему остріемъ въ глазъ.—Господи! Царица небесная! за что̀ ты на насъ посылаешь? Кабы не живодёръ этотъ, и самъ бы, кажись, упалъ.

— Кто живодёръ, дядя? спрашиваю я.

— Нѣмцевъ, штабсъ-капитанъ. Нонче онъ дежурный; сзади идетъ. Лучше идти, а то какъ отработаетъ... Мѣста живого не оставитъ.

Я зналъ уже, что солдаты передѣлали фамилію «Венцель» въ «Нѣмцевъ». Выходило и похоже, и по-русски.

Я вышелъ изъ рядовъ. Въ сторонкѣ отъ шоссе идти было немного легче: не было такой пыли и толкотни. Сторонкой шли многіе: въ этотъ несчастный день никто не заботился о сохраненіи правильнаго строя. Понемногу я отсталъ отъ своей роты и очутился въ хвостѣ колонны.

Венцель, измученный, задыхающійся, но возбужденный, догналъ меня.

— Каково? спросилъ онъ осипшимъ голосомъ.—Пройдемтесь стороною. Я совершенно измученъ.

— Хотите воды?

Онъ жадно выпилъ нѣсколько большихъ глотковъ изъ моей жубышки.

— Благодарю. Легче стало. Ну, денекъ!..

Нѣсколько времени мы шли рядомъ молча.

— Кстати, сказалъ онъ:—вы такъ и не перебрались къ Ивану Платонычу?

— Нѣтъ, не перебрался.

— Глупо. Извините за откровенность. До свиданья; мнѣ надо въ хвостъ колонны. Что-то ужь очень много этихъ нѣжныхъ созданій падаетъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ и повернувъ голову назадъ, я увидѣлъ, что Венцель наклонился надъ упавшимъ солдатомъ и тащитъ его за плечо.

— Вставай, каналья! вставай!

Я не узналъ своего образованнаго собесѣдника. Онъ сыпалъ грубыми ругательствами безъ перерыва. Солдатъ былъ почти безъ чувствъ, но открылъ глаза и съ безнадежнымъ выраженіемъ смотрѣлъ на взбѣшеннаго офицера. Губы его шептали что-то.

— Вставай! сейчасъ же вставай! А! ты не хочешь! Такъ вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!

Венцель схватилъ свою саблю и началъ наносить ея желѣзными ножнами ударъ за ударомъ по измученнымъ ранцемъ и ружьемъ плечамъ несчастнаго. Я не выдержалъ и подошелъ къ нему.

— Петръ Николаичъ!

— Вставай! Рука съ саблею еще разъ поднялась для удара. Я успѣлъ крѣпко схватить ее.

— Бога ради, Петръ Николаичъ, оставьте его!

Онъ обернулъ ко мнѣ разъяренное лицо. Съ выкатившимися глазами и съ судорожно искривленнымъ ртомъ, онъ былъ страшенъ. Рѣзкимъ движеніемъ онъ вырвалъ свою руку изъ моей. Я думалъ, что онъ разразится на меня грозой за мою дерзость (схватить офицера за руку, дѣйствительно, было крупною дерзостью), но онъ сдержалъ себя.

— Слушайте, Ивановъ, не дѣлайте этого никогда! Еслибъ на моемъ мѣстѣ былъ какой-нибудь бурбонъ, вродѣ Щурова или Тимоѳеева, вы бы дорого заплатили за вашу шутку. Вы должны помнить, что вы рядовой, и что васъ за подобныя вещи могутъ безъ дальнихъ словъ—разстрѣлять.

— Все равно. Я не могъ видѣть и не вступиться.

— Это дѣлаетъ честь вашимъ нѣжнымъ чувствамъ. Но прилагаете вы ихъ не въ то мѣсто. Развѣ можно иначе съ этими... его лицо выразило презрѣніе, даже больше, какую-то ненависть.—Изъ этихъ десятковъ, свалившихся какъ бабы, можетъ быть, только нѣсколько человѣкъ дѣйствительно изнемогли. Я дѣлаю это не изъ жестокости: во мнѣ ея нѣтъ. Нужно поддерживать спайку, дисциплину. Еслибъ съ ними можно было говорить, я бы дѣйствовалъ словомъ. Я не могу. Слово для нихъ—ничто. Они чувствуютъ только физическую боль.

Я не дослушалъ его и пустился догонять свою уже далеко ушедшую роту. Я догналъ Ѳедорова и Житкова, когда нашъ батальонъ свели съ шоссе на поле и скомандовали остановиться.

— Что̀ это вы, Михайлычъ, съ штабсъ-капитаномъ Венцелемъ говорили? спросилъ Ѳедоровъ, когда я въ изнеможеніи упалъ возлѣ него, едва успѣвъ поставить ружье.

— Говорилъ! пробурчалъ Житковъ.— Нѣшто такъ говорятъ? Онъ его за руку схватилъ. Эхъ, баринъ Ивановъ, берегитесь Нѣмцева, не смотрите, что онъ разговаривать съ вами охочъ: пропадете вы съ нимъ ни за денежку!

IV.

Поздно вечеромъ мы добрались до Фокшанъ, прошли черезъ неосвѣщенный, безмолвный и пыльный городъ и вышли куда-то въ поле. Не было видно ни зги; кое-какъ поставили батальоны и измученные люди уснули, какъ убитые; никто почти не захотѣлъ ѣсть приготовленнаго «обѣда». Солдатская ѣда всегда «обѣдъ», случится ли она раннимъ утромъ, днемъ или ночью. Цѣлую ночь подтягивались отсталые. На зарѣ мы опять выступили, утѣшаясь тѣмъ, что черезъ переходъ будетъ дневка.

Снова движущіеся ряды; снова ранецъ давитъ онѣмѣвшія плечи, снова болятъ истертыя и налившіяся кровью ноги. Но первыя десять верстъ почти ничего не сознаешь. Короткій сонъ не можетъ уничтожить усталости вчерашняго дня, и люди шагаютъ совсѣмъ сонные. Мнѣ случалось спать на ходу до такой степени крѣпко, что, остановившись на привалѣ, я не вѣрилъ, что мы уже прошли десять верстъ, и не помнилъ ни одного мѣста изъ пройденнаго пути. Только когда передъ приваломъ колонны начинаютъ подтягиваться и перестраиваться для остановки, просыпаешься, и съ радостью думаешь о цѣломъ часѣ отдыха, когда можно развьючиться, вскипятить воду въ котелкѣ и полежать на свободѣ, попивая горячій чай. Какъ только ружья поставлены и ранцы сняты, бо̀льшая часть людей принимается собирать топливо, почти всегда сухіе стебли прошлогодней кукурузы. Въ землю втыкаются два штыка; на нихъ кладется шомполъ, а на него вѣшаются два или три котелка. Сухіе, рыхлые стебли горятъ ясно и весело; раскладываютъ ихъ всегда съ надвѣтренной стороны; пламя лижетъ закопченные котелки, и черезъ десять минутъ вода бьетъ ключемъ. Чай бросали прямо въ кипятокъ и давали ему вывариться: получалась крѣпкая, почти черная жидкость, которую пили бо̀льшею частью безъ сахару, такъ какъ казна, выдававшая очень много чая (его даже курили, когда не хватало табаку), давала очень мало сахара, и пили въ огромномъ количествѣ. Котелокъ, въ который входило семь стакановъ, составлялъ обыкновенную порцію для одного.

Можетъ быть, страннымъ покажется, что я такъ распространяюсь о мелочахъ. Но солдатская походная жизнь такъ тяжела, въ ней столько лишеній и мученья, впереди такъ мало надежды на хорошій исходъ, что и какой-нибудь чай или тому подобная маленькая роскошь составляли огромную радость. Нужно было видѣть съ какими серьёзными и довольными лицами загорѣлые

грубые и суровые солдаты, молодые и старые—правда, старше сорока лѣтъ между нами почти не было—точно дѣти подкладывали подъ котелки палочки и стебельки, поправляли огонь и совѣтовали другъ другу:

— Ты, Лютиковъ, туды, туды, къ краю ее суй. Такъ!.. пошла, пошла... занялась. Ну, сейчасъ закипитъ!

Чай, изрѣдка въ холодную и дождливую погоду чарка водки, да трубка табаку — вотъ и вся солдатская отрада, не считая, конечно, всеисцѣляющаго сна, когда можно забыться и отъ тѣлесныхъ невзгодъ, и отъ мыслей о темномъ, страшномъ будущемъ. Табакъ игралъ не послѣднюю роль среди этихъ благъ жизни, возбуждая и поддерживая утомленные нервы. Туго набитая трубка обходила человѣкъ десять и возвращалась къ хозяину, который затягивался въ послѣдній разъ, выколачивалъ золу и важно прятал трубку за голенище. Помню, какъ огорчила меня потеря моей трубки однимъ изъ пріятелей, которому я далъ ее покурить, и какъ самъ онъ былъ огорченъ и пристыженъ. Точно будто онъ потерялъ цѣлое врученное ему состояніе...

На большомъ привалѣ (около полудня) мы отдыхали часа полтора—два. Послѣ чаепитія, обыкновенно все засыпало. На бивуакѣ тишина; только часовой у знамени ходитъ взадъ и впередъ, да не спитъ кое-кто изъ офицеровъ. Лежишь на землѣ, положивъ ранецъ подъ голову, и не то спишь, не то бодрствуешь; горячее солнце палитъ лицо и шею; мухи надоѣдливо кусаютъ и не даютъ уснуть какъ слѣдуетъ. Грезы мѣшаются съ дѣйствительностью: такъ недавно еще жилъ жизнью, совершенно непохожею на эту, что въ полубезсознательной дремотѣ все кажется, что вотъ-вотъ проснешься, очнешься дома, въ привычной обстановкѣ, и исчезнетъ эта степь, эта голая земля, съ колючками вмѣсто травы; это безжалостное солнце, сухой вѣтеръ, эта тысяча странно одѣтыхъ въ бѣлыя, запыленныя рубахи людей, эти ружья въ козлахъ. Все это такъ похоже на тяжелый, странный сонъ...

— Встава-а-ть! протяжно и сурово командуетъ сильнымъ голосомъ нашъ маленькій, бородатый батальонный командиръ, майоръ Черноглазовъ. И лежащая толпа бѣлыхъ рубахъ шевелится; кряхтя и потягиваясь подымаются люди, надѣваютъ сумки и ранцы и выстраиваются въ ряды.

— Въ ружье!

Мы разбираемъ ружья. До сихъ поръ хорошо помню я свою винтовку № 18,635, съ прикладомъ немного темнѣе, чѣмъ у другихъ, и длинной царапиной на темному лаку. Еще команда, и батальонъ, вытягиваясь, поворачиваетъ на дорогу. Впереди всѣхъ

ведутъ коня командира, гнѣдого жеребца Варвара; онъ выгибаетъ шею, и играетъ, и бьетъ копытами; майоръ садится на него только въ крайнихъ случаяхъ, постоянно шагая во главѣ батальона за своимъ Варваромъ ровнымъ шагомъ настоящаго пѣхотинца. Онъ показываетъ солдатамъ, что и начальство тоже «старается», и солдаты любятъ его за это. Онъ всегда хладнокровенъ и спокоенъ, никогда не шутитъ и не улыбается; подымается утромъ раньше всѣхъ, ложится вечеромъ послѣднимъ; обращается съ людьми твердо и сдержанно, не позволяя себѣ себѣ драться и кричать безъ толку. Говорятъ, что, еслибы не майоръ, то Венцель не то бы еще дѣлалъ.

Сегодня жарко, но не такъ, какъ вчера. Къ тому же мы идемъ уже не по шоссе, а рядомъ съ желѣзной дорогой, по узкому проселку, такъ что бо́льшая часть движенія по травѣ. Пыли нѣтъ; набѣгаютъ тучи: нѣтъ-нѣтъ, да и капнетъ рѣдкая, крупная капля. Мы смотримъ на небо, выставляемъ руки, пробуя, не идетъ ли дождь. Даже вчерашніе отсталые приободрились: идти уже не далеко, какихъ-нибудь десять верстъ, а тамъ отдыхъ, вожделѣнный отдыхъ, въ которомъ пройдетъ не одна короткая ночь, а ночь, цѣлый день, и еще ночь. Развеселившимся людямъ хочется пѣть; Ѳедоровъ заливается среди пѣсенниковъ: слышна знаменитая:

«И было дѣло подъ Полтавой...»

Пропѣвъ, какъ «вдругъ одна злодѣйка пуля въ шляпу царскую впилась», онъ затягиваетъ безсмысленную и непристойную, но самую популярную у солдатъ пѣсню о томъ, какъ какая-то Лиза, пойдя въ лѣсъ, нашла черного жука, и что изъ этого вышло. Затѣмъ еще историческая пѣсня про Петра, какъ его требуютъ въ сенатъ. И въ довершеніе всего доморощенная пѣсня нашего полка:

«Какъ пріѣхалъ Бѣлый Царь, Александра Государь,
Вы, ребята, подтянитесь, предъ царемъ подбодритесь!
Мы пріемы отхватали, благодарность получали.

. . . .

Батальонный командиръ, Черноглазовъ господинъ,
Онъ не спалъ, не дремалъ, батальонъ свой обучалъ.
Онъ на лошади сидѣлъ, никого знать не хотѣлъ».

И такъ далѣе, стиховъ пятьдесятъ.

— Ѳедоровъ! спросилъ я однажды:—зачѣмъ вы несете эту чепуху объ Лизѣ? Я назвалъ еще нѣсколько пѣсенъ, нелѣпыхъ и циничныхъ до такой степени, что самый цинизмъ ихъ терялъ всякое значеніе и являлся въ видѣ совершенно безсмысленныхъ звуковъ.

— Повелось такъ, Владиміръ Михайлычъ. Да что! развѣ это

пѣнье? это такъ, вродѣ крику для моціону груди. Ну, и идти веселѣе.

Устанутъ пѣсенники, начнутъ играть музыканты. Подъ мѣрный, громкій, и, бо̀льшею частью, веселый маршъ идти гораздо легче; всѣ, даже самые утомленные, пріосанятся, отчетливо шагаютъ въ ногу, сохраняютъ равненіе: батальонъ узнать нельзя. Помню, однажды мы прошли подъ музыку больше шести верстъ въ одинъ часъ, не замѣчая усталости; но, когда измученные музыканты перестали играть, вызванное музыкою возбужденіе исчезло, и я почувствовалъ, что вотъ-вотъ упаду, да и упалъ бы, не случись во̀-время остановка на отдыхъ.

Верстъ черезъ пять послѣ привала, намъ встрѣтилось препятствіе. Мы шли долиною какой-то рѣчки; съ одной стороны были горы, съ другой—узкая и довольно высокая насыпь желѣзной дороги. Недавно прошедшіе дожди затопили долину, образовавъ на нашемъ пути большую лужу, саженъ въ тридцать шириною. Полотно желѣзной дороги возвышалось на ней плотиной, и намъ пришлось проходить по немъ. Будочникъ желѣзной дороги пропустилъ первый батальонъ, который благополучно перебрался на ту сторону лужи; но затѣмъ объявилъ, что черезъ пять минутъ пойдетъ поѣздъ, и что намъ нужно ждать. Мы остановились, и только что составили ружья, какъ на поворотѣ дороги показалась знакомая коляска бригаднаго генерала.

Нашъ бригадный генералъ былъ человѣкъ бравый. Горла, подобнаго тому, которымъ онъ владѣлъ, мнѣ никогда не случалось встрѣчать ни на оперныхъ сценахъ, ни въ архіерейскихъ хорахъ. Раскаты его баса гремѣли въ воздухѣ подобно трубному звуку; и его крупная, тучная фигура съ красной, толстой головой, сизыми, огромными, развѣвающимися по вѣтру бакенбардами, съ черными, толстыми бровями надъ маленькими, блестѣвшими, какъ угли, глазами, когда онъ, сидя на конѣ, командовалъ бригадой, была самая внушительная. Однажды, на Ходынскомъ полѣ въ Москвѣ, во время какихъ-то военныхъ упражненій, онъ выказалъ себя до такой степени воинственнымъ и бравымъ, что привелъ въ совершенный восторгъ стоявшаго въ толпѣ стараго мѣщанина, который при этомъ воскликнулъ:

— Молодчага! намъ такихъ и надо! Съ тѣхъ поръ за генераломъ навсегда утвердилось прозваніе «молодчаги».

Онъ мечталъ о подвигахъ. Нѣсколько томиковъ по военной исторіи сопровождали его во весь походъ. Любимымъ разговоромъ его съ офицерами была критика наполеоновскихъ кампаній. Объ этомъ я, конечно, зналъ только по слухамъ, такъ какъ очень рѣдко видывалъ нашего генерала; бо̀льшею частью, онъ обгонялъ

насъ на серединѣ перехода въ своей коляскѣ, запряженной хорошею тройкою, пріѣзжалъ на мѣсто ночлега, занималъ квартиру и оставался тамъ до поздняго утра, а днемъ снова обгонялъ насъ, причемъ солдаты всегда обращали вниманіе на степень багровости его лица и бо̀льшую или меньшую хриплость, съ какою онъ оглушительно кричалъ намъ:

— Здорово, старобѣльцы!

— Здравія желаемъ, Ваше превосходительство! отвѣчали солдаты, и при этомъ прибавляли:

— Опохмѣляться ѣдетъ, молодчага!

И генералъ проѣзжалъ дальше, иногда безъ всякихъ послѣдствій, а иногда задавъ громадную головомойку какому-нибудь ротному командиру.

Завидѣвъ остановившійся батальонъ, генералъ подлетѣлъ къ намъ и выскочилъ изъ коляски такъ скоро, какъ только позволяла ему его тучность. Майоръ быстро подошелъ къ нему.

— Что̀ такое? Почему остановились? Кто позволилъ?

— Ваше превосходительство, залило дорогу, а по полотну сейчасъ долженъ пройти поѣздъ.

— Залили дорогу! Поѣздъ! Вздоръ! Вы пріучаете солдатъ нѣжничать! Вы дѣлаете изъ нихъ бабъ! Безъ приказанія не останавливаться! Я васъ, милостивый государь, подъ арестъ...

— Ваше превосходительство...

— Не разсуждать!—Генералъ грозно повелъ глазами и обратилъ свое вниманіе на другую жертву.—Это что такое? Почему командиръ второй стрѣлковой роты не на мѣстѣ? Штабсъ-капитанъ Венцель! пожалуйте сюда!

Венцель подошелъ. На него полился потокъ генеральскаго гнѣва. Я слышалъ, какъ онъ пробовалъ что-то отвѣтить, возвысивъ голосъ, но генералъ заглушилъ его, и можно было только догадаться, что Венцель сказалъ что-то непочтительное.

— Разсуждать?! Грубить?! гремѣлъ генералъ:—молчать! Снимите съ него саблю! Къ денежному ящику, подъ арестъ! Примѣръ людямъ... Струсили лужи! Ребята, за мной! По суворовски!

Генералъ быстро прошелъ мимо батальона къ водѣ неловкою походкой человѣка, долго ѣхавшаго въ экипажѣ.

— За мной, ребята! По суворовски! повторилъ онъ и пошелъ въ своихъ лакированныхъ ботфортахъ въ воду. Майоръ съ злобнымъ выраженіемъ въ лицѣ, оглянулся назадъ и пошелъ рядомъ съ генераломъ. Батальонъ тронулся за ними. Воды сначала было по-колѣно, потомъ по поясъ, потомъ еще выше; высокій генералъ шелъ свободно, но маленькій майоръ уже барахтался руками. Солдаты, точно гурьба овецъ во время перегона черезъ

рѣчку, толкались, вязли въ размокшемъ днѣ; вырывая ноги, метались изъ стороны въ сторону. Ротные командиры и батальонный адъютантъ, ѣхавшіе верхомъ, которымъ можно было бы весьма удобно переѣхать черезъ лужу, видя передъ собой примѣръ генерала, подъѣзжали къ ней, спѣшивались, и ведя лошадей на поводу, вступали въ грязную, взбудороженную сотнями солдатскихъ ногъ воду. Наша рота, состоявшая изъ самыхъ высокихъ въ батальонѣ людей, переходила довольно удобно, но шедшая рядомъ съ нами малорослая восьмая рота, гдѣ были все люди 2—4 вершковъ, едва брела по уши въ водѣ; нѣкоторые даже захлебывались и хватались за насъ. Маленькій солдатикъ—цыганъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и широко раскрытыми черными глазами ухватилъ дядю Житкова за шею обѣими руками, бросивъ свое ружье; къ счастью для цыгана кто-то подхватилъ на лету казенное орудіе и спасъ его отъ потопленія. Саженъ черезъ десять, лужа стала мельче, и всѣ уже въ безопасности спѣшили поскорѣе выбраться, толкались и ругались. У насъ многіе смѣялись; солдатамъ восьмой роты было не до смѣха; лица у многихъ посинѣли не отъ одного холода. Сзади напирали стрѣлки.

— Ну, карапузы, выбирайся! Потопли! кричали они.

— Очень просто, что потонуть можно, отзывались въ восьмой ротѣ.—Ему хорошо идти; ишь, только баки свои замочилъ. Ерой выискался! Тутъ народъ перетопить можно.

— А ты бы ко мнѣ въ котелокъ сѣлъ. Сухохонькимъ бы доставилъ.

— То-то и есть, братецъ, что не въ догадку было, благодушно отвѣчалъ на насмѣшку маленькій солдатикъ.

Виновникъ всей этой суматохи, уже успѣвшій вытащить ноги изъ вязкаго дна и выйти изъ воды, величественно стоялъ на берегу, смотря на барахтавшуюся въ водѣ массу людей. Онъ промокъ до послѣдній нитки, и, дѣйствительно, замочилъ себѣ и длинныя баки. Вода текла по его одеждѣ; полныя воды лакированныя голенища раздулись, а онъ все кричалъ, поощряя солдатъ:

— Впередъ, ребята! по суворовски!

Мокрые офицеры съ мрачными лицами толпились вокругъ него. Тутъ стоялъ и Венцель съ искаженнымъ лицомъ, и уже безъ сабли. Между тѣмъ генеральскій кучеръ, походивъ у берега и посовавъ въ воду кнутовищемъ, сѣлъ на козлы и благополучно переѣхалъ черезъ воду немного въ сторонѣ отъ того мѣста, гдѣ перешли мы; воды едва хватало по оси коляски.

— Вотъ гдѣ, ваше превосходительство, переходить нужно было, спокойно сказалъ майоръ.—Прикажете людямъ обсушиться?

— Конечно, конечно, Сергѣй Николаичъ, мирно отвѣтилъ генералъ. Холодная вода охладила его пылъ. Онъ влѣзъ въ коляску, сначала сѣлъ, потомъ опять всталъ и закричалъ во всю мочь своего багатырскаго голоса:

— Спасибо, старобѣльцы! Молодцами!

— Рады стараться, ваше превосходительство! нестройно грянули солдаты. И мокрый генералъ уѣхалъ впередъ.

Солнце стояло еще высоко; идти оставалось только пять верстъ; майоръ сдѣлалъ большой привалъ. Мы раздѣлись, развели костры, обсушили платье, сапоги, ранцы, сумки, и часа черезъ два тронулись въ путь, уже со смѣхомъ вспоминая купанье.

— А Венцеля-то молодчага подъ арестъ отправилъ! сказалъ между прочимъ Ѳедоровъ.

— Ничего, пущай его за денежнымъ ящикомъ денька два походитъ, отвѣчали сзади изъ стрѣлковой роты.

— Тебѣ-то что?

— Мнѣ-то? Не то что мнѣ, а всей ротѣ легче. Хоть на два дня отдохнемъ. Мочи отъ него нѣтъ—вотъ мнѣ что!

— Терпи, казакъ, атаманъ будешь.

— Терпѣть надо, а атаманами-то ужъ развѣ на томъ свѣтѣ будемъ, проговорилъ Житковъ по обыкновенію мрачнымъ голосомъ.—Ежели турка подстрѣлитъ.

— А вы, дяденька, въ отчаянность не впадайте. Вы то̀ подумайте: вотъ мы съ вами обсушились, сухонькіе идемъ, а молодчага-то сырой катитъ, сказалъ Ѳедоровъ, и кругомъ всѣ разсмѣялись.

V.

Мы шли все рядомъ съ желѣзной дорогой; поѣзды, наполненные людьми, лошадьми и припасами постоянно обгоняли насъ. Солдаты съ завистью смотрѣли на проносившіеся мимо насъ товарные вагоны, изъ открытыхъ дверей которыхъ выглядывали лошадиныя морды.—Ишь ты, лошадямъ честь какая! А мы иди!

— Лошадь глупа, она съ тѣла спадетъ, резонерствовалъ на это Василій Карпычъ.—А ты на то человѣкъ есть, чтобы себя соблюсти какъ слѣдоваетъ.

Однажды на привалѣ къ начальству прискакалъ казакъ съ какимъ-то важнымъ извѣстіемъ. Насъ подняли и выстроили безъ ранцевъ и безъ оружія въ однѣхъ бѣлыхъ рубахахъ. Никто изъ

насъ не зналъ, зачѣмъ это дѣлается. Офицеры осмотрѣли людей; Венцель, по обыкновенію, кричалъ и ругался, дергая за дурно надѣтые кушаки и съ пинками приказывая оправить рубахи. Потомъ насъ повели къ полотну желѣзной дороги, и, послѣ довольно долгихъ построеній, полкъ вытянулся въ двѣ шеренги вдоль пути. На версту протянулась бѣлая линія рубахъ.

— Ребята! закричалъ майоръ.— Государь Императоръ пріѣдетъ!

И мы начали ждать Государя. Наша дивизія была довольно глухая, стоявшая вдали и отъ Петербурга и отъ Москвы. Изъ солдатъ развѣ только одна десятая часть видѣла царя, и всѣ ждали царскаго поѣзда съ нетерпѣніемъ. Прошло полчаса; поѣздъ не шелъ; людямъ позволили присѣсть. Начались разсказы и разговоры.

— Остановится? спросилъ кто-то.

— Держи карманъ! для каждаго полка останавливаться! Поглядитъ на насъ изъ окошечка, и то ладно.

— И не разберемъ, братцы, который: генераловъ-то съ нимъ много ѣдетъ.

— Я-то разберу. Я его на Ходынкѣ въ позапрошедшемъ году вотъ какъ видѣлъ.

И солдатъ протянулъ руку, чтобы показать, какъ близко онъ видѣлъ государя.

Наконецъ, послѣ двухчасового ожиданія, вдали показался дымокъ. Полкъ всталъ и выровнялся. Сначала прошелъ поѣздъ съ прислугою и кухнею. Повара и поваренки въ бѣлыхъ колпакахъ выглядывали на насъ изъ оконъ и чему-то смѣялись. Саженяхъ въ двухстахъ шелъ царскій поѣздъ; машинистъ, видя выстроившійся полкъ, убавилъ хода, и вагоны, медленно громыхая, проходили передъ глазами, жадно смотрѣвшими на окна. Но всѣ они были завѣшены; казакъ и офицеръ, стоявшіе на площадкѣ задняго вагона, были единственные люди на поѣздѣ, которыхъ мы увидѣли. Мы посмотрѣли на уходившій быстрѣе и быстрѣе поѣздъ, постояли еще минуты три и пошли на бивуакъ. Солдаты были разочарованы и выражали огорченіе.

— Въ кои-то вѣки теперь его увидимъ!

Но мы увидѣли его скоро. Передъ Плоэшти намъ сказали, что въ этомъ городѣ насъ будетъ смотрѣть Государь.

Мы проходили передъ нимъ, какъ были съ похода, въ тѣхъ же грязныхъ бѣлыхъ рубахахъ и штанахъ, въ тѣхъ же побурѣвшихъ и запыленныхъ сапогахъ, съ тѣми же безобразно-навьюченными ранцами, суконными сумками и бутылками на веревочкахъ. Солдатъ не имѣлъ въ себѣ ничего щегольского, молодецкаго или геройскаго; каждый былъ больше похожъ на

простого мужика; только ружье, да сумка съ патронами показывали, что этотъ мужикъ собрался на войну. Насъ построили въ узкую колонну по четыре человѣка въ шеренгѣ: иначе нельзя было идти по узкимъ улицамъ города. Я шелъ сбоку, старался больше всего не сбиться съ ноги, держать равненіе, и думалъ о томъ, что если Государь съ своей свитой будетъ стоять съ моей стороны, то мнѣ придется пройти передъ его глазами и очень близко отъ него. Только взглянувъ на шедшаго рядомъ со мною Житкова, на его лицо, какъ и всегда, суровое и мрачное, но взволнованное, я почувствовалъ, что мнѣ передается часть общаго волненія, что сердце у меня забилось сильнѣе. И мнѣ вдругъ показалось, что отъ того, какъ посмотритъ на насъ Государь, зависитъ для насъ все. Когда мнѣ впослѣдствіи пришлось идти въ первый разъ подъ пули, я испыталъ чувство, близкое къ этому.

Люди шли быстрѣе и быстрѣе; шагъ становился больше, походка свободнѣе и тверже. Мнѣ не нужно было приноравливаться къ общему такту: усталость прошла. Точно крылья выросли и несли впередъ, туда, гдѣ уже гремѣла музыка и раздавалось оглушительное «ура!» Не помню улицъ, по которымъ мы шли, не помню, былъ ли народъ на этихъ улицахъ, смотрѣлъ ли на насъ; помню только волненіе, охватившее душу, вмѣстѣ съ сознаніемъ страшной силы массы, къ которой принадлежалъ, и которая увлекала тебя. Чувствовалось, что для этой массы нѣтъ ничего невозможнаго, что потокъ, съ которымъ вмѣстѣ я стремился и котораго часть я составлялъ, не можетъ знать препятствій; что онъ все сломитъ, все исковеркаетъ и все уничтожитъ. И всякій думалъ, что тотъ, передъ которымъ проносился этотъ потокъ, можетъ однимъ словомъ, однимъ движеніемъ руки измѣнить его направленіе, вернуть назадъ или снова бросить на страшныя преграды, и всякій хотѣлъ найти въ словѣ этого одного и въ движеніи его руки невѣдомое, что вело насъ на смерть. «Ты ведешь насъ, думалъ каждый:—тебѣ мы отдаемъ свою жизнь; смотри на насъ и будь покоенъ: мы готовы умереть».

И онъ зналъ, что мы готовы умереть. Онъ видѣлъ страшные, твердые въ своемъ стремленіи ряды людей, почти бѣгомъ проходившихъ передъ нимъ, людей своей бѣдной страны, бѣдно одѣтыхъ, грубыхъ солдатъ. Онъ чуялъ, что всѣ они шли на смерть, спокойные и свободные отъ отвѣтственности. Онъ сидѣлъ на сѣромъ конѣ, недвижно стоявшемъ и насторожившемъ уши на музыку и бѣшенные крики восторга. Вокругъ была пышная свита; но я не помню никого изъ этого блистательнаго отряда всадниковъ, кромѣ одного человѣка на сѣромъ конѣ, въ простомъ

мундирѣ и бѣлой фуражкѣ. Я помню блѣдное, истомленное лицо, истомленное сознаніемъ тяжести взятаго рѣшенія. Я помню, какъ по его лицу градомъ катились слезы, падавшіе на темное сукно мундира, свѣтлыми, блестящими каплями; помню судорожное движеніе руки, державшей поводъ, и дрожащія губы, говорившія что-то, должно-быть, привѣтствіе тысячамъ молодыхъ, погибающихъ жизней, о которыхъ онъ плакалъ. Все это явилось и исчезло, какъ освѣщенное на мгновеніе молніей, когда я, задыхаясь не отъ бѣга, а отъ нечеловѣческаго, яростнаго восторга, пробѣжалъ мимо него, поднявъ высоко винтовку одной рукой, а другой—махая надъ головой шапкой и крича оглушительное, но отъ общаго вопля неслышное самому мнѣ «ура!»

Все это промелькнуло и исчезло. Пыльныя улицы, залитыя палящимъ зноемъ, измученные возбужденіемъ и почти бѣглымъ шагомъ на пространствѣ цѣлой версты солдаты, изнемогающіе отъ жажды, крикъ офицеровъ, требующихъ, чтобы всѣ шли въ строю и въ ногу—вотъ все, что я видѣлъ и слышалъ пять минутъ спустя. И когда мы прошли еще версты двѣ душнымъ городомъ и пришли на выгонъ, отведенный намъ подъ бивуакъ, я бросился на землю, совершенно разбитый тѣломъ и душою.

VI.

Трудные переходы, пыль, жара, усталость, сбитыя до крови ноги, коротенькіе отдыхи днемъ, мертвый сонъ ночью, ненавистный рожокъ, будящій чуть свѣтъ. И все поля, поля, непохожія на родныя, покрытыя высокою зеленою, громко шелестящею длинными шелковистыми листьями кукурузы, или тучной пшеницей, уже начинавшей кое-гдѣ желтѣть.

Тѣ же лица, та же полковая походная жизнь, тѣ же разговоры и разсказы о домѣ, о стоянкѣ въ губернскомъ городѣ, пересуды объ офицерахъ.

О будущемъ говорили рѣдко и неохотно. Зачѣмъ шли на войну—знали смутно, несмотря на то, что цѣлые полгода простояли недалеко отъ Кишинева, готовые къ походу; въ это время можно было бы объяснить людямъ значеніе готовящейся войны, но, должно быть, это не считалось нужнымъ. Помню, разъ спросилъ меня солдатъ:

— А что, Владиміръ Михайлычъ, скоро ли въ бухарскую землю прійдемъ?

Я подумалъ сначала, что ослышался, но когда онъ повторилъ вопросъ, отвѣтилъ, что бухарская земля за двумя морями, что

до нея тысячи четыре верстъ, и что врядъ ли мы когда-нибудь попадемъ туда.

— Нѣтъ, Михайлычъ, вы не такъ теперь говорите. Мнѣ писарь сказывалъ. Перейдемъ, говоритъ, черезъ Дунай, тутъ сейчасъ и будетъ бухарская земля.

— Такъ не бухарская—болгарская! воскликнулъ я.

— Ну, бургарская, бухарская, какъ тамъ ее по вашему; не все одно, что ли?

И онъ замолчалъ, видимо недовольный.

Знали мы только, что турку бить идемъ, потому что онъ много крови пролилъ. И хотѣли побить турку, но не столько за эту, неизвѣстно чью пролитую кровь, сколько за то, что онъ потревожилъ такое множество народа, что изъ-за него пришлось испытывать трудный походъ («которую тысячу верстъ до него, поганаго, тащимся!»), билетнымъ солдатамъ побросать дома и семьи, а всѣмъ вмѣстѣ идти куда-то подъ пули и ядра. Турка представлялся бунтовщикомъ, зачинщикомъ, котораго нужно усмирить и покорить.

Гораздо больше, чѣмъ войной, мы занимались своими семейными, полковыми, баталіонными и ротными дѣлами. Въ нашей ротѣ все было тихо и спокойно; у стрѣлковъ дѣла шли хуже и хуже. Венцель не унимался; скрытое негодованіе росло, и послѣ одного случая, котораго и теперь, черезъ пять лѣтъ, я не могу вспомнить безъ тяжелаго волненія, дошло до настоящей ненависти.

Мы только-что прошли какой-то городъ и вышли на лугъ, гдѣ уже расположился шедшій впереди насъ первый полкъ. Мѣстечко было хорошее: съ одной стороны рѣка, съ другой—старая чистая дубовая роща, вѣроятно, мѣсто гулянья для жителей городка. Былъ хорошій, теплый вечеръ; солнце садилось. Полкъ сталъ; составили ружья. Мы съ Житковымъ начали натягивать палатку; поставили столбики; я держалъ одинъ край полы, а Житковъ палкой забивалъ колышекъ.

— Туже, туже держи, Михайлычъ!—Онъ уже нѣсколько дней тому назадъ началъ говорить мнѣ ты.—Вотъ такъ, такъ!

Но въ это время сзади послышались какіе-то странные, мѣрные, плескающіе звуки. Я обернулся.

Стрѣлки стояли во фронтѣ. Венцель, что-то хрипло крича, билъ по лицу одного солдата. Съ помертвѣлымъ лицомъ, держа ружье у ноги, и не смѣя уклоняться отъ ударовъ, солдатъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Венцель изгибался своимъ худымъ и небольшимъ станомъ отъ собственныхъ ударовъ, нанося ихъ обѣими руками то съ правой, то съ лѣвой стороны. Кругомъ всѣ

молчали; только и было слышно плесканье, да хриплое бормотанье разъяреннаго командира. У меня потемнѣло въ глазахъ; я сдѣлалъ движеніе, Житковъ понялъ его, и изо всѣхъ силъ дернулъ за полотнище.

— Держи, чортъ безрукій! закричалъ онъ и выругалъ меня самыми скверными словами. — Отсохли, что ли, руки-то? Куда смотришь? чего не видалъ?

Удары сыпались. По верхней губѣ и подбородку солдата текла кровь. Наконецъ, онъ упалъ. Венцель отвернулся, окинулъ глазами всю роту и закричалъ:

— Если еще кто-нибудь посмѣетъ курить во фронтѣ, хуже изобью, каналью. Поднять его, обмыть рану и положить въ палатку. Пусть отлежится. Составь! скомандовалъ онъ ротѣ.

Руки у него тряслись, были красны, пухлы и въ крови. Онъ вынулъ платокъ, вытеръ руки и пошелъ прочь отъ составлявшихъ ружья въ козла и тяжело молчавшихъ солдатъ. Нѣсколько человѣкъ, глухо переговариваясь, возились около избитаго и поднимали его. Венцель шелъ нервной, измученной походкой; онъ былъ блѣденъ, глаза его блистали, по игравшимъ мускуламъ видно было, какъ онъ стискивалъ зубы. Онъ прошелъ мимо насъ и, встрѣтивъ мой упорный взглядъ, неестественно насмѣшливо улыбнулся однѣми тонкими губами и, прошептавъ что-то, пошелъ дальше.

— Кровопивецъ! съ ненавистью въ голосѣ сказалъ Житковъ.— А вы, баринъ, тоже!.. Чего лѣзть? Подъ разстрѣлъ угодить хошь? Погоди, найдутъ и на него управу.

— Жаловаться пойдутъ? спросилъ я.—Кому?

— Нѣтъ, не жаловаться. Въ дѣйствіи тоже будетъ...

И онъ проворчалъ что-то тихо, почти про себя. Я боялся понять его. Өедоровъ, уже успѣвшій потолкаться между стрѣлками и разспросить, въ чемъ дѣло, вернулся къ намъ.

— Ни за̀ что людей терзаетъ, сказалъ онъ. — Какъ шли на походѣ, солдатикъ этотъ, Матюшкинъ, цыгарку курилъ. Стали— онъ ружье взялъ къ ногѣ, а цыгарку между пальцами; забылъ, видно, на свою голову. Венцель и доглядѣлъ.

— Звѣрь! добавилъ онъ печально, укладываясь подъ готовую уже палатку. — И цыгарка-то ужь потухла, видно, что забылъ, бѣдняга!

Черезъ нѣсколько дней мы пришли въ Александрію, гдѣ собралось очень много войскъ. Еще сходя съ высокой горы, мы видѣли огромное пространство, пестрѣвшее бѣлыми палатками,

черными фурами людей, длинными коновязями и блестѣвшими кое-гдѣ рядами мѣдныхъ пушекъ и зеленыхъ лафетовъ и ящиковъ. По улицѣ города ходили цѣлыя толпы офицеровъ и солдатъ. Изъ открытыхъ оконъ тѣсныхъ и грязныхъ гостинницъ слышалась заунывная и удалая венгерская музыка, звонъ посуды и шумные разговоры; лавки были набиты русскими покупателями. Непонимающіе другъ друга наши солдаты, румыны, нѣмцы и жиды громко кричали; споръ изъ-за курса бумажнаго рубля слышался на каждомъ шагу.

— Ты что мнѣ *«доу галаганъ»*, черномазый чортъ? Гривенникъ давай! Эй, ты, *домнулъ*!

— *Унде эште пошта?* преувеличенно вѣжливо прикладывая руку къ козырьку кепи, спрашиваетъ щеголя-румына офицеръ, вооруженный «военнымъ переводчикомъ» — книжкой, которою тогда были снабжены войска. Румынъ объясняетъ ему; офицеръ перелистываетъ книжку, ища непонятныхъ словъ, и ничего не понимаетъ, но вѣжливо благодаритъ.

— Тьфу ты, братцы, что̀ за народъ! И попы наши, и церкви наши, а понятія ни къ чему у нихъ нѣтъ! Рупъ серебряный хошь? кричитъ что есть мочи солдатъ съ рубахой въ рукахъ румыну, торгующему въ открытой лавкѣ. — За рубаху? *Пàтру франку?* Четыре франка?

Онъ вынимаетъ монету, показываетъ ее и дѣло кончается къ общему удовольствію.

— Сторонись, сторонись, земляки, генералъ идетъ!

Высокій молодой генералъ въ щегольскомъ сюртукѣ, высокихъ сапогахъ и съ нагайкой на ремнѣ черезъ плечо, быстро проходитъ по улицѣ. За нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ идетъ ординарецъ, маленькій азіатъ въ цвѣтномъ халатѣ и чалмѣ, съ огромной шашкой и револьверомъ у пояса. Генералъ, высоко держа голову и равнодушно-весело смотря на разступающихся и отдающихъ честь солдатъ, проходитъ въ гостинницу. Здѣсь, въ уголку, пріютились и мы съ Иваномъ Платонычемъ и Стебельковымъ, поглощая какое-то мѣстное кушанье, состоящее изъ краснаго перца съ мясомъ. Ободранная комната, уставленная столиками, полна народа. Звонъ посуды, хлопанье пробокъ, трезвые и пьяные голоса, все покрывается оркестромъ, пріютившимся въ чемъ-то вродѣ ниши, украшенной кумачными занавѣсками. Музыкантовъ пятеро: двѣ скрипки пилятъ съ остервененіемъ, віолончель вторитъ однообразными густыми нотами, контрбасъ реветъ, но всѣ эти инструменты составляютъ только фонъ для пятаго. Черномазый, кудрявый венгерецъ, почти мальчикъ, сидитъ впереди всѣхъ, за широкій воротникъ бархатной куртки у него всунутъ

странный инструментъ, древняя пѣвница, точно такая, съ какою рисуютъ Пана и фавновъ. Это рядъ неравныхъ деревянныхъ трубочекъ, сложенныхъ вмѣстѣ, такъ-что открытые концы ихъ приходятся противъ губъ артиста. Венгерецъ, вертя головой то въ ту, то въ другую сторону, дуетъ въ эти трубки и извлекаетъ сильные мелодическіе звуки, не похожіе ни на флейту, ни на кларнетъ. Самые хитрые и трудные пассажи продѣлываетъ онъ, тряся и вертя головой; черные, жирные волосы прыгаютъ на его головѣ и падаютъ на лобъ; лицо потно и красно, на шеѣ надулись жилы. Видно было, что ему не легко... На нестройномъ фонѣ струнныхъ инструментовъ звуки пѣвницы вырисовывались рѣзко, отчетливо и дико-красиво.

Генералъ занялъ мѣсто за столомъ знакомыхъ ему офицеровъ, поклонился всѣмъ вставшимъ при его приходѣ и громко сказалъ: садитесь, господа! — что относилось къ нижнимъ чинамъ. Мы молча кончили обѣдъ; Иванъ Платонычъ приказалъ подать краснаго румынскаго вина, и послѣ второй бутылки, когда лицо у него повеселѣло и щеки, и носъ приняли яркій оттѣнокъ, обратился ко мнѣ:

— Вы, юноша, скажите мнѣ... Помните, большой переходъ былъ?

— Помню, Иванъ Платонычъ.

— Вы тогда съ Венцелемъ говорили?

— Говорилъ.

— Вы схватили его за руку? спросилъ капитанъ неестественно серьёзнымъ тономъ. И когда я отвѣтилъ, что дѣйствительно схватилъ, испустилъ продолжительный и шумный вздохъ и безпокойно замигалъ глазами.

— Скверно вы сдѣлали... Глупо вы сдѣлали! Видите ли, я не выговоръ хочу вамъ дѣлать. Вы сдѣлали прекрасно... то-есть противно дисциплинѣ... Чортъ знаетъ, что я несу! Вы меня извините...

Онъ замолчалъ, смотря въ полъ и отдуваясь. Я тоже молчалъ. Иванъ Платонычъ отхлебнулъ полстакана и хлопнулъ меня по колѣнкѣ.

— Дайте мнѣ обѣщаніе, что больше не сдѣлаете такой выходки. Я понимаю самъ... Свѣжему человѣку трудно. Ну, что̀ же вы съ нимъ сдѣлаете? Этакая бѣшенная собака, этотъ Венцель! Ну, видите ли...

Иванъ Платонычъ, видимо, не находилъ словъ и, сдѣлавъ долгую паузу, снова прибѣгъ къ стакану.

— То-есть, видите ли... онъ хорошій человѣкъ, въ сущности. Это у него блажь какая-то, чортъ его знаетъ. Вы сами видѣли,

я тоже недавно ткнулъ солдата. Легонько. Ну, если дуракъ не понимаетъ своей собственной пакости, знаете, дерево этакое... Но вѣдь я, Владиміръ Михайлычъ, какъ отецъ. Ей-Богу, безъ злобы, хошь и распалишься иногда. А тотъ — въ систему возвелъ. Эй, ты! крикнулъ онъ румыну-лакею: — *дште винъ нѣгру!* Еще вина!—И когда-нибудь подъ судъ попадетъ; а то еще хуже будетъ: обозлятся люди и въ первомъ же дѣлѣ... Жаль будетъ, потому что все-таки человѣкъ, знаете, хорошій. И даже теплый человѣкъ.

— Ну! протянулъ Стебельковъ.—Какой теплый человѣкъ будетъ такъ драться!

— Вы посмотрѣли бы, Иванъ Платонычъ, что вашъ теплый человѣкъ недавно надѣлалъ.

И я разсказалъ капитану, какъ Венцель избилъ солдата за цыгарку.

— Ну, вотъ, вотъ... всегда такъ!—Иванъ Платонычъ краснѣлъ, пыхтѣлъ, останавливался и снова начиналъ говорить.—Но все-таки онъ не звѣрь. У кого люди лучше всѣхъ накормлены? У Венцеля. У кого лучше выучены? У Венцеля. У кого почти нѣтъ штрафованныхъ? Кто никогда не отдастъ подъ судъ—развѣ ужь очень крупную пакость солдатъ сдѣлаетъ? Все онъ же. Право, еслибы не эта несчастная слабость, его солдаты на рукахъ бы носили.

— Говорили вы съ нимъ объ этомъ, Иванъ Платонычъ?

— Говорилъ, и ссорился десять разъ. Что съ нимъ подѣлаешь. «Или, говоритъ, войско, или милиція». Фразы все какія-то глупыя выдумываетъ. «Война, говоритъ, такая жестокость, что если я жестокъ съ солдатами, то это капля въ морѣ»... «Они, говоритъ, стоятъ на такой низкой степени развитія»... Однимъ словомъ, чортъ знаетъ что такое! А между тѣмъ, прекрасный человѣкъ. Не пьетъ, въ картишки не играетъ, дѣло ведетъ добросовѣсно, старику отцу и сестрѣ помогаетъ, товарищъ прекрасный! И образованный человѣкъ! другого такого въ полку нѣтъ. И попомните мое слово: или подъ судъ попадетъ, или тѣ (онъ кивнулъ головой къ окну) разсудятъ. Скверно. Такъ-то, любезнѣйшій мой рядовой.

Иванъ Платонычъ ласково потрепалъ меня по погону; потомъ полѣзъ въ карманъ, досталъ табачницу и началъ свертывать толстѣйшую папиросу. Вложивъ ее въ огромный мундштукъ съ янтаремъ и надписью черныю по серебру: Кавъ Казъ, а мундштукъ въ ротъ, онъ молча сунулъ табачницу мнѣ. Мы закурили всѣ трое и капитанъ началъ снова:

*

— Иногда, точно, бываетъ: нельзя не потрепать. Вѣдь они вродѣ дѣтей. Балунова знаете?

Стебельковъ вдругъ расхохотался.

— Ну, ну, чего, Стебелекъ! поворчалъ Иванъ Платонычъ.— Старый солдатъ, штрафованный. Онъ двадцатый годъ служитъ: все за разныя провинности не отпускаютъ. Ну, такъ вотъ онъ, шельма... Васъ еще не было тогда: передъ Кишиневымъ разъ выходили мы изъ деревни. Приказало начальство осмотрѣть у всѣхъ вторыя пары сапогъ. Выстроилъ я ихъ, хожу сзади и смотрю, торчатъ ли изъ ранцевъ головки. У Балунова нѣтъ. «Гдѣ сапоги?»—Въ ранцѣ для сохраненія вложилъ, ваше благородіе. — «Врешь!»—Никакъ нѣтъ, ваше благородіе: чтобъ не мокли, въ ранцѣ находятся! — Бойко такъ отвѣчаетъ бестія. «Снимай ранецъ, разстегивай».—Вижу, не растегиваетъ и тащитъ голенищи изъ подъ крышки. «Разстегивай!»—Я, ваше благородіе, и такъ выну.—Однако заставилъ я его разстегнуть. Что-жь вы думаете? тащитъ изъ ранца за уши поросенка живого! И рыльце веревочкой завязано, чтобы не визжалъ! Правой рукой подъ козырекъ, рожу этакую почтительную скорчилъ, а лѣвой за ножки поросенка держитъ. Стащилъ, подлецъ, у молдаванки. Ну, конечно, я его тутъ легонько ткнулъ!

Стебельковъ покатывался отъ хохота и едва выговорилъ:

— Да чѣмъ!.. ткнулъ-то, Ивановъ, поросенкомъ! Охо-хо-хо!.. Выхватилъ поросенка, да имъ!..

— Неужели безъ этого нельзя было обойтись, Иванъ Платонычъ?

— Ахъ, вы! Досадно, право, слушать. Не подъ судъ же мнѣ его было отдавать!

VII.

Ночью съ 14 на 15 іюня, Өедоровъ разбудилъ меня.

— Михайлычъ, слышите?

— Что такое.

— Пальба. Дунай переходятъ.

Я началъ прислушиваться. Дулъ сильный вѣтеръ, гнавшій низкія черныя тучи, заслонявшія мѣсяцъ; онъ налеталъ на полотно, съ шумомъ шлепалъ его, гудѣлъ въ веревкахъ и тонко высвистывалъ гдѣ-то въ ружейныхъ козлахъ. Сквозь эти звуки иногда слышались глухіе удары.

— Народу-то теперь что̀ валится... вздохнувъ, прошепталъ Өе-

доровъ.—Насъ поведутъ или нѣтъ? какъ полагаете? Ухаетъ-то какъ! будто громъ!

— Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ гроза?

— Нѣтъ! какая гроза! Очень ужь правильно. Слышите? одна за одной, одна за одной.

Удары, дѣйствительно, раздавались правильно, черезъ извѣстные промежутки времени. Я вылѣзъ изъ подъ палатки и сталъ смотрѣть по направленію выстрѣловъ. Вспышекъ огня не было видно. Иногда напряженнымъ глазамъ мерещился свѣтъ въ той сторонѣ, откуда гремѣли пушки, но это только обманъ.

— Вотъ оно, наконецъ! подумалось мнѣ.

И я старался представить себѣ, что дѣлается тамъ, въ темнотѣ. Мнѣ чудилась широкая черная рѣка съ обрывистыми берегами, совершенно похожая на настоящій Дунай, какимъ я его увидѣлъ потомъ. Плывутъ сотни лодокъ; эти мѣрные частые выстрѣлы — по нимъ. Много ли уцѣлѣетъ ихъ? Холодная дрожь пробѣжала у меня по тѣлу.—Хотѣлъ бы ты быть теперь тамъ? невольно спросилъ я самъ себя.

Я посмотрѣлъ на спящій лагерь: все было спокойно; между далекимъ громомъ орудій и шумомъ вѣтра мирное храпѣнье людей. И страстно захотѣлось мнѣ вдругъ, чтобы всего *этого* не было, чтобы походъ протянулся еще, чтобы этимъ спокойно спящимъ, а вмѣстѣ съ ними и мнѣ не пришлось идти туда, откуда гремѣли выстрѣлы.

Иногда канонада становилась сильнѣе; иногда мнѣ смутно слышался менѣе громкій, глухой шумъ.—Это стрѣляютъ ружейными залпами, думалъ я, не зная, что до Дуная еще двадцать верстъ и что болѣзненно настроенный слухъ самъ создавалъ эти глухіе звуки. Но, хотя и мнимые, они все-таки заставили воображеніе работать и рисовать страшныя картины. Чудились крики и стоны, представлялись тысячи висящихъ людей; отчаянное хриплое «ура!» атака въ штыки, рѣзня. А если отобьютъ и все это даромъ?

Темный востокъ посѣрѣлъ; вѣтеръ сталъ утихать. Тучи разошлись; умирающія звѣзды виднѣлись кое-гдѣ на поблѣднѣвшемъ, зеленоватомъ небѣ. Начало свѣтать; въ лагерѣ кое-кто проснулся и услышавшіе звуки сраженія будили другихъ. Говорили мало и тихо. Неизвѣстность близко подошла къ людямъ: никто не зналъ, что будетъ завтра и не хотѣлъ ни думать, ни говорить объ этомъ завтрашнемъ днѣ.

Я заснулъ на разсвѣтѣ и проснулся довольно поздно. Пушки продолжали глухо гремѣть, и, хотя никакихъ извѣстій съ Дуная не было, между нами уже ходили слухи, одинъ другого не-

вѣроятнѣе. Одни говорили, что наши уже перешли и гонятъ турокъ, другіе, что переправа не удалась, что уничтожены цѣлые полки.

— Которыхъ потопили, которыхъ перестрѣляли, заговорилъ кто-то.

— А ты ври больше, оборвалъ его Василій Карпычъ.

— Зачѣмъ мнѣ врать, ежели правда.

— Правда! Тебѣ кто сказалъ?

— Чего?

— Правду-то? Откедова слышалъ? Мы всѣ знаемъ: пальба идетъ и больше ничего.

— Всѣ говорятъ. Къ генералу казакъ...

— Казакъ! Ты видѣлъ казака-то? какой онъ изъ себя есть, казакъ-то твой?..

— Казакъ, обыкновенно... какой казакъ долженъ быть.

— То-то долженъ! Языкъ-то у тебя — бабья балаболка. Сидѣлъ бы да молчалъ. Никого не было, не откуда и знать.

Я пошелъ къ Ивану Платонычу. Офицеры сидѣли совсѣмъ готовые, застегнутые и съ револьверами на поясѣ. Иванъ Платонычъ былъ какъ и всегда красенъ, пыхтѣлъ, отдувался и вытиралъ шею грязнымъ платкомъ. Стебельковъ волновался, сіялъ и для чего-то нафабрилъ свои прежде висѣвшіе внизъ усики, такъ что они торчали острыми кончиками.

— Вотъ прапорщикъ-то нашъ! расфрантился передъ дѣломъ, сказалъ Иванъ Платонычъ, подмигивая на него.—Ахъ Стебелечекъ, Стебелечекъ! жаль мнѣ тебя! Не будетъ у насъ въ собраніи такихъ усиковъ. Сломаютъ тебя, Стебелечекъ, говорилъ капитанъ шутливо-жалобнымъ тономъ.—Ну что, не струсишь?

— Постараюсь не струсить, бодрымъ голосомъ сказалъ Стебельковъ.

— Ну, а вамъ, воитель, страшно?

— Самъ не знаю, Иванъ Платонычъ. Оттуда ничего не слышно?

— Ничего. Господь знаетъ, что тамъ дѣлается.—Иванъ Платонычъ тяжко вздохнулъ.—Въ часъ выступаемъ, добавилъ онъ, помолчавъ.

Пола палатки откинулась; адьютантъ Лукинъ просунулъ свое лицо, на этотъ разъ серьёзное и блѣдное.

— Вы здѣсь, Ивановъ? Приказано привести васъ къ присягѣ... Не сейчасъ, когда будемъ выступать. Иванъ Платонычъ! пятую пачку патроновъ людямъ.

Онъ отказался войти посидѣть, говоря, что много дѣла и побѣжалъ куда-то. Я тоже вышелъ.

Часамъ къ двѣнадцати поспѣлъ обѣдъ. Люди ѣли плохо. Послѣ обѣда приказали снять надульники (кожаные чехольчики) съ ружей и роздали добавочные патроны. Солдаты, готовясь въ бою, начали осматривать свои ранцы и выбрасывать все лишнее. Бросали порванныя рубахи и штаны, разныя тряпки, старые сапоги, щетки, засаленныя солдатскія книжки; нѣкоторые, какъ оказалось, донесли до Дуная въ ранцахъ множество ненужныхъ вещей. Я видѣлъ на землѣ брошенный «щелкунъ», т. е. деревянную чурку, которою въ мирное время передъ парадами и смотрами разглаживаютъ ремни амуниціи, тяжелыя каменныя банки изъ подъ помады, какія-то коробочки и дощечки и даже цѣлую сапожную колодку.

— Бросай болѣ, ребята! все легче въ дѣйствіе идти. Завтра ужь не нужно будетъ.

— Пятьсотъ верстъ тащилъ... и на что мнѣ она? разсуждалъ солдатъ Лютиковъ, разсматривая какую-то тряпицу. — Съ собой не унесешь..

Выбрасывать вещи, очищать ранецъ, въ тотъ день вошло въ моду. Когда мы сошли съ мѣста, на которомъ стояли, оно представилось на темномъ фонѣ степи правильнымъ четырехугольникомъ, пестрымъ отъ множества тряпокъ и другихъ вещей.

Передъ походомъ, когда полкъ, уже совсѣмъ готовый, стоялъ и ждалъ команды, впереди собралось нѣсколько офицеровъ и нашъ молоденькій полковой священникъ. Изъ фронта вызвали меня и четырехъ вольноопредѣляющихся изъ другихъ баталіоновъ; всѣ поступили въ полкъ на походѣ. Оставивъ ружья сосѣдямъ, мы вышли впередъ и стали около знамени; незнакомые мнѣ товарищи были взволнованы, да и у меня сердце билось сильнѣе, чѣмъ всегда.

— Возьмитесь за знамя! сказалъ баталіонный командиръ. Знаменщикъ наклонилъ знамя; его ассистенты сняли чехолъ. Старая полинявшая, зеленая, шелковая ткань забилась по вѣтру. Мы стали вокругъ и, держа одной рукой древко, а другую поднявъ вверхъ, повторяли слова священника, который читалъ съ листа старинную, петровскую, военную присягу. Вспомнились мнѣ слова Василія Карпыча на первомъ переходѣ.—Гдѣ же это? думалъ я. И послѣ долгаго перечисленія случаевъ и мѣстъ службы Его Императорскаго Величества: походовъ, наступленій, авангардій и арріергардій, крѣпостей, карауловъ и обозовъ, я услышалъ эти слова. «Не щадя живота», громко повторили всѣ пятеро въ одинъ голосъ; и, глядя на ряды сумрачныхъ, готовыхъ къ бою людей, я чувствовалъ, что это не пустыя слова.

Мы вернулись въ ряды; полкъ дрогнулъ, зашевелился, и, вытянувшись въ длинную колонну, форсированнымъ шагомъ пошелъ къ Дунаю. Выстрѣлы, доносившіеся оттуда, смолкли.

Какъ сквозь сонъ помню этотъ переходъ; пыль, поднимаемую обгонявшими насъ на рысяхъ казачьими полками, широкую степь, спускавшуюся къ Дунаю, другой синѣвшій берегъ котораго мы увидѣли верстъ за пятнадцать; усталость, жару, свалку и драку у встрѣтившагося намъ уже подъ Зимницею колодца; грязный, маленькій городокъ, наполненный войсками, какихъ-то генераловъ, махавшихъ намъ съ балкона фуражками и кричавшихъ «ура!», на что мы отвѣчали имъ тѣмъ же.

— Перешли! перешли! гудѣли вокругъ голоса.

— Двѣсти убитыхъ, пятьсотъ раненыхъ!

VIII.

Ужь было темно, когда мы, сойдя съ берега, перешли протокъ Дуная по небольшому мосту и пошли по низкому песчаному острову, еще мокрому отъ только-что спавшей съ него воды. Помню рѣзкій лязгъ штыковъ сталкивавшихся въ темнотѣ солдатъ, глухое дребезжанье обгонявшей насъ артиллеріи, черную массу широкой рѣки, огоньки на другомъ берегу, куда мы должны были переправиться завтра и гдѣ, я думалъ, завтра же будетъ новый бой.—Лучше не думать, а уснуть, рѣшилъ я и улегся въ пропитанный водой песокъ.

Солнце было уже высоко, когда я открылъ глаза. На песчаномъ берегу толпились войска, обозы и парки; у самой воды уже успѣли выкопать баттареи и ровики для стрѣлковъ; за Дунаемъ, на крутомъ берегу можно было разсмотрѣть сады и виноградники, въ которыхъ копошились наши войска; за ними подымались все выше и выше возвышенности, рѣзко ограничивая горизонтъ. Вправо, версты за три отъ нихъ, бѣлѣло на холмахъ своими домами и минаретами Систово. Пароходъ, съ баркой на буксирѣ, перевозилъ батальонъ за батальономъ на ту сторону. У нашего берега шипѣлъ парами маленькій миноносный катеръ.

— Съ благополучнымъ переходомъ, Владиміръ Михайлычъ! весело поздравилъ меня Ѳедоровъ.

— И васъ также. Да только мы-то вѣдь еще не перешли?

— А вотъ сейчасъ пароходъ прійдетъ, заберетъ. Мониторъ турецкій, говорятъ, недалеко; вонъ этотъ самоварчикъ на него приготовленъ. Онъ показалъ на миноноску.—Побито народа что,

Господи! продолжалъ онъ, измѣнивъ голосъ.—Ужь возили-возили съ той стороны...

И онъ разсказалъ мнѣ всѣмъ извѣстныя подробности систовскаго боя.

— Теперь нашъ чередъ. Перейдемъ на тотъ бокъ—турки навалятся... Ну, все-таки вышла отсрочка: мы-то живы, а вотъ тѣ... Онъ кивнулъ на стоявшую недалеко кучку солдатъ и офицеровъ, столпившихся вокругъ невидимаго предмета, на который всѣ они смотрѣли.

— Что это такое?

— Убитыхъ нашихъ оттуда привезли. Подите, посмотрите, Михайлычъ, страсть-то какая.

Я подошелъ къ кучкѣ. Всѣ молча и снявъ шапки, смотрѣли на лежавшія рядомъ на пескѣ тѣла. Иванъ Платонычъ, Стебельковъ и Венцель тоже были здѣсь. Иванъ Платонычъ сердито нахмурился, кряхтѣлъ и отдувался; Стебельковъ съ наивнымъ ужасомъ вытягивалъ изъ-за его плеча тонкую шею. Венцель стоялъ, глубоко задумавшись.

Лежавшихъ на пескѣ было двое. Одинъ — рослый, красивый гвардеецъ финляндскаго полка, изъ сборной гвардейской полуроты, той самой, которая потеряла во время атаки половину людей. Онъ былъ раненъ въ животъ и, должно быть, долго мучился до смерти. Тонкій отпечатокъ чего-то одухотвореннаго, изящнаго и нѣжно-жалобнаго оставило страданіе на его лицѣ. Глаза были закрыты, руки сложены на груди. Самъ ли онъ передъ смертью принялъ это положеніе или товарищи позаботились о немъ? Его видъ не возбуждалъ ужаса и отвращенія, а только безконечную жалость къ погибшей, бившей ключомъ жизни.

Иванъ Платонычъ нагнулся къ трупу и, взявъ фуражку, лежавшую около головы, прочелъ на козырькѣ: Иванъ Журенко, третьей роты. «Хохолъ былъ, бѣдняга!» тихо сказалъ онъ. И представилась мнѣ родина, жаркій вѣтеръ въ степи, слобода по оврагу, левады, заросшія вербами, бѣленькая мазанка съ красными ставнями... Кто ждетъ тамъ тебя?

Другой былъ армеецъ волынскаго полка. Смерть застала его внезапно. Онъ бѣгалъ разъяренный въ атаку, задыхаясь отъ крика; пуля ударила его въ переносье, пронзила голову, оставивъ по себѣ черную зіяющую рану. Такъ и лежалъ онъ съ широко раскрытыми, теперь уже застывшими глазами, съ открытымъ ртомъ и съ искривленнымъ яростью посинѣлымъ лицомъ.

— Разсчитались, сказалъ Иванъ Платонычъ.—Въ чистую. Ничего имъ больше не нужно.

Онъ повернулся; солдаты торопливо разступились, чтобы пропустить его. Мы съ Стебельковымъ пошли за нимъ. Венцель догналъ насъ.

— Вотъ, Ивановъ, сказалъ онъ.—Видѣли?

— Видѣлъ, Петръ Николаичъ, отвѣчалъ я.

— Что-жь вы думали, глядя на нихъ? сумрачно спросилъ онъ. И во мнѣ вдругъ вспыхнула злоба противъ этого злого человѣка и желаніе сказать ему что-нибудь тяжелое.

— Много. И больше всего о томъ, что они уже не пушечное мясо. Для нихъ уже не нужно спайки и дисциплины; и никто не будетъ истязать ихъ ради этой спайки. Они не солдаты! не подчиненные, говорилъ я дрожащимъ голосомъ. — Они — люди!

Венцель блеснулъ глазами. Звукъ вылетѣлъ изъ его горла и прервался: должно быть, онъ хотѣлъ отвѣтить мнѣ, но сдержалъ себя и на этотъ разъ. Онъ шелъ рядомъ со мной, потупивъ голову, и черезъ нѣсколько шаговъ, несмотря на меня, сказалъ:

— Да, Ивановъ, вы правы. Они люди... Мертвые люди.

IX.

Насъ перевезли черезъ Дунай; нѣсколько дней мы стояли около Систова, ожидая турокъ; потомъ войска потянулись вглубь страны. Пошли и мы. Насъ долго посылали то туда, то сюда: были мы и около Тырнова и недалеко отъ Плевны; но прошло три недѣли, а намъ все еще не довелось драться. Наконецъ, мы попали въ особый отрядъ, обязанность котораго была—сдерживать наступленіе большой турецкой арміи. Сорокъ тысячъ русскихъ было растянуто на семьдесятъ верстъ; около ста тысячъ турокъ стояло противъ нихъ, и только осторожныя дѣйствія нашего начальника, не рисковавшаго людьми, а довольствовавшагося отпоромъ наступающаго непріятеля, да вялость турецкаго паши, позволили намъ исполнить нашу задачу: не дать туркамъ прорваться и отрѣзать нашу главную армію отъ Дуная.

Насъ было мало, линія наша была велика; поэтому намъ рѣдко приходилось отдыхать. Мы обошли множество деревень, являясь то тамъ, то здѣсь, чтобы встрѣтить предполагаемое нападеніе; мы забирались въ такую глушь Болгаріи, что насъ не находили транспорты съ провіантомъ, и намъ приходилось голодать, растягивая двухдневную порцію сухарей на пять и болѣе дней. Голодавшіе люди молотили недозрѣлую пшеницу палками на растянутыхъ палаткахъ, варили изъ нея и изъ кислыхъ лѣсныхъ яблокъ отвратительную похлебку безъ соли (потому-что и ея

было взять негдѣ), и заболѣвали отъ нея. Батальоны таяли, хотя и не были въ дѣлѣ.

Въ половинѣ іюля наша бригада, съ нѣсколькими эскадронами кавалеріи и двумя баттареями пушекъ, пришла въ брошенную жителями, раззоренную и полу-выжженную турецкую деревню. Нашъ лагерь раскинулся на высокой, обрывистой горѣ; деревня была внизу, въ глубинѣ долины, по которой извивалась узенькая рѣчка. Крутыя, высокія скалы возвышались на другой сторонѣ долины. То была, какъ мы думали, турецкая сторона, однако, турокъ близко не было. Мы простояли нѣсколько дней на нашей горѣ, почти безъ хлѣба, съ трудомъ доставая воду, за которой нужно было спускаться далеко внизъ, къ ключу, бившему внизу изъ скалы. Мы были совершенно отдѣлены отъ арміи и не знали, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Верстъ за пятнадцать впереди насъ казаки содержали разъѣзды, двѣ или три сотни ихъ были растянуты на двадцать верстъ. Турокъ не было и тамъ.

Несмотря на то, что мы не могли открыть непріятеля, нашъ маленькій отрядъ принималъ всѣ мѣры осторожности. Днемъ и ночью стояла кругомъ лагеря густая аванпостная цѣпь. По условіямъ мѣстности, ея линія была очень длинна и каждый день нѣсколько ротъ были заняты этой бездѣятельной, но очень утомительной службой. Бездѣйствіе, почти постоянный голодъ, неизвѣстность положенія дурно дѣйствовали на людей.

Околотки (полковые лазареты) были переполнены; каждый день отправляли ослабѣвшихъ и измученныхъ лихорадкою и кровавымъ поносомъ людей куда-то въ дивизіонный лазаретъ. Въ ротахъ было на лицо отъ половины до двухъ третей полнаго состава. Всѣ были мрачны, и всѣмъ хотѣлось идти въ дѣло. Все-таки, это былъ исходъ.

Наконецъ, онъ наступилъ. Отъ командира казачьей сотни прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что турки начали наступать, и что онъ, командиръ, долженъ былъ стянуть своихъ людей и отступить за пять верстъ. Потомъ оказалось, что турки вернулись, не думая продолжать наступленіе, что намъ можно было спокойно оставаться на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что намъ никто не велѣлъ наступать. Но командовавшій тогда нашъ генералъ, незадолго до того пріѣхавшій изъ Петербурга, чувствовалъ тоже, что и всѣ люди отряда. А людямъ было невыносимо сидѣть сложа руки или стоять по цѣлымъ суткамъ на часахъ противъ невидимаго, и какъ всѣ были убѣждены несуществовавшаго непріятеля, питаться скверною пищею и ждать своей очереди заболѣть. Всѣмъ хотѣлось идти драться. И генералъ приказалъ нападеніе.

Мы оставали половину отряда въ лагерѣ. Положеніе дѣлъ было на столько малоизвѣстно, что можно было ждать атаки съ другихъ сторонъ. Четырнадцать ротъ, гусары и четыре пушки послѣ полудня двинулись. Никогда мы не шли такъ скоро и бодро, кромѣ того дня, когда проходили передъ государемъ.

Мы шли долиною, проходя одну за другою брошенныя турецкія и болгарскія деревни. Въ узкихъ переулкахъ, обнесенныхъ высокими выше человѣческаго роста плетнями, не встрѣчалось ни челевѣка, ни скотины, ни собаки; только куры, клохтая, разлетались отъ насъ по плетнямъ и крышамъ, да гуси съ крикомъ тяжело поднимались на воздухъ и старались улетѣть. Изъ садиковъ выглядывали вѣтви, точно облѣпленныя спѣлыми сливами всевозможныхъ сортовъ. Въ послѣдней деревнѣ, за пять верстъ отъ того мѣста, гдѣ предполагались турки. Въ это время полуголодные солдаты натрясли множество сливъ, наѣлись и набили ими себѣ сухарные мѣшки. Нѣкоторые, правда, немногіе, позаботились наловить и нарѣзать куръ и гусей, ощипали ихъ и взяли съ собой. Мнѣ вспомнилось, какъ тѣ же солдаты передъ систовской переправой, въ ожиданіи боя, выбрасывали изъ ранцевъ всѣ свои вещи, и я сказалъ объ этомъ Житкову, который въ это время ощипывалъ огромного гуся.

— Что-жъ, Михайлычъ, хоть въ дѣйствіи не были, а жрать привыкли. Все сдается, будто такъ только проходишь. Въ ничью съиграешь. А ежели и попадешь въ дѣйствіе—запасъ ѣсть не проситъ. Ну, какъ не убьютъ?—закусить-то и есть чѣмъ.

— Страшно вамъ? невольно спросилъ я его.

— Да можетъ, ничего и не будетъ, не скоро отвѣтилъ онъ, щурясь и старательно выщипывая оставшійся бѣлый пушокъ.

— А если будетъ?

— Ежели будетъ—страшно, не страшно, все одно, идти надс. Нашего брата не спросятъ. Иди сэбѣ съ Богомъ.—Дай-ка ножа, у тебя ножъ важный. — Я далъ ему свой большой охотничій ножъ. Онъ разрубилъ гуся вдоль и половину протянулъ мнѣ.—Возьми-ка себѣ на случай. А объ этомъ самомъ, страшномъ, не страшномъ, не думай, баринъ, лучше. Все отъ Бога. Отъ него никуда не уйдешь.

— Ежели ужь легитъ въ тебя пуля или тамъ граната, куда-жь уйти! подтвердилъ Ѳедоровъ, лежавшій около насъ.—Я такъ полагаю, Владиміръ Михайлычъ, что даже опасности больше есть въ бѣгствѣ. Потому пуля по траэкторіи должна летѣть, этакъ вотъ (онъ показалъ пальцемъ), и самая что ни на есть жарня въ тылу образуется!

— Да, сказалъ я: — особенно съ турками. Говорятъ, они высоко цѣлятъ.

— Ну, ученый! сказалъ Житковъ Өедорову: — разговаривай больше! Тамъ тебѣ такую траэкторію покажутъ. Оно, конечно, прибавилъ онъ, подумавъ: — что лучше ужь впереди...

— Куда начальство, сказалъ Өедоровъ — А нашъ впередъ пойдетъ, не струситъ.

— Пойдетъ. Нашъ не струситъ. И Нѣмцовъ тоже пойдетъ.

— Дядя Житковъ, спросилъ Өедоровъ:—какъ скажешь? быть ему сегодня живу или нѣтъ?

Житковъ потупилъ глаза.

— Ты про что это говоришь? спросилъ онъ.

— Да полно! Видѣлъ его? Та̀къ вотъ все въ немъ и хо̀дитъ.

Житковъ сталъ еще угрюмѣе. — Пустое ты болтаешь, глухо проговорилъ онъ.

— А до Дунаю-то что говорили? сказалъ Өедоровъ.

— До Дунаю!.. Обозлившись, съ сердцовъ, всякое несли. Извѣстно, не въ терпежъ было. Ты что̀ думаешь, разбойники, что ли? сказалъ Житковъ, обернувшись и смотря Өедорову прямо въ лицо.—Бога, что ли въ нихъ нѣтъ? Не знаютъ, куда идутъ! Можетъ, которымъ сегодня Господу-Богу отвѣтъ держать, а имъ объ такомъ дѣлѣ думать? До Дунаю! Да я до Дунаю-то̀ и самъ разъ барину сказалъ (онъ кивнулъ на меня). Точно что сказалъ, потому и смотрѣть-то тошно было. Эка вспомнилъ, до Дунаю!

Онъ полѣзъ въ голенище за кисетомъ и долго еще ворчалъ, набивая трубку и закуривая ее. Потомъ, спрятавъ кисетъ, усѣлся поудобнѣе, охвативъ колѣни руками, и погрузился въ какую-то тяжелую думу.

Черезъ полчаса мы вышли изъ деревни и начали подниматься изъ долины въ гору. За возвышенностью, которую намъ нужно было перейти, были турки. Мы вышли на гору; передъ нами открылось широкое холмистое, постепенно понижавшееся пространство, покрытое то нивами пшеницы, то кукурузными полями, то огромными зарослями карагача и кизила. Въ двухъ мѣстахъ бѣлѣли минареты деревень, скрытыхъ между зелеными холмами. Мы должны были взять правую изъ нихъ. За нею, на краю горизонта чуть виднѣлась бѣловатая полоска: то было шоссе, прежде занятое нашими казаками. Скоро все это скрылось изъ вида: мы вступили въ густую заросль, изрѣдка прерываемую небольшими полянками.

Я плохо помню начало боя. Когда мы вышли на открытое мѣсто на вершину холма, откуда турки могли ясно видѣть, какъ наши роты, выходя изъ кустовъ, строились и расходились въ

цѣпь, одиноко загремѣлъ пушечный выстрѣлъ. Это они пустили гранату. Люди дрогнули; глаза всѣхъ устремились на уже расплывавшееся, тихо скатывавшееся съ холма бѣлое облачко дыма. И въ тотъ же мигъ приближающійся звонкій, скрежещущій звукъ снаряда, летѣвшаго, какъ казалось, надъ самыми нашими головами, заставилъ всѣхъ пригнуться. Граната, перелетѣвъ черезъ насъ, ударилась въ землю около шедшей позади роты; помню глухой ударъ ея разрыва и вслѣдъ за тѣмъ чей-то жалобный крикъ. Осколокъ оторвалъ ногу фельдфебелю. Я узналъ это послѣ; тогда я не могъ понять этого крика: ухо слышало его—и только. Тогда все слилось въ томъ смутномъ и невыразимомъ словами чувствѣ, какое овладѣваетъ вступающимъ въ первый разъ въ огонь. Говорятъ, что нѣтъ никого, кто бы не боялся въ бою; всякій не хвастливый и прямой человѣкъ, на вопросъ, страшно ли ему, отвѣтитъ: страшно. Но не было того физическаго страха, какой овладѣваетъ человѣкомъ ночью въ глухомъ переулкѣ при встрѣчѣ съ грабителемъ; было полное, ясное сознаніе неизбѣжности и близости смерти. И — дико и странно звучатъ эти слова—это сознаніе не останавливало людей, не заставляло ихъ думать о бѣгствѣ, а вело впередъ. Не проснулись кровожадные инстинкты, не хотѣлось идти впередъ, чтобы убить кого-нибудь, но было неотвратимое побужденіе идти впередъ во что бы то ни стало, и мысль о томъ, что нужно дѣлать во время боя, не выразилась бы словами: нужно убить, а скорѣе: нужно умереть.

Пока мы переходили черезъ поляну, турки успѣли сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ. Насъ отдѣляла отъ нихъ только послѣдняя большая заросль, медленно поднимавшаяся къ деревнѣ. Мы вошли въ кусты. Все смолкло.

Идти было трудно: густые, часто колючіе кусты разрослись густо и нужно было обходить ихъ или пробираться черезъ нихъ. Шедшіе впереди стрѣлки уже разсыпались цѣпью и изрѣдка тихо перекликались между собою, чтобы не разойтись. Мы пока держались всей ротой вмѣстѣ. Глубокое молчаніе царило въ лѣсу.

И вотъ раздался первый, не громкій, похожій на ударъ топора дровосѣка ружейный выстрѣлъ. Турки наугадъ начали пускать въ насъ пули. Онѣ свистѣли высоко въ воздухѣ разными тонами, съ шумомъ пролетали сквозь кусты, отрывая вѣтви, но не попадали въ людей. Звукъ рубки лѣса становился все чаще и наконецъ слился въ однообразную трескотню. Отдѣльныхъ взвизговъ и свистка не стало слышно; свистѣлъ и вылъ весь воздухъ. Мы торопливо шли впередъ; всѣ около меня были цѣлы и я самъ былъ цѣлъ. Это очень удивляло меня.

Вдругъ мы вышли изъ кустовъ. Дорогу пересѣкалъ узкій, неглубокій оврагъ съ ручейкомъ. Люди отдохнули минуту и напились воды.

Отсюда роты развели въ разныя стороны, чтобы охватить турокъ съ фланговъ; нашу роту оставили въ резервѣ въ оврагѣ. Стрѣлки должны были идти прямо и, пройдя черезъ кусты, ворваться въ деревню. Турецкіе выстрѣлы трещали попрежнему часто, безъ умолку, но гораздо громче.

Выбравшись на другой берегъ оврага, Венцель выстроилъ свою роту. Онъ сказалъ людямъ что-то, чего я не слышалъ.

— Постараемся, постараемся! раздались голоса стрѣлковъ.

Я смотрѣлъ на него снизу: онъ былъ блѣденъ и, какъ мнѣ показалось, печаленъ, но довольно спокоенъ. Увидѣвъ Ивана Платоныча и Стебелькова, онъ махнулъ имъ платкомъ, потомъ сталъ искать что-то глазами въ нашей толпѣ. Я догадался, что ему хочется проститься и со мной, и всталъ, чтобы онъ замѣтилъ меня. Венцель улыбнулся, кивнулъ мнѣ нѣсколько разъ головою и скомандовалъ ротѣ идти въ цѣпь. Кучки, по четыре человѣка, расходились вправо и влѣво, растянулись въ длинную цѣпь и разомъ исчезли въ кустахъ, кромѣ одного, который вдругъ рванулся всѣмъ тѣломъ, поднялъ руки и тяжело рухнулся на землю. Двое изъ нашихъ выскочили изъ оврага и принесли тѣло.

Томительно прошло полчаса неизвѣстности.

Бой разгорался. Ружейный огонь учащался и перешелъ въ сплошной грозный вой. На правомъ флангѣ загремѣли пушки Изъ кустовъ начали показываться идущіе и ползущіе окровавленные люди; сначала ихъ было мало, но съ каждой минутой становилось больше и больше. Наши помогали имъ спускаться въ оврагъ, поили водой и укладывали, въ ожиданіи санитаровъ съ носилками. Стрѣлокъ, съ раздробленной кистью руки, страшно охая и закатывая глаза на посинѣвшемъ отъ потери крови и боли лицѣ, пришелъ самъ и сѣлъ у ручья. Ему затянули руку, уложили на шинель; кровь остановилась. Его била лихорадка; губы дрожали, онъ всхлипывалъ, нервно и судорожно рыдая.

— Братцы, братцы!.. земляки милые!..

— Много побили?

— Такъ и валятся.

— Ротный цѣлъ?

— Цѣлъ пока. Кабы не онъ, отбили бы. Возьмутъ. Съ нимъ возьмутъ, слабымъ голосомъ говорилъ раненый. — Три раза водилъ, отбивали. Въ четвертый повелъ. Въ буеракѣ сидятъ: патроновъ у нихъ: такъ и сѣютъ, такъ и сѣютъ... Да нѣтъ! вдругъ

злобно закричалъ раненный, привставъ и махая больной рукой:— шалишь! Шалишь, проклятый!..

И онъ, вращая изступленными глазами, выкрикнулъ страшное, грубое ругательство и повалился безъ чувствъ.

На берегу оврага показался Лукинъ.—Иванъ Платонычъ! закричалъ онъ не своимъ голосомъ: — Ведите!

. . . .

Дымъ, трескъ, стоны, бѣшенное «ура!» Запахъ крови и пороха. Закуренныя дымомъ странные, чужіе люди съ блѣдными лицами. Дикая, не человѣческая свалка. Благодареніе Богу за то, что такія минуты помнятся только, какъ въ туманѣ.

. . . .

Когда мы подоспѣли, Венцель въ пятый разъ велъ остатокъ своей роты на турокъ, засыпавшихъ его свинцомъ. На этотъ разъ стрѣлки ворвались въ деревню. Немногіе изъ защищавшихъ ее въ этомъ мѣстѣ турокъ успѣли убѣжать. Вторая стрѣлковая рота потеряла въ два часа боя *пятьдесятъ два* человѣка изъ ста съ небольшимъ. Наша рота, мало принимавшая участія въ дѣлѣ— нѣсколько человѣкъ.

Мы не остались на отбитой позиціи, хотя турки были сбиты повсюду. Когда нашъ генералъ увидѣлъ, что изъ деревни выходитъ на шоссе батальонъ за батальономъ, двигаются массы кавалеріи и тянутся длинныя вереницы пушекъ, онъ ужаснулся. Очевидно, турки не знали нашихъ силъ, скрытыхъ кустами: если бы имъ было извѣстно, что всего только четырнадцать ротъ выбили ихъ изъ глубокихъ дорогъ, рытвинъ и плетней, окружавшихъ деревню, они вернулись бы и раздавили бы насъ. Ихъ было втрое больше.

Вечеромъ мы были уже на старомъ мѣстѣ. Иванъ Платонычъ позвалъ меня пить чай.

— Венцеля видѣли? спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще.

— Подите къ нему въ палатку, позовите къ намъ. Убивается человѣкъ. «Пятьдесятъ два! пятьдесятъ два!» только и слышно. Подите къ нему.

Тонкій огарокъ слабо освѣщалъ палатку Венцеля. Прижавшись въ уголку палатки и опустивъ голову на какой-то ящикъ, онъ глухо рыдалъ.

Всеволодъ Гаршинъ.

ЖЕНЩИНѢ.

(Съ французскаго, изъ Луи Буйе) [1].

Какъ! Такъ и ты лгала, твердя: «люблю тебя!»
Къ чему-жъ? Вѣдь не меня, о бѣдное творенье,
Обманывала ты, а самоё себя...
Могла найти любовь—нашла одно прощенье.

Бери его такимъ, какимъ его даю:
Широкимъ, искреннимъ. Пусть совѣсть не тревожитъ
Души твоей: что̀ я любилъ въ тебѣ, не можетъ
Погибнуть—я любилъ въ тебѣ мечту мою.

Твой свѣточъ потому лишь ярко такъ свѣтилъ,
Что моего огня я далъ ему избытокъ;
И сердца твоего дешевенькій напитокъ
Въ чистѣйшее вино я чудомъ превратилъ.

Ничтожный инструментъ, ты дивно такъ звучала
Лишь потому, что я, могучій виртуозъ,
Касался струнъ его—и пѣснь, что̀ вылетала
Оттуда—это пѣснь моихъ волшебныхъ грезъ.

---

[1] Поэтъ реалистической школы, ближайшій другъ Флобера; недавно ему поставленъ памятникъ въ Руанѣ.

И если было въ ней такъ много обаянья
И гордой мощи—вѣрь, что ты здѣсь въ сторонѣ:
Чтобъ дать ничтожеству блескъ яркаго сіянья,
Любить и вѣровать довольно было мнѣ.

Ну, а теперь прощай! Тебѣ—твоя дорога,
Я выпилъ все до дна изъ кубка моего —
И пиръ оконченъ мой. А ежели немного
Осталось тамъ вина—лакей допьетъ его.

Петръ Вейнбергъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ.

XXXV.

Какъ ни сильны были мистики, повидимому, такъ прочно укоренившіеся въ правительственныхъ и придворныхъ сферахъ, тѣмъ не менѣе, впередъ можно было предугадать, что могущество ихъ эфемерное и минутное, и что всѣ шансы побѣды были на сторонѣ партіи православнаго духовенства. Не говоря уже о томъ, что здѣсь была сила исторической традиціи, власть оффиціально-господствующей церкви, опирающейся на вѣрованіяхъ народныхъ массъ—партія эта представляла собою самую единодушную сплоченность, и представители ея, духовные іерархи и дѣйствовавшіе подъ ихъ вліяніемъ нѣкоторые придворные сановники, твердо и неуклонно преслѣдовали одну цѣль—низверженіе мистиковъ, безъ малѣйшей розни, колебаній или какихъ-нибудь побочныхъ и заднихъ побужденій. Совершенно не то представляли изъ себя мистики. Лагерь ихъ заключалъ въ себѣ пеструю смѣсь «одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній», и самыхъ разнородныхъ побужденій. Искреннихъ и безкорыстныхъ мистиковъ, въ родѣ Лабзина, Попова, Татариновой, было въ этомъ лагерѣ меньшинство, но и тѣ вскорѣ потеряли всякій кредитъ въ обществѣ, ударившись въ крайнее сектантство, проявившееся рядомъ вопіющихъ скандаловъ въ родѣ хлыстовскихъ верченій въ залахъ Инженернаго зàмка или такого вдругъ пассажа, какой выкинулъ законоучитель морского корпуса, нѣкій іеромонахъ, имени котораго Стурдза не сообщаетъ: однажды передъ обѣднею, которую онъ же собирался служить въ домовой церкви Мор-

*

ского корпуса, онъ вдругъ въ изступленіи бросился къ иконамъ и началъ кромсать ихъ ножомъ. Потомъ, при допросѣ въ лаврѣ, онъ признался, что принадлежалъ къ сектѣ Лабзина.

Въ то время, какъ искренніе мистики скандализировали себя подобными проявленіями крайняго фанатизма, большинство лагеря состояло изъ людей, лишь игравшихъ въ мистицизмъ, минутно увлекшись имъ, какъ моднымъ повѣтріемъ, или же лицемѣровъ и всякаго рода карьеристовъ, которые ловили рыбу въ мутной водѣ, поддѣлываясь къ господствующему духу, и при первомъ же случаѣ готовы были измѣнить своему лагерю. А во главѣ партіи стояли хотя и искренніе мистики, каковыми были князь Голицынъ и баронесса Крюднеръ, но это были люди случая, не представлявшіе для партіи надежной опоры. Такъ мы видимъ, что уже въ 1818 году партія потеряла баронессу Крюднеръ. Экзальтированная женщина, увлекавшаяся каждымъ повѣтріемъ дня, баронесса не замедлила перейти отъ мистицизма къ политикѣ: она увлеклась вопросомъ о греческой независимости и начала бить въ набатъ, призывая русское правительство заступиться за грековъ. Это разсердило всесильнаго Меттерниха и по настоянію австрійскаго посольства, баронесса была изгнана изъ Петербурга.

Въ то же время нашлись такіе предусмотрительные и дальновидные люди, которые, чуть что не въ самомъ началѣ господства мистиковъ, заблагоразсудили тайно перебѣжать въ противный лагерь. Первымъ такимъ перебѣжчикомъ былъ знакомый уже намъ Стурдза—и едва успѣлъ онъ совершить это похвальное дѣло, какъ не замедлилъ нанести жестокій ударъ своимъ прежнимъ соумышленникамъ со всѣмъ тѣмъ горячимъ усердіемъ, какое свойственно всѣмъ ренегатамъ.

Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ представителей партіи православнаго духовенства былъ князь Сергѣй Александровичъ Шихматовъ (впослѣдствіи іеромонахъ Аникита). Съ этимъ-то княземъ, жившимъ, по словамъ Стурдзы, въ глуши и создавшимъ себѣ какъ бы монастырь на Васильевскомъ острову, въ стѣнахъ Морского корпуса, гдѣ онъ служилъ ротнымъ командиромъ, сблизился Стурдза послѣ своего отщепенства и началъ «благоговѣть передъ христіанскою доблестью души его».

«Однажды, говоритъ Стурдза [1]:—Шихматовъ явился ко мнѣ неожиданно, и тотчасъ завелъ разговоръ о новыхъ духовныхъ переводахъ и «Сіонскомъ Вѣстникѣ» (Лабзина), началъ по-хри-

[1] О судьбѣ православной церкви, «Русс. Старина», 1876, т. XV, стр. 244 слѣд.

стіански укорять меня за то, что я молчу, не вступаюсь за дѣло Божіе. Напрасны были всѣ оправданія мои. Онъ настаивалъ и требовалъ отъ меня дѣйствія.'

«— Вотъ вамъ готовый критическій разборъ самыхъ вредныхъ статей «Сіонскаго Вѣстника». Это трудъ Смирнова въ Москвѣ, затворника, мало кому извѣстнаго. Вы знаете, что печатать подобныя воззрѣнія при нынѣшней цензурѣ невозможно, да и мало было бы отъ этого пользы. Займитесь же этою рукописью, сличите ее съ №№ «Сіонскаго Вѣстника», которые я привезъ вамъ, и сами рѣшите, должно ли терпѣть такія нападенія на святую истину и святую церковь? Вы напрасно отговариваетесь тѣмъ, что не читали «Сіонскаго Вѣстника»; какъ грѣшно иному читать, такъ вамъ грѣшно не читать его.

«Съ тѣмъ мы разстались. И подлинно, чтеніе рукописи вмѣстѣ съ обличаемыми статьями скоро убѣдило меня въ справедливости увѣщанія Шихматова. Пользуясь благорасположеніемъ ко мнѣ князя Голицына, который ввелъ меня въ различныя должности по министерству просвѣщенія, я имѣлъ къ нему свободный доступъ; но я зналъ, что лжемистики и лицемѣры обступали отовсюду добраго вельможу, тѣснили его, употребляя во зло его смиренномудріе. Надлежало обдумать планъ наступательныхъ дѣйствій. Я рѣшился начать письменно, а потомъ довершить дѣло устною бесѣдою. Чтобы овладѣть сперва слабѣйшими пунктами, я написалъ князю прямой обвинительный актъ противъ двухъ переводовъ Лабзина: «Таинства» и «Побѣдной повѣсти». Здѣсь выписками доказывалъ я, что переводчикъ виновенъ нетолько за переводъ книгъ, враждебныхъ церкви, но еще болѣе за то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усилилъ и преувеличилъ выраженія подлинниковъ.

Въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», въ № 1 1870 г. помѣщена записка о богохульствахъ разныхъ мистическихъ сочиненій того времени, въ особенности же «Таинства креста», «Побѣдной повѣсти» и «Сіонскаго Вѣстника». Очень возможно, что это и есть тотъ самый обвинительный актъ, о которомъ говоритъ Стурдза. Считаемъ не лишнимъ представить наиболѣе замѣчательныя выдержки изъ этого любопытнаго документа:

«Въ уставѣ о цензурѣ 1804 г. 9-го іюня, говорится въ запискѣ: восьмымъ пунктомъ повелѣно, дабы книги и сочиненія, до Вѣры относящіяся и подлежащія къ печатанію въ духовныхъ типографіяхъ, были разсматриваемы духовною цензурою, находящеюся подъ вѣдѣніемъ Св. Синода и Епархіальныхъ Архіереевъ. Но въ 1806, 13, 14, 15, 16 и 17 годахъ изданы въ свѣтъ мно-

гія книги, какъ по заглавію, такъ и по содержанію своему именно касающіяся предметовъ святыя Вѣры нашея, кои всѣ печатаны съ дозволенія гражданской цензуры и въ частныхъ типографіяхъ. Сіе преступленіе закона оказало тѣ печальныя послѣдствія, которыя предотвращались приснымъ храненіемъ онаго (закона). Ибо въ упомянутыхъ незаконно изданныхъ книгахъ находятся разныя вредныя мнѣнія, которыя, бывъ избраны и поставлены одно послѣ другого, представляютъ полный кругъ противъ церковнаго ученія. Сіи вредныя мнѣнія суть слѣдующія:

Отъ Греческой церкви тогда можно ожидать добра, когда она отъ сна воспрянетъ (Жизнь Штиллинга, ч. I, стр. 8). Духовенство есть второй звѣрь Апокалипсическій, говорящій по змѣиному: слѣпые вожди слѣпыхъ людей. Сей звѣрь во всемъ нечистомъ своемъ нарядѣ и убранствѣ появился со временъ Императора Константина... Синодъ и Вселенскіе соборы суть третій звѣрь Апокалипсическій (Таинство Креста, стр. 209).	Сіи внушенія стремятся привесть въ сомнѣніе достоинство всего христіанства вообще. Символъ вѣры, содержимый и свято чтимый всѣмъ христіанствомъ, изданъ на 1-мъ и 2-мъ Вселенскихъ Соборахъ.
Мученія по смерти не вѣчны («Объ истлѣніи и сожженіи всѣхъ вещей», стр. 142). Мысль, что злые духи не обратятся, благодати и премудрости Божіей противна (Побѣдная повѣсть, стр. 284).	Сими умствованіями превращается благовѣствованіе Христово о вѣчности мученій.
Когда Творецъ неба и земли вознамѣрился произвести сей міръ, тогда было одно безпредѣльное ничто. Оное ничто называется хаосомъ, и сей хаосъ былъ огромная глыба (Вліяніе истиннаго свободнаго каменьщичества», стр. 25).	Хаосъ существовалъ въ Богѣ. Это основаніе матеріализма.

Далѣе слѣдуютъ выписки вредностей изъ «Сіонскаго Вѣстника» 1817 г. «Сіонскій Вѣстникъ», по словамъ записки: самъ именовалъ мнѣнія свои *не вовсе согласными съ обыкновенными* (Кн. 1, стр. 40). Несогласныя мнѣнія съ общими господствующими касательно вѣры называются ересями или хулами; касательно же господства — крамолами. Главныя ереси и кромолы «Сіонскаго Вѣстника» суть слѣдующія:

Языческіе боги или Богъ въ разныхъ качествахъ и видахъ вочеловѣчивались и были, такъ сказать, Богочеловѣкъ.	Это есть, во 1) смѣшеніе скверны язычества со святынею истиннаго Боговѣдѣнія; во 2) поруганіе воплощенія Божія, именуя студныя рожденія боговъ языческихъ Богочеловѣчествомъ и воплощеніемъ.
Любостяжаніе устроѣетъ земли и царства (Кн. 1, стр. 25).	Такое позорное начало бытія гражданскаго поругаетъ главы Царствъ; ибо приписаніе любостяжанія падаетъ на нихъ. Но нѣсть власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть.

Въ одной вздорной сказкѣ «Сіонскій Вѣстникъ» представляетъ подданнаго говорящимъ своему царю слѣдующій гражданскій соблазнъ: «Великій царь! Ты могъ бы меня женить и на сукѣ» (Кн. 5, стр. 269).

Власть царя не есть насиліе такое, яко-бы дикое, которое, по іероглифу «Сіонскаго Вѣстника», превращаетъ законы природы, но есть благодѣтельный законъ естественной любви отеческой, промышляющей о дѣтяхъ своихъ.

Тотъ, кого нетерпѣливость влечетъ, какъ Петра, ударить ножемъ, да молится: «Господи! даруй сердцу моему Твое терпѣніе!» Будемъ, братія, ждать, пока Господь насъ на то воззоветъ, какъ воззвалъ Илію на біеніе Вааловыхъ жрецовъ.

Ваалъ былъ идолъ Вавилонскій. Вавилономъ каменьщики называютъ тѣхъ вообще, кои къ нимъ не принадлежатъ. Разговоръ о нетерпѣливости ударить ножомъ и обожданіи до воззванія заколоть Вааловыхъ жрецовъ весьма отзывается эхомъ тайнаго союза заговорщиковъ, выжидающихъ удобнаго случая, коимъ какъ бы дается знать, чтобы они не торопились до сигнала.

«Таковъ кругъ законопреступнаго ученія, говорится въ запискѣ въ заключеніе:—распространенъ по означеннымъ книгамъ, кои украшаются христіанскими заглавіями, и въ нихъ жестокій вредъ разлитъ между христіанскими разсужденіями, исполняющуся оному пророчеству: «Беззаконнующіи завѣтъ наведутъ съ прелестію»... Въ присягѣ каждый россіянинъ обѣщается и клянется о какомъ-либо узнанномъ имъ вредѣ доносить».

Вотъ съ подобною запискою и обратился Стурдза къ князю Голицыну. «Сими выписками, говоритъ онъ:—я убѣждалъ князя въ необходимости положить конецъ соблазну, которому цензура, очевидно, потворствовала. Голицынъ былъ пораженъ—внялъ голосу моему или, точнѣе, голосу истины, запретилъ перепечатку изобличенныхъ книгъ и тѣмъ доказалъ мнѣ, что ошибался дотолѣ неумышленно. Меня ободрилъ неожиданный успѣхъ. Я тотчасъ просилъ у князя аудіенціи. Мнѣ назначили день и часъ. Я вошелъ въ просторный кабинетъ его, съ кипою тетрадей и журналовъ. Мы усѣлись и чтеніе началось. Князь любилъ и умѣлъ читать вслухъ. Каждая страница Смирнова новѣряема была подлинными статьями. Министръ горячо вступался за мысли Лабзина, старался придавать имъ благопріятный смыслъ; но преткновенія часъ отъ часу становились виднѣе и опаснѣе. Смирновъ обличалъ, а я—настаивалъ. Наконецъ, дошли мы до одного мѣста, гдѣ Лабзинъ извращалъ значеніе и силу таинства евхаристіи, дерзко основываясь на словахъ Спасителя: «Глаголы моя духъ суть... плоть не пользуетъ ничесоже». Здѣсь Голицынъ прямо сознался въ своемъ заблужденіи и перестаъ защищать своего любимца. Чтеніе, продолжавшееся болѣе трехъ часовъ, остановилось на этомъ самомъ мѣстѣ. Князь былъ смущенъ, а я внутренно удивлялся его самоотреченію, зная, что цензуру «Сіонскаго Вѣстника», въ угодность кичливому и коварному из-

дателю, онъ неосторожно предоставилъ самому себѣ. И такъ, я поневолѣ ударялъ знаменитаго сановника въ ланиту, а онъ смиренно подставлялъ мнѣ другую...

— Вы правы, сказалъ князь, я виноватъ тѣмъ, что принялъ на себя занятіе, несовмѣстное съ моими обязанностями. Но скажите, какъ теперь этому помочь? Давно ли правительство провозгласило Лабзина первымъ духовнымъ писателемъ въ Россіи, пожаловавъ ему орденъ Владиміра второй степени? Нельзя вдругъ запретить ему писать, тѣмъ паче, что я почитаю его сочинителемъ отличнымъ и полезнымъ, погрѣшающимъ ненамѣренно.

— Не смѣю оспаривать вашего мнѣнія, князь, хотя думаю о Лабзинѣ совсѣмъ иначе, но осмѣливаюсь предложить вамъ средство самое вѣрное для узнанія истины; оно прекратитъ соблазнъ и вмѣстѣ оградитъ честь и достоинство правительства.

— Да говорите скорѣе...

— Какъ угодно—вотъ мой секретъ: не угодно ли будетъ вашему сіятельству, съ вѣдома и соизволенія государя, объявить формально Лабзину, что впредь поставляется ему въ обязанность обратиться съ изданіемъ «Сіонскаго Вѣстника» въ духовную цензуру установленнымъ порядкомъ? Если онъ безъ ропота покорится законному распоряженію, то ваше выгодное мнѣніе о немъ будетъ оправдано. Напротивъ, если онъ станетъ отказываться и роптать, то злонамѣренность его обнаружится во всей наготѣ своей.

«Князь остался доволенъ моею дилеммою; на ней мы разстались. Онъ, немедля, написалъ оффиціально Лабзину, что не имѣетъ времени долѣе заниматься цензурою его журнала—и вотъ предчувствія мои сбылись. Надменный Лабзинъ вспыхнулъ и забылся до того, что отозвался министру самымъ грубымъ и рѣзкимъ образомъ...»

«Врагамъ моимъ меня предали!» говорилъ разгнѣванный Лабзинъ. Но дѣлать было нечего; приходилось покориться. Цензоромъ надъ «Сіонскимъ Вѣстникомъ» былъ назначенъ ректоръ петербургской духовной семинаріи архимандритъ Инокентій, заклятый врагъ мистиковъ. Онъ не замедлилъ написать къ князю Голицыну обвинительное противъ «Сіонскаго Вѣстника» письмо, въ которомъ рѣзко заявлялъ: «Вы нанесли рану Церкви, вы и уврачуйте ее». Князь Голицынъ, выведенный изъ себя этою фразою, немедленно же поѣхалъ съ этимъ письмомъ къ митрополиту Михаилу, стороннику мистиковъ. «Вотъ что пишетъ вашъ архимандритъ», жаловался онъ преосвященному Михаилу, показывая ему письмо Инокентія. Митрополитъ, по удаленіи князя, тотчасъ же призвалъ къ себѣ Инокентія и началъ его увѣщевать, но

Инокентій отвѣчалъ, что онъ дѣйствуетъ по сознанію справедливости, на что ему Михаилъ замѣтилъ, что «для такого дѣйствія требуется особенное призваніе», и въ концѣ-концовъ заставилъ съѣздить къ князю Голицыну съ извиненіемъ. Послѣ этого, существованіе «Сіонскаго Вѣстника» подъ цензурою такого ожесточеннаго и притомъ униженнаго врага, какимъ былъ архимандритъ Инокентій, сдѣлалось немыслимымъ, и «Сіонскій Вѣстникъ», въ 1818 году, былъ прекращенъ.

Ободренные этимъ успѣхомъ, противники мистиковъ рѣшились нанести немедленно же новый ударъ своимъ врагамъ. Въ это время у статсъ-секретаря у принятія прошеній, Петра Андреевича Кикина, одного изъ самыхъ рьяныхъ приверженцевъ партіи православнаго духовенства, умерла дочь. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался другъ его дома, нѣтко Евстафій Станевичъ, «человѣкъ, по словамъ Стурдзы, благочестивый и довольно ученый, но недальнаго ума» и якобы въ утѣшеніе сѣтующихъ родителей, написалъ цѣлую книгу въ 313 страницъ подъ заглавіемъ: «*Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души, тогда токмо утѣшительномъ, когда истина онаго утверждается на точномъ ученіи Церкви*».

Книга эта въ сущности представляется не столько утѣшительною, сколько обличительною: это безпощадный памфлетъ противъ мистиковъ, которые на каждой страницѣ обзываются бранными словами, то лжемистиками, то безумными мистиками, вавилонянами и т. п., ученіе ихъ называется не иначе, какъ діавольскимъ, имѣющимъ цѣлью разрушеніе Церкви и уничтоженіе христіанства. Авторъ употребляетъ всѣ доводы, чтобы доказать, что внѣ Церкви нѣтъ Христа, а внѣ Христа нѣтъ спасенія и приходитъ къ такому выводу, что «наружная Церковь должна быть, что весь народъ съ царемъ своимъ должны быть отрожденными чадами, ея охранителями, по мѣрѣ власти своей; а какъ власти всѣхъ гражданъ въ рукѣ единыя освященныя власти Царскія: слѣдовательно, вся власть оная должна быть на защиту Церкви. Какимъ же образомъ безумные мистики тако нынѣ посмѣваются Царямъ, что дерзаютъ увѣрять ихъ, якобы Церковь была нѣчто наружное, не имущее своей внутренности, когда и древесная кора не можетъ стоять безъ своего внутренняго, и когда сама она не изъ ничего взялась, а изъ того же внутренняго. Можно ли безстыдство свое простирать такъ далеко, чтобы самую Царскую власть возбуждать на разрушеніе Церкви и потребленіе священства?» Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ разбираетъ мнѣнія Фенелона о чистой любви и называетъ его зміемъ, достается отъ него и Севинье за то, что она неправильно судила

объ обращеніи Расина, но главная продерзость Станевича заключалась въ томъ, что онъ напалъ на «Божественную философію», книгу, изданную незадолго до того времени на средства самого Государя пополамъ съ кн. Голицынымъ.

Книга Станевича надѣлала большого шума въ правительственныхъ сферахъ. Кн. Голицынъ обратился съ докладомъ о ней къ Государю. «Признаюсь, писалъ онъ въ своемъ отношеніи въ комиссію духовныхъ училищъ:—я удивленъ былъ, какъ могла такого содержанія книга быть духовною цензурою одобрена. Авторъ къ сужденію о безсмертіи души на гробѣ младенца привязалъ защищеніе нашей Греко-Россійской Церкви, тогда какъ никто на нее не нападаетъ. Церковь не имѣетъ нужды, чтобы частный человѣкъ бралъ ее подъ свое покровительство, особливо съ той точки, съ которой написано все сочиненіе. Защищеніе наружной Церкви противъ внутренней наполняетъ всю книгу. Раздѣленіе, непонятное въ христіанствѣ! Ибо наружная безъ внутреней Церкви есть тѣло безъ духа. Вообще понятіе о Церкви представлено въ превратномъ видѣ: ибо гдѣ говорится о Церкви, вездѣ видно, что одно духовенство принимается за оную. Между прочимъ, упоминается о извѣстной распрѣ между Боссюэтомъ и Фенелономъ, и сей послѣдній обвиняется въ лжеученіи. Однимъ словомъ, книга сія совершенно противна началамъ, руководствующимъ христіанское наше Правительство по гражданской и духовной части»[1].

Книга была тотчасъ же конфискована, отобрана изъ лавокъ и у частныхъ лицъ, успѣвшихъ ее купить и сожжена; авторъ ея Станевичъ высланъ изъ Петербурга, цензоръ же, пропустившій ее, архимандритъ Инокентій, получилъ строжайшій выговоръ; сверхъ того, его больного хотѣли сослать въ Уфу, и лишь ходатайство княгини Мещерской смягчило это наказаніе: ему поручили пензенскую и саратовскую епархіи.

XXXVI.

Такимъ образомъ партія православнаго духовенства была на этотъ разъ побѣждена. Мистики подняли голову и еще болѣе утвердились, благодаря своей побѣдѣ. Но враги ихъ не впали въ уныніе, и, не прибѣгая болѣе къ открытой борьбѣ, продолжали втайнѣ подкапываться подъ ихъ господство. Они пріобрѣли вскорѣ могущественнаго союзника въ лицѣ всесильнаго Аракче-

[1] Чтенія въ общ. исторіи и др. р., 1861 г., кн. I, стр. 201, 202.

ева, и это одно обезпечивало ихъ успѣхъ въ будущемъ. Не менѣе помогла имъ смерть митрополита Михаила 24 марта 1821 года, этого явнаго приверженца мистиковъ. Мѣсто его было занято теперь преосв. Серафимомъ, бывшимъ московскимъ митрополитомъ, заклятымъ врагомъ мистиковъ, не замедлившимъ тотчасъ же по вступленіи на петербургскую метрополію устроить имъ скандалъ: онъ явился на собраніе Библейскаго общества съ суровымъ лицомъ, и сидѣлъ на засѣданіи, ничего не говоря, и только слушалъ, мрачно и угрюмо перебирая чотками. Наконецъ, быстро вскочилъ съ своего мѣста и сказалъ: «Такъ могутъ разсуждать только люди, не понимающіе православія»—и затѣмъ вышелъ изъ собранія, пылающій гнѣвомъ. Въ тоже время знаменитый архимандритъ Фотій энергично дѣйствовалъ противъ общихъ враговъ. По собственному его разсказу, хотя, можетъ быть, и преувеличенному, онъ слѣдилъ неусыпно за всѣмъ движеніемъ массонства, читалъ внимательно всѣ массонскія книги, дѣлалъ изъ нихъ выписки, не щадилъ ничего для покупки особенно дорогихъ книгъ массонской премудрости, скупалъ и новыя изданія, только-что выходившія изъ типографій, и жегъ ихъ, чтобы не допустить расходиться въ народѣ; подкупалъ даже дорогою цѣною служителей домовъ, въ которыхъ бывали массонскія засѣданія, чтобы изъ скрытнаго гдѣ-нибудь мѣста самому все высмотрѣть, услышать и узнать всѣхъ засѣдавшихъ въ нихъ; для сего служители проламывали иногда стѣны подъ самымъ сводомъ или верхнимъ накатомъ и дѣлали небольшія отверстія, чрезъ которыя о. Фотій, будучи невидимымъ никѣмъ, могъ самъ все видѣть и слышать, что дѣлалось внизу.

«Запасшись самыми подробными свѣдѣніями, Фотій началъ готовиться прямо и лично открыть страшную тайну массонства государю императору. Для сего назначилъ онъ себѣ и всему братству Юрьева монастыря сорокадневный постъ, и, прощаясь съ братіею, какъ бы уже на смерть, просилъ ихъ молитвъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ остановился въ домѣ графини Орловой, и послѣ разсказалъ близкимъ къ нему лицамъ слѣдующее:

«Явясь во дворецъ, онъ введенъ былъ въ императорскій кабинетъ, представлявшій весьма длинный рядъ столовъ съ лежащими на нихъ кипами бумагъ. Остановясь почти у самаго входа въ кабинетъ, и не видя государя, который стоялъ скрытно въ другомъ концѣ кабинета, о. архимандритъ смутился и тутъ только вспомнилъ, что не взялъ съ собою образа для благословенія. Увидя на ближайшемъ столѣ образъ, который былъ, ко-

нечно, одинъ изъ поднесенныхъ гдѣ-нибудь государю, взялъ его со стола и всталъ съ нимъ. Государь подходитъ и спрашиваетъ:

— «Что?»—О. архимандритъ объявляетъ причину своего представительства. На что государь:

— «Какъ ты смѣлъ?—Подъ арестъ»!

И о. Фотія отводятъ въ нижній этажъ, заключаютъ въ пустую комнату и къ дверямъ приставляютъ караулъ. Тутъ пробылъ о. Фотій до полуночи. Около 12 часовъ его опять представляютъ къ государю. На этотъ разъ государь долго и благодушно слушалъ его, читалъ нѣсколько представленныхъ ему выписокъ изъ массонскихъ книгъ и потомъ спросилъ:

— Гдѣ ты остановился?

— Въ домѣ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской.

— Пріѣзжай сюда въ эти же часы, на половину императрицы; оттуда тебя будутъ провожать ко [illegible] чтобы никто объ этомъ не зналъ.

И о. Фотій ѣздилъ такимъ образомъ, [illegible] одной каретѣ съ графиней, во дворецъ, ос[illegible] подъѣзда на императрицыну половину.

Такъ сообщаетъ о посѣщеніи Фотіемъ госуда[illegible] Л. Мо-рошкинъ, авторъ воспоминаній о. Фотіи [1], со словъ отца Арсенія, настоятеля Кириловскаго монастыря, которому будто бы Фотій лично передалъ фактъ такимъ образомъ. Между тѣмъ. въ запискахъ, оставшихся отъ Фотія, ничего не говорится о сценѣ съ образомъ и арестѣ, а просто разсказывается, что Фотій поѣхалъ во дворецъ на коняхъ дѣвицы Анны, и войдя туда, «осѣнялъ крестнымъ знаменіемъ себя и во всѣ стороны и проходы, помышляя, что толпы здѣсь живутъ и дѣйствуютъ силъ вражіихъ, но что онѣ сейчасъ избѣгнутъ, видя крестное знаменіе». Во время этого свиданія Фотій «видѣлъ, что царь весь прилѣпился къ услышанію слова изъ устъ его». Сперва началась рѣчь о Серафимѣ, и Фотій внушалъ, что [illegible]рь сей есть единственный по своей любви къ святой церкви, ца[illegible] ко благу».

Когда же въ концѣ бесѣды, государь спросилъ Фотія о нуждахъ монастыря, Фотій отвѣчалъ отрицательно, и началъ «о паче нужно самому царю». «Враги церкви святой и царства весьма усиливаются, говорилъ Фотій:—зловѣріе, соблазны, явно и съ дерзостью себя открываютъ, хотятъ сотворить тайныя злыя общества; вредъ великъ святой церкви христіанской и царству всему, но они не успѣютъ, бояться ихъ нечего, надобно дерзость враговъ тайныхъ и явныхъ внутрь самой столицы въ успѣхахъ немедленно остановить».

---

[1] Русск. Стар. 1876, т. XVII, стр. 313, 314.

Бесѣда длилась полтора часа, причемъ Фотій внушалъ государю, что «противу тайныхъ враговъ дѣйствуя, вдругъ надобно запретить и поступать». Императоръ «многократно цѣловалъ благословляющую его руку», и когда Фотій уходилъ, «царь палъ на колѣни передъ Богомъ и, обратясь лицомъ къ Фотію, сказалъ:

«Возложи руки твои, отче, на главу мою и сотвори молитву господню о мнѣ, и прости и разрѣши меня. Царь поклонился ему въ ноги и, стоя на колѣняхъ, цѣловалъ десницу его [1].

Какъ бы то ни было, послѣ этихъ бесѣдъ съ Фотіемъ, Государь началъ колебаться въ своей благосклонности къ мистикамъ, и положеніе ихъ начало дѣлаться столь непрочнымъ, что вѣрнѣйшій показатель въ то время малѣйшей перемѣны вѣтра, Магницкій, не замедлилъ перейти въ лагерь враговъ. Это новое ренегатство, по разсказу Стурдзы, произошло при торжественной обстановкѣ своеоб[illegible] рода. При посредствѣ общихъ друзей, Фотій пригл[illegible]ницкаго на свиданіе. Встрѣтивъ его у дверей го[illegible]ковыми свѣчами въ рукахъ, Фотій съ безу[illegible] провожалъ его до пригото[illegible]ныхъ [illegible]ли почтенныя дамы, въ томъ числѣ графиня [illegible] Фотій сѣлъ около Магницкаго и молчалъ нѣсколько минутъ; потомъ схватился за колокольчикъ, стоявшій на столѣ и сталъ звонить, сколько было у него силы, не проговаривая ни одного слова. «Видно, говоритъ Стурдза:—Магницкій и они помѣнялись взорами въ залогъ взаимнаго соглашенія—и негласный союзъ между ними былъ заключенъ».

Послѣ этого Магницкій открыто началъ дѣйствовать противъ министерства Голицына. Такъ онъ донесъ на пропускъ безъ цензуры нѣкоторыхъ иностранныхъ книгъ вреднаго направленія, и государь велѣлъ отобрать экземпляры этихъ книгъ изъ библіотеки великихъ князей. Затѣмъ на засѣданіи Библейскаго общества онъ возсталъ на персидскій переводъ библіи, представленный собранію для отправки въ [illegible] Магницкій, съ свойственною ему рѣзкостью, объяв[illegible]ое мнѣніе о неблагонадежности такого распространенія слова Божія. Поднялся ропотъ и шумъ. Князь Мещерскій тщетно толкалъ Магницкаго, чтобъ онъ замолчалъ. Магницкій пуще разговорился и заключилъ рѣчь свою противъ неразсмотрѣнныхъ переводовъ устраненіемъ себя отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ занятіяхъ Библейскаго общества.

Не ограничиваясь Магницкимъ, Фотій старался всячески и самого кн. Голицына переманить на свою сторону. Съ этою

[1] Русск. Старина 1875 г. т. XIII, стр. 301—332 и 459—489.

цѣлію онъ завелъ съ нимъ энергическую переписку, въ которой не переставалъ увѣщевать его отвратиться отъ ереси. Но князь, всецѣло стоя на почвѣ международнаго мистицизма, съ одинаковымъ усердіемъ посѣщавшій и православныя церкви, и католическіе костелы, и протестантскія кирки, и раскольничьи молельни всѣхъ толковъ, былъ неуловимъ, хотя и внималъ рѣчамъ Фотія съ набожнымъ умиленіемъ. Наконецъ, было устроено въ салонѣ гр. Орловой свиданіе при еще болѣе торжественной обстановкѣ, чѣмъ съ Магницкимъ: былъ поставленъ аналой, а на немъ положены крестъ и евангеліе. Когда князь вошелъ и хотѣлъ подойти подъ благословеніе, Фотій сказалъ ему:

— Въ книгѣ «Таинство креста», подъ надзоромъ твоимъ, напечатано: «духовенство есть звѣрь», т. е. антихристовъ помощникъ, а я, Фотій, изъ числа духовенства, іерей Божій, то благословлять тебя не хочу, да и тебѣ не нужно то».

— Неужели за сіе одно? возразилъ князь.

— И за покровительство сектъ, лжепророковъ, и за участіе въ возмущеніи противъ церкви съ Геснеромъ, и вотъ на нихъ съ тобою сбудутся слова Іереміи... Прочти и покайся!..

Князь сперва отвѣчалъ ему хладнокровно, что онъ дѣйствуетъ по волѣ государя, и что теперь, зайдя такъ далеко, поздно уже возвращаться назадъ, но Фотій грознымъ голосомъ возразилъ ему:

— Поди къ царю, стань передъ нимъ на колѣни и скажи, что ты виноватъ, самъ дѣлалъ худо и его вводилъ въ заблужденіе.

Тогда князь разсердился и спросилъ у него: какое право имѣетъ онъ говорить ему такимъ повелительнымъ голосомъ?

— Право служителя алтаря Божія, отвѣчалъ ему Фотій:— могущаго, въ случаѣ упорнаго пребыванія твоего въ злочестіи, предать тебя проклятію!

Князь послѣ этихъ словъ окончательно вышелъ изъ себя и сказавъ Фотію:—«Увидимъ, кто изъ насъ кого преодолѣетъ!»— съ великимъ смущеніемъ побѣжалъ изъ горницы.

Фотій вслѣдъ ему кричалъ громко:—«Анаѳема, да будешь ты проклятъ!»

Вслѣдъ за этимъ Фотій подробно описалъ всю эту сцену со всѣми произнесенными во время ея словами, запечаталъ письмо свое и послалъ съ надписью: въ собственныя его величества руки. Вскорѣ государь позвалъ его къ себѣ, и хотя сначала выговаривалъ ему съ гнѣвомъ за такой поступокъ, находя его нетолько неприличнымъ, но даже и несообразнымъ съ христіан-

скою кротостію, однакожъ, по долгомъ съ нимъ бесѣдованіи, отпустилъ его безъ гнѣва [1].

Эта мягкость, съ которою государь отнесся къ дерзкому поступку Фотія съ бывшимъ любимцемъ царя, послужила партіи православнаго духовенства сигналомъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Поводъ къ этому не замедлилъ представиться. Въ это время пріѣхали въ Россію два католическіе священника, Линдль и Госнеръ. «Оба они, по словамъ Н. И. Греча [2], не отрекаясь отъ католицизма, проповѣдывали какой-то мистическій протестантизмъ, говорили южно-нѣмецкимъ нарѣчіемъ, прямо, грубо, съ убѣжденіемъ и краснорѣчіемъ проповѣдниковъ среднихъ вѣковъ. Виндль проповѣдывалъ въ Мальтійской церкви, а Геснеръ въ Екатерининскомъ костелѣ на Невскомъ проспектѣ. Католики видѣли въ этихъ проповѣдникахъ предателей и еретиковъ и проклинали ихъ. Слушателями ихъ были отчасти вѣрующіе и убѣжденные, но не находившіе достойной духовной пищи въ поученіяхъ пасторовъ протестантскихъ и православныхъ священниковъ, но бо̀льшая часть ихъ ходила на эти поученія изъ угодливости покровителю ихъ Голицыну. Магницкій, Руничъ, Кавелинъ, Поповъ, Пезаровіусъ (основатель Инвалида), Ливенъ (князь Карлъ Андреевичъ), Адеркасъ, директоръ петровской школы Шубертъ, Сѣровъ и т. д. окружали ихъ каѳедры, выворачивали глаза, вздыхали, плакали, становились на колѣни».

Между прочимъ Геснеръ издалъ книгу «Geist des Lebens und der Lehre Jesu Christi in Betrachtungen und Bemerkungen uber das ganze Neue-Testament. Erster Band. Matthäus und Marcus». Книгу эту одобрилъ къ печатанію К. К. Фонъ-Поль, который, по нелишенному остроумія предположенію Греча, долженъ былъ цензуровать ее не иначе, какъ стоя на колѣняхъ. Печаталась же книга въ типографіи Края. Мистики не замедлили ухватиться обоими руками за это твореніе любимаго ими проповѣдника и вознамѣрились перевести его на русскій языкъ. За это дѣло принялся отставной инженеръ генералъ-майоръ Александръ Максимовичъ Брискорнъ, но по своему мало-граматству не могъ сладить съ переводомъ. Тогда онъ нанялъ бывшаго профессора казанскаго университета Яковкина и чиновника Трескинскаго. По окончаніи перевода перваго тома, Брискорнъ принесъ рукопись П. Хр. Безаку (двоюродному брату Греча и компаньону его по типографіи). Безакъ изъ угодливости къ партіи кн. Голицына и въ видахъ типографскихъ барышей взялся печатать книгу, но, взглянувъ на переводъ, пришелъ въ

---

[1] Сочиненіе Шишкова, Berlin 1870 г. т. II стр. 246.

[2] Изъ записокъ Н. И. Греча «Р. Арх.» 1868, стр. 1403—13.

ужасъ: не было ни смыслу, ни толку. Надлежало все исправить. Гречъ принужденъ былъ принять участіе въ этой адской работѣ. Цѣлые дни, по словамъ его, проходили у него съ братомъ въ исправленіи корректуръ. Въ концѣ 1823 г., Брискорнъ умеръ. Тогда Геснеръ принялъ на себя продолженіе изданія. В. М. Поповъ взялся кончить переводъ и перевелъ нѣсколько главъ.

Вотъ эта-то книга Геснера и послужила партіи православнаго духовенства поводомъ къ нанесенію рѣшительнаго удара мистикамъ. Они рѣшились составить противъ мистиковъ актъ обвиненія на основаніи этой книги, ранѣе выхода ея въ свѣтъ. Для этого нужно было достать изъ типографіи Греча если не всю книгу, то хоть нѣсколько корректуръ. Опытный въ веденіи интригъ Магницкій взялся за это трудное дѣло. Онъ развѣдалъ, что умирающій Брискорнъ давалъ корректуру книги для прочтенія доктору своему Хр. Як. Витту. И вотъ по наущенію Магницкаго какой-то чиновникъ Степановъ захворалъ притворно и пригласилъ къ себѣ этого самаго Витта.—«Страждy, сказалъ онъ ему:—не тѣломъ, а душою, меня давятъ тяжкіе грѣхи. Только духовная пища утолитъ меня. Вотъ еслибы я могъ прочитать хоть строчку святого мужа Геснера, я непремѣнно бы выздоровѣлъ!» Витту, конечно, ничего не стоило добыть листки отъ Брискорна и передать ихъ своему паціенту, который тотчасъ же передалъ ихъ Магницкому. Заручившись такимъ документомъ, заговорщики немедля обратились къ митрополиту Серафиму и убѣдили его ѣхать во дворецъ и лично представить государю, какая опасность угрожаетъ церкви отъ подобныхъ книгъ. Нарочно было избрано непринятое для подобныхъ аудіенцій время—6 часовъ вечера, чтобы необычайностью самаго посѣщенія встревожить императора. Явившись къ государю, митрополитъ упалъ къ ногамъ его и требовалъ удаленія кн. Голицына, котораго управленіе, по его словамъ, колеблетъ православную церковь.

Такая сцена не могла не подѣйствовать. Государь старался успокоить пр. Серафима, сказалъ, что обратитъ вниманіе на его жалобу и если найдетъ дѣйствія министра ошибочными, устранитъ его отъ правленія ввѣренными ему частями. Замѣчательно, что Магницкій во время всей этой аудіенціи стоялъ возлѣ дворца въ толпѣ народа, окружавшаго карету митрополита, для того чтобы увидѣть, радостное или печальное лицо будетъ у пр. Серафима по выходѣ изъ дворца, и поэтому судить объ успѣхѣ или неуспѣхѣ аудіенціи. Убѣдившись такимъ образомъ, что аудіенція удалась, Магницкій тотчасъ же вслѣдъ за пр. Серафимомъ полетѣлъ въ лавру поздравить его съ успѣхомъ и распросить, какъ и что было.

Отпечатанные листы книги Геснера по распоряженію гр. Милорадовича были тотчасъ конфискованы въ типографіи Греча. Цензоръ Бируковъ, одобрившій книгу, въ ужасѣ прилетѣлъ къ Гречу и настойчиво требовалъ отъ него возвращенія цензурной рукописи. Но Гречъ нетолько рукописи этой не отдалъ Бирукову, но тщательно прошнуровалъ ее и представилъ гр. Милорадовичу. Вслѣдъ за тѣмъ кн. Голицынъ немедленно подалъ въ отставку и отставка его была принята, при чемъ ему поручено было новое назначеніе—главно-управляющаго почтовымъ департаментомъ съ оставленіемъ за нимъ званія члена государственнаго совѣта. Соединенное же министерство снова было раздѣлено на свои составныя части, причемъ министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ адмиралъ Шишковъ, духовныя дѣла отошли въ вѣдѣніе оберъ-прокурора св. Синода князя Мещерскаго, а дѣла иностранныхъ исповѣданій сосредоточены въ одинъ особый демартаментъ, причисленный къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

XXXVII.

До какой степени тяжелъ и невыносимъ былъ цензурный гнетъ министерства кн. Голицына, можно судить но тому, что назначенію даже такого всѣмъ извѣстнаго реакціонера, какъ адмиралъ Шишковъ многіе благодушные оптимисты радовались, видя въ этомъ поворотъ къ болѣе либеральной политикѣ и къ ослабленію цензурнаго гнета. Пушкинъ въ своемъ письмѣ къ Вяземскому (14-го іюня) выразилъ даже опасеніе, чтобы либерализмъ новаго министерства не угасилъ того духа оппозиціи и всеобщаго недовольства, какой развивался въ обществѣ. «Хотѣлось мнѣ съ тобою поговорить о перемѣнѣ министерства, писалъ онъ:—что ты объ этомъ думаешь? Я и радъ, и нѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Оппозиція русская, составившаяся, благодаря русскому Богу, изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣніе, которое я исподтишка поддразнивалъ, ожидая чего-нибудь. А теперь, какъ позволяютъ №№ говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдутъ врать своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ».

Но Пушкинъ глубоко заблуждался въ этихъ своихъ вольнодумческихъ опасеніяхъ. Та борьба двухъ партій, какую мы ви-

дѣли въ предъидущихъ главахъ, была борьбою не какихъ-либо политическихъ принциповъ, а чисто религіозныхъ, и побѣдившая партія отличалась не меньшимъ, если еще не большимъ фанатизмомъ въ своихъ реакціонныхъ стремленіяхъ. Въ тоже время новый глава министерства, Шишковъ, представлялся нетолько реакціонеромъ въ чисто политическомъ смыслѣ, но былъ проникнутъ особеннымъ, только ему одному свойственнымъ духомъ старовѣрства и поклоненія допетровской старинѣ, напоминавшимъ позднѣйшихъ славянофиловъ, и сверхъ того это былъ педантъ, помѣшавшійся на чистотѣ русскаго языка и отвергавшій всю послѣдующую русскую литературу, начиная съ ненавистнаго ему Карамзина. Чего можно было ожидать отъ него по отношенію къ свободѣ прессы, это можно себѣ ясно представить по двумъ запискамъ его, представленнымъ имъ въ разныя времена правительству (въ государственный совѣтъ и въ комитетъ министровъ), гдѣ онъ высказываетъ свои мнѣнія именно о томъ, какова должна быть цензура.

Первую записку онъ представилъ въ государственный совѣтъ въ 1815 году, во время вышеизложеннаго спора между министрами народнаго просвѣщенія и полиціи о границахъ цензурной власти обоихъ министерствъ. Вотъ что пишетъ онъ между прочимъ въ этой запискѣ:

«Прошедшій вѣкъ, названный просвѣщеннымъ и философскимъ, усыпя бдѣніе правительствъ, породилъ и возлелеялъ духъ безбожія и злонравія, сей духъ истребленіемъ и убійствами дышащій, отъ котораго потрясаются правительства, потухаетъ свѣтъ вѣры, умолкаетъ законъ, гибнетъ власть, водворяется, свирѣпствуетъ шумное буйство, и добродѣтель, труды, науки, художества утопаютъ въ потокахъ крови. Таковы суть слѣдствія, рождающіяся отъ дремоты правительствъ смотрѣть за нравами! Франція, поколебавъ умы и спокойствіе всей Европы, показала и показываетъ еще столь явный и громкій тому примѣръ, что кажется слѣпому должно видѣть и глухому слышать оный. Языкъ ея, содѣлавшійся по несчастію общимъ, способствовалъ сему подъ именемъ любомудрія, образованія, вкуса, просвѣщенія, возникшему въ ней злу скитаться изъ страны въ страну, изъ дома въ домъ, изъ училища въ училище, изъ журнала въ журналъ, съ театра на театръ, и сперва скрытно, а потомъ и явно учить, заражать, ослѣплять, развращать юношество, съ тою адскою надеждою, что оно, возмужавъ и напитавшись заблужденіями, станетъ сообщать ихъ изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе»...

«Но такъ какъ явно проповѣдывать всѣ эти ужасныя вещи

злодѣямъ было трудно, то они изобрѣли особенный ученый языкъ съ массою хитроумныхъ терминовъ, съ цѣлью замаскировать такимъ образомъ зловредность своихъ ученій. «Но какъ, говоритъ Шишковъ:—языкъ есть первѣйшая вещь, просвѣщающая умъ и раскрывающая понятіе, то, дабы не открылъ онъ нелѣпости ихъ мыслей, придумали они подъ видомъ старанія о изящности и чистотѣ языка, спутать его темнотою и невразумительностью словъ, дабы читатель больше вѣрилъ и удивлялся, нежели понималъ. Всѣми сими способами достигли они до своего желанія, и такъ хорошо умѣли укоренить свою мысль, что даже и въ нынѣшнее время, послѣ ужасныхъ плодовъ, принесенныхъ развратными писаніями, тотъ же крикъ не умолкаетъ. Тѣ-жъ поборники, подъ именемъ новыхъ наукъ, новаго ума, новаго просвѣщенія, новыхъ правилъ чести и добродѣтели, тщатся поддерживать сіе средство, столь надежное къ искорененію добрыхъ нравовъ, и которое успѣло уже такъ широко распространиться и такую взять силу, что едва ли самая строгая мѣра и самое проницательное око дерзость его удерживать и пронырство его предусматривать могутъ...»

Далѣе Шишковъ дѣлаетъ длинный родъ выписокъ изъ различныхъ учебныхъ книгъ и затѣмъ говоритъ: я не смѣю вниманіе Государственнаго Совѣта обременять дальнѣйшими еще выписками, но довольно уже и сихъ, дабы вопросить: какимъ свѣтомъ озарится умъ юноши, когда онъ, прочитавъ сіе, или затвердя наизусть, станетъ, ничего не понимая, самъ себѣ говорить: *я есмь собственное мое существо, остающееся въ представленіи тѣмъ же, и называемое особою или душою?* На полезное ли употребитъ онъ драгоцѣнное время свое, когда въ классѣ философіи станетъ слушать произносимое съ важностью отъ учителя толкованіе тому, чему давно уже онъ отъ рѣзвыхъ товарищей своихъ научился, что *щекотаніе есть ощущеніе, рождающее смѣхъ, и подобное ощущенію тренія и зуда?* Какая добродѣтель вкоренится въ сердце его, или какой должности своей научится онъ отъ всѣхъ *чувствованій, игръ удовольствія пріятныхъ и непріятныхъ, сильнѣйшихъ и слабѣйшихъ, имѣющихъ вліяніе одно на другое, отчасти или совершенно уничтожающихся, и производящихъ горькое удовольствіе и сладкое неудовольствіе?* Наука ли это? Въ томъ ли состоитъ любомудріе и просвѣщеніе, чтобъ не разумѣть самого себя? Сей ли темный и непонятный языкъ откроетъ намъ силу языка? Но взглянемъ еще хотя мимоходомъ на хитрую науку, называемую эстетикою или наукою вкуса, которой не знали ни Гомеры, ни Виргиліи, ни Расины, и которой мы нынѣ научась, не знаемъ ни Гомеровъ, ни Виргиліевъ, ни

*

Расиновъ. Воспаленныя нѣмецкія головы, смѣшавъ нѣкоторыя блестки ума съ совершеннымъ бредомъ, произвели ее на свѣтъ. Мы у нихъ переняли и наполняемъ сею горячкою, лишающею всякого здраваго смысла и разсудка, невинное воображеніе несчастныхъ юношей. Возьмемъ изъ нея сколько-нибудь мѣстъ. Что такое—*природа вразумительна одному только гармонически образованному духу?* Что такое: — *гармонически образованный духъ есть такой духъ, коего всѣ силы и способности въ цѣломъ составѣ своемъ приспособлены къ постоянной стройности природы и имѣютъ съ нею согласіе.* Что такое — *шествовать эмпирическимъ путемъ?* и т. д.

И вотъ въ силу всѣхъ тѣхъ соображеній, Шишковъ находитъ, что существующая цензура совершенно недостаточна для того, чтобы слѣдить за всѣми этими злодѣйскими ухищреніями и предлагаетъ особеннаго рода двухъярусную цензуру, которая, не принадлежа исключительно ни одному министерству, представляла бы собою особенное и самостоятельное государственное учрежденіе и состояло изъ двухъ комитетовъ, нижняго и верхняго: нижній — составлялся бы изъ людей избранныхъ, возмужалыхъ, добронравныхъ, ученыхъ, знающихъ языкъ и словесность и раздѣлялся бы на разные отдѣлы, смотря потому, на сколько родовъ раздѣлены будутъ книги, поступающія въ цензуру, а верхній комитетъ, управляющій всѣми отдѣлами нижняго, сосоялъ бы изъ четырехъ особъ: министра просвѣщенія, министра полиціи, оберъ-прокурора св. Синода и изъ президента Академіи наукъ.

Вторая записка была подана въ комитетъ министровъ въ 1823 году, по поводу дѣла о профессорахъ петербургскаго университета. Дѣло это дало возможность Шишкову вновь подтвердить свои мысли, развитыя въ первой запискѣ, о необходимости устройства такого рода цензуры, ни чрезмѣрно строгой, ни слабой, вполнѣ самостоятельной и компетентной, которая главное вниманіе обращала бы на языкъ. «Я сказалъ, пишетъ онъ:—что цензура должна быть ни слабая, ни строгая, но къ сему должно еще присовокупить: *разумѣющая силу языка*; ибо безъ сего она будетъ препятствовать успѣхамъ просвѣщенія, а иногда и сама, черезъ поправленіе того, что само по себѣ было невинно, сдѣлаетъ оное виновнымъ. Нужно ли показать тому изъ многихъ хотя одинъ примѣръ? Въ нѣкоторомъ журналѣ, въ стихахъ, подъ названіемъ *Земная грусть* [1], сочинитель пишетъ:

Ты мнѣ твердишь, что я скучаю жизнью;
Земная жизнь—не жизнь!

[1] Здѣсь идетъ дѣло о «Земной грусти» Ѳ. Глинки, а цензоръ, исправлявшій ее, былъ все тотъ же пресловутый Бируковъ.

О дай мнѣ, другъ, дай крылья серафима!
Мнѣ грустно на землѣ.

цензоръ не пропустилъ и вычернилъ слово *серафима*. Можно ли такимъ образомъ стѣснять писателей? Какая бѣда просить крылья серафима, чтобы возлетѣть на небеса? Да на какихъ же иныхъ крыльяхъ можно туда вознестись? Всѣ народы на всѣхъ языкахъ говорятъ и пишутъ о прекрасныхъ женщинахъ или благонравныхъ мужчинахъ: *какой ангелъ! какой у него ангельскій нравъ!* и проч. Ежели не позволять сего писать, такъ надобно всѣ книги сжечь и всякому запереть уста. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, дѣло идетъ объ одной словесности; но покажемъ изъ тѣхъ же стиховъ еще примѣръ несравненно чуднѣйшій. Сочинитель говоритъ:

Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ? Что въ мірѣ,
Гдѣ смерть и рокъ цари?

Цензоръ вымаралъ слово рокъ и сіи два стиха напечатаны такъ:

Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ? Что въ мірѣ,
Гдѣ смерть и—цари?

Теперь посмотримъ смыслъ двухъ прежнихъ непропущенныхъ цензоромъ, и двухъ послѣднихъ испорченныхъ и пропущенныхъ имъ стиховъ: сочинитель жалуется на здѣшній міръ, говоря, что въ немъ всѣ наши радости кратковременныя, и что въ немъ *смерть и рокъ цари*, то есть царствуетъ рокъ и смерть. Мысль обыкновенная въ грусти и печали. Цензоръ, не пропустя нужнаго слова, принудилъ его опорочивать міръ тѣмъ, что въ немъ господствуютъ два зла: *смерть и — цари*! мысль самая оскорбительная для царей, поелику владычество ихъ уподобляется владычеству смерти. Я увѣренъ, что цензоръ сдѣлалъ сіе не съ умыслу, но отъ излишней строгости, отъ боязни, соединенной съ неразумѣніемъ силы языка [1]. Между тѣмъ, какъ говоритъ пословица: *написаннаго перомъ не вырубишь топоромъ*, оно пошло читаться всѣми, и можетъ столько же быть вредно, какъ бы и съ умыслу было сказано. Одинъ сей примѣръ показываетъ, что не довольно имѣть строгую цензуру, надобно чтобъ она была умная и осторожная. Что-жъ принадлежитъ до слабой и такъ сказать съ *завязанными глазами* цензуры, какая у насъ по сіе время была и есть, то ясно и несомнѣнно доказываютъ выписки изъ печатныхъ и учебныхъ книгъ, какъ въ моемъ мнѣніи, за семь лѣтъ тому назадъ показанныя, такъ и нынѣ изъ записокъ профессоровъ извлеченныя». [2]

---

[1] «Цензоры во всѣ времена были у насъ большею частью хýды; то-есть недовольно свѣдущи въ словесности. Я помню, давно уже, что одинъ изъ нихъ не хотѣлъ пропустить выраженія *нагая истина*, сказывая, что *истина* женскаго рода, и потому непристойно ей выходить къ свѣтъ *нагою*». Прим. Шишкова.

[2] Сочин. Шишкова, т. II, стр, 43—53, 141, 146.

Всѣ эти извлеченія даютъ вамъ ясное понятіе, чего можно было ждать по отношенію къ цензурѣ отъ новаго министра. Правда, онъ считалъ излишнимъ тотъ нелѣпый пуризмъ, въ который впала цензура при кн. Голицынѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даже и эта цензура, перешедшая повидимому всѣ границы строгости, казалась ему все-таки слабою и съ завязанными глазами, и въ то же время онъ желалъ педантически обратить ее на сохраненіе чистоты и ясности языка.

Не прежде чѣмъ обратиться къ какимъ-либо положительнымъ реформамъ цензуры въ духѣ своей программы, новому министерству предстоялъ рядъ отрицательныхъ мѣръ. Не надо забывать, что это было министерство побѣдившей партіи, и естественно, что первое дѣло его заключалось въ томъ, чтобы принудить низвергнутыхъ мистиковъ вскричать обычное «горе побѣжденнымъ»! Шишковъ не заставилъ себя долго ждать въ этомъ отношеніи.

Мы видѣли выше, что книга Геснера, послужившая поводомъ къ перемѣнѣ министерства, была конфискована, но этого было мало. Главный виновникъ ея, пасторъ Геснеръ, былъ немедленно же высланъ изъ Россіи. Цензора фонъ-Поль и Бируковъ, типографщики Край и Гречъ, переводчики Яковкинъ, Трескинскій и директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія Поповъ — были преданы суду. Комитетъ министровъ поручилъ Шишкову и министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому разсмотрѣть печатный переводъ Геснеровой книги. Вслѣдствіе этого порученія Шишковъ написалъ подробный разборъ книги, который былъ читанъ въ комитетѣ министровъ 20-мая 1824 года. Чтобы читатели могли составить себѣ понятіе, что это былъ за разборъ, достаточно будетъ нижеслѣдующей выдержки изъ него:

«По внимательномъ разсмотрѣніи сей книги, говоритъ Шишковъ:—оказывается, что въ толкованіи Евангельскихъ текстовъ вездѣ, подъ видомъ наставленія въ вѣрѣ, внушаются противныя ей правила, основанныя на ложныхъ умствованіяхъ, смѣшанныхъ однакожь съ истинами, и скрытыхъ подъ оными, дабы сею хитростію омрачить умъ читателя или слушателя, и понемногу отводить его отъ вѣры своей, отъ должности мирнаго гражданина, и отъ всѣхъ обязанностей къ небесному и земному царю. Изъ разсмотрѣнія всей книги можно бы ясно сіе вывесть, но для убѣжденія себя въ томъ довольно и того, чтобъ токмо нѣкоторыя мѣста изъ оной выписать.

«Подъ словами: *Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля* (гл. I. стр. 4), сказано: Въ семъ родословіи встрѣчается столь много именъ извѣстныхъ и великихъ

грѣшниковъ, ибо и большая часть царей были люди злые, что и въ самомъ началѣ исторіи Іисуса исполнилось пророчество: онъ сопричтенъ будетъ къ преступникамъ». Неизвѣстно откολѣ сіе пророчество почерпнуто; есть ли изъ словъ: *со беззаконными вмѣнися*, то сіе сказано не о родословіи Христовомъ, но объ осужденіи Его на крестную смерть и распятіе между двумя разбойниками. И такъ вотъ уже при самомъ началѣ, безъ всякой нужды, бросается нѣкоторая чернота на имена царей, и притомъ съ немалымъ отъ себя прибавленіемъ и увеличеніемъ, ибо, на стр. 6, возобновляетъ говорить о томъ же: «здѣсь наименованы по порядку всѣ прародители Іисуса, по истинѣ не ради заслугъ своихъ; ибо они почти всѣ, исключая двухъ или трехъ, не были достойны имѣть такого потомка».

«По приведеніи текста (стр. II): *Іосифъ же мужъ ея праведенъ сый, и не хоте ее обличити, восхотѣ тай пустити ю*, сочинитель разсуждаетъ: благочестивый мужъ не хотѣлъ ни увеличивать, ни уменьшать сего обстоятельства, а желалъ прикрыть *«проступки* ближняго покровомъ любви, и лучше уступить нѣсколько своего права. Онъ могъ бы ясно ее обличить, какъ въ другихъ случаяхъ требовала бы того и строгость правосудія; но онъ не хотѣлъ также оставлять у себя, поелику не былъ довольно увѣренъ въ ея невинности». Іосифъ могъ такъ думать, не будучи еще извѣщенъ отъ ангела; но почему проповѣдникъ извѣстный уже о семъ, называетъ это *проступкомъ*, и по какой пристойности говоритъ, что Іосифъ желалъ лучше *уступить нѣсколько своего права?* Что такое въ семъ случаѣ *уступить нѣсколько?* Какую иную мысль могутъ порождать слова сіи, какъ не ту, что раздѣлить право свое съ другимъ? И эту развратную, нечестивую мысль, почерпаетъ проповѣдникъ изъ священнаго текста и сообщаетъ ее своимъ слушателямъ и читателямъ! Онъ даже даетъ мужьямъ совѣтъ терпѣть невѣрность женъ своихъ, продолжая дѣлать слѣдующія, едва ли и въ романахъ позволительныя разсужденія: «истинная любовь умѣетъ находить средину между ревностью и нечувствительностью. Праведный умѣетъ сохранить свою честь, не посягая на честь ближняго чрезъ открытіе его проступковъ. Легковѣріе и ложное рвеніе къ соблюденію закона, часто нарушаютъ самый законъ, когда обращаютъ вниманіе только на мщеніе и строгость, допускаемыя, какъ кажется, закономъ. Но благоразумная любовь и истинное благочестіе умѣютъ находить кротость въ законѣ, не принуждающемъ никого быть доносителемъ на свою супругу».

Послѣ цѣлаго ряда подобныхъ выписокъ и замѣчаній, Шишковъ говоритъ:

«Сколько ни станемъ мы разсматривать сію книгу, нигдѣ не найдемъ въ ней ничего евангельскаго, ничего нравоучительнаго, но вездѣ твердится только злоязычная хула и поруганіе всему тому, что мы почитать привыкли. Такъ, на страницѣ 50, учитъ онъ своего слушателя:—«Старую дорогу долженъ ты оставить навсегда и на вѣки, если не хочешь попасть въ руки Ироду, книжникамъ и первосвященникамъ, кои Христа или умерщвляютъ, или опровергаютъ, или предаютъ проклятію.» (Дерзкая и безстыдная ложь! Когда и гдѣ первосвященники предаютъ Христа проклятію?) Такъ, на стр. 52, говоритъ: «кто Его (Христа) любитъ, тотъ не захочетъ нигдѣ быть въ нѣгѣ, и къ мѣсту не прилѣпляется такъ, чтобы не быть готовымъ, ради Христа, вырваться изъ объятій нѣжнѣйшихъ своихъ друзей и послѣдовать обязанности своего званія и исполненію дѣла Божія. Христіанинъ не желаетъ имѣть инаго отечества, кромѣ обширнаго шара земного, принадлежащаго Господу». Не разврату ли, не сущему ли разрушенію всѣхъ добродѣтелей учитъ насъ здѣсь проповѣдникъ? Священное писаніе говоритъ вамъ: *не любя своего ближняго*, ты *не станешь любить Бога;* а проповѣдникъ велитъ намъ вырываться изъ объятій нѣжнѣйшихъ друзей нашихъ, не велитъ имѣть отечества, слѣдовательно, ни алтаря, ни государя, ни отца, ни брата, и, потушая въ насъ любовь ко всему священнѣйшему, называетъ это *обязанностью нашего званія и исполненіемъ дѣла Божія!* Перо падаетъ изъ рукъ моихъ, гнушаясь описывать столь пагубныя и злочестивыя внушенія!»

Не ограничиваясь этимъ разборомъ, Шишковъ во все продолженіе процесса по книгѣ Геснера, принималъ въ немъ самое горячее участіе. Онъ не переставалъ писать обвинительныя письма, особенно противъ Попова—и Аракчееву, и императору Александру, читалъ обвинительную рѣчь въ государственномъ совѣтѣ, куда дѣло это поступило по разсмотрѣніи его Сенатомъ; наконецъ, по вступленіи на престолъ Николая I, онъ не замедлилъ и къ нему обратиться съ длиннымъ обвинительнымъ письмомъ, желая обратить особенное вниманіе его на это дѣло. Письмо это, между прочимъ, особенно любопытно тѣмъ, что оно раскрываетъ намъ, какъ великъ былъ террор, обрушившійся на мистиковъ тотчасъ по сверженіи кн. Голицына. «Геснеръ, пишетъ Шишковъ: сверхъ сего, по изгнаніи его, прислалъ тайнымъ образомъ сюда нѣсколько экземпляровъ пѣсни съ нотами, въ которой вообще всякую христіанскую церковь и всѣхъ вѣрующихъ въ нее именуетъ *шальмъ осиротѣвшимъ безъ него стадомъ*, увѣщеваетъ ихъ не унывать, быть вѣрными ему, обѣщаетъ скоро возвратиться къ нимъ и увѣряетъ ихъ, что уже тогда *никакая*

дьявольская сила не посмѣетъ его выгнать. Пѣсни сей болѣе сорока экземпляровъ перехвачены были оберъ-полицеймейстеромъ и представлены покойному государю. По изгнанiи Геснера, сектаторы его остались здѣсь и производили тайныя по домамъ сходбища, которыя открыты, и въ послѣдствiе сего наряжена была комиссiя, состоявшая изъ графа Милорадовича, меня, барона Ребиндера и епископа Сигнеуса. При всѣхъ кроткихъ увѣщанiяхъ, человѣкъ до семидесяти остались упорными въ намѣренiяхъ своихъ, не хотѣли даже обѣщать, чтобъ не дѣлать болѣе тайныхъ сборищъ, такъ что, по причинѣ сего ничѣмъ непреодолимаго упорства, принуждены мы были осудить ихъ къ разосланiю и заточенiю по разнымъ крѣпостямъ».

Письмо это, однако, никакого успѣха не имѣло и дѣло Геснера было рѣшено въ 1828 году оправданiемъ всѣхъ подсудимыхъ.

Одновременно съ преданiемъ суду всѣхъ участниковъ въ переводѣ книги Геснера, Шишковъ съ такою же энергiею приступилъ къ уничтоженiю Библейскаго общества, этого излюбленнаго дѣтища мистиковъ и главнаго орудiя ихъ дѣятельности. Съ паденiемъ кн. Голицына, Библiйское общество и безъ того уже висѣло на волоскѣ; довольно того, что вмѣсто кн. Голицына предсѣдателемъ его былъ назначенъ злѣйшiй врагъ общества, митрополитъ Серафимъ. Оставалось нанести ему послѣднiй ударъ, и Шишковъ не замедлилъ совершить это.

Началъ онъ это дѣло, по своему обыкновенiю, письмами къ гр. Аракчееву. Такъ 13 сентября 1824 г., онъ препроводилъ къ Аракчееву два №№ «Московскихъ Вѣдомостей» и вотъ что писалъ онъ по ихъ поводу: «препровождаю къ вашему сiятельству «Московскiя Вѣдомости», въ которыхъ изволите увидѣть, подъ статьею: *Москва, 27 августа*, выписку изъ журнала засѣданiя московскаго комитета Библейскаго общества, гдѣ успѣхи онаго превозносятся, и въ слѣдъ за сею статьею возвѣщается о церковныхъ книгахъ, продаваемыхъ отъ библейскаго общества *на славянскомъ, одномъ русскомъ и славяно-русскомъ языкѣ*. Дѣлаются воззванiя о семъ; и въ противность всякаго понятiя о старообрядцахъ, не терпящихъ ни малѣйшаго измѣненiя въ библейскихъ текстахъ, возглашается, что они съ радостью раскупаютъ и читаютъ Новый Завѣтъ *на русскомъ языкѣ*, и сей языкъ, какъ будто бы нѣкiй особый, названъ *ихъ природнымъ!* Таковая преимущественная предъ настоящими христiанами похвала *старообрядцамъ*, то-есть раскольникамъ, и увѣренiе, что русскiй языкъ имъ особенно природенъ, есть явная и совершенная ложь, очевидно, для того только проповѣдываемая, чтобъ возвысить рас-

колы и уничтожить тотъ языкъ, на которомъ въ церквахъ производится служба и читается Евангеліе. Сіи статьи печатаются въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», спустя три мѣсяца послѣ перемѣны министерства народнаго просвѣщенія, и тогда, когда въ Петербургѣ ничего о библейскихъ обществахъ не упоминается. Возможно ли Московскому Архіепископу [1] не знать о сихъ распоряженіяхъ, и безъ особаго намѣренія допускать до подобнаго обнародованія статей, прежній духъ и прежнее стремленіе къ потрясенію общаго спокойствія обнаруживающихъ? Но сего еще мало. На второмъ приложенномъ при семъ листкѣ «Московскихъ Вѣдомостей», ваше сіятельство усмотрите публичную продажу книгъ, изъ которыхъ главную часть, яко противныхъ всякой христіанской вѣрѣ и возмутительныхъ противъ правительствъ, надлежало бы истребить. Нѣкоторыя изъ нихъ были уже запрещены, но опять появились. Такъ пронырливое злонамѣреніе будетъ всегда стараться возставать и вновь усиливаться, естьли твердою рукою отъ покушеній своихъ не удержится! Мнѣ поручено министерство просвѣщенія; но какое просвѣщеніе можетъ быть тамъ, гдѣ колеблется вѣра? Естьли библейскія общества будутъ попрежнему существовать и, проповѣдуя пользу и распространеніе въ христіанскомъ государствѣ христіанства, въ самомъ дѣлѣ умножать токмо ереси и расколы; естьли церковныя книги, для того, чтобъ уронить важность ихъ, будутъ съ высокаго языка, сдѣлавшагося для насъ священнымъ, переводиться невѣдомо кѣмъ, и какъ на простонародный языкъ, какимъ говоримъ мы между собою, и на театрѣ; естьли, при распространеніи таковыхъ переводовъ (развѣ для того токмо нужныхъ, чтобъ со временемъ не разумѣть церковной службы, или чтобъ и обѣдни служить на томъ языкѣ, на какомъ пишутся комедіи), еще сверхъ того съ иностранныхъ языковъ, вмѣсто нашихъ молитвъ и Евангельскихъ нравоученій, переводиться будутъ такъ называемыя духовно-философическія и революціонныя книги; естьли, говорю, все это продолжаться будетъ по прежнему, то я министромъ просвѣщенія быть не гожусь; ибо по моему образу мыслей, просвѣщеніе, неоснованное на вѣрѣ и вѣрности къ государю и отечеству, есть мракъ и вредное заблужденіе...» и т. д.

Черезъ шесть дней послѣ этого письма, Шишковъ отправилъ гр. Аракчееву другое подобное, въ которомъ, между прочимъ, доносилъ о вышеупомянутомъ фактѣ присылки изъ-за границы стиховъ Геснера, и фактъ этотъ, въ свою очередь, пріурочивалъ къ зловредному вліянію Библейскаго общества.

---

[1] Здѣсь идетъ рѣчь о Филаретѣ, сторонникѣ и другѣ кн. Голицына и принимавшемъ дѣятельное участіе въ Библейскомъ обществѣ.

Наконецъ, 3-го ноября онъ написалъ Аракчееву третье письмо, въ которомъ доносилъ на ежемѣсячный журналъ Библейскаго общества «Извѣстія о Библейскихъ обществахъ» и на «Краткій Катехизисъ» Филарета, изданный передъ тѣмъ въ восемнадцати тысячахъ экземпляровъ. «Я имѣю причины, писалъ онъ:—просить ваше сіятельство доложить о семъ государю императору и принять неукоснительныя мѣры, чтобъ изданіе первой изъ сихъ книжекъ и разсылки второй теперь, по крайней мѣрѣ, до ближайшаго разсмотрѣнія оной, остановить; ибо естьли же послѣдняя повсюду разойдется, то уже дѣйствія, ею произведеннаго, отвратить будетъ не можно. Не разсуждая уже о нѣкоторыхъ введенныхъ въ нее, не совсѣмъ согласныхъ съ ученіемъ нашей церкви правилахъ, одно только то, что въ ней главнѣйшія молитвы, составляющія духовное наше воспитаніе, и къ которымъ каждый отецъ пріучаетъ едва начинающаго еще лепетать своего сына, молитвы, въ которыхъ каждая буква должна казаться намъ неприкосновенною и священною, молитвы таковыя, какъ *Отче нашъ* и *Вѣрую во единаго Бога,* также и *Заповѣди Господни* переложены на простой языкъ, переиначены, и нарочно, для сильнѣйшаго впечатлѣнія сей важной перемѣны, напечатаны церковными буквами; одно только сіе показываетъ уже, съ какимъ намѣреніемъ тиснуто оной такое огромное количество. Слѣдуя долгу званія моего, надлежало бы мнѣ тотчасъ во всѣ училища разослать приказанія, чтобъ нигдѣ помянутыхъ книжекъ не принимали; но поставленный въ затрудненіе дѣйствовать во благо церкви, государя и отечества, я буду ожидать или разрѣшенія на то, или увольненія меня отъ такова званія, въ которомъ я не могу быть полезенъ, и долженъ, попуская возрастать и усиливаться прежнимъ стараніямъ и работамъ, съ укореніемъ совѣсти моей видѣть себя содѣйствующимъ въ томъ, что, по моимъ понятіемъ, можетъ принести крайній вредъ благочестію, нравамъ, и слѣдовательно, государству и человѣчеству»...

На другой день послѣ этого послѣдняго письма, гр. Аракчеевъ пріѣхалъ къ Шишкову съ извѣстіемъ, что государю угодно, чтобы они вдвоемъ отправились къ митрополиту и объяснились съ нимъ относительно всѣхъ обстоятельствъ, изложенныхъ въ письмахъ Шишкова. И вотъ въ тотъ же день, въ 7 часовъ вечера, Шишковъ съ Аракчеевымъ отправились къ Серафиму, и тамъ произошли у нихъ жаркія пренія съ послѣднимъ. Серафимъ безпрекословно соглашался на уничтоженіе ненавистнаго ему Библейскаго общества, но принялъ подъ свою защиту катехизисъ Филарета, и когда, послѣ различныхъ доводовъ, онъ обратилъ вниманіе на количество изданныхъ экземпляровъ и замѣтилъ: «Да куда-жь намъ дѣваться съ такимъ множествомъ напечатан-

ныхъ книгъ?»—Шишковъ «едва удержался въ предѣлахъ должнаго къ священному сану уваженія», а гр. Аракчеевъ воскликнулъ внѣ себя: «Не о деньгахъ дѣло идетъ; пусть ихъ пропадаютъ, лишь бы остановить и сколько можно отвратить сдѣланное зло». Въ результатѣ всѣхъ этихъ преній было, наконецъ, рѣшено, чтобы библейскія общества закрыть, а краткій катехизисъ Филарета остановить.

По этому поразительному факту вы можете себѣ представить, до какой необузданности можетъ доходить партизанскій фанатизмъ и педантство: въ революціонномъ и чуть-что не атеистическомъ направленіи были заподозрѣны тѣ самыя всѣмъ извѣстныя «Начатки христіанскаго ученія», по которымъ учились сначала наши отцы, а потомъ и мы съ вами! И они даже не избѣгли въ свое время цензурной кары, да еще и какой грозной! Чтобы дать сильнѣе почувствовать побѣжденному врагу, къ «Краткому Катехизису» Шишковъ присоединилъ еще и другое сочиненіе Филарета, именно: «Записки на книгу Бытія»; оно было тоже запрещено и опять-таки подъ тѣмъ же предлогомъ, что не должно излагать текста на общеупотребительномъ языкѣ [1].

Далѣе затѣмъ, конечно, ужь послѣдовало строгое запрещеніе всѣхъ массонскихъ и всякаго рода мистическихъ книгъ. Шишковъ предложилъ членамъ Главнаго правленія училищъ, чтобы они, если усмотрятъ въ духовныхъ книгахъ, напечатанныхъ безъ духовной цензуры, что-либо противное православію, представляли бы ихъ въ правленіе съ своими замѣчаніями, чтобы и другія книги съ подобнымъ направленіемъ были отбираемы изъ библіотекъ учебныхъ заведеній и запечатанныя хранились впредь до особаго предписанія. Затѣмъ Шишковъ отнесся къ Серафиму, препровождая по экземпляру такихъ книгъ, и предложилъ сдѣлать тоже и относительно духовныхъ училищъ. Книги, конфискованныя такимъ образомъ, были слѣдующія: 1) «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова», Спб. 1820 г., 2) «Таинство Креста Іисуса Христа и членовъ его», Спб. 1820 г., 3) «Путь ко Христу», Я. Бема, Спб. 1816 г., 4) «Побѣдная повѣсть или торжество вѣры христіанской», соч. Юнга Штиллинга, 5) «Письма къ другу и завѣщаніе сыну объ орденѣ свободныхъ каменьщиковъ», 6) «Сіонскій Вѣстникъ», 1806, 1817 и 1818 гг., 7) «Краткое разсужденіе о важныхъ предметахъ жизни Христа», Спб. 1821 г., 8) «Сочиненія г-жи Гюйнъ» и пр.

Шишковъ самъ дѣлалъ, при своихъ докладахъ императору, на нѣкоторыя подобнаго рода конфискованныя книги, замѣчанія

[1] Записки о жизни Филарета, Сушкова, стр. 115.

весьма курьёзнаго рода. Такъ, напримѣръ, о книгѣ «Краткій и легчайшій способъ молиться», г-жи Гюйонъ, Шишковъ докладывалъ: «Оставляя всякія другія изъ сей книги выписки, изъ которыхъ ясно бы можно было увидѣть проповѣдываемое ею подъ именемъ вѣры безвѣріе и злочестіе, скажемъ объ одномъ только данномъ ей заглавіи. Можетъ ли что быть страннѣе и неприличнѣе онаго? Обыкновенно говорится: краткій и легчайшій способъ *красить сукна*, или *мочить пеньку*, или дѣлать что-нибудь подобное; но слыхано ли, чтобъ былъ краткій и легчайшій способъ *молиться?* Можно ли молитву уподоблять какому-нибудь ремеслу, къ обученію котораго предлагается *краткій и легчайшій способъ?* Не есть ли это насмѣхаться надъ человѣческими *о молитвѣ* понятіями? И еще просто сказано *молиться*, не говоря кому, Богу или діаволу; ибо можно и сему послѣднему молиться. Нужно ли по одному заглавію разсуждать о сей книгѣ еще далѣе?» О книгѣ «Божественная философія» Шишковъ докладывалъ: «Въ предисловіи говорится о какомъ-то *мученикѣ духа святого*. Можетъ ли быть что безбожнѣе и злочестивѣе сего выраженія? *мученикъ Духа Святаго!* Обыкновенно о человѣкѣ, одержанномъ бѣшенствомъ, или какими-либо иными зловредными страстями, говорится: *дьяволъ мучитъ его;* но чтобъ *Духъ Святой* могъ кого *мучить*, такой злочестивой мысли никому въ голову не входило» и т. д.

Переводы книгъ Св. Писанія на русскій языкъ, изданные Библейскимъ Обществомъ, въ свою очередь запрещались и даже отбирались у частныхъ лицъ. Къ числу такихъ запрещенныхъ книгъ былъ отнесенъ и переводъ Новаго Завѣта, изданный Библейскимъ обществомъ съ двумя параллельными текстами—церковно-славянскимъ и русскимъ. Книга эта была признана вредною нетолько потому, что Шишковъ считалъ неприличнымъ изложеніе Св. Писанія на языкѣ, которымъ говорятъ въ театрѣ, но и сверхъ того по революціонной тенденціи одного мѣста, признанной умышленно злонамѣренною. Дѣйствительно, въ «Первомъ Посланіи къ Коринѳянамъ» ап. Павла, въ гл. VII, стихъ 21 по церковно-славянски значится такъ: «рабъ ли призванъ былъ еси; да не нерадиши: но аще и можеши свободенъ быти, *больше поработи себѣ*». Въ русскомъ же переводѣ стихъ этотъ напечатанъ совершенно въ обратномъ смыслѣ: «рабомъ ли призванъ, не безпокойся; но если можешь сдѣлаться и свободнымъ, *тѣмъ больше и воспользуйся*». Эта діаметральная противоположность смысла славянскаго и русскаго переводовъ обусловливается тѣмъ, что въ греческомъ текстѣ здѣсь употребленъ глаголъ, который можетъ быть переведенъ и такъ, и иначе; совершенно подобно тому, какъ фразцузское слово exploiter можно перевести

словомъ *пользоваться*, или пожалуй, если хотите *порабощать*. Очень возможно, что переводчикъ отступилъ отъ славянскаго перевода не безъ задней мысли, провести либеральную тенденцію. Во всякомъ случаѣ начальство заподозрило въ этомъ явный умыселъ возмутить крестьянъ противъ помѣщиковъ и изданіе было прекращено.

Жертвою всего этого погрома палъ и знаменитый Магницкій. Послѣдніе подвиги его на поприщѣ тартюфства ни мало не помогли ему; напротивъ энергическимъ участіемъ своимъ въ сверженіи кн. Голицына, онъ самъ себѣ вырылъ яму подъ ногами. Несмотря на всю свою готовность служить новому министерству съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ онъ служилъ старому, ему не удалось потушить ненависти Шишкова и расположить его въ свою пользу. Въ началѣ 1826 года была назначена ревизія Казанскаго университета; она была поручена генералъ-маіору П. Ѳ. Желтухину, который приступилъ къ ней 8 февраля 1826 года и съ первыхъ же словъ и дѣйствій обнаружилъ, къ чему эта ревизія клонится. Такъ при представленіи ему въ университетѣ профессоровъ и студентовъ, подойдя къ профессору богословія, протоіерею Нечаеву, Желтухинъ спросилъ его:

— Не фанатически ли вы учите закону Божію?

— Изволите видѣть изъ моихъ лекцій, отвѣчалъ тотъ.

— Какже должно любить Бога? продолжалъ ревизоръ.

— Выше всякаго фанатизма.

При осмотрѣ библіотеки Желтухинъ выразилъ сильное негодованіе по поводу изъятія изъ нея множества книгъ, сдѣлавшихся недоступными для профессоровъ и публики.

— «Какія же это книги? спросилъ онъ биліотекаря адъюнкта Краузе.

— Мерзости Вольтера, какъ la Pucelle, и всѣ негодныя сочиненія его, сквернословія Дидерота и вообще всѣ сочиненія его, отвѣчалъ Краузе.

Желтухинъ возразилъ на это, что все это не что иное, какъ фанатизмъ, что самъ онъ не меньше пяти разъ читалъ la Pucelle съ удовольствіемъ и намѣренъ еще читать ее. Подъ конецъ же разговора съ Краузе, Желтухинъ взялъ изъ шкафа одну изъ запрещенныхъ книгъ, «Confidences philosophiques», и прочитавъ въ ней страницу, нашелъ, что она написана прекрасно, что воздвигать гоненія на произведенія такого рода есть чистый фанатизмъ, что довольно вѣрить во Христа, а все прочее ничего не значитъ.

Затѣмъ ревизія нашла, конечно, массу великихъ безпорядковъ, а главное, на что она указала, это на чрезмѣрную расточительность Магницкаго и безцеремонное отношеніе къ казеннымъ

деньгамъ: оказалось, что въ то время, какъ онъ негодовалъ, что содержаніе университета съ 1805 по 1819 г. стоило 1.641,077 рублей, самъ онъ въ теченіи 7 лѣтъ израходовалъ 1.593.244 р., причемъ въ этотъ періодъ было выпущено изъ университета студентовъ не много болѣе ста человѣкъ, такъ что каждый студентъ обошелся въ 15,000 рублей.

Во время всей этой ревизіи Магницкій предавался мистическимъ галлюцинаціямъ, спалъ на медвѣжьей шубѣ, разостланной на полу, разсказывалъ своимъ приближеннымъ о посѣщеніи его ночью Пресвятой Дѣвой и пр. Высочайшимъ приказомъ 6-го мая 1826 г. онъ былъ уволенъ отъ должностей попечителя Казанскаго округа и члена Главнаго правленія училищъ. На имѣніе его наложено было запрещеніе съ цѣлію покрыть значительные начеты, оказавшіеся на немъ. Послѣ этого онъ влачилъ свою жизнь въ изгнаніи, всѣми забытый, ссылаемый на житье то въ Ревель, то въ Одессу, то въ Херсонь, и не находилъ ни малѣйшаго участія и сочувствія въ окружавшихъ его людяхъ.

XXXVIII.

Въ то время, какъ такимъ образомъ, мистики претерпѣвали рядъ гоненій, смѣщались съ занимаемыхъ имъ должностей, предавались суду, заключались въ крѣпости, и всѣ слѣды ихъ дѣятельности тщательно сглаживались, напротивъ того, возстановлялось все то, что они наиболѣе преслѣдовали въ дни своего господства. Такъ статсъ-секретарь Кикинъ незамедлилъ представить Шишкову единственный оставшійся у него экземпляръ книги Станевича «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души». Шишковъ послалъ этотъ экземпляръ на разсмотрѣніе митрополиту Серафиму, и по полученіи отъ него одобрительнаго отзыва о книгѣ, представилъ государю докладъ о несправедливомъ запрещеніи этой книги; и вотъ 17 ноября 1824 года состоялся высочайшій указъ на имя министра народнаго просвѣщенія, повелѣвавшій книгу Станевича дозволить печатать и продавать. И книга, дѣйствительно, была вновь издана на казенный счетъ съ обозначеніемъ на заглавномъ листѣ ея «по высочайшему повелѣнію».

Точно также и книга «О должностяхъ человѣка и гражданина», изъятая нѣкогда изъ употребленія на томъ основаніи, что «не нужно дѣтямъ читать о должностяхъ человѣка и гражданина, изложенныхъ по философскимъ началамъ, всегда слабымъ», теперь, напротивъ того, была признана весьма полезною для юношества и была вновь введена для чтенія въ народныхъ училищахъ.

Между тѣмъ надъ свѣтскою литературою строгость цензуры со вступленіемъ Шишкова въ министерство, нетолько не уменьшилась, какъ мечтали оптимисты, но напротивъ того увеличилась. Такъ первымъ дѣломъ былъ запрещенъ обычай означать точками мѣста, выкинутыя цензоромъ. Затѣмъ были введены *секретныя* наставленія цензурѣ, и первымъ такимъ наставленіемъ было запрещеніе допускать въ печать «отдѣльные помѣщичьи уставы, непосредственно до управленія крестьянъ относящіеся».

23-го іюля 1824 года послѣдовалъ Высочайшій указъ о запрещеніи россійскимъ чиновникамъ, находящимся на службѣ, издавать въ свѣтъ сочиненія, заключающія что-либо касающееся до внѣшнихъ или внутреннихъ отношеній Россійскаго государства, безъ дозволенія своихъ начальствъ. «Дошло до свѣдѣнія государя императора, сказано въ этомъ указѣ:—что нѣкоторые изъ служащихъ и отставныхъ чиновниковъ позволяютъ себѣ издавать въ свѣтъ печатныя извѣстія о поступкахъ своихъ въ исполненіи возложенныхъ на нихъ должностей; а другіе, напротивъ, такими же печатными извѣстіями опровергаютъ первыя, и что отсюда проистекаютъ неприличныя сужденія, доводящія до нескромности о предметахъ, какъ по обязанностямъ службы, такъ и по самымъ правиламъ благопристойности. Его Императорское Величество изволитъ находить полезнымъ единожды на всегда принять за правило, чтобъ россійскіе чиновники, находящіеся на службѣ, нигдѣ и ни на какомъ языкѣ не издавали въ свѣтъ никакихъ сочиненій, заключающихъ что-либо касающееся до внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній россійскаго государства, сверхъ обыкновенной цензуры, безъ дозволенія своихъ начальствъ»... [1]

Въ 1825 году гр. Аракчеевъ сообщилъ министру высочайшую волю, «дабы единожды навсегда было принято за правило не помѣщать въ журналахъ ничего, касающагося до военныхъ поселеній, кромѣ тѣхъ статей, которыя будутъ сообщены именно отъ гр. Аракчеева.» [2]

Въ 1826 году было предписано цензурѣ «принять за правило и строго наблюдать, дабы ни въ одной изъ газетъ, въ Россіи издаваемыхъ, отнюдь не были помѣщаемы статьи, содержащія въ себѣ сужденія о политическихъ видахъ Его Величества, допуская тѣ только изъ сего рода, кои заимствуются изъ с.-петербургскихъ академическихъ газетъ или изъ «Journal de S.-Petersbourg», издаваемаго при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ».

---

[1] Сборн. постан. и распор. по цензурѣ, стр. 120.
[2] Ист. свѣд. о ценз. въ Россіи, стр. 29, 30.

Такимъ образомъ политическому отдѣлу всей русской прессы былъ сообщенъ характеръ и значеніе оффиціальности, подавшій впослѣдствіи много поводовъ къ недоразумѣніямъ въ международныхъ отношеніяхъ. Заботливость цензуры, чтобъ не подать посредствомъ журнальныхъ статей причины къ какому-нибудь неудовольствію за-границей, простиралась до того; что невыгодный отзывъ о пасторѣ Штаркѣ, придворномъ проповѣдникѣ одного германскаго герцога, помѣщенный въ малоизвѣстной остзейской газетѣ, былъ признанъ неумѣстнымъ. [1]

До какой безсмысленной строгости доходила цензура того времени, можно судить потому, что когда случилось наводненіе 7-го ноября 1824 года, историческая катастрофа, обратившая на себя вниманіе всей Европы и свидѣтелемъ которой были всѣ 400,000 жителей Петербурга, извѣстія о наводненіи не были напечатаны ни въ одной газетѣ, и только черезъ годъ позволено было Аллеру, эконому Смольнаго монастыря, напечатать брошюру съ описаніемъ подробностей наводненія. [2]

Въ томъ же 1824 году академикъ Германъ читалъ въ засѣданіяхъ Академіи Наукъ изслѣдованіе свое о числѣ самоубійствъ и смертоубійствъ въ Россіи въ теченіе 1819 и 20 годовъ. По его исчисленіямъ всего болѣе этихъ случаевъ приходится на долю губерній: Курской, Рязанской, Казанской и Тамбовской; всего менѣе на долю: Костромской и Саратовской. Статистическія цифры заимствованы Германомъ изъ оффиціальныхъ источниковъ. Важность научныхъ изысканій о насильственной смертности авторъ доказывалъ тѣмъ, что ими до нѣкоторой степени опредѣляется нравственное и политическое состояніе народа, ибо главнымъ источникомъ преступленій служатъ обыкновенно крайности: дикость нравовъ или ихъ эгоистическая утонченность невѣріе или фанатизмъ, анархія или гнетъ, крайняя бѣдность или чрезмѣрная роскошь. Чрезвычайно рѣдкіе случаи умерщвленія новорожденныхъ и смертоубійствъ, совершаемыхъ членами семейства, служитъ, по мнѣнію автора, признакомъ добрыхъ нравовъ жителей внутреннихъ губерній Россіи. Несмотря на подобный выводъ, лестный для патріотическаго чувства Шишкова, статистика убійствъ показалась ему возмутительною. Препровождая мемуаръ Германа, Шишковъ пишетъ: «Статью о вычисленіи смертоубійствъ и самоубійствъ, приключившихся въ два минувшіе года въ Россіи, почитаю не токмо ни къ чему ненужною, но и вредною. Первое: какая надобность знать о числѣ сихъ преступленій? Второе: по какимъ доказательствамъ всякій читатель

[1] Ibid., стр. 35.

[2] Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго—«Р. Стар.», 1874, т. II, стр. 673.

можетъ удостовѣренъ быть, что число сіе отнюдь не увеличено? Третье: къ чему извѣщеніе о семъ можетъ служить? Развѣ къ тому только, чтобы колеблющійся преступникъ, видя передъ собою многихъ предшественниковъ, могъ почерпнуть изъ того одобреніе, что онъ не первый къ такому дѣлу приступаетъ? Мнѣ кажется, подобныя статьи, неприличныя къ обнародованію оныхъ, надлежало бы къ тому, кто прислалъ ихъ для напечатанія, отослать назадъ съ замѣчаніемъ, чтобъ и впредь надъ такими пустыми вещами не трудился. Хорошо извѣщать о благихъ дѣлахъ, а такія, какъ смертоубійство и самоубійство, должны погружаться въ вѣчное забвеніе» [1].

Послѣ 14-го декабря 1825 года, строгости цензуры, естественно, еще болѣе усилились; Шишковъ предписалъ цензорамъ при малѣйшемъ сомнѣніи, обращаться прямо къ нему, и вотъ что пишетъ онъ, между прочимъ, объ этомъ предметѣ въ томъ своемъ письмѣ къ государю Николаю Павловичу, о которомъ мы выше говорили:

«Во многихъ свѣтскихъ сочиненіяхъ появляются таковые же порывы (т. е. революціонные). Сколь не трудно для меня имѣть особое и неусыпное за симъ наблюденіе, однакожъ, я велѣлъ цензорамъ при малѣйшемъ сомнѣніи относиться ко мнѣ. Многое останавливалъ. Напослѣдокъ, прошедшій разъ цензоръ принесъ ко мнѣ поступившіе къ нему стихи, и спрашиваетъ, велю ли я ихъ пропустить. Стихи сіи присланы подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Посланіе къ артельнымъ друзьямъ*. Годъ поставленъ 1817. Имя сочинителя означено *Мещевскій*. Слово *артельные друзья* само собою показываетъ, что *посланіе* сіе относится не ко всѣмъ вообще читателямъ, но къ какой-то *артели*, то есть неизвѣстному или тайному обществу. Годъ 1817 есть тотъ самый, съ котораго стали наиболѣе печатать и распускать книги, явнымъ образомъ возмутительныя противъ вѣры и правительства. Въ стихахъ сихъ между прочимъ говорится слѣдующее:

Друзья! вотъ стонъ души моей,
Скорбящей, одинокой:
Мечта златая раннихъ дней
Еще отъ насъ далеко!
Еще въ туманѣ скрыта цѣль
Возлюбленныхъ желаній!
Кто-жъ благотворную артель,
Источникъ всѣхъ мечтаній,
Высокихъ чувствъ и словъ златыхъ,
Для счастія отчизны,
Кто, въ шумѣ радостей пустыхъ,
Мнѣ замѣнитъ въ сей жизни?

---

[1] Матер. для ист. обр. въ Россіи, статья 3-я, гл. II, стр. 26, 27,

Я съ вами—и въ душѣ горитъ
Добра огонь священный;
Безъ васъ—иной все кажетъ видъ,
Столь низкій, столь презрѣнный!
Но часъ пробьетъ: услышимъ мы
Отечества призванье!
Тогда появится изъ тьмы
Душъ пламенныхъ желанье:
Сплетенныя рука съ рукой,
На путь мы ступимъ жизни,
И пылкой полетимъ душой
Ко счастію отчизны.
И кто возможетъ положить
Преграды вамъ въ полетѣ?
Кто для отчизны алчетъ жить,
Тотъ выше бѣдствій въ свѣтѣ».

«Не явно-ли стихи сіи заключаютъ въ себѣ воззваніе къ возмущенію? Ибо что можетъ быть яснѣе сихъ словъ: *друзья артельщики!* (можетъ быть нарочно не сказано *товарищи*, дабы подъ словомъ *артельщики* разумѣть вмѣстѣ и солдатъ) *цѣль желаній нашихъ скрыта еще въ туманѣ!* Какая цѣль? для чего скрыта? О какомъ *счастіи отчизны* старается какая-то неизвѣстная, *тайная высокихъ чувствъ артель, источникъ всѣхъ мечтаній и сновъ златыхъ*? И что еще!—безъ сей артели все прочее кажетъ *низкій, презрѣнный видъ!* А что между прочимъ затѣваетъ артель сія? Взглянемъ только на безнравственныя сочиненія, на безстыдныя и наглыя лжеумствованія, разсѣеваемыя сими артельщиками, почитающими всѣхъ, кромѣ себя, *низкими и презрѣнными*, и тогда мы увидимъ, что нѣкоторые изъ нихъ по злобѣ, а другіе, путеводимые хитрѣйшими себя, по слѣпотѣ и безумію, стремятся разрушить всякое общество, истребить всякую вѣру и правительство. Тѣхъ они ненавидятъ и презираютъ, которые сего не хотятъ. Надежда ихъ на единомышленниковъ своихъ такъ велика, что они нетолько защищаютъ Геснеровъ и ему подобныхъ, нетолько въ слухъ о томъ твердятъ, но посылаютъ въ печать стихи, въ которыхъ смѣло пророчествуютъ: *но часъ пробьетъ: услышимъ мы отечества призванье! тогда изъ тьмы появится душъ пламенныхъ желанье.* Какое призванье отечества?—Не отечество, противъ котораго они возстаютъ, призываетъ ихъ, на развратъ, внушенный имъ врагами человѣчества: *не вѣдятъ-бо что творятъ!* И въ семъ незнаніи исполняютъ волю общихъ и своихъ злодѣевъ, и, повинуясь имъ слѣпо и рабски, съ гордостію хвастаютъ *пламеннымъ желаніемъ душъ своихъ*, и угрозами, что въ то время, когда *сіе желаніе ихъ появится изъ тьмы, никто не возможетъ положить имъ преграды въ полетѣ*, и что они *выше всѣхъ бѣдствій!*—Вотъ какіе стихи

*

не боятся присылать для напечатанія! Я призвалъ къ себѣ журналиста (Воейкова) и спросилъ у него: какъ смѣлъ онъ такіе стихи принять съ намѣреніемъ издать въ своемъ журналѣ? Онъ сперва покушался дать имъ благовидный смыслъ; но когда увидѣлъ, что сего невозможно, то въ извиненіе свое отвѣчалъ мнѣ, что не смѣетъ присылаемыхъ къ нему стиховъ не принимать, опасаясь, что его вызовутъ за то на поединокъ. Потомъ, когда я у него спросилъ: кто такой Мещевскій, подписавшійся подъ сими стихами, гдѣ онъ живетъ, и откуда прислалъ ихъ? то онъ мнѣ сказалъ, что этотъ Мещевскій, года три или четыре тому назадъ, умеръ и оставилъ у него свои сочиненія. И такъ, по словамъ его, опасался онъ, что и мертвый вызоветъ его на поединокъ! Цензоръ тоже боится, что естьли онъ не пропуститъ, то его разругаютъ или прибьютъ. Вотъ до чего простирается дерзость таковыхъ писаній и требованій! Въ оправданіе сему только и слышишь, что твердятъ: *да это господствующій духъ времени!*»..

Но вѣнцомъ дѣятельности Шишкова былъ новый цензурный уставъ, составленный Главнымъ правленіемъ училищъ подъ его руководствомъ и высочайше утвержденный 10-го іюня 1826 г.

Мы видѣли уже тѣ програмы цензурныхъ реформъ, какія представлялъ Шишковъ въ 1815 и 23 годахъ. Сообразно этимъ програмамъ былъ составленъ и уставъ 1826 года. Цензурное управленіе было раздѣлено на двѣ инстанціи. Высшую инстанцію представлялъ верховный цензурный комитетъ, состоя изъ трехъ министровъ: народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и иностранныхъ, на томъ основаніи, что (§ 6) «три главнѣйшія въ отношеніи къ цензурѣ попеченія, а именно: а) о наукахъ и воспитаніи юношества, б) о нравахъ и внутренней безопасности и в) о направленіи общественнаго мнѣнія, согласно съ настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства. Затѣмъ (§ 8) низшія инстанціи состояли изъ 1) Главнаго цензурнаго комитета въ С.-Петербургѣ и цензурныхъ комитетовъ 2) Московскаго, 3) Дерптскаго и 4) Виленскаго.

Главный цензурный комитетъ (§ 9) долженъ былъ состоять изъ шести цензоровъ, между которыми раздѣлялось разсмотрѣніе книгъ на разныхъ языкахъ, и предсѣдателя, который наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ всего, что̀ постановлено цензурными учрежденіями. Прочіе же комитеты (§ 14) состояли изъ трехъ цензоровъ, полагая въ томъ числѣ и предсѣдателей.

Цензурные комитеты (§ 18) подчинялись попечителямъ учебныхъ округовъ, черезъ которыхъ и испрашивали въ потребныхъ случаяхъ разрѣшенія министра. Что же касается верховнаго цензурнаго комитета (§ 27), то онъ собирался по приглашенію министра народнаго просвѣщенія; дѣятельность его заключалась

(§ 29) въ окончательномъ разсмотрѣніи дѣлъ по цензурѣ, требующихъ соображеній въ государственномъ видѣ, какъ по отношенію къ внутреннему устройству Россіи, такъ и внѣшнихъ ея сношеній, и, во-вторыхъ (§ 33), въ общемъ направленіи дѣйствій цензурныхъ комитетовъ къ полезной и согласной съ намѣреніями правительства цѣли, и въ разрѣшеніи важнѣйшихъ обстоятельствъ, встрѣчающихся при разсматриваніи предполагаемыхъ къ изданію въ свѣтъ сочиненій. Съ этой цѣлью (§ 34) правителямъ дѣлъ верховнаго цензурнаго комитета, подъ наблюденіемъ членовъ его, составлялось ежегодно наставленіе цензорамъ, содержавшее въ себѣ особыя указанія и руководства, для точнѣйшаго исполненія нѣкоторыхъ статей устава, смотря по обстоятельствамъ времени. Наставленіе цензорамъ (§ 35) по разсмотрѣніи въ собраніи верховнаго цензурнаго комитета, должно было представляться министромъ народнаго просвѣщенія на высочайшее утвержденіе и затѣмъ разсылаться (§ 36) въ цензурные комитеты къ собственному ихъ свѣдѣнію и наблюденію.

Мы не будемъ останавливаться на параграфахъ, общихъ всѣмъ уставамъ, предшествовавшимъ и послѣдующимъ, которые запрещаютъ антирелигіозныя, возмутительныя, непочтительныя или безнравственныя сочиненія, а обратимъ вниманіе лишь на особенности этого устава, отличающіе его отъ прочихъ. Такъ мы видимъ, что вышеупомянутое запрещеніе обозначать точками выпущенныя цензоромъ мѣста вошло въ уставъ (§ 63) и приняло, такимъ образомъ, санкцію закона. Параграфами 139—143 запрещалось печатать 1) оффиціальныя статьи, извѣстія о важныхъ событіяхъ, относящіяся къ Россіи, и Высочайшіе рескрипты прежде, нежели они обнародованы будутъ отъ правительства; 2) рескрипты умершихъ государей, въ свое время не обнародованные, безъ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, Верховнаго цензурнаго комитета, а въ нужныхъ случаяхъ и Высочайшаго соизволенія; 3) статьи, касающіяся до Государственнаго управленія безъ согласія того министерства, о предметахъ котораго въ нихъ разсуждается; 4) стихи, посвященія и сочиненія въ честь Высочайшихъ особъ безъ высочайшаго разрѣшенія и соизволенія тѣхъ лицъ, кому они поднесены и подписаны; 5) записки частныхъ людей по тяжебнымъ дѣламъ, исключая производящихся въ Западномъ краѣ.

Замѣчательны были также §§ 153—155. Въ первомъ изъ нихъ уставъ дозволялъ печатаніе въ современныхъ изданіяхъ критикъ и антикритикъ, основанныхъ на безпристрастныхъ сужденіяхъ, хотя бы онѣ содержали въ себѣ непріятныя, но справедливыя возраженія и нужныя для пользы языка и словесности обличенія въ погрѣшностяхъ, но при этомъ предписывалось наблюдать,

«чтобы въ таковыя статьи не вкрадывалось личное оскорбленіе, и чтобы онѣ не обращались въ бранную, совершенно безполезную для читателей переписку». Въ слѣдующихъ же двухъ параграфахъ запрещается печатаніе сочиненій на языкѣ отечественномъ, равно и на иностранныхъ, «въ коихъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка, или которыя исполнены грамматическихъ погрѣшностей».

Не забыты были и всѣ тѣ вредныя науки, которыя преслѣдовались въ послѣднее время. Такъ однимъ историческимъ наукамъ было посвященно пять параграфовъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ былъ § 181, исключавшій изъ исторіи всякія произвольныя умствованія, которыя не принадлежатъ къ повѣствованіямъ и коихъ содержаніе противно правиламъ устава. Что же касается наукъ умозрительныхъ, то при этомъ вспомнили и о Магницкомъ, и § 190 было предписано, что всякая вредная теорія, таковая, какъ напримѣръ, о первобытномъ звѣрскомъ состояніи человѣка, будто бы естественномъ, о мнимомъ составленіи первобытныхъ гражданскихъ обществъ посредствомъ договоровъ, о происхожденіи законной власти не отъ Бога, и тому подобныя, отнюдь не должны быть одобряемы къ печатанію. Въ § 193 предписывается по отношенію къ медицинскимъ наукамъ въ особенности наблюдать, чтобы вольнодумство и невѣріе не употребило нѣкоторыя изъ нихъ орудіями къ поколебанію, или, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію въ умахъ людей неопытныхъ, достовѣрности священнѣйшихъ для человѣка истинъ, таковыхъ, какъ духовность души, внутреннюю его свободу и высшее опредѣленіе въ будущей жизни.

Но вѣнцомъ всего устава былъ § 151, гласившій, что «не позволяется пропускать къ напечатанію мѣста въ сочиненіяхъ и переводахъ, имѣющія двоякій смыслъ, ежели одинъ изъ нихъ противенъ цензурнымъ правиламъ». Параграфъ этотъ шелъ совершенно въ разрѣзъ, какъ съ уставомъ 1804 года, такъ и позднѣйшими, въ которыхъ предписывалось цензорамъ въ случаѣ двухсмысленности мѣста принимать его въ благопріятномъ смыслѣ. Шишковъ же видѣлъ въ этомъ поблажку, допускающую проникновеніе въ печать подъ благовидными прикрытіями всякихъ карбонарскихъ умствованій и особенно хлопоталъ о введеніи вышеупомянутаго параграфа.

Таковъ былъ прозванный *чугуннымъ* уставъ Шишкова, о которомъ цензоръ Глинка говорилъ, что, руководствуясь имъ, «можно и *Отче нашъ* истолковать якобинскимъ нарѣчіемъ». По счастію для литературы, чугунный уставъ этотъ просуществовалъ всего два года.

А. Скабичевскій.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

III.

Мы спорили долго—до слезъ напряженья...
Мы были всѣ въ сборѣ и были одни,
А тяжкія думы, тоска и сомнѣнья
Измучили всѣхъ насъ въ послѣдніе дни...
Здѣсь, въ нашемъ кругу, на свободное слово
Никто самовластно цѣпей не ковалъ,
И слово лилось и звучало сурово,
И каждый изъ насъ, говоря, отдыхалъ...

Но странно—собратья по общимъ стремленьямъ,
И спутники въ жизни на общемъ пути—
Съ какимъ недовѣрьемъ, съ какимъ озлобленьемъ
Другъ въ другѣ врага мы старались найти!..
Не тоже ли чувство насъ всѣхъ согрѣвало —
Любовь безъ завѣта къ отчизнѣ родной—
Не тоже ли солнце надежды сіяло
Намъ въ жизни, окутанной душною мглой?..

Печально ты нашему спору внимала...
Порою, когда я смотрѣлъ на тебя,
Казалось мнѣ, будто за насъ ты страдала
И что-то сказать намъ рвалася, любя;
Ночь мчалась... за блѣднымъ окномъ разгорался
Разсвѣтъ... Умирала звѣзда за звѣздой...
Свѣтъ лампы, мерцая, краснѣлъ и сливался
Съ торжественнымъ блескомъ зори золотой—
И молча тогда подошла ты къ рояли,
Коснулась задумчиво клавишъ нѣмыхъ,
И страстная пѣсня любви и печали,
Звеня, изъ-подъ рукъ полилася твоихъ...

Что̀ было въ той пѣснѣ твоей, прозвучавшей
Упрекомъ и грустью надъ нашимъ кружкомъ,
И сердце мое горячо взволновавшей
И чистой любовью и жгучимъ стыдомъ—
Не знаю... Безсонная ночь ли сказалась,
Больные ли нервы играли во мнѣ—
Но грудь отъ скопившихся слезъ подымалась,
Минута—и хлынули страстно онѣ...
Какъ будто бы кто-то глубоко-правдивый
Вошелъ къ намъ, озлобленнымъ, жалкимъ, больнымъ,
И сталъ говорить—и воскресшій, счастливый
Кружокъ нашъ въ восторгѣ замолкъ передъ нимъ.

Поддѣльные стоны, крикливыя фразы,
Тщеславье, звучавшее въ нашихъ рѣчахъ —
Все то, что дыханьемъ незримой заразы
Жизнь сѣетъ во всѣхъ, даже въ лучшихъ сердцахъ,
Все стихло—и только одно лишь желанье,
Одинъ лишь порывъ запылалъ въ насъ огнемъ —
Всю душу отдать па борьбу и страданье,
Но только бы дрогнула полночь кругомъ!..
О другъ мой, намъ звуки твои показали
Всю ложь въ насъ, до нихъ—незамѣтпую намъ,
И крѣпче другъ другу мы руки пожали,
Съ зарей возвращаясь къ обычнымъ трудамъ.

С. Надсонъ.

1882 г.

НА ЧЕРНОМЪ ХЛѢБѢ.

(Разсказъ Дж. Верга).

I.

Куму Нани еще глазъ не успѣли закрыть, попъ еще не успѣлъ снять эпитрахиль, въ которой читалъ отходную, какъ между сыновьями покойника поднялась война изъ того, кому и сколько придется издержать на похороны. Священникъ, съ кропиломъ подъ мышкой, почти убѣжалъ отъ этой ссоры. Безъ ссоры и обойтись не могло, потому что болѣзнь кума Нани была продолжительная; это была болѣзнь, которая, какъ говорится, все мясо на костяхъ изгложетъ, все добро въ домѣ сожретъ. Каждый разъ, когда лекарь расправлялъ на колѣняхъ листъ бумаги, приготовляясь прописывать рецептъ, кумъ Нани жалостливо глядѣлъ на его руки и бормоталъ: «по крайности, ваша милость, покороче пишите; ради Христа, покороче!»

Лекарь зналъ свое дѣло. Всякій на бѣломъ свѣтѣ свое ремесло знаетъ. Кумъ Нани, занимаясь своимъ ремесломъ, схватилъ горячку, тамъ, въ Ламіа, на благодатныхъ пажитяхъ, по которымъ хлѣбъ выше человѣка ростетъ. Напрасно говорили ему сосѣди: «смотри, кумъ Нани, на этой испольщинѣ [1] въ Ламіа свою шкуру оставишь». «Да что я, баранъ что ли, что бы любое себѣ выбирать», отвѣчалъ обыкновенно старикъ.

Дѣти при отцѣ были, какъ пять пальцевъ на одной рукѣ, а теперь, когда отца не стало, всякому надо было о себѣ подумать. У Санто на рукахъ была жена и малые ребята. Лучіа была безприданница и некуда ей было дѣваться; не на улицу же дѣвку выкидывать. А Карменіо, коли хотѣлъ хлѣбъ ѣсть, долженъ былъ убираться изъ дома и искать хозяина. Потомъ

---

[1] Mezzeria; крестьяне у землевладѣльцевъ снимаютъ земли съ тѣмъ, чтобы ихъ обработать и взять себѣ половину урожая.

мать, хилая старуха, тоже не знала кому изъ трехъ дѣтей ее кормить придется; потому что у всѣхъ трехъ ничего не было.

Хорошо, кабы можно было оплакивать покойника и ни о чемъ другомъ не думать, но такая роскошь не про бѣдняковъ.

Воловъ, козъ, и небольшой запасъ зернового хлѣба, все хозяинъ за собой утащилъ, покуда болѣлъ. Осталась хижина, черная хижина, съ пустой кроватью, да сиротскія лица, темныя, темныя. Санто въ эту хижину перетащилъ свой скарбъ, перевелъ свою *Рыжую*, и сказалъ, что мать съ нимъ останется. «Значитъ, за квартиру платить не будетъ, толковали сосѣди». Карменіо свое добро завязалъ въ узелъ, отправился къ съемщику [1] Вито, и нанялся пастухомъ: у Вито было свое небольшое пастбище въ Камеми. А Лучіа, которой смерть не хотѣлось оставаться въ домѣ, гдѣ невѣстка большухой стала, тоже грозила уйти кудань-нибудь въ работницы.

— Ну ужъ это — нѣтъ! настоялъ Санто:—не хочу я, чтобы люди говорили, что моя сестра по чужимъ людямъ шляется.

— Ишь ему хочется, чтобы я его Рыжей прислуживала! ворчала себѣ подъ носъ Лучіа.

Главная бѣда была въ томъ, что молодуха-невѣстка затесалась въ семью, какъ гвоздь въ бревно.

— Взялъ жену, такъ ужъ ничего съ ней теперь не подѣлаешь, вздыхая ворчалъ Санто, и пожималъ плечами. — Напрасно родителя, царство ему небесное, во-время не послушался.

А родитель, царство ему небесное, дѣйствительно толковалъ ему въ свое время:

— Не связывайся ты съ этой женой; нѣтъ у ней ни приданаго, ни дна ни покрышки.

А жена за нимъ по пятамъ ходила. Станетъ Санто, напр., землю перекапывать, она помогать придетъ. Станетъ онъ жать— она опять тутъ, какъ тутъ: либо колосья подбираетъ, либо каменья съ полосы сноситъ. Отдыхаетъ ли онъ около дома, сядетъ на землю, спиной о стѣну навалится подъ вечеръ, когда солнечный свѣтъ замирать начинаетъ и кругомъ тишь нарождается—жена опять къ нему подходитъ:

— Что, куманекъ [2] Санто, въ этомъ году, Богъ дастъ, труды ваши даромъ не пропадутъ.

Или скажетъ:

— Куманекъ Санто, коли ужо урожай хорошій будетъ, вамъ

---

[1] Съемщики земель—нѣчто среднее между кулакомъ и фермеромъ. п. п.

[2] Южноитальянскіе крестьяне зовутъ другъ друга почти постоянно кумушка и куманекъ.

надо вонъ ту большую ниву непремѣнно въ кортому взять. Тамъ нынче козы долго паслись — она удобрилась. Ужъ два года отдыхаетъ землица.

А иногда скажетъ;

— Куманекъ Санто, эту зиму, коли Богъ дастъ время у меня будетъ, я вамъ сошью наколѣнники; вамъ теплѣе будетъ.

Санто познакомился, когда работалъ въ Кастелучіо, съ этой рыжей дѣвушкой, дочерью полевого сторожа, которую никто замужъ не бралъ. Поэтому, бѣдняжка жена всякой собакѣ старалась угодить. Она рада была безъ хлѣба жить, кусокъ у себя самой изо-рту вырывала, лишь бы имѣть возможность подарить Санто въ Аграфенинъ день черный шолковый колпачокъ, либо угостить его фляжкой вина, или кускомъ сыра, когда ему случалось приходить въ Кастелучіо.

— Не осудите, примите отъ меня, куманекъ! Не хуже хозяйскаго будетъ, упрашивала она.—Я видѣла, что на прошлой недѣлѣ вы одинъ сухой хлѣбъ ѣли—вотъ закусите.

Санто не умѣлъ отказываться, и все предлагаемое клалъ въ карманъ. Развѣ что изъ вѣжливости возразитъ:

— Не дѣло это, кумушка Нена! ты вѣдь у себя изо рту кусокъ берешь, да мнѣ отдаешь.

— И слава тебѣ Господи, мнѣ же лучше, коли вамъ на здоровье.

А покойничекъ родитель, царство ему небесное, каждую субботу, когда Санто приходилъ домой, твердилъ ему:

— Не связывайся ты съ Неной! брось ее! Ничего у нея нѣтъ...

— Я знаю, что у меня ничего нѣтъ за душой, говаривала и сама Нена, сидя на заборчикѣ, когда солнце заходило:—нѣтъ у меня ни землицы, ни дома. И рубахи у меня путной нѣтъ, потому что либо рубаху бѣлую носи, либо хлѣбъ ѣшь. На все не хватитъ. Отецъ мой немного лучше нищаго; полевой сторожъ—изъ хозяйскихъ рукъ глядитъ. Кому охота навязать себѣ на шею жену безприданницу.

Впрочемъ, у ней была бѣлая, пребѣлая шея, какъ обыкновенно у рыжихъ. Когда она сидѣла, опустивъ голову, отяжелѣвшую отъ заботъ, солнце, освѣщая ее сзади, золотило за ушами ея волосы; и персиковая кожица молодыхъ щекъ тоже золотилась. И Санто вглядывался въ ея глаза, голубые, какъ цвѣточки льна, любовался высокой грудью, которая словно переливалась подъ рубахой, какъ добрая зрѣлая пшеница въ полѣ.

— Нечего тебѣ убиваться, кумушка Нена, утѣшалъ парень дѣвушку:—за мужьями дѣло не станетъ.

Она недовѣрчиво качала головой, и красныя сережки, ни дать ни взять настоящій коралъ, ласкали ея свѣжія щеки.

— Лучше и не говорите, куманекъ! я сама знаю, что я непригожа, что никому меня не надобно.

— А вотъ видишь, однажды воскликнулъ парень:—какъ люди разно думаютъ. Всѣ говорятъ, что рыжіе волосы непригожи, а я вотъ на твои рыжіе волосы гляжу, и мнѣ кажется, лучше ихъ нѣтъ.

Когда покойничекъ родитель, царство ему небесное, увидѣлъ, что его Санто втюрился въ Нену до того, что за себя ее замужъ хотѣлъ взять, то разъ въ воскресенье сказалъ ему:

— Развѣ тебѣ ужь непремѣнно хочется Рыжей? Скажи на милость, непремѣнно хочется?

Санто стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, заложивъ руки за спину, лица поднять на отца не смѣлъ, только головой кивнулъ: дескать, безъ Рыжей жить не могу; видно ужь такъ Богу угодно.

— Ну, такъ ужь ты самъ объ себѣ и думай, коли хочешь жену взять. Знаешь, что я тебѣ ничего не могу дать. Одно я тебѣ только могу сказать, вотъ и мать твоя подтвердитъ: прежде чѣмъ жениться, подумай хорошенько! хлѣбъ туго родится, а ребята живо плодятся.

Мать сидѣла рядомъ съ нимъ на скамейкѣ, лицо у ней сдѣлалось длинное-длинное, она дергала сына за кафтанъ и говорила ему въ полголоса:

— Ты бы попробовалъ слюбиться съ вдовой сосѣда Маріано. Она богачка, а ломаться не станетъ, потому что свой изъянъ знаетъ.

— Какъ же! ворчалъ Санто: — какъ же! захочетъ она выйти за такого бѣдняка, какъ я.

Кумъ Нани тоже соглашался, что вдова Маріано искала себѣ ровню, богатаго жениха, даромъ, что была колченогая. Да и тоже не велика радость, если внучата хромые, да кривоногіе родятся.

— Нѣтъ, тебѣ подумать, да подумать надо, повторялъ онъ своему сыну.—Помни: хлѣбъ ростетъ туго, а дѣти живо родятся.

Однажды, въ Бригиттинъ день, Санто случайно повстрѣчался съ Рыжей. Она собирала спаржу около тропки, пересѣкавшей поля. Дѣвушка вся зардѣлась, увидавъ парня, даже какъ будто назадъ хотѣла вернуться, чтобы не сойтись съ нимъ. Однако, опустила подолъ юбки, заткнутый до того времени за поясъ, чтобы было удобнѣе ползать по землѣ между кустами индѣйскихъ смоквъ, отыскивая спаржу. Санто тоже остановился, тоже покраснѣлъ, и глядѣлъ на нее, не вымолвивъ ни слова. Нако-

нецъ, рѣшился сообщить, что онъ отработалъ недѣлю и шелъ домой.

— Коли тебѣ что нужно у насъ на селѣ, Нена, ты мнѣ накажи, я сдѣлаю.

— Да если мнѣ продавать спаржу, такъ лучше съ вами вмѣстѣ идти, отвѣчала *Рыжая*, опустивъ голову на грудь, которая вздымалась большой волной подъ персиковымъ подбородкомъ.

— Только, прибавила она:—вы со мной не захотите идти; съ нашимъ братомъ, бабой, мужчинѣ только скука одна.

— А я такъ на рукахъ бы тебя кажется донесъ; право, донесъ бы! возразилъ Санто.

Нена стала кусать передними зубами уголъ краснаго платка, который былъ у ней на головѣ. И Санто не зналъ, что ему сказать. Глядѣлъ, глядѣлъ на нее, и перекладывалъ съ одного плеча на другое свою котомку, словно мѣста ей найти не могъ. Мята и розмаринъ благоухали словно праздникъ справляли; гора, осыпанная смоковнымъ кактусомъ, была вся багровая въ лучахъ заката.

— Такъ вы идите, промолвила Нена:—поздно становится. Идите.

И она стала прислушиваться къ трескотнѣ кузнечиковъ. А Санто все не двигался.

— Идите же; насъ здѣсь вдвоемъ застанутъ; нехорошо, прибавила она.

Санто только было собрался идти, но словно одумался, встряхнулъ опять свою котомку за плечами, и вновь объявилъ дѣвушкѣ, что коли она съ нимъ вмѣстѣ пойдетъ, онъ на рукахъ донесетъ ее. А самъ заглядывалъ въ ея глаза, избѣгавшіе его взгляда, и какъ будто высматривавшіе спаржу, между придорожныхъ каменьевъ; онъ глядѣлъ на ея лицо, красное, красное, словно и его, какъ и гору. заходящее солнце заливало своимъ багрянымъ свѣтомъ.

— Нѣтъ, кумъ Санто, идите съ Богомъ безъ меня. Безприданница я...

— Ну ужь пусть будетъ что Богу угодно...

Она продолжала твердить: «нѣтъ да нѣтъ», и лицо ея въ самомъ дѣлѣ становилось неласково, угрюмо. Видѣть ее угрюмой Санто не привыкъ; обезкураженный парень, опустивъ голову, и подтянувъ еще разъ котомку, пустился въ путь. Только Рыжая предложила ему взять пучекъ спаржи: она для него собрала его; отличный ужинъ можно изъ спаржи приготовить дома.

«Кушайте на здоровье, да меня поминайте», говорила она, поднося къ нему передникъ, полный спаржи.

Санто охватилъ ея станъ рукой, поцѣловалъ въ щеку. Сердце у него такъ и затрепетало.

Въ эту самую минуту появился татька, дѣвушка перепугалась и убѣжала. Полевой сторожъ держалъ ружье въ рукахъ, и, казалось, не зналъ, что̀ ему помѣшало выпалить изъ этого ружья по Санто, соблазнявшаго его дочь.

— Нѣтъ, нѣтъ; ничего такого нѣтъ, увѣрялъ Санто, прижимая руки къ груди:—я хочу твою дочь за себя замужъ взять. Ружья твоего я не боюсь. Я надумалъ давно. Отецъ у меня честный, и я честный. А тамъ Богъ насъ не оставитъ, потому что мы худого ничего не сдѣлали.

Такимъ образомъ, въ слѣдующее воскресенье и свадьбу съиграли. Невѣста была наряжена по праздничному, а отецъ ея, полевой сторожъ, обулся въ новые сапоги, такіе огромные, что ходилъ въ нихъ, какъ утка, переваливаясь. Вино и каленые бобы развеселили самого кума Нани, несмотря на то, что въ него уже начинала забираться маларія. Мать вынула изъ сундука домотканную шаль, приготовленную Лучіи въ приданое. Лучіи было тогда уже 18 лѣтъ; каждое воскресенье, собираясь къ обѣднѣ, она съ полчаса убиралась, любуясь своимъ отраженіемъ въ водѣ кухонной кадушки. Санто, запихавъ руки въ карманы кафтана, съ торжествующимъ видомъ любовался и рыжими волосами своей невѣсты, и домотканной шалью сестры, и наслаждался отъ души весельемъ, которое окружало его въ это воскресенье. Полевой сторожъ, съ раскраснѣвшимся носомъ, покачивался въ своихъ ботфортахъ, и лѣзъ ко всѣмъ цѣловаться.

— Только не меня, говорила Лучіа, путаясь съ своей шали, которую, наконецъ, сняла и отдала спрятать:—пожалуйста, не меня! Сегодня праздникъ, только не на моей улицѣ.

Она почти все время сидѣла въ углу, надувшись, словно знала, какова будетъ ея доля, когда отцу глаза закроютъ.

II.

А доля ея послѣ смерти отца заключалась въ томъ, что ей приходилось печь хлѣбъ, обряжать избу, убирать все за невѣсткой, которая каждый Божій день уходила съ мужемъ въ угодья, хотя и была уже второй разъ беременна. Дѣтей она плодила, какъ добрая кошка. Теперь было уже не до подарковъ, которыми они обмѣнивались съ Санто о Пасхѣ и въ Аграфенинъ

день, покуда ухаживали другъ за другомъ въ Кастелучіо. Полевой сторожъ былъ великій плутъ, ему было выгодно выдать замужъ свою безприданницу дочку, и кумъ Санто былъ обязанъ ее содержать.

Съ тѣхъ поръ, какъ жена очутилась у Санто на рукахъ, хлѣба не всегда хватало на всѣхъ; приходилось добывать его въ потѣ лица, ломая спину, на работѣ въ Личіардо.

Когда они ходили въ Личіардо, съ котомками за спиной, утирая потъ съ разгоряченныхъ лицъ, они не могли выкинуть изъ головы мыслей о своемъ засѣвѣ, всходы котораго чуть-чуть виднѣлись изъ-за каменной стѣнки. Эта мысль о засѣвѣ была какъ болѣзнь какая, отъ которой всегда было мрачно на сердцѣ. Сначала всходы были желтоватые, жалкіе, залитые дождями; потомъ, когда хлѣбъ сталъ немножко выправляться, его начали забивать сорныя травы. Ненѣ приходилось, со своимъ большимъ брюхомъ, заткнувъ юбку за поясъ, почти ползкомъ выпалывать эти травы, одну за другой; даже всѣ руки она раскровянила. Она тогда не чувствовала ни своей тягости, ни боли въ поясницѣ. И когда, наконецъ, она садилась на межѣ, едва переводя дыханіе, откинувъ руками за уши свои длинные волосы, ей мерещился грядущій іюнь, высокіе колосья, и своя собственная спина, согбенная въ волныхъ созрѣвшаго урожая. Они съ мужемъ подсчитывали, что изъ полоски выйдетъ, покуда Нена подшивала заплаты на штанахъ Санто, и травой межника счищала съ мотыги приставшую къ ней глину. «Столько-то, дескать, сѣмянъ высѣяно, и столько-то ихъ снимется, если хлѣбъ уродится самъ-12, либо самъ-10; а можетъ, и самъ-7 не придетъ: стебли были не толсты, но за то росли густо. Лишь бы только мартъ не былъ слишкомъ сухъ, и чтобы дождь шелъ только тогда, когда онъ нуженъ. Святая благословенная Аграфена позаботится о бѣдныхъ людяхъ». Небо было чистое, солнечный свѣтъ съ огненнаго заката разливался золотомъ по зеленымъ лугамъ; жаворонки падали съ выси на поля, какъ черныя точки. Весна вставала повсюду, и въ колючихъ кустахъ кактусовой смоковницы, и въ полоскахъ за каменной оградой, между камнями, и на кровляхъ крестьянскихъ хижинъ, поросшихъ травой; все зеленѣло, какъ надежда. Санто шелъ, возвращаясь домой сзади жены, согбенный подъ тяжестью мѣшка, набитаго выполотыми травами и съ пустымъ желудкомъ. Онъ чувствовалъ, какъ его сердце переполнялось нѣжностію къ его бѣдной подругѣ жизни, и не переставалъ съ ней болтать. Прерываемымъ одышкой—тропка шла круто въ гору—голосомъ онъ разсуждалъ о томъ, что можно будетъ предпринять, если Господь сбережетъ

до осени ихъ засѣвъ. Теперь ужь больше не было рѣчи о рыжихъ волосахъ, краса ли они, или безобразіе. Вообще о подобномъ вздорѣ не разговаривали. Когда же предатель май пришелъ, чтобы ограбить ихъ трудъ и надежды за цѣлый годъ, пришолъ съ своими туманами, то мужъ и жена, вновь сидя на межѣ, глядѣли на свою полоску, все болѣе и болѣе желтѣвшую, какъ одержимый недугомъ человѣкъ, и уже не разговаривали. Они сидѣли молча, уперщись локтями въ колѣни; глаза у нихъ словно окаменѣлые были, лица блѣдныя.

— Покаралъ Господь! повременамъ бормоталъ Санто:—видно покойникъ тятя правду мнѣ говорилъ.

Въ хижину бѣдняка забиралось уныніе. Мужъ съ женой другъ отъ друга отворачивались и вздорили каждый разъ, когда *Рыжая* просила денегъ на расходы, либо когда мужъ поздно возвращался домой, либо когда дрова не были наколоты; или жена, совсѣмъ отяжелѣвшая отъ беременности, позднѣе обыкновеннаго подымалась по утру съ постели. Длинныя лица, надутыя губы; крупныя слова, а не то и тычки. Санто коритъ Нену рыжими волосами, а она ему когтями въ лицо вцѣпится. Сбѣгались сосѣди, Рыжая кричала, что этотъ безбожникъ хочетъ, чтобы она выкинула, что ему ни почемъ невинную душеньку загубить. Потомъ, когда Нена родила, миръ водворился на цѣлые сутки; кумъ Санто таскалъ на рукахъ дѣвочку, какъ какую-нибудь принцессу, бѣгалъ показывать ее роднымъ и сосѣдямъ. Очень былъ доволенъ. Покуда жена не вставала, онъ ей варилъ похлебку, мелъ и обряжалъ комнату; подходилъ къ Ненѣ и спрашивалъ: не надо ли ей еще чего? Потомъ выходилъ на крылечко, покачивая ребенка на рукахъ, какъ добрая пѣстунья. Если же кто его спроситъ, то спѣшилъ отвѣчать: «дѣвушка, куманекъ, дѣвушка! У меня и на это счастья нѣтъ; вишь опять дѣвка родилась! Жена у меня не умѣетъ парней рожать».

III.

Когда Рыжей доставалась трепка отъ мужа, она срывала досаду на Лучіи; упрекала ее, что она ничего ей не помогаетъ. А Лучіа отгрызалась, говоря, что ей приходится возиться съ чужими ребятами.

Бѣдная старуха мать, старалась помирить ихъ и повторяла безпрестанно:

— Это все я виновата. Стара стала, никуда не гожусь. Даромъ только вашъ хлѣбъ извожу.

И въ самомъ дѣлѣ, она ни къ чему не годилась, только развѣ выслушивать жалобы домашнихъ и мучиться ими въ глубинѣ своего сердца. Неудачи Санто, хныканье его жены, помышленія о другомъ сынѣ Карменіо, далеко ушедшемъ, всегдашнее недовольство Лучіи, у которой ради праздника не было нарядной тряпки, которая не выходила изъ дому, а изъ окна собаки забѣглой не видывала—все это мучило старуху. Если въ воскресенье подруги звали Лучію къ себѣ въ хороводъ, который водили гдѣ-нибудь въ тѣнистомъ уголкѣ деревушки, она отвѣчала, пожимая плечами.

— Чего я съ вами пойду! Чтобъ глядѣть на ваши наряды? Мнѣ самой вѣдь не во что рядиться.

Около молодежи, веселившейся въ тѣни, появлялся иногда Пино, котораго прозвали лягушкой, потому что онъ ловилъ лягушекъ и продавалъ ихъ. Онъ обыкновенно стоялъ, навалясь спиной на стѣну, и все слушалъ, а самъ рта не раскрывалъ; забьетъ руки въ карманы, да сплевываетъ то въ ту, то въ другую сторону. Никто не понималъ, зачѣмъ онъ приходилъ; когда же Лучія показывалась на своемъ крылечкѣ, Пино изъ-подлобья на нее поглядывалъ, поворачивалъ голову въ ея сторону, украдкой, какъ будто чтобы сплюнуть.

Подъ вечеръ, когда запыкались двери во всѣхъ домахъ, онъ иногда рѣшался пропѣть пѣсню подъ ея окномъ, и пѣлъ насилованнымъ басомъ. Иногда молодые парни, возвращаясь поздно домой съ гулянки, узнавали его голосъ и, чтобы ему досадить, затягивали пѣсню, сложенную про лягушекъ.

Лучія, между тѣмъ, показывала видъ, что занята работой и уходила въ глубь комнаты, подальше отъ свѣчи, чтобы съ улицы ее никому не было видно. Если же невѣстка начинала ворчать: «ну, вотъ началась музыка!», дѣвушка, какъ змѣя, накидывалась на нее.

— И музыка-то тебѣ не въ угоду! Извѣстно, въ этой каторгѣ ни глазамъ, ни ушамъ никакой радости!

Мать, видѣвшая все, между тѣмъ, прислушивалась и старалась увѣрить, что музыка и пѣсни очень ее веселятъ. Лучія показывала видъ, что не обращаетъ вниманія. Однако, по вечерамъ, около того времени, когда Пино, возвращаясь съ работы, проходилъ обыкновенно мимо, дѣвушка выходила на крыльцо со своей прялкой. Пино жилъ ловлей лягушекъ и, вернувшись съ рѣки, обходилъ деревню, покрикивая: «Рыбы пѣвчія! [1] рыбы пѣвчія!»

[1] Въ южной Италіи ѣдятъ лягушекъ; изъ нихъ приготвляютъ бульонъ, который подкрѣпляетъ силы больныхъ. *Пр. пер.*

Но деревня была бѣдна и некому было у Пино раскупить его товаръ.

— Для здоровья хороши, надо быть, замѣчала Лучія и подзывала Пино, чтобы приторговать для больной матери. Но мать и слышать не хотѣла, чтобы на нее деньги тратились.

Если Пино подмѣчалъ, что Лучія изъ-подлобья, прижавъ подбородокъ къ груди, взглядываетъ на него, онъ, проходя мимо ея крылечка, замедлялъ шаги, а на слѣдующее воскресенье набирался смѣлости. Подходилъ къ ней ближе, даже садился на завалинку сосѣдняго дома и, болтая руками между широко разставленныхъ колѣней, пускался въ разсказы о томъ, какъ онъ ловитъ лягушекъ и какіе это хитрые черти; сколько надо голову ломать, чтобы умудриться ихъ изловить. Бѣдовыя бестіи, хуже рыжаго осла. Все это онъ разсказывалъ сидѣвшимъ на улицѣ кумушкамъ, а самъ выжидалъ, не разойдутся ли онѣ. Если онѣ расходились, онъ пытался заводить разговоры съ Лучіей.

— Для посѣва-то, скажетъ:—куда бы хорошо дождичка!

Или:

— А маслины-то въ этомъ году плохо уродятся.

— А вамъ какая отъ этого печаль. Вы вѣдь лягушками живете? отзывалась Лучія.

— Вы только, сестрица милая, послушайте: всѣ мы на свѣтѣ живемъ, какъ пальцы на рукѣ. Другъ другу помогаемъ. Если, примѣрно, зерно не уродится, да и масла не жмутъ изъ оливъ, тогда и деньги въ нашу сторону не придутъ и некому будетъ моихъ лягушекъ покупать. Правда вѣдь?

Это нечаянно и некстати произнесенное: «сестрица милая», за самое сердце ухватило дѣвушку. Сладко ей показалось, слаще меду. Цѣлый вечеръ, прядя у огня, думала она объ этомъ словѣ. И все около него ея мысли кружились, какъ кружилась нитка около веретена.

А старая мать словно читала у ней на лицѣ мысли. Прошло недѣли двѣ; по вечерамъ не слышно было пѣсни подъ окномъ и никто не проходилъ по улицѣ съ продажной «пѣвчей рыбой», и мать говорила:

— Знать зима пришла. Души живой не увидишь.

Дѣйствительно, пришла зима. Дверь отъ холоду надо было на заперти держать, а изъ окошечка видно было только окно противуположной хижины, почернѣвшее отъ дождя. Изрѣдка кто-нибудь проходилъ по улицѣ, поспѣшая домой и кутаясь въ заплатанный плащъ съ капишономъ. Пино совершенно не было видно, такъ что Лучія даже замѣтила, что если кто заболѣетъ, то не изъ чего будетъ и навару сварить.

— Пошелъ куда-нибудь, другимъ какимъ ремесломъ добывать себѣ хлѣбъ, говорила невѣстка. — Лягушекъ ловить самое послѣднее дѣло.

Однажды Санто услышалъ эти разговоры и, любя сестру, сталъ ей проповѣдь читать.

— Не нравится мнѣ вся эта исторія съ Пино. Чудесный мужъ для моей сестры, нечего сказать! Лягушками живетъ, цѣлый день поколѣно въ тинѣ бродитъ. Ты себѣ лучше ищи мужика, который землей живетъ; можетъ, богатства у него и не будетъ, да по крайности онъ изъ одного тѣста съ тобою выпеченъ.

Лучіа молчала, опустивъ голову и насупивъ брови. Иногда она закусывала себѣ губу, чтобы не окрыситься и не сказать: «А гдѣ я себѣ этакаго мужика возьму?»—словно искать жениха было ея дѣло! Вотъ одного она отыскала, такъ и онъ сгинулъ; и навѣрное оттого, что Рыжая его чѣмъ-нибудь отвадила. Завистливая она, ѣдкая баба, эта рыжая. И Санто дуракъ, съ жениныхъ словъ свои рѣчи заводитъ.

При такихъ обстоятельствахъ война между золовкой и невѣсткой возгоралась безпрестанно.

— Въ этомъ дому я не хозяйка, ворчала Лучіа.—Въ этомъ дому хозяйка та, которая умѣла обойти моего брата и себѣ мужа.

— Да ужь кабы знала, что̀ выйдетъ, не стала бы твоего брата обходить. Прежде мнѣ одного куска было довольно, а теперь и пяти кусковъ не хватаетъ на всѣхъ.

— Такъ какое тебѣ дѣло, что за человѣкъ Пино? Какое тебѣ дѣло до его ремесла? Кабы былъ моимъ мужемъ, небось зналъ бы, какъ меня прокормить.

Мать старалась ласками успокоить обѣихъ; но она была не рѣчиста, бѣдняжка; только и умѣла, что перебѣгать отъ одной къ другой, приговаривая умоляющимъ голосомъ: «Ради Христа, ради Христа!..» Но женщины не обращали на нее вниманія и иногда доходило до того, что вцѣпятся другъ въ друга когтями. Разъ Рыжая въ порывѣ гнѣва обругала золовку «бѣшеной собакой».

— Я-то бѣшеная собака! закричала Лучіа:—сама ты бѣшеная собака! Ты у меня брата украла.

Если при этомъ присутствовалъ Санто, онъ безъ церемоніи расталкивалъ ихъ въ разныя стороны. Другого средства примиренія не было. *Рыжая* заливалась слезами и говорила:

— Вѣдь я для ея же добра ей хотѣла посовѣтовать. Я сама знаю, что значитъ безъ приданаго замужъ выходить; знаю, какого горя натерпишься.

Лучіа, между тѣмъ, продолжая взвизгивать, рвала на себѣ волосы. Братъ старался ее успокоить.

— Пойми ты, что я съ ней ничего не могу подѣлать: она моя жена—ну, жена и есть. Она вѣдь тебя любитъ, добра тебѣ желаетъ. Сама видишь, что вышло изъ того, что мы съ ней поженились.

Лучіа къ матери обращала свои жалобы.

— Не дай мнѣ Богъ такъ, какъ онъ, повѣнчаться. Лучше ужь въ люди идти, въ работницы наняться. Здѣсь, если кого крещенаго въ кои вѣки увидишь, такъ сейчасъ же его отведутъ.

Конечно, дѣвушка въ это время думала о лягушатникѣ, котораго давно, очень давно не видала.

Узнали, однако, что онъ поселился у вдовы Маріано; даже носились слухи, что вдова за него замужъ хочетъ выйти. Пино, правда, не занимался никакимъ путнымъ ремесломъ, но былъ парень хоть куда, видный, красивый, а у колченогой всякаго добра было вволю и хватило бы на любого мужа, котораго она вздумала бы выбрать.

— Видишь, Пино, показывала она жильцу свое хозяйство:— тутъ вонъ все бѣлье; а это серьги и бусы—настоящія золотыя; въ этомъ чану больше 12-ти боченковъ оливковаго масла, а этотъ сусекъ полонъ бобами. Коли захочешь, живи себѣ сложа руки; незачѣмъ съ утра до ночи по колѣно въ тинѣ бродить, искать лягушекъ.

— Извѣстно, какъ не хотѣть! отвѣчалъ Пино, а самъ вспоминалъ черныя очи Лучіи, когда, бывало, она поглядывала на него украдкой изъ окошка. Онъ косился на кривой станъ хромоногой вдовы, которая вертѣлась передъ нимъ, показывая свое добро, какъ лягушка въ тинѣ. Но однажды, послѣ трехъ дней безплодной работы, потерявъ надежду поймать лягушекъ послѣ трехъ голодныхъ и холодныхъ дней труда, онъ провелъ цѣлый день у вдовы, гдѣ его и поили, и кормили до отвалу. Поглядывая изъ окна на затянувшійся ливень, Пино изъ непреодолимаго влеченія къ куску хлѣба рѣшился утѣшить вдову согласіемъ.

— Ей-Богу же ради одного хлѣба, вотъ вамъ Христосъ, ради хлѣба только! скрестивъ руки на груди, увѣрялъ онъ Лучію, когда ему случилось, наконецъ, встрѣтиться съ нею у ея крыльца. — Еслибы въ терпежъ было, ни за что бы на колченогой не женился, кумушка Лучіа.

— Ну, и разсказывайте это вашей колченогой, отвѣчала дѣвушка, позеленѣвшая отъ досады.—Я вамъ только одно скажу: къ намъ больше не ходите. Слышите, ни ногой!

И колченогая тоже ему твердила, чтобы онъ и подходить не смѣлъ къ дому Лучіи, а не то она, хромая, выгонитъ его изъ дома голаго и голоднаго, такимъ, какимъ впустила.

— Знаешь ли ты, приговаривала она:—что ты меня прежде Бога долженъ благодарить: мой вѣдь ты хлѣбъ-то ѣшь.

Въ самомъ дѣлѣ, Пино, сдѣлавшись мужемъ хромой, ни въ чемъ не терпѣлъ нужды. Гладкій, нарядный, въ сапогахъ, безъ заботы и безъ труда, съ полнымъ брюхомъ, онъ только и дѣлалъ, что бродилъ по селу, да разговоры разговаривалъ. То съ огородникомъ, то съ мясникомъ, то съ рыбаками; поглядываетъ себѣ, какъ добрые люди трудятся, хлѣбъ добываютъ и грызутся между собой изъ-за этого хлѣба.

— Вишь по себѣ ремесло нашелъ, язвила Рыжая:—бродягой былъ, бродягой и остался.

Лучіа сердито отвѣчала: — Извѣстно, что̀ ему дѣлать? Жена богатая, ну, и гуляетъ! кабы на мнѣ женился, пришлось бы надрываться, женѣ пропитанье доставать.

Санто слушалъ эти рѣчи, заломивъ руки за голову, и разсуждалъ о томъ; что было время, когда его мать совѣтовала ему взять за себя колченогую: самъ виноватъ, что кусокъ мимо рта пронесъ.

— Когда мы были молоды, наставительно втолковывалъ онъ сестрѣ: — и у насъ въ головѣ, какъ у тебя, былъ всякій этотъ вздоръ: «Подавай чего хочется»; а о томъ, что послѣ будетъ и не думали. Ты спроси-ка у моей Рыжей; кабы намъ съизнова начинать пришлось...

Рыжая, сидя на порогѣ, утвердительно кивала головой, а ея сопляки-ребятишки кишѣли около нея, кричали, хватали ее и за юбку, и за распущенные волосы.

— Хоть бы этого-то креста Господь намъ, бѣднымъ бабамъ, не посылалъ, ребятъ этихъ самихъ! хныкала Рыжая.

Тѣхъ изъ своихъ ребятъ, которыхъ могла, она таскала каждый день за собой въ поле, какъ овца ягнятъ; самую маленькую сажала въ корзину, которую за спину привязывала; дѣвочку побольше—за руку водила. Остальныхъ трехъ ей приходилось поневолѣ оставлять дома; и эти три доводили до отчаянія ея золовку. А обѣ дѣвочки: и та, которую Рыжая сама несла въ корзинѣ, и та, которая, едва поспѣвая за матерью, бѣжала, спотыкаясь, рядомъ съ нею, безпрестанно ревѣли. Такъ что и мать, бывало, остановится, сама заплачетъ, ухватится за голову, и станетъ жаловаться: «О, Господи, Господи! экая бѣда, право». Иногда она на ходу своимъ дыханіемъ старалась отогрѣть окоченѣвшія красныя рученки малютки и, распахнувъ платье, за-

пихивала ей въ ротъ сиську. Мужъ шелъ обыкновенно впереди, сгорбясь подъ тяжестью котомки съ хлѣбомъ и инструментами, и изрѣдка останавливался, покуда она возилась съ дѣтьми, но она все-таки едва его настигала, съ трудомъ влекла за руку дочурку, сама задыхалась и платье на груди ея распахивалось. Теперь онъ и не думалъ больше, какъ бывало въ Кастелучіо, любоваться ея рыжими волосами и пышной волной груди, вздымавшейся подъ опущеннымъ подбородкомъ. Теперь Рыжая обнажала и вываливала эту грудь и на солнопекѣ, и на морозѣ; ни къ чему они не были нужны, эти груди, кромѣ того, чтобы ребятъ молокомъ кормить. Не лучше кобылы. Какъ волъ рабочій стала. На ея работу мужъ не могъ пожаловаться: и землю она подымала, и жала, и сѣяла, подобравъ юбки и заголивъ свои черныя руки, не хуже любого мужика. Такъ она дожила до 27-ми лѣтъ; о нарядахъ некогда было думать.

— Мы ужь старики, говорилъ ея мужъ:—надо о ребятахъ заботиться.

И помогали они другъ другу, какъ два добрыхъ вола подъ однимъ ярмомъ. Вотъ оно, во что женитьба ихъ обратила.

— Да и мнѣ не легче, продолжала ворчать Лучія:—мужа нѣтъ, а отъ ребятъ-то тоже натерпишься. Когда родимая мама глаза закроетъ, что со мной тогда будетъ? Захотятъ дать корку хлѣба— дадутъ; а нѣтъ—такъ, не прогнѣвайся, и на улицу выгонятъ.

А мама не знала, что и сказать на это. Сидитъ, бѣдная, на лавкѣ, желтая отъ болѣзни и старости, поправляетъ платокъ на головѣ; сидитъ и молчитъ. Днемъ она выходила на крылечко, погрѣться на солнышкѣ, и сидѣла молча, покуда отблескъ вечерней зари не начиналъ блѣднѣть на почернѣвшихъ крышахъ окрестныхъ домишекъ, покуда хозяйка не начинала загонять куръ на нашести.

Она всегда молчала. Только когда заходилъ навѣстить ее сельскій врачъ и вглядывался въ ея лицо, освѣщенное свѣчой, которую, стоя рядомъ, держала дочь, старуха, боязливо улыбаясь, спрашивала:

— Скажите вы мнѣ правду, ради Господа, долго ли это протянется?

Санто, у котораго сердце было золотое, спѣшилъ отвѣтить за доктора.

— Это мнѣ ничего — расходы на лекарство; не бѣда, справимся, лишь бы мама съ нами оставалась. Оно все лучше, какъ старуха по дому бродитъ. Было ея время, потрудилась, на свой вѣкъ поработала. И мы состаримся. Авось и насъ дѣти не покинутъ.

IV.

Бѣда къ бѣдѣ. Младшій братъ, Карменіо, ушедшій въ отхожіе заработки, хватилъ лихорадку въ Камеми. Кабы хозяинъ, у котораго онъ жилъ, былъ богатъ, можетъ статься, онъ покупалъ бы лекарства для рабочаго. Но самъ хозяинъ какъ рыба объ ледъ бился со своимъ стадомъ, да и работника-то ему, пожалуй, держать нынче не слѣдовало, только человѣкъ онъ былъ добрый и у него не хватало духу отказать парню отъ мѣста. Покойный Нани былъ ему другъ и добро ему дѣлалъ. Можетъ, разсуждалъ Вито, и меня Господь наградитъ. Пару другую козъ и самъ могъ бы пасти, да побаивался болотной лихорадки на пастбищѣ. У Вито только и добра было, что эти козы, да кусокъ выгона въ Камеми, гдѣ лихорадка живмя жила, какъ снѣгъ зимой въ горахъ.

Однажды боль совсѣмъ разломила Карменіо. Кости были словно переломаны; онъ выбрался со своими козами на пыльную тропку и прилегъ въ тѣни большущаго камня; мошка толклась надъ нимъ столбомъ, въ душномъ майскомъ воздухѣ; слабость его одолѣла и онъ заснулъ. А козы въ это время забрались на поля сосѣда, дяди Кели. Поля-то всего было—одна полоска съ носовой платокъ, да и та пожелтѣвшая отъ засухи и жать почти-что было нечего. Но дядя Кели зорко приглядывалъ изъ-за своего плетня за неприкосновенностью своей полосы; берегъ ее, какъ зеницу ока, потому что онъ полилъ ее своимъ кровавымъ потомъ и на цѣлый годъ надежды въ нее положилъ. Когда дядя Кели увидѣлъ, что козы въ его полосу попали, то разсвирѣпѣлъ.

— Ахъ, чтобы этимъ нехристямъ хлѣба никогда не ѣдать! крикнулъ онъ.

Карменіо пробудился отъ своего болѣзненнаго сна подъ градомъ пинковъ и кулаковъ дяди Кели. Пробудясь, онъ сталъ какъ сумасшедшій бѣгать за разбредшимися козами. Онъ и плакалъ, и рычалъ. Очень натурально, что Карменіо, истерзанный лихорадкой, плакалъ и стоналъ, да сосѣду-то какая отъ этого польза. «Слезами за убытокъ не заплатишь. Чего тутъ: «Ахъ, матушки мои! да ахъ, батюшки мои!» Небось цѣлый годъ сожрали козы. Къ зимѣ мои ребята безъ хлѣба останутся. Вотъ что ты надѣлалъ, разбойникъ! оралъ Кели:—кожу съ тебя съ живого содрать и то мало».

Дядя Кели пріискалъ свидѣтелей и пожаловался въ судъ на козъ сосѣда Вито. Когда Вито получилъ повѣстку отъ судьи,

это и его самого, и жену какъ громомъ поразило. «Ахъ, разбойникъ Карменіо, выругались супруги:—совсѣмъ насъ раззорилъ! Вотъ дѣлай людямъ добро; они тебя поблагодарятъ. Извѣстно, гдѣ же тутъ съ лихорадкой за козами углядѣть. Вѣдь это совсѣмъ въ конецъ раззоренье, коли за убытки дяди Кели платить придется!»

Бѣдняга Вито въ полдень побѣжалъ въ Камеми, гдѣ жилъ судья. Съ горя онъ ничего не видѣлъ; въ глазахъ темно было. И безъ того много ему на голову несчастій за послѣднее время свалилось, а тутъ еще это дѣло. Онъ на каждомъ шагу, задыхаясь, ругалъ Карменіо, который тоже шелъ съ нимъ въ городъ.

— Вѣдь ты насъ, разбойникъ, въ край раззорилъ. Безъ рубахи оставилъ. Вотъ до чего я дожилъ!

Карменіо, стараясь уклониться отъ пинковъ, которыми угощалъ его хозяинъ, пытался оправдываться.

— Да чѣмъ же я-то виноватъ, коли ноги меня не носили, коли лихорадка совсѣмъ одолѣла?

Но это ни къ чему не вело. Парню пришлось въ тотъ же день связать въ узелокъ свои пожитки и убираться на всѣ четыре стороны, а съ жалованьемъ, которое ему еще было не доплачено, проститься. Вито рѣшилъ, что ужь лучше онъ во второй разъ лихорадку на выгонѣ схватитъ, а работниковъ больше держать не станетъ. Такъ ему солоно пришлось отъ работниковъ.

Придя домой безъ ничего, съ маленькимъ узелкомъ на палкѣ, перекинутой черезъ плечо, Карменіо ни слова не сказалъ. Только у старой матери сердце сжалось при видѣ его блѣднаго, осунувшагося лица. Но она не знала, что подумать. Она послѣ все узнала отъ дона Венерандо, который жилъ недалеко и у котораго въ Камеми тоже былъ клочекъ земли, рядомъ съ злополучной полоской дяди Кели.

— Ты, смотри, никому не сказывай, совѣтовала сыну старуха:—никому не сказывай, за что тебя прогналъ дядя Вито. А не то во вѣки-вѣковъ не найдешь себѣ другого мѣста.

А Санто прибавлялъ къ этому совѣту:

— Да и о терцанѣ [1] о своей молчи, а то никто тебя не возьметъ. Кому больной работникъ нуженъ?

Однако, тотъ же донъ Венерандо нанялъ его для своего стада, которое паслось въ Санта-Маргарита.

— Я тебѣ буду давать лекарства, говорилъ донъ Венерандо:— и тогда ужь тебѣ нельзя будетъ отговариваться, что лихорадка усыпила, если козы разбредутся куда имъ самимъ захочется.

---

[1] Злая лихорадка.

Донъ Венерандо съ нѣкоторыхъ поръ ко всему семейству большое оказывалъ благоволеніе. Иногда съ террасы своего дома онъ посматривалъ на Лучію.

— Коли хотите, я и дѣвушку найму у васъ, говорилъ онъ:— мнѣ дома женская прислуга нужна.

Онъ даже предлагалъ, чтобы Карменіо увезъ съ собой въ Санта-Маргариту старуху мать. Она день отъ дня все становилась слабѣе. По крайней мѣрѣ, тамъ, на фермѣ, и яица, и молоко есть, даже и мясо, если случится, что коза околѣетъ. Рыжая, себя не жалѣя, всякое тряпье въ домѣ собрала, бѣлья имъ обѣимъ, сколько могла, нашила. Наступало время посѣва; они съ мужемъ не могли каждый день изъ Личіардо домой возвращаться. Съ зимой приблизилась нужда, во всемъ недохватки. Лучія на этотъ разъ совершенно серьёзно рѣшила, что наймется въ услуженіе къ дону Венерандо.

Старуху посадили на осла, узелокъ привязали сзади. Санто поддерживалъ ее съ одной стороны, съ другой Карменіо. Она предоставляла дѣлать съ собой, что угодно, только когда стала прощаться съ дочерью, то печально поглядѣла на нее своими отжившими глазами.

— Судитъ ли Господь свидѣться? шамкала старуха:—можетъ и не видать мнѣ больше тебя. Говорятъ въ апрѣлѣ меня назадъ привезутъ. А ты, дѣвушка, честно хозяину служи. Бога не забывай. Тамъ сыта по крайности будешь.

Лучія всхлипывала, закрывшись передникомъ. Даже *Рыжая* плакала. На этотъ разъ онѣ помирились и стояли обнявшись, и обливаясь слезами.

— У моей Рыжей сердце доброе, говорилъ Санто.—Бѣда въ томъ, что бѣдность одолѣла, оттого и доброта наша не всегда на виду. Когда курамъ нечего клевать въ хлѣву, онѣ другъ съ другомъ клюются.

V.

Лучія въ домѣ дона-Венерандо зажила припѣваючи. И, какъ обыкновенно говорятъ слуги господамъ, желая выразить имъ свою благодарсность, до гробовой доски хотѣла прослужить на этомъ мѣстѣ. И хлѣба она ѣла въ волю; и горячая похлебка каждый день, и каждый день стаканъ вина; а по воскресеньямъ и праздникамъ мясо. Между тѣмъ, все жалованье цѣликомъ оставалось у нея въ карманѣ, а по вечерамъ она могла шить на себя, и шила понемножку приданое. И женихъ былъ подъ рукой, парень по фамиліи Брази, исправлявшій должность лакея и по-

вара въ домѣ, а иногда и въ полѣ работавшій, когда было нужно. Его хозяинъ, донъ-Венерандо, началъ такъ же, какъ и Брази; сначала жилъ въ услуженіи у богатаго барона, а теперь и самъ обладаетъ титуломъ *дона*, накупилъ земель, имѣетъ большія стада и окруженъ довольствомъ и всякой благодатью. Такъ какъ Лучіа была взята изъ хорошей крестьянской семьи, недавно зажиточной и уважаемой, хотя и обѣднѣвшей за послѣднее время, и такъ какъ она была дѣвушка добрая и честная, то на нее возлагалась относительно легкая работа: мыть посуду, ходить въ погребъ и кладовую, смотрѣть за птицей. Ей былъ отведенъ для спанья уголокъ подъ лѣстницей, такой уютный уголокъ, что можно было назвать его комнатой. И кровать и сундукъ и все такое было. Такъ что и въ самомъ дѣлѣ она могла желать до самой своей смерти прожить на этомъ мѣстѣ. Между тѣмъ, она дѣлала глазки Брази, намекала, что годика черезъ два, черезъ три, она накопитъ деньжатъ и «сама на ноги встанетъ», если Богу будетъ угодно.

Брази былъ какъ будто тугъ на это ухо. Однако, видимо, ему нравилась Лучіа со своими черными, какъ уголь, глазами; нравилось и приданое ея, которое у него на виду по маленьку наростало да наростало. Несомнѣнно и ей нравился Брази, невысокій, коренастый парень, съ хитрой усмѣшкой на тонкомъ лицѣ, напоминавшемъ лису. Когда они перемывали посуду, стоя у котла съ горячей водой, какихъ только глупостей и шутокъ онъ не выдумывалъ, чтобы ее разсмѣшить. То водой ей за спину прыснетъ, то листьевъ салата напихаетъ ей въ косы; Лучіа взвизгивала сдержанно, чтобы господа не услышали; забивалась въ уголъ за печку, бросала ему въ лицо мокрыя кухонныя тряпки, и обрѣзки зелени, не безъ удовольствія ощущая, какъ вода все ниже и ниже спускалась у ней по спинѣ.

— Хотите, я битокъ вамъ состряпаю, предлагалъ парень:—говядина есть.

— Не нужно мнѣ! отвѣчала Лучіа. — Вы все глупостями занимаетесь.

Брази старался казаться обиженнымъ. Свертывалъ листъ салата, которымъ она только что запустила ему въ физіономію, запихивалъ его къ себѣ за рубашку, къ самому сердцу и бормоталъ:

— Это мое, мое! Я васъ не трогаю. Чего вы? Это мое, со мной и останется. Хотите я вамъ еще кой-чего дамъ, вы и положите къ себѣ къ тому же самому мѣстечку, какъ и я. И онъ дѣлалъ видъ, что вырываетъ у себя клочекъ волосъ, чтобы поднести ей на память, и при этомъ высовывалъ ей языкъ.

Она здорово, какъ подобаетъ крестьянской дѣвкѣ, кормила его тумаками, отъ которыхъ, какъ онъ увѣрялъ, ему снились не хорошіе сны, и которые его могли искалечить. Она его таскала за волосы, какъ хохлатую собаченку и, по правдѣ сказать, испытывала пріятное ощущеніе, погружая пальцы въ его курчавую мягкую шерсть.

— Отводи душеньку-то, отводи! поощрялъ онъ:—я не такой ехидный, какъ ты. Ты меня хоть истолки, хоть сосисокъ себѣ изъ меня надѣлай—я тебѣ все предоставлю.

Разъ ихъ накрылъ въ такихъ забавахъ донъ-Венерандо, и, чортъ знаетъ, какой гвалтъ поднялъ. «Чтобы въ его домѣ несмѣли интрижекъ заводить; нето обоихъ вытолкаетъ въ зашей». Самъ же донъ-Венерандо, когда ему случалось зайти въ кухню, застать тамъ Лучію одну, бывалъ съ ней очень ласковъ, и пытался погладить ее двумя пальчиками, только двумя пальчиками.

— Ну ужь, баринъ, пожалуйста оставьте! огрызалась Лучія.— Не люблю я этакихъ шутокъ. Право, вотъ свяжу свое добро въ узелъ, да и уйду отъ васъ.

— Ишь ты какая! Брази съ тобой шутитъ, такъ тебѣ нравится, а я, твой баринъ—не любъ? Это что за новости! Ты понимаешь, что я, коли захочу, и колецъ тебѣ золотыхъ надарю и серегъ, и приданое тебѣ помогу скопить.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ разсказывалъ Брази, жившій у него уже давно, у хозяина денегъ куры не клевали. Жена его хоть и была стара и суха, точно мумія, но какъ принцесса всегда въ шолкъ была наряжена. Надо полагать, что ея мужъ только съ тѣхъ поръ, какъ она высохла и состарѣлась, сталъ заходить въ кухню балагурить съ дѣвушками. Впрочемъ, онъ приходилъ съ хозяйственными цѣлями: наблюдать, сколько дровъ сжигали, сколько мяса клали въ супъ. Онъ былъ богатъ, конечно, но зналъ, сколько на что въ хозяйствѣ должно идти, и цѣлый день вздорилъ съ женой, которая съ тѣхъ поръ, какъ стала барыней, постоянно жаловалась на головокруженіе, увѣряя, что дешевые дрова дымятъ, что лукъ воняетъ и что все это нынче ей вредно.

Когда хозяинъ заговаривалъ съ Лучіей о приданомъ, она отвѣчала ему:

— Сама я себѣ, своими руками, приданое скоплю. Мать у меня была честная, и я хочу быть честной, чтобы хоть какому крещеному не стыдно было меня за себя замужъ взять.

— А кто возьметъ-то! возражалъ баринъ.—Вотъ ужо увидишь какое ты сама себѣ приданое накопишь! Увидишь, кто на твоей честности женится.

Если макароны бывали переварены, или яичница, которую

Лучія приносила въ столовую на сковородкѣ, отзывалась перегорѣлымъ, донъ Венерандо безо всякой жалости ругалъ ее при своей женѣ. При женѣ онъ становился совсѣмъ инымъ человѣкомъ, и брюхо у него какъ-то важно выпячивалось, и голосъ становился грубый и громкій.

— Совсѣмъ буженину испортили! Двое служатъ, да только объѣдаютъ господъ. Безстыжіе.

Иногда онъ прямо въ лицо Лучіи швырялъ даръ Божій, когда этотъ даръ былъ приготовленъ не по его вкусу. Добрая барыня даже унимала его иногда; сосѣдей стыдилась—неравно услышатъ, и высылала служанку изъ комнаты своимъ гнусливымъ фальцетомъ:

— Убирайся ты отсюда. Убирайся въ кухню; дармоѣдка этакая. Безрукая.

Лучія убиралась и плакала въ кухнѣ, въ углу за печкой. Брази утѣшалъ ее, глядя на нее плутовскими глазами.

— Вотъ, стоитъ обращать вниманіе! Пусть себѣ кудахтаютъ. На всякое барское чиханье не наздравствуешься; намъ бы и житья не было. Эка! Ну, подгорѣла яичница, имъ же хуже! Я и дровъ наколи на дворѣ, и яйца въ кухнѣ переворачивай на сковородѣ! Развѣ я могу все заразъ? Хотятъ, чтобы я у нихъ и работникомъ былъ, и кушанье чтобы готовилъ, да еще злятся, когда имъ не по царски служишь. Забыли какъ сами-то обѣдали подъ деревомъ въ лѣсу, чернымъ хлѣбцемъ да сырой луковицей закусывали; забыли, какъ она сама на сжатыя полосы колосья ходила собирать.

Тогда между поваромъ и служанкой начинались откровенности; они разсказывали другъ другу всѣ свои «бѣды», порождаемыя дурнымъ съ ними обращеніемъ «этихъ новыхъ баръ». Да вѣдь они недавно еще сами были бѣднѣе родителей Брази и Лучіи. Отецъ Брази былъ каретникъ, т. е. тележникъ — ну, да все равно! не шутка и тележникъ — своя мастерская была. Сынъ былъ самъ виноватъ, что не хотѣлъ учиться отцовскому ремеслу, дурачился, предпочиталъ таскаться съ красноторговцемъ по ярмаркамъ. Ужь тамъ онъ и поварничать и за скотомъ ходить выучился.

Лучія тоже пересчитывала свои невзгоды: и какъ тятя долго болѣлъ, и какъ скотина пала, и про Рыжую разсказывала, и на неурожайные годы плакалась. Оказывалось, что̀ она, что̀ Брази— все одно, одного поля ягоды.

— Ну, ужь объ вашемъ братѣ, да о Рыжей что и толковать! возражалъ Брази.—Благодарю покорно...

Конечно, онъ не хулилъ Рыжую. Это не бѣда, что она была

мужичка. Брази увѣрялъ, что онъ не гордый человѣкъ. А бѣда, по его мнѣнію, заключалась въ томъ, что они поженились когда ни у того, ни у другого ничего за душой не было. Чѣмъ жениться въ нищетѣ, лучше себѣ камень на шею, да въ воду.

Всѣ эти разсужденія парня, Лучіа выслушивала молча, а у самой на сердцѣ становилось горько. При немъ она старалась не плакать, а уходила плакать къ себѣ подъ лѣсенку. Она чувствовала, что начинала любить этого крещенаго, съ которымъ постоянно бывала вмѣстѣ въ кухнѣ, передъ печкой. Хозяйскіе выговоры и хозяйскую брань она старалась на себя принимать, а для него откладывала самый вкусный кусочекъ, подставляла стаканъ вина болѣе полный, колола за него дрова на дворикѣ, и выучилась переворачивать на сковородкѣ яйца и макароны такъ ловко, что стряпней Брази баринъ оставался доволенъ. Когда Брази видѣлъ, что она, усаживаясь за свою трапезу, осѣняла себя набожно крестнымъ знаменіемъ и шептала молитву, онъ насмѣшливо говорилъ ей:

— Не о чемъ молиться-то, не сладкіе дары божіи намъ достаются.

Онъ постоянно и на все жаловался: не житье, а каторга; только и есть свободы, что три часа вечеромъ, да и то въ трактиръ сбѣгать не успѣешь. Иногда Лучіа, опустивъ свое раскраснѣвшееся личико, тихо замѣчала ему:

— Да зачѣмъ и ходить въ харчевню. Бросилъ бы ты эту гульбу; совсѣмъ она ни къ чему тебѣ.

— Вотъ сейчасъ и видно, что деревенщина, возражалъ Брази.—По вашему, по деревенскому, въ трактирѣ самъ чортъ сидитъ. Я, милая ты моя, родился въ магазинѣ. Да! Мой отецъ заведеніе держалъ: самъ хозяиномъ былъ. Я не то что мужикъ какой-нибудь.

— Да я тебѣ же добра желаю. Гроши только тамъ свои оставляешь; да еще того и гляди на какую ссору наткнешься.

Брази очень было лестно, что она такія слова говорила; ему очень нравились хорошенькіе глазки, которые избѣгали его взгляда. Но онъ не могъ не поломаться.

— А вамъ то, скажите на милость, какая корысть обо мнѣ заботиться?..

— Для тебя же говорю... Мнѣ-то, извѣстно, все равно.

— И не тошно это тебѣ день деньской ни разу изъ дому носу не высунуть?

— Слава тебѣ Господи, не тошно. Хорошо бы кабы и мои родные были, какъ я: и сыты, и обуты...

Разговоръ происходилъ въ подвалѣ, куда она пришла за ви-

номъ. Вино изъ крана бочки цѣдилось въ бутыль, которую она держала между колѣнъ. Брази спустился съ нею, чтобы посвѣтить. Подвалъ былъ большущій, мрачный, мухи даже неслышно было въ подземельи, и Брази съ Лучіей были одни. Парень обвилъ ея шею руками и крѣпко поцѣловалъ ея розовыя, какъ кораллъ, губы.

Бѣдняжка, конечно, могла ожидать этого, да и дѣйствительно какъ будто ожидала; опустивъ голову, уставивъ глаза на бутыль, она молчала, молчалъ и онъ; слышно было только его усиленное горячее дыханіе и журчанье цѣдившагося вина. Конечно, она ожидала... Но тѣмъ не менѣе вскрикнула, правда, осторожно; и, вся задрожавъ, отодвинулась назадъ: бутыль покачнулась и нѣсколько красной влаги разлилось по землѣ.

— Ну, что случилось? воскликнулъ. Брази.—Что̀ я тебя, оплеухами, что ли, накормилъ?

Она боялась взглянуть ему въ лицо; а смерть хотѣлось взглянуть. Казалось, она вся погрузилась въ наблюденіе за виномъ и сконфуженно бормотала:

— Бѣда мнѣ будетъ, ей Богу бѣда! что̀ я надѣлала. Вино-то хозяйское.

— А пусть себѣ льется. Велика важность! Много у хозяина вина. Ты лучше меня послушай. Любишь ты меня, или нѣтъ? Ты вотъ что мнѣ скажи.

На этотъ разъ она дала ему взять себя за руки, но все-таки ничего не отвѣчала; за то, когда Брази потребовалъ, чтобы она возвратила ему поцѣлуй, который онъ ей далъ, она исполнила его желаніе, и вся покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ.

— Что? небывалое будто дѣло? смѣясь спросилъ Брази.— Чудесно! чего ты вся дрожишь? точно я тебя убить собираюсь.

— Нѣтъ, это такъ. Я тебя тоже люблю. И мнѣ тоже хотѣлось тебя поцѣловать. А что я дрожу—ты на это вниманія не обращай. Это я испугалась, что вино разлилось.

— Видишь вѣдь какое дѣло! Любишь, а съ какихъ поръ? Что-же ты мнѣ ничего не сказывала? съ какихъ поръ? А?

— Да съ тѣхъ поръ, какъ Господь намъ сужеными быть велѣлъ.

— А! вотъ оно что! отвѣчалъ Брази, почесывая въ затылкѣ.— Пойдемъ-ко наверхъ, неравно еще хозяинъ придетъ.

Лучіа чувствовала себя счастливою послѣ этого поцѣлуя; ей казалось, что Брази запечатлѣлъ имъ свое обѣщаніе жениться на ней. Но онъ о женитьбѣ не заикался, и если дѣвушка ему объ этомъ намекала, то говорилъ:

— Чего торопиться-то? Для чего себѣ на шею ярмо надѣ-

вать, когда можно и безъ того жить все равно, что мужъ и жена?

— Не все равно. Теперь мы вздумаемъ, да и пошли: одинъ въ одну сторону, другой въ другую. А обвѣнчаемся, такъ ужь вмѣстѣ жить надо будетъ.

— Хороши мы будемъ, коли обвѣнчаемся. Мы, милая моя, изъ разнаго тѣста печены. Вотъ кабы у тебя приданое хорошее было!

— Экое у тебя сердце черное. Никогда я не повѣрю, чтобы ты меня любилъ.

— Извѣстно люблю. И теперь здѣсь живу только тебя ради. Только ты разговоры пустые заводишь.

— Ну, это ужь лучше оставь. Не надо мнѣ васъ. Оставьте меня, и не глядите на меня.

Она увѣряла, что теперь узнала, что мущины всѣ обманщики, измѣнники. Она больше о нихъ слышать не хотѣла. Лучше въ колодезь внизъ головой кинуться, въ монахини пойти, чѣмъ свое доброе имя за окно на улицу выкинуть. А какой же ей, впрочемъ, прокъ отъ добраго имени, безъ приданаго? Лучше ужь сломать себѣ шею на этомъ старикашкѣ, на хозяинѣ; хоть срамомъ да нажить приданное... Нѣтъ, никогда! никогда!..

А донъ-Венерандо все около нея: когда добромъ, когда недобромъ къ ней льнетъ. Заходитъ въ кухню за хозяйствомъ наблюдать; немного ли дровъ жгутъ, не много ли масла тратятъ на фритуру. Придетъ въ кухню, отошлетъ Брази въ лавочку за табакомъ, и начнетъ ловить Лучію за подбородокъ, и бѣгать за ней по кухнѣ на цыпочкахъ. На цыпочкахъ, что бы жена не услыхала. Бѣгаетъ и упрекаетъ дѣвушку въ неуваженіи къ старшимъ, которымъ приходится до одышки гоняться за ней, поддерживая руками толстое брюхо. А она все: «нѣтъ, да нѣтъ», какъ бѣшеная кошка. «Лучше, говоритъ, соберу свой узелокъ и уйду, а не то что бы что».

— А чѣмъ кормиться-то будешь? допекаетъ хозяинъ —Кто тебя, безъ приданаго, замужъ возьметъ? Ты погляди-ко! Что за серьги! Да я тебѣ на приданое 20 онцовъ подарю. Брази, коли ему 20 онцовъ дать, даже позволитъ себѣ глаза выцарапать.

И что въ самомъ дѣлѣ было за черное сердце у этого Брази! Ему было ни почемъ, что хозяинъ своими дрожащими старческими руками обнималъ молодую дѣвушку; онъ не понималъ, что она тосковала по матери, которой недолго оставалось жить на бѣломъ свѣтѣ, по домѣ, который все больше и больше приходилъ въ упадокъ, по семьѣ, которая, какъ рыба объ ледъ, билась въ этомъ родительскомъ домѣ; Брази былъ совершенно

равнодушенъ къ тому, что нѣтъ, нѣтъ да и вспомнитъ она про Пино, который бросилъ ее ради колченогой богатой вдовы. Брази оставлялъ ее лицомъ къ лицу съ искушеніемъ, которое представляли золотыя серьги и 20 онцовъ приданаго.

Наконецъ, однажды она вошла въ кухню съ пылающимъ отъ волненія лицомъ, и съ дорогими серьгами въ ушахъ. Брази поглядѣлъ на нее насмѣшливыми, плутовскими глазами и сказалъ:

— Пристало это къ тебѣ, кумушка Лучіа. Красавица настоящая!

— Нравится? Ну, такъ ладно же, ладно!

Съ тѣхъ поръ, какъ Брази увидѣлъ у нея золотыя серьги и разныя другія цѣнныя вещи, онъ изъ кожи сталъ лѣзть, стараясь ей угодить, словно она сдѣлалась второй хозяйкой въ домѣ. Онъ ей самъ подавалъ лучшій кусокъ, и усаживалъ на лучшее мѣсто въ кухнѣ, поближе къ огню. Онъ сталъ съ ней особенно откровененъ; распространялся о томъ, какіе они оба бѣдняки, и какъ пріятно дѣлиться своими горестями съ человѣкомъ, который тебя душевно любитъ. Еслибы только ему удалось скопить хоть 20 онцевъ, онъ бы сейчасъ завелъ лавочку и женился бы непремѣнно. Онъ бы самъ хозяйствомъ занимался, варилъ бы обѣдъ и ужинъ, а жена торговала бы за прилавкомъ. Сами бы себѣ господа были. Еслибъ только донъ-Венерандо захотѣлъ наградить ихъ за вѣрную службу, ему ничего не стоило бы подарить 20 онцевъ. Что ему такое 20 онцевъ? Все равно, что понюшка табаку. А онъ, Брази, не сталъ бы рожи воротить отъ подарка. На этомъ свѣтѣ, извѣстно, рука руку моетъ. Надо хлѣбъ доставать, какъ умѣешь: на улицѣ куска не поднимешь; бѣдность не порокъ.

Лучіа, при такихъ разговорахъ, либо вспыхивала въ лицѣ, либо блѣднѣла; глаза у ней опухали отъ слезъ; и она закрывалась передникомъ. Скоро она перестала совсѣмъ изъ дому выходить, не показывалась на улицѣ даже въ Свѣтлое Христово Воскресенье; не ходила ни къ обѣдни, ни къ исповѣди. Въ кухнѣ забивалась въ самый темный уголъ, сидѣла понуривъ голову, и незнала, куда спратать новыя платья, которыми ее награждалъ хозяинъ. Брази ее утѣшалъ по дружески. Положитъ ей свою руку на шею, а другой ощупываетъ матерію на платьѣ, и непремѣнно похвалитъ. Серьги золотыя его приводили въ восторгъ, и, какъ онъ увѣрялъ, удивительно шли къ ней. Кто одѣтъ хорошо, да у кого есть деньги въ карманѣ, тому нечего стыдиться, нечего ходить понуря голову, нечего опускать глаза въ землю, особенно такіе хорошенькіе глаза, какъ у кумушки Лучіи. Бѣд-

няжка дѣлала надъ собой усиліе, чтобы взглянуть ему въ лицо, и, полная смущенія, произносила:

— Это ты все взаправду говоришь, Брази? Ты еще все меня любишь?

— Ахъ ты, дѣвушка! еще бы не любить! отвѣчалъ Брази совершенно искренно. Ты подумай, чѣмъ я виноватъ, что нѣтъ у меня богатства. Кабы у тебя было хоть 20 онцовъ приданаго, я бы зажмуривъ глаза на тебѣ женился.

Съ нѣкоторыхъ поръ донъ-Венерондо сталъ и съ нимъ обращаться милостиво: то старый сюртукъ ему подаритъ, то отдастъ стоптанные сапоги. А когда ходилъ въ подвалъ, всегда подносилъ ему добрый стаканъ вина, и еще приговаривалъ.

— На! Пей за мое здоровье.

Брюхо дона Венерандо такъ и колыхалось отъ смѣха, глядя на блѣдную рожу Брази, когда онъ, обращаясь къ Лучіи, говорилъ ей:

— Знатный у насъ баринъ, кумушка Лучіа! Пусть себѣ сосѣди пустое плетутъ. Не обращайте на нихъ вниманія. Зависть одна. Голодный всегда завистливъ. Всякой хотѣлось бы быть на вашемъ мѣстѣ.

VI.

Братъ Санто обо всѣхъ этихъ дѣлахъ узналъ только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; онъ очень взволновался и разсказалъ все женѣ. Бѣдны-то они давно бѣдны, да по крайней мѣрѣ, всегда честные люди были; по крайней мѣрѣ, всякій ихъ семьѣ уваженіе оказывалъ. *Рыжая* тоже взбѣленилась; и сейчасъ же сама побѣжала къ золовкѣ; пришла къ ней и слова даже не могла выговорить. Но когда вернулась домой къ мужу, то словно вся преобразилась, веселая стала, довольная; щеки разрумянились.

— Кабы ты видѣлъ! восклицала она: — экой высокій сундучище, весь хорошимъ бѣльемъ набитъ! Колецъ что! Серегъ! золотое ожерелье! Да еще 20 онцевъ денегъ на приданое!

— Не ладно это все! Не ладно! продолжалъ негодовать Санто, не чувствовавшій себя въ силахъ примириться съ позорнымъ фактомъ.—Хоть бы она подождала, когда ея мать глаза закроетъ.

Мать закрыла глаза въ тотъ самый годъ, который прозвали снѣжнымъ; когда отъ снѣга крыши домовъ проламывались, и когда выпало столько скота, что спаси Господи. Въ Ламіа, и въ горахъ святой Маргариты всѣ видѣли заранѣе, какъ надвигались мертвенно свинцовыя, зловѣщія тучи. Волы боязливо огляды-

вались назадъ и жалобно мычали. Люди, не отходя отъ своихъ жилищъ, молча, приложивъ руку надъ глазами, вглядывались въ даль, въ темное море. Въ старомъ монастырѣ, надъ горой звонили колокола: старцы молились, чтобы Господь отвелъ бѣду отъ крещеныхъ. Около водоема въ Кастелло чернѣли фигуры кумушекъ, тревожно между собой бесѣдовавшихъ, и съ ужасомъ взиравшихъ на блѣдное на закатѣ небо, по которому вытягивался огромный «драконовъ хвостъ»: извилистая черная, какъ смоль туча, отъ которой, какъ бабы увѣряли, «сѣрнымъ духомъ» несетъ. Всѣ ожидали, что ночь будетъ ужасна. Бабы грозили дракону кулаками, показывали ему со своихъ обнаженныхъ грудей образки пресвятой Богородицы, плевали въ небо, усердно крестились, читали молитвы Господу Богу, всѣмъ святымъ, и преподобной Лучіа—потому что дѣло было наканунѣ Лукерьина дня; бабы молились чтобы угодники Божіи сберегли ихъ поля, ихъ скотинку, и ихъ мужей и братьевъ, изъ которыхъ многихъ не было дома, потому что они добывали хлѣбъ на отхожихъ заработкахъ. Карменіо въ началѣ зимы надо было идти со своимъ стадомъ въ горы св. Маргариты. Въ тотъ самый вечеръ, когда онъ собирался въ путь, старой матери нездоровилось; она очень тяжело дышала, лежа на своей кровати съ широко раскрытыми глазами. Она нынче стала безпокойна: и то ей подай, и этого ей надо; то встать хотѣла, то требовала, чтобы ее на другой бокъ перевернули. Карменіо все дѣлалъ, всюду бѣгалъ, чтобы достать ей то, чего ей хотѣлось; потомъ сталъ у ея постели растерянно, не зная что ему дѣлать, и чуть волосы у себя на головѣ не рвалъ. Домишко, который онъ занималъ, стоялъ на берегу горнаго потока, по противоположному берегу котораго шли пастбища. Домишка былъ словно втиснутъ межъ двумя громадными камнями, полунависшими надъ его крышей. Отвѣсный, противуположный берегъ словно удалялся, скрываясь во мракѣ, подымавшемся изъ долины; бѣлесоватой тропки, извивавшейся по немъ, почти не было видно. На закатѣ солнца, сосѣди пастухи, пасшіе стада въ рощахъ индѣйской смоковницы, заходили къ нимъ, спросить не надо ли чего для больной. Она уже почти не шевелилась, лежала вверхъ глазомъ, съ почернѣвшей переносицей.

— Плохой это знакъ, замѣтилъ сосѣдъ Деку: — кабы я тамъ въ горахъ козъ не оставилъ, да кабы туча эта не наползала, я бы тебя одного ночью не оставилъ. Ты меня кликни, коли что.

Карменіо, прислонясь головой къ стѣнѣ, отвѣчалъ: ладно. Когда же сосѣдъ удалился, медленно переплетая ногами, когда фигура его стала скрываться въ ночномъ мракѣ, парень хотѣлъ

бѣжать за нимъ, кликнуть его. Самъ не зналъ, чего хотѣлъ, не зналъ что дѣлать.

— Если коли что, крикнулъ ему еще разъ изъ мрака сосѣдъ Деку: — ты бѣги за мной въ смоковницы. Чай, знаешь, гдѣ стадо. Тамъ народъ...

Еще съ полчаса тому назадъ, стадо было видно на утесѣ, подъ самыми небесами, освѣщенное остатками дневнаго свѣта, теплившагося на вершинахъ горъ; виднѣлись еще и очертанія лапистыхъ могучихъ смоковницъ. Далеко, далеко близь равнины, слышно было какъ завывали собаки—уу-у-ууу? Морозъ пробѣгалъ по кожѣ, страшно становилось. Козы. пасшіяся около жилищъ, какъ бѣшеныя, словно почуявъ волка, поспѣшно тискались въ загороди. Мелкій перезвонъ ихъ колокольчиковъ, наводилъ тоску; казалось, глаза невѣдомаго чудовища загорались во тьмѣ ночной и безпокойно глядѣли всюду. Потомъ козы присмирѣли, недвижимо прижались кучей другъ къ другу, и уткнули морды въ землю. Собака закончила свой лай долгимъ протяжнымъ воемъ, и тоже присмирѣла, поджавъ хвостъ. Надъ домишкомъ пролетѣлъ филинъ, и заукалъ.

— Пронеси Господь бѣду! прошепталъ, крестясь, Карменіо:— помилуй насъ пресвятая дѣва Марія. Такъ ему было тоскливо оставаться одному въ домѣ съ матерью, которая перестала даже говорить.

— Мама, да ты что хочешь-то? скажи! Али знобитъ тебя?

Но она ничего не отвѣчала, а лицо у нея все темнѣло и темнѣло. Онъ развелъ огонь на очагѣ между двумя камнями, и сталъ наблюдать, какъ горѣли сухіе прутья, какъ поднималось кверху пламя, сливаясь въ одинъ большой языкъ; прислушивался къ ихъ треску и шипѣнью: словно они шептались промежъ себя. Когда онъ пасъ стада въ Резоконе, тамъ былъ пастухъ Франкофонте, который былъ гораздъ по ночамъ сказывать и сказки, и бывальщины. Онъ много разсказывалъ про вѣдьмъ, какъ онѣ на метлахъ верхомъ ѣздятъ, какъ онѣ колдуютъ надъ огнемъ. Карменіо вспоминалъ, какъ крещеные собирались въ кружокъ около разскащика, въ большомъ темномъ сараѣ. Фонарь висѣлъ на толстомъ столбѣ; всѣ слушали вытаращивъ глаза, и ни у кого, бывало, не хватало духу пойти спать въ свой уголъ.

Теперь, какъ и тогда, у него на шеѣ подъ рубашкой висѣлъ образокъ богоматери, и поясокъ отъ св. Аграфены былъ повязанъ на правомъ пульсѣ; поясокъ почернѣлъ отъ времени. Въ карманѣ пантолонъ, которые на немъ были и въ Резоконе, Карменіо и теперь ощупывалъ свою тростниковую дудку, которая напоминала ему лѣтніе вечера: «І-ю, і-ю, і-ю!» Козы забѣгали на

сжатое поле, все золотое. Въ полуденный часъ стрекотали и изъ подъ ногъ выпрыгивали кузнечики; къ вечеру жаворонки, заливаясь пѣснями, спускались съ высоты на землю и скрывались въ свои гнѣздышки за камнями, а въ воздухѣ крѣпко пахло мятой и размариномъ. И опять о Рождествѣ: «I-ю, i-ю, i-ю, i-ю,» во славу Христа младенца. Онъ приходилъ домой и славилъ Христа передъ божницами, ярко освѣщенными лампадами и восковыми свѣчами, разукрашенными апельсинными вѣтвями. Онъ ходилъ славить Христа и по другимъ домамъ, останавливался передъ разукрашенными божницами, выставленными на крылечкахъ. Ребятишки на улицѣ играли въ fosetta [1]; славное декабрьское солнце ласково грѣло спину. Потомъ въ полночь всѣ ходили къ заутрени; шли гурьбой; наталкивались другъ на друга въ темной улицѣ, и хохотали. Ахъ, зачѣмъ теперь у него такъ тяжко на сердцѣ? Зачѣмъ мама ни словечка не отвѣчаетъ? До полуночи еще не мало мѣста оставалось. Съ нештукатуренныхъ стѣнъ, освѣщенныхъ очагомъ, на него глядѣли щели и дыры противоположной каменной кладки. На его постельникѣ въ углу былъ кинутъ кафтанъ, словно человѣкъ растянулся, и рукава какъ ручищи простиралъ. Дьяволъ, поражаемый св. Архангеломъ Михаиломъ, съ образа, повѣшеннаго надъ изголовьемъ кровати, насмѣшливо скалилъ зубы, и рвалъ на себѣ волосы, окруженный зигзагами адскихъ молній.

— Кабы знато, думалось Карменіо: — лучше бы было сказать сосѣду Деку, чтобъ онъ остался со мной.

Извнѣ, изъ мрака, время отъ времени доносился звонъ колокольчиковъ: вздрагивали козы. Квадратъ окна чернѣлъ, какъ жерло холодной печи; за нимъ глубокая долина, Ламійская равнина, все—словно безконечное, черное. Грохотъ водопада казалось былъ видѣнъ, такъ ясно доносился онъ до дома изъ непроглядной тьмы. Грозный, недобрый грохотъ.

Кабы знать все это, онъ бы до ночи сбѣгалъ бы къ брату, позвалъ бы его. Объ эту пору навѣрно бы уже успѣлъ вернуться и сидѣлъ бы тутъ не одинъ, а съ Санто, съ невѣсткой и съ Лучіей.

Старуха что-то заговорила, только ничего нельзя было разобрать, и стала шарить по постелѣ изсохшими руками.

— Мама, мама, что надо? спрашивалъ Карменіо: — ты мнѣ скажи. Я тутъ на то и есть, чтобы тебѣ помочь.

Но мать опять ничего не отвѣчала. Только шевелила головой, какъ будто хотѣла дать понять, что ей ничего не нужно; рѣ-

---

[1] Перекатываютъ апельсины.

шительно ничего. Парень поднесъ ей къ лицу свѣчку, и видъ этого лица такъ его поразилъ, что онъ заплакалъ.

— Ахъ, мама ты, мамушка! говорилъ онъ:—что я одинъ подѣлаю. Ничѣмъ я тебѣ помочь не могу.

Онъ отперъ дверь и сталъ кликать народъ изъ рощи. Но никто не слышалъ его призыва. Повсюду сталъ разстилаться какой-то смутно белѣсоватый свѣтъ. Горы, долина, равнина — все отзывалось на его голосъ беззвучіемъ. Вдругъ послышался изъ дали звукъ колокола: тонъ, тонъ, тонъ!

— О святая матерь Божія, рыдалъ Карменіо: — что̀ это за колоколъ такой. Эй, ребята! помогите! Крещеные! Народъ православный, помогите мнѣ! продолжалъ онъ кричать.

Наконецъ, изъ за рощи смоковницъ потянулся глухо голосъ...

— Оо-ей, Оо-ей? чего надо-ть!

— Помогите, православные! Поди сюда, дядя Деку!

— Оо-ей! овцы, что ли, разбѣжались... разбѣжались овцы что-ль?

— Нѣтъ, нѣтъ! Не овцы... не овцы...

На другой день, блѣдные какъ смерть, пришли Санто, Рыжая, со своими ребятишками. Пришла и Лучіа. Лучіа въ эту горькую минуту не таила своего положенія. У постели больной семейные рвали на себѣ волосы, колотили себя въ грудь кулаками, и ни о чемъ, кромѣ покойницы, не могли думать.

Когда нѣсколько успокоившійся Санто замѣтилъ, что сестра въ таліи больно толста стала, онъ почувствовалъ большой стыдъ, и сталъ плакать пуще прежняго, восклицая.

— Говорилъ вѣдь я тебѣ! не говорилъ, что-ли! хоть бы ты прежде дала мамѣ спокойно умереть.

А Лучіа спѣшила отвѣтить ему:

— А зачѣмъ мнѣ во̀ время не дали знать. По крайней мѣрѣ, я бы ей и доктора и лекарствъ доставила. У меня, слава Богу, 20 онцовъ накоплено...

— Въ раю теперь ея душенька, за насъ грѣшныхъ Богу молитъ, заключила Рыжая. — Знаетъ, что у тебя приданое есть, спокойна она насчетъ этого. А кумъ Брази непремѣнно тебя за-мужъ возьметъ!

ВЪ БЕЗСОННИЦУ.

(Элегіи и воспоминанія).

«...Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ...»
Пушкинъ.

Листокъ первый.

Изъ старины почти уже сѣдой,
Изъ прошлыхъ лѣтъ невозвратимой дàли—
Моя мечта выводитъ мнѣ порой
Забытыя и счастье и печали.
Проснется вдругъ—и мрачно и свѣтло—
Все, чтò на днѣ души моей спалò.

Тогда ведутъ меня воспоминанья
Туда, назадъ, къ руинамъ дней былыхъ,
Гдѣ сложены святыя упованья
Подъ грудою сомнѣній роковыхъ.
Мечты, надеждъ обманчивыя чары—
И истины уроки и удары.

Средь призраковъ какъ призракъ я брожу,
То радостенъ подѣтски, то печаленъ.
Я ожилъ самъ—и вздохами бужу
Безмолвный сонъ знакомыхъ мнѣ развалинъ.
И внемлетъ прахъ молчанью моему—
И я его молчаніе пойму.

Такъ, воротясь къ родному пепелищу,
Свидѣтелю надеждъ и дѣтскихъ сновъ,
Бредетъ старикъ безмолвно по кладбищу,
Среди могилъ и сумрачныхъ крестовъ.

Онъ полонъ думъ... и слышитъ онъ, унылый,
О чемъ молчатъ знакомыя могилы.

И передъ нимъ былое возстаетъ
Съ укорами и съ ласкою привѣта.
Оно ему вопросы задаетъ
И требуетъ настойчиво отвѣта...
Онъ слышитъ ихъ... онъ отвѣчаетъ имъ...
Идетъ расчетъ межъ мертвымъ и живымъ.

Лицомъ къ лицу—прошедшее съ грядущимъ...
И устранить могила не властнà
Любовь и судъ межъ мертвымъ и живущимъ.
Земля полнà отшедшими, полна:
Здѣсь подвиги, и здѣсь ихъ преступленья,
И вопль вражды, и вздохъ благословенья.

Не вѣрю я, чтобъ тѣ, чтò отошли
Отъ жизни злой къ могильному покою,
Не слышали съ оставленной земли
Проклятія и стоновъ за собою.
Имъ не найти забвенія: и тàмъ
Настигнетъ ихъ и приговоръ, и срамъ.

Знай: на твоей могилѣ станутъ дѣти
Съ тобой на судъ. И помни, что тогда
За вины ихъ—ты можешь быть въ отвѣтѣ,
И примешь ты стыдъ тяжкій ихъ стыда.
За нихъ скорбѣть, и горевать ихъ горе
Ты будешь самъ... Отцы! memente mori!

Не вѣрю я, чтобъ вздохъ любви святой
Не проникалъ сквозь насыпи могилы,
Чтобъ усладить улыбкою покой
Тѣхъ, кто намъ милъ, кому мы были милы.
Мы видимъ ихъ, мы слышимъ ихъ: даны
Для этого и грезы намъ, и сны.

...Мое дитя! Я такъ тебя люблю
Моей больной, измученной душою...
Въ послѣдній день тебя благословлю
И буду самъ благословленъ тобою...

Не вѣрю я, чтобъ роковой тотъ часъ
Порвалъ любовь, связующую насъ.

Въ тиши ночей, я съ тою же любовью
Къ тебѣ приду—и каждую мечту
Я, къ твоему склонившись изголовью,
Въ твоей душѣ раскрою и прочту.
Я подсмотрю мечты твоей рожденье:
Тѣнямъ даны двойные слухъ и зрѣнье.

О, вѣрь, моя недремлющая тѣнь
Придетъ дѣлить твои минуты счастья,
Найдетъ тебя, и въ скорбный, черный день,
Съ улыбкою и съ лаской участья.
И призоветъ меня мечта твоя:
Увидишь сны—и сны тѣ—буду я!...

Какъ вѣрный стражъ, я неотступнымъ взоромъ
Твой каждый шагъ незримо прослѣжу.
И можетъ быть, передъ твоимъ укоромъ
Не разъ и я восплачу, задрожу...
Ужасный судъ!.. Тамъ мѣста нѣтъ прощенью,
И мира нѣтъ между живымъ и тѣнью.

Увы, увы!.. Но ты меня суди,
Пусть буду я казниться карой строгой —
А самъ иди—мужайся и иди
Иной, своей, хорошею дорогой.
А я пойду повсюду за тобой —
Съ подъятой ли, съ поникшей ли главой...

Листокъ второй.

...Минувшее проносится въ туманѣ
Передъ моей взволнованной мечтой...
И—какъ миражъ, въ заманчивомъ обманѣ,
Даль ожила, возстала предо мной;
Зоветъ къ себѣ: «отъ тщетныхъ ожиданій—
«Ты отдохни среди воспоминаній»...

Гляжу туда, съ улыбкой на устахъ...
О, молодость! Не даромъ нѣтъ поэта,
Которымъ бы въ восторженныхъ стихахъ
Ты не была оплакана, воспѣта!
Тамъ—радости; тамъ самая печаль
Намъ дорога... Всего тамъ сердцу жаль.

Такъ пѣшеходъ, дорогой истомленный,
Сѣлъ отдохнуть, поникнувъ головой;
Взглянулъ назадъ—и видитъ, изумленный,
Роскошную картину за собой...
Тамъ былъ песокъ, тамъ были камни—нынѣ
Они слились въ ласкающей картинѣ.

Любуйся же созданіемъ мечты!
А между тѣмъ—не тамъ ли, «въ годы оны»—
Еще дитя, впервые слышалъ ты
Родной земли задавленные стоны?..
Надъ родиной тогда стояла тьма—
И плакалъ рабъ подъ тяжестью ярма.

Ты былъ дитя... Но помнишь эти слезы.
И можетъ быть, запавшія тогда
Колючія, жестокія занозы
Въ твоей душѣ остались навсегда...
И можетъ быть, ты понялъ слишкомъ рано
Родную связь надежды и обмана...

Былъ близокъ день... Ужъ горькій стонъ избы
Почти дошелъ къ престолу Іеговы...
«Мужайтеся, мужайтеся, рабы—
Вы носите послѣднія оковы...»
Блаженны тѣ, кого засталъ тотъ часъ—
Пока въ рукахъ свѣтильникъ не погасъ!..

...Жизнь тяжела... И еслибъ издали
Не грѣли насъ порой воспоминанья,
И еслибы «впередъ» насъ не влекли
Прекрасные миражи упованья —
Гдѣ бъ силы намъ и бодрости найти,
Чтобъ до конца кресты свои нести?

Намъ говоритъ тоскующее «нынѣ»:
«Не унывай, о сердце! подожди!

Мы на пути къ завѣтной Палестинѣ;
Нашъ путь тяжелъ—но счастье впереди!» «
Ужь вѣры нѣтъ, но долго суевѣрья
Живутъ въ душѣ и посреди безвѣрья...

Надежда въ даль настойчиво зоветъ
И все твердитъ заманчивыя рѣчи...
Иди, иди! Пусть солнце больно жжетъ,
Пусть лямка третъ раздавленныя плечи —
Тамъ, за горой, страданіямъ конецъ,
Тамъ для труда и отдыхъ, и вѣнецъ.

И къ рубежу земли обѣтованной
Насъ приведетъ счастливая звѣзда:
«Иди на пиръ, и званный, и незванный!»
Чтò скажемъ мы? чтò скажемъ мы тогда?
Найдется ли улыбка для отвѣта?
Не скажемъ ли: «ужь наша пѣсня спѣта!..»

А. Боровиковскій.

(*Продолженіе будетъ*).

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛІЯ.

XXII.

Въ Корчевѣ намъ сказали, что въ Кашинѣ мы найдемъ именно такого жида, какого намъ нужно. Сверхъ того, хотѣлось взглянуть и на тѣ виноградники, которые даютъ матеріалъ для выдѣлки знаменитыхъ кашинскихъ винъ. А такъ какъ, судя по полученной отъ Балалайкина телеграммѣ, дѣло о Заравшанскомъ университетѣ, очевидно, позамялось, и слѣдовательно въ Самаркандъ спѣшить было нѣзачѣмъ, то мы и направили свой путь къ Кашину.

На пароходѣ мы встрѣтили компанію на столько многочисленную, что самая прислуга, повидимому, была изумлена. Въ Корчевѣ скупили весь бѣлый хлѣбъ, всѣхъ цыплятъ, и выпили все сусло, такъ что мѣстныя торговки въ этотъ день запаслись лишнимъ рублишкомъ на покупку патентовъ. Единственный пароходный гарсонъ, съ подвязанной щекой и распухлымъ лицомъ, безъ устали бѣгалъ сверху внизъ и обратно, гремя графинами и рюмками. Изъ аршинной кухни, входъ въ которую былъ загороженъ спиною повара, несло чѣмъ-то прокислымъ, не то лѣнивыми щами, не то застоявшимися помоями. Возвращалось во свояси цѣлое стадо «свѣдущихъ людей». И тѣ, которые успѣли сказать «вѣское слово», и тѣ, которые пришли, понюхали и ушли. Въ каютѣ перваго класса шелъ шумный разговоръ, касавшійся преимущественно внутренней политики, и свѣденія, которыя мы здѣсь получили, были самаго прискорбнаго свойства. По отзывамъ пассажировъ, реакція, на время понурившая голову, вновь ее подняла. Въ обществѣ царствовалъ мракъ, уныніе и междоусобіе; такъ называемые «правящіе классы» раздѣлились на два враждебныхъ лагеря. Партія, во главѣ которой стоялъ либеральный тайный совѣтникъ Губошлеповъ, безъ боя сложила оружіе, и вдругъ словно сквозь землю провалилась; самъ Губошлеповъ удалился въ деревню и нынѣ креститъ дѣтей у урядника. Напротивъ того, партія статскаго совѣтника Долбнй

торжествуетъ на всѣхъ пунктахъ, и горитъ нетерпѣніемъ сразиться, съ тѣмъ, однакоже, что она будетъ поражать, а противники будутъ лишь съ раскаяніемъ претерпѣвать пораженіе. А Долбня ходитъ по улицамъ, распѣвая пѣсню объ антихристѣ:

Народился злой антихристъ,
Во всю землю онъ вселился,
Во весь міръ вооружился...

и открыто возвѣщаетъ близкое прекращеніе рода человѣческаго. И полицейскіе чины, вмѣсто того, чтобы вести его за такія слова въ кутузку, дѣлаютъ, при его приходѣ, подъ козырекъ.

Но что для насъ было всего больнѣе узнать: Иванъ Тимоѳеичъ былъ вынужденъ подать въ отставку, потому что въ проэктированномъ (даже не опубликованномъ, а только проэктированномъ!) имъ «Уставѣ о благопристойномъ во всѣхъ отношеніяхъ поведеніи», былъ усмотрѣнъ московскими охотнорядцами злонамѣренной якобинскій ядъ. Не обошлось тутъ и безъ предательства, въ которомъ роль главнаго дѣйствующаго лица—увы!—игралъ Прудентовъ. Вознамѣрившись подкузьмить Ивана Тимоѳеича, съ тѣмъ, чтобы потомъ самому сѣсть на его мѣсто, онъ тайно послалъ въ московскій охотный рядъ корреспонденцію, въ которой доказывалъ, что ядовитыя свойства проэктированнаго въ кварталѣ «Устава» происходятъ-де отъ того, что, во время его составленія, господинъ начальникъ квартала находился-де подъ вліяніемъ вожаковъ революціонной партіи, свившей-де гнѣздо на Литейной. А онъ, Прудентовъ, не разъ-де указывалъ господину начальнику на таковые, и даже предлагалъ-де ввести въ «Уставъ» особливый параграфъ такого-де содержанія: «Всякій, желающій имѣть разговоръ или собесѣдованіе у себя на дому, или въ иномъ мѣстѣ, обязывается наканунѣ дать о семъ знать въ кварталъ, съ приложеніемъ программы вопросовъ и отвѣтовъ, и, по полученіи на сіе разрѣшенія, вызвавъ необходимое для разговора лицо, привести намѣреніе свое въ исполненіе». Но введенію этого параграфа воспротивились-де упомянутые выше революціонные вожаки, съ которыми, по слабохарактерности, соглашался и начальникъ квартала...

И что же, однако! Иванъ-то Тимоѳеичъ пострадалъ, да и Прудентовъ не уцѣлѣлъ, потому что на него, въ свою очередь, донесъ Кшепшицюльскій, что онъ въ родительскую субботу блиновъ не печетъ, а тѣмъ самымъ якобы тоже злонамѣренный якобинскій духъ предъявляетъ. И теперь оба: и Иванъ Тимоѳеичъ и Прудентовъ, примирившись, живутъ гдѣ-то на огородахъ въ Нарвской части, и состоятъ въ оппозиціи. А Кшепшицюльскій перешелъ въ православіе и служитъ приспѣшникомъ въ клубѣ Взволнованныхъ Лоботрясовъ.

Но что̀ сталось съ Молодкинымъ — этого никто сказать не могъ. Счастливый Молодкинъ! ты такъ не замѣтенъ въ своей пожарной спеціальности, что даже жало клеветы не въ силахъ тебя уязвить! А мы-то волнуемся, спрашиваемъ себя: кто истинно счастливый человѣкъ?—Да вотъ кто—Молодкинъ!

— Да, теперь въ Петербургѣ—ой-ой! прибавилъ свѣдущій человѣкъ, разсказавшій намъ эти подробности.

Но, повторяю, для насъ лично этотъ разсказъ имѣлъ и другое очень существенное значеніе: очевидно, что революціонеры, которыхъ, въ данномъ случаѣ, разумѣетъ Прудентовъ, были...

Бываютъ такіе случаи. Придешь совсѣмъ въ постороннее мѣсто, встрѣтишь совсѣмъ постороннихъ людей, ничего не ждешь, не подозрѣваешь, и вдругъ въ ушахъ раздаются какіе-то звуки, напоминающіе, что гдѣ-то варится какая-то каша, въ расхлебаніи которой ты рано или поздно, но несомнѣнно долженъ будешь принять участіе...

— Главное то̀ обидно, жаловался Глумовъ:—что все это негодяй Прудентовъ налгалъ. Предложи онъ въ ту пору параграфъ о разговорахъ—да я бы обѣими руками подписался подъ нимъ. Помилуйте! производить разговоры по программѣ, утвержденной кварталомъ, да пожалуй, еще при депутатѣ отъ квартала—вѣдь это ужь такая «благопристойность», допустивши которую и «Уставовъ» писать нѣтъ надобности. Параграфъ первый и единственный—только и всего.

А въ каютѣ, между тѣмъ, во всѣхъ углахъ раздавались жалобы, однѣ только жалобы.

— Развѣ такое общество, какъ наше, можно называть обществомъ! жалуется «свѣдущій человѣкъ» изъ подъ Краснаго Холма. — Ни духа предпріимчивости, ни иниціативы — ничего! Предлагалъ я, напримѣръ, коротенькую линію отъ Краснаго Холма до Бѣжецка провести—не понимаютъ да и все тутъ! Первый вопросъ: что̀ возить будете? — ну, не глупость ли? Помилуйте, говорю, вы только желѣзный путь намъ выстройте, а ужь тамъ сами собой предметы объявятся... не понимаютъ! Не понимаютъ, что желѣзные пути сами родятъ перевозочный матеріалъ! Я къ Гинцбургу—не понимаетъ! На-голо̀ ужь высчитываю: яйца, говорю, курятный товаръ, грибы, сушеная малина — это и теперь у всѣхъ на виду, а впослѣдствіи постепенно явится и многое другое... Не понимаетъ! Я—къ Розенталю—въ зубъ толкнуть не смыслитъ! Я—туда-сюда—никому ни до чего дѣла нѣтъ! Вотъ и живи въ такомъ обществѣ!

— Ныньче ужь и насъ, адвокатовъ, въ неблагонамѣренности заподозрили, сообщаетъ адвокатъ изъ-подъ Углича.—Мы шкуру

съ живого содрать готовы—кажется, чего ужь!—а они кричатъ: неблагонамѣренные!

— Ныньче объ насъ, судьяхъ, только и словъ, что мы основы трясемъ, соболѣзнуетъ «несмѣняемый» изъ-подъ Пошехонья: — каждый день, съ утра до вечера, только и дѣлаешь, что прописываешь, только объ одномъ и думаешь, какъ бы его, потрясателя-то, хорошенько приснаровить, а по ихнему выходитъ, что отъ того у насъ основы не держутся, что сами судьи ихъ трясутъ... Это мы-то трясемъ!

— Чортъ знаетъ на что похоже! ропщетъ землевладѣлецъ изъ-подъ Мологи:—сыроварню хотѣлъ устроить—говорятъ: соціалистъ! Это я-то... соціалистъ! Въ драгунахъ служилъ... представьте себѣ!

— Хоша бы эти самыя основы — кàкъ ихъ слѣдуетъ понимать? объясняетъ свои сомнѣнія рыбинскій купчина-хлѣботорговецъ.—Теперича ежели земля перестала хлѣбъ родить—основа это или нѣтъ?.. Оттого ли она перестала родить, что лѣность засиліе взяла, или отъ того, что такой карахтеръ ей Богъ далъ? Кàкъ? что? Отъ кого въ эфтимъ разѣ объясненія ожидать? А у насъ, между прочимъ, задатки заданы, почему что мы ни лѣностевъ этихъ, ни карахтеровъ, не знаемъ, а помнимъ только, что родители наши производили и мы производить должны. А намъ говорятъ: погоди! земля не уродила! А какъ же задатки, позвольте спросить? основа это или нѣтъ? Или опять: система эта самая водяная... Погрузились, плывемъ—благослови Господи! И вдругъ: стой, воды нѣтъ!.. основа это или нѣтъ? А у насъ, между прочимъ, кантрактъ съ àгличаномъ. А ему вынь да положь. Кàкъ же, молъ, я Архипъ Албертычъ, безъ воды въ баркѣ поѣду? А онъ нашихъ порядковъ не знаетъ, ему на чемъ хошь поѣзжай... Я триста, четыреста тысячъ въ одно лѣто теряю — основа это или нѣтъ? Позвольте васъ спросить: ежели васъ сегодня по карману—разъ, завтра—два, послѣ завтра—три, а впослѣдствіи, можетъ, и больше... И при семъ говорятъ: основы... То въ какой, напримѣръ, силѣ онное понимать?

Купчина останавливается на минуту, чтобъ передохнуть и затѣмъ уже обращается лично ко мнѣ.

— Позвольте васъ, господинъ, спросить. Теперича вотъ эта самая рыба, которая сейчасъ въ Волгѣ плаваетъ: ожидаетъ она или не ожидаетъ, что современемъ къ намъ въ уху попадетъ?

— Безъ сомнѣнія, не ожидаетъ, потому что рыба, которая разъ въ ухѣ побывала, въ рѣку ужь возвратиться не можетъ. Слѣдовательно, нѣкому и сообщить прочимъ рыбамъ, къ какимъ послѣдствіямъ ихъ ведетъ знакомство съ человѣкомъ?

— А мы вотъ и знаемъ, что такое уха, и опять въ уху лѣземъ. Какъ это понимать?

— Приспособляться надо. А еще лучше, ежели будете жить такъ, какъ бы совсѣмъ не было ухи. Старайтесь объ ней позабыть.

— Нельзя ее забыть. Еще дѣдушки наши объ этой ухѣ твердили. Рыба-то вишь какъ въ водѣ играетъ—а отчего?—отъ того самаго, что она ухи для себя не предвидитъ! А мы... До игры ли мнѣ тепереча, коли у меня цѣлый караванъ на мели стоитъ? И кàкъ это Господь Богъ: къ твари — милосердъ, а къ человѣку—немилостивъ? Твари этакую лёгость далъ, а человѣку въономъ отказалъ? Неужто тварь больше заслужила?

— А со мной что случилось—потѣха! повѣствуетъ «свѣдущій человѣкъ» изъ-подъ Костромы:—стоимъ мы съ Иванъ Павлычемъ у Вольфа въ ресторанѣ, и разговариваемъ. Объ транзитѣ, объ рублѣ, о бюджетѣ—словомъ сказать, обо всемъ. Съ инымъ соглашаемся, съ другимъ—никакъ согласиться не можемъ. Смотримъ, откуда ни возьмись—неизвѣстной мужчина! Сталъ около насъ, руки назадъ заложилъ, точно вѣкъ съ нами знакомъ. «Вамъ чтò угодно?» спрашиваетъ его Иванъ Павлычъ.—А вотъ, говоритъ, слушаю, объ чемъ всé вы разговариваете. — И тàкъ-это натурально, точно дѣло дѣлаетъ... «Поздно спохватились, говоритъ Иванъ Павлычъ, мы ужь обо всемъ переговорили». Хорошо. Выходимъ, знаете, изъ ресторана — и онъ за нами. Мы прямо—и онъ прямо, мы въ сторону—и онъ въ сторону. Дошли до околодочнаго—онъ къ нему: вотъ они—указываетъ на насъ—объ формахъ правленія разговариваютъ. Въ кварталъ. Квартальнаго—нѣтъ, въ парадъ ушелъ. Извольте подождать. Сидимъ часъ, сидимъ другой; писаря съ папиросами мимо бѣгаютъ, сторожа въ передней махорку курятъ, со двора вонище несетъ; на полу—грязь, по дивану—клопы ползаютъ. Сидимъ. Ужь передъ самымъ обѣдомъ слышимъ: въ передней движеніе. Докладываютъ: полетическихъ, вашескородіе, привели. Входитъ квартальный. Имя, отечество, фамилія? чѣмъ занимаетесь?—Такіе-то. Свѣдущіе люди. Прибыли въ столицу по вызову на предметъ разсмотрѣнія. Удивился.—Чтò за причина?—Не знаемъ. «Объ формахъ правленія въ кофейной у Вольфа разговаривали!» подскочилъ тутъ письмоводитель. «Ахъ, господа, господа!» Ну, отпустилъ и даже пошутилъ: да послужитъ сіе вамъ урокомъ!

— Только и всего?

— Будетъ съ насъ.

— А вы бы жаловались...

— Жаловаться не жаловались, а объясненіе — имѣли. Выхо-

дить, что существуютъ резоны. Конечно, говорятъ, эти добровольцы-шалыганы всѣмъ по горло надоѣли, но нельзя не принять во вниманіе, что они на правильной стезѣ стоятъ. Ну, мы махнули рукой, да и укатили изъ Питера.

— А по моему мнѣнію, ораторствуетъ въ другомъ углу «свѣдущій человѣкъ» изъ-подъ Романова:—всѣ эти акцизы въ одно бы мѣсто собрать да по душамъ въ поровѣнку и разложить. Тамъ хоть пей, хоть не пей, хоть кури, хоть не кури, а свое—отдай!

— Какъ же это такъ... одинъ пьетъ, другой — не пьетъ, а вдругъ не пьющій за пьющаго плати!

— Зачѣмъ такъ! Коли кто пьетъ—тотъ особливо по вольной цѣнѣ заплати. Водка-то, коли безъ акциза—чего она стòитъ?—грошъ стоитъ! А тутъ опять—конкурренція. Въ ту пору и заводчики, и кабатчики — всѣ другъ дружку побивать будутъ. Вѣдь она почѐсть задаромъ пойдетъ, водка-то! Выпилъ стаканъ, выпилъ два — въ мошнѣ-то и незамѣтно, убавилось или нѣтъ. А казнѣ, между тѣмъ, лёгость. Ни надзоровъ, ни дивидендовъ, ни судовъ—ничего не нужно. Бери денежки, загребай!

— А недоимки?

— И противъ недоимокъ средство есть: почаще подъ рубашку заглядывать. Прежде, когда своевременно вспрыскивали—и недоимокъ не было; а нынче, какъ пошли въ ходъ нѣжничанья, да филантропіи—и недоимки явились.

— Такъ-то такъ...

Мнѣ лично ужасно эти разговоры не нравились. Во-первыхъ, думалось: вотъ люди, которые жалуются, что имъ дохнуть не даютъ, а между тѣмъ, смотрите, какъ разговариваютъ! Стало быть, одно изъ двухъ: или они врутъ, или всѣ эти соглядатайства, сопряженныя съ путешествіями по кварталамъ, не достигаютъ цѣли и никого не устрашаютъ. Ихъ пожурятъ, отпустятъ, а они опять за свое—развѣ можно назвать это результатомъ? А во-вторыхъ, и опасеньице было: разговариваютъ да разговариваютъ, да вдругъ и въ самомъ дѣлѣ о бюджетахъ заговорятъ! куда тогда дѣваться? На палубу уйти—и тамъ о бюджетахъ разговариваютъ; во второй классъ спустишься—тамъ купцы третьей гильдіи, за четвертной бутылью, антихриста поджидаютъ; въ третій классъ толкнуться—тамъ мужичье аграрные вопросы разрѣшаетъ...

Къ счастію, кто-то упомянулъ объ Аннѣ Ивановнѣ, и общественное вниманіе каюты разомъ шарахнулась въ эту сторону. Довольно значительная групка свѣдущихъ людей лично знала Анну Ивановну; другія же группы хотя и не знали именно этой Анны

Ивановны, но знали Клеопатру Ивановну, Дарью Ивановну, Наталью Ивановну и проч., которыя представляли собой какъ бы безчисленные оттиски одной и той же Анны Ивановны. Такъ что, напримѣръ, Клеопатра Ивановна была Углицкою Анной Ивановной, а Анна Ивановна была Колязинскою Клеопатрой Ивановной и т. д. Всѣ вообще Анны Ивановны — лихія, гостепріимныя, словоохотливыя, иногда некрасивыя, но всегда подманчивыя и задорливыя. Всѣ любятъ исключительно мужское общество, охотно берутся управить тройкой бѣшеныхъ коней — причемъ надѣваютъ плисовую безрукавку и красную канаусовую рубаху—и не поморщась выпиваютъ стаканъ шампанскаго на брудершафтъ. Однѣ изъ нихъ—вдовы, другія, хотя имѣютъ мужей, но маленькихъ и почти всегда недоумковъ (чаще всего родители Анны Ивановны прельщаются ихъ относительнымъ матерьяльнымъ довольствомъ); изрѣдка попадаются и дѣвицы, но почти исключительно у матерей, которыя сами были въ свое время Аннами Ивановнами. Для немногихъ «свѣдущихъ людей», застрявшихъ въ своихъ захолустьяхъ, для господъ офицеровъ расквартированнаго въ уѣздѣ полка и для судебныхъ приставовъ — Анны Ивановны представляютъ сущій кладъ. И по пути, и безъ пути— всегда у Анны Ивановны двери настежъ, всегда и тепло и свѣтло, и на столѣ закуска стоитъ. И мужъ тутъ же сидитъ, ночевать унимаетъ. И прислуга на крыльцо встрѣчать бѣжитъ — горничныя въ сарафанахъ, лакеи въ поддёвкахъ — и изо всѣхъ силъ суетятся, чтобъ угодить, потому что и прислугѣ пріятно пожить весело, а у кого же весело пожить, какъ не у Анны Ивановны. Цѣлый день у Анны Ивановны огонь подъ плитой разведенъ, цѣлый день готовятъ, пекутъ, самовары грѣютъ, кофеи разносятъ. А на какія средства она все это печетъ и варитъ—она и сама едва ли знаетъ. Говорятъ, будто она въ прошломъ году лѣску продала, да что-то ужь часто она этотъ самый лѣсъ продаетъ. Говорятъ также, будто она кругомъ въ долгу—пастуху задолжала! за пастушину два года не платитъ! съ ужасомъ восклицаютъ сосѣднія помѣщицы, которыя, въ ожиданіи суммы, на обухѣ рожь молотятъ—но она не платитъ, не платитъ, и вдругъ какъ-то обернется да всѣмъ и заплатитъ. Правда, что кто ни пріѣдетъ къ ней, всегда что-нибудь привезетъ, да она и сама не скрываетъ этого. Прямо такъ и встрѣчаетъ: что̀ привезли? волоките! И тутъ же все привезенное выпоитъ, выкормитъ. Словомъ сказать, живетъ Анна Ивановна въ свое удовольствіе, а какъ это у нея выходитъ, ей до того дѣла нѣтъ.

Въ большей части случаевъ, Анна Ивановна, даже перейдя гра-

ницу сорокалѣтняго возраста, все еще бодро держитъ въ рукахъ знамя уѣздной львицы, но иногда случается и такъ: покуда она гарцуетъ въ своемъ Санъ-Суи, по сосѣдству, въ Монплезирѣ, вдругъ объявляется другая Анна Ивановна. Столь же лихая и подманчивая, но молодая, дѣятельная, сгарающая нетерпѣніемъ покорить себѣ всѣ сердца. Тогда наступаютъ для старой Анны Ивановны скорбные, полные жгучей боли дни. Начинается борьба. Старая Анна Ивановна скачетъ на тройкѣ съ *своими* кавалерами мимо Монплезира, новая Анна Ивановна, на *своей* тройкѣ, съ *своими* кавалерами, скачетъ мимо Санъ-Суси. Горланятъ пѣсни, гаркаютъ, отбиваютъ на скаку у бутылокъ горлышки. Старая Анна Ивановна куритъ папиросы десятками; новая Анна Ивановна—въ одинъ день выкуритъ цѣлую сотню. Старая Анна Ивановна вылавливаетъ въ прудахъ и въ рѣчкѣ всѣхъ карасей и обкармливаетъ ими своихъ кавалеровъ; новая Анна Ивановна говоритъ майору Оглашенному: Оглашенный! когда же вы привезете стерлядей? и черезъ три дня послѣ карасиной вакханаліи, кормитъ своихъ кавалеровъ стерляжьей ухой. Старая Анна Ивановна пускаетъ въ ходъ выраженія, отъ которыхъ кавалерамъ дѣлается тепло; новая Анна Ивановна—загибаетъ такія словечки, отъ которыхъ даже небу становится жарко... Мало-по-малу, однакожь, положеніе выясняется рѣзче и рѣзче. Первыми дезертируютъ изъ лагеря старой Анны Ивановны господа штабъ и оберъ-офицеры; затѣмъ, свѣдущіе люди, и дольше другихъ ей остаются вѣрными судебные пристава. Но, наконецъ, и они, прослышавши объ утѣхахъ, ареною которыхъ сдѣлался Монплезиръ, вдругъ пропадаютъ. Анна Ивановна остается одна, глазъ на глазъ съ маленькимъ человѣкомъ, котораго она называетъ своимъ мужемъ...

Санъ-Суси приходитъ въ запустѣніе. Лѣски, которые его окружали, сведены, пустоша—проданы. Прислуга, привыкшая къ вѣчной суматохѣ, начинаетъ роптать и требовать расчета; пастухъ—тоже не хочетъ больше ждать, а разнощикъ Фока, столько лѣтъ снабжавшій Анну Ивановну въ кредитъ селедками и мещерскимъ сыромъ, угрожаетъ ей мировымъ судьею и дѣлаетъ какіе-то нелѣпые намёки. Въ усадьбу, когда-то наполненную шумомъ и гвалтомъ, потихоньку-потихоньку заползаютъ окрестные кабатчики и люди духовнаго вѣдомства. «А Анна-то Ивановна, представьте... съ батюшкинымъ братомъ!» или: «вѣдь Анна-то Ивановна... съ Разуваемымъ!» весело гогочутъ въ Монплезирѣ, разсказывая похожденія старой уѣздной сахарницы. Но какую муку переживаетъ при этой метаморфозѣ маленькій Анны Ивановнинъ

мужъ — для изображенія этого нуженъ цѣлый особый этюдъ и такое особливое сочетаніе красокъ, котораго я, къ сожалѣнію, не имѣю въ своемъ распоряженіи.

Какъ бы то ни было, но въ нашей каютѣ, разговоръ зашелъ на тему объ Аннѣ Ивановнѣ. Сквернословили ходко, весело, шумно — всѣ разомъ. Всякій старался щегольнуть, сообщить что-нибудь особенное, но ничего особеннаго не выходило, потому что у всѣхъ была одна и таже Анна Ивановна, съ одними и тѣми же примѣтами. Всѣ надъ нею слегка подсмѣивались, но было очевидно, что всякій, пріѣхавши въ свое мѣсто, сейчасъ же сломя голову поскачетъ въ Монплезиръ. И у всѣхъ безъ изъятія были припасены для Анны Ивановны петербургскіе подарки, начиная съ шляпы и кончая страсбургскимъ паштетомъ.

Наконецъ, однакожь, надоѣло и сквернословить; на нѣсколько минутъ всѣ примолкли, какъ будто поглупѣли. Доканчивали прерванныя рѣчи, досмѣивались, повторяли избранныя мѣста. Сумерки, между тѣмъ, окончательно потемнѣли и пароходъ приближался къ Кимрѣ, гдѣ, по росписанію, назначена на ночь стоянка. Зажгли единственную на всю каюту лампу, которая жалобно звенѣла матовымъ колпакомъ, и пламя которой представлялось мутно-свѣтящеюся точкой среди облаковъ табачнаго дыма. Кто-то крикнулъ: господа! въ винтъ! кто желаетъ въ винтъ, господа? и сейчасъ же набралось два стола. Въ каютѣ водворилась тишина. Играющіе сосредоточились; оставшіеся внѣ игры — размѣстились по угламъ и вполголоса возобновили прерванную бесѣду объ Аннѣ Ивановнѣ и ея свойствахъ. Нѣкоторые спозаранку улеглись спать.

И мы намѣревались послѣдовать примѣру послѣднихъ, но покуда сбирались, случился казусъ. Въ Кимрѣ ввалился въ каюту новый пассажиръ, офицеръ (разумѣется отставной) и сразу сталъ называть Парамонова «тётенькой». Подсѣлъ, и началъ: «ахъ, тётенька! сто лѣтъ, сто зимъ! ка̀къ дѣточки? что̀ дяденька? неужто до сихъ поръ грѣшите... ахъ, тётенька!» Въ сущности, эта кличка до такой степени метко воспроизводила Парамонова въ перлъ созданія, что мнѣ показалось даже страннымъ, ка̀къ это я да̀вно не угадалъ, что Парамоновъ — тётенька; но офицеръ все дѣло испортилъ тѣмъ, что, замѣтивъ успѣхъ своей клички, началъ черезчуръ ужь назойливо щеголять ею. Съ полчаса онъ не отходилъ отъ Парамонова и самымъ идіотскимъ образомъ мучительствовалъ надъ нимъ, приплетая тутъ и Гоголя (офицеръ былъ «образованный»), и «стаметовыя юпки», и классическое «Обмокни» и т. д. Злосчастный мѣняло сначала улыбался, но потомъ

оторопѣлъ и сталъ испуганно озираться. Мы съ Глумовымъ сидѣли какъ на иголкахъ и думали: вотъ будетъ штука, если изъ-за мѣнялы придется выходить съ офицеромъ на смертный бой? Фаинушка жалась, и, кажется, понимала, что офицеръ затѣялъ эту исторію единственно съ цѣлью блеснуть передъ нею; «корреспондентъ» обдумывалъ фельётонъ подъ названіемъ: «Интеллигентные дикари», въ которыхъ ставилъ обществу «Самолетъ» вопросъ: отвѣчаетъ ли оно за спокойствіе и безопасность ѣдущихъ на его пароходахъ пассажировъ? Одинъ Очищенный нашелся. Онъ потребовалъ бутылку «ямайскаго», и началъ подчивать. Ромъ вообще дѣйствуетъ серьёзно и быстро, а кашинскій въ особенности. Въ настоящемъ случаѣ, ромъ до того вонялъ клопомъ, что всѣ пассажиры инстинктивно начали чесаться, а офицеръ, выпивая рюмку за рюмкой, въ скоромъ времени ощутилъ себя окруженнымъ видѣніями. И въ довершеніе всего, увидѣвъ въ зеркалѣ собственную фигуру, вообразилъ, что это непріятель, который вызываетъ его на единоборство, и обнажилъ саблю. Тогда ужь и другіе пассажиры сочли долгомъ вступиться; произошла краткая, но вразумительная суматоха, и черезъ десять минутъ благодѣтельный сонъ уже смыкалъ вѣжды разбушевавшагося героя.

На другой день, высадившись раннимъ утромъ въ Сергіевкѣ, мы часовъ около семи были въ Кашинѣ.

XXIII.

Кашинъ—уѣздный городъ Тверской губерніи; имѣетъ, по календарю, до семи съ половиной тысячъ жителей, и лежитъ на рѣкѣ Кашинкѣ, которая скромно катитъ, среди города, свои волны, въ зеленыхъ берегахъ. Нѣкогда, Кашинъ былъ стольнымъ городомъ и соперничалъ съ Тверью, но нынѣ даже съ Бѣжецкомъ соперничать не дерзаетъ. Нѣкогда, въ рѣкѣ Кашинкѣ водились пискари, а нынѣ остались только лягушки и головастики. Что Кашинъ въ свое время принадлежалъ къ числу цвѣтущихъ русскихъ муниципій — объ этомъ и донынѣ свидѣтельствуетъ великое множество церквей, изъ которыхъ нѣкоторыя считаютъ не болѣе трехъ-четырехъ домовъ въ приходѣ, но и за всѣмъ тѣмъ могутъ существовать, благодаря прежде сдѣланнымъ щедрымъ вкладамъ. Я самъ хорошо помню, какъ въ тридцатыхъ и даже въ сороковыхъ годахъ помѣщики нетолько Кашинскаго, но и смежныхъ уѣздовъ ѣздили въ Кашинъ веселиться и запа-

сались тамъ бакалеей и моднымъ товаромъ. И помѣщики кашинскіе были веселые, и усадьбы у нихъ веселыя, и гости къ нимъ пріѣзжали веселые, но весело ли жилось въ этихъ веселыхъ мѣстахъ рабамъ—объ этомъ сказать не умѣю. У меня было въ Кашинскомъ уѣздѣ нѣсколько кузинъ, и я, будучи ребенкомъ, жадно слушалъ ихъ разсказы о томъ, какая въ Кашинѣ безподобная икра, какія бесѣдки [1], витушки [2], и какъ весело живутъ тамошніе помѣщики, переѣзжая всѣмъ домомъ отъ одного къ другому; днемъ ѣдятъ, лакомятся вареньемъ и постилою, играютъ въ фанты, въ жмурки, въ сижу-по-сижу и танцуютъ кадрили и экосезы, а ночью, гости, за недостаткомъ отдѣльныхъ комнатъ, спятъ въ повалку. Мнѣ казалось, что Кашинъ есть нѣчто въ родѣ свѣтлаго помѣщичьяго рая, и я горько роптал на Провидѣніе, уродившее меня не въ Кашинѣ, а въ глухой Колязинской мещòрѣ, гдѣ помѣщики въ повалку не спали, въ сижу-по-сижу не играли, экосезовъ не танцовали, а жили угрюмо, снѣдаемые клопами и завистью къ счастливымъ кашинцамъ [3].

Въ настоящее время, Кашинъ представляетъ собой вымороченный городъ, еще болѣе унылый, нежели Корчева. Ибо Корчева и прежде не отличалась щеголеватостью—въ ней только убоиной пахло—а въ Кашинѣ пахло бакалеей, бонбономъ и женскими атурами. Такъ что къ нынѣшнему Корчевскому запустѣнію, въ современномъ Кашинѣ присовокупляется еще паутина временъ, которая, какъ извѣстно, распространяетъ отъ себя острый запахъ затхлости, свойственной упраздненному зданію.

На постояломъ дворѣ мы узнали, что жидъ, котораго мы розыскиваемъ, живетъ въ богатой княжеской усадьбѣ, верстахъ въ десяти отъ города, и управляетъ приписаннымъ къ этой усадьбѣ имѣніемъ. Или, въ сущности, не управляетъ, а арендуетъ его,

---

[1] Печенье изъ тѣста, сдобнаго или кислаго, смотря по вкусу. Имѣло форму фасада открытой садовой бесѣдки (въ родѣ большой кибитки, кругомъ заплетенной акаціями), и состояло изъ множества тонкихъ хлѣбныхъ палочекъ. Украшалось, по желанію сусальнымъ золотомъ, изюмомъ и миндалинами.

[2] Такое же печенье; форма продолговатая, имѣющая видъ заплетенной косы.

[3] Я еще засталъ веселую помѣщичью жизнь, и помню ее довольно живо. Въ Кашинѣ я, впрочемъ, не бывалъ, но и въ нашемъ, сравнительно угрюмомъ Колязинскомъ уѣздѣ, прорывались веселые центры, напримѣръ, на Хотчѣ и въ особенности въ селѣ Воскресенскомъ, гдѣ жило до семи помѣщичьихъ семей, которыя, несмотря на скудныя средства, ни чѣмъ другимъ не занимались, кромѣ хлѣбосольства. Когда-нибудь, я надѣюсь возобновить въ своей памяти подробности этой недавней старины, которая исчезла на нашихъ глазахъ, не оставивъ по себѣ *никакого* слѣда.

сводитъ лѣсъ, донимаетъ мужичковъ штрафами, и понемногу распродаетъ мебель, скотъ и движимость вообще. Окреститься онъ затѣялъ въ видахъ пріобрѣтенія правъ осѣдлости, а наставляетъ и утверждаетъ его въ вѣрѣ изверженный, за пьянство, изъ сана древній дьяконъ, который, по старости, мухъ не ловитъ, но водку пить еще можетъ.

Мы рѣшили ѣхать туда на другой день, а въ ожиданіи предприняли подробный осмотръ кашинскихъ достопримѣчательностей.

Разумѣется, прежде всего насъ заинтересовало кашинское винодѣліе. Съ давнихъ поръ оно составляло предметъ милліонныхъ оборотовъ, послужило основаніемъ для милліонныхъ состояній, и питало помѣщичій патріотизмъ во всей восточной полосѣ Тверской губерніи. Я помню время, когда вся калязинская Мещòра самонадѣянно восклицала: ничего намъ отъ иностранцевъ не надо! каретники у насъ—свои, столяры—свои, повара—свои, говядина, рыба, дичина, овощь — все свое! вина виноградняго не было — и то теперь въ Кашинѣ научились дѣлать! Только объ наукахъ *своихъ* Мещòра не упоминала, потому что, при крѣпостномъ правѣ, и безъ наукъ хорошо жилось.

И пила Мещòра рублевые (на ассигнаціи) кашинскіе хереса, пила и похваливала. Сначала съ этихъ хересовъ тошнило, но потомъ привычка и патріотизмъ дѣлали свое дѣло.

Нынѣ кашинское винодѣліе слегка пошатнулось, вѣроятно, впрочемъ, только временно. Во-первыхъ, сошли со сцены коренные основатели и заправители этого дѣла, а во-вторыхъ, явилась ему сильная конкурренція въ Ярославлѣ. Однако-жь, и донынѣ кашинскому вину довѣряютъ больше, чѣмъ ярославскому, а кашинскіе рейнвейны, особливо ежели съ золотыми ярлыками, и теперь служатъ украшеніями такъ называемыхъ губернаторскихъ обѣдовъ.

Оказалось, что никакихъ виноградниковъ въ Кашинѣ нѣтъ, а винодѣліе производится въ принадлежащихъ винодѣламъ подвалахъ и погребахъ. Процессъ выдѣлки изумительно простой. Въ основаніе каждаго сорта вина берется подлинная бочка изъ-подъ подлиннаго вина. Въ эту подлинную бочку наливаются, въ опредѣленной пропорціи, астраханскій чихирь и вода. Подходящую воду доставляетъ рѣка Кашинка, но въ послѣднее время дознано, что рѣка Которосль (въ Ярославлѣ) тоже въ изобиліи обладаетъココ хересными и лафитными свойствами. Когда разбавленный чихирь провоняетъ отъ бочки надлежащимъ запахомъ, тогда приступаютъ къ сдабриванію его. На бочку вливается ведро спирта, и затѣмъ,

смотря по свойству выдѣлываемаго вина: на мадеру—столько-то патоки, на малагу — дегтя, на рейнвейнъ — сахарнаго свинца и т. д. Эту смѣсь мѣшаютъ до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается однородною и потомъ закупориваютъ. Когда вино отстоится, приходитъ хозяинъ или главный прикащикъ и сортируетъ. Плюнетъ одинъ разъ—выйдетъ просто мадера (цѣна 45 к.); плюнетъ два раза—выйдетъ цвей-мадера (цѣна отъ 40 коп. до рубля); плюнетъ три раза—выйдетъ дрей-мадера (цѣна отъ 1 р. 50 к. и выше, ежели, напримѣръ, мадера столѣтняя). Точно такъ же малага: просто малага, малага vieux и малага très vieux, или рейнвейны: Liebfrauenmilch, Hochheimer и Johanissberger. Но ежели при этомъ случайно плюнетъ высокопоставленное лицо, то выйдетъ Cabinet-Auslass, то-есть: лучше не надо. Таковы кашинскія вина [1].

Когда вино поспѣло, его разливаютъ въ бутылки, на которыя наклеиваютъ ярлыки, и прежде всего поятъ имъ членовъ врачебной управы. И когда послѣдніе засвидѣтельствуютъ, что лучше ничего не пивали, тогда вся заготовка сплавляется на Нижегородскую ярмарку, и оттуда на расхватъ разбирается для всей Россіи. Пьютъ исправники, пьютъ мировые судьи, пьютъ помѣщики, пьютъ купцы, и никто не знаетъ, чье «сдабриванье» онъ пьетъ.

Разумѣется, прикащики и намъ любезно предложили пробу. Нѣкоторые изъ насъ выпили и не могли вмѣстить, но «корреспондентъ» и Очищенный попросили по другой, сказавши: было бы мокрò да въ горлѣ першило! И имъ нетолько не отказали въ повтореніи, но отпустили по бутылкѣ высшихъ сортовъ на дорогу.

Соображенія высшаго экономическаго и политичекаго порядка такъ и лѣзли въ голову по этому поводу. Начались дебаты, въ которыхъ приняли живое участіе и прикащики. Экономическая точка зрѣнія была совершенно ясна. Во-первыхъ, вытѣсняя съ внутреннихъ рынковъ дорогой иностранный товаръ и замѣняя его однороднымъ собственнаго производства (и притомъ не стоющимъ выѣденнаго яйца), кашинскіе винодѣлы тѣмъ самымъ увеличиваютъ производительную силу страны. Во-вторыхъ, тѣ же винодѣлы, давая приличный заработокъ нуждающимся въ немъ,

---

[1] Разумѣется, я описываю процессъ выдѣлки кашинскаго вина на основаніи устныхъ разсказовъ, за достовѣрность которыхъ ручаться не могу. За одно ручаюсь: вироградниковъ ни въ Кашинѣ, ни въ Ярославлѣ нѣтъ, а между тѣмъ, виноградное вино выдѣлывается во множествѣ и самыхъ разнообразныхъ сортовъ.

тѣмъ самымъ распространяютъ въ странѣ довольство и преподаютъ средства для безбѣднаго существованія многимъ семьямъ, которыя, безъ этого подспорья, были бы вынуждены прибѣгнуть къ зазорнымъ ремесламъ. И въ-третьихъ, наконецъ, устраняя изъ обращенія иностранный продуктъ, винодѣлы сохраняютъ внутри государства цѣлый ворохъ ассигнацій, которыя, будучи водворены въ ихъ карманахъ, дадутъ возможность повернуть «торговый баланецъ» въ пользу Россіи.

Принимая во вниманіе все вышеизложенное, прикащики единогласно полагали: ввозъ иностранныхъ винъ въ Россію воспретить навсегда. О чемъ и послать телеграммы въ Московскій Охотный рядъ для повсемѣстнаго опубликованія.

— Постойте! остановилъ я ихъ: — но какъ же вы съ таможеннымъ доходомъ устроитись? Извѣстно вамъ, что иностранное вино оплачивается золотыми пошлинами...

— А таможенный доходъ — это само по себѣ, отвѣтили они безъ затрудненія.—Какъ это можно, чтобы таможенный доходъ не поступалъ... да это спаси Богъ! Таможенный доходъ, позвольте вамъ доложить, завсегда долженъ полностью поступить. Мы это даже оченно хорошо понимаемъ.

И тутъ же, въ живыхъ и наглядныхъ образахъ, доказали свое пониманіе.

— Вотъ извольте, вашескородіе, смотрѣть. Въ семъ мѣстѣ, скажемъ примѣрно, скрозь дыра — значитъ, и вода въ ёмъ не держится. А въ семъ мѣстѣ — грунтъ; значитъ, и вода въ ёмъ завсегда есть. Такъ точно и въ эфтомъ дѣлѣ: въ одномъ мѣстѣ вода скрозь течетъ, а въ другомъ—накапливается.

— Но ежели вездѣ дыра?

— Ахъ, вашескородіе! развѣ это возможно!

Разумѣется, я успокоился, и такимъ образомъ фискально-финансовое затрудненіе было безъ хлопотъ устранено.

Политическая точка зрѣнія была еще яснѣе. Прежде всего кашинское винодѣліе развязываетъ руки русской дипломатіи. Покуда его не существствовало, на рѣшенія дипломатовъ могли оказывать давленіе такіе вопросы: а что̀, ежели французъ не дастъ намъ лафитовъ, нѣмецъ—рейнвейновъ, испанецъ—хересовъ и мадеръ? Что̀ будемъ мы пить? Чѣмъ гостей подчивать? А теперь эти вопросы падаютъ сами собой: все у насъ свое—и лафиты, и рейнвейны, и хереса. Да еще лучше, потому что «ихнее» вино—вредительное, а наше—пользительное. Съѣлъ лишнее, выпилъ ли—съ «ихняго» вина голова болитъ, а съ кашинскаго—только съ души тянетъ. Дайте только ходъ кашинскимъ винамъ,

а тамъ ужь дѣло само собой на чистоту пойдетъ. Сгрубилъ нѣмецъ, зазнался—не надо намъ твоихъ рейнвейновъ, жри самъ!— а отвѣчай прямо: какая тому причина?

Но главнымъ образомъ, кашинскому винодѣлію предстоитъ содѣйствовать разъясненію восточнаго вопроса. Что̀ нынче въ средней Азіи пьютъ? — все иностранное вино, да все дорогое. Перепьются, да съ нами же въ драку и лѣзутъ. А дайте-ка кашинскимъ винамъ настоящій ходъ — да мы и въ Афганистанъ, и въ Белуджистанъ, и въ Кабулъ проникнемъ, всѣхъ своими мадерами зальемъ!

— Потому что наше вино сурьёзное, въ одинъ голосъ говорили прикащики:—да и обойдется дешевле, потому что мы его на всякомъ мѣстѣ сдѣлать можемъ. Агличинъ, примѣрно, за свою бутылку рубль проситъ, а мы полтинникъ возьмемъ; онъ семъ гривенъ, а мы — сорокъ копеечекъ. Мы, сударь, лучше у себя дома лишнихъ десять копеечекъ накинемъ, нежели противъ а̀гличина сплоховать! Сунься-ко онъ въ ту пору съ своей малагой— мы ему носъ-то утрёмъ! Задаромъ таваръ отдадимъ, а ужь своихъ не сконфузимъ!

Затѣмъ тонъ собесѣдованія, повышаясь все больше и больше, получилъ такую патріотическую окраску, въ которой утопали и экономическія, и политическія соображенія.

— Да мы, вашескородіе, отъ себя цѣлый полкъ снарядимъ! въ энтузіазмѣ восклицалъ главный прикащикъ.—За сербовъ ли, за болгаръ ли—только шепни Максиму Липатычу: Максимъ, молъ, Липатычъ! сдѣйствуй! — сейчасъ, въ одну минутую... ребята, впередъ!

— Ужь и то, ничего не видя, сколько отъ Максимъ Липатыча здѣшнему городу благодѣяніевъ вышло! какъ эхо отозвался другой прикащикъ. — У Максима Исповѣдника кто новую колокольню взбодрилъ? Къ Ѳедору Стратилату кто новый колоколъ пожертвовалъ? Звонъ-то одинъ... А сколько паникадиловъ, свѣщей, лампадъ, ежели счесть!

— Кажное воскресенье у кажной церкви молодецъ съ мѣшкомъ мѣдныхъ денегъ стоитъ, нищую братію одѣляетъ! свидѣтельствовалъ третій прикащикъ.

— И что̀ за причина, вашескородіе! удивлялись прочіе прикащики:—всѣ будто бы прочіе народы и выдумки всякія выдумывать могутъ, и съ своимъ дѣломъ управляться могутъ—одни будто бы русскіе ни въ тѣхъ, ни въ сѐхъ! Да мы, вашескородіе, коли ежели насъ допустить—всѣхъ произойдемъ! Сейчасъ умереть, коли не произойдемъ!

Однимъ словомъ, ежели съ кашинской мадеры, какъ въ томъ сознались сами прикащики, съ души тянетъ, за то кашинскій подъемъ чувствъ оказался безусловно доброкачественнымъ и достойнымъ похвалы. Только вотъ зачѣмъ прикащики прибавили: коли ежели допустить? Кто же не допускаетъ? Кажется, что у насъ насчетъ рейнвейновъ свободно...

— Послушай! вѣдь у насъ насчетъ хересовъ и мадеръ свободно? обратился я къ Глумову, когда мы покончили осмотръ винодѣлія:—какъ ты полагаешь?

— Разумѣется, свободно.

— Почему же кашинскіе винодѣлы до сихъ поръ не проникли ни въ Афганистанъ, ни въ Белуджистанъ, а все какого-то «полнаго хода» своему вину ждутъ?

— Да потому, вѣроятно, что покуда еще около себя побираются. Дай срокъ, у своихъ изъ каржановъ повыберутъ, а потомъ и въ Белуджистанъ съ подводами потянутся.

Въ заключеніе, Очищенный сообщилъ намъ пріятную вѣсть. Въ редакціи «Красы Димидрона» имѣются достовѣрныя свѣденія, что примѣръ кашинскихъ винодѣловъ уже нашелъ подражателей. Не говоря объ Ярославлѣ, котораго лафиты, подправленные черникой и сандаломъ, могутъ смѣло соперничать съ фирмою Oldekopp Marillac — во многихъ мелкихъ уѣздныхъ городахъ (какъ напримѣръ, въ Крапивнѣ, Саранскѣ, Лукояновѣ и проч.), гдѣ доселѣ производился только навозъ, положено прочное основаніе винодѣлію, которое до извѣстной степени уже и конкуррируетъ съ кашинскимъ и ярославскимъ. Примѣру этихъ городовъ несомнѣнно послѣдуютъ: Шацкъ, Лаишевъ, два Ардатова, всѣ Спасски и проч. — и тогда періодъ «выбиранія около себя» сократится самъ собой. А когда выбирать около себя будетъ ужь нечего, тогда волей-неволей придется нанимать подводы въ Белуджистанъ. А разъ белуджистанскій рынокъ будетъ завоеванъ для кашинскихъ хересовъ, тогда нашимъ винодѣламъ останется только оправдать довѣріе начальства, а намъ, всѣмъ остальнымъ — высоко держать русское знамя.

— Лёгость большая будетъ, заключилъ Очищенный, и мы охотно съ нимъ согласились.

Послѣ винодѣленъ мы хотѣли приступить къ осмотру замѣчательныхъ кашинскихъ зданій и церквей, но вспомнили, что въ Кашинѣ существуетъ окружной судъ и направились туда. Къ тому же, и хозяинъ постоялаго двора предупредилъ насъ, что въ это утро должно слушаться въ судѣ замѣчательное полити-

ческое дѣло, развязки котораго вся кашинская интеллигенція ожидала съ нетерпѣніемъ [1].

Какъ я уже сказалъ выше, въ рѣкѣ Кашинкѣ издревле въ изобиліи водились пискари. Но недавно количество ихъ стало постепенно убывать, и, какъ это всегда у насъ водится, полиція прозѣвала это знаменательное явленіе. Хватились тогда, когда осталась лишь небольшая шайка, которая явно посмѣивалась надъ всѣми усиліями гражданъ водворить ее въ уху. Бросились ловить—не тутъ-то было; пискари вильнули хвостомъ и у всѣхъ на виду исчезли. Трудно было, конечно, оправдать полицію, но, съ другой стороны, трудно было и обвинить. Во всякомъ случаѣ, поймали только одного хвораго пискаря, которому врачи предписали лежать въ тинѣ, но и оттуда полиція достала его. Нарядили слѣдствіе; прокуроры и слѣдователи два года сряду не выходили изъ рѣки Кашинки, розыскивая корни и нити, допрашивая лягушекъ и головастиковъ, и послѣ неимовѣрныхъ усилій, пришли къ такому результату: пойманъ хворый пискарь, а прочіе неизвѣстно куда исчезли. Въ этомъ видѣ дѣло представлено было въ судъ, которому и предстояло воздать каждому по дѣламъ его. Скрывшіеся пискари должны были судиться заочно по обвиненію въ самовольномъ оставленіи отечества, а пойманный хворый пискарь — по обвиненію въ знаніи о семъ и недонесеніи подлежащимъ властямъ. Дѣло было громкое и обѣщало привлечь массу публики.

Мы пришли въ судъ въ исходѣ одиннадцатаго; но такъ какъ засѣданіе должно было открыться не ранѣе часа, то никого еще не было, кромѣ сторожей и приказныхъ низшаго оклада. Судъ помѣщается въ каменномъ зданіи довольно внушительныхъ размѣровъ, но плохо ремонтируемомъ. Внутри пахнетъ уныніемъ и упраздненностью, какъ и повсюду въ Кашинѣ. Швейцаръ — старый, заплѣсневѣлый; сидитъ въ бумазейной курткѣ и неторопясь чиститъ булаву, а жена его, въ каморкѣ, готовитъ щи, запахъ которыхъ сообщаетъ строенію жилой характеръ. Повидимому, старикъ одичалъ въ бездѣйствіи, потому что онъ встрѣтилъ насъ сердито и процѣдилъ сквозь зубы: нелегкая спозаранку принесла! Но когда мы, снявъ верхнее платье, дали ему

[1] Само собой разумѣется, что слѣдующее за симъ описаніе окружного суда не имѣетъ ничего общаго съ реальнымъ кашинскимъ окружнымъ судомъ, а заключаетъ въ себѣ лишь типическія черты, свойственныя третьеразряднымъ судамъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже благосклонно закрыты, а другіе ожидаютъ своей очереди.

по гривеннику за храненіе, онъ на минуту просіялъ, гривенники спряталъ за щеку, а намъ указалъ на лавку: сидите!

— Много бываетъ у васъ въ судѣ дѣловъ, старинушка? ласково вступилъ съ нимъ въ разговоръ Очищенный.

— Никакихъ у насъ дѣловъ нѣтъ, отвѣтилъ старикъ сердито:—кто ни идетъ, ни ѣдетъ—все мимо. Прежде, когда помѣщики были—точно, что пріѣзжали тягаться; а ныньче—шабашъ.

— Что за причина такая?

— Прикончили, значитъ. Имущество продали, а сами на теплыя воды уѣхали. А кои остались—тѣ и безъ суда другъ у дружки рвутъ.

— Да, строгія ныньче времена! вздохнулъ Очищенный и не безъ умиленія подумалъ: — вотъ кабы такимъ же манеромъ и Матрена Ивановна: не доводя до суда, вынула бы денежки да и заплатила бы по векселямъ... мило, благородно!

— Дураковъ нонѣ много уродилось, философствовалъ между тѣмъ швейцаръ:—вотъ умные-то и рвутъ у нихъ. Потому, ежели дуракъ въ судъ пойдетъ—какую онъ тамъ правду съищетъ? какая такая дурацкая правда бываетъ? Еще съ него же всѣ штрафы взыщутъ: нишкни, значитъ, коли ты дуракъ!

И, порѣшивъ такимъ образомъ съ гражданскими дѣлами, прибавилъ:

— У насъ нонѣ и уголовщина — и та мимо суда прошла. Развѣ который ужь воръ съ амбиціей, такъ тотъ суда запроситъ, а прочіихъ всѣхъ воровъ у насъ сами промежду себя рѣшатъ. Прибьютъ, либо искалѣчатъ—поди, жалуйся! Прокуроры-то наши глаза проглядѣли, у окошка ждамши, не приведутъ ли кого — не ведутъ да и шабашъ! Самый нашъ судъ бѣдный. Все равно, какъ у поповъ приходы бываютъ; у одного тысяча душъ въ приходѣ, да все купцы да богатѣи, а у другого и ста душъ нѣтъ, да и у тѣхъ на десять душъ одна корова. У чего тутъ кормиться попу?

Словомъ сказать, старикъ шибко негодовалъ и даже себя считалъ несправедливо приниженнымъ запустѣлостью суда, въ дверяхъ котораго его, безъ всякой надобности, заставляютъ стоять въ галунахъ, въ перевязи и выдѣлывать булавой артикулы при проходѣ членовъ и прокуроровъ, которые и сами-то идутъ въ судъ лишь отъ того, что дѣваться имъ больше нѣкуда.

— Набрали цѣлое стадо приказныхъ, ворчалъ онъ безъ умолку:—а они только папироски курятъ, сорятъ да перья сосутъ. Или теперича паутина—сколько ея на потолкахъ набралось!—а какъ ты ее оттолѣ достанешь? Ты ее растревожь—анъ она клочьями

повисла; одно мѣсто на потолкѣ бѣлое открылось, а прочее все точно сажей вымазано. Самый, то есть самый у насъ бѣдный судъ!

Но мнѣ лично, именно *такой* судъ и казался идеальнымъ: именно такой судъ нуженъ. Чтобы никто въ немъ не судился, чтобъ лѣстница была неметена, чтобъ паутина застилала потолки, чтобъ швейцаръ былъ небритъ, а швейцарова жена чтобы щи варила. И чтобы за всѣмъ тѣмъ, всякій, при видѣ этого неметеннаго суда, понималъ, что часъ воли Божіей—вотъ онъ. И прокуроры чтобы, на всякій случай, въ окна смотрѣли, только на улицу бы не выбѣгали, когда кого-нибудь ведутъ на веревочкѣ, не спрашивали бы: со взломомъ или безъ взлома? Меня не огорчило бы, еслибъ даже судебный персоналъ оставался бы въ прежнемъ составѣ и продолжалъ бы получать присвоенные по штатамъ оклады. Во-первыхъ, покуда судъ не упраздненъ, нельзя упразднить и служителей его («чѣмъ же мы виноваты, что у насъ дѣлъ нѣтъ?»), а во-вторыхъ, вѣдь надо же между кѣмъ-нибудь казенные доходы дѣлить, такъ ужь пусть лучше получаютъ тѣ, кои дѣла не дѣлаютъ, а отъ дѣла не бѣгаютъ, нежели тѣ, кои безъ пути, аки левъ рыкаяй, рыщутъ, искій кого поглотити.

А исподволь, можетъ быть, удалось бы и полнаго упраздненія достигнуть. Никого не обижая, не увольняя и не упраздняя, а постепенно прекращая замѣну упалыхъ. Вѣдь это только съ непривычки кажется, что безъ судовъ минуты нельзя прожить, я же, напротивъ того, позволяю себѣ думать, что ежели люди перестанутъ судиться, то это отнюдь не сдѣлаетъ ихъ несчастными. Я знаю, что идея эта не практическая, и что надѣяться на ея осуществленіе все равно, что поджидать скораго пріѣзда Улиты (по пословицѣ: Улита ѣдетъ, когда-то будетъ), но и за всѣмъ тѣмъ, надѣюсь. Но, разумѣется, еслибъ мнѣ сказали: выбирай между прежнимъ кашинскимъ уѣзднымъ судомъ и нынѣшнимъ кашинскимъ окружнымъ судомъ, я не задумываясь крикнулъ бы послѣднему: vivat, crescat et floreat. Помилуйте, ужь одно то чего стоитъ, что въ дверяхъ нынѣшняго окружного суда стоитъ швейцаръ съ булавой, тогда какъ въ передней кашинскаго уѣзднаго суда вѣчно стучалъ сапожной колодкой солдатъ въ изгребной рубахѣ и съ поврежденной на ученьяхъ скулой...

Но этотъ день, какъ я уже сказалъ выше, составлялъ исключеніе въ практикѣ кашинскаго окружного суда.

Судились пискари, исконные кашинскіе обыватели, и притомъ, въ такомъ интересномъ преступленіи, которое, самою новизною, озадачило всѣхъ кашинскихъ консерваторовъ (кашинскіе вино-

дѣлы и витушечники — консервативны по преимуществу, ибо знають, чье мясо кошка съѣла). Съ половины двѣнадцатаго уже началось движеніе въ окрестностяхъ суда. Швейцаръ, весь вышитый, съ желтой перевязью черезъ плечо и съ булавой въ правой рукѣ, стоялъ на вытяжку у дверей, готовый выдѣлать всѣ требуемые практикой суда артикулы. Прежде всего, повалила меньшая братія, которая, при входѣ, набожно крестилась, какъ бы отмаливаясь отъ тюрьмы и отъ сумы, а въ началѣ перваго, начали собираться «чины». Первые пришли прокуроры. Увидѣвши насъ, они остановились въ швейцарской, и стали обсуждать вопросъ: ежели воръ въ шкатулкѣ сломаетъ замокъ и унесетъ оттуда три копейки—это, несомнѣнно, будетъ кража со взломомъ; но ежели онъ, вмѣсто того, чтобъ ломать замокъ, всю шкатулку унесетъ—какъ слѣдуетъ это дѣйствіе понимать? [1] Но, ничего не рѣшивъ, щелкнули языками и стали подниматься по лѣстницѣ вверхъ. Слѣдомъ за прокурорами прибыли члены суда. Они солидно взбирались по лѣстницѣ и вели солидный разговоръ, неизмѣнно начинавшійся словами: «въ практикѣ кашинскаго окружного суда установился прецедентъ...» Сначала одинъ эти слова скажетъ, потомъ другой повторитъ, потомъ третій, а швейцаръ смотритъ на нихъ и не нарадуется. Вообще, эти люди, повидимому, отлично понимали, что двадцатаго числа каждаго мѣсяца ничто не воспрепятствуетъ имъ воспользоваться присвоеннымъ отъ казны содержаніемъ. Кашинка можетъ выйти изъ береговъ и потопить казначейство, огонь можетъ истребить его, но *ихнія* деньги ни въ огнѣ не сгорятъ, ни въ водѣ не потонутъ. Напослѣдокъ, по наружности суетливо, но, въ сущности, виновато, проскользнуло штукъ двадцать адвокатовъ, которые, увидѣвъ насъ, ужасно обрадовались, предполагая, что вотъ, молъ, тягаться пришли. Но радость ихъ была кратковременна, и когда мы объяснили цѣль нашего прихода, то лица ихъ выразили столь искреннюю печаль, что Глумовъ поспѣшилъ предложить имъ по папироскѣ. Затѣмъ, они всей ватагой ринулись наверхъ, какъ бы опасаясь потерять горячіе слѣды, оставленные членами суда и прокурорами.

Намъ эти бѣдняки показались заслуживающими полнаго снисхожденія. Они имѣли хорошій аппетитъ и нѣкоторое время расчитывали на удовлетвореніе онаго, какъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, въ практикѣ кашинскаго окружного суда установился

---

[1] Нынче, какъ я слышалъ, вопросъ этотъ уже разрѣшенъ. Можно и замокъ въ шкатулкѣ сломать, и самую шкатулку унести—какъ кому удобнѣе.

прецедентъ: никакихъ дѣлъ не судить, а собираться лишь для чтенія законовъ...

Съ половины перваго, начался приливъ чистой публики. Прибылъ исправникъ, изящный молодой человѣкъ, съ проборомъ посреди головы; вынулъ щеточку съ зеркальцемъ, посмотрѣлся, и вошелъ на крыльцо въ ожиданіи дамъ. Къ нему присоединилось съ десятокъ офицеровъ квартирующаго въ уѣздѣ полка. Дамочки не замедлили. Первою подкатила щегольская линейка, въ которой, словно на пикникъ, пріѣхала, изъ подгороднаго имѣнія, мѣстная львица съ цѣлымъ выводкомъ дамочекъ. За линейкой послѣдовалъ цѣлый рядъ экипажей, подвозя новые и новые выводки. Слышался говоръ и смѣхъ; у всѣхъ дамочекъ оказывался въ туалетѣ какой-нибудь безпорядокъ; у однѣхъ что-то развязалось, у другихъ—разстегнулось. Всѣ хохотали и кричали: ахъ, какъ весело! Исправникъ, какъ первый (послѣ прокурора) въ городѣ кавалеръ, не успѣвалъ завязывать и застегивать. Господа офицеры оказывали содѣйствіе.

Поднялись наверхъ и мы.

Зала была совершенно полна. Дамочки, гражданскаго и военнаго вѣдомствъ въ перемежку, сидѣли въ первомъ ряду и весело переговаривались между собой на французскомъ діалектѣ. Сзади ихъ, тѣснился цвѣтъ мѣстныхъ свѣдущихъ людей и земскихъ дѣятелей, въ перемежку съ офицерами. Въ глубинѣ—толпилась меньшая братія. Судебные пристава, блистая отчищенными на̀ново, цѣпями, въ новенькихъ мундирчикахъ, красиво выгибая шеи, говорили дамочкамъ «бонжуръ» и подвигали имъ стулья. Многіе изъ нихъ состояли на счету жениховъ и умѣли танцовать мазурку. Подсудимый пискарь, еле живой, лежалъ въ неглубокой тарелкѣ на скамьѣ подсудимыхъ и тяжело дышалъ жабрами. Сзади его стояло два жандарма съ саблями на̀-голо; рядомъ — расположилась защита, въ составѣ двухъ адвокатовъ: Шестакова (испорченное отъ Chaix d'Estange) и Перьева (испорченное отъ Berryer). Кафедру обвиненія занялъ прокуроръ Громобой, который вошелъ въ залу суда, мечтательно играя поясницей и склонивши головушку на праву сторонушку. Въ граціозно откинутой рукѣ его блестѣлъ золотой пенснѐ; сочныя губы (созданныя для поцѣлуя) слегка вздрагивали; глаза (съ поволокою) смотрѣли грустно. Онъ уныло окинулъ дамскій цвѣтникъ, какъ бы заранѣе испрашивая прощенія за кровожадность, съ которою онъ будетъ требовать смерти для подсудимаго пискаря и общихъ оздоровительныхъ мѣръ для всего общества. При этомъ взглядѣ, дамочки инстинктивно поправили платья, потому что

Громобой занималъ въ кашинской судебной труппѣ амплуа premier amoureux, въ родѣ какъ, напримѣръ, Бертонъ или Вормсъ въ Михайловскомъ театрѣ, въ Петербургѣ. Въ числѣ свидѣтелей больше всѣхъ выдавалась старая лягушка (по вызову обвинительной власти), та самая, которая когда-то

...на лугу, увидѣвши вола,
Задумала сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться...

но, вопреки свидѣтельству дѣдушки Крылова, не лопнула (лягушки удивительно какъ эластичны), а явилась въ настоящемъ дѣлѣ главной доносчицей. За нею виднѣлось нѣсколько десятковъ мелкихъ головастиковъ, бо̀льшая часть которыхъ была вызвана защитой, и, наконецъ, въ особой лахани, широко разинувъ пасть, нервно плескалась щука, относительно которой Громобой былъ долгое время въ нерѣшительности, вызвать ли ее въ качествѣ свидѣтельницы, или же посадить на скамью обвиняемыхъ, въ качествѣ укрывательницы, такъ какъ бо̀льшая часть оставившихъ отечество пискарей была ею заглотана. На столѣ вещественныхъ доказательствъ лежали: во-первыхъ, карась, долженствовавшій быть на скамьѣ подсудимыхъ, но ошибкою зажаренный въ сметанѣ; во-вторыхъ, точный фотографическій снимокъ съ струй, которыя образовались въ рѣкѣ при поспѣшномъ бѣгствѣ пискарей. За рѣшеткой присяжныхъ засѣдателей не было никого, потому что процессъ былъ политическій, а у присяжныхъ засѣдателей политическаго смысла не полагается.

Ровно въ часъ, самый лихой изъ судебныхъ приставовъ возгласилъ: судъ идетъ!—и вслѣдъ за этимъ возгласомъ въ залу выплыли: Иванъ Иванычъ, Петръ Иванычъ и Семенъ Иванычъ. Но̀ такъ какъ они были въ мундирахъ и при цѣпяхъ, то назывались не Иванами Иванычами, а судьями. Впечатлѣніе, произведенное ихъ появленіемъ, было самое примиряющее. Всѣмъ показалось, что вмѣстѣ съ ними пришла и Прасковья Ивановна и что сейчасъ она скажетъ:—милости просимъ закусить! А ежели закуски и не будетъ, то во всякомъ случаѣ Иванъ Иванычъ разскажетъ, какой съ нимъ вчера казусъ былъ. Игралъ онъ въ винтъ: та̀къ—онъ съ Семенъ Иванычемъ, а та̀къ—Петръ Иванычъ съ Ефремъ Иванычемъ. Только назначаетъ онъ три въ пикахъ, а Семенъ Иванычъ перебиваетъ: въ такомъ разѣ я назначаю три въ червяхъ! А у него, Иванъ Иваныча ни одной червонки нѣтъ, а у Семенъ Иваныча нѣтъ ни одной пиковки. Видитъ онъ бѣду неминучую, назначаетъ четыре въ пикахъ, а Семенъ Иванычъ опять перебиваетъ: а я въ такомъ разѣ четыре въ черьвяхъ! И остались безъ четырехъ...

Разумѣется, Иванъ Иванычъ ничего подобнаго не разсказалъ (онъ такъ глубоко затаилъ свое горе, что даже Семену Иванычу не мстилъ, хотя со вчерашняго дня отъ всей души его ненавидѣлъ), но общая увѣренность въ неизбѣжности этого разсказа была до того сильна, что когда началось чтеніе обвинительнаго акта, всѣ удивленно переглянулись между собой, какъ бы говоря: помилуйте! да это совсѣмъ не то!

Сущность обвинительнаго акта заключалась въ слѣдующемъ. Издревле рѣка Кашинка славилась своими пискарями. Во всѣ времена, обыватели города ловили пискарей всѣми дозволенными способами, и готовили изъ нихъ прекраснѣйшую уху, о чемъ еще въ XIV столѣтіи свидѣтельствовалъ кашинскій лѣтописецъ. Однажды установившись на прочномъ основаніи, дѣло это шло своимъ порядкомъ, не порождая преувеличенныхъ надеждъ, но не возбуждая ни въ комъ и тревожныхъ опасеній. Только въ 1723 году рѣка Кашинка едва не опустѣла, такъ какъ всѣхъ пискарей потребовали въ Петербургъ ко двору, въ видахъ обрусенія рѣки Мьи (нынѣшняя Мойка). Но большинство тогдашнихъ пискарей сказалось въ «нѣтѣхъ», и года черезъ два-три убыль безъ труда пополнилась. За исключеніемъ этого кратковременнаго случая, недостатка въ пискаряхъ никогда не замѣчалось, хотя въ иной годъ попадались пискари крупнѣе, а въ другой—мельче. Но съ начала шестидесятыхъ годовъ, вмѣстѣ съ наступленіемъ эпохи реформъ, начинаются между пискарями волненія. Вмѣсто того, чтобъ быть благодарными за дарованіе свободы, они придумываютъ всевозможныя уловки для избѣжанія закидываемыхъ сѣтей и неводовъ, и въ тоже время цѣлыми массами эмигрируютъ изъ родной рѣки. Куда они эмигрировали—это и доселѣ составляетъ тайну, но самый фактъ эмиграціи былъ уже тогда замѣченъ нѣкоторыми благомыслящими гражданами. Опасаясь, что вкусная и питательная уха, которою они привыкли подкрѣплять свои силы, въ непродолжительномъ времени отойдетъ въ область преданія, они настойчиво указывали подлежащей власти на угрожающую опасность, но такъ какъ въ то время все вообще правительство было за одно съ пискарями, то понятно, что и мѣстная полицейская власть не сочла себя вправѣ употребить энергическія усилія, дабы пресѣчь зло въ самомъ его зародышѣ. И вотъ, зло развилось. Въ теченія всего прошлаго года не было поймано ни одного пискаря, а въ нынѣшнемъ году, съ вскрытіемъ рѣки, повторилось тоже явленіе. Тогда полицейская власть встревожилась и рѣшилась вмѣшаться. Громогласно давъ мятежникамъ три предостереженія относительно

непремѣнной явки въ уху, она закинула разомъ нѣсколько неводовъ; но протащивъ ихъ по всему протяженію рѣки въ предѣлахъ городской черты, ничего не изловила, кромѣ головастиковъ и лежащаго въ тарелкѣ больного пискаря. Въ такомъ видѣ это дѣло поступило на распоряженіе прокурорской власти, которая сочла необходимымъ подвергнуть его тщательному изслѣдованію. Слѣдствіе, произведенное подъ личнымъ наблюденіемъ прокурора окружного суда, съ участіемъ всѣхъ прокуроровъ и судебныхъ слѣдователей кашинскаго округа, привело къ слѣдующимъ результатамъ: А. *Относительно всѣхъ вообще пискарей.* Несомнѣнно, что съ ихъ стороны былъ въ настоящемъ случаѣ заговоръ и предумышленное сопротивленіе властямъ. Будучи, по закону, обязаны являться, по первому требованію, въ уху, они нетолько не обратили должнаго вниманія на сдѣланныя имъ полицейскою властью предостереженія, но прямо ослушались ея приглашеній, несомнѣнно дѣйствуя при этомъ по обдуманному напередъ общему плану. Доказательствъ существованія этого общаго плана имѣется въ дѣлѣ болѣе, нежели достаточно. Во-первыхъ, пискари исчезли изъ рѣки именно въ ту самую минуту, когда начальство изготовляло, для поимки ихъ, сѣти и невода. Очевидно, они были предупреждены. И дѣйствительно, въ дѣлѣ имѣются данныя, доказывающія, что ихъ предупредилъ о дѣлаемыхъ приготовленіяхъ, карась, жившій у исправника въ прудѣ, соединяющемся съ рѣкою Кашинкой протокомъ. Самъ карась чистосердечно сознался въ этомъ преступленіи, оправдываясь, будто бы онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ на основаніи какого-то циркуляра. Но по какому вѣдомству, когда и за какимъ № былъ изданъ этотъ циркуляръ—указать не могъ. Къ сожалѣнію, этотъ карась былъ, по недоразумѣнію, изжаренъ въ сметанѣ, въ каковомъ видѣ и находится нынѣ на столѣ вещественныхъ доказательствъ (секретарь подходитъ къ столу, поднимаетъ сковороду съ загаженнымъ мухами карасемъ и говоритъ: вотъ онъ!), но еслибъ онъ былъ живъ, то несомнѣнно, въ видахъ смягченія собственной вины, пролилъ бы свѣтъ на это, впрочемъ, и безъ того уже ясное обстоятельство. Стало быть, они знали, а ежели знали, то должны были спокойно плавать и съ довѣріемъ ожидать. Но они, вмѣсто того, обдумали общій планъ, которымъ и воспользовались въ рѣшительную минуту. Во-вторыхъ, самый процессъ бѣгства свидѣтельствуетъ объ его предумышленности. Бѣгство совершилось съ быстротой совершенно несвойственной пискарямъ, что доказывается точнымъ фотографическимъ снимкомъ струй, оставленныхъ бѣжавшими. Стоитъ взглянуть на

этотъ снимокъ (секретарь беретъ его со стола и говоритъ: вотъ онъ!), чтобъ убѣдиться, что такую путаницу перекрестныхъ слѣдовъ могутъ оставить только существа, достовѣрно знающія, что ожидаетъ ихъ впереди, и потому имѣющія полное основаніе спѣшить. Говорятъ, будто бы пискари отъ того такъ быстро прыснули въ разныя стороны, что испугались щуки, которая въ это время заплыла въ Кашинку изъ Волги, но спрошенная посему предмету щука представила къ слѣдствію одобрительное свидѣтельство отъ полиціи, изъ котораго видно, что она неоднократно и прежде появлялась въ рѣкѣ Кашинкѣ, и всегда съ наилучшими намѣреніями. Но кромѣ того, даже вызванные защитой головастики—и тѣ свидѣтельствуютъ, что еще задолго до исчезновенія пискарей у нихъ уже были шумныя сходки, на которыхъ потрясались основы и произносились пропаганды и превратныя толкованія; а лягушка, видѣвшая въ лугу вола, прямо показываетъ, что нетолько знаетъ о сходкахъ, но и сама не разъ тайно, залегши въ грязь, на нихъ присутствовала, и слышала собственными ушами, какъ однажды было рѣшено: въ уху не идти. Такимъ образомъ, исчезновеніе съ одной стороны совершилось быстро, а съ другой медленно и обдуманно. Затѣмъ, хотя слѣдствіе и не разъяснило достовѣрнымъ образомъ, куда дѣвались мятежные пискари, оставили ли они отечество навсегда, или до сихъ поръ укрываются въ волнахъ онаго; но обстоятельство это для правосудія безразлично. Они не явились по вызову начальства, а это больше, нежели оставленіе отечества. Что же касается до находящагося на скамьѣ подсудимыхъ больного пискаря, то хотя онъ и утверждаетъ, что ничего не зналъ и незнаетъ объ этой исторіи, потому-де что былъ боленъ и по совѣту врачей лежалъ въ илѣ, но запирательству его едва ли можно дать вѣру, ибо вѣковой опытъ доказываетъ, что больные злоумышленники очень часто бываютъ вреднѣе, нежели самые здоровые.

«А посему и принимая во вниманіе все вышеизложенное, заключалъ обвинительный актъ, предаются уголовному суду нижеслѣдующія лица: **А.** Заочно—*всѣ вообще бѣжавшіе изъ рѣки Кашинки пискари*, по обвиненію: 1) въ недозволенномъ оставленіи отечества, или въ преступленіи оному равносильномъ; 2) въ предумышленномъ сопротивленіи подлежащей власти, выразившемся въ неявкѣ, по ея вызову, въ уху; и 3) въ составленіи заговора съ цѣлью неисполненія законныхъ требованій начальства, хотя и безъ намѣренія ниспровергнуть оное. Каковыя преступленія предусмотрѣны 666 ст. всѣхъ томовъ св. зак. Рос.

*

Имп. Б. *Пискарь безъ имени и отчества, извѣстный подъ названіемъ Ивана Хворова*—по обвиненію въ знаніи изложенныхъ выше поступковъ и дѣяній и въ недонесеніи объ нихъ подлежащей власти; при чемъ хотя и не было съ его стороны дѣятельнаго участія въ заговорѣ, но сіе произошло не отъ воли его, а отъ воспрепятствованія хворостью, по предписанію врачей. Каковое преступленіе предусматривается уложеніемъ о наказаніяхъ, карманнымъ онаго изданіемъ».

XXIV.

Чтеніе обвинительнаго акта произвело смѣшанное впечатлѣніе. Всѣ отдавали справедливость бдительности прокурорскаго надзора, но въ тоже время чувствовали невольное сострданіе къ бѣдному больному пискарю, который цѣлыхъ два года томился въ тарелкѣ (даже воду въ ней не каждый день освѣжали), тогда какъ главные злоумышленники плавали на свободѣ, насмѣхаясь надъ всѣми усиліями правосудія. Въ особенности же сожалѣлъ о подсудимомъ одинъ изъ конвоировавшихъ его жандармовъ, рядовой Тарара̀, который тѣсно сблизился съ нимъ во время двухлѣтнихъ скитаній по слѣдствіямъ, и полюбилъ его какъ сына. Во всякомъ случаѣ, всѣхъ нѣсколько утѣшило, что пискаря будутъ судить не по большому Уложенію, а по карманному. Только дамочки оставались легкомысленно-индифферентными къ участи подсудимаго и, сравнивая его мизерную, изнуренную фигурку съ цвѣтущими и пышущими здоровьемъ кашинскими свѣдущими людьми, отдавали предпочтеніе послѣднимъ.

Затѣмъ, когда волненіе мало-по-малу улеглось, Иванъ Иванычъ позвонилъ въ колокольчикъ и началось представленіе подъ названіемъ:

. . . .

ЗЛОПОЛУЧНЫЙ ПИСКАРЬ

или

ДРАМА ВЪ КАШИНСКОМЪ ОКРУЖНОМЪ СУДѢ.

ДВѢ КАРТИНЫ.

Сцена представляетъ залу засѣданій; свойственную Кашинско-Бѣлозерско-Устюженскому Окружному суду. Дѣйствующія лица и обстановка поименованы и описаны выше.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Иванъ Иванычъ. Подсудимый Иванъ Хворовъ! разскажите, что̀ вамъ извѣстно по настоящему дѣлу?

Подсудимый (*дѣлаетъ чрезмѣрныя усилія, чтобъ отвѣтить, но ничѣмъ не можетъ выразить свою готовность, кромѣ чуть замѣтнаго движенія хвостомъ*).

Иванъ Иванычъ (*не понимая*). Я долженъ замѣтить вамъ, подсудимый, что чѣмъ больше вы будете упорствовать... (*Петръ Иванычъ высовывается впередъ*). Вы желаете предложить вопросъ, Петръ Иванычъ? (*Къ публикѣ*). Господа! Петръ Иванычъ имѣетъ предложить вопросъ!

Петръ Иванычъ (*говоритъ солидно, произнося слова въ носъ*). Въ практикѣ кашинскаго окружнаго суда установился прецедентъ... (*Умолкаетъ, и прислушивается, какъ будто эти слова сказалъ не онъ, а Семенъ Иванычъ*).

Иванъ Иванычъ. Подсудимый! вы слышали? (*Пискарь молчитъ*). Повторяю вамъ, пискарь...

Жандармъ Тарара (*движимый жалостью*). Иёнъ боленъ. Дуже, вашескородіе, нездоровъ.

Иванъ Иванычъ (*пошептавшись съ Семеномъ и Петромъ Иванычами*). Но ежели такъ... господинъ прокуроръ! неугодно ли вамъ будетъ дать по сему предмету заключеніе?

Прокуроръ (*поспѣшно перелистываетъ карманное уложеніе, но ничего подходящаго не находитъ*). Мм... мм... я полагалъ бы... я полагаю, что въ виду болѣзненнаго состоянія подсудимаго,

можно ограничиться предложеніемъ ему краткихъ и несложныхъ вопросовъ, на которые онъ могъ бы отвѣчать необременительными тѣлодвиженіями. Нѣтъ сомнѣнія, что господа защитники, которымъ долженъ быть понятенъ языкъ пискарей, не откажутъ суду въ разъясненіи этихъ тѣлодвиженій.

Адвокаты Шестаковъ и Перьевъ (*увлекаясь легкомысленнымъ желаніемъ уязвить прокурора и въ тоже время запасаясь кассаціоннымъ поводомъ*). Съ своей стороны, мы думаемъ, что языкъ пискарей болѣе извѣстенъ обвинителю, нежели намъ; ибо онъ цѣлыхъ два года жилъ въ рѣкѣ, разъискивая корни и нити по этому дѣлу.

Иванъ Иванычъ. Что̀ же теперича дѣлать?

Голосъ изъ публики. Самое лучшее—выпить и закусить (*общій смѣхъ*).

Иванъ Иванычъ (*сердито ищетъ глазами, но въ тоже время машинально третъ рукою подъ ложечкой*). Предваряю, что я дальнѣйшихъ нарушеній порядка не потерплю Ибо еслибъ даже и чувствовалась потребность закусить, то въ этомъ еще ничего нѣтъ предосудительнаго. И притомъ все въ свое время. Господа судебные пристава! извольте смотрѣть въ оба! (*Въ публикѣ новый взрывъ смѣха*). Нѐчего смѣяться-съ! стыдно-съ! Повторяю свой прежній вопросъ: что̀ теперича дѣлать? (*Семенъ Иванычъ выдвигается впередъ*). Вы желаете сказать ваше мнѣніе, Семенъ Иванычъ? (*Къ публикѣ*). Господа! Семенъ Иванычъ имѣетъ сказать нѣсколько словъ!

Семенъ Иванычъ (*встаетъ, и бравируетъ, какъ будто хочетъ сказать, что онъ и не въ такихъ передѣлкахъ бывалъ*). Въ практикѣ кашинскаго окружного суда установился прецензентъ... (*Краснѣетъ и садится*).

Иванъ Иванычъ (*вспоминая о вчерашнемъ винтѣ и желая уязвить Семена Иваныча*). То-то «прецедентъ»! Господинъ прокуроръ! прошу васъ дать заключеніе!

Прокуроръ (*судорожно хватается за карманное уложеніе, но въ судебныя пренія неожиданно вмѣшивается жандармъ Тарара*).

Тарара. Позвольте, вашескородіе, минэ за него говорить! Я усё панымаю!

Иванъ Иванычъ. Вотъ и прекрасно. Стало быть, мы можемъ продолжать судебное слѣдствіе... Отвѣчайте, подсудимый! признаёте ли вы себя виновнымъ?

Тарара. У чо̀мъ, вашескородіе?

Иванъ Иванычъ (*дразнится*). У чо̀мъ?! У усёмъ!!

Тарара. Виноватъ вашескородіе.

Иванъ Иванычъ. То-то. Подсудимый! Слышите?

Тарара. Точно такъ, вашескородіе.

Иванъ Иванычъ. И такъ, подсудимый сознался. Теперича, можно, стало быть, приступить къ выслушиванію свидѣтельскихъ показаній. Господинъ секретарь! всѣ свидѣтели на лицо?

Адвокатъ Шестаковъ. Я имѣю сдѣлать заявленіе. Подсудимый никакого сознанія не дѣлалъ, а созналось за него совершенно постороннее дѣлу лицо. Прошу занести объ этомъ въ протоколъ.

Иванъ Иванычъ (*качая головой*). Ахъ-ахъ-ахъ! всегда-то вы такъ, господинъ Шестаковъ! Правосудіе идетъ своимъ ходомъ, а вы препятствуете! Какъ же съ этимъ намъ быть? господинъ прокуроръ! ваше заключеніе?

Прокуроръ (*перелистываетъ карманное уложеніе, и дѣлаетъ видъ, что нашелъ*). Полагаю, что домогательство защиты слѣдуетъ оставить безъ послѣдствій... на основаніи 1679 статьи...

Адвокатъ Перьевъ (*язвительно*). Статья, о которой говоритъ обвинитель, касается раскольниковъ, непріемлющихъ священства, а къ процессуальной сторонѣ политическихъ дѣлъ никакого отношенія не имѣетъ.

Иванъ Иванычъ. Ахъ-ахъ-ахъ! Какъ же это, Ѳедоръ Павлычъ, вы такъ? спапашились... а? (*Головастики смѣются*). Вы чего смѣетесь? ждите своей очереди! Ѳедоръ Павлычъ! за вами слово!

Прокуроръ (*ни мало не смущаясь и смотря на Перьева въ упоръ*). Это по одному изданію — дѣйствительно такъ; а по другому изданію та-же 1679 статья...

Иванъ Иванычъ. Такъ я и зналъ. А все вы, господинъ Перьевъ! Правосудіе идетъ своимъ ходомъ, а вы прерываете! Предупреждаю, что ежели это повторится еще разъ, я лишу васъ слова. Я добръ, но не потерплю, чтобы правосудіе встрѣчало препятствія на пути своемъ!

Адвокатъ Перьевъ. Позвольте, Иванъ Иванычъ!

Иванъ Иванычъ. Здѣсь, не Иванъ Иванычъ, а *господинъ судья*.

Перьевъ (*не обращая вниманія*). Ахъ, Иванъ Иванычъ!

Иванъ Иванычъ (*строго*). Вы упорствуете, господинъ Перьевъ? Лишаю васъ слова. Извольте немедленно оставить скамью защиты!

Петръ Иванычъ и Семенъ Иванычъ (*вмѣстѣ*). Въ практикѣ кашинскаго окружного суда установился прецедентъ...

Иванъ Иванычъ. Ну, да, прецедентъ. Господинъ Шестаковъ! Вамъ однимъ ввѣряется защита интересовъ вашего кліента. А теперь, будемъ выслушивать свидѣтелей.

Перьевъ поспѣшно обираетъ бумаги съ конторки и съ радостью удаляется въ публику. Въ это время въ двери, позади судей показывается голова Прасковьи Ивановны. Судебный приставъ поспѣшно перерѣзываетъ залу засѣданій и, пошептавшись около дверей, вполголоса докладываетъ Ивану Ивановичу, что Прасковья Ивановна привезла четыре сорта пирожковъ.

Иванъ Иванычъ (*вставая*) Засѣданіе суда прерывается на двадцать минутъ! (*Къ прокурору*) Ѳедоръ Павлычъ! милости просимъ! (*Къ защитнику*). А васъ не зову: вы правосудіе тормозите! (*Уходятъ*).

Зала оживаетъ. Кавалеры мгновенно устремляются къ дамочкамъ съ коробками, наполненными конфектами; дамочки безъ всякой причины хохочутъ. Изъ совѣщательной камеры появляются три судебныхъ пристава, неся по блюду съ пирожками «отъ Прасковьи Ивановны», которые мгновенно расхватываются. Адвокатъ Шестаковъ вынимаетъ ватрушку и ѣстъ. Свидѣтельница-лягушка, завидѣвши даму съ непомѣрно-развитыми атурами, начинаетъ надуваться съ очевиднымъ намѣреніемъ «въ дородствѣ съ ней сравняться», но судебный приставъ прикрикиваетъ на нее: тсс... гадина! Нѣкоторые изъ меньшей братіи достаютъ изъ кармановъ вяленую воблу и хотятъ ѣсть, но судебный приставъ кричитъ на нихъ: господа! здѣсь вонять не дозволяется! кто хочетъ ѣсть воблу, пусть идетъ на крыльцо: въ свое время, я дамъ звонокъ!»

КАРТИНА II-ая.

Иванъ Иванычъ (*выходитъ изъ совѣщательной камеры, доканчивая слова молитвы*)... и не лиши насъ небеснаго твоего царствія... Петръ Иванычъ! Семенъ Иванычъ! садитесь, пожалуйста! Ѳедоръ Павлычъ! милости просимъ! Да! такъ на чемъ бишь мы остановились? на допросѣ свидѣтелей... вотъ и прекрасно. Господа головастики! разскажите, что̀ вамъ извѣстно по этому дѣлу? Не стѣсняйтесь! хотя вы вызваны защитой, но можете свидѣтельствовать и противъ подсудимаго!

Адвокатъ Шестаковъ. Осмѣлюсь доложить суду, что свидѣтели, по закону, допрашиваются каждый отдѣльно...

Иванъ Иванычъ. А вы опять тормозить правосудіе! Я—слово, а онъ—два! я—два, а онъ—десять! а-а-ахъ! Вотъ погодите! будете ужо̀ рѣчь говорить, и я тоже... Слова вымолвить не дамъ! (*Грозитъ пальцемъ*).

Голосъ изъ публики. Ну, что ужь, Иванъ Иванычъ, не всяко лыко въ строку!

Иванъ Иванычъ. Кто тамъ еще говоритъ? Кто позволяетъ себѣ! Господа судебные пристава! вы чего смотрите! (*Къ исправнику*). Такъ вы, Михалъ Михалычъ, народъ распустили... Такъ набаловали! такъ распустили... смотрѣть скверно! (*Къ головастикамъ*). Ну-съ, господа головастики, что же вы стали! Отвѣчайте! (*Незамѣтно просовываетъ подъ мундиръ руку и разстегиваетъ у жилета нѣсколько пуговицъ. Вполголоса*). Вотъ теперь—хорошо.

Головастики (*всѣ разомъ; ребяческими голосами*). Виноваты, вашескородіе!

Тарара (*вспомнивъ, какъ онъ часъ тому назадъ, отвѣчалъ*). У чомъ виноваты?—сказывайте!

Иванъ Иванычъ. Замѣститель подсудимаго! вы не имѣете права тормозить правосудіе! (*Къ головастикамъ*). Постойте! въ чемъ же, однако, вы признаете себя виновными, господа? Кажется, никто васъ не обвиняетъ... Живете вы смирно, не уклоняетесь; ни вы никого не трогаете, ни васъ никто не трогаетъ... ладкомъ да миркомъ—такъ ли я говорю? (*Въ сторону*). Однако, эти пироги... (*Разстегиваетъ потихоньку еще нѣсколько пуговицъ*). Ну-съ, такъ разсказывайте: что вамъ по дѣлу извѣстно?

Головастики (*хоромъ*). Знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ!

Иванъ Иванычъ. Не знаете?.. ну, такъ я и зналъ! Потревожили васъ только... А, впрочемъ, это не я, а вотъ онъ... (*Указываетъ на Шестакова*). Другихъ перебивать любитъ, а самъ... Много за вами блохъ, господинъ Шестаковъ! ахъ, какъ много! (*Къ головастикамъ*). Вы свободны, господа! (*Смотритъ на прокурора*). Кажется, я могу... отпустить?

Прокуроръ. Со стороны обвиненія препятствія не имѣется.

Адвокатъ Шестаковъ. Но, можетъ быть, впослѣдствіи...

Иванъ Иванычъ (*авторитетно*). Вы свободны, господа головастики! *Судъ* увольняетъ васъ—да! И никто его этого права лишить не можетъ — да! Ни адвокаты, ни разадвокаты... никто! Гдѣ вы желаете быть водворенными? въ прудѣ, или въ рѣкѣ? Во вниманіе къ вашему чистосердечію, судъ даетъ вамъ право выбора... да!

Головастики. Намъ бы, вашескородіе, въ прудѣ пріятнѣе.

Иванъ Иванычъ. Ежели пріятнѣе въ прудѣ — ступайте въ прудъ... Но ежели бы вамъ было пріятнѣе возвратиться въ рѣку — скажите! не стѣсняйтесь (*головастики молчатъ*). Стало быть, въ прудѣ лучше? Такъ я и зналъ. Господинъ судебный

приставъ! оберите ихъ и водворите въ прудѣ... Это *судъ* распоряженіе дѣлаетъ, а какъ объ этомъ другіе-прочіе думаютъ — пускай при нихъ и останется!

Судебный приставъ (*обираетъ головастиковъ въ мѣшокъ и отдаетъ сторожу; вполголоса*). Вали ихъ... въ мѣста не столь отдаленныя!

Иванъ Иванычъ. Свидѣтельница-лягушка! разскажите, что̀ вамъ извѣстно по этому дѣлу?

Лягушка (*квакаетъ толково и даже литературно; въ патетическихъ мѣстахъ надувается, и тогда на спинѣ у ней выступаютъ рубиновыя пятна*). Я старая лягушка, опытная. Живу въ здѣшней рѣкѣ больше сорока лѣтъ, и всю подноготную знаю. Прежде было у насъ здѣсь очень хорошо и жили мы не плоше кашинскихъ помѣщиковъ. Всего было довольно, и главное, все задаромъ. Одной икры, бывало, пискари сколько наготовятъ—ужь на что мы жадны были, а и то половины не приѣдали. Думали въ ту пору, что и конца краю нашимъ радостямъ не будетъ, да и не было бы, кабы мы сами себя кругомъ не обвиноватили. Откуда начали къ намъ модныя идеи приходить—и сама ума не приложу, а только потихоньку да помаленьку—смотримъ, анъ между нами ужь и измѣнники проявились. Дальше—хуже. Я ужь и тогда на стражѣ стояла, за сто лѣтъ впередъ загадывала. Говорила я въ ту пору нашимъ старикамъ: надо-де этихъ умниковъ своимъ судомъ судить—а меня не послушали: «ничего-де, люди молодые, сами-де остепенятся, какъ въ совершенный разумъ взойдутъ». Послѣ, спохватились, да ужь поздно было. Началось съ того, что успѣли наши умники на свою сторону цаплю переманить. Усядутся, бывало, старики на бережку, начнутъ объ своихъ дѣлахъ квакать—глядь, а надъ ними цапля кружитъ. Кинется сверху, какъ стрѣла изъ лука, выхватитъ старичка, да и унесетъ въ носу. Сначала, мы думали, что это административную высылку означаетъ, а потомъ узнали, что дѣйствительно это такъ и есть. Ну, и забоялись. А въ рѣкѣ въ нашей между прочимъ ужь и бунты начались. У насъ вѣдь нетолько пискари, а и гольцы прежде водились—вотъ они-то и зачали первые. Первые не захотѣли въ уху являться, первые изъ рѣки всѣмъ стадомъ ушли—это еще въ самомъ началѣ реформъ было—а ужь за ними и пискари тронулись. Пискарь—рыба робкая, вашескородіе! убывала она не разомъ, а небольшими партіями; вотъ почему, долгое время и не вдомёкъ было, что между ними бунтъ пошелъ. Однако, постепенно начали примѣчать: нынче—одинъ косячёкъ уплылъ, черезъ недѣлю—другой,

еще черезъ недѣлю—третій. Икра-то прежде задаромъ была, потомъ, въ началѣ реформъ, ей цѣну сорокъ копеекъ поставили, а тутъ вдругъ—два съ полтиной фунтъ! А за икрою и прочее въ томъ же мачтабѣ. Сдѣлалось такъ, что хоть однимъ иломъ питайся, да и того, пожалуй, на всѣхъ не хватитъ. Видимъ: плохое наше дѣло, господа! Основы — потрясены, авторитеты — подорваны, власти—бездѣйствуютъ, суды—содѣйствуютъ... смотрѣть скверно! Ну, и стали мы тогда квакать. Квакали, квакали, и наконецъ доквакались. Внялъ господинъ исправникъ нашему кваканью и началъ приготовлять невода...

Адвокатъ Шестаковъ (*прерываетъ*). А скажите, свидѣтельница, икра-то дешевле стала отъ вашего кваканья?

Лягушка (*вся покрываясь рубиновыми пятнами, прерывисто*). Икра-то... икра... нѣтъ, икра не дешевле стала... не дешевле, не дешевле! А все отъ того, что вотъ вы... да вотъ они (*хочетъ вцѣпиться въ меньшую братію*)... кабы вотъ васъ, да вотъ ихъ... (*Задыхается и нѣкоторое время только открываетъ ротъ. Дамы въ восторгѣ машутъ ей платками*).

Иванъ Иванычъ (*припоминая, что и въ его жизни было что-то похожее, съ участіемъ*). Успокойтесь, сударыня! Отдохните. Высказываемыя вами чувства столь похвальны, что судъ можетъ и подождать.

Лягушка (*послѣ кратковременнаго отдыха*). Только сижу я однажды вечеромъ на стражѣ, и по привычкѣ во всю глотку квакаю: разрушены! подорваны! потрясены! Вдругъ слышу: въ водѣ что-то плеснуло; оглядываюсь—щука. А она, вашескородіе, давно на меня заглядывается, потому что хоть я и благонамѣренная, но щуки, коли ежели до пищи дѣло коснется, этого не разбираютъ. Подплыла ко мнѣ щука и говоритъ: прыгни, голубушка, въ воду, я тебѣ что-то скажу! А я смотрю ей въ глаза, словно околдованная, и все думаю: прыгну да прыгну!—какъ только Богъ спасъ! Однако одумалась: ладно, говорю, ты лучше въ водѣ свои рѣчи говори, а я тебя съ берегу послушаю. Ну, она видитъ, что съ меня взятки гладки, и говоритъ: «вотъ ты по донощицкой части состоишь, цѣлый день безъ ума квакаешь, а не видишь, что у тебя подъ носомъ дѣлается — пискари-то вѣдь ужь скоро остатніе отъ васъ уплывутъ».— Какъ такъ? говорю. «Да такъ, говоритъ, я ужь съ недѣлю ихъ поджидаю: какъ только подплывутъ къ Волгѣ—тутъ имъ всѣмъ отъ меня одно рѣшеніе выйдетъ!» Сказала, хлопнула хвостомъ, и уплыла. А я бочкомъ да ползкомъ—на дно рѣки! подползла вотъ къ этому пискарю, который теперь судится, да въ грязь и легла. Лежу часъ,

лежу другой—слышу: собираются. Окружили этого самаго Хворова, и стали галдѣть. И чего только я тутъ не наслушалась, вашескородіе — даже сказать скверно. Все-то у насъ гадко, все-то скверно, все-то передѣлать, да раззорить нужно. Рѣку чтобъ по ровну подѣлить, харчъ чтобы для всѣхъ вольный былъ, богатыхъ или тамъ бѣдныхъ, какъ нонѣ — этого чтобы не было, а были бы все бѣдные, начальство чтобъ упразднить, а прочимъ чтобъ своевольничать: кто хочетъ, пущай по волѣ живетъ, а кто хочетъ—пущай въ уху лѣзетъ... А одинъ—risum teneatis, amici!—даже такую штуку предложилъ: лягушекъ, говоритъ, безпремѣнно изъ нашей рѣки чтобы выжить, потому что рѣка эта завсегда была наша, дѣдушки наши въ ней жили, и мы хотимъ жить...

Прокуроръ (*прерывая*). Не можете ли вы, свидѣтельница, сказать опредѣлительнѣе, какую роль игралъ на этой сходкѣ подсудимый Хворовъ?

Лягушка (*озлобленно*). Онъ-то? да онъ, вашескородіе, первый поджигатель и есть. Кабы не его наученье, да мы бы теперь... никакихъ бы у насъ безпокойствъ не было! Самый это что ни на есть вредительный пискарь! Кто что ни скажетъ, хоша бы самую, что называется безлѣпицу, а онъ подхватитъ, да еще противъ того вдвое! Это хочь у кого угодно справьтесь, у любого головастика спросите: знаешь Ивана Хворова?—всякій скажетъ, каковъ таковъ онъ пискарь есть! Прошипитъ-это, что ему надо, свой ядъ выпуститъ, всѣхъ науськаетъ, а самъ въ тину спрячется! Такой это... ну, такой, что еслибъ теперича не поймали его, были ли бы мы въ живыхъ—ужь я и не знаю! (*Хочетъ разсказать анекдотъ изъ жизни Хворова, но Иванъ Иванычъ, опасаясь, не вышло бы какой непристойности, прерываетъ*).

Иванъ Иванычъ. Полагаю, что вопросъ, предложенный г. прокуроромъ, разъясненъ достаточно. Продолжайте, свидѣтельница, вашъ разсказъ, не увлекаясь обстоятельствами, къ дѣлу не относящимися.

Лягушка. Только шумѣли они, шумѣли—слышу, еще кто-то пришелъ. А это карась. Спасайтесь, кричитъ, господа! сейчасъ васъ ловить будутъ! мнѣ исправникова кухарка сказала, что и невода ужь готовы! Ну, только онъ это успѣлъ выговорить - всѣ пискари такъ и брызнули! И объ Хворовѣ позабыли... бѣгутъ! Я было за ними—куда тебѣ! Ну, да ладно, думаю, не далеко уйдете: щука-то—вотъ она! Потомъ ужь я слышала...

Иванъ Иванычъ. Садитесь, лягушка. Это все, что суду нужно было отъ васъ знать. Далѣе вы будете свидѣтельствовать ужь по слуху, а въ практикѣ Кашинскаго окружного суда устано-

вился прецедентъ: «не всякому слуху вѣрь»... кажется, я такъ говорю, господа? (*Семенъ Иванычъ и Петръ Иванычъ утвердительно кивають головами*). Вы исполнили свой долгъ, лягушка, съ чѣмъ васъ и поздравляю. Затѣмъ, живите смирно, никого не трогайте, и васъ никто не тронетъ; а ежели что замѣтите вредное—идите къ намъ: теперь вамъ эта дорога извѣстна. А мы ужь распорядимся, потому что это наша обязанность. Ежели что̀ похвальное узнаемъ—мы поощримъ; ежели непохвальное—по головкѣ не погладимъ. Вотъ вамъ пискарь—сидитъ! а за что̀ сидитъ?—за то, что дѣлалъ не похвальное! Кабы онъ похвально себя держалъ — не за жандармами бы сидѣлъ, а можетъ быть, субсидіи бы получалъ; а вздумалъ буянить да фордыбачить — не прогнѣвайся, посиди! И всѣ будутъ сидѣть. (*Голосъ изъ публики*: правильно! *Иванъ Иванычъ ищетъ глазами*). А вотъ я этого грубіяна, который меня прерываетъ, за ушко да на солнышко... И такъ, повторяю: ежели что замѣтите—идите къ намъ, а сами не распоряжайтесь, потому что это въ кругъ вашихъ обязанностей не входитъ. Ныньче много такихъ модниковъ развелось, которые думаютъ: зачѣмъ я въ судъ пойду?—лучше самъ распоряжусь. И оттого у насъ въ судѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ засѣданій не бываетъ—зачѣмъ же судъ? Но вы такъ не дѣлайте. Садитесь; еще разъ поздравляю васъ. Щука! Продолжайте разсказъ Лягушки! какая была ваша роль въ этомъ дѣлѣ?

Щ у к а (*разъѣваетъ пасть, чтобы лжесвидѣтельствовать, но при видѣ ея разинутой пасти подсудимымъ овладѣваетъ ужасъ. Онъ неистово плещется въ тарелкѣ и даже подпрыгиваетъ съ видимымъ намѣреніемъ перескочить черезъ край. У Щуки навертываются на глазахъ слезы отъ умиленія, причемъ пасть ея инстинктивно то разъѣвается, то захлопывается. Однакожъ, мало по-малу, движенія пискаря дѣлаются менѣе и менѣе порывистыми; онъ уже не скачетъ, а только содрогается. Еще одно, два, три содроганія и...*).

Т а р а р а (*вынимаетъ подсудимаго за хвостъ и показываетъ суду. Голосомъ, въ которомъ звучитъ торжественность*). Уже вмѐръ!!!

И в а н ъ И в а н ы ч ъ (*взволнованный*). Да послужитъ сіе намъ примѣромъ. Уклоняющіеся отъ правосудія да знаютъ, а прочіе пусть остаются безъ сомнѣнія! Жаль пискаря, а нельзя не сказать: самъ виноватъ! Кабы не заблуждался, можетъ быть, и теперь былъ бы цѣлёхонекъ! И насъ бы не обременилъ, и самъ бы чѣмъ нибудь полезнымъ занялся. Ну, да впрочемъ, что объ томъ говорить: умеръ — и дѣло съ концомъ! Господинъ прокуроръ! ваше заключеніе?

Прокуроръ (*скороговоркой, на подобіе, какъ причетники, въ концѣ обѣдни: «Слава Отцу... слава Тебѣ»! произносятъ*). Полагаю, за смерт... сужден... пр'кр'тить.

Иванъ Иванычъ. Такъ я и зналъ. А о прочихъ, объ отсутствующихъ... неужто продолжать?

Прокуроръ. О прочихъ надлежитъ постановить заочное рѣшеніе.

Иванъ Иванычъ. И это я зналъ. Семенъ Иванычъ! Петръ Иванычъ! какъ вы полагаете? какъ слѣдуетъ заочно съ бунтовщиками поступить?

Прокуроръ (*встаетъ, чтобы напомнить о существованіи совѣщательной комнаты, для постановленія рѣшеній; но въ эту минуту судебный слѣдователь подаетъ ему телеграмму. Читаетъ*). «Отъ Казанскаго прокурора Кашинскому. Въ рѣкѣ Казанкѣ поймана шайка кашинскихъ пискарей. Повидимому, бунтовщики. Подробности почтой».

Иванъ Иванычъ. Однако, порядкомъ-таки отчесали! Сколько это отсюда верстъ!

Прокуроръ. Въ виду полученной телеграммы, полагаю сужденіе о противозаконномъ оставленіи отечества кашинскими пискарями пріостановить.

Иванъ Иванычъ (*не все согласенъ*). Что-жь, приостановить, такъ приостановить. Покуда были подсудимые, и мы сужденіе имѣли, а нѣтъ подсудимыхъ—и намъ сужденіе имѣть не о комъ. Коли некого судить, стало быть и... (*Просыпается*) что̀ бишь я говорю? (*Смотритъ на часы и пріятно изумляется*). Четвертый часъ въ исходѣ! время-то какъ пролетѣло! Семенъ Иванычъ! Петръ Иванычъ! милости просимъ!

(*Уходятъ. Зало медленно пустѣетъ*).

Мы тоже поспѣшили домой. Судъ произвелъ на насъ самое отрадное впечатлѣніе, хотя трагическая смерть пискаря и примѣшивала нѣкоторую горечь въ наши свѣтлыя воспоминанія. Главнымъ образомъ, манера Ивана Иваныча понравилась. Вотъ человѣкъ: говоритъ строгія слова, а всѣмъ пріятно. Даже адвокатъ Шестаковъ — и тотъ только видъ дѣлаетъ, что боится, а въ сущности, очень хорошо понимаетъ, что Иванъ Иванычъ проститъ. Вотъ пискарь—тотъ дѣйствительно умеръ, но и онъ умеръ не отъ Ивана Иваныча, а отъ того, что заблуждался. А не заблуждался бы—и теперь былъ бы цѣлехонекъ.

Но то-то вотъ и есть, что все это утопія. Иванъ Иванычъ говоритъ: не заблуждайся! Семенъ Иванычъ скажетъ: не воруй! а Петръ Иванычъ: не прелюбодѣйствуй! Кого тутъ слушать! Этакъ всѣ-то начнутъ говорить—и конца краю разговорамъ не будетъ! И вдругъ выскочитъ изъ за-угла Держиморда и крикнетъ: это еще что за пропаганды такія!

Во всякомъ благоустроенномъ обществѣ по штатамъ полагаются: воры, неисправные арендаторы, доносчики, издатели «Помой», прелюбодѣи, кровосмѣсители, лицемѣры, клеветники, грабители. А прочее все — утопія.

Надо сказать правду, что съ нѣкотораго времени меня и Глумова начинали томить предчувствія. Навѣрное отдадутъ насъ подъ судъ! думалось намъ, а невидимая сила такъ и толкала на самое дно погибели. Убѣжденіе въ неизбѣжности конца съ присяжными засѣдателями съ особенною ясностью представлялось теперь, когда мы своими глазами увидѣли, съ какою неумытною строгостью относится правосудіе даже къ такому преступленію, какъ неявка въ уху. Ужь если Хворовъ долженъ былъ смертью искупить свои миніатюрныя заблужденія, то что же предстоитъ намъ за участіе въ подлогѣ, двоеженствѣ, въ покушеніи основать заравшанскій университетъ?

— Какъ ты думаешь, по совокупности будутъ судить? обратился я къ Глумову.

— Непремѣнно.

— Такъ что ежели въ разныхъ мѣстахъ преступленія были сдѣланы, то судить будутъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ было совершено послѣднее?

— Гдѣ прежде хватятся, тамъ и будутъ.

— Вотъ кабы у Ивана Иваныча!

— Да, братъ, у Ивана Иваныча—это...

— Чего лучше кабы у Ивана Иваныча! отозвался и Очищенный, вслушавшись въ нашъ разговоръ. — Только вѣдь Матрена Ивановна—она по мѣсту жительства...

Словомъ сказать, чтобъ быть подсудными Ивану Иванычу, намъ нужно было теперь же какую-нибудь такую подлость сдѣлать, чтобъ сейчасъ же насъ въ острогъ взяли и слѣдствіе начали. А потомъ ужь, къ этому слѣдствію и прочія вины будутъ постепенно присовокуплять.

Въ раздумьи вступили мы подъ сѣнь постоялаго двора, но тутъ насъ ожидала радость. На мое имя было получено письмо. Вскрываю и не вѣрю глазамъ своимъ... отъ клуба Взволнованныхъ Лоботрясовъ! Освѣдомившись о нашихъ усиліяхъ всту-

пить на стезю благонамѣренности, клубъ, по собственному почину, записалъ насъ всѣхъ шестерыхъ въ число своихъ членовъ, съ обложеніемъ соотвѣтственною данью на увеселеніе (описка, вмѣсто «усиленіе») средствъ. А именно: купецъ Парамоновъ обязывается ежегодно вносить по 25 тысячъ, купчиха Стегнушкина—по 10 тысячъ, а всѣ прочіе по десяти рублей. Причемъ, давалось намъ знать: а) что всѣ содѣянныя нами доселѣ преступленія прощаются намъ навсегда; б) что взносы могутъ быть производимы и фальшивыми кредитками, такъ какъ лоботрясы, имѣя прочныя связи во всѣхъ слояхъ общества, берутся сбывать ихъ за настоящія.

— Глумовъ! воскликнулъ я въ восторгѣ:—смотри! Лоботрясы простили насъ! А мы-то унывали... маловѣры!

Н. Щедринъ.

―――
СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.
―――

СЕМЕЙНЫЕ РАЗДѢЛЫ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

I.

Читатель знаетъ, что главную причину разстройства крестьянскаго благосостоянія и земледѣльческаго промысла мы видимъ въ аграрныхъ порядкахъ. Другія лица тоже явленіе приписываютъ хищнической культурѣ земли, пьянству народа, семейнымъ раздѣламъ и пр. Мы, съ своей стороны, вовсе не отрицаемъ вреднаго вліянія перечисленныхъ моментовъ, но ставимъ ихъ на второй планъ и думаемъ, что бороться съ ними будетъ гораздо легче послѣ упорядоченія аграрныхъ отношеній. Тѣмъ не менѣе, для полноты картины крестьянскаго земледѣльческаго быта намъ кажется не лишнимъ остановиться и на этихъ вредныхъ вліяніяхъ, неограничиваясь простымъ констатированіемъ факта вреда, а по возможности указывая и на его размѣры. Начнемъ съ пьянства, благо его разрушительное вліяніе на благосостояніе народа служитъ въ настоящее время однимъ изъ важнѣйшихъ объектовъ правительственныхъ и общественныхъ заботъ.

Пить вино вовсе невредно; напротивъ того, употребленіе его съ гигіенической цѣлью полезно въ тѣхъ случаяхъ, когда организмъ человѣка истощается тяжкой работой или болѣзнью, и въ такихъ случаяхъ оно дѣйствительно употребляется въ довольно большихъ размѣрахъ. Врядъ ли можно что-нибудь возразить и противъ періодически повторяющихся умѣренныхъ выпивокъ, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ развитія народа и обстановки его труда, нетолько извинительны, но просто необходимы. Та и другая форма употребленія вина, поэтому, нетолько нераззорительна для населенія, а, напротивъ того, оправдывается экономическими соображеніями. Безъ вина жизнь рабочаго была бы черезъ-чуръ однообразна; періоды тяжелаго труда не раздѣлялись бы рѣзкой гранью чего-то совершенно иного, самый трудъ потерялъ бы одного изъ своихъ энергическихъ возбудителей.

Обстановка труда и жизни нашего крестьянина такова, что потребленіе вина въ указанныхъ предѣлахъ находитъ себѣ оправданіе и съ экономической точки зрѣнія; но такъ какъ формою потребленія вина не опредѣляются его размѣры, то поэтому цыфра ежегодно выпиваемаго вина въ Россіи, падающая на работника или на душу, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить мѣриломъ «пьянства» народа, т. е. явленія вреднаго въ гигіеническомъ или экономическомъ отношеніи. Не будетъ такимъ указателемъ и прогрессивный ростъ этой цифры изъ года въ годъ, такъ какъ увеличеніе потребленія вина можетъ идти параллельно съ развитіемъ его правильности. Тоже самое нужно сказать о количествѣ мѣстъ продажи питей: большее или меньшее ихъ число создаетъ тѣ или другія удобства полученія вина, но не можетъ служить мѣриломъ пьянства народа. Все это тѣмъ болѣе имѣетъ значенія для Россіи, что тогда какъ вопли о пьянствѣ народа раздаются отъ всюду, мало кто обратилъ вниманіе на правильное потребленіе населеніемъ вина, вродѣ того напримѣръ, какъ пьютъ его смоленскіе грабари, описанные г. Энгельгардтомъ, которые, кромѣ гульбы, прибѣгаютъ къ нему и въ случаяхъ тяжкой работы.

Но если даже и допустить, что данныя, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, имѣютъ нѣкоторое количественное значеніе въ смыслѣ указанія на существованіе пьянства, то количественная сторона послѣдняго и причины его вовсе ими не констатируются; степень экономическаго вреда водки такъ и остается ими не выясненной. Ибо усиленіе, напримѣръ, потребленія вина, рисуемое ими, могло произойти оттого, что значительная часть народа разбогатѣла и не знаетъ, какъ иначе распорядиться своими избытками и свободнымъ отъ работы временемъ; тоже явленіе можетъ быть послѣдствіемъ внезапнаго освобожденія народа отъ опеки, быстраго измѣненія бытовыхъ условій, зависящаго отъ какой-нибудь иной причины (приближенія къ центрамъ цивилизаціи вслѣдствіе развитія желѣзно-дорожныхъ сообщеній, появленія фабрикъ, на которыхъ начнетъ работать населеніе и пр.), развитія отхожаго промысла, обѣдненія и закабаленія народа и т. п. Всѣ эти причины, имѣющія своимъ непосредственнымъ результатомъ измѣненіе или усиленіе потребленія народомъ вина или, если желаете—развитіе пьянства, придаютъ послѣднему каждая свой особый отпечатокъ, вслѣдствіе чего экономическій вредъ его не во всѣхъ случаяхъ одинаковъ. Съ той или другой цыфрой потребляемаго вина не связано никакого представленія о размѣрахъ разрушительнаго вліянія пьянства на благосостояніе населенія; для измѣренія послѣдняго нужны данныя иного рода.

Естественнѣе всего остановиться здѣсь на фактахъ прямого экономическаго вліянія пьянства, на фактахъ раззоренія, вызваннаго имъ, какъ наиболѣе легко констатируемыхъ; и судя по устнымъ и печатнымъ отзывамъ постоянныхъ, а еще болѣе слу-

чайныхъ наблюдателей народнаго быта, вредное вліяніе пьянства въ Россіи несомнѣнно велико. Однако, отзывамъ подобнаго рода врядъ ли можно придавать особое значеніе: случайный наблюдатель народной жизни, незадумывающійся надъ ея явленіями, а скользящій по ея поверхности, склоненъ преувеличивать значеніе бросающихся въ глаза фактовъ, отдѣльные рѣзкіе случаи часто возводитъ въ законъ. Указанный путь изученія экономическаго значенія потребленія вина несомнѣнно приведетъ къ цѣли, но лишь при условіи систематичности наблюденія и выраженія собраннаго матерьяла въ цыфровыхъ данныхъ. Сдѣлано ли кѣмъ либо что-нибудь подобное? Отвѣтъ читателю вѣроятно извѣстенъ: цыфрового матерьяла, рисующаго вредное экономическое вліяніе въ жизни русскаго народа пьянства—не существуетъ; лишь въ самое послѣднее время явились отрывочныя данныя по небольшимъ районамъ; и эти данныя, въ виду полнаго отсутствія фактовъ, необходимыхъ для рѣшенія поставленнаго вопроса, тѣмъ болѣе должны привлечь наше вниманіе. Итакъ, имѣющійся цыфровой матерьялъ подтверждаетъ ли мнѣніе о сильномъ развитіи пьянства среди русскаго народа, и какія даетъ онъ указанія на степень экономическаго разстройства, зависящаго отъ неумѣреннаго потребленія вина?

Первыя извѣстныя намъ данныя прямого вліянія пьянства на благосостояніе населенія собраны московскимъ земскимъ статистическимъ комитетомъ и опубликованы г. Орловымъ. Изслѣдуя экономическое положеніе Московской губерніи, комитетъ собиралъ между прочимъ свѣдѣнія о причинахъ упадка хозяйства дворовъ, переставшихъ обработывать свои надѣлы. Такихъ домохозяевъ въ губерніи насчитывается около 30,000, но данныя, касающіяся всѣхъ ихъ, остаются пока неразработанными, и цыфры г. Орлова относятся къ 25 волостямъ разныхъ уѣздовъ, какъ земледѣльческихъ, такъ и фабрично-промышленныхъ, и обнимаютъ 4,025 случаевъ раззоренія крестьянъ земледѣльцевъ. Что же оказывается? Несмотря на то, что Московская губернія одна изъ наиболѣе «цивилизованныхъ», гдѣ сильно развиты отхожіе и фабричные промыслы, пьянство, какъ факторъ разрушенія благосостоянія народа, въ этой своей роли нетолько не первенствуетъ, но хотя и занимаетъ третье мѣсто въ ряду другихъ дѣятелей въ томъ же направленіи, далеко, однако, уступаетъ всей совокупности вредныхъ вліяній, побуждающихъ мужика разстаться съ исконнымъ занятіемъ. Именно, изъ числа изслѣдованныхъ 4,025 обезземелившихся дворовъ собственно отъ пьянства раззорилось 372 или 9%; [10]/11 домохозяевъ обязаны своимъ упадкомъ другимъ причинамъ, ничего общаго съ пьянствомъ не имѣющимъ [1].

Этотъ выводъ о второстепенномъ значеніи въ процессѣ раззоренія народа неумѣреннаго потребленія вина подтверждается

[1] Земство, 1881 № 43.

*

аналогичными данными, собранными Рязанскимъ земскимъ статистическимъ комитетомъ и опубликованными г. Личиковымъ; свѣденія собраны въ 1881 году и относятся къ Рязанскому уѣзду, обнимая причины раззоренія 1170 домохозяевъ. Оказывается, что въ этой мѣстности пьянство, какъ экономически вредный факторъ, играетъ еще болѣе второстепенную роль, чѣмъ въ Московской губерніи. Именно, изъ 1170 упавшихъ хозяйствъ, отъ неумѣреннаго употребленія вина пришли въ это положеніе 67 или 5,7%; 15/16 раззорившихся обязаны этимъ другимъ причинамъ [1].

Читатель видитъ, что земледѣльческая Рязанская губернія страдаетъ отъ неумѣреннаго употребленія вина вдвое меньше промышленной Московской. Такой выводъ можно было предвидѣть и a priori, ибо земледѣльческое населеніе вообще пьянствуетъ меньше фабричнаго. Въ самой Московской губерніи можно наблюдать подобное же различіе между земледѣльческими и фабричными округами, но цыфровыхъ указаній на это у насъ нѣтъ; вмѣсто нихъ мы приводимъ слѣдующую выписку изъ докладовъ губернскому земскому собранію сессіи 1881 года, въ которой резюмированы выводы, сдѣланные статистическимъ комитетомъ изъ фактовъ, собранныхъ имъ по интересующему насъ вопросу.

«Самостоятельное земледѣльческое занятіе, если оно ведется при благопріятныхъ условіяхъ (если имѣется необходимое количество скота, рабочій инвентарь, достаточное количество угодій и т. п.) наименѣе располагаетъ къ пьянству, если притомъ населеніе, не отрываясь отъ дому, бываетъ занято въ зимнее время какими либо мѣстными промыслами. Въ земледѣльческомъ населеніи сильнѣе стремленіе къ расширенію и улучшенію своего домашняго хозяйства, въ которое и влагаются всѣ сбереженія, остающіяся за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей. Въ такихъ селеніяхъ питейныя заведенія встрѣчаются рѣдко, а если и встрѣчаются, то они не производятъ гибельнаго вліянія на бытъ крестьянъ; кабацкой кабалы здѣсь нѣтъ; не трактирщикъ управляетъ міромъ, а міръ держитъ его въ зависимости отъ себя. Крестьяне, можетъ быть, и пьютъ *больше другихъ, но пьютъ во время* и преимущественно дома; трактирная жизнь здѣсь не развита. Внѣшніе признаки подобнаго населенія слѣдующіе: отсутствіе роскоши въ одеждѣ, физическое дородство, большое количество хозяйственныхъ построекъ, посѣщеніе по праздникамъ храма Божьяго, разсудительность въ хозяйственныхъ разговорахъ, упорство и терпѣливость въ трудѣ. Вообще, это хотя и сѣрыя, но зажиточныя селенія, которыя встрѣчаются во всѣхъ уѣздахъ Московской губерніи, но преимущественно въ Волоколамскомъ, Клинскомъ и Дмитровскомъ. Фабричныя занятія наиболѣе располагаютъ населеніе къ трактирной жизни и пьянству».

---

[1] «Московскій Телеграфъ», 1881, № 2322.

Впрочемъ, причина этого лежитъ не въ фабричной жизни по ея существу, а въ обстановкѣ этой жизни, какъ она образовалась у насъ при руководительствѣ производствомъ капитала. Чего здѣсь можно достигнуть по части уменьшенія пьянства цѣлесообразными мѣрами, доказываетъ фабрика Милютина: «рабочіе этой фабрики, гдѣ приняты всѣ мѣры для поддержанія семейности въ ихъ бытѣ, гдѣ дѣти воспитываются въ превосходной фабричной школѣ, гдѣ развита любовь къ чтенію, гдѣ со стороны администраціи фабрики предоставлены всевозможныя удобства жизни, отличаются сравнительно высокой трезвостью». Для достиженія такихъ результатовъ нѣтъ надобности непремѣнно въ искуственномъ созданіи усиліями фабриканта жизненной обстановки рабочаго; достаточно, если фабричная работа является естественнымъ дополненіемъ земледѣльческаго занятія крестьянъ, если фабрика пристраивается къ крестьянину (какъ это и должно быть въ Россіи), а не ломаетъ всего его прошлаго. Примѣръ такой фабрики представляетъ заведеніе Каулена въ Клинскомъ уѣздѣ: «здѣсь работаетъ населеніе изъ сосѣднихъ деревень, въ которыхъ земледѣльческое хозяйство ведется исправно; на фабрикѣ работаютъ главнымъ образомъ лишніе члены семей, обѣдать и ночевать они приходятъ домой и слѣдовательно не отрываются отъ земли и отъ домашнихъ занятій. Пьянства между рабочими означенной фабрики нѣтъ». «Если хозяйство крестьянъ основано на случайныхъ, хотя бы и весьма значительныхъ заработкахъ, и если трудъ правильно не организованъ (дачныя селенія и т п.), то такія условія благопріятны для развитія пьянства». «Постепенное обѣднѣніе, происходящее вслѣдствіе разныхъ (постоянныхъ и случайныхъ) причинъ, влечетъ за собою неправильное потребленіе спиртныхъ напитковъ и кабацкую кабалу, причемъ пьянство въ свою очередь ускоряетъ процессъ раззоренія. Уничтоженіе промысла, къ которому изстари привыкло населеніе, пожаръ, истребившій селеніе, падежъ скота, эпидемія, задолженность, плохое состояніе надѣла — всѣ эти и подобныя обстоятельства разстраиваютъ крестьянскій бытъ и хозяйство иногда настолько, что населеніе, по выраженію самихъ крестьянъ, «падаетъ духомъ» и въ винѣ ищетъ утѣшенія; оно по необходимости теряетъ значительную долю своей хозяйственной самостоятельности и нерѣдко подпадаетъ подъ вліяніе содержателей трактировъ и кабаковъ, которые и пользуются стѣсненными обстоятельствами, принимая заклады, давая ссуды и вообще оперируя съ крестьянскимъ имуществомъ по своему усмотрѣнію. Если это разъ случилось, то населеніе трудно освободить изъ подъ кабацкой кабалы и нерѣдко оно окончательно раззоряется. Въ примѣръ этого можно привести нетолько рядъ отдѣльныхъ селеній, но и цѣлые большіе округа; какъ на примѣръ, можно указать на большую часть селеній Шебанцевской волости Подольскаго уѣзда, жители которыхъ, до проведенія Курской желѣзной дороги, занимались извозомъ и пользовались

высокимъ благосостояніемъ, а затѣмъ съ прекращеніемъ промысла стали бѣднѣть и дошли до такого состоянія, что бо̀льшая часть домохозяевъ находится въ долгу у содержателей мѣстныхъ трактирныхъ и питейныхъ заведеній».

Эти выводы, сдѣланные изъ фактовъ, касающихся цѣлой губерніи, еще сильнѣе умаляютъ значеніе пьянства, какъ самостоятельнаго фактора въ дѣлѣ разрушенія благосостоянія земледѣльца и его промысла. Оказывается, что первые удары тому и другому наноситъ не водка, а рядъ другихъ случайныхъ или постоянныхъ вредныхъ вліяній. Вмѣстѣ съ разрушеніемъ народнаго благосостоянія они вызываютъ и пьянство, которое такимъ образомъ является послѣднимъ ударомъ, наносимымъ крестьянину различными, главнымъ образомъ, соціальными факторами, ударомъ, за которымъ уже слѣдуетъ окончательное его раззореніе. Поэтому, борьба съ пьянствомъ, какъ съ явленіемъ производнымъ, обѣщаетъ мало успѣха, и на оборотъ, устраненіе другихъ самостоятельныхъ факторовъ народнаго обѣднѣнія должно нетолько предупредить раззореніе крестьянъ, но и уменьшить пьянство. «Отчего, спрашиваетъ одинъ изъ наблюдателей народнаго быта:—въ сосѣднемъ селѣ настолько уменьшилось пьянство, что кабакъ самъ собою, безъ всякихъ репрессалій, вынужденъ былъ закрыться? Оказывается, что тамъ совершенно случайно, по распоряженію барыни, стали сдавать землю подъ ленъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ крестьяне поправились, поуплатили недоимки, завели скотъ, поправили хозяйство и стали меньше пить. Мало того, нѣкоторыхъ домохозяевъ, неисправимыхъ пьяницъ, посадили съ хозяйства и замѣнили ихъ сыновьями, отдавши отцовъ имъ подъ надзоръ» [1]. Въ «счастливомъ уголкѣ», описанномъ г. Энгельгардтомъ, мы можемъ наблюдать подобное же явленіе: съ возвышеніемъ благосостоянія его обитателей, происшедшимъ отъ соціальныхъ причинъ, пьянство, какъ факторъ, вредный экономически и гигіенически, исчезло; осталось потребленіе вина, иногда даже въ бо̀льшихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде, но безъ его вредныхъ послѣдствій.

Скажемъ еще разъ: при болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ крестьянской жизни (нормальныхъ даже въ смыслѣ нашего послѣдняго періода промышленнаго развитія) пьянство народа занимаетъ послѣднюю роль въ дѣлѣ его раззоренія. Вышеприведенныя цыфровыя данныя прямого его вліянія въ указанномъ направленіи мы дополнимъ нѣкоторыми другими указаніями, не менѣе его рисующими значеніе пьянства въ экономической жизни народа. Эти указанія касаются непосредственно пьянства, т. е. характера потребленія вина крестьянами.

803 работника нѣсколькихъ деревень Кадниковского (Вологодской губерніи) и Рыбинскаго уѣздовъ, по степени своей приверженности къ вину, распадаются на слѣдующія четыре группы:

---

[1] Порядокъ, 81, 286 изъ «Земства».

«1) *трезвые* — или не пьютъ вовсе (по зароку) или выпиваютъ рюмочку крайне рѣдко, по настоянію другихъ, когда ужъ никакъ нельзя отказаться; 2) *выпивающіе* — пьютъ охотно при случаѣ стаканчикъ, но напиваются рѣдко и то только въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ обычаемъ случаяхъ, каковы престольные праздники, на свадьбахъ, при сдѣлкахъ и т. п.; 3) *пьющіе* — напиваются гораздо чаще и вообще никогда не могутъ противиться соблазну; однако, трудъ у нихъ на первомъ планѣ, ведутъ хозяйство старательно, не рѣшаются пропивать необходимый хлѣбъ, рабочую скотину, платье и т. п.; 4) *пьяницы* — отбились или почти отбились отъ хозяйства и работы, пьянствуютъ постоянно, живутъ на счетъ родныхъ или же промышляютъ воровствомъ, нищенствомъ, знахарствомъ и т. п. Процентное отношеніе этихъ группъ слѣдующее: трезвыхъ 4,5%, выпивающихъ 86%, пьющихъ 8%, пьяницъ 1,5% («Рус. Курьеръ»).

Въ виду изложенныхъ фактовъ и цыфръ, мы уже знаемъ, какъ отнестись къ мнѣніямъ, приписывающимъ упадокъ народнаго благосостоянія главнымъ образомъ неумѣренному потребленію вина и для полноты картины мы считаемъ не лишнимъ остановиться на одномъ изъ этихъ утвержденій, основанномъ на болѣе или менѣе точныхъ цыфровыхъ данныхъ. Мы говоримъ здѣсь о мнѣніи московской земской комиссіи «по изысканію мѣръ къ поднятію уровня крестьянскаго благосостоянія», признающей всю «важность и крайнюю необходимость неотлагательно принять мѣры къ сокращенію неумѣреннаго употребленія вина въ сельскомъ населеніи». О неумѣренности этой, трактуемой комиссіей, какъ «бичъ нетолько матеріальнаго, но и нравственнаго благосостоянія крестьянскаго», комиссія заключаетъ изъ того, что, разсчитывая количество выпускаемаго въ губерніи въ продажу вина на душу и домохозяйство (въ томъ предположеніи, что все это вино потребляется мѣстными крестьянами), она нашла, что на душу мужскаго пола приходится 2,3 ведра водки въ годъ, а на домохозяина 5,4 вед.; переводя стоимость его на деньги, расходъ на вино составляетъ 15% крестьянскаго годоваго бюджета. Чтобы судить насколько такое для Россіи исключительно большое потребленіе вина можетъ быть названо неумѣреннымъ или пьянствомъ, мы для сравненія приведемъ данныя о томъ же предметѣ изъ другихъ странъ; и вотъ оказывается, что тогда, какъ въ Московской губерніи количество выпиваемаго въ продолженіе года вина будетъ 1,2 ведра, на 1 душу обоего пола, во Франціи таже единица истребитъ 0,5 ведра въ годъ, въ Германіи—1 в., въ Англіи—1,8, Швеціи—2 в., въ Даніи—3,3 вед., въ Соединенныхъ Штатахъ Америки—5 вед. [1] Т. е. по количеству истребляемаго вина Московская губернія превосходитъ лишь двѣ страны и притомъ такія, гдѣ кромѣ водки въ большомъ распространеніи легкія винаградныя вина.

---

[1] Отеч. Зап. 1879, 3, «Ходячіе предразсудки относительно крестьянъ».

или пиво; другія страны значительно перегнали въ этомъ отношеніи Московскую губернію, и однако раззореніе отъ вина тамъ не выступаетъ на первый планъ. Что касается до цыфры денежнаго расхода на вино московскаго крестьянина, занимающей столь видное мѣсто въ его бюджетѣ (15%), то вѣдь вспомните, что этотъ расходъ почти единственный, дающій крестьянину доступныя ему наслажденія: у него вѣдь нѣтъ тратъ на театры или клубы, на карты, званые обѣды, прогулки и т. п., поглощающія столько денегъ у культурнаго человѣка; у него почти всѣ расходы на наслажденія сосредоточиваются въ стоимости выпитаго вина. Принявъ и это во вниманіе, мы можетъ быть согласимся, что московскій крестьянинъ вовсе ужъ не такъ провинился по части пьянства, какъ это расписываетъ комиссія, хотя, съ другой стороны, нельзя не пожелать, чтобы, кромѣ вина, ему были доступны и другія развлеченія цивилизованнаго человѣка.

Мы видѣли, что во многихъ случаяхъ пьянство «народа» является результатомъ другихъ вредныхъ экономическихъ вліяній, такъ что съ исчезновеніемъ послѣднихъ его разрушительное значеніе не мало бы ослабѣло. Кромѣ того, во многихъ же случаяхъ неумѣренное употребленіе вина приводитъ къ раззоренію хозяйства потому только, что пьяница — единственный работникъ въ семьѣ: будь домохозяйство составлено изъ нѣсколькихъ мужчинъ—пьянство одного изъ нихъ не оказывало бы столь разрушительнаго вліянія. Такимъ образомъ мы здѣсь подходимъ къ другому Макару, на котораго валятся всѣ шишки обвиненія въ бѣдности народа, къ семейнымъ раздѣламъ, будто бы безъ мѣры усилившимся въ послѣднее двадцатилѣтіе. Посмотримъ же, насколько истинно подобное утвержденіе; поищемъ прежде всего и здѣсь, какъ и въ вопросѣ о пьянствѣ, цифровыхъ указаній на частоту семейныхъ раздѣловъ и ихъ экономическое значеніе.

Изъ имѣющагося матеріала мы должны прежде всего указать на труды московскаго земскаго статистическаго комитета. Въ III томѣ «Сборника статистическихъ свѣдѣній» по этой губерніи мы имѣемъ свѣдѣнія о населеніи за 1858 и 1877 годы, съ распредѣленіемъ его по поламъ и возрастамъ, а также о числѣ дворовъ въ тотъ и другой годъ. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что съ 1858 по 1877 годъ число семей въ губерніи возросло съ 142,375 до 199,360, т. е. на 40%. Еслибы количество населенія за тотъ же періодъ оставалось неизмѣннымъ, то все происшедшее увеличеніе дворовъ могло быть приписано, пожалуй, семейнымъ раздѣламъ; но такъ какъ населеніе въ указанный промежутокъ времени размножилось на 8%, то естественно, если на такую же цыфру увеличится и число дворовъ, безъ того, чтобы участились семейные раздѣлы, а на долю послѣднихъ можетъ быть отнесенъ лишь избытокъ дворовъ надъ этой нормальной цифрой. Увеличивая число дворовъ 1858 года на 8%, получимъ 153,765 дворовъ, долженствующихъ существовать въ 1877 году, еслибы раздѣлы шли прежнимъ порядкомъ. Вмѣсто того, ихъ насчиты-

вается 199,360, и избытокъ въ 45,595 мы теперь припишемъ семейнымъ раздѣламъ. Итакъ, 153,765 дворовъ, долженствующихъ находиться въ губерніи въ 1877 году при прежней интенсивности стремленія народа къ семейнымъ раздѣламъ, отдѣлили отъ себя еще 45,595 дворовъ, т. е. увеличились, благодаря семейнымъ раздѣламъ, на 29%.

Прилагая тотъ же методъ вычисленія къ другимъ, имѣющимся у насъ земскимъ статистическимъ даннымъ [1], мы найдемъ, что въ Рязанскомъ уѣздѣ въ промежутокъ съ 1858 по 1881 годъ раздѣлы увеличили число дворовъ на 38%, въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи—на 37,5%, въ Козловскомъ—на 62%.

Такъ какъ семейные раздѣлы важны для насъ по своему экономическому значенію, то ихъ интенсивность въ различныхъ мѣстностяхъ мы выразимъ такими цифрами, которыя бы указывали вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на уменьшеніе численнаго состава семьи, такъ и на ослабленіе ея рабочей части; именно, вычислимъ число душъ мужского пола вообще и въ частности число мужчинъ-работниковъ, приходящихся на среднюю семью въ 1858 году и въ настоящее время, и разницу въ цифрахъ обоихъ моментовъ припишемъ семейнымъ раздѣламъ. Результаты вычисленія сгрупированы въ слѣдующей таблицѣ:

Московская губернія.

На 1 дворъ душъ мужс. п. въ 1858 г.	3,5	уменьшеніе на 20%.	На 1 дворъ работ. въ 1858 г.	1,8	уменьшеніе на 22%.
На 1 дворъ душъ мужс. п. въ 1877 г.	2,8		На 1 дворъ работ. въ 1877 г.	1,4	

Борисоглѣбскій уѣздъ.

На 1 дворъ душъ мужс. п. въ 1858 г.	4,7	уменьшеніе на 28%.	На 1 дворъ чис. раб. въ 1858 г.	2,4	уменьшеніе на 33%.
На 1 дворъ душъ мужс. п. въ 1880 г.	3,4		На 1 дворъ чис. раб. въ 1880 г.	1,63	

Козловскій уѣздъ.

На 1 дворъ душъ мужс. п. въ 1858 г.	5,3	уменьшеніе на 38%.	На 1 дворъ раб. мужс. п. въ 1858 г.	2,6	уменьшеніе на 40%.
На 1 дворъ душъ мужс. п. въ 1881 г.	3,3		На 1 дворъ раб. мужс. п. въ 1881 г.	1,58	

Рязанскій уѣздъ.

На 1 дворъ душъ мужс. п. въ 1858 г.	4,2	уменьшеніе на 26%.
На 1 дворъ душъ мужс. п. въ 1881 г.	3,1	

И такъ, численный составъ семей за послѣдніе 20—23 года уменьшился въ Московской губерніи на 20%, въ Рязанскомъ уѣздѣ на 26%, въ Тамбовской губерніи на 28—38%; рабочими силами семьи обѣднѣли еще больше (на 22—40%). Прежде чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ экономическаго значенія разсматри-

---

[1] Сб. стат. свѣд. по Тамбовс. губ. т. I и II; сб. стат. свѣд. по Рязанской губ. т. I.

ваемаго явленія, мы должны указать на нѣкоторыя соображенія, смягчающія выводы, къ какимъ мы приходимъ относительно семейныхъ раздѣловъ, если будемъ основываться исключительно на вышеприведенныхъ данныхъ. Дѣло въ томъ, что по вычисленіямъ г. Семенова семейные раздѣлы развились значительно медленнѣе, чѣмъ это слѣдуетъ изъ нашихъ цифръ; именно, впродолженіи 17 лѣтъ численный составъ двора уменьшился въ шести губерніяхъ промышленной московской области на 10%, а въ восьми губерніяхъ центральной земледѣльческой полосы на 13% [1]. Средняя годовая цифра уменьшенія будетъ здѣсь 0,6% для промышленной области, 0,8%—для земледѣльческой; между тѣмъ какъ по земскимъ даннымъ въ Московской губерніи годовое уменьшеніе семьи будетъ 1%, въ Рязанскомъ уѣздѣ 1,1, въ Борисоглѣбскомъ — 1,3, а въ Козловскомъ даже 1,65%. Чѣмъ обусловливается такая большая разница въ цифрахъ, доходящая до 100%?

Одна изъ причинъ указаннаго явленія кроется, вѣроятно, въ томъ, что тогда какъ данныя о числѣ дворовъ центральнаго статистическаго комитета (которыми пользовался г. Семеновъ) касаются только земледѣльческаго населенія России, имѣющаго право на надѣлъ, земскіе статистики заносили на страницы своихъ изданій всѣхъ жителей, приписанныхъ къ селу, считая за отдѣльнаго домохозяина всякаго безроднаго бобыля, вдову, отставного солдата-старика и пр. Подобные домохозяева въ общемъ счету съ земледѣльцами должны понижать численный составъ средней семьи, такъ какъ (не говоря уже о бобыляхъ) семьи ихъ, по всей вѣроятности, не велики. Эти приписанные къ обществу отставные солдаты, бывшіе дворовые и пр., оторвавшись отъ земли, промышляютъ ремеслами, а то и чѣмъ Богъ пошлетъ. Одинъ членъ подобной когда-то земледѣльческой и, можетъ быть, большой семьи, занялся однимъ дѣломъ и пристроился гдѣ-нибудь въ городѣ; другой пошелъ искать лучшаго въ чужую губернію, третій приписался къ селу; лишь въ видѣ исключенія нѣсколько братьевъ подобныхъ промышленниковъ станутъ вмѣстѣ, не разлучаясь, вести борьбу за существованіе. А если это вѣрно, то, входя въ общій счетъ съ земледѣльцами, подобные домохозяева должны понизить численный составъ средней семьи. Обратимъ вниманіе читателя еще на то обстоятельство, что цифры г. Семенова касаются нѣсколькихъ губерній, наши же относятся къ отдѣльнымъ уѣздамъ, почему мы не можемъ выдѣлить такіе, вѣроятно, исключительные случаи, какъ Козловскій уѣздъ, съ его громаднымъ стремленіемъ къ раздѣламъ. Кромѣ того, главное различіе въ данныхъ, собранныхъ земствомъ и центральнымъ статистическимъ комитетомъ, заключается не въ тѣхъ цифрахъ, которыя опредѣляютъ современный составъ семьи, а въ тѣхъ, которыя касаются прежняго, дореформеннаго домохозяйства. Если

[1] Статистика поземельной собственности, вып. 1 и 2.

же мы сравнимъ между собой численный составъ теперешнихъ семей, какъ онъ рисуется тѣми и другими изслѣдованіями, то найдемъ между нами лишь небольшое различіе, именно на одну семью приходится мужского пола душъ:

	По даннымъ центр. стат. комитета.	По земскимъ свѣдѣніямъ.
Въ Московской губерніи. . . .	3	2,8
» Рязанскомъ уѣздѣ	3,2	3,1
» Козловскомъ	3,4	3,3
» Борисоглѣбскомъ	3,2	3,4

Цифры почти одинаковыя, и во всякомъ случаѣ различіе между нами столь ничтожно, что не можетъ объяснить громадной разницы быстроты уменьшенія численнаго состава семьи, вычисленной нами и г. Семеновымъ. Методъ вычисленія въ обоихъ случаяхъ былъ одинаковъ, онъ заключался въ сравненіи числа душъ мужскаго пола, приходившихся на средній дворъ нынѣ и въ моментъ ревизіи; нужно, поэтому, полагать, что корень противорѣчія заключается въ неодинаковыхъ цифрахъ ревизскаго населенія. Не имѣя въ данный моментъ возможности провѣрить правильность показаній прежней семьи по даннымъ того и другого источниковъ и принимая во вниманіе, что г. Семеновъ, въ качествѣ предсѣдателя статистическаго отдѣла центральнаго статистическаго комитета не могъ не имѣть по этой части вѣрныхъ цифръ; зная къ тому же, что свѣдѣнія о населеніи за оба періода онъ привелъ къ одному знаменателю, наиболѣе для насъ важному (коренному земледѣльческому населенію), мы не считаемъ себя въ правѣ утверждать, что его выводы, касающіеся четырнадцати губерній, могутъ быть опровергнуты данными, относящимися къ двумъ-тремъ уѣздамъ. А если это вѣрно, то слѣдуетъ признать, что численный составъ крестьянской семьи за прошедшее послѣ реформы двадцати-трехлѣтіе измѣнился не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это говорятъ земскія цифры; семья сдѣлась меньше не на 20—40%, а лишь на 12—17% [1]. Однако, она все-таки уменьшилась, рабочій ея составъ ослабѣлъ, хозяйственный инвентарь раздѣлился; какое же вліяніе должно было это оказать на уровень экономическаго благосостоянія населенія и на крестьянскій земледѣльческій промыселъ?

При попыткѣ разрѣшенія поставленнаго вопроса мы сталкиваемся съ мнѣніемъ, весьма авторитетно и категорически выска-

[1] И эти цыфры черезчуръ велики, ибо извѣстно, что въ послѣдніе годы семейные раздѣлы производятся рѣже, чѣмъ въ первое время по освобожденіи. Изъ только что вышедшаго подворнаго описанія трехъ волостей Новгородскаго уѣзда видно, что здѣсь раздѣлы оказали еще меньшее вліяніе на составъ семьи; именно съ 1858 по 1881 года она уменьшилась всего на 9%, да и то благодаря не исключительно раздѣламъ, а также вліянію приписного и окрестнаго элемента, семьи котораго обыкновенно малодушнѣе кореннаго населенія (Бычковъ. Опытъ подворнаго изслѣдованія экон. полож. и пр.)

занными, между прочимъ, московскими земцами съ г. Самаринымъ во главѣ, мнѣніемъ, по которому семейные раздѣлы являются главной причиной раззоренія народа. По ихъ утвержденію «оборотный капиталъ, при помощи котораго существовалъ въ прежнее время у крестьянъ земледѣльческій промыселъ, еще могъ кое-какъ удовлетворять потребности, потому что бывшее тогда число домохозяевъ было не очень значительно: на дворъ приходилось по 3,5 души. Но когда вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ (3) число домохозяевъ увеличилось на 40% сравнительно съ числомъ домохозяевъ, бывшимъ во время ревизіи, такъ что на дворъ приходится теперь только 2,7 души, [1] то потребовалось значительно увеличить оборотный капиталъ, чтобы каждаго новаго домохозяина поставить на ноги и дать ему возможность вести самостоятельное хозяйство. Для этого, вслѣдствіе бѣдности крестьянъ, у нихъ не оказалось надлежащихъ средствъ; оборотный капиталъ нетолько не увеличился, а даже уменьшился, и раздѣлы семейные создали многочисленный, почти неизвѣстный у насъ дотолѣ разрядъ домохозяевъ безпокойныхъ, вынужденныхъ бросать земледѣльческій промыселъ, за неимѣніемъ оборотнаго капитала, безъ котораго занятіе этимъ промысломъ невозможно». Стараясь отыскать въ докладѣ комсисіи московскаго губернскаго земства по изысканію мѣръ къ поднятію уровня крестьянскаго благосостоянія, откуда мы заимствовали приведенную выписку, факты въ подтвержденіе этого положенія, мы встрѣчаемъ цифры, доказывающія, что съ 1869 по 1877 годъ число безлошадныхъ домохозяевъ почти во всѣхъ уѣздахъ губерніи возрастало быстрѣе, чѣмъ увеличивалось количество дворовъ. Согласно своему воззрѣнію на значеніе семейныхъ раздѣловъ, комиссія по этому поводу дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Слѣдовательно, нетолько всѣ домохозяева, которые вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ прибыли въ послѣдніе 9 лѣтъ, оказываются безлошадными, но и часть прежнихъ лошадныхъ домохозяевъ превратилась въ безлошадныхъ» «Только два уѣзда, Богородскій и Клинскій, составляютъ исключеніе; въ нихъ число домохозяевъ лошадныхъ увеличивается». Обращаясь къ этимъ двумъ исключительнымъ уѣздамъ и, подъ вліяніемъ мысли комиссіи, ожидая встрѣтить здѣсь болѣе рѣдкіе раздѣлы, мы, къ удивленію своему, узнаемъ, что они нетолько не рѣже, но даже чаще средняго по губерніи. Именно, тогда какъ по всей губерніи численный составъ семьи за указанный періодъ времени уменьшился съ 2,9 до 2,7 душъ мужскаго пола, т. е. на 7%, въ Клинскомъ

[1] Преднамѣренная тенденціозность выводовъ коммисіи, о чемъ мы подробно говорили въ другой своей статьѣ, съ очевидностью обнаружилась и въ данномъ случаѣ: коммисія не потрудилась вычислить или нашла нужнымъ умолчать о томъ, что, сравнивая прежнюю и современную семью по ихъ численному составу, мы найдемъ, что семейные раздѣлы производились почти вдвое рѣже, чѣмъ это вытекаетъ изъ сравненія числа дворовъ.

уѣздѣ это уменьшеніе было слишкомъ въ 10%, а въ Богородскомъ даже 13%. Въ другомъ мѣстѣ [1] мы сопоставляемъ цифры, выражающія частоту семейныхъ раздѣловъ по всѣмъ уѣздамъ губерніи съ быстротой обезземеленія народа и также не находимъ между ними той пропорціональности, какая должна существовать, еслибы мнѣніе комиссіи о вредномъ ихъ вліяніи было справедливо.

Вотъ, кажется, и всѣ факты, приведенные комиссіей въ подтвержденіе мнѣнія, что главная причина обезлошадыванія крестьянъ Московской губерніи и естественно за нимъ слѣдующаго забрасыванія земледѣльческаго производства кроется въ семейныхъ раздѣлахъ. Факты вовсе не говорятъ этого, слѣдовательно, не они послужили основаніемъ для заключеній комиссіи; если же мы логически разберемъ разсматриваемое мнѣніе, то ясно увидимъ сколь оно неосновательно и потому произвольно. Въ самомъ дѣлѣ, если «всѣ домохозяева, которые, благодаря семейнымъ раздѣламъ, прибываютъ въ послѣдніе годы, оказываются безлошадными по той причинѣ, что у крестьянъ нѣтъ достаточнаго оборотнаго капитала», чтобы каждаго новаго домохозяина поставить на ноги и дать ему возможность вести самостоятельное хозяйство, то это значитъ, что къ раздѣламъ приступаютъ исключительно тѣ семьи, которыя при нѣсколькихъ работникахъ имѣютъ всего по одной лошади, вслѣдствіе чего отдѣлившіеся члены семьи по необходимости оказываются безъ рабочаго скота. На чемъ основана такая курьезная, не высказанная посылка земскаго мнѣнія—намъ не извѣстно; мы можемъ только заявить, что фактовъ, ее подтверждающихъ, комиссіей приведено не было. Это насъ избавляетъ отъ печальной необходимости считать русскихъ мужиковъ набитыми дураками, сознательно чуть не поголовно лѣзущими въ мертвую петлю, и не лишаетъ насъ права въ противность выше приведенному мнѣнію утверждать, что раздѣлы въ большинствѣ случаевъ совершаются вѣроятно съ такимъ расчетомъ, чтобы отдѣлившіеся по возможности имѣли мало-мальски сносный инвентарь для веденія земледѣльческаго промысла; что въ этихъ видахъ раздѣлы задерживаются и что они происходили бы быстрѣе—будь благосостояніе народа выше; что, наконецъ, раздѣлы, непосредственно ведущіе къ раззоренію, т. е. такіе, которые оставляютъ раздѣлившихся безъ лошади, орудій производства и безъ возможности пріобрѣсти ихъ въ ближайшемъ будущемъ, что такіе случаи раздѣловъ бываютъ сравнительно рѣдко и потому не могутъ служить главной причиной раззоренія народа. Такое наше мнѣніе, основанное на простомъ довѣріи къ разуму народа, подтверждается подробными статистическими изслѣдованіями Московскаго и Рязанскаго земскихъ статистическихъ комитетовъ. Именно, собранныя ими данныя показали, что семейные раздѣлы послужили причиной упадка

[1] Отеч. Зап. 1881,9.

въ Московской губерніи 10%, а въ Рязанскомъ уѣздѣ 9,3% всѣхъ раззорившихся домохозяевъ.

Вообще семейные раздѣлы трактуются у насъ такимъ образомъ, какъ будто бы они составляютъ страшное зло и притомъ зло спеціально послѣдняго времени; какъ будто бы прежде крестьянская семья была несравненно больше, и это составляло одинъ изъ надежнѣйшихъ оплотовъ ея благосостоянія. Историко-статистическія изслѣдованія, однако, врядъ ли подтверждаютъ такое мнѣніе; по крайней мѣрѣ, сопоставляя данныя генеральнаго межеванія (въ концѣ прошлаго вѣка) съ современными намъ свѣдѣніями центральнаго статистическаго комитета и не многими данными, собранными земскими статистиками, мы ясно увидимъ, какъ мало измѣнился въ продолженіе цѣлыхъ почти ста лѣтъ численный составъ двора; именно:

Число душъ мужскаго пола на 1 дворъ въ настоящее время:

	Въ 181 в.	По даннымъ. Цен. Ст. Ком.	По земскимъ изслѣдов.
Въ Рязанской губ. . .	3,7	3,3	3.1 (Рязан. у).
» Тамбовск. » . .	3.8	3,4	3,35 (Сред. по
» Орловской » . .	3,7	3,6	Борисог. и
» Курской » . .	3 6	3 4	Козлов.уу.)
» Пензенской » . .	3,5	3,3 [1]	

Если, несмотря на сходство цифръ всѣхъ столбцовъ, настоящее время даетъ поводъ раздаваться оглушительнымъ крикамъ о чрезмѣрной частотѣ семейныхъ раздѣловъ, такъ это потому, что первая половина девятнадцатаго вѣка, благодаря всеобщему господству крѣпостного духа, создала семью гораздо большую той, какая была типичной въ прошломъ столѣтіи, насильственно соединила подъ одной кровлей элементы, долженствующіе жить розно. И настоящее стремленіе народа къ раздѣламъ есть продолженіе того же разрушенія крѣпостныхъ порядковъ, какое начато было законодательнымъ актомъ 19 февраля.

Наконецъ, противъ антагонизма между семейными раздѣлами и народнымъ благосостояніемъ говоритъ примѣръ Малороссіи, гдѣ издавна существуетъ обычай отдѣлять каждаго члена семьи, достигшаго совершеннолѣтія и вступившаго въ бракъ, на самостоятельное хозяйничанье. Еслибы въ этомъ заключалось неисправимое зло, то малороссы давно бы раззорились поголовно,

---

[1] Устои 1882, 2 ст. В. И. Семевскаго. Впрочемъ, сопоставляя данния различныхъ источниковъ по этому вопросу, мы встрѣчаемся съ противорѣчіемъ, объяснить которое предоставляемъ спеціалистамъ-статистикамъ; такъ въ Тверской губерніи, по даннымъ г. Семевскаго, семья въ 18 вѣкѣ состояла изъ 3 душъ муж. пола; по цифрамъ г. Семенова передъ освобожденіемъ она была въ 3,6, а въ настоящее время 2,9 д. м. п. Г.-же Покровскій считаетъ, что въ прошломъ вѣкѣ средняя семья состояла изъ 9½ человѣкъ обоего пола (значитъ изъ 4,5—мужскаго), въ 56 г. въ ней было 8 челов. (ок. 4 д. м. н.), а теперь 6 (3 д. м. н.) Лишь послѣдняя цифра совпадаетъ съ данными другихъ авторовъ, за то огромная разница въ числѣ душъ прошлаго вѣка.

а между тѣмъ они во всякомъ случаѣ не беднѣе великорусскихъ крестьянъ. Объясняется это очень просто тѣмъ, что земледѣльческій промыселъ, какъ онъ ведется въ Россіи, столь еще простъ и столь мало подчиняется вліянію раздѣленія труда, что хозяйственная единица можетъ быть здѣсь очень небольшихъ размѣровъ: семья изъ взрослаго мужчины, женщины и полуработника безъ особенныхъ затрудненій справится почти со всѣми земледѣльческими работами.

Хотя мы здѣсь и пытаемся снять съ семейныхъ раздѣловъ обвиненіе въ произведеніи народной бѣдности, тѣмъ не менѣе, мы не можемъ не признать, что, при настоящихъ соціально-экономическихъ условіяхъ, дворъ, бѣдный рабочими силами, мало способенъ взять призъ въ борьбѣ за существованіе. Это можно видѣть уже изъ разбора данныхъ относительно обѣднѣнія и обезземеленія народа, показывающихъ, что этотъ печальный процессъ охватываетъ главнымъ образомъ дворы съ слабымъ рабочимъ составомъ. Такъ, г. Покровскій утверждаетъ, что въ Тверской губерніи безлошадная семья по численности своей вдвое меньше обыкновенной [1]. Изъ таблицы г. Личикова о раззорившихся въ Рязанскомъ уѣздѣ видно, что и здѣсь главная ихъ масса падаетъ на семьи, слабыя рабочей силой, именно: одиночество, сиротство, бобыльство, отсутствіе мужчинъ въ семьѣ служитъ причиною упадка въ . . 27,6% всѣхъ раззорившихся.

Болѣзнь, непривычка къ земл. труду	11,7%
Большая семья при недост. рабоч.	6,8%
Отсутствіе бабъ въ семьѣ . . .	5,3%
Солдатчина	7,6% [2]
Итого	60 %

И такъ, больше половины раззорившихся пришли въ это состояніе благодаря главнымъ образомъ малому рабочему составу семей, вслѣдствіе чего болѣзнь одного взрослаго члена, уходъ его въ солдаты, смерть женщины наносятъ непоправимый ударъ благосостоянію семьи. Вѣроятно не малая доля и другихъ группъ раззорившихся (отъ семейныхъ раздѣловъ, пьянства, постепеннаго истощенія и пр.) легко пришла въ такое состояніе вслѣдствіе малого числа рабочихъ въ семьѣ.

Подобный же выводъ окажется и послѣ разбора данныхъ г. Орлова о раззорившихся московскихъ крестьянахъ. Такія причины, какъ полное одиночество, отъ котораго раззорилось 4% всѣхъ обезземелившихся; калѣчество, старость, убожество рабочихъ членовъ, служившія причиною упадка 3%, смерть жены домохозяина—2%; непривычка къ земледѣлію работника, дотолѣ занимавшагося ремесломъ, теперь оставшагося одиночкой послѣ смерти отца-хлѣбопашца, приведшая къ забросу земле-

---

[1] Протоколы засѣданій губ. Тверск. зем. собр. за 1878 годъ, о платежныхъ средствахъ населенія Тверск. губ., с. 146.

[2] Московскій Телеграфъ, id.

дѣлія 8% безхозяйныхъ; всѣ эти случаи прямо указываютъ н слабый рабочій составъ, какъ на причину прекращенія земле дѣльческаго занятія. Но вотъ 7% раззорившихся вслѣдстві отхожаго промысла! Они также должны быть причислены к этой группѣ. «Уходя на постоянные заработки въ городъ ил поступая на фабрику, крестьянинъ въ первое время поддержи ваетъ связь съ деревней, гдѣ у него имѣется семья и хозяйств *но безъ работника мужчины*, если таковаго не остается въ семьѣ съ деревенскимъ хозяйствомъ справляться трудно, происходят разныя упущенія; между тѣмъ крестьянинъ такъ привыкает къ жизни на сторонѣ, что возвращаться къ деревенскимъ за нятіямъ становится для него тягостью; постепенно онъ теряет связь съ деревней, перестаетъ платить подати и обращаетс въ такъ называемаго гуляку, живущаго постоянно на сторонѣ и притомъ въ большинствѣ случаевъ безъ паспорта». Тоже самое относится и къ группѣ постепенно истощающихся, обезсиливающихся домохозяевъ, дающей 39% раззорившихся. «Домохозяинъ, вполнѣ трезвый и старательный, не въ состояніи добыть все то, что требуется для прокормленія семьи и для уплаты податей, если нерабочихъ членовъ семьи много, а подати не соотвѣтствуютъ заработкамъ. Въ этихъ случаяхъ, въ силу необходимости, ему приходится исподволь продавать необходимые для самостоятельнаго хозяйства предметы, въ результатѣ чего является полная невозможность обработывать свою землю: сначала крестьянинъ запускаетъ одну полосу, потомъ двѣ и наконецъ совершенно перестаетъ заниматься земледѣліемъ и со всею семьею уходитъ на посторонніе заработки куда либо въ городъ или на фабрику; домъ заколачивается, ветшаетъ и наконецъ продается на своз̆ъ или на дрова, и семья дѣлается бездомовою». [1] И такъ, вотъ мы уже насчитали слишкомъ 60% домохозяевъ, въ основѣ раззоренія которыхъ лежитъ слабый рабочій составъ; сюда же можетъ быть причислено и значительное количество раззорившихся отъ другихъ причинъ (пьянство, солдатчина и пр.). Все это вмѣстѣ съ вышеприведенными фактами даетъ намъ право сказать, что малый численный составъ семьи есть обстоятельство роковое для современнаго крестьянина-хозяина, что самое существованіе такой семьи есть уже шагъ на пути къ раззоренію, что она вѣчно находится въ неустойчивомъ равновѣсіи.

Пробѣжавъ эти строки, читатель можетъ быть найдетъ, что заключающаяся въ нихъ мысль противорѣчитъ всему тому, что мы раньше говорили о слабой зависимости современнаго низкаго уровня народнаго благосостоянія отъ семейныхъ раздѣловъ: если въ основѣ раззоренія народа лежитъ «одиночество», то семейные раздѣлы, приводящіе къ этому послѣднему, должны быть признаны главнымъ факторомъ обѣднѣнія, и мы не имѣемъ права отрицать такое ихъ значеніе.

---

[1] Земство id.

Это возраженіе читателя было бы справедливо, еслибы вмѣстѣ съ тѣмъ кто нибудь доказалъ, что малая семья появилась одновременно съ обѣдненіемъ и что она родилась на свѣтъ Божій вслѣдствіе быстро развившагося въ послѣднее время стремленія къ семейнымъ раздѣламъ. Но въ томъ и дѣло, что все это невѣрно! Какъ ни участились семейные раздѣлы, все-таки главная масса одиночекъ образовалась не въ періодъ этого стремленія къ разъединенію; одиночка господствовалъ и въ дореформенный періодъ, что однако нимало не препятствовало русскому народу быть исправно-земледѣльческимъ и не приводило его къ ежегодному выкидыванію изъ своей среды нѣсколькихъ процентовъ безхозяйныхъ, Что это такъ, что прежняя обыкновенная семья вовсе не отличалась многолюдствомъ, что хозяинъ одиночка не есть продуктъ послѣдняго времени, а существовалъ всегда—доказательствомъ служатъ вышеприведенныя цифры численнаго состава семьи конца прошлаго вѣка. Мы знаемъ, что по губерніямъ черноземной полосы онъ колебался отъ 3,5 до 3,8 душъ мужскаго пола на дворъ. Принимая, что взрослыхъ рабочихъ въ этомъ числѣ будетъ не больше 50% (въ статистикѣ Янсона производительное населеніе Россіи показано въ 46%), на средній дворъ прошлаго вѣка мы получимъ взрослыхъ мужчинъ отъ 1,7 до 1,9. Это значитъ, что въ каждой сотнѣ семей будетъ работниковъ отъ 170 до 190, смотря по губерніи, т. е. одиночныхъ домохозяевъ въ каждой сотнѣ будетъ не менѣе 30—10 (допустимъ, что безрабочихъ семей тогда вовсе не существовало, что очень близко къ истинѣ). Но послѣднія цифры показываютъ приблизительное число одиночекъ лишь при томъ предположеніи, что въ остальныхъ семьяхъ мужчины распредѣлены равномѣрно, именно по два на каждую. Однако, это не вѣрно: кромѣ одно- и двурабочихъ семей есть не малое количество трехъ—четырехъ рабочихъ и болѣе; численный составъ этихъ семей образованъ на счетъ двурабочихъ, часть которыхъ по этому въ нашемъ вычисленіи должна превратиться въ одиночекъ. Если, напримѣръ, въ прежнее время количество семей съ тремя и болѣе работниками не превышало таковаго же нынѣшняго времени въ Мураевнинской волости Данковскаго уѣзда Рязанской губерніи и въ Тульскомъ уѣздѣ (о которыхъ у насъ есть свѣдѣнія), т. е. равнялось 18% всѣхъ семей, и если предположить, что каждая такая семья въ среднемъ заключала лишь 3,5 работника, то и въ этомъ случаѣ все число рабочихъ-мужчинъ въ примѣрной сотнѣ дворовъ прошлаго вѣка распредѣлится между семьями слѣдующимъ образомъ:

	Число дворовъ		мужчинъ въ нихъ
съ 3 и болѣе рабочими	18	(3,5 на двор.)	63
съ двумя »	отъ 25 до 45	(2 на двор.)	отъ 50 до 90
съ однимъ »	» 57 » 37		» 57 » 37
Итого...	100—100		170—190

По приведенному вычисленію выходитъ, что семьи одиночки составляли въ прошломъ вѣкѣ 37—57% всего числа домохозяевъ: но и эти цифры одиночекъ через-чуръ малы: по общему сознанію, многорабочія семьи въ населеніи прежняго времени составляли бóльшій процентъ, чѣмъ нынѣ; такимъ образомъ изъ всего числа 170—190 рабочихъ на эти семьи отойдетъ больше 63 человѣкъ; оставшіеся должны распредѣлиться между двурабочими и одиночками, а такъ какъ сумма семей всѣхъ трехъ разрядовъ должна быть все-таки сто, то оставшемуся количеству рабочихъ и неудается образовать прежняго числа двурабочихъ семей (25—45), т. е. число одиночекъ увеличится.

Итакъ, въ концѣ прошлаго вѣка число малорабочихъ домохозяевъ составляло отъ трети до половины всего числа крестьянскихъ семей въ Россіи. Къ эпохѣ освобожденія, правда, численный составъ семьи увеличился на 10% (ср. цифры «Статистики поземельной собственности» съ данными г. Семевскаго), но принимая во вниманіе, что вычисленная нами цифра одиночекъ прошлаго вѣка меньше дѣйствительной, мы должны признать, что составъ крестьянской семьи передъ освобожденіемъ очень мало отличался отъ вычисленной.

Каково же положеніе народа въ этомъ отношеніи въ настоящее время; какъ теперь распредѣляются между семьями взрослые работники; вѣрнѣе, велико ли число одиночекъ? На этотъ счетъ мы можемъ привести хотя и отрывочныя данныя, но зато отличающіяся такимъ однообразіемъ, что имъ безъ большой натяжки можно приписать общее значеніе.

								всего числа семей.
Въ Дьяконовск. в. Курск. г.	дворы	безъ	раб.	или	съ	1	муж. состав.	52%
» Мураевиннск. вол.	»	»	»	»	»	1	» »	57%
» Кудыкинск. в. Влад. г.	»	»	»	»	»	1	» »	57%
» Рязанскомъ уѣздѣ	»	»	»	»	»	1	» »	50%
» Тульскомъ »	»	»	»	»	»	1	» »	53,5%
» Тверской губерніи	»	»	»	»	»	1	» »	ок. 50%[1]

Въ концѣ прошлаго вѣка, по примѣрному вычисленію, на основаніяхъ, приведенныхъ выше, количество дворовъ одиночекъ въ Рязанской губерніи было 42%; передъ освобожденіемъ численный составъ двора увеличился на 10%, слѣдовательно, большой разницы въ количествѣ одиночекъ не произошло; въ настоящее время, какъ мы сейчасъ видѣли, ихъ считается 50%. Число ихъ на 100 дворовъ возросло на 8—10. Въ Курской губерніи по таковому же вычисленію число одиночекъ передъ реформой составляло 45% всего числа семей, теперь ихъ (въ Курскомъ уѣздѣ) 52; на сто среднихъ дворовъ число одиночекъ увеличилось

[1] Сб. мат. для изученія сельск. позем. общины, т. I, с. 85. Промыслы Владимірск. губ., вып. IV. Сб. стат. свѣд. по Рязанской губ., вып. I, сводная таблица Статистико-эконом. изслѣд. 7 волостей Тульск. у. стр. 22—23. Ист. стат. опис. Тверск. губ., отд. III и IV 1 тома, с. 56. Впрочемъ, послѣдняя цифра взята изъ исповѣдныхъ вѣдомостей.

на 7—10. Врядъ ли это можно назвать такимъ измѣненіемъ, которое способно замѣтно повліять на экономическое положеніе народа. Если это такъ, то слѣдуетъ перестать всю вину обѣднѣнія крестьянъ взваливать на семейные раздѣлы.

Итакъ, говоря, что одиночество есть слабая сторона современнаго крестьянскаго быта, мы вовсе не противорѣчимъ своему первоначальному утвержденію о второстепенномъ значеніи семейныхъ раздѣловъ, какъ фактора разрушенія благосостоянія народа. Мы констатируемъ лишь наличность двухъ явленій: 1) небольшаго измѣненія въ составѣ крестьянской семьи и 2) упадка, охватившаго хозяйства, слабыя по своему рабочему составу; между обоими явленіями не существуетъ пропорціональности, указывающей на причинную зависимость послѣдняго отъ перваго: упадокъ хозяйства крестьянъ идетъ далеко впереди роста семейныхъ раздѣловъ; онъ охватываетъ нетолько одиночекъ-новичковъ, явившихся послѣ раздѣла, но и тѣхъ, которые существовали въ дореформенную эпоху. Но избавившись отъ одного противорѣчія, мы повидимому сталкиваемся съ другимъ: если одиночество не было экономически вредно прежде, почему оно разрушаетъ бытъ народа теперь? Вопросъ этотъ сводится къ другому: чѣмъ характеризуется современная экономическая обстановка народнаго труда въ отличіе отъ дореформенной?

Пытаясь отвѣтить на поставленный вопросъ, мы прежде всего увидимъ, что доходы крестьянъ отъ земледѣлія вообще уменьшились. Прежде крѣпостной крестьянинъ, даже барщинный, имѣлъ столько земли, что она ему обезпечивала мало-мальски сносное существованіе—въ этомъ заключался прямой расчетъ владѣльца; оброчные поставлены были еще лучше: они могли пользоваться всей землей, принадлежащей помѣщику. Результатомъ этого было, что даже населеніе нечерноземныхъ губерній удовлетворяло хлѣбопашествомъ бо̀льшую часть своихъ потребностей [1]. Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, они лишились части земель, которыя обработывали прежде, и вынуждены были поэтому пріобрѣтать ихъ наймомъ; часть ихъ дохода отъ промысла ушла такимъ образомъ на аренду необходимыхъ угодій. Вмѣстѣ съ послѣдовавшимъ за симъ уменьшеніемъ чистаго дохода отъ хлѣбопашества шло увеличеніе денежныхъ расходовъ народа. Здѣсь, во-первыхъ, барщинный крестьянинъ вмѣсто труда, которымъ онъ прежде уплачивалъ владѣльцу повинности, обязался отдавать ему же или въ казну извѣстную сумму деньгами; сумму эту оказалось нужнымъ добыть. Затѣмъ быстро стали рости собственно подати и налоги, а превращеніе натуральнаго хозяйства въ денежное повело за собой новый способъ удовлетворенія народомъ своихъ потребностей: многое изъ того, что хозяинъ прежде добывалъ дома, теперь оказалось нужнымъ пріобрѣтать на рынкѣ. Несообразность всѣхъ этихъ расходовъ съ

---

[1] Напр. Московская губ. См. Исаевъ «Промыслы Московск. губ.».

доходами крестьянина и отсутствіе удобныхъ для него кредитныхъ учрежденій были причиной, что для уплаты по всѣмъ обязательствамъ крестьянинъ прибѣгнулъ къ помощи кулаковъ-ростовщиковъ, содержаніе которыхъ стоитъ ему не меньше всей суммы платежей. Итакъ, при прежнихъ или уменьшившихся ресурсахъ, доставляемыхъ земледѣліемъ, крестьянинъ получилъ много новыхъ расходовъ, которые онъ и долженъ былъ уплачивать изъ постороннихъ заработковъ. Не всегда имѣя послѣдніе въ достаточныхъ размѣрахъ, крестьянинъ часть своихъ денежныхъ обязательствъ перевелъ на работу (лѣтнюю земледѣльческую), этимъ онъ какъ будто облегчилъ себѣ положеніе, ибо до извѣстной степени избѣгнулъ необходимости изыскивать способы превращенія своего труда въ деньги. Но бѣда въ томъ, что новый патронъ относился къ нему не такъ, какъ старый помѣщикъ: онъ не входилъ въ интересы его хозяйства, а требовалъ должнаго, что слѣдуетъ по законно-обезпеченному договору, не задаваясь вопросомъ: мыслимо ли крестьянину бросить въ данный моментъ свое поле, не будетъ ли это съ его стороны саморазззореніемъ. И вотъ, крестьянинъ нечерноземной полосы, прежде посвящавшій лѣто земледѣлію, а зиму промыслу, теперь оказался отягощеннымъ такой массой обязательствъ, что вынужденъ отрываться отъ хлѣбопашества и лѣтомъ. Житель черноземныхъ губерній, вмѣсто того, чтобы лѣтомъ всецѣло отдаться своему хозяйству, съ наступленіемъ весны разрывается на части кредиторами, требующими кто денегъ, кто работы, а въ страду спѣшитъ на югъ и востокъ зашибить копейку, надѣясь, что еще успѣетъ обернуться домой для уборки собственнаго хлѣба.

При такой разницѣ въ экономической обстановкѣ современнаго и дореформеннаго крестьянина, естественно, что и орудія борьбы обоихъ за существованіе не будутъ тождественны. Въ прежнее время крестьянская хозяйственная единица, образующаяся изъ жены и подростка, была явленіемъ нормальнымъ, не заключавшимъ въ обѣ чувствительныхъ неудобствъ: въ земледѣльческій сезонъ хозяинъ не отвлекался для постороннихъ занятій; надъ его шеей не висѣлъ постоянно Дамокловъ мечъ въ образѣ сборщика податей, кредитора и т. п., для избавленія отъ которыхъ ему оставалось только закабалиться помѣщику или кулаку. По этому-то, какъ мы видѣли, господствующей семьей прежняго времени былъ «одиночка», а большія семьи—получили преобладаніе въ эпоху наисильнѣйшаго процвѣтанія крѣпостного духа, когда всяческое начальство относилось къ народу лишь какъ къ орудію добычи денегъ и въ интересахъ послѣдней игнорировало нравственныя потребности природы человѣка. Нынче времена перемѣнились: опека надъ личностью крестьянина значительно ослабѣла; естественное стремленіе человѣка создать себѣ свой собственный уголокъ, въ интимной жизни отдѣлиться отъ другихъ, хотя бы и близкихъ по крови, получило возможность осуществиться, вслѣдствіе чего процентъ одиночныхъ се-

мей въ общей массѣ послѣднихъ увеличился. Измѣненіе же соціальной обстановки народной жизни, напротивъ того, требовало созданія хозяйственной единицы, болѣе сильной, чѣмъ она была въ дореформенныя времена: теперь уже, кромѣ работниковъ, занятыхъ своимъ спеціальнымъ дѣломъ, хозяйство должно имѣть одного-двухъ совершенно свободныхъ, излишнихъ по размѣрамъ промысла, и назначеніе которыхъ—добывать деньгу сторонними заработками для уплаты по многочисленнымъ обязательствамъ, дабы этимъ способомъ обезпечить остальнымъ членамъ семьи возможность безпрепятственно заниматься своимъ дѣломъ. Этого «прикрытія» не имѣютъ одиночныя семьи, и въ этомъ заключается главная причина ихъ современнаго безсилія.

Такимъ образомъ, нравственныя потребности русскаго народа и соціально-экономическая обстановка его жизни развивались въ послѣднее двѣнадцатилѣтіе въ противуположныхъ направленіяхъ: одно требовало разъединенія семей, другое—ихъ соединенія или созданія иной формы ассоціаціи. Еслибы соціальная обстановка измѣнилась въ указанномъ смыслѣ вдругъ, еслибы требованіе денегъ предстало воображенію крестьянина сразу въ тѣхъ грандіозныхъ размѣрахъ, какихъ оно достигло къ концу пореформеннаго періода, тогда онъ можетъ быть и затруднился бы свободно удовлетворить проснувшимся нравственнымъ требованіямъ своей природы, сохранилъ бы семейную обстановку, развивающую снохачество, порабощеніе женщины и столь излюбленную нашими охранителями. Но многоразличныя претензіи предъявлялись карману мужика съ извѣстной постепенностью и совершенно неожиданно для крестьянина, ждавшаго отъ воли чего-то другого; почему онъ нетолько не успѣлъ достодолжнымъ образомъ вооружиться для ихъ удовлетворенія, но продолжалъ снимать и имѣющіеся тяжелые доспѣхи больше-семейной боевой организаціи.

Итакъ, въ послѣднее двадцатилѣтіе въ народной жизни совершается процессъ разложенія большой семьи, представлявшей типическую, если не господствующую хозяйственную единицу крѣпостной эпохи. Процессъ этотъ вызванъ былъ проснувшимися нравственными инстинктами народа, долго сдерживавшимися цѣпями деспотизма помѣщика и чиновника. Но если разсматриваемое явленіе и представляло нѣкоторую оригинальность въ нравственномъ отношеніи, то въ хозяйственную жизнь народа оно не вносило ничего новаго: конечный его результатъ—хозяинъ-одиночка—существовалъ и прежде; вмѣсто десяти теперь ихъ сдѣлалось двѣнадцать—и только! Поэтому, новыя отношенія въ жизни народа, приведшія къ его настоящему неустойчивому экономическому положенію, возникли не изъ семейныхъ раздѣловъ. Насколько здѣсь участвуетъ семейная организація — вопросъ, напрашивающійся нашему вниманію, который несправедливо сводили обыкновенно къ раздѣламъ, есть вопросъ о цѣлесообразности господствующей у насъ нынѣ и существовавшей прежде мелкой хозяйственной единицы. Мы видѣли, что вопросъ

этотъ сдѣлался животрепещущимъ послѣ того, какъ въ соціальной жизни народа произошелъ рядъ измѣненій, вслѣдствіе которыхъ мужикъ лишился части средствъ производства, между тѣмъ, какъ одновременно же къ нему были предъявлены такія финансовыя требованія, удовлетворить которыя онъ затруднился бы и съ прежнимъ хозяйственнымъ вооруженіемъ. Слѣдовательно, вопросъ прежде всего сводится къ оцѣнкѣ раціональности совершившихся финансовыхъ и экономическихъ преобразованій и мѣропріятій и къ изысканію мѣръ возстановленія поколебленной устойчивости народнаго хозяйства.

Но допустимъ, что требуемое сдѣлано; что въ нашей соціальной жизни исправлены всѣ экономическія ошибки преобразовательной эпохи; что мужику дано все то, что возможно нынѣ ему дать, а требованія съ него сведены къ необходимому minimum'у. Что же, разрѣшимъ ли мы этимъ сейчасъ поставленный вопросъ о хозяйственной организаціи мелкаго земледѣлія? Господствующій нынѣ одиночка сдѣлается ли послѣ этого достаточно сильнымъ для того, чтобы, не опасаясь за свою судьбу, онъ могъ открытой грудью встрѣтить всякую неожиданность, какую ему въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ приподнесетъ цивилизація? Иначе говоря, не замѣчаемъ ли мы уже и теперь тѣхъ тучъ, которыя неизбѣжно должны обложить только что прояснившійся (въ нашемъ воображеніи) небосклонъ мелкаго производителя?

Мы уже столь далеко зашли на пути цивилизаціи, что возвращеніе назадъ врядъ ли возможно. А если такъ, то чѣмъ больше мы будемъ жить, тѣмъ больше намъ предстоитъ разныхъ тратъ. Уже въ настоящее время, какъ бы мы ни облегчали финансовую обузу народа, намъ не возвратить ему тѣхъ потерь, какія вызваны были превращеніемъ натуральнаго хозяйства въ денежное, развитіемъ потребностей народа и общественно-государственными преобразованіями. А вѣдь на достигнутомъ мы не остановимся, и траты поэтому будутъ продолжать рости. Для примѣра укажемъ хотя бы на тѣ расходы, какіе связаны съ болѣе или менѣе удовлетворительной постановкой медицинскаго дѣла. По вычисленію г. Ленскаго, сносная организація одной этой части (въ Московской губерніи) потребуетъ суммы денегъ, равной всей совокупности платежей, лежащихъ на населеніи. (Слово 1879, 11). Но вѣдь кромѣ этой потребности, у народа есть масса неудовлетворенныхъ другихъ (укажемъ хотя бы на образованіе); и тѣ въ свою очередь требуютъ денегъ и денегъ! Итакъ, мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ остановиться на общественныхъ и государственныхъ расходахъ, какіе несемъ въ настоящее время; тѣ и другіе непремѣнно будутъ рости и очень быстро. Еще быстрѣе должна развиваться производительность народнаго труда, иначе нельзя будетъ удовлетворить развивающимся, на ряду съ государственными, личнымъ потребностямъ населенія. Ростъ этой производительности не можетъ заключаться въ организаціи капиталистическаго производства; необходимыя измѣненія должны

произойти въ области мелкаго. Поэтому недалеко то время, когда на сцену неизбѣжно выступитъ слѣдующій вопросъ: существующая нынѣ семейная хозяйственная единица достаточно ли сильна для того, чтобы бороться со всѣми затрудненіями цивилизаціи; не наступилъ ли моментъ ея преобразованія въ болѣе сложную форму? Если этотъ вопросъ еще можетъ быть впереди для семейно-хозяйственной организаціи вообще, то весьма вѣроятно, что для слабѣйшей единицы господствующаго типа хозяйства—для одиночки — онъ уже поставленъ ребромъ. Если большая семья еще въ силахъ вести борьбу за существованіе, то можетъ быть одиночка является для этого уже положитольно непригоднымъ. И если это такъ, то поелику невозможно всѣ мелкія семьи превратить въ большія—на сцену выступаетъ вопросъ о новой хозяйственной единицѣ, основанной не на семейномъ началѣ. Тѣ затрудненія въ экономической жизни народа, которыя со стороны происхожденія и по способу ихъ устраненія до сихъ поръ сводились къ раздѣламъ, нельзя разрѣшить простымъ семейнымъ способомъ; вмѣсто нравственнаго вопроса мы имѣемъ дѣло съ общественнымъ.

В. В.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ДУХОБОРЦЫ.

Орестъ Новицкій. **Духоборцы.** Ихъ исторія и вѣроученіе. Изданіе второе передѣланное и дополненное. Кіевъ 1882 г.

Въ 1832 году вышло въ свѣтъ сочиненіе студента кіевской духовной академіи, Ореста Новицкаго, «о духоборцахъ». Несмотря на многіе важные недостатки, сочиненіе это имѣло громадный успѣхъ и было быстро раскуплено. Самыми рьяными покупателями были сами духоборцы, употреблявшіе всѣ усилія для пріобрѣтенія возможно большаго числа экземпляровъ сочиненія. Платились сумасшедшія цѣны: за брошюрку въ 146 страничекъ нерѣдко уплачивали десятки и сотни рублей. Такой исключительный интересъ духоборцевъ къ брошюрѣ г. Новицкаго объясняется тѣмъ, что въ ней въ первый разъ ученіе духоборцевъ было изложено систематически, въ богословской схемѣ, и, такимъ образомъ, сочиненіе г. Новицкаго сдѣлалось для духоборцевъ чѣмъ-то въ родѣ катехизиса. Въ настоящее время книга «о духоборцахъ» изданія 1832 года сдѣлалась необыкновенною библіографическою рѣдкостью.

Теперь, 50 лѣтъ спустя, г. Новицкій выпустилъ второе изданіе своего сочиненія, совершенно измѣненное и значительно дополненное. Несомнѣнно, однако, что второе изданіе книги «о духоборцахъ» далеко не будетъ имѣть того успѣха, какой имѣло первое изданіе. Главные покупатели перваго изданія, духоборцы, теперь уже не набросятся на книгу г. Новицкаго, такъ какъ въ настоящее время у нихъ есть свои собственные писанные «обряды», т. е. катехизисы, въ которыхъ духоборческое вѣроученіе изложено, конечно, гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ въ книгѣ г. Новицкаго, безъ примѣси всякихъ нелѣпостей, которыя г. Новицкій, во второмъ изданіи своей книги, счелъ нужнымъ приписать духоборческому ученію. [1] Что же касается обыкновенныхъ читателей, то ихъ, несомнѣнно, оттолкнетъ отъ книги г. Новицкаго спеціальность трактуемаго ею предмета. А между тѣмъ, второе изданіе сочиненія «о духоборцахъ» содержитъ крайне интересныя страницы, знакомство съ которыми для массы читающей публики было бы очень желательно. Страницы эти касаются исторіи гоненій, воздвигнутыхъ на духоборцевъ. Правда, г. Новицкій употребилъ всѣ усилія, чтобы уменьшить интересъ этихъ страницъ. Проникнутый негодованіемъ къ русскимъ сектантамъ вообще, г. Новицкій всячески старается доказать, что духоборцы сами были причиною воздвигнутыхъ противъ нихъ преслѣдованій и что лица, ссылавшія ихъ въ Сибирь, и т. п., нетолько были правы, поступая такъ, но еще представляютъ собою образецъ гражданскаго величія и государственной мудрости (см. напр., стр. 102 и 277—281). Съ тою же цѣлью г. Новицкій пользуется безъ всякаго разбора источниками крайне сомнительнаго достоинства, напр., статьями о духоборцахъ и молоканахъ, помѣщенными за разные годы въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи». Послѣднія статьи полны такимъ очевиднымъ пристрастіемъ и неточностью фактовъ, что даже самъ г. Новицкій не разъ указываетъ на это, а объ одной статьѣ прямо говоритъ: «въ ней вообще бросается въ глаза шаткость сообщаемыхъ извѣстій и отсутствіе исторической объективности» (стр. 30). И тѣмъ не менѣе, г. Новицкій черпаетъ щедрою рукою изъ упомянутыхъ статей. Затѣмъ, значеніе книги г. Новицкаго значительно уменьшается отъ того, что онъ доводитъ исторію духоборцевъ только до середины 40-хъ годовъ и на этомъ времени почему-то прерываетъ свое повѣствованіе. Наконецъ, нельзя не поставить въ упрекъ г. Новицкому и то обстоятельство, что онъ не пользовался очень многими матеріалами, трактующими о духоборцахъ: хотя почтенный авторъ и заявляетъ, что онъ пересмотрѣлъ все, что появилось въ печати относительно духоборцевъ (см. предисловіе), но это просто пустое

[1] Г. Новицкій полагаетъ, что «у духоборцевъ нѣтъ письменно-оформленнаго вѣроученія» (стр. 209); но это совершенная неправда: я встрѣчалъ у сѣверо-кавказскихъ духоборцевъ нѣсколько «обрядовъ» и имѣю списки съ нихъ.

слово. Такъ, авторъ, очевидно, незнакомъ со статьями и извѣстіями, касающимися современнаго положенія духоборцевъ и появлявшимися, какъ въ столичныхъ изданіяхъ, такъ и въ мѣстной кавказской печати: пользуйся авторъ этими статьями и извѣстіями, онъ не сочинилъ бы того якобы духоборческаго вѣроученія, которое изложено въ его книгѣ. Не пользовался г. Новицкій также многими матеріалами, касающимися исторіи духоборцевъ, какъ это мы увидимъ ниже. Несмотря на всѣ эти недостатки книги г. Новицкаго, сообщаемые имъ факты изъ исторіи духоборцевъ несомнѣнно краснорѣчивы. Собранный г. Новицкимъ матеріалъ рисуетъ предъ нами страницу изъ исторіи нашего недавняго прошлаго, тѣмъ болѣе интересную, что положеніе духоборцевъ мало чѣмъ разнилось отъ положенія другихъ нашихъ сектантовъ и раскольниковъ, и, такимъ образомъ, приводимые г. Новицкимъ факты освѣщаютъ недавнее положеніе значительной части русскаго народа. Исторія духоборцевъ интересна еще тѣмъ, что, раскрывая предъ нами всю суровость репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ раскольникамъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою яркій образецъ ихъ полной безрезультатности. Вотъ почему мы и сочли нужнымъ познакомить читателей съ содержаніемъ исторической части труда г. Новицкаго.

Когда возникла духоборческая секта, достовѣрно неизвѣстно [1]. Первыя извѣстія о духоборцахъ правительство получило въ началѣ послѣдней четверти XVIII ст. и съ этого же времени начались энергическія преслѣдованія открытыхъ сектантовъ. Такъ еще въ 1779 году подверглись преслѣдованію духоборцы изъ донскихъ казаковъ, отданные подъ судъ за свою ересь. Какой именно былъ результатъ этого суда, будетъ извѣстно только со временемъ, когда будутъ опубликованы дѣла знаменитой тайной экспедиціи, но судя по тому, что̀ извѣстно о печальной судьбѣ,

[1] Г. Новицкій для объясненія возникновенія духоборчества сочинилъ особаго «квакера изъ прусскихъ унтеръ-офицеровъ». Удивительное явленіе представляютъ вообще многіе изслѣдователи нашего сектантства: никакъ они не могутъ допустить, чтобы русскій мужикъ додумался хоть до чего-нибудь самъ,- непремѣнно всегда оказывается нуженъ какой-нибудь иностранецъ, квакеръ, менонитъ, хотя бы изъ прусскихъ унтеръ-офицеровъ! И на какихъ соображеніяхъ строятся предположенія о существованіи этихъ зловредныхъ иностранцевъ, просто стыдно сказать! У нѣкоторыхъ духоборцевъ, напр., существуетъ сказка о томъ, что ихъ «вѣра» произошла отъ трехъ библейскихъ отроковъ, брошенныхъ въ печь по приказанію Навуходоносора; и вотъ г. Новицкій глубокомысленно заключаетъ, что подъ этими отроками нужно понимать либо нѣмцевъ Кульмана и Нордермана, сожженныхъ въ концѣ XVII ст. по приказанію московскаго патріарха, либо Ѳому Иванова, послѣдователя извѣстнаго Тверитинова, и хлыстовскихъ христовъ Суслова и Лупкина, изъ которыхъ первый былъ сожженъ живьемъ, а вторые въ видѣ труповъ. Почему въ данномъ случаѣ нужно разумѣть помянутыхъ лицъ, а не кого-либо другого изъ сожженныхъ за разныя ереси и почему, наконецъ, сказку духоборцевъ, принимаемую ими самими въ буквальномъ смыслѣ, нужно истолковывать аллегорически, это остается тайною г. Новицкаго.

постигшей другихъ, открытыхъ вслѣдъ за тѣмъ духоборцевъ, можно думать, что и донскіе еретики жестоко поплатились за свою ересь. Вслѣдъ за донскими поплатились екатеринославскіе духоборцы, Маріупольскаго уѣзда, которые въ 1791 г. судились за то, что «они проповѣдуютъ свое ученіе на улицахъ и толпы народа постоянно окружаютъ ихъ» (стр. 52). За ними послѣдовали духоборцы харьковскіе (1793—1797 гг.). Въ 1796 г. былъ уличенъ въ духоборчествѣ одинъ крестьянинъ Московскаго уѣзда, былъ судимъ и сосланъ съ семействомъ на фортификаціонныя работы въ Азовъ (стр. 44). Въ слѣдующемъ году судились за духоборчество нѣсколько крестьянъ Тверской губерніи, Бѣжецкаго уѣзда, причемъ двое, Андрей Толстаевъ и его жена, «наказаны кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и сосланы въ Иркутскую губернію на каторжныя работы» (стр. 41 и 54). Вообще съ духоборцами не церемонились. Извѣстный Лопухинъ писалъ въ 1801 г. по этому поводу слѣдующее: «Никакая секта до того времени не была столь строго преслѣдуема, какъ духоборцы, конечно, не потому только, что они всѣхъ вреднѣе. Разными образами истязали ихъ, цѣлыми семействами ссылали въ тяжкія работы, заключали въ самыя жестокія темницы. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ такихъ, гдѣ ни стоять во весь ростъ, ни лежать протянувшись нельзя было. Это мнѣ сказывалъ, хвалясь своимъ распоряженіемъ, одинъ изъ начальниковъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ они содержались. Всякій генералъ-прокуроръ, вслѣдствіе губернаторскихъ представленій, объявлялъ именной указъ о ссылкѣ ихъ цѣлыми семействами въ разныя мѣста на поселеніе и на каторгу, и сослано ихъ такимъ образомъ не одно сто». И дѣйствительно въ это время погибли массы духоборцевъ. Такъ въ теченіе 1797—1800 гг. снова подверглись преслѣдованіямъ екатеринославскіе духоборцы. Около того же времени были судимы и сосланы въ Сибирь херсонскіе духоборцы. Въ исходѣ XVIII в. ссыльными духоборцами были наполнены крѣпость Азовъ, Рига, о. Эзель, Финляндія, Соловецкіе острова, Екатеринбургъ, Тобольская и Иркутская губерніи (стр. 38—47). Особенно интереснымъ является дѣло о 34 перекопскихъ духоборцахъ, разбиравшееся тоже въ концѣ XVIII ст. Послѣ долгихъ мытарствъ, сопровождавшихъ слѣдствіе, подсудимые были приговорены перекопскимъ уѣзднымъ судомъ къ слѣдующему наказанію: «какъ означенные подсудимые за внушеніемъ и увѣщаніемъ остались непреклонными, то дабы отвратить впредь у людей, имъ подобныхъ, суевѣріе и самимъ имъ воздать за отверженіе ихъ отъ церкви, ея таинствъ и святыхъ—мщеніе сихъ преступниковъ, именно: алешковскихъ, лагерскихъ, чалбурскихъ и днѣпровскихъ въ Днѣпровкѣ наказать публично мужчинъ кнутомъ по тридцати, а женщинъ плетьми по сорока ударовъ; дочерей же духоборцевъ Якова Лактева — Катерину и Ивана Шалаева — Настасью, какъ несовершеннолѣтнихъ, по силѣ указа 1765 г. мая 2 дня высѣчь первую въ

Алешкахъ, а послѣднюю въ Днѣпровкѣ розгами, и по наказаніи всѣхъ сихъ преступниковъ, отправить ихъ въ Сибирь на поселеніе; имѣніе же ихъ описать, съ публичнаго торга продать и вырученныя деньги для записки въ казенный доходъ отправить въ перекопское уѣздное казначейство, исполненіе чего возложить на перекопскій земскій судъ.» Новороссійская уголовная палата, въ которую поступило означенное дѣло, измѣнило приговоръ уѣзднаго суда слѣдующимъ образомъ: «подсудимыхъ, *обличенныхъ въ духоборческой ереси*, сослать закованныхъ въ желѣза, безъ наказанія, въ Екатеринбургъ вѣчно къ разработкѣ рудниковъ, кромѣ малолѣтнихъ дѣтей; о воспитаніи дѣтей ихъ ниже 10 лѣтъ въ православной вѣрѣ въ городѣ—городскому, а въ уѣздахъ — волостнымъ головамъ обще съ духовенствомъ имѣть попеченіе» (стр. 50—51)... Такимъ образомъ, достаточно было быть обличеннымъ въ духоборческой ереси, чтобы быть закованнымъ въ желѣза и сосланнымъ на вѣчную каторгу. Приведенный случай вовсе не представлялъ собою чего-либо исключительнаго. Такъ въ 1799 г. 31 человѣкъ херсонскихъ духоборцевъ были сосланы въ Екатеринбургъ на вѣчно для разработки рудниковъ, на самыя тяжкія работы (стр. 53). Въ слѣдующемъ году, между прочимъ, былъ сосланъ «за содержаніе духоборческой ереси» поселянинъ Переконскаго уѣзда, Шалимовъ, сначала въ Екатеринбургъ къ разработкѣ рудниковъ, а потомъ въ нерчинскіе заводы (стр. 47). Въ тоже время, указомъ 30 марта 1800 года, было объявлено черезъ всѣ правленія, суды и расправы, что всѣхъ, кто на будущее время будетъ изобличенъ въ духоборческой сектѣ, ожидаетъ ссылка на вѣчную каторгу (стр. 53).

Со вступленіемъ на престолъ Александра I, отношеніе высшаго правительства къ духоборцамъ радикально измѣняется. Либеральная политика первой половины царствованія Александра Благословеннаго вещь общеизвѣстная, и я не буду останавливаться на этомъ предметѣ. Замѣчу только, что либеральное отношеніе тогдашняго высшаго правительства къ сектантамъ въ значительной степени обусловливалось склонностію самого Александра I къ мистицизму въ той философской формѣ, въ какой онъ проявлялся у нѣмецкихъ мистиковъ. Въ частности, духоборцы въ значительной степени были обязаны благорасположеніемъ императора извѣстному Лопухину, сенатору и довѣренному лицу Алаксандра I. Въ 1801 г. Лопухинъ, вмѣстѣ съ другимъ сенаторомъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ, получили отъ Государя порученіе произвести обозрѣніе такъ-называемой Слободо-украинской губерніи. Здѣсь они между прочимъ обратили вниманіе и на духоборцевъ. Прибывъ въ Харьковъ, они потребовали свѣденій о томъ, что происходило и происходитъ съ духоборцами тамошняго края. Мѣстное начальство, думавшее отличиться, представило такія свѣденія о своей дѣятельности по отношенію къ духоборцамъ, которыя просто ужаснули Лопухина. Дѣло за-

ключалось въ слѣдующемъ. При вступленіи на престолъ Александра I, по высочайшему рескрипту освобождено было изъ Сибири множество духоборцевъ херсонскихъ, харьковскихъ и екатеринославскихъ, причемъ было повелѣно водворить ихъ на родинѣ въ прежнихъ жилищахъ и оставить въ покоѣ. Согласно съ этимъ повелѣніемъ, харьковскіе духоборцы возвратились изъ ссылки въ августѣ 1801 г. и расположились на пепелищахъ своихъ прежнихъ жилищъ. Между тѣмъ уже въ октябрѣ того же года возвращенныхъ изъ ссылки духоборцевъ начали снова преслѣдовать: именно къ нимъ были отправлены для «увѣщеванія» два священника и засѣдатель земскаго суда *съ командою*. «Первый вопросъ духоборцамъ былъ о коронаціи. Духоборцы, неимѣющіе къ обрядамъ уваженія, не могли дать имъ удовлетворительнаго отвѣта и сказали, что они всякаго царя почитаютъ отъ Бога поставленнымъ, добраго—даромъ божіимъ, а злого—бичемъ за грѣхи. Поставили передъ ними образъ Спасителевъ и спрашивали ихъ, вѣруютъ ли они въ предстоящаго Спасителя? Духоборцы отвѣчали: «это не Спаситель, а доска расписанная». Наконецъ, ихъ спрашивали: будутъ ли они платить подать и рекрутъ ставить? Они съ досадою говорили: «мы нищіе: чѣмъ намъ подати платить! какіе отъ насъ рекруты? Остался старой, да малой, да изувѣченный. Мы прежде служили Государю, какъ и другіе, а теперь власть его, мы не можемъ (стр.» 58 — 59). Эти слова духоборцевъ были признавы «бунтомъ». Изюмскій земскій судъ немедленно поспѣшилъ на мѣсто «бунта» для розысковъ и возбужденія дѣла, о чемъ и донесъ губернатору. Геберваторъ передалъ обо всемъ Лопухину и Нелединскому-Мелецкому. Но увы! ретивыхъ «охранителей» ожидалъ непріятный сюрпризъ: сенаторы нетолько не поблагодарили ихъ за ревность, но еще приказали, чтобы «весь этотъ мнимый бунтъ приписанъ былъ недоумѣнію и неискуству увѣщателей, чтобъ всякое слѣдствіе и розыскъ были тотчасъ пресѣчены, чтобъ по этому дѣлу никому не было чинено стѣсненія и если кто взятъ подъ стражу, то немедленно былъ бы освобожденъ» (59). Вмѣстѣ съ тѣмъ сенаторы донесли обо всемъ случившемся государю. Распространившіеся слухи о человѣчности сенаторовъ собрали къ нимъ духоборцевъ какъ харьковскихъ, такъ и изъ Екатеринославской губерніи. Въ это-то время Лопухинъ лично ознакомился съ духоборцами и вынесъ самое лестное мнѣніе о нихъ, которое и выразилъ какъ въ донесеніяхъ государю, такъ и въ своихъ «Запискахъ жизни». Между прочимъ, въ бесѣдахъ съ Лопухинымъ духоборцы выразили свое желаніе образовать особое поселеніе, гдѣ бы они могли жить отдѣльно отъ православныхъ. Желаніе ихъ было оформлено въ прошеніи, которое они подали Лопухину и въ которомъ просили исходатайствовать у государя удовлетвореніе ихъ желанія. Тогда Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій послали государю второе донесеніе, въ которомъ, передавая

просьбу духоборцевъ, ходатайствовали за нихъ и обращались къ милосердію государя (стр. 59—60).

Въ отвѣтъ на первое донесеніе Лопухина и Нелединскаго-Мелецкаго, Александръ I выразилъ имъ «истинную свою благодарность за поступокъ ихъ въ дѣлѣ духоборцевъ» и въ указѣ, данномъ на имя слободо-украинскаго гражданскаго губернатора, утвердилъ всѣ распоряженія сенаторовъ относительно духоборцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ указѣ этомъ было изображено общее направленіе, котораго правительство было намѣрено держаться по отношенію къ духоборцамъ. Предписывалось нетолько не тѣснить въ чѣмъ-либо духоборцевъ, но самыя «увѣщанія», служившія предлогомъ и источникомъ всякихъ стѣсненій, поборовъ, издѣвательствъ, были поставлены въ надлежащія нормы: «сіи увѣщанія, говорилось въ указѣ, не должны имѣть вида допросовъ, состязаній и открытаго образу ихъ мыслей насилія; но должны сами собою и непримѣтно изливаться къ нимъ *изъ добрыхъ нравовъ духовенства*, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и наконецъ изъ непринужденныхъ, къ случаю и съ видомъ ненамѣренности направленныхъ на ихъ положеніе разговоровъ; а *чтобы все сіе имѣло болѣе дѣйствія и чтобы они лучше почувствовали обязанности ихъ къ правительству, прежде всего нужно бы было дать имъ самимъ примѣтить, что оно объ нихъ печется* и послѣ претерпѣннаго ими раззоренія войти въ ихъ состояніе, что и поручаю вамъ немедленно исполнить, представивъ мнѣ о дѣйствительномъ положеніи ихъ хозяйства, о нуждахъ ихъ, обстроились ли они, имѣютъ ли домы, вступили ли въ хлѣбопашество, имѣютъ ли чѣмъ платить повинности? Все сіе скромностью и благоразуміемъ развѣдавъ, подробно мнѣ донесите, означивъ именно, сколько на построеніе домовъ ихъ, по количеству ихъ и по мѣстнымъ цѣнамъ, денегъ потребно, дабы получивъ свѣдѣніе сіе, могъ я дать о надлежащемъ имъ пособіи повелѣніе» (стр. 61).

Этотъ проникнутый замѣчательною гуманностью указъ былъ началомъ цѣлаго ряда правительственныхъ распоряженій, направленныхъ на улучшеніе положенія духоборцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ отвѣтъ на вышеупомянутое второе донесеніе Лопухина и Нелединскаго-Мелецкаго, послѣдовалъ высочайшій указъ, которымъ удовлетворялось желаніе духоборцевъ поселиться отдѣльно отъ православнаго населенія. Мѣстомъ поселенія назначалась мѣстность по р. Молочной, въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губ. Переселяться предоставлялось желающимъ; на каждую переселившуюся душу отводилось по 15 десятинъ земли. Переселенцамъ предоставлялись разныя льготы: такъ они освобождались на пять лѣтъ отъ всѣхъ податей; на подъемъ выдавалось каждому семейству по сто рублей, съ тѣмъ, что взысканіе означенной ссуды будетъ производиться только черезъ десять лѣтъ и притомъ уплата будетъ разсрочена на 20 лѣтъ, такъ что каждый годъ каждое семейство будетъ уплачивать только пять руб-

лей. Такія льготы были предоставлены, впрочемъ, только первымъ переселенцамъ. Духоборцамъ, пожелавшимъ переселиться на «Молочныя воды» въ послѣдующіе годы, подъемныхъ денегъ уже не выдавалось и имъ предоставлялась только пятилѣтняя и даже только двухлѣтняя льгота отъ податей (61—65).

Указомъ о переселеніи на Молочныя воды воспользовались очень многіе духоборцы. Первыми переселенцами были возвращенные изъ Сибири духоборцы Слободо-украинской и Екатеринославской губерніи, 30 семействъ въ количествѣ 296 душъ. Затѣмъ въ 1805 году переселилось 494 души тамбовскихъ и воронежскихъ духоборцевъ. Въ томъ же году были переселены духоборцы, находившіеся въ ссылкѣ въ Азовѣ. Затѣмъ переселенія духоборцевъ на Молочныя воды изъ разныхъ мѣстъ Россіи продолжались въ теченіе почти всего царствованія Александра I, вплоть до 1824 года.

Обнаруживая такую заботливость по отношенію къ духоборцамъ, уже наказаннымъ за ересь и, такимъ образомъ, какъ бы вознаграждая ихъ за понесенныя ими кары въ теченіи предшествующихъ царствованій, правительство оставляло безъ всякихъ преслѣдованій и вновь открывавшихся сектантовъ. Такъ, когда въ 1805 г. нѣсколько крестьянъ Новомосковскаго уѣзда Екатеринославской губерніи заявили себя духоборцами, они нетолько не подверглись никакому наказанію, но еще получили позволеніе переселиться на «Молочныя воды». Подобные случаи не рѣдко имѣли мѣсто и впослѣдствіи. Нѣсколько ранѣе, въ 1803 году, открылись духоборцы въ Тамбовской губерніи, и поэтому поводу былъ изданъ на имя тамбовскаго губернатора указъ, содержавшій общія правила, которыхъ должны были держаться губернскія власти и полиція по отношенію къ духоборцамъ. Именно, губернатору предписывалось войти въ соглашеніе съ мѣстнымъ архіереемъ о томъ, чтобы въ селенія, гдѣ есть духоборцы, опредѣлялись «кроткіе и благонравные» священники и чтобы послѣдніе не вступали «ни въ какіе споры и распри» съ духоборцами. Затѣмъ предписывалось оставлять духоборцевъ въ покоѣ, если они не обнаруживали «явнаго неповиновенія установленной власти», и *«по единому смыслу ихъ ереси» не судить и не обвинять ихъ*, какъ какихъ-либо преступниковъ; духовенству предписывалось избѣгать по возможности встрѣчи съ духоборцами, не посѣщать, напримѣръ, ихъ домовъ и т. п. Въ случаѣ произведенія духоборцами «явныхъ соблазновъ», они подвергались «сужденію по законамъ на нарушителей *общаго* благочинія постановленнымъ (стр. 39—57).

Приведенные указы прекрасно характеризуютъ благоразумную терпимость и гуманность, которыхъ держалось въ отношеніи къ духоборцамъ высшее правительство въ первую половину царствованія Александра I. Въ этомъ отношеніи тогдашнія правительственныя распоряженія представляли прямую и полную противоположность мѣрамъ, принимавшимся противъ духоборцевъ въ

предшествующія царствованія. Въ то время, какъ, напримѣръ, указъ 30-го марта 1800 года грозилъ вѣчною каторгою всѣмъ обличеннымъ въ духоборческой ереси, указомъ 1803 г., даннымъ на имя тамбовскаго губернатора Палицина, прямо опредѣлялось, что «по единому смыслу ихъ ереси» духоборцы судимы быть не могутъ и что они могутъ быть преслѣдуемы только въ случаѣ нарушенія *общихъ* законоположеній.

Однако, несмотря на такую радикальную перемѣну во взглядахъ высшаго правительства на духоборцевъ, ихъ положеніе не особенно улучшилось. Дѣло въ томъ, что агентами, приводившими въ исполненіе благія предначертанія правительства, оставались все тѣ же лица, которыя всего три года тому назадъ рвали ноздри духоборцамъ, сѣкли ихъ, ссылали въ Сибирь и т. п. Понятное дѣло, что радикально измѣнить свой образъ дѣйствія по отношенію къ духоборцамъ, какъ того требовало высшее правительство, эти агенты не могли. Г. Новицкій, пользующійся для исторіи этого времени почти исключительно одними указами, да губернаторскими донесеніями, представляетъ дѣло такъ, какъ будто духоборцы пользовались въ это время необыкновеннымъ благополучіемъ. Но въ дѣйствительности положеніе духоборцевъ оставалось такимъ же тяжелымъ, какъ оно было, напримѣръ, при Павлѣ I. Нарисованная г. Новицкимъ картина благополучія духоборцевъ является продуктомъ незнакомства его съ историческими документами, относящимися къ данной эпохѣ. Чтобы не уклоняться далеко отъ поставленной мною цѣли—ознакомленія читателей съ содержаніемъ книги г. Новицкаго, я приведу только одинъ документъ, знакомство съ которымъ значительно измѣнило бы оптимистическіе взгляды нашего автора. Эпизодъ, описываемый въ приводимомъ ниже документѣ, произошелъ какъ разъ въ то время, когда послѣдовалъ упомянутый выше замѣчательно гуманный указъ на имя тамбовскаго губернатора Палицина, и наглядно характеризуетъ ту пропасть, которая лежала между благими намѣреніями правительства и дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Вотъ этотъ документъ:

«Утромъ 16-го апрѣля 1803 года, къ квартирѣ тамбовскаго губернатора Палицина подъѣхалъ духоборецъ — крестьянинъ Зотъ Мукосѣевъ.

— Дома ли губернаторъ? спросилъ онъ у часового солдата Князева.

— Ихъ превосходительства нѣтъ дома, отвѣтилъ Князевъ.

— Такъ доложите обо мнѣ губернаторшѣ, продолжалъ Мукосѣевъ:—я привезъ гостинецъ.

Губернаторскій дворецкій Кузьминъ подошелъ было къ возу и хотѣлъ посмотрѣть, что тамъ за гостинецъ, но Мукосѣевъ отстранилъ его, распрегъ лошадь, сѣлъ на нее верхомъ и поѣхалъ, а возъ оставилъ у губернаторскаго крыльца. Разумѣется, губернаторскіе дворовые поспѣшили раскрыть возъ и увидѣли тамъ мертвое тѣло, покрытое синебагровыми пятнами и рубцами... То

было тѣло краснодубровскаго (Тамбовскаго уѣзда) духоборца Петра Дробышова, засѣченнаго чинами земской полиціи.

Мукосѣева догнали, привели въ полицію и стали допрашивать. Вотъ что показалъ онъ на этомъ допросѣ:

«13-го апрѣля, крестьянинъ Ермаковъ привелъ ко мнѣ родного брата моего Сергѣя, а за ними шло много людей, мужчинъ и женщинъ. Братъ мой едва стоялъ на ногахъ и его держали подъ руки. Брата уложилъ я на полати, а Ермаковъ объявилъ мнѣ: «Твой Сергѣй боленъ отъ наказанія, сдѣланнаго ему публично съ прочими нашего села 5-ю человѣками духоборцами, а наказывалъ ихъ за вѣру засѣдатель фонъ-Меникъ». На другой день пошелъ я провѣдать наказанныхъ, между прочимъ зашелъ къ Петру Дробышову, а онъ ужь былъ мертвъ. Около его тѣла сидѣлъ маленькій сынъ его, а какъ звать—не помню, и плакалъ... Тогда я взялъ мертвое тѣло Дробышова и поѣхалъ съ нимъ къ губернатору просить защиты»...

По поводу этого дѣла губернаторъ Палицинъ вошелъ съ особымъ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ.

«Всему семейству, писалъ онъ:—за небытностью моею въ домѣ причинено было крайнее смятеніе, обида и великое оскорбленіе».

По обыкновенію стали производить послѣ всего этого слѣдствіе, во время котораго обнаружилось слѣдующее:

Фонъ-Меникъ наказывалъ краснодубровцевъ нещадно. Онъ принуждалъ духоборческихъ дѣвушекъ цѣловать его, заковывалъ краснодубровцевъ въ ножныя колодки и производилъ съ нихъ большіе поборы, такъ что однихъ кушаковъ набралъ на 30 руб. Но, не довольствуясь этимъ, онъ потребовалъ еще 100 рублей денегъ. «А если не дадите мнѣ 100 рублей, говорилъ фонъ-Меникъ духоборцамъ села Красно-Дуброва, буду бить васъ кнутомъ и сошлю въ ссылку».

Краснодубровцы почему-то не могли выплатить фонъ-Менику 100 рублей. Тогда грозный засѣдатель тамбовскаго нижняго земскаго суда дѣйствительно началъ нещадно сѣчь ихъ. Сѣкъ онъ ихъ за то, что они духоборцы. Сѣченіе производилось въ три плети и было настолько жестоко, что кромѣ Петра Дробышова умеръ отъ него еще отецъ его, Филиппъ Дробышовъ. Послѣдній умеръ на пятый день послѣ экзекуціи.

Къ слѣдствію вызванъ былъ и врачъ, по фамиліи Друговъ. Ему поручено было осмотрѣть трупы наказанныхъ и дать объ нихъ свое заключеніе. Это заключеніе было выражено въ слѣдующихъ словахъ: «Наказаніе краснодубровскимъ духоборцамъ было дано соразмѣрное и умерли духоборцы, вѣроятно, отъ ядопринятія, отъ какого могли произойти и синебагровыя пятна и иные знаки на спинѣ и животѣ наказанныхъ».

Результатомъ всѣхъ этихъ дѣйствій тамбовской земской полиціи было то, что краснодубровскіе духоборцы совершенно ожесточились. «Вашего пѣнія и чтенія, говорили они чинамъ полиціи:—мы ни за что слушать не будемъ».

Дѣло это кончилось тѣмъ, что многихъ краснодубровскихъ духоборцевъ еще высѣкли плетьми, а Зота Мукосѣева сослали на поселеніе въ Кольскій уѣздъ»[1].

Разсказанная исторія была далеко не единственною въ описываемую эпоху. Несмотря на то, что бо̀льшая часть документовъ, касающихся исторіи духоборцевъ, тлѣетъ пока въ шкафахъ и погребахъ провинціальныхъ архивовъ, уже на основаніи опубликованныхъ матеріаловъ можно было бы привести нѣсколько такихъ же фактовъ, какъ и только-что приведенные.

Вообще, въ теченіи всего царствованія Александра I идутъ постоянныя слѣдствія, суды и ссылки духоборцевъ.

Такъ, въ 1802 году были сосланы на поселеніе въ Колу, Архангельской губерніи, духоборцы села Михайловскаго, Ставропольскаго уѣзда, принадлежавшаго тогда къ Астраханской губерніи, за то, что они «съ шумомъ выступили на торжище и открыто начали разсѣвать свое ученіе» (стр. 111). Въ 1806 г. были сосланы въ Соловецкій монастырь четверо духоборцевъ, изъ которыхъ трое пострадали за то, что «неоднократно повторяли, что бесѣдуютъ съ Богомъ и что рады потерпѣть всѣ истязанія, лишь бы удостоиться мученическаго вѣнца и внити въ царство небесное», а четвертый, «жившій прежде мирно и покойно и желавшій переселиться на «Молочныя воды», за то, что «вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе переселиться, потому что для него теперь вездѣ молочныя воды, и увлекся примѣромъ фанатиковъ, мнимо бесѣдующихъ съ Богомъ» (стр. 112 113). Въ 1807 г., въ Сибири духоборцы «произвели возмутительныя дѣйствія явнымъ разглашеніемъ своихъ толковъ», т. е. по просту, открыто исповѣдали свое ученіе; и вотъ это вызвало слѣдующій указъ сибирскому генералъ-губернатору: «Духоборцевъ, приличившихся въ явномъ соблазнѣ, нарушающемъ общій порядокъ и спокойствіе, годныхъ отдать въ военную службу, причисляя ихъ въ гарнизонные полки, въ сибирскихъ губерніяхъ расположенные, а негодныхъ разослать въ работу, тѣхъ, кои не свыше сорока лѣтъ, въ нерчинскіе заводы, а которые старѣе—въ казенный селенгинскій соляной заводъ» (стр. 113). Въ 1811 г., двое рядовыхъ, Поповъ и Боровковъ, за отпаденіе отъ православной вѣры въ духоборство были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь въ нерчинскіе заводы (стр. 75 и 77). Въ 1816 г. были наказаны плетьми и сосланы въ Сибирь крестьяне села Михайловки, Мелитопольскаго уѣзда—пять мужчинъ и три женщины; одна изъ женщинъ была беременна и потому ей наказаніе было отложено до разрѣшенія отъ бремени (стр. 75). И т. д., и т. д.

Особенно плохо приходилось тѣмъ духоборцамъ, которые попадали въ военную службу. Такъ въ первую турецкую войну духоборцы, находившіеся въ Вологодскомъ полку подъ Переко-

---

[1] Дѣло объ этомъ хранится въ архивѣ тамбовскаго губернскаго правленія. «Историч. Вѣстникъ», 1880 г., № 2. *Дубасова.*

помъ, побросали оружіе во время сраженія [1]. Въ 1807 г. два казака изъ духоборцевъ, отказавшіеся повиноваться своимъ военнымъ властямъ, были приговорены къ смертной казни; приговоръ былъ смягченъ Константиномъ Павловичемъ и замѣненъ ссылкою въ цѣпяхъ въ Соловецкій монастырь. Въ 1809 г. рядовые кіевскаго гарнизоннаго полка отказались, какъ духоборцы, принять амуницію и провіантъ, и отправлять военную службу; ихъ было опредѣлено, послѣ увѣщанія, сослать въ нерчинскіе заводы на каторгу. Въ 1817 г. крестьянинъ Семенъ Матросовъ, сданный помѣщикомъ въ рекруты, отказался отъ присяги и не захотѣлъ поступать въ военную службу. Подобные случаи неоднократно бывали и впослѣдствіи. Въ концѣ концовъ, однако, правительство принуждено было допустить смягченія. Такъ въ 1817 г., по поводу отказа отъ присяги упомянутаго Матросова, комитетомъ министровъ было постановлено: «духоборцевъ принимать въ службу безъ принужденія къ присягѣ», что было подтверждено также государственнымъ совѣтомъ въ 1820 г. (стр. 117 — 118). А въ настоящее время рекрутъ изъ духоборцовъ, а также и изъ молоканъ, распредѣляютъ въ санитарныя части арміи, въ госпиталя, въ обозъ и тому под. [2].

Кромѣ ссылокъ, плетей и другихъ наказаній, опредѣляемыхъ духоборцамъ по суду, они не мало натерпѣлись отъ полиціи, духовенства и массы православнаго населенія. Съ духоборцевъ брали рекрутъ не въ очередь; издѣвательства сыпались на нихъ отовсюду; взятки съ нихъ бралъ всякъ, кто хотѣлъ, и т. д. Подаваемыя духоборцами жалобы на эти притѣсненія оставались безъ послѣдствій; а если духоборцы доводили свои жалобы до государя, то нерѣдко эти жалобы оказывались въ рукахъ ловкихъ слѣдователей совершенно безпричинными, никакихъ притѣсненій духоборцамъ не оказывалось и сами они являлись просто безпокойными людьми, неосновательнно утруждающими начальство своими прошеніями (стр. 66 и 115).

Эти постоянныя притѣсненія дѣлали положительно невыносимою жизнь духоборцевъ на мѣстѣ ихъ родины и заставляли ихъ искать новыхъ мѣстъ для поселенія. Такъ, значительное число духоборцевъ устремилось на Молочныя воды, гдѣ жизнь духоборцевъ была обставлена сравнительно лучшими условіями. Другіе стремились уйти въ пограничныя мѣстности Россіи и тамъ образовать новыя духоборческія поселенія. Такъ, были случаи добровольнаго переселенія духоборцевъ на Кавказъ, нѣкоторое количество духоборцевъ выселилось въ Сибирь, хотя не совсѣмъ добровольно. Наконецъ, однажды духоборцы сдѣлали попытку заселить своими единовѣрцами устья Дуная. Именно въ 1811 г. два повѣренныхъ отъ духоборцевъ Рязанской, Там-

[1] Чтенія въ Имп. Об. Ист, и Др., 1864 г., кн. 4-я. Ст. И. В. Лопухина, стр. 48.

[2] «Русскій Міръ», 1876 г., 5-го ноября. «Раскольники въ русской арміи».

бовской, Воронежской, Саратовской, Астраханской и Оренбургской губерній, всего отъ 4,000 душъ мужескаго пола, подавали на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ они, «тѣснимые отовсюду и разными образы», выражали желаніе «водвориться въ краю, новозавоеванномъ отъ Отоманской Порты», т. е. съ правой стороны Дуная, внизъ по теченію къ г. Тульчѣ, на рѣкѣ Дунаевцѣ, или съ лѣвой стороны, между городами Измаиломъ и Киліею. Однако, это ходатайство духоборцевъ не было удовлетворено, подъ предлогомъ «обстоятельствъ настоящаго времени», именно французской войны (стр. 68—69).

На Молочныхъ водахъ духоборцамъ жилось сравнительно не дурно, и потому сюда постоянно стремились толпы духоборцевъ. Кромѣ упомянутыхъ выше партій переселенцевъ, на Молочныя воды разновременно выселились духоборцы изъ губерній Тамбовской, Кавказской, Таврической и Архангельской, Финляндіи и нѣкоторые изъ Сибири. Сначала поощряемое правительствомъ, выселеніе духоборцевъ на Молочныя воды впослѣдствіи стало встрѣчать всякія препятствія. Такъ въ 1817 г. было остановлено выселеніе духоборцевъ Пензенской губерніи, въ томъ же году воспрещено переселеніе нѣсколькимъ духоборцамъ Архангельской губерніи, вообще такіе случаи были довольно часты. Многіе духоборцы не могли переселиться потому, что были крѣпостными. Наконецъ, въ 1822 и 1824 гг. были переселены вновь открытые духоборцы Войска Донского и этимъ было закончено собираніе духоборцевъ на Молочныхъ водахъ (стр. 69—80).

Поселенные на Молочныхъ водахъ духоборцы образовали девять деревень, расположенныхъ по рѣкѣ Молочной и при ея лиманѣ. Центромъ поселенія служила деревня *Терпѣніе*, въ которой находились «духоборческое волостное управленіе и общественный, такъ называемый, *сиротскій домъ*», деревянное большое зданіе съ рощею фруктовыхъ и лѣсныхъ деревьевъ, съ прекраснымъ ключевымъ протокомъ и двумя фонтанами. Домъ этотъ духоборцы называли между собой *Сіономъ*. Въ сиротскомъ домѣ содержалось для пропитанія нѣсколько мужчинъ и женщинъ; кромѣ того, тутъ же помѣщали обыкновенно дѣвицъ, которыя, затвердивъ псалмы, дѣлались потомъ церковными пѣвицами» (стр. 83—84). Хозяйство молочныхъ духоборцевъ было въ очень цвѣтущемъ состояніи, благодаря обилію земли, общинному веденію хозяйства и воспріимчивости духоборцевъ къ сельско-хозяйственнымъ усовершенствованіямъ. Общее количество земли, отведенное въ пользованіе молочанскимъ духоборцамъ, равнялось 49,235 дес., изъ которыхъ болѣе 45,000 дес. было удобной; на каждую душу мужескаго пола приходилось гораздо болѣе 15 дес., нормы, установленной для казенныхъ крестьянъ той мѣстности (стр. 79—80). Землю эту духоборцы «обдѣлывали сообща, а жатву дѣлили поровну. Устроены были и запасные магазины хлѣба на случай голода. Съ успѣхомъ введены также многія отрасли промышленности, между прочимъ, производство поясовъ

и красивыхъ шерстяныхъ шапокъ» (стр. 84) [1]. Духоборцы «охотно перенимали отъ своихъ сосѣдей менонитовъ-колонистовъ всѣ полезныя, перенесенныя изъ Германіи улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ, тогда какъ другіе русскіе оставались совершенно равнодушны къ тому. Многіе дома у нихъ построены были на нѣмецкій образецъ. Многіе мужчины переняли отъ колонистовъ даже одежду, тогда какъ православные носили прежній дырявый зипунъ и лапти» (стр. 85).

«Относительно нравственной стороны въ жизни духоборцевъ еще въ 1792 г. екатеринославскій губернаторъ Каховскій, въ своемъ донесеніи генералъ-прокурору Вяземскому объ екатеринославскихъ духоборцахъ, перешедшихъ послѣ на Молочныя воды, отзывался, что они ведутъ жизнь примѣрно хорошую и, уклоняясь отъ пьянства и праздности, неусыпно пекутся о своемъ домостроительствѣ и благонравны. Государственныя подати и другія общественныя повинности несутъ исправно. Лѣность и пьянство нетерпимы у нихъ до того, что зараженныхъ этими пороками исключаютъ изъ своего общества. Въ 1807 г. мѣстное начальство также отзывалось о мелитопольскихъ духоборцахъ, что всѣ они вообще дѣятельны, неутомимы въ работахъ и усердны къ сельскому хозяйству: какъ трезвые и зажиточные, оказываются

---

[1] Въ этомъ мѣстѣ г. Новицкій приводитъ нѣсколько сказокъ о Капустинѣ, главѣ и организаторѣ молочанскихъ духоборцевъ. Нелѣпость этихъ сказокъ очевидна сама собою. Все, что имѣли духоборцы, составляло общее достояніе и всѣмъ распоряжался Капустинъ. Впослѣдствіи Капустинъ будто бы «продалъ общественный скотъ, оставивъ общинѣ только часть его, и изъ прочаго достоянія часть раздѣлилъ между всѣми духоборцами, а важнѣйшую удержалъ у себя, и такимъ образомъ оставилъ своему роду богатое достояніе». Вслѣдъ за этими словами г. Новицкій приводитъ извѣстіе, которое стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ сказаннымъ, и потому заставляетъ видѣть въ цитированномъ мѣстѣ просто вымыселъ. Именно г. Новицкій говоритъ: «Дѣлежъ былъ самовольный; нѣкоторые считали у себя до 1,000 штукъ скота, а получили только сотню.» Но если все было общимъ достояніемъ, если хозяйство было общинное, то какъ же «нѣкоторые могли насчитывать *у себя* до 1,000 штукъ скота»?

Приведенная сказка о Капустинѣ заимствована г. Новицкимъ изъ одной изъ статей, помѣщенныхъ въ «Трудахъ Кіевской Дух. Акад.», о которыхъ я уже говорилъ выше. Статья эта, по всѣмъ основаніямъ, какъ и г. Новицкій полагаетъ, написана священникомъ села Новоалександровки, сосѣдняго съ духоборческими деревнями. Любопытно, что г. Новицкій самъ приводитъ примѣръ крайней недобросовѣстности автора помянутой статьи. Именно, разсказавъ о внѣшнемъ образѣ жизни духоборцевъ, онъ замѣчаетъ: «Въ цитированной выше «Запискѣ о духоборцахъ» («Тр. К. Д. Ак.», 1876 г., августъ) неизвѣстный авторъ тоже приводитъ дословно это описаніе, но отъ своего имени и, судя по подписи, какъ будто составленное имъ въ 1841 г., между тѣмъ, какъ вся его статья (№ V, стр. 395—6) дословно списана изъ оффиціальнаго акта 1807 г.». Г. Новицкій выразился не совсѣмъ ясно: списана не вся статья, а только тотъ отдѣлъ ея (стр. 395—396), который трактуетъ о внѣшнемъ образѣ жизни духоборцевъ. Но отъ этой неточности г. Новицкаго дѣло не измѣняется.

всегда самыми исправными плательщиками податей и повинностей. Въ обхожденіи съ начальствующими лицами переселенцы покорны и развязнѣе въ сравненіи съ другими русскими; а съ физической стороны, мужчины, бо́льшею частью, рослы, женщины—красивы. Дѣйствительный камергеръ Жеребцовъ, по высочайшему повелѣнію обозрѣвая въ 1808 г. нѣкоторыя изъ южныхъ губерній, посѣтилъ и духоборцевъ на Молочныхъ водахъ. Онъ нашелъ, что переселенцы хорошо водворились на мѣстѣ и обзавелись скотоводствомъ, что они трезвой и трудолюбивой жизни, и въ своемъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ писалъ, что вмѣсто какихъ-либо жалобъ они единственно выражаютъ правительству свою признательность за то спокойствіе, какимъ здѣсь наслаждаются» (стр. 86—87).

Казалось бы, что засвидѣтельствованныя столькими оффиціальными лицами трудолюбіе духоборцевъ, ихъ трезвость, нравственность, исправность въ платежѣ податей, покорность и признательность правительству должны были вызвать по отношенію къ духоборцамъ лишь покровительство правительства, а не притѣсненія и преслѣдованія. Правда, высшее правительство, въ лицѣ императора Александра I и министра внутреннихъ дѣлъ, покровительствовало молочанскимъ духоборцамъ вплоть до конца второго десятилѣтія настоящаго столѣтія и еще въ 1818 г. императоръ, остановившись, во время своего путешествія въ Крымъ, въ одномъ изъ духоборческихъ селеній и будучи пораженъ цвѣтущимъ состояніемъ занятого духоборцами края, оказалъ имъ знаки своего покровительства: приказалъ немедленно возвратить на родину всѣхъ сосланныхъ духоборцевъ, за которыхъ просили ихъ единовѣрцы (стр. 75). Но даже личное покровительство духоборцамъ Александра I не могло измѣнить отношенія къ нимъ второстепенныхъ и низшихъ членовъ администраціи и духовенства, которые частію изъ корыстныхъ видовъ, частію по неразумію, всячески тѣснили мирныхъ и трудолюбивыхъ сектантовъ. Предлогомъ для возбужденія преслѣдованій служило то обстоятельство, что духоборцы «совращаютъ православныхъ въ свою секту». «Совращали» ли духоборцы православныхъ или послѣдніе сами совращались, увлеченные примѣромъ нравственной жизни духоборцевъ и широкимъ развитіемъ общинности въ духоборческихъ селахъ — остается неизвѣстнымъ. Вѣрнѣе сдѣлать второе предположеніе, такъ какъ вообще извѣстно, что масса прозелитовъ новаго вѣроученія всегда принимаетъ его помимо всякой пропаганды, путемъ исключительно житейско-нравственнаго вліянія приверженцевъ новаго ученія. Къ тому же, произведенными слѣдствіями, какъ мы увидимъ ниже, никакой пропаганды духоборчества открыто не было. Какъ бы то ни было, администрація и духовенство, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что духоборство дѣйствительно распространялось въ сосѣднихъ съ Молочными водами мѣстностяхъ среди православныхъ, безнаказанно совершали самыя возмутительныя насилія надъ духо-

борцами. При этомъ эти, яко бы ревнители православія не церемонились относительно средствъ и прибѣгали къ помощи лицъ, изгнанныхъ изъ духоборческихъ обществъ за воровство, пьянство, распутство и т. п., какъ это, впрочемъ, дѣлаютъ и теперь по отношенію къ новымъ сектантамъ, напр., шалапутамъ. На основаніи показаній этихъ-то завѣдомо безнравственныхъ лицъ, дѣлались набѣги на духоборческія поселенія, хватали и арестовывали первыхъ встрѣчныхъ и держали ихъ по годамъ въ тюрьмахъ. Чтобы не показаться голословнымъ, я разскажу подробно одну изъ такихъ печальныхъ исторій, тѣмъ болѣе, что она находится въ тѣсной связи съ дальнѣйшей исторіей молочанскихъ духоборцевъ.

Нѣкто Ефимъ Макѣевъ былъ исключенъ изъ духоборческаго общества за распутство и пожелалъ отомстить своимъ бывшимъ единовѣрцамъ. По его доносу, обвинявшему духоборцевъ въ различныхъ преступленіяхъ и не подкрѣпленному никакими фактическими доказательствами, мѣстная администрація арестовала 16 духоборцевъ. Несчастные были продержаны въ тюрьмѣ три года и затѣмъ выпущены на свободу, такъ какъ никакихъ уликъ противъ нихъ не было найдено. Между тѣмъ, въ это время духоборцы удалили изъ своей среды еще двухъ негодныхъ членовъ, Баева и Базилевскаго, перваго за утайку ста мѣръ хлѣба, взятаго на сохраненіе у одного поселянина, а второго просто за воровство. Эти отщепенцы духоборческаго общества были приняты въ лоно православной церкви и, какъ сказано въ одномъ оффиціальномъ документѣ, «сдѣлались злѣйшими врагами своихъ прежнихъ односельчанъ». Съ ними-то сошолся Макѣевъ и подстрекалъ ихъ подать доносъ на духоборцевъ о томъ, что они совращаютъ православныхъ въ свою секту, ведутъ развратный образъ жизни, принимаютъ къ себѣ бѣглыхъ и т. п. Доносъ былъ поданъ. Между тѣмъ въ это время возникло дѣло о самомъ Макѣевѣ и онъ оказался бѣглымъ изъ Сибири; его арестовали и снова сослали въ Сибирь. Тѣмъ не менѣе доносы Макѣева и его товарищей, Баева и Базилевскаго, были приняты во вниманіе и согласно съ ними были арестованы духоборческіе учителя Кириллъ Колесниковъ, Голубовъ и Черновъ, изъ которыхъ двое послѣднихъ были продержаны въ тюрьмѣ по году, а первый — два года, послѣ чего всѣ трое, какъ невинные, были освобождены. На этомъ, однако, дѣло не остановилось, и вслѣдъ за тѣмъ, 11 февраля 1816 года, на духоборческія поселенія нагрянули засѣдатель мелитопольскаго нижняго земскаго суда Ковтуновскій и священникъ о. Налимскій. Имъ была отведена квартира въ домѣ одного духоборца. Здѣсь они подгуляли, и о. Налимскій совершалъ разныя непристойности и наконецъ полѣзъ въ драку. Это нашествіе засѣдателя и священника кончилось тѣмъ, что о поведеніи о. Налимскаго было произведено слѣдствіе и онъ былъ наказанъ четырехмѣсячнымъ содержаніемъ въ монастырѣ. Затѣмъ засѣдатель Ковтуновскій снова

явился въ сел. Терпѣніе, арестовалъ 73-лѣтняго старика, Савелія Капустина, наиболѣе видную личность среди тогдашнихъ духоборцевъ, игравшаго роль организатора молочанскихъ духоборцевъ, и представилъ его подъ крѣпкимъ карауломъ въ уѣздный судъ. Здѣсь Колесникова подвергли допросу, причемъ вынуждали у него признаніе въ распространіи духоборческой секты. Капустинъ просилъ указать, кого именно онъ совратилъ въ духоборчество. Уѣздный судъ объявилъ ему, что о томъ показали крестьянинъ Поваляевъ съ женою и дѣтьми. Это была наглая ложь, такъ какъ Поваляевъ и его семейство никогда не дѣлали такихъ показаній, какія имъ приписывались уѣзднымъ судомъ. Капустинъ стоялъ на своемъ и отвергалъ обвиненіе въ совращеніи кого бы то ни было. Тогда его заковали въ кандалы и отправили въ тюрьму, а на другой день снова потянули на допросъ. 73-лѣтній старикъ, Капустинъ, былъ къ тому же тяжело боленъ и потому неоднократно падалъ въ обморокъ по дорогѣ изъ тюрьмы въ судъ и обратно. Несмотря, однако, на болѣзненное состояніе Капустина, онъ былъ заключенъ въ тюрьму и брошенъ безъ всякаго присмотра. Здѣсь за нимъ ухаживали арестанты, оказавшіеся болѣе человѣчными, чѣмъ представители тогдашней юстиціи. Случившійся въ это время въ г. Орѣховѣ (гдѣ все это происходило) духоборецъ Перепелкинъ просилъ у городничаго позволенія оказать Капустину медицинскую помощь. Городничій позволилъ. Тогда Капустинъ былъ перенесенъ въ безчувственномъ состояніи въ полицію, гдѣ его осмотрѣлъ докторъ и нашелъ близкимъ къ смерти. Несмотря на то, что докторъ считалъ необходимымъ перенести Капустина въ какое-нибудь теплое мѣсто и тамъ лечить, несчастнаго старика снова отправили въ тюрьму. Въ это время херсонскій военный губернаторъ Ланжеронъ, объѣзжая ввѣренныя ему губерніи, прибылъ, между прочимъ, и въ Мелитопольскій уѣздъ. Мѣстныя власти немедленно донесли ему, что духоборцы совращаютъ въ свою секту «своихъ сосѣдей, россійской породы поселянъ», и что корень всему злу арестованный «капралъ гвардіи» Капустинъ. Между тѣмъ и духоборцы, узнавъ о прибытіи Ланжерона, отправили къ нему повѣренныхъ просить о защитѣ отъ притѣсненій администраціи и суда. Настроенный мѣстными властями враждебно по отношенію къ духоборцамъ, Ланжеронъ встрѣтилъ ихъ повѣренныхъ слѣдующей тирадой: «Вы не знаете Бога и Императора; еслибъ я былъ императоромъ, то побилъ бы всѣхъ васъ изъ пушекъ и ружей!» Вслѣдъ затѣмъ Ланжеронъ, прибывши въ Орѣховъ, подвергъ допросу Капустина и снова отправилъ его въ тюрьму. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ланжеронъ счелъ себя настолько изучившимъ положеніе дѣлъ, что немедленно же послалъ министру полиціи донесеніе, въ которомъ указывалъ на опасности, будто бы угрожающія отъ духоборцевъ православному населенію Мелитопольскаго уѣзда, и предлагалъ переселить всѣхъ духоборцевъ въ сосѣдство съ татарами или другого какого-либо

исповѣданія колонистами, только бы не русскаго происхожденія
Въ тоже время духоборцы, не разсчитывая болѣе на справедливость мѣстныхъ властей и возлагая всѣ надежды единственн на императора, подали на высочайшее имя прошеніе, въ которомъ они разсказали всѣ приведенныя выше обрушившіяся н нихъ притѣсненія и гоненія (стр. 87—90).

Такимъ образомъ, высшее правительство получило одновременно два прямо противорѣчащіе другъ другу документа. Однако, духоборцы не даромъ возлагали надежды на императора онъ понялъ, на чьей сторонѣ была правда и 10 октября 1816 г предписалъ чрезъ комитетъ министровъ потребовать отъ Ланжерона объясненія по поводу жалобы духоборцевъ и приказать ему чтобы духоборцы не были изнуряемы подъ стражею, а напротивъ была бы имъ оказываема законная защита. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ рескриптъ на имя херсонскаго военнаго губернатора, въ которомъ съ одной стороны высказывалось полное недовѣріе къ его донесеніямъ о развратной жизни духоборцевъ, объ ихъ зловредныхъ для общества правилахъ и желаніи разсѣвать оныя между другими, а съ другой прямо высказывалась та мысль, что «просвѣщенному правительству христіанскому не приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими, суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобнымъ»; затѣмъ предписывалось, чтобы военный губернаторъ, «не полагаясь ни на чьи донесенія», самъ узналъ образъ жизни и поведеніе духоборцевъ, «взирая на нихъ окомъ безпристрастнымъ попечительнаго начальника, ищущаго пользы правительства въ благѣ частномъ ввѣренныхъ ему людей». «Надобно, говорилось далѣе въ рескриптѣ:—чтобы они, духоборцы, *могли почувствовать*, что они состоятъ подъ охраненіемъ и покровительствомъ законовъ; и *тогда только* надежнѣе можно ожидать отъ нихъ любви и привязанности къ правительству и взыскивать исполненія по законамъ его»... Наконецъ, рекомендовалось поменьше довѣрять доносамъ, которые могутъ быть подаваемы по злобѣ или мщенію, особенно со стороны обратившихся въ православіе, и за проступки отдѣльныхъ членовъ духоборческаго общества не подвергать преслѣдованію все общество (стр. 91—95).

Вмѣстѣ съ тѣмъ таврическій гражданскій губернаторъ Лавинскій получилъ предписаніе отъ комитета министровъ произвести дознаніе относительно обстоятельствъ, изложенныхъ въ просьбѣ духоборцевъ и донесеніяхъ херсонскаго военнаго губернатора. Лавинскій сперва самъ отправился на Молочныя воды, а затѣмъ командировалъ туда надежнаго чиновника. Къ какимъ результатамъ привели Лавинскаго его личныя наблюденія, остается неизвѣстнымъ; но, по всей вѣроятности, духоборцы произвели на него благопріятное впечатлѣніе, такъ какъ онъ впослѣдствіи ходатайствовалъ за нихъ. Все же, разслѣдованное командированнымъ чиновникомъ, говорило въ пользу духоборцевъ. Чиновникъ бралъ съ собою доносчиковъ Баева и Базилевскаго, обвинявшихъ

духоборцевъ въ развратной жизни, въ держанiи бѣглыхъ и т. п. Они переодѣтые ходили по селенiямъ и по домамъ, но никакихъ бѣглыхъ не нашли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, произведеннымъ слѣдствiемъ было обнаружено, что они сдѣлали доносъ по злобѣ, будучи исключены изъ духоборческаго общества за предосудительные поступки. Относительно же нравственности духоборцевъ губернаторскiй чиновникъ убѣдился и доносилъ, что они трудолюбивы, добропорядочной жизни и не терпятъ въ своей средѣ порочныхъ членовъ. Требовалъ чиновникъ къ допросу и Капустина, незадолго передъ тѣмъ отпущеннаго на поруки; но Капустинъ оказался уже умершимъ. Не довѣряя, однако, заявленiю духоборцевъ о смерти Капустина, чиновникъ велѣлъ откопать гробъ и въ присутствiи Баева и Базилевскаго, изъ которыхъ послѣднiй хорошо зналъ Капустина, освидѣтельствовалъ трупъ, но не открылъ ничего, могшаго подкрѣпить возникшее у него подозрѣнiе о томъ, что погребенный былъ не Капустинъ, а кто-либо другой. Въ результатѣ этого разслѣдованiя было донесенiе губернатора Лавинскаго министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ онъ полагалъ необходимымъ оставить духоборцевъ на прежнемъ мѣстѣ (95—96).

Херсонскаго военнаго губернатора Ланжерона, однако, не удовлетворило разслѣдованiе, произведенное Лавинскимъ. Возненавидѣвъ духоборцевъ за тѣ непрiятныя объясненiя, которыя были отъ него потребованы по поводу ихъ прошенiя, онъ всячески старался очернить ихъ въ глазахъ высшаго правительства и тѣмъ возстановить свою собственную репутацiю. Въ этихъ видахъ онъ предписалъ таврическому губернатору снова произвести слѣдствiе надъ духоборцами чрезъ «расторопнаго» чиновника. Такимъ оказался бахчисарайскiй полицмейстеръ Ананичъ, начавшiй разслѣдованiе приглашенiемъ къ себѣ въ помощники все тѣхъ же Баева и Базилевскаго. Въ это время по мелитопольскому уѣзду разъѣзжали квартирмистры одного гусарскаго полка для занятiя квартиръ; Ананичъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, нарядилъ Базилевскаго въ военное платье и поручилъ ему ходить подъ видомъ квартирмистра по домамъ духоборцевъ и хватать «сомнительныхъ людей». Базилевскiй проѣхалъ всѣ духоборческiя селенiя, но ни «сомнительныхъ», ни «подозрительныхъ» людей не нашелъ; тѣмъ не менѣе, онъ, при помощи засѣдателя нижняго земскаго суда, арестовалъ ни съ того ни съ сего 40 человѣкъ духоборцевъ, которые, по доставленiи въ Орѣховъ, оказались мирными обывателями, ничѣмъ не заслужившими того безцеремоннаго ареста, которому они подверглись. Вслѣдъ за тѣмъ Ананичъ началъ изслѣдовать дѣло о смерти Капустина. Снова былъ вырытъ его гробъ и снова подвергли освидѣтельствованiю его трупъ. При этомъ оказалось чудо: трупъ, который при первомъ освидѣтельствованiи, въ присутствiи Базилевскаго, оказался Капустинымъ, теперь сдѣлался совершенно непохожимъ на Капустина, что засвидѣтельствовали

тотъ же Базилевскій, упоминавшійся выше засѣдатель Ковтуновскій и какой-то поселянинъ Остриновъ. Очевидно, это былъ ловкій фокусъ [1], тѣмъ болѣе удобный, что высшія правительственныя лица, не зная Капустина въ лицо, не могли знать, насколько правды въ утвержденіяхъ лицъ, свидѣтельствовавшихъ трупъ Капустина. Тѣмъ не менѣе, фокусъ этотъ очевидно не удался, такъ какъ таврическій гражданскій губернаторъ, по поводу донесенія Ананича, лично отправлявшійся на Молочныя воды и производившій разслѣдованія на мѣстѣ, въ своемъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ совсѣмъ не упоминаетъ о подмѣнѣ трупа. Въ этомъ донесеніи таврическій губернаторъ отозвался о духоборцахъ самымъ лестнымъ образомъ: духоборцы, по его словамъ, кротки и воздержны; пьянство у нихъ строго преслѣдуется; воровство и другіе пороки совершенно неизвѣстны на Молочныхъ водахъ; въ судахъ о духоборцахъ не производится никакихъ дѣлъ, кромѣ дѣлъ по обвиненію въ отступленіи отъ православія. Духоборцы «весьма трудолюбивы, занимаются обширнымъ земледѣліемъ и имѣютъ большое скотоводство, выдѣлываютъ сукно, ткутъ холстъ, дѣлаютъ кушаки и другія нужныя для собственнаго употребленія вещи. Есть также у нихъ громадные и хорошаго качества конскіе заводы». Никакихъ дезертировъ и бѣглыхъ людей на Молочныхъ водахъ не оказалось, и доносчики, обвинявшіе духоборцевъ въ укрывательствѣ, сами оказались людьми, исключенными изъ духоборческаго общества за безнравственность, и злѣйшими врагами духоборцевъ. Отрицалъ таврическій губернаторъ и совращеніе духоборцами православныхъ; такъ онъ указывалъ на слѣдующіе два факта: въ духоборческихъ селеніяхъ ежегодно находилось до 60 православныхъ рабочихъ, и никто изъ нихъ не былъ совращенъ; среди духоборческихъ слободъ лежитъ селеніе Новоалександровское, населенное православными, которые постоянно сталкиваются съ духоборцами, и однако никто изъ нихъ не перешелъ въ духоборчество (стр. 96—99).

Такимъ образомъ въ результатѣ нѣсколькихъ слѣдствій и разслѣдованій оказалось, что духоборцы страдали совершенно невинно, что мѣстныя власти дѣйствовали по отношенію къ нимъ противозаконно и что донесенія херсонскаго военнаго

---

[1] Г. Новицкій серьёзно полагаетъ, что Капустинъ былъ еще живъ во время разсказываемыхъ событій, а за его трупъ выдавался духоборцами трупъ другого лица. Но такъ какъ это мнѣніе основано исключительно на показаніяхъ засѣдателя Ковтуновскаго, враждебность котораго къ духоборцамъ и крайняя недобросовѣстность ярко бросаются въ глаза, Базилевскаго, пропащей, изолгавшейся личности, въ присутствіи котораго разъ уже былъ освидѣтельствованъ трупъ и признанъ за тѣло Капустина, и совершенно неизвѣстнаго Остринова, то, я полагаю, гораздо основательнѣе будетъ видѣть во всей этой исторіи съ трупомъ безцеремонную передержку. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Капустину не было причины бояться чего-либо особеннаго и скрываться, такъ какъ на дѣло духоборцевъ было въ это время обращено особенное и притомъ благосклонное вниманіе высшихъ правительственныхъ сферъ.

губернатора Ланжерона были совершенно ложны. Но послѣдній однако не унялся и вошелъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ новымъ представленіемъ, въ которомъ онъ писалъ между прочимъ слѣдующее: «секту духоборческую я считаю самою опасною для христіанской религіи и вообще для нравственности, такъ какъ послѣдователи ея не раскольники, придерживающіеся христіанскихъ правилъ, но люди, не имѣющіе никакой религіи, не имѣющіе ни церкви, ни священниковъ и не пріемлющіе таинствъ. И потому, какъ я прежде доносилъ, такъ и нынѣ остаюсь при своемъ мнѣніи, что ихъ слѣдуетъ переселить на другое мѣсто, гдѣ живутъ не христіане; нынѣ же вблизи ихъ находятся казенныя и помѣщичьи деревни, жители которыхъ легко *могутъ* быть уловлены въ духоборческую ересь, тѣмъ больше, что духоборцы всегда стремятся къ ея распространенію». Это представленіе очень характерно: на основаніи только предположенія о *возможности* совращенія православныхъ крестьянъ въ духоборчество, Ланжеронъ требовалъ изгнанія нѣсколькихъ тысячъ мирнаго и трудолюбиваго населенія изъ ихъ цвѣтущихъ деревень и съ обработанныхъ ими полей и выселенія ихъ въ какую-нибудь далекую окраину, «гдѣ нѣтъ христіанъ».

Для подкрѣпленія доводовъ своего представленія, Ланжеронъ присоединилъ къ нему копію съ отношенія екатеринославскаго архіепископа Іова. Послѣдній документъ еще болѣе характеренъ, чѣмъ представленіе самого Ланжерона. Архіепископъ Іовъ какъ будто совсѣмъ не зналъ, что высочайшими указами духоборцамъ предоставлено право свободнаго вѣроисповѣданія, что «по единому смыслу ихъ ереси» ихъ запрещалось судить и притѣснять; онъ прямо шлетъ херсонскому военному губернатору такого рода требованія: «прошу—лжеучителя Капустина и ближайшихъ къ нему приверженцевъ *сослать въ отдаленныя мѣста;* для пресѣченія же столь богопротивной и вредной ереси нужнымъ поставляю присовокупить и то, чтобы 1) всѣхъ, объявляющихъ себя духоборцами, никуда отъ настоящихъ ихъ жилищъ не отпускать и дачу имъ для проѣзда паспортовъ прекратить; 2) наниматься у нихъ въ работы и въ услуженіе подъ какимъ бы то ни было предлогомъ никому изъ содержащихъ законъ грекороссійскаго исповѣданія людямъ не допускать; 3) всѣхъ тѣхъ, кои, бывъ сынами православныя грекороссійскія церкви, вступятъ въ число духоборцевъ, и въ томъ или сами признаются, или изобличены будутъ, предавать строгому по закону сужденію, и 4) поелику духоборцы сіи всегда ищутъ случая заводить на счетъ христіанской религіи споры, то со всѣми таковыми, яко нарушителями спокойствія, поступать по всей строгости законовъ въ примѣръ ихъ собратій» (стр. 100—101).

Однако всѣ старанія Ланжерона и архіепископа Іова остались втунѣ: постановленіемъ комитета министровъ херсонскому военному губернатору предписано держаться правилъ, указанныхъ

въ гуманномъ указѣ 9-го декабря 1816 года, а всѣ его представленія оставлялись безъ удовлетворенія (стр. 101—102). Такъ кончилось это длинное дѣло, начавшееся изъ-за доноса изгнаннаго изъ духоборческаго общества распутника.

Я нарочно остановился долго на описанной исторіи, чтобы лучше выяснить безправное и невыносимо-тяжелое положеніе духоборцевъ въ либеральную эпоху царствованія Александра I. Въ самомъ дѣлѣ, можно себѣ представить, что это было за положеніе, когда стоило только изгнанному изъ среды духоборцевъ завѣдомому вору пожелать отомстить своимъ бывшимъ единовѣрцамъ, и онъ тотчасъ же дѣлался полновластнымъ и безконтрольнымъ распорядителемъ судебъ тысячъ людей. Мѣстныя власти становились на его сторону, всячески содѣйствовали ему и даже подстрекали его ко всякого рода насиліямъ и безобразіямъ. Высшая въ краѣ власть нетолько не останавливаетъ расходившагося негодяя и помогающихъ ему мѣстныхъ властей, но еще принимаетъ его подъ свое покровительство и дѣйствуетъ въ его же духѣ. Признанный воръ можетъ хватать десятками первыхъ попавшихся ему честныхъ людей, арестовывать ихъ, сажать въ тюрьму и морить ихъ тамъ цѣлыми годами. И нетолько все это дѣлается совершенно безнаказанно, но даже высшее правительство, покровительствующее духоборцамъ и заботящееся объ нихъ, не можетъ остановить расходившагося воришку и только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ хлопотъ успѣваетъ прекратить его подвиги. Можно себѣ представить послѣ этого, въ какомъ положеніи должны были очутиться духоборцы съ измѣненіемъ покровительственнаго отношенія къ нимъ правительства?!.

А такая перемѣна произошла въ концѣ второго десятилѣтія настоящаго вѣка. Какъ извѣстно, въ это время началась реакція, рѣзко измѣнившая направленіе внутренней политики того времени. Это отразилось и на отношеніи правительства къ сектантамъ вообще и къ духоборцамъ въ частности. Съ этого времени правительство предпринимаетъ рядъ мѣръ, направленныхъ противъ духоборцевъ. Такъ въ 1819 г. комитетъ министровъ постановилъ: «не избирать духоборцевъ (и молоканъ) въ общественныя должности и состоящихъ уже въ должностяхъ удалить отъ нихъ съ тѣмъ, чтобы они платили ежегодно въ городскіе доходы за освобожденіе отъ этой повинности [1] по 88 р. 66½ к. съ цѣлаго общества». Въ 1821 г., начальникъ ахалцихскаго округа Тифлиской губерніи, гдѣ въ это время было уже до 2,500 душъ духоборцевъ, предлагалъ министру внутреннихъ дѣлъ «для обращенія въ православіе» «разселить семейства ихъ по одному отдѣльно въ русскія деревни и если признается нужнымъ, то отдѣлить дѣтей отъ родителей, и въ такомъ случаѣ увѣщаніе духовныхъ лицъ и примѣры поселятъ въ нихъ желаніе къ принятію право-

---

[1] *Право* быть избраннымъ на общественную должность было тогда *повинностью!*

славной вѣры». Даже въ то отдаленное время нужно было быть *кавказскимъ* чиновникомъ, чтобы придумать такую мѣру, какъ разсѣяніе безъ остатка цѣлаго общества въ 2,500 ни въ чемъ неповинныхъ людей и отнятіе дѣтей у родителей. Въ Петербургѣ, несмотря на реакцію, проэктъ кавказскаго ревнителя былъ забракованъ (стр. 118—120). Но за то было принято въ слѣдующемъ году предложеніе таврическаго губернатора объ отобраніи части земельнаго надѣла у молочанскихъ духоборцевъ; и дѣйствительно у нихъ была отобрана вся земля, бывшая въ ихъ пользованіи сверхъ нормальнаго 15 десятиннаго надѣла, и затѣмъ они могли получать ее только за арендную плату (стр. 80—81). Въ 1824 г. атаманъ Донского Войска, Иловайскій, предлагалъ казаковъ, обратившихся въ духоборчество, оставляя въ казачьемъ званіи, выселять въ предѣлы Кавказской области. Такъ-какъ съ этимъ предложеніемъ не согласился главноначальствующій на Кавказѣ, Ермоловъ, то дѣло было передано въ комитетъ министровъ. По этому дѣлу предсѣдателемъ департамента законовъ государственнаго совѣта, В. А. Пашковымъ, было высказано, что духоборцы «силятся къ разрушенію всего того, что есть въ мірѣ цѣннаго для истиннаго сына церкви, престола и отечества» и что хотя духоборцы появляются до сихъ поръ только изъ низшаго сословія людей, но размноженіе общества въ духѣ безначалія, въ какомъ бы сословіи людей ни гнѣздилось, весьма вредно и угрожаетъ опасными послѣдствіями для государства». А потому Пашковъ находилъ необходимымъ выселять духоборцевъ за предѣлы Кавказской области. Согласно съ этимъ мнѣніемъ Пашкова, комитетъ министровъ постановилъ: «Донскихъ казаковъ, впадающихъ въ духоборческую ересь, вмѣсто Таврической губерніи переселять внѣ настоящихъ предѣловъ Кавказской области близь новой линіи нашихъ укрѣпленій и притомъ съ званіемъ и обязанностью казаковъ». Этимъ путемъ надѣялись, такъ сказать, разомъ достигнуть двухъ цѣлей: съ одной стороны, казаки-духоборцы, «находясь всегда противу горскихъ народовъ, по необходимости должны будутъ оружіемъ защищать свое имущество и семейство», и, стало быть, поневолѣ принуждены будутъ встать въ противорѣчіе съ однимъ изъ пунктовъ своего ученія; а съ другой—православные, «видя такое употребленіе духоборцевъ, будутъ воздерживаться отъ вступленія въ духоборческую ересь» (подлинныя слова постановленія). Это постановленіе министровъ было утверждено 6-го февраля 1826 г. уже императоромъ Николаемъ I.

Какъ извѣстно, царствованіе Николая I было очень тяжело для раскольниковъ.

Къ сожалѣнію, г. Новицкій въ изложеніи судебъ духоборцевъ при императорѣ Николаѣ I ограничился исключительно матеріаломъ, содержащимся въ «Полномъ собраніи законовъ», да въ «Собраніи постановленій по части раскола». Нечего и говорить о недостаточности этого матеріала. Изучать исторію сектантства по

однимъ правительственнымъ распоряженіямъ все равно, что изучать современное состояніе крестьянъ по своду законовъ. Какъ ни важно знакомство съ законодательными мѣропріятіями, но оно много теряетъ въ своемъ значеніи отъ незнакомства съ тѣмъ, какъ эти мѣропріятія приводились въ исполненіе. Къ тому же, даже изученіе правительственныхъ распоряженій по расколу не можетъ быть полнымъ по «Собранію Законовъ», такъ какъ большая часть этихъ распоряженій были *секретны* и въ «Собраніе» не попали.—Во всякомъ случаѣ воспользуемся хоть тѣмъ, что даетъ нашъ авторъ.

Прежде всего кары обрушились на духоборцевъ Молочныхъ водъ. Уже въ 1826 г. послѣдовалъ указъ о томъ, чтобы имъ нетолько не выдавать паспортовъ для заработковъ, но не дозволять даже и на малое время отлучаться отъ своихъ селеній иначе, какъ съ вѣдома земской полиціи. Этимъ путемъ надѣялись затруднить сообщеніе духоборцевъ съ православными (стр. 125). Нечего и говорить, какъ гибельно должно было отразиться это распоряженіе на экономическомъ благосостояніи духоборцевъ, такъ какъ они не могли отлучаться въ торговые пункты для сбыта своихъ произведеній и, такимъ образомъ, попадали всецѣло въ руки скупщиковъ изъ православныхъ. Но вредное вліяніе этой мѣры, какъ и многихъ другихъ, отчасти парализовалось тѣмъ обстоятельствомъ, что отъ нея можно было откупаться, платя «положенное» чиновникамъ.

Вслѣдъ затѣмъ былъ поднятъ и общій вопросъ о духоборцахъ. Въ томъ же 1826 г., управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, В. С. Ланской, вошелъ въ комитетъ министровъ съ представленіемъ о томъ, чтобы лицъ, предавшихся духоборческой, молоканской, иконоборческой [1] и т. п. сектамъ, ссылать на поселеніе въ Западную Сибирь; распространителей же ересей ссылать въ Восточную Сибирь на работы. Императоръ находилъ, однако, лучшихъ сектантовъ, способныхъ къ военной службѣ, отдавать въ рекруты и только неспособныхъ ссылать въ Сибирь. Вопросъ этотъ былъ перенесенъ въ государственный совѣтъ. Были потребованы свѣдѣнія отъ генералъ-губернатора Западной Сибири о томъ, есть ли тамъ участки земли, пригодные для поселенія духоборцевъ, и такъ какъ переписка по этому поводу затянулась, то вопросъ былъ разрѣшенъ только въ 1830 году. Именно былъ изданъ указъ, который, говоря словами

---

[1] *Иконоборческая* секта и досел фигурируетъ въ нашихъ законахъ о раскольникахъ. Курьёзнѣе всего то обстоятельство, что такой секты вовсе *не существуетъ*. Можно было бы думать, что подъ *иконоборческой* сектой законъ разумѣетъ собраніе всѣхъ сектъ, отвергающихъ иконопочитаніе; но что это не такъ, видно изъ того, что въ законѣ вездѣ рядомъ съ иконоборцами упоминаются духоборцы и молокане, чего не было бы при указанномъ толкованіи слова «иконоборецъ», такъ какъ и духоборцы, и молокане отвергаютъ иконопочитаніе и, стало быть, входили бы въ составъ «иконоборческой секты». А между тѣмъ особой секты *иконоборцевъ* нѣтъ совсѣмъ.

г. Новицкаго, «выражаетъ собой характеристику всей дѣятельности правительства относительно духоборцевъ и другихъ подобнаго рода ересей во все время царствованія Николая Павловича». И дѣйствительно указъ этотъ любопытенъ. Имъ опредѣлялось: всѣхъ «особенно вредныхъ» сектантовъ (т. е. молоканъ, духоборцевъ, *иконоборцевъ*, іудействующихъ и скопцовъ), признанныхъ виновными *въ распространеніи своей ереси*, а также «*въ соблазнахъ, буйствѣ и дерзостяхъ противъ церкви и духовенства православной вѣры*», отдавать въ солдаты, обращая на службу въ кавказскій корпусъ, а въ случаѣ неспособности—ссылать для водворенія въ Закавказье. Сектанты, отданные въ солдаты, должны были оставаться на службѣ до самой смерти: они не получали ни временныхъ отпусковъ, ни отставки, *если не обратятся къ православію*. Въ послѣднемъ же случаѣ, имъ нетолько возвращались ихъ гражданскія права и они возвращались въ прежнія мѣста жительства, но они еще получали трехлѣтнюю льготу отъ платежа податей (стр. 127—129).

Этотъ указъ дѣйствительно вполнѣ характеризуетъ политику, которой держалось правительство по отношенію къ сектантамъ во все теченіе всего царствованія императора Николая I. Съ одной стороны, противъ сектантовъ принимались суровыя мѣры, а съ другой—имъ предлагали всяческія льготы къ переходу въ православіе. Въ результатѣ такой политики получалось, однако, совсѣмъ не то, чего ожидали авторы репрессивныхъ мѣръ. Репрессивныя мѣры вызывали среди сектантовъ озлобленіе и фанатическое стремленіе «пострадать за правую вѣру» съ одной стороны, а съ другой—существованіе *тайныхъ* раскольниковъ, наружно исполнявшихъ всѣ требованія православной церкви. Льготы обратившихся въ православіе привели къ тому, что многіе раскольники притворно обращались въ православіе единственно ради выгодъ, сопряженныхъ съ этимъ обращеніемъ; понятно, что это была самая безнравственная часть сектантовъ, для которой было совершенно безразлично, къ какому религіозному исповѣданію ни причислять себя. Такимъ образомъ, получалось нѣчто прямо противоположное тому, что ставило себѣ цѣлью правительство: расколъ нетолько не ослабѣвалъ, но еще укрѣплялся и распространялся. Съ одной стороны, раскольники общины крѣпли вслѣдствіе того возбужденія сектантовъ, которое вызывалось репрессивными мѣрами, а съ другой—вслѣдствіе того обстоятельства, что изъ ихъ среды искуственно переманивались въ православіе всѣ болѣе безнравственные элементы.

Вслѣдъ за указомъ 1830 г., собственно относительно духоборцевъ принятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ карательнаго и предупредительнаго характера. Такъ, когда въ 1833 г. молочанскіе духоборцы, по случаю неурожая, просили о дозволеніи имъ отлучекъ для заработковъ въ другія губерніи, то комитетъ министровъ постановилъ отказать имъ въ этой просьбѣ и позволить имъ отлучки только въ Крымъ и притомъ не болѣе, какъ только

до жатвы 1834 года (стр. 125). Такимъ образомъ, цѣлая отрасль экономическихъ занятій—отхожіе промыслы, дѣлалась недоступною для духоборцевъ. Въ слѣдующемъ, 1834 году, предписано было начальнику Тамбовской губерніи относительно тамошнихъ духоборцевъ «строго смотрѣть, чтобъ не было ими дѣлаемо публичнаго оказательства ученія и богослуженія своей секты» (стр. 126). Это постановленіе (распространенное на многія секты) существуетъ и доселѣ въ нашихъ законахъ о расколѣ и ведетъ къ тому, что полиція и духовенство просто-на-просто разгоняютъ всякія собранія сектантовъ, арестуютъ собравшихся и подвергаютъ ихъ заключенію въ «клоповникахъ» и «холодныхъ». Въ 1835 г., повелѣно не выдавать рекрутскихъ паспортовъ женамъ духоборцевъ, поступающихъ въ военную службу, и это опять-таки «для стѣсненія сношенія съ православными» (стр. 125—126). Въ томъ же году духоборцамъ, наравнѣ съ членами другихъ «особо вредныхъ» сектъ, запрещено приписываться въ городскія общества всѣхъ мѣстностей Россіи, кромѣ Закавказья; тѣхъ же, кто, скрывъ свою принадлежность къ сектѣ, припишутся къ городскимъ обществамъ, опредѣлено судить наравнѣ съ бродягами, давшими ложное показаніе о себѣ. Этихъ стѣсненій оказалось, однако, мало, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовалъ указъ, дозволявшій приписку духоборцевъ изъ всѣхъ закавказскихъ городовъ только въ семи: Нухѣ, Шемахѣ, Кубѣ, Шушѣ, Ленкорани, Нахичевани и Урдубатѣ (стр. 133—134). Въ 1836 г., духоборцамъ, а также и всѣмъ другимъ раскольникамъ, посланнымъ въ Закавказье, воспрещено отлучаться во внутреннія губерніи; отлучки дозволялись только въ предѣлахъ Закавказья и притомъ не долѣе, какъ на 8 мѣсяцевъ; кромѣ того, въ паспортахъ, выдаваемыхъ имъ, точно обозначалось мѣсто отлучки, и отлучаться въ какое-либо другое мѣсто, хотя бы въ предѣлахъ Закавказья, получившему паспортъ воспрещалось (стр. 134). Такимъ образомъ, и закавказскіе духоборцы были лишены права свободнаго передвиженія, что̀ служитъ серьёзнымъ препятствіемъ для всякаго населенія въ экономическомъ преуспѣяніи и что̀, однако, не помѣшало закавказскимъ духоборцамъ достигнуть высокой степени благосостоянія. Въ томъ же 1836 году относительно духоборцевъ, сосланныхъ въ Сибирь, было постановлено, въ случаѣ распространенія ими своей секты, удалять—поселенцевъ въ отдаленный край Сибири, а каторжныхъ—въ одинъ изъ нерчинскихъ рудокопныхъ заводовъ; кромѣ того, послѣднимъ удлиннялся срокъ пребыванія на каторгѣ (стр. 137—139). Въ 1837 г. постановлено: закавказскихъ духоборцевъ, «въ случаѣ присужденія ихъ къ отдачѣ въ военную службу, отсылать въ войска, въ Сибири расположенныя, а по неспособности ихъ къ военной службѣ и женщинъ ссылать туда же на поселеніе» (стр. 131). Въ 1839 году, послѣдовала новая мѣра, направленная къ стѣсненію экономической дѣятельности духоборцевъ и молоканъ; именно имъ воспрещено «пріобрѣтать въ собственность земли

далѣе 30 верстъ отъ мѣста ихъ водворенія, или въ другомъ уѣздѣ» (стр. 126).

Мы подошли теперь къ самому печальному періоду исторіи духоборцевъ, когда признанный при Александрѣ I нелѣпымъ проэктъ Ланжерона о выселеніи молчанскихъ духоборцевъ въ такой край, «гдѣ нѣтъ христіанъ», нетолько оказался разумнымъ, но и былъ приведенъ въ исполненіе. Исторія эта вообще очень темная, и врядъ ли будетъ скоро разъяснена. Чѣмъ была вызвана такая суровая мѣра, направленная противъ цѣлаго населенія, заслуживавшаго доселѣ одни лестные отзывы своимъ трудолюбіемъ, смышленностью и высоконравственнымъ образомъ жизни? Г. Новицкій говоритъ, что гнѣвъ правительства на молочанскихъ духоборцевъ былъ вызванъ страшнымъ развратомъ, воцарившимся въ ихъ селахъ, общею безнравственностью и цѣлымъ рядомъ преступленій, совершенныхъ духоборцами. Именно онъ приводитъ извѣстіе, записанное Гакстгаузеномъ, что около 400 духоборцевъ разновременно исчезли безъ всякаго слѣда, т. е., по мнѣнію г. Новицкаго, были тайно убиты ихъ старѣйшинами. Нелѣпость этой цыфры указывается косвенно самимъ г. Новицкимъ; именно онъ говоритъ, что произведеннымъ слѣдствіемъ было обнаружено только 21 убійство (стр. 144). Къ сожалѣнію, документы этого слѣдствія гніютъ доселѣ въ архивахъ, и остается совершенно неизвѣстнымъ, кто производилъ это слѣдствіе, какъ оно велось и какія данныя добыты имъ. Неизвѣстно также, откуда заимствовалъ г. Новицкій цыфру 21 убійства, такъ какъ онъ, обыкновенно крайне точный и пунктуальный въ указаніи источниковъ, въ данномъ случаѣ измѣнилъ своей точности и не подтвердилъ своего обвиненія духоборцевъ въ совершеніи убійствъ ссылкою на источникъ. Вообще, всѣ эти толки о безнравственности духоборцевъ кажутся намъ крайне сомнительными. Дѣло въ томъ, что всѣ свидѣтельства, относящіяся ко времени *до* выселенія молочанскихъ духоборцевъ въ Закавказскій край, рисуютъ ихъ нравственность въ самомъ выгодномъ для нихъ свѣтѣ; такимъ же характеромъ отличаются свидѣтельства о тѣхъ же духоборцахъ *послѣ* ихъ переселенія въ Закавказье: выходитъ какъ будто, что духоборцы сдѣлались крайне безнравственными именно на тѣ нѣсколько лѣтъ, въ теченіи которыхъ шло дѣло о ихъ выселеніи. Поэтому намъ кажется болѣе вѣроятнымъ то объясненіе этой печальной исторіи, которое получено г-жею Филибертъ отъ мѣстныхъ мелитопольскихъ старожиловъ. Именно она говоритъ, что гнѣвъ правительства противъ молочанскихъ духоборцевъ былъ вызванъ доносомъ одного полицейскаго чиновника, который получалъ значительныя выгоды отъ духоборцевъ и которому они отказали въ какомъ-то вымогательствѣ; разгнѣванный полиціантъ всячески очернилъ духоборцевъ передъ тогдашнимъ новороссійскихъ генералъ-губернаторомъ, княземъ Воронцовымъ, и обвинилъ ихъ въ разныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ они, по отзывамъ мѣст-

ныхъ старожиловъ, совсѣмъ не были повинны: въ результатѣ получилось изгнаніе цѣлаго населенія съ насиженныхъ мѣстъ за тридевять земель[1]. Если мы вспомнимъ, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ для духоборцевъ приводили подаваемые на нихъ ложные доносы еще въ царствованіе Александра I, когда высшее правительство было благосклонно по отношенію къ духоборцамъ, то намъ нисколько не будетъ удивительно, что въ концѣ 30-хъ годовъ ложный доносъ какого-нибудь полицейскаго могъ повлечь за собою страшное бѣдствіе для цѣлаго населенія. Объясненіе г-жи Филибертъ кажется тѣмъ правдоподобнѣе, что она писала тогда (1870 г.), когда въ памяти мѣстнаго населенія должны были быть еще вполнѣ свѣжи всѣ подробности разгрома молочанскихъ духоборцевъ, имѣвшаго мѣсто всего 25—30 лѣтъ назадъ (именно въ 1841 — 45 гг.). Наконецъ, допуская справедливость приводимыхъ г. Новицкимъ извѣстій о совершенныхъ старшинами духоборцевъ убійствахъ, можно спросить: неужели справедливость требовала, чтобы за преступленія отдѣльныхъ лицъ (старшинъ) должно было нести наказаніе все многотысячное населеніе молочанскихъ духоборцевъ?..

Въ 1839 году состоялось высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы «всѣ духоборцы были переселены изъ Молочныхъ водъ и водворены въ закавказской провинціи». Это повелѣніе было объявлено духоборцамъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, и выселеніе началось. Оно продолжалось въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и было закончено только въ 1845 году. Тяжела была картина изгнанія духоборцевъ съ родныхъ пепелищъ. Все имущество, нажитое многолѣтними трудами, было продано за безцѣнокъ, жилища брошены, земля запущена. Оставляя родную землю, столько лѣтъ кормившую ихъ, духоборцы «припадали къ ней грудью, цѣловали ее, рыдали, простирали руки къ небу и пѣли скорбные псалмы. Но и земля, къ которой они такъ горячо припадали, и люди, которые должны были ихъ слышать, все оставалось глухо къ ихъ печали. Эти, еще годъ тому назадъ, богатые люди, были переселены на границу Кавказа къ Персіи»[2]. Переселились почти всѣ молочанскіе духоборцы, въ количествѣ 10 или 12 тысячъ. Правительство пыталось соблазнить выселяемыхъ позволеніемъ остаться на прежнемъ мѣстѣ жительства тѣмъ изъ нихъ, кто обратится въ православіе (стр. 146). Этому условію согласилось подчиниться и осталось на мѣстѣ, по словамъ г. Новицкаго, «значительное число» духоборцевъ, т. е., по просту, всего-на-всего 27 душъ (стр. 153)...

На этомъ оканчивается историческая часть сочиненія г. Новицкаго; но здѣсь еще далеко не конецъ исторіи духоборцевъ. Много еще горя, много бѣдъ пришлось имъ вытерпѣть. Выслан-

---

[1] «Отеч. Зап.», 1870, № 6, стр. 293.

[2] Id.

ные въ чуждый край, гдѣ условія почвы, климата, жизни были для нихъ совершенно непривычны и неизвѣстны, окруженные враждебными горскими племенами, не пользуясь въ силу своихъ принциповъ защитою оружія, они, казалось, должны были погибнуть безъ остатка. Но такова сила тѣхъ общинныхъ принциповъ, которые положены въ основу духоборческаго общества, что, страдая постоянно отъ набѣговъ, перемѣны климата, лихорадки, они, къ концу-концовъ, не только съумѣли приспособиться ко всѣмъ мѣстнымъ условіямъ, но еще оживили край своею промышленностью и сдѣлались самою зажиточною частью закавказскаго населенія. И вотъ, 35 лѣтъ спустя изгнанія духоборцевъ изъ Молочныхъ водъ, когда правительству понадобился надежный элементъ для обрусенія вновь завоеванной Карской области, правительство оказалось вынужденнымъ прибѣгнуть къ помощи именно духоборцевъ и путемъ льготъ привлечь ихъ въ завоеванный край. Значеніе духоборцевъ, какъ фактора руссификаціи, опредѣляется, какъ ихъ трудолюбіемъ и промышленною выработкою, такъ и тѣмъ громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ, которое они оказываютъ на окрестное туземное населеніе. Это нравственное вліяніе до того замѣтно, что жители тѣхъ мѣстностей Закавказья, гдѣ нѣтъ духоборцевъ и другихъ сектантовъ, съ сожалѣніемъ останавливаются на этомъ фактѣ. Такъ недавно корреспондентъ «Русскаго Курьера» [1] изъ урочища Кусары, Бакинской губерніи, Кубинскаго уѣзда, разсказавъ о постоянныхъ убійствахъ изъ мести, имѣющихъ мѣсто въ тамошней мѣстности, и указавъ на Ленкоранскій уѣздъ, гдѣ, со времени поселенія сектантовъ, преступленія подобнаго рода значительно уменьшились, такъ какъ сектанты оказали сильное вліяніе на ослабленіе ученія корана о мести, съ грустью замѣчаетъ: «Теперь же, какъ мы слышали, переселяться сектантамъ на Кавказъ воспрещено, слѣдовательно, намъ придется еще долгое время претерпѣвать отъ ревностныхъ послѣдователей корана». Такова горькая насмѣшка исторіи надъ репрессивными мѣрами, направлявшимися противъ духоборцевъ во имя *противогосударственности* ихъ ученія и *безнравственнаго* образа ихъ жизни.

Въ книгѣ г. Новицкаго есть особый полемическій отдѣлъ, въ которомъ онъ жестоко нападаетъ на гг. Варадинова, Барсова, Пругавина и меня, какъ автора «Программы вопросовъ для собиранія свѣденій о сектантствѣ». Гг. Варадинову и Барсову досталось потому, что они давали отзывы на первое изданіе книги г. Новицкаго; но почему г. Новицкій, въ спеціальномъ трактатѣ о духоборцахъ, заговорилъ о г. Пругавинѣ и обо мнѣ, никогда доселѣ не писавшихъ ни о духоборцахъ, ни о г. Новицкомъ, совершенно непонятно. Но разъ г. Новицкому вздумалось вступить въ полемику со мною, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ по этому поводу. Серьёзнаго разбора возраженій г. Новицкаго я

[1] 1882, № 182.

*

дѣлать не буду, такъ какъ никакихъ возраженій противъ представляемаго мною направленія въ дѣлѣ изученія сектантства г. Новицкій не дѣлаетъ, а ограничивается либо шуточками дурного тона, либо такими замѣчаніями, читая которыя только руками разводишь отъ удивленія. Такъ, приведя мои слова о томъ, что «сектанты въ каждомъ человѣкѣ видятъ прежде всего человѣка, а не купца, барина, старосту, мужика и пр., что они въ человѣкѣ цѣнятъ выше всего его нравственное достоинство, а не его общественное положеніе, не его имущественную состоятельность», г. Новицкій возражаетъ: «Но и каждый человѣкъ видитъ въ другомъ человѣкѣ прежде всего человѣка, а не звѣря или птицу» (стр. 195). Можетъ быть, это и остроумно, но къ дѣлу никакого отношенія не имѣетъ. Въ другомъ мѣстѣ, возражая противъ моихъ словъ о томъ, что сектанты въ послѣдовательномъ развитіи своихъ взглядовъ доходятъ, между прочимъ, до отрицанія войны, г. Новицкій съ апломбомъ заявляетъ, что «отрицаніе войнъ придумали вовсе не русскіе сектанты» а что «эта мысль занесена въ Россію квакеромъ, положившимъ у насъ первое основаніе духоборчества» (стр. 196), хотя самъ зловредный «квакеръ» есть не что иное, какъ продуктъ пылкой фантазіи г. Новицкаго (см. выше). Можно ли серьёзно спорить съ такимъ противникомъ? Я ограничусь указаніемъ только на одно курьезное обстоятельство: потративъ десятки страницъ на опроверженіе той мысли, что новѣйшее сектантство есть продуктъ соціально-экономическихъ условій русской жизни и что поэтому въ новыхъ сектахъ соціально экономическая сторона преобладаетъ надъ религіозною, г. Новицкій, въ концѣ концовъ, высказываетъ именно тѣ самыя мысли, противъ которыхъ онъ такъ горячо ратовалъ. Именно г. Новицкій говоритъ, что «стремленіе сектантовъ къ новымъ формамъ жизни» есть *«соціально-экономическое движеніе* и если оно связывается у насъ съ сектантствомъ, то развѣ потому только, что малообразованный, младенствующій народъ и о своихъ житейскихъ нуждахъ умѣетъ говорить только языкомъ религіи. Тяготятся ли крестьяне какой-либо мѣстности выкупными платежами за предоставленную имъ землю—появляется изъ среды ихъ пророкъ, какъ это было въ Пермской губерніи въ 1866 году—и проповѣдуетъ гласно, что вся земля Божья, а Богъ хочетъ, чтобы всѣ его дѣти свободно пользовались ею безъ всякаго кому-бы то ни было вознагражденія; толпы народа охотно вѣрятъ своему пророку—и вотъ слагается мнимо-религіозная секта. Находятъ ли гдѣ-либо крестьяне, при малоземельности и отсутствіи заработковъ, непосильными для себя налоги и подати, опять выставляютъ впередъ религію и небо, а не простое объясненіе своего положенія. Такъ на Дону не хотѣли платить подати потому (?), что наступаетъ конецъ міра, о чемъ извѣстіе принесли съ седьмаго неба Іоаннъ Креститель и Варвара. На Уралѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, тоже появилась секта *неплательщиковъ* потому (?), что будто по-

явился человѣкъ съ золотою книгою, въ которой прописано, что податей платить не слѣдуетъ. Тоже повторилось въ 1871 году въ нѣсколькихъ деревняхъ Саратовской губерніи около Царицына. Въ подобнаго рода случаяхъ сектантство не есть дѣйствіе, или слѣдствіе экономическихъ требованій (?), а просто есть *экономическое движеніе съ религіозной только окраской»* (202). О чемъ же въ такомъ случаѣ вы спорили, г. Новицкій?...

Еще одно замѣчаніе чисто личнаго свойства. Г. Новицкій заявляетъ въ предисловіи, что онъ вступилъ въ четвертое двадцатипятилѣтіе своей жизни. И однако три четверти вѣка жизни не научили г. Новицкаго добросовѣстному отношенію къ противникамъ: почти всѣ приведенныя изъ моей статьи выдержки онъ передѣлалъ самымъ безбожнымъ образомъ. Остановлюсь на одномъ примѣрѣ. Г. Новицкій цитируетъ: «Является страшная потребность осмыслить свою жизнь, потребность опредѣлить, «кто я и гдѣ я», обосновать на разумѣ свои отношенія къ Богу, міру и людямъ. Работа трудная, *непосильная даже людямъ интеллигенціи, но въ народѣ она идетъ успѣшно*, конечно, только у немногихъ, сильныхъ умовъ; въ народѣ лучшіе умы идутъ смѣло на встрѣчу этимъ вопросамъ и рѣшаютъ ихъ. Эти лучшіе умы составляютъ главный контингентъ членовъ новыхъ сектъ.» Послѣ этой цитаты г. Новицкій съ ироніей замѣчаетъ: «Неудивительно, поэтому, что русскій мужичокъ-сектаторъ интеллигентнѣе всей интеллигенціи русской, какъ убѣжденъ авторъ» (стр. 124). Между тѣмъ, я никогда не говорилъ того вздора, въ которомъ, по мнѣнію г. Новицкаго, я убѣжденъ, и все дѣло объясняется просто тѣмъ, что г. Новицкій передѣлалъ по своему середину приведенной цитаты. Именно у меня въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ сказано слѣдующее: «Работа трудная, оказывающаяся не подъ силу даже людямъ интеллигенціи. *Что же удивительнаго, что въ народѣ она идетъ успѣшно только у немногихъ, наиболѣе сильныхъ умовъ. Масса же народа или оставляетъ эти вопросы въ сторонѣ, подавленная непомѣрною тяжестью требованій жизни, или впадаетъ въ мистицизмъ.* Но за то лучшіе умы народа смѣло идутъ навстрѣчу этимъ вопросамъ» и проч. («Отеч. Зап.», 1881 г., № 4). Мнѣ, не прожившему еще одной четверти вѣка, очень грустно ловить на подобномъ *фортелѣ* старика, «вступившаго уже въ четвертое двадцатипятилѣтіе жизни...»

Я. Абрамовъ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Печальныя событія: смерть и похороны Луи-Блана.—Адвокатъ Ламо. Преступленіе и самоубійство въ улицѣ Ришелье.—Дѣло Union générale и приговоръ надъ Бонту и Федеромъ.—Арестъ Князя Крапоткина.—Вердиктъ присяжныхъ пюи-де домскаго суда, по дѣлу о безпорядкахъ въ Монсо-Ламинѣ.—Болѣзнь Гамбетты.—Самоубійство австро-венгерскаго посланника.

Палата депутатовъ, академія нравственныхъ и политическихъ наукъ, наконецъ и вся Франція понесли серьёзную утрату въ лицѣ Луи-Блана. Онъ умеръ въ Каннѣ. Луи-Бланъ принадлежалъ къ тому поколѣнію, которое нерѣдко называли героическимъ, не столько въ силу самой борьбы, имъ веденной, сколько вслѣдствіе побудительныхъ мотивовъ имъ руководившихъ, мотивовъ чисто интеллектуальнаго и нравственнаго порядка... «Луи-Бланъ былъ человѣкъ высокой души: всякая несправедливость заставляла его глубоко страдать; равенство было его страстью. Онъ былъ вполнѣ достоинъ того мѣста, которое занималъ въ группѣ людей, даровавшихъ Франціи всеобщую подачу голосовъ, это великое и умиротворяющее учрежденіе, нынѣ управляющее ею... Подобно намъ, этому поколѣнію пришлось пройти сквозь искусъ гражданскихъ распрей, но миръ восторжествовалъ въ душахъ ихъ». Въ виду отданія послѣдняго долга оратору, писателю, гражданину, человѣку, столь много принесшему чести Франціи и своими дарованіями и достойною жизнью, вспомнимъ о томъ, что согласіе въ средѣ нашей необходимо для блага родины».

Въ такихъ выраженіяхъ высказался президентъ палаты депутатовъ, Анри Бриссонъ, передавая собранію печальное извѣстіе, въ засѣданіи 6-го декабря.

Крайняя лѣвая, членомъ которой былъ Луи-Бланъ, немедленно возложила на Бародэ порученіе ходатайствовать предъ правительствомъ объ ассигнованіи 10,000 франковъ на погребеніе великаго гражданина, «бывшаго членомъ правительства 1848 г., за которымъ исторіей признана будетъ честь учрежденія всеобщей подачи голосовъ». 7-го большинствомъ всѣхъ 380 респу-

бликанскихъ голосовъ, присутствовавшихъ въ палатѣ и противъ 85 роялистовъ и бонапартистовъ ассигнованіе средствъ на погребеніе Луи-Блана было вотировано, а затѣмъ и подтверждено сенатомъ 138 голосами противъ 87. Оппозиція, состоявшая изъ Бараньона и Гаварди, въ сенатѣ, и Бодри д'Ассона, Ла-Басеттьера и имъ подобныхъ, въ палатѣ, указывала, главнымъ образомъ, на то, что Луи-Бланъ былъ заочно приговоренъ въ качествѣ участника въ заговорахъ, приведшихъ къ вторженію въ Бурбонскій дворецъ 15 мая 1848 г. и къ іюньскому возстанію. На это съ большимъ краснорѣчіемъ возражали: въ палатѣ депутатовъ Мадье де-Монжо, одинъ изъ самыхъ близкихъ свидѣтелей изгнаннической жизни покойнаго, а въ сенатѣ—бывшій вице-президентъ учредительнаго собранія Корбонъ и сенаторъ Шартонъ; оба они сидѣли рядомъ съ Луи-Бланомъ во время занятія Бурбонскаго дворца манифестантами. Многіе изъ представителей парламента воспользовались этимъ случаемъ, чтобы напомнить, до какой степени авторъ «Организаціи труда» и предсѣдатель Люксембургской комиссіи, несмотря на соціалистическія тенденціи, былъ рѣшительнымъ противникомъ насилія и людей за него стоявшихъ.

Эти разъясненія подали поводъ къ двойной манифестаціи. Въ ту минуту, какъ парижскій муниципальный совѣтъ рѣшилъ явиться въ полномъ составѣ па погребеніе Луи-Блана и выражалъ желаніе, чтобы улица, на которой онъ жилъ въ послѣдніе годы (rue Royale) названа была его именемъ, одинъ изъ членовъ совѣта, Жоффренъ, заявилъ. что съ своей стороны воздержится отъ участія во всемъ этомъ, на томъ основаніи, что на Луи-Блана должна отчасти падать отвѣтственность за бойню 1871 г. Делегатъ отъ національнаго комитета «рабочей партіи» отправился къ поэту Кловису Гюгу, признанному представителемъ этой партіи въ палатѣ, и объявилъ ему, что и онъ обязанъ воздержаться отъ присутствованія на похоронахъ человѣка, который написалъ, что «революціонныя событія 1871 г. внушаютъ ему ужасъ и отвращеніе». Приведены были и два письма (въ «Figaro и въ Journal officiel), гдѣ эти выраженія дѣйствительно находятся. Тѣмъ не менѣе, юный марсельскій депутатъ не согласился воздержаться отъ отданія послѣдняго долга Луи-Блану, къ политическимъ зазаслугамъ котораго онъ относится съ величайшимъ почтеніемъ и котораго, сверхъ того, уважалъ и какъ человѣка.

Въ парламентскомъ мірѣ оппозиція рабочей партіи не встрѣтила послѣдователей. Если нѣкоторые изъ сенаторовъ отказались отъ делегатства на похороны, какъ напримѣръ Сенъ-Валлье, то только по причинѣ «религіозныхъ убѣжденій, не позволяющихъ имъ присутствовать на гражданскихъ похоронахъ». Отъ всѣхъ парижскихъ кварталовъ и многихъ провинціальныхъ городовъ явилось около 100 делегацій, изъ которыхъ нѣкоторыя были съ красными знаменами, на этотъ разъ неконфискованными по-

лиціей, какъ то случилось во время торжественныхъ погребеній Распайля и Бланки. Толпа провожавшихъ кортежъ доходила до 100,000.

Въ день похоронъ, 12-го декабря, палата не имѣла засѣданія. Правительство, хотя и ассигновало средства на погребеніе Луи-Блана, однако, старалось какъ можно менѣе обращать на себя вниманія. Оно прислало линейный баталіонъ и хоръ военной музыки. Сверхъ того, явилось и нѣсколько отрядовъ городскихъ сержантовъ, для охраненія шествія, отъ улицы Риволи до кладбища Père Lachaise.

Организація кортежа и порядокъ, въ которомъ должны были слѣдовать депутаціи, предоставлены были душеприкащикамъ: Шарлю-Эдмону и Шарлю Гедуэну, а также предсѣдателямъ четырехъ республиканскихъ группъ палаты. Распорядителямъ пришла трогательная мысль поставить во главѣ печальнаго шествія, непосредственно за колесницей, делегацію до сорока человѣкъ питомцевъ сенскаго воспитательнаго дома. Послѣднею мыслью Луи-Блана было завѣщаніе этому учрежденію большей части капитала, пріобрѣтеннаго имъ литературнымъ трудомъ, съ цѣлью образованія фонда въ пользу сиротъ и найденышей. Перенесеніе тѣла изъ Канна въ Марсель подало поводъ къ торжественнымъ манифестаціямъ, устроеннымъ муниципальными совѣтами. Въ Парижѣ погребальная церемонія была роскошна. Шарль Эдмонъ прочиталъ предъ памятникомъ прощальное, и замѣтимъ, слишкомъ спиритуалистическое слово, написанное Викторомъ Гюго, которому преклонный возрастъ не позволилъ быть на погребеніи. Мадье де-Монжо указалъ въ своей надгробной рѣчи на послѣднюю (недоконченную) книгу Луи-Блана объ уничтоженіи смертной казни, и напомнилъ, что покойный, вмѣстѣ съ Шёльхеромъ (также присутствовавшимъ на похоронахъ), содѣйствовалъ уничтоженію рабства. Заключая свою рѣчь, дромскій депутатъ сказалъ: «Онъ написалъ на своемъ славномъ знамени человѣчный девизъ: «Самоотреченіе!» «Единеніе во всемірномъ братствѣ!» Подъ этимъ знаменемъ сомкнется вся дѣйствительно мирная демократія, избавленная, наконецъ, отъ безплодныхъ терзаній». Произнесены были также рѣчи депутатами Бародэ и Локруа, послѣ которыхъ говорилъ рабочій-наборщикъ Альфоръ, сказавшій, что «революція не можетъ считаться совершившейся, такъ какъ за рабочими еще оспариваютъ право свободной группировки для обезпеченія себя на случай болѣзни, безработицы или старости». — Наконецъ, сенаторъ и академикъ Анри Мартенъ, авторъ «Исторіи Франціи», говорилъ главнымъ образомъ объ историческихъ заслугахъ автора «Histoire des dix ans», и Histoire de la Révolution française», проливщихъ такъ много свѣта на неизвѣстныя до тѣхъ поръ стороны того времени своими изысканіями въ Британскомъ музеѣ. Ораторъ не забылъ упомянуть и о «Письмахъ изъ Англіи», печатавшихся первоначально на столбцахъ газеты «Temps»

и затѣмъ собранныя въ два тома. Эти письма писались изъ изгнанія и даютъ остроумную картину англійскаго общества XIX вѣка.

Какъ писатель, несмотря на нѣкоторую напыщенность слога, Луи-Бланъ долженъ быть причисленъ къ первокласснымъ. Какъ ораторъ, онъ былъ слишкомъ стилистъ и ему недоставало дара импровизаціи. Вотъ почему его мастерскія рѣчи никогда не производили потрясающаго впечатлѣнія, не становились событіями. Идеальный соціализмъ годовъ его юности не нашелъ себѣ практическаго воплощенія во всю долгую жизнь (онъ умеръ 71-го года). Въ политической области, роль Луи-Блана не стояла на высотѣ его заслугъ; никогда не оказывалъ онъ рѣшающаго вліянія. Честолюбіе его, если можно такъ сказать, останавливалось на любви къ популярности, но лишено было той интенсивности, которая даетъ толчокъ событіямъ, въ худую или хорошую сторону.

Напоминая Тьера своимъ маленькимъ ростомъ, Луи-Бланъ не обладалъ ни его достоинствами, ни его недостатками; онъ не былъ вождемъ народнымъ и еще менѣе могъ называться дѣловымъ человѣкомъ. Это былъ проповѣдникъ справедливости въ мірѣ зла и нечестія, всегда смотрѣвшій издалека и свысока, не снисходившій до подробностей.

Онъ родился 29-го октября 1811 г., въ Мадридѣ. Отецъ его былъ финансовымъ инспекторомъ при испанскомъ королѣ Іосифѣ. Мать—родомъ корсиканка, Марія Эстелла Поццо-ди-Борго, была родственницею столь извѣстнаго повѣреннаго и министра императора Александра I.

Случай помѣшалъ ему вступить на легкій и блестящій путь дипломатической дѣятельности и съ самой ранней молодости поставилъ его въ необходимость бороться съ суровыми житейскими затрудненіями. Едва успѣлъ онъ достигнуть болѣе зрѣлаго возраста, какъ февральская революція поставила его у кормила и затѣмъ принудила къ изгнанію. Онъ вернулся на родину только 20 лѣтъ спустя; потребность дѣятельности изсякла, литературныя занятія, которымъ онъ предавался за весь этотъ долгій періодъ времени, навсегда заградили ему возможность сдѣлаться человѣкомъ дѣла и поглотили его всего. Во время осады Парижа и во время парижской Коммуны, его не безъ основанія упрекали въ чрезмѣрной созерцательности. Не безъ сопротивленія, послѣдовалъ онъ 24 февраля 1875 г. за движеніемъ, совмѣстно руководимымъ Тьеромъ и Гамбеттой и освободившимъ версальское національное собраніе отъ роялистскаго заговора, содѣйствуя утвержденію третьей республики. Позднѣе, Луи-Бланъ не въ силахъ былъ прекратить раздоры, которые не позволили воспользоваться плодами побѣды, одержанной 16-го мая. Въ то время онъ уже страдалъ хронической болѣзнью, начавшейся вскорѣ послѣ смерти его жены, усилившейся послѣ смерти брата и унесшей его въ могилу.

Основывая въ октябрѣ 1876 г. органъ «L'Homme Libre», нѣкоторые изъ его приверженцевъ пытались сдѣлать его главою новой радикальной партіи. Газета оказалась слишкомъ серьёзной и не нашла читателей. Прекращеніе ея почти не было замѣчено.

За два часа до похоронъ Луи-Блона, на томъ же кладбищѣ погребенъ былъ извѣстнѣйшій изъ адвокатовъ нашего времени, Лашо. Онъ пріобрѣлъ извѣстность дѣломъ Г-жи Лафаржъ, въ невиновность которой всегда продолжалъ вѣрить. Но особенно знаменитъ сдѣлался Лашо послѣ процессовъ: кассира Таньефера, живописца Курбэ и маршала Базена. Кому не памятна его защита Троппмана и успѣхъ въ дѣлѣ Мари Бьеръ, женщины, выстрѣлившей въ любовника въ ту минуту, какъ онъ покидалъ ее навсегда. Лашо отличался изумительной страстностью защиты и изъ него могъ выйти превосходный политическій ораторъ, еслибы.... у него существовали убѣжденія. Онъ былъ другомъ Наполеона III и имперіи, но отказывался служить имъ. Что касается до защиты маршала Базэна, то, несмотря на политическую окраску дѣла, Лашо смотрѣлъ на него просто, какъ на уголовный процессъ, который онъ долженъ защищать въ качествѣ виртуоза слова. Все судебное вѣдомство, и товарищи по проффессіи, съ министромъ юстиціи во главѣ, явились на похороны. Только Ж. Греви и Гамбетта прислали вмѣсто себя представителей. Никто не говорилъ на могилѣ: такъ распорядился въ своемъ завѣщаніи великій говорунъ.

Вечеромъ того же дня, 12 декабря, «весь Парижъ», вернувшись съ кладбища и развернувъ вечернія газеты, пришелъ въ ужасъ отъ дѣйствительно страшной драмы, разъигравшейся въ центрѣ столицы, а именно на улицѣ Риволи, въ домѣ подъ № 99. Около восьми часовъ утра, консьержъ этого дома услышалъ крики и замѣтилъ въ окнѣ 4-го этажа почти нагую, окровавленную женщину, которая кричала, зовя на помощь. Кровь капала изъ раны на дворъ. Онъ бросился наверхъ, и, подымаясь по лѣстницѣ, услышалъ выстрѣлъ, позвалъ сосѣдей, выломалъ съ ихъ помощью дверь и нашелъ на кровати трупъ дѣвицы Рапопортъ, съ проколотой кинжаломъ грудью. Въ другой комнатѣ, кабинетѣ ея отца, нашли самого г. Рапопорта, съ прострѣленнымъ изъ револьвера черепомъ. Врачъ и полицейскій комиссаръ, явившіеся вслѣдъ затѣмъ на мѣсто происшествія, могли только констатировать двѣ смерти, тайна которыхъ не объяснялась и тремя записками съ надписями: «Суду», «Печати», «Друзьямъ», заключавшими только слѣдующія слова: «Неблагодарность моей дочери побудила меня къ самоубійству». Но въ чемъ заключалась неблагодарность оставалось неразъясненнымъ. Прежде всего предположили, что дѣло шло о семейной чести, которую спасли цѣною двухъ существованій, но по наведеніи справокъ оказалось, что семейство было далеко не изъ почтенныхъ. Мать, очень красивая женщина съ рыжими волосами, покинула мужа и жила съ издателемъ «Lanterne». Въ тотъ вечеръ, когда поэтъ

Деруледъ далъ въ Одеонѣ пощечину Майеру (издателю Lanterne), эту даму также нѣсколько помяли. Отецъ, какъ увѣряютъ и приходится вѣрить, такъ какъ опроверженій не послѣдовало, снисходительно относился къ посѣщеніямъ какого-то весьма богатаго испанца, проводившаго даже ночи у его дочери. Дочь— прелестная еврейка, восточнаго типа, держала себя слишкомъ свободно. Ее видали въ такихъ мѣстахъ, куда не попадаютъ порядочныя женщины. Рапопорты—изъ чешскихъ евреевъ. Лишившій себя жизни торговалъ драгоцѣнными каменьями и пользовался хорошимъ кредитомъ, но плохою репутаціей въ клубахъ, которые посѣщалъ. Такъ въ клубѣ «Arts libéraux», на rue Vivienne, недалеко отъ его квартиры, о немъ говорили какъ о человѣкѣ, который играетъ навѣрняка. Увѣряли, что незадолго до катастрофы, онъ долженъ былъ переѣхать съ дочерью въ роскошное помѣщеніе, отдѣлка котораго обошлась не менѣе 1·0,000 франковъ. Не испанецъ ли приготовилъ это помѣщеніе? не расчитывалось ли на бракъ съ нимъ, еслибы не оказалось, что онъ былъ ужь женатъ? Это ли послѣднее свѣдѣніе или же отказъ дочери подчиняться дальнѣйшей эксплуатаціи, и можетъ быть чему-нибудь и еще болѣе ужасному со стороны недостойнаго отца, привели къ убійству, за которымъ послѣдовало и самоубійство? Достовѣрнаго не узнали ничего. Отношеніе сосѣдей и знакомыхъ выразилось только въ день выноса тѣлъ: ни единаго человѣка не шло за гробомъ отца, котораго похоронили въ общей могилѣ; но зато гробъ дочери провожала громадная толпа народа. Обнаружится ли истина?

Неразъясненнымъ осталось и другое самоубійство. На прошедшей недѣлѣ лишилъ себя жизни молодой человѣкъ, тоже еврей, лѣтъ 20-ти, нѣкій Штраусъ, родственникъ знаменитаго вѣнскаго капельмейстера. Онъ пришелъ въ отчаяніе, повидимому, отъ какихъ-то денежныхъ дѣлъ; но замѣшана была во все это и женщина; въ концѣ концовъ, этотъ юноша, почти ребенокъ, нашелъ почему-то невозможнымъ продолжать жизнь. Обѣ катастрофы, если еще прибавить къ нимъ недавнее самоубійство одного изъ Ротшильдовъ, заставляютъ призадуматься надъ усложненіями краха и незаконной любви. Израиль доводитъ до трагизма деморализацію нашего обветшалаго христіанскаго общества. Всѣмъ памятна пресловутая «Union Générale», акціи которой дошли до того, что превышали въ сто разъ свою первоначальную стоимость, и которая, въ моментъ реализаціи, провалила всѣхъ ліонскихъ маклеровъ, пять шестыхъ парижскихъ, произвела переполохъ на биржѣ и должна нести главную отвѣтственность за крахъ въ январѣ 1882 г. Общество образовалось въ 1878 году, подъ управленіемъ смѣлаго инженера, строившаго вмѣстѣ съ Ротшильдами ломбардскія желѣзныя дороги и основавшаго цѣлый рядъ австро-венгерскихъ предпріятій, сгруппированныхъ подъ именемъ «Timbale», въ честь гастрономической знаменитости timbales'ей торговца гастрономическими припасами

и однофамильца Бонту. Учредителю было въ то время 61 годъ, сотруднику его, Федеру — 48. Капиталъ общества состоялъ изъ 25 милліоновъ, раздѣленныхъ на 50,000 акцій по 500 франк. каждая. Во главѣ административнаго совѣта стоялъ маркизъ де-Плёкъ, бывшій вице-директоромъ французскаго банка во время парижскаго возстанія 1871 г., смѣщенный послѣ неудавшагося coup d'état 16 мая, сообщникомъ котораго онъ былъ. Вокругъ этого человѣка сгруппировался въ совѣтѣ цвѣтъ легитимистовъ, начиная съ главнаго редактора оффиціальнаго органа Генриха V «Union», Майоля де Люппе, и кончая братомъ Веллью, редакторомъ «Univers», защитникомъ Іисусова братства.

Эта группа реакціонеровъ пополнилась представителями семейства Макъ-Магона, какъ напримѣръ, графомъ Эмануэлемъ д'Аркуромъ, и орлеанистами, какъ графъ Брольи, сынъ пресловутаго герцога. Общество, какъ предполагалось его основателями, должно было сосредоточить аристократическія, монархическія и клерикальныя сбереженія и привести ко всемогуществу партіи «добра», начавъ обо... ...мъ ея вождей. При постепенныхъ приращеніяхъ капит... ...здутаго до 150 милліоновъ, директора реализировали премія въ такихъ размѣрахъ: 1,831,922 пришлось на долю Бонту; 2,979,200 на дѣло Федера; 187,767 ф. герцогу Брольи; 261,767 Маіолю де-Люппе и т. д. Общество было объявлено сперва несостоятельнымъ, несмотря на протесты всей роялистской печати, усердно доказывавшей, въ пламенныхъ и щедро оплаченныхъ статьяхъ, что дѣло можетъ быть исправлено при помощи сдѣлокъ между акціонерами; съ этой цѣлью выпущены были даже новыя акціи. Все это имѣло счастливые результаты лишь только для гг. Бонту и Федера, которымъ позволили не томиться въ заключеніи въ ожиданіи процесса. Благодаря ловкимъ проискамъ ихъ пріятелей, самое судебное слѣдствіе было ведено такъ, что обвиненіе въ мошенничествѣ удалось устранить.

Бонту и Федеръ жили на свободѣ до самаго дня процесса. 5-го декабря они явились на судъ сенской исправительной полиціи, по обвиненію въ четырехкратномъ нарушеніи закона объ анонимныхъ обществахъ. Почти въ моментъ слушанія дѣла умеръ судебный слѣдователь Ферри. Защита воспользовалась ложными слухами о съумасшествіи этого лица, распространенными газетами, и потребовала признанія недѣйствительнымъ и самого слѣдствія. Судъ не принялъ этого во вниманіе. Не станемъ входить въ подробности судоразбирательства, но замѣтимъ только, что подсудимые ни въ какомъ случаѣ не имѣли вида почтенныхъ финансовыхъ дѣятелей, а скорѣе напоминали спекулянтовъ и темныхъ дѣлъ мастеровъ, которые, ловко «проведя» публику, захотѣли «провести» и судъ. Свидѣтельскія показанія экспертовъ, предсѣдателя конкурса и служившихъ при обществѣ оказались подавляющими для подсудимыхъ. Товарищъ прокурора произнесъ 6-го замѣчательную обвинительную рѣчь, въ которой, между

прочимъ, сказалъ, что «пора положить предѣлъ операціямъ, вопреки закону, обогащающимъ безчестныхъ спекулянтовъ насчетъ кармановъ небогатыхъ людей. Пора отмстить за поруганную нравственность».

Защитникъ Бонту, адвокатъ Бюи, старался доказать, что если были «ошибки» и нарушенія, то не было собственно преступленія. Ошибкой онъ назвалъ операціи надъ собственными акціями (подписка и покупка ихъ). «Къ тому же, замѣтилъ онъ:—г. Бонту отдалъ въ распоряженіе конкурса всю причитавшуюся на его долю сумму.. Защитникъ Федера, Аллу (недавно выбранный сенатской лѣвой въ несмѣняемые сенаторы), пытался, но безуспѣшно, доказать полную невиновность своего кліента. Товарищъ прокурора однимъ ударомъ разрушилъ карточный домикъ защиты, указавъ на фиктивность пожертвова[illegible] Бонту и на то, что совѣтъ «Union Générale», въ сущности умѣлъ сохранить себѣ львиную долю и умыть руки въ катастрофѣ.

Приговоръ произнесенъ былъ 20-го декабря. Изложеніе мотивовъ занимало цѣлую большую газетную ст[illegible] убористаго шрифта. Одно чтеніе его заняло цѣлый часъ. Б[illegible] Федеръ признаются виновными въ подложной подпискѣ, при помощи злонамѣренныхъ публикацій съ цѣлью пріобрѣтенія вкладовъ и сбыта акцій; въ выпускѣ акцій общества, вопреки закону 1867 г., безъ внесенія положенной четвертой части ихъ суммы; въ распредѣленіи фиктивныхъ дивидендовъ, въ искуственномъ повышеніи курса акцій «Union Générale». Вслѣдствіе чего, оба подсудимые и были приговорены къ пятилѣтнему заключенію и 3,000 ф. штрафа, т. е. къ высшей мѣрѣ наказанія (обвиненіе въ мошенничествѣ было устранено), а равно и къ уплатѣ судебныхъ издержекъ. И Бонту, и Федеръ подали на апелляцію, а все клерикально-м[illegible]нархическое общество принялось уже восхвалять осужденныхъ и осыпать бранью республиканскій судъ, хотя, замѣтимъ кстати, этотъ послѣдній далеко не очищенъ еще отъ реакціонныхъ элементовъ, а судьи продолжаютъ оставаться несмѣняемыми.

Требованіе крайней лѣвой относительно назначенія слѣдствія по дѣлу о событіяхъ въ Монсо Лэ-Минъ и Ліонѣ еще не обсуждалось въ палатѣ, тѣмъ не менѣе, слѣдствіе по поводу «анархическихъ дѣйствій» кончено. Послѣднимъ арестомъ былъ арестъ князя Крапоткина, въ Тононѣ. Ліонскій судъ, распорядившійся заключеніемъ его въ тюрьмѣ Saint-Paul, считаетъ его главнымъ изъ 46 лицъ, обвиняемыхъ въ «составленіи международнаго общества съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка вещей путемъ убійства, поджога и грабежа». Дѣло будетъ слушаться въ Ліонѣ въ первой половинѣ января наступающаго года.

Элизе Реклю, на котораго указывали въ одной ліонской газетѣ («Lyon républicain»), какъ на сообщника князя Крапоткина, напечаталъ въ газетахъ письмо къ судебному слѣдователю, въ которомъ объяснилъ, что еслибы французская полиція имѣла намѣреніе арестовать его, то это не представило бы ни малѣй-

шихъ затрудненій, такъ какъ онъ только-что провелъ два мѣсяца въ Парижѣ, а на другой день ареста Крапоткина, присутствовалъ на похоронахъ Ананьева въ Тононѣ и говорилъ рѣчь на могилѣ. «Еслибы, говорилось въ письмѣ:—вы желали начать противъ меня судебное преслѣдованіе, то я поспѣшу отвѣтить на ваше личное приглашеніе. Укажите мѣсто, день и часъ. Въ назначенное время я постучусь у дверей тюрьмы, которую мнѣ назовутъ».

А до тѣхъ поръ дѣло монсо-лэминской «черной шайки», перенесенное изъ сенско-луарскаго суда въ Пюи де-Домъ, слушалось въ теченіи цѣлыхъ восьми засѣданій. Подсудимые были тѣ же 23 рудокопа. Въ обвинительномъ актѣ не было сдѣлано никакихъ измѣненій. Присяжнымъ предложено было 213 вопросовъ. Главнымъ адвокатомъ оставался Лагерръ, на замѣчательную защиту котораго мы указывали въ прежнемъ письмѣ, но на этотъ разъ спаланскій товарищъ его былъ замѣненъ парижскимъ адвокатомъ Мильеро. Искусное вмѣшательство его въ показанія свидѣтелей пролило много свѣта на клерикальные происки и давленіе или, какъ стали выражаться за послѣднее время наши газеты на шаготизмъ. (По имени владѣльца монсо-лэминскихъ рудниковъ, Шаго).

Если рабочій осмѣливался присутствовать на гражданскихъ похоронахъ товарища, ему отказывали отъ мѣста; тѣмъ же грозили ему въ случаѣ неявки на работу 14-го іюля, т. е. въ день республиканскаго національнаго праздника и т. д. Вызванный защитою, нижне-сенскій префектъ Гендлэ показалъ, что не директоръ, а мэръ одной изъ мѣстныхъ общинъ увѣдомилъ его о существованіи тайныхъ обществъ и ночныхъ собраній въ Монсо и окрестностяхъ. Онъ объявилъ, съ одной стороны, что тайныя общества, и въ особенности анархистъ Дюмэ, содѣйствовали волненіямъ, но съ другой и Шаго сильно раздражилъ рудокоповъ, доходя до того, что отказывалъ отъ мѣстъ тѣмъ изъ нихъ, которые были выбраны членами муниципальнаго совѣта, если они не откажутся отъ своего новаго званія. Отъ такого требованія префектъ принудилъ директора отказаться, заявивъ, что въ противномъ случаѣ пришлось бы примѣнить противъ компаніи законъ о посягательствѣ на право всеобщей подачи голосовъ. Генеральный прокуроръ, Аллари, нарисовалъ самую мрачную картину движенія, начавшагося разрушеніемъ придорожныхъ крестовъ и сожженіемъ часовни, и стремящагося къ общему перевороту цѣлаго общества. На это Лагерръ возражалъ, что если существовалъ заговоръ, то не злополучныхъ рудокоповъ слѣдуетъ считать его авторами. Онъ провелъ разграничительную черту между анархизмомъ и мирнымъ соціализмомъ, какъ его проповѣдывалъ, напримѣръ, Луи-Бланъ, какъ практикуетъ его самъ вышеупомянутый Дюмэ, открыто организующій рабочія федераціи и палаты, которыя всюду допускаются властями, въ ожиданіи окончательной легализаціи ихъ закономъ, который давно былъ

бы принятъ, еслибы его не задержали въ сенатѣ различными измѣненіями принятыхъ уже депутатами статей.

Наконецъ, Лагерръ указалъ и на тотъ фактъ, что отъ анархистовъ отрекаются сами революціонеры-коллективисты. Особенно настаивалъ онъ на томъ, что движеніе 8-го и 15 августа, направленное противъ клерикальныхъ эмблеммъ, должно быть поставлено въ вину самимъ клерикаламъ, которыхъ поддерживалъ въ этомъ случаѣ и направлялъ самъ Шаго, страстный ораторъ католическаго конгресса, происходившаго въ Отёнѣ, за нѣсколько дней до волненій. Далѣе, Лагерръ доказалъ, что «вожаки очевидно не принадлежали къ числу мѣстныхъ жителей, такъ какъ мы ихъ не видимъ въ средѣ подсудимыхъ. Что касается находящихся на лицо подсудимыхъ, то, конечно, ихъ можно назвать безпокойными малыми, которыхъ увлекли ломать кресты и жечь часовню; но въ такомъ случаѣ совершенно достаточно было бы имъ явиться предъ судомъ исправительной полиціи, который и приговорилъ бы ихъ къ нѣсколькимъ недѣлямъ или мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Но вышло иначе и ихъ судятъ ассизнымъ судомъ. «Но, господа присяжные, воскликнулъ защитникъ, если вы вольны въ приговорѣ, то не вольны въ назначеніи наказанія... Можете ли вы обвинять за тенденцію? Это невозможно, вы этого не сдѣлаете. Я говорилъ вамъ отъ имени женъ, матерей и дѣтей этихъ несчастныхъ людей. Ихъ семьи съ тоскою ждутъ вашего вердикта. Вамъ извѣстны его ужасныя и несправедливыя послѣдствія. Если, подобно обвинительной власти, вы убѣждены, что подсудимые подвергали опасности само общество, то вы ихъ отправите на каторгу, именно это ихъ ждетъ въ такомъ случаѣ. Если же вы держитесь противоположнаго мнѣнія, то отдадите ихъ томящимся въ ожиданіи приговора семьямъ и тѣмъ совершите доброе и правое дѣло».

Послѣ прочувствованной рѣчи другого адвоката, Мильеро и возраженія прокуратуры, присяжные удалились для совѣщанія. Нѣсколько часовъ спустя, старшина присяжныхъ, перечитавъ всѣ 213 поставленныхъ вопросовъ, отвѣтилъ *нѣтъ* на все, что касалось заговора, поджога, грабежа, то есть на все, что̀ могло бы повлечь за собою каторжныя работы. Утвердительно отвѣтилъ жюри только на вопросы, касавшіеся ношенія оружія, волненія, вторженія въ помѣщенія и т. д., за что̀ назначается тюремное заключеніе не свыше пятилѣтняго срока. Сверхъ того, присяжные признали смягчающія обстоятельства въ пользу девяти подсудимыхъ, виновныхъ въ названныхъ преступленіяхъ. Судъ назначилъ наказанія, колебавшіяся между 5-лѣтнимъ и годовымъ заключеніемъ, послѣ чего была подана просьба о помилованіи, подписанная всѣми присяжными и которую обѣщалъ поддержать и предсѣдатель. 14 человѣкъ, признанныхъ невиновными, были немедленно освобождены при рукоплесканіяхъ публики, сильно растроганной появленіемъ въ залѣ суда молодой жены

одного изъ осужденныхъ на годичное заключеніе, которая, вся въ слезахъ, бросилась къ мужу, расталкивая жандармовъ.

Архіепископъ бордосскій, кардиналъ Дуэ умеръ отъ огорченія (ему было впрочемъ уже 88 лѣтъ), во время пастырскаго объѣзда эпархіи и вслѣдствіе прочтенія памфлета, озаглавленнаго «M. Bellot des Minières à m-me Martin». Епископъ Белло, о которомъ идетъ рѣчь въ этой брошюркѣ, принадлежалъ къ числу республиканцевъ, но тѣмъ не менѣе, пользовался покровительствомъ покойнаго, всегда сожалѣвшаго, что роялисты и іезуиты эпархіи Пуатье жестоко нападаютъ на него съ тѣхъ поръ, какъ онъ лишилъ себя услугъ помощника и наперсника своего предшественника, епископа in partibus, Гея. Пресловутая ссора «Лютрена» Буало приняла здѣсь трагическій оборотъ и самъ папа принужденъ былъ признать неправыми двухъ епископовъ, поѣхавшихъ въ Римъ съ цѣлью обвиненія Белло, не испросивъ предварительнаго на то разрѣшенія у французскаго правительства. За это они получили выговоръ и лишились, на нѣкоторое время, содержанія. Клерикалы въ палатѣ и сенатѣ, на этотъ разъ заблагоразсудили промолчать; газеты ихъ также не протестовали по причинѣ слишкомъ некрасивой подкладки ссоры, разъигравшейся въ Пуатье.

Пораненіе Гамбетты грозитъ сдѣлаться поводомъ къ грозной катастрофѣ: рана зажила, больной начиналъ уже почти совершенно свободно владѣть пальцами, какъ вдругъ развилось лихорадочное состояніе и кишечныя разстройства. Созванъ былъ консиліумъ изъ знаменитостей: доктора Шарко, Трела и Вернейль нашли перитонитъ, болѣзнь, которая въ большинствѣ случаевъ излечивается, если только общее состояніе больного удовлетворительно. Но Гамбетта, хотя и обладаетъ крѣпкимъ сложеніемъ, очень толстъ и слишкомъ мало думалъ о сбереженіи своихъ силъ. Онъ любилъ поѣсть, выпить, вообще «жилъ за двоихъ», какъ выразился одинъ изъ медиковъ. Долгое время устроивалъ онъ свои пріемы въ редакціи «République française» между 12-ю и 3 часами ночи. Онъ былъ лихорадочно дѣятеленъ во всемъ, что касалось политики, нетерпѣливъ при встрѣчѣ съ препятствіями; неудачи раздражали его, къ нападкамъ онъ былъ крайне чувствителенъ. За послѣдніе полтора года онъ и работалъ, и волновался съ особенною интенсивностью. Происшествіе съ револьверомъ прибавило ко всему этому физическое разстройство, но его слѣдовало ожидать во всякомъ случаѣ, немного ранѣе, немного позднѣе, коль скоро человѣкъ такъ мало соразмѣрялъ дѣятельность со своими силами. Вотъ почему положеніе Гамбетты серьёзно и если не разрѣшится скорой катастрофой, то потребуетъ продолжительнаго выздоровленія.

Много толковъ возбуждаетъ въ Парижѣ самоубійство австро-венгерскаго посланника, графа Вимпфена: онъ убилъ себя выстрѣломъ изъ револьвера въ писсуарѣ на Avenue Marceau, т. е.

на Елисейскихъ поляхъ. Полиція нашла трупъ днемъ, между 11 и 12 часами, и не было констатировано ни малѣйшаго видимаго повода къ лишенію себя жизни. Я не имѣю времени навести болѣе серьёзныя справки и оставлю до слѣдующаго мѣсяца разъясненіе этой послѣдней тайны слишкомъ обильнаго мрачными происшествіями 1882 года.

II.

Политика: Вопросъ о народномъ образованіи и бонапартисты. — Отказъ въ утвержденіи очередного бюджета со стороны 46 депутатовъ правой. — Пренія по поводу чрезвычайнаго бюджета. — Замятое столкновеніе между докладчикомъ Рибо и предсѣдателемъ бюджетной комиссіи, Вильсономъ.—Единогласное принятіе бюджета за исключеніемъ 2-хъ голосовъ. — Смягченія Леона Сэ въ сенатѣ. — Успѣхъ Тирара. — Столкновеніе между сенатомъ и палатой депутатовъ.—Окончательное голосованіе обоихъ бюджетовъ.—Сохраненіе и упроченіе министерства Дюклерка.

Обсужденіе очереднаго бюджета не обошлось безъ нѣкотораго шума и гвалта со стороны бонапартистовъ. Особенно ратовали противъ слишкомъ большихъ расходовъ на народное образованіе: Гентженсъ и Жанвье де-Ламоттъ. Имъ съ большимъ успѣхомъ возражалъ Поль Беръ, который воспользовался годовщиной декабрьскаго переворота, чтобы произнести громовую рѣчь. Онъ высказалъ, между прочимъ, что никакія соображенія неспособны остановить республики на пути, на который ступила она съ тѣхъ поръ, какъ смета народнаго образованія, до 1870 года равнявшаяся дворцовымъ расходамъ императора, удвоилась въ своемъ размѣрѣ, затѣмъ возросла втрое и возростетъ и въ пять разъ, если то окажется необходимымъ для того, чтобы ни одинъ изъ гражданъ не оставался въ невѣжествѣ и не вернулся къ порабощенію. Всѣ требуемые милліоны были вотированы республиканскимъ большинствомъ съ рѣдкимъ единодушіемъ и твердостью.

Не обошлось и безъ комическаго эпизода. Монархисты и бонапартисты препроводили на трибуну нѣкоего Дюрфора де-Сиврока, который, при громкомъ смѣхѣ присутствовавшихъ, заявилъ, что онъ и друзья единомышленники его отказываются вносить субсидіи республикѣ.

Смета чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ, покрываемая трехпроцентнымъ погашеніемъ и т. н. bons du trézor, включаетъ кромѣ расходовъ по старымъ счетамъ на преобразованіе военныхъ силъ еще и содержаніе школъ, лицеевъ, училищъ, а также и средствъ къ осуществленію пресловутаго плана Фрейсинэ къ улучшенію путей сообщенія страны. Этотъ планъ уже причинилъ не мало столкновеній въ комиссіи. Пессимистскія статьи Леона Сэ еще болѣе обострили эти затрудненія.

Извѣстно, что Леонъ Сэ видитъ спасеніе Франціи исключительно въ предоставленіи большимъ компаніямъ всѣхъ французскихъ желѣзныхъ дорогъ, что и обезпечитъ владычество крупныхъ капиталистовъ на французской биржѣ, а отсюда и на денежныхъ рынкахъ всего міра. Министръ финансовъ Тираръ открылъ пренія въ палатѣ депутатовъ съ большою ясностью составленнымъ изложеніемъ существующаго положенія дѣлъ, которое найдено было удовлетворительнымъ даже самимъ предшественникомъ его, Сэ, въ то время, когда тотъ представлялъ проэктъ сметъ государственныхъ расходовъ на 1883 г., т. е. въ іюнѣ 1882 г. Министръ заявилъ, что предполагавшіяся на будущее время сооруженія могутъ быть предприняты, не преступая предѣловъ благоразумія. Бонапартистъ Гентженсъ пытался возражать на это, но успѣлъ только въ томъ, что вызвалъ рѣчь старшаго докладчика бюджета, послѣдователя Дюфора, Рибо. Этотъ ораторъ началъ съ совѣта, не считать богатства страны неисчерпаемымъ и не тратить его по пустому, но въ то же время выразилъ, что не грозитъ никакой опасности и, что если выгоднѣе имѣть дѣло съ большими компаніями, чѣмъ стать въ явно-враждебныя къ нимъ отношенія, то, тѣмъ не менѣе, государство обязано повелѣвать, а не подчиняться. Съ большимъ успѣхомъ опровергалъ министръ ложные слухи о несоразмѣрности государственнаго расхода съ имѣющимся въ виду доходомъ. Во время имперіи, напомнилъ онъ (въ 1859 г.), разность доходила до 442 милліоновъ. При расчетливой іюльской монархіи—равнялась 134 милліонмаъ. Послѣ же франко-прусской войны и уплаты пяти милліардовъ, дефицитъ постоянно колеблется между 30-ю и 40 милліонами.

Бонапартистъ Дэйно усердно поддерживалъ тезисъ своего товарища Гентженса. Другой бонапартистъ, Жерменъ (одинъ изъ представителей Crédit lyonnais), придерживающійся въ своихъ дѣлахъ того правила, что слѣдуетъ не сокращать расходы, а увеличивать доходы, выступилъ сторонникомъ безусловнаго оптимизма. Напротивъ, соперникъ его на парижскомъ рынкѣ, Субейранъ, совѣтовалъ не предпринимать новыхъ общественныхъ сооруженій и ограничиться продолженіемъ уже начатыхъ работъ. Алленъ Таржэ, бывшій министръ финансовъ, въ кабинетѣ Гамбетты настаивалъ на необходимости сохранить хоть одну желѣзнодорожную сѣть въ распоряженіи государства, хотя бы для того, чтобы имѣть возможность ставить компаніямъ путемъ конкурренціи болѣе выгодныя условія, въ случаѣ, если придется вести съ ними переговоры, само собою разумѣется, въ интересѣ страны.

Нынѣшній министръ общественныхъ работъ, Геррисонъ, прочиталъ отчетъ о томъ, что̀ именно было выполнено изъ плана Фрейсинэ, что остается сдѣлать и что̀ можетъ быть благоразумно выполняемо ежегодно, безъ ущерба для прочихъ отраслей государственнаго управленія. Затѣмъ, было высказано нѣсколько практическихъ замѣчаній относительно плана Фрейсинэ. Депутатъ

Лубэ указывалъ на слишкомъ высокую цифру стоимости километра и, ссылаясь на мнѣніе извѣстнаго инженера Вотье, находилъ, что третья сѣть, связывающая мелкіе центры, можетъ быть выстроена несравненно дешевле двухъ остальныхъ. Въ заключеніе выступалъ снова Рибо, говорившій еще разъ на тэму благоразумія и намекнувшій даже на возможность войны, для которой необходимо приберегать средства. Наконецъ, на трибунѣ появился Вильсонъ, предсѣдатель комиссіи бюджета и зять президента республики.

Назвавъ Фрейсинэ великимъ министромъ, Вильсонъ объявилъ, что планъ его не долженъ подвергаться ни ограниченіямъ, ни пріостановкамъ въ своемъ выполненіи; что «если существуетъ колебаніе въ этомъ отношеніи, то единственно потому, что слишкомъ много погашаютъ». Рибо воздержался отъ возраженія, такъ какъ оно могло придать инциденту слишкомъ серьёзный характеръ. Бывшій министръ гамбеттовскаго кабинета, Рейналь, замялъ столкновеніе, подтвердивъ полезность правительственной сѣти, и послѣ нѣскольких неважныхъ замѣчаній, чрезвычайный бюджетъ былъ вотированъ 466 голосами... противъ двухъ.

Въ сенатѣ общее обсужденіе бюджетовъ началось 19-го. Весь интересъ засѣданія сосредоточился на рѣчи Леона Сэ. Бывшій президентъ сената, эксъ-министръ финансовъ, редакторъ «Journal des économistes» и «Débats», пріятель Ротшильда и желѣзнодорожныхъ тузовъ, наконецъ, авгуръ парижской биржи, на этотъ разъ подсластилъ свои горькія разсужденія. Сенатскія лѣвыя встрѣтили его очень холодно; правыя въ началѣ рѣчи рукоплескали, разсчитывая возбудить оратора противъ лѣвыхъ. Тогда Сэ не безъ юмора замѣтилъ: «Я одинъ изъ основателей республики и преданъ ей попрежнему. Я не допущу, чтобы злоупотребляли моимъ именемъ, въ видахъ поддержанія враждебной моей партіи политики... Я никогда не поддерживалъ политики правой, и никогда не стану ее поддерживать». Затѣмъ, онъ пытался доказать, что, въ сущности, его совѣты были услышаны, что законодательная бюджетная комиссія и преемникъ его, министръ финансовъ, перешли на сторону благоразумныхъ мѣръ. Что затрудненія были только временныя. Финансы же республики прочнѣе финансовъ бо̀льшей части монархическихъ государствъ. «Перемѣны въ системѣ могли бы только привести къ крушенію».

Напомнивъ затѣмъ о мирно смѣнявшихся президентахъ послѣдней республики, Сэ замѣтилъ, что въ виду недалекаго окончанія полномочій нынѣшняго президента республики въ 1886 г., необходимо избѣгать всякихъ затрудненій: «Надо заботиться о хорошихъ финансахъ въ 1883 году, сказалъ Сэ:—чтобы имѣть возможность разсчитывать на добрую политику въ 1885 году». Въ этомъ же засѣданіи Сэ произнесъ и другую рѣчь, а именно по поводу чрезвычайной государственной сметы.

Въ мірѣ дѣльцовъ ожидали столкновенія между вчерашними

к нынѣшними финансовыми тузами, однако, все окончилось самымъ мирнымъ образомъ и борьба превратилась въ идиллію. Къ тому же, вопросъ, наиболѣе интересовавшій биржевиковъ, а именно: существуетъ ли борьба между государствомъ и крупными компаніями, перешелъ ли Ротшильдъ въ оппозицію или можетъ еще помириться съ республикой, этотъ вопросъ рѣшается рѣчью Сэ въ самомъ оптимистическомъ духѣ. Изъ рѣчей, произнесенныхъ въ палатѣ министрами Гериссономъ и Тираромъ, а также и докладчикомъ Рибо, оказывалось, что отсрочка договора Сэ съ Орлеанской компаніей не можетъ быть принята за разрывъ: сенатскія разъясненія доказали, что противная партія не отклоняетъ продолженія переговоровъ. Результатомъ всего этого явилось то, что на биржѣ, послѣ томительнаго ожиданія, началось повышеніе.

Отвѣчая Шенелону, который раздѣлилъ свой обвинительный актъ противъ финансовъ республики на цѣлыхъ два засѣданія, министръ Тираръ превзошелъ ожиданія даже собственныхъ друзей. Бывшій мелкій парижскій промышленникъ, которому двери парламента открыты были должностью простого мэра, упорнымъ трудомъ добился того, что его можно признать вполнѣ достойнымъ занимаемаго мѣста. Успѣхъ позволилъ ему потребовать отъ сената того, что̀ казалось невозможнымъ: принятія нетолько очередного, но и чрезвычайнаго бюджета ранѣе окончанія года. Тираръ окончательно бы «провалилъ» Сэ, еслибы послѣдній не догадался смягчить желчь, которую изливалъ на столбцахъ «Journal des Economistes». Онъ очаровалъ даже Бюффе, принявшаго участіе въ преніяхъ только для того, чтобъ высказать одобреніе благоразумной политикѣ правительства и не допустить собственныхъ друзей до того, чтобы они, вопреки истинѣ и любви къ родинѣ, утверждали, что кредиту Франціи грозитъ опасность.

Съ этой минуты голосованіе статей бюджета пошло съ стремительною быстротой. Измнѣненій въ цифрахъ, принятыхъ депутатами, сдѣлано не было, за исключеніемъ, впрочемъ, возстановленія отказаннаго депутатами ассигнованія 20,000 монахинямъ Сен-Винсенъ де-Польской общины, лазаристамъ и католическимъ благотворительнымъ обществамъ на Востокѣ, о чемъ ходатайствовалъ Сен-Веллье. По возобновленіи преній 26-го, клерикалъ-роялистъ, Люсьенъ Брёнъ, добился еще назначенія 3,000 ф. на содержаніе священника въ флотской военной школѣ, а большинство, образовавшееся изъ всей совокупности правой и лѣваго центра, оттягали 1 милліонъ у сметы народнаго просвѣщенія для того, чтобы возстановить въ общемъ счетѣ преобладаніе доходовъ надъ расходами.

Изъ трехъ сенатскихъ поправокъ, только послѣднюю признала палата, вопреки своей бюджетной комиссіи, которая, не обращая вниманія на главнаго докладчика своего, Рибо, хотѣла все вычеркнуть, отрицая право сената что-либо измѣнять. Сенатъ

утвердилъ бюджетъ 29-го, несмотря на протестъ монархистовъ, съ Брёномъ во главѣ, которые упрекали за уступчивость передъ палатой, «не уважающей его рѣшеній».

Между тѣмъ, какъ сенатъ обсуждалъ сметы государственныхъ расходовъ, палата окончила, наконецъ, выработку закона, создающаго права и гарантіи для служащихъ при большихъ желѣзнодорожныхъ компаніяхъ. Послѣ довольно комическаго бурнаго эпизода, стоившаго Полю де-Кассаньяку двухъ призваній къ порядку и парламентской цензуры, палата рѣшила увеличить средства, опредѣляемыя отъ казны на училища, школы и лицеи до тѣхъ поръ, пока послѣдняя деревушка будетъ обладать школьнымъ домомъ, какъ того требуетъ законъ 28-го марта 1882 г., установляющій обязательность первоначальнаго обученія для всѣхъ дѣтей отъ 6-ти до 13-ти-лѣтняго возраста. Не менѣе, если еще не болѣе бурны были пренія по поводу 25-ти милліоновъ на расходы по окупаціи Туниса въ 1883 году. Съ меньшими затрудненіями прошелъ 1,275,000 кредитъ на миссію Брацца въ Конго. Сенатъ немедленно утвердилъ оба эти ассигнованія, но отложилъ до января вопросъ объ увеличеніи средствъ на содержаніе школъ, послѣ чего чрезвычайная сессія 1882 г. была закрыта декретомъ, которымъ осуществлялось то, что предсказывалъ я ранѣе и чего, повидимому, нельзя было ожидать, а именно: упроченіе кабинета Дюклерка.

III.

Театръ и музыка: Драма изъ жизни древнихъ галловъ.—Новая пьеса Сарду изъ русской жизни.—Театральныя новинки.—«Сарданапалъ», опера Альфонса Дювернуа.—«Лорлей», симфоническая легенда Гилльмахера.

Большой успѣхъ имѣла въ Одеонѣ трагедія въ стихахъ молодого писателя Гранжнева: «Амра». Это старинное названіе означаетъ: «Впередъ! Смѣлѣй!» и было древнимъ воинскимъ кличемъ бренновыхъ сыновъ, по словамъ Плутарха. Пять дѣйствій вставлены въ рамку четырехъ друидскихъ декорацій. Костюмы рисовалъ военный живописецъ де-Невилль съ полною ученою добросовѣстностью. Дѣйствіе происходитъ за 150 лѣтъ до Р. Х., среди галльскихъ Альпъ, при подошвѣ Сен-Бернара. Передъ нами воинскія племена, признающія надъ собою верховную власть почитаемаго барда. Этотъ бардъ выдалъ дочь свою Канну за одного изъ *бренновъ* (вождей) по имени Сельталя. У нихъ двое дѣтей: дочь Жиптисъ и сынъ Эманъ. Старикъ намѣренъ отдать руку внучки вождю сосѣдняго племени Люэрну. Жиптисъ не можетъ не повиноваться волѣ дѣда, но она тайно любитъ нѣкоего Тарвена, храбраго, но не знатнаго воина. Узнавъ о предстоящемъ бракѣ, несчастный любовникъ намѣревается покинуть родной край. Онъ рѣшилъ вернуться только тогда, когда, въ

свою очередь, сдѣлается вождемъ, затѣмъ потребовать руки любимой дѣвушки, а если она сама не захочетъ быть избавленной отъ мужа, за котораго ее принудили выйти, то онъ долженъ умереть.

Свадебный пиръ справляется въ дубовомъ лѣсу. Воины почти всѣ охмѣлѣли. Внезапно появляется Тарвенъ, который только-что встрѣтилъ римлянъ, идущихъ по ущелью, въ долинѣ, занимаемой племенемъ Сельталя. Люэрнъ думаетъ, что это только хитрость соперника, желающаго разстроить его первую брачную ночь. Онъ велитъ привязать его къ дереву въ глухомъ мѣстѣ лѣса на съѣденіе волкамъ. Къ счастію, его освобождаетъ маленькій Эманъ.

Мы переходимъ въ жилище Люэрна, который окружилъ себя всею роскошью римской цивилизаціи, надѣясь тѣмъ заставить жену полюбить себя. Но Жиптисъ ненавидитъ эту цивилизацію и самихъ римлянъ. Мужъ объясняетъ, что не вѣритъ болѣе въ будущность Галліи и, что если, со времени разрушенія Карѳагена, Римъ владычествуетъ надъ цѣлымъ міромъ, то лучше будетъ присоединиться къ нему. «О, ты не галлъ! отвѣчаетъ ему Жиптисъ. — Зачѣмъ же ты взялъ меня въ жены?» Люэрнъ сознается, что онъ не любитъ ее и преслѣдовалъ лишь политическую цѣль, ища союза съ семействомъ могущественнаго барда, а именно: соединить подъ своею властью разъединенныя племена. Но къ чему? Чтобы предать родину чужеземцу! Жена негодуетъ и произноситъ имя Тарвена; Люэрнъ взбѣшенъ, онъ бросается на нее и ранитъ кинжаломъ.

Невольница Эва, соперница Жиптисъ, такъ какъ тоже любитъ Тарвена, ухаживаетъ за раненой и спасаетъ ей жизнь. Между тѣмъ, начинается битва между галльскими племенами и вторгнувшимися римлянами. Люэрнъ исчезаетъ. Тарвенъ дѣлается вождемъ вмѣсто него, и побѣждаетъ. Предателя находятъ, но только для того, чтобы врагъ простилъ его. Тарвенъ и Жиптисъ женятся, а Эва отравляетъ себя, почитая себя счастливою, такъ какъ «онъ бросилъ на нее взглядъ свой, взглядъ первый и послѣдній».

Еслибы характеръ Люэрна былъ бы также отчетливо обрисованъ, какъ характеры остальныхъ лицъ, пьеса производила бы потрясающее впечатлѣніе. Но у автора не хватило красокъ для изображенія гнусности и предательства. Напротивъ, онъ явился мастеромъ въ изображеніи потріотическихъ и геройскихъ чувствъ. Множество намёковъ на бѣдствія и реваншъ привели въ восторгъ студенческую публику Одеона; впрочемъ, и скептики и критика были увлечены пьесой.

Во всякомъ случаѣ пьеса смотрится съ удовольствіемъ, такъ какъ это не фантазія, смѣшанная съ исторической дѣйствительностью, а сама исторія, правда, грубая, но зато вѣрная. Къ тому же и въ нравственномъ отношеніи можетъ быть небезполезно противопоставленіе гнилой утонченности цивилизаціи здоровой силы и мощи любящихъ родину дикарей.

Исполняется «Амра» съ изумительнымъ совершенствомъ Полемъ Мунэ (Тарвенъ), Шеллемъ (Люэрнъ) и Коссэ, играющимъ стараго барда. Женскія роли распредѣлены между г-жами: Тессандье (Жиптисъ), Адемаръ (Эва) и Мери-Лорой, исполняющей роль самаго молодого изъ воиновъ Эмона.

Сара Бернаръ-Дамала, которой приходится заплатить сто тысячъ франковъ за ссору свою съ Théâtre Français, изображаетъ въ театрѣ «Vaudeville» «Федору» Сарду, какъ бы спеціально въ видахъ уплаты своего долга. Она получаетъ 1000 фр. за вечеръ и ей гарантировано сто представленій.

Викторьенъ Сарду написалъ свою «Федору» для Сары Бернаръ и довелъ въ ней свое сценическое мастерство до изумительнаго совершенства.

Первое дѣйствіе начинается разговоромъ ювелира съ лакеемъ графа Владиміра Горышкина, сына петербургскаго градоначальника. Дѣло идетъ о томъ, въ состояніи ли будетъ заплатить графъ за весьма крупный заказъ, въ виду денежныхъ затрудненій, въ которыхъ находится. Лакей успокоиваетъ ювелира, объявляя, что баронъ женится на милліонеркѣ, княгинѣ Федорѣ Ромазовой. Ювелиръ уходитъ. Появляется княгиня, встревоженная продолжительнымъ отсутствіемъ Горышкина. Вскорѣ слышится стукъ колесъ. Это онъ! радостно восклицаетъ она:—и я накажу его за то, что такъ напугалъ меня! Но она тревожилась не напрасно: женихъ раненъ въ грудь пулей, которая, какъ она полагаетъ, направлена была нигилистами. Его приносятъ въ сосѣднюю комнату и хирургъ приступаетъ къ извлеченію пули. Составляютъ протоколъ. Горышкина нашли въ уединенномъ домѣ и самыя серьёзныя подозрѣнія тяготѣютъ на Лорисѣ Ипановѣ, за которымъ полицейскіе отправляются въ сосѣдній домъ, между тѣмъ какъ княгиня слѣдитъ за ними изъ окна. Изъ сосѣдней комнаты выходитъ докторъ и объявляетъ, что раненый умеръ. Федора бросается къ нему и отъ бѣшенства мести переходитъ къ отчаянію.

Второе дѣйствіе вводитъ насъ въ гостинную графини Ольги Сухаревой, гдѣ, неизвѣстно уже какимъ путемъ, сходятся конспираторы и сыщики. Въ этомъ салонѣ блистаетъ Ипановъ, которому удалось уйти отъ преслѣдованія полиціи, и Федора, преслѣдующая его и выдающая себя за эмигрантку. Между этими двумя лицами быстро возникаетъ страстное чувство. Федора объявляетъ, что получила помилованіе и ѣдетъ въ Петербургъ. Она зоветъ его съ собою. Я не могу, отвѣчаетъ онъ, я приговоренъ къ смертной казни за убійство Горышкина. Вы его убили? Нѣтъ. Она настаиваетъ. Онъ почти сознается. Сама княгиня мѣшаетъ ему докончить разсказъ. Приходите ко мнѣ сегодня вечеромъ! шепчетъ она ему, притворяясь влюбленной и втайнѣ радуясь близкой возможности отомстить.

Въ третьемъ дѣйствіи, у княгини все готово для ареста убійцы, какъ только онъ сознается въ своемъ преступленіи. Русскія

власти уже извѣщены и полицейскій агентъ Гречъ долженъ схватить Лориса и отправить на яхту, ожидающую его на Сенѣ для дальнѣйшаго путешествія въ Гавръ и наконецъ въ Россію.

Онъ является. Они одни. Онъ разсказываетъ все: не изъ политическихъ, а изъ чисто личныхъ мотивовъ и мести убилъ онъ Горышкина, котораго засталъ во время свиданія, назначеннаго имъ его женѣ. Федора потрясена; она прерываетъ разсказъ восклицаніями: «убей его!.. Убей и ее!..

Эта сцена полна движенія, жизни, это уже не талантъ, а драматическій геній, во всемъ смыслѣ этого слова. Только позднѣе замѣчается бѣлая нитка, перерѣзывающая 2-ое дѣйствіе, чтобы сдѣлать возможнымъ 3-ье. Само собою разумѣется, что Лорисъ уже не можетъ выйти изъ отеля на улицѣ Бильи, что Федора отдается ему, чтобы не выдать его агентамъ, которыхъ сама разставила и, что на другой день они оба садятся на яхту, чтобы ѣхать въ Лондонъ и наслаждаться своимъ счастьемъ.

Однако, доносъ, сдѣланный ранѣе Федорой, имѣлъ самыя ужасныя послѣдствія. Отецъ ея велѣлъ заключить отца Лориса въ тюрьму, гдѣ онъ захлебывается во время наводненія. Мать умираетъ съ горя. Лорисъ узнаетъ это и приходитъ къ княгинѣ. Онъ называетъ ее шпіонкой, съ презрѣніемъ отталкиваетъ, оскорбляетъ. Она отравляется, и драма кончается поцѣлуями въ перемежку съ ужасающей агоніей. Эта агонія изображается Сарой Бернаръ еще съ бо́льшимъ реализмомъ, чѣмъ въ извѣстномъ «Sphynx».

Какъ видите, интрига пуста и неестественна. Но все это отходитъ на задній планъ предъ сложными страстями, передавая которыя, Сара Бернаръ превзошла себя. Съ точки зрѣнія ремесла, драма Сарду, конечно, можетъ быть названа превосходной, но съ точки зрѣнія искуства, это весьма и весьма посредственная вещь. Ни одной мысли не остается въ головѣ, ни одного добраго чувства не шевельнется въ душѣ. Это какая-то лихорадка, которая охватываетъ зрителей и бьетъ ихъ три часа сряду.

Выходишь изъ театра больной, и еслибы часто повторять подобныя удовольствія, можно, право, сойти съума.

Гастонъ Маро и Эд. Филиппъ пустились въ эксплуатацію военной исторіи и дали для сцены Шато д'О рядъ картинъ, озаглавленныхъ «Клеберъ». Войска дефилируютъ не въ такомъ количествѣ, какъ въ «Madame Thérèse», но публика предмѣстья, гдѣ находится названный театръ, остается очень довольной, такъ какъ недостатка въ мелодраматическихъ эффектахъ не имѣется.

Въ театрѣ «Nations» даютъ драму неизвѣстнаго автора Шарля Но́ «Les Carbonari». Это 7 весьма патріотическихъ и антиклерикальныхъ актовъ.

«Le Crime du Pecq», не имѣвшій никакого успѣха въ Бельгіи, вернулся въ Парижъ и, назвавшись просто «Le Crime», допущенъ на сцену театра «Menus Plaisirs».

Въ музыкальномъ мірѣ обратила на себя вниманіе опера Альфонса Дювернуа «Sardanapal», либретто сочинено для нея Пьеромъ Бертономъ. Въ этой оперѣ всего три дѣйствующія лица. Дювернуа не можетъ быть названъ оригинальнымъ композиторомъ, такъ какъ до сихъ поръ колеблется между Верди и Вагнеромъ и ищетъ такъ сказать собственнаго пути, не находя его. Сильное впечатлѣніе производитъ похоронный гимнъ въ третьемъ дѣйствіи и драматическій любовный дуэтъ «предъ лицомъ смерти».

Концерты идутъ своимъ чередомъ. Симфоническая легенда Гилльмахера «Loreley» обратила на себя всеобщее вниманіе въ т. н. concerts Lamouroux, гдѣ исполнялся четыре воскресенья сряду и «Сарданапалъ». Можно пожалѣть только, что авторъ выбралъ фантастическій сюжетъ и не предпочелъ ему болѣе реальнаго и человѣчнаго. Судьбы рейнской сирены не волнуютъ сердецъ.

Людовикъ.

31-го декабря 1882 г.

S. P. *1-ое января 1883 г.* Сейчасъ по Парижу разнеслась ужасная новость: Гамбетты не стало. Еще вчера въ 5 часовъ консиліумъ медицинскихъ свѣтилъ находилъ, что болѣзнь приняла хорошій оборотъ, такъ что успокоенные этимъ мнѣніемъ, Спюллеръ и другіе сотрудники большой и малой «République française» уѣхали въ Парижъ, а въ одиннадцать часовъ ночи уже началась агонія, продолжавшаяся до 12-ти безъ пяти минутъ. При смерти Гамбетты находилось всего на все два-три близкихъ ему человѣка и въ томъ числѣ г-жа Леони Леонъ, не покидавшая Ville d'Avrey съ самаго начала болѣзни покойнаго. Впечатлѣніе, произведенное на Францію смертью Гамбетты—самое тяжелое и безотрадное. Сильнѣе всего утрату Гамбетты почувствуютъ Эльзасъ-Лотарингцы; для нихъ имя его было какъ бы лозунгомъ надежды на избавленіе отъ Германскаго ига. Но и для остальной Франціи утрата этого великаго человѣка и бойца за республику, имя котораго исторія поставитъ рядомъ съ именами Мирабо и Дантона и который погибъ такъ неожиданно и несвоевременно (ему всего было 44 года!), составляетъ громадную утрату. Надо видѣть, какъ приняло горькую вѣсть о смерти своего народнаго трибуна парижское населеніе: сегодня день Новаго года, а на улицахъ не видно веселыхъ лицъ и обычнаго оживленія, не слышно ни безпечнаго говора, ни веселаго смѣха. Вмѣсто всего этого, публика густою массою и безконечною цѣпью тянется по шоссе D'Antin, чтобы справиться въ осиротѣлой редакціи «République française» о печальныхъ подробностяхъ неожиданной кончины великаго покойника. Въ политическомъ мірѣ событіе это произвело необычайную тревогу. Всѣ сознаютъ громадную потерю для Франціи и Республики въ личности этого могучаго политическаго дѣятеля и задаются печальнымъ соображеніямъ, что его въ настоящую, по крайней

мѣрѣ, минуту рѣшительно некѣмъ замѣнить, а такое соображеніе заставляетъ нѣкоторыхъ опасаться за самое существованіе республики во Франціи. Сознавая всю горесть утраты и скорбя не менѣе другихъ по поводу смерти Гамбетты, я далекъ однако же отъ подобнаго отчаянія и напрасныхъ опасеній за будущность судьбы Франціи: Республика настолько окрѣпла, что дальнѣйшее ея развитіе упрочено и она въ состояніи сама уже слѣдовать далѣе по пути, указанному ей угасшимъ нынѣ ея вождемъ. Такъ смотрѣлъ и самъ Гамбетта и дня за три до катастрофы въ Ville d'Avrey, онъ, въ разговорѣ со мною, такъ говорилъ объ этомъ: «съ 1870 года насъ во всемъ спасало всеобщее голосованіе и оно же спасетъ насъ еще не однажды, если это только понадобится. Тьеру и мнѣ удалось пробудить въ народѣ сознаніе своихъ силъ и теперь онъ и безъ насъ уже съумѣетъ сознательно сохраниться и спастись отъ вліяній слабодушныхъ интригановъ или безумцевъ».

ЛУИ БЛАНЪ И ГАМБЕТТА.

Далеко не однородное впечатлѣніе произвела на Европу почти одновременная смерть двухъ безспорно важнѣйшихъ дѣятелей французской республиканской партіи — Луи Блана и Гамбетты. Первый угасъ безъ треска и шума. Огромному большинству публики едва ли не извѣстіе объ его смерти напомнило, что онъ еще жилъ. Схоронили его, не скупясь на выраженія чувствъ благоговѣйнаго уваженія — это правда. Но при этомъ не видно было ни малѣйшаго слѣда той жгучей досады, съ которою обыкновенно провожается гробъ незамѣнимо-полезнаго дѣятеля. Даже и враги не почтили памяти покойнаго дикою радостью людей, у которыхъ гора свалилась съ плечъ. Такъ зачастую переплетается въ роскошный корешокъ и ставится на виднѣйшее мѣсто библіотеки книга, въ былые дни приводившая насъ въ восторгъ, открывавшая свѣтлые горизонты мысли и плодившая страстные споры, но давно уже зачисленная въ разрядъ «уважаемыхъ»: чтить ее всегда будутъ, но читать—никогда... Ничего недосказаннаго, загадочнаго, невѣдомаго, никакихъ секретовъ, обобщеній и комбинацій не унесъ съ собою въ могилу этотъ глубокій умъ, при жизни щедро расточавшій свои наблюденія и выводы. Мысли его сдѣлались всеобщимъ достояніемъ, а иныхъ благъ, иного наслѣдства отъ него некому было ждать.

Вовсе не такъ холодно принята была повсюду вѣсть о «без-

временной» смерти Гамбетты. Всѣмъ показалось и всѣ увѣрились, что смерть сдвинула съ политической арены великую силу, могшую вліять такъ или иначе нетолько на судьбы Франціи, но и на ходъ міровыхъ событій. Въ страстной натурѣ «великаго трибуна», въ изворотливомъ умѣ искуснаго организатора всѣ — друзья, какъ и недруги — видѣли ту самую практическую мощь, которая одна, будто бы, заправляетъ и распоряжается будущностью народовъ и государствъ. По общепринятому мнѣнію, мыслители могутъ выдыхаться и оскудѣвать, но практическіе дѣятели вѣчно юны и неистощимы. До глубокой старости они въ силахъ оказывать услуги общему дѣлу сочетаніемъ средствъ, имѣющихся въ ихъ распоряженіи. Поэтому, когда умираютъ такіе дѣятели, всякому сдается, что съ ними схоронена и тайна великаго множества плодотворныхъ комбинацій. Вѣдь думали же и писали люди, что со смертью Тьера навѣкъ сгибло дѣло французскаго возрожденія, что кромѣ него некому упрочить республику, что одинъ онъ могъ провести Францію между Сциллой реакціи и Харибдой утопіи... Тѣ же надежды и опасенія вызваны и смертью Гамбетты. Друзья его подавлены горемъ, а враги ликуютъ, въ твердомъ упованіи, что сила Гамбетты заключалась въ немъ самомъ и съ нимъ же сошла въ могилу. Точно надежды, идеи, стремленія и интересы, краснорѣчивымъ выразителемъ которыхъ служилъ Гамбетта, созидались его устами и исчезли вмѣстѣ съ его послѣднимъ вздохомъ, точно массы народа слѣпо и довѣрчиво шли за нимъ, куда-бъ онъ ихъ ни повелъ, а не настолько лишь, насколько умѣлъ онъ уловлять и обобщать ихъ собственныя страсти и желанія. — Не мало еще утечетъ воды, пока люди научатся видѣть въ ходѣ историческихъ событій кое-что иное, кромѣ внѣшней обстановки, да яркихъ деталей. Долго еще будутъ государственные люди и публицисты восторгаться платонично идеями Тьера и Бокля; но уроки Кайданова и Лорикэ, всосанные съ молокомъ матери, навсегда должно-быть останутся единственнымъ основаніемъ ихъ политической премудрости. Только этими уроками можно объяснить себѣ разсужденія и заявленія, вызванныя смертью Гамбетты. Дѣло дошло до того, что турецкій султанъ, говорятъ, высказалъ французскому посланнику, что смерть Гамбетты дастъ наконецъ Турціи возможность приступить къ осуществленію «внутреннихъ реформъ». Турціи, видите ли, мѣшалъ Гамбетта!.. Подите и изумляйтесь, послѣ этого, размышленіямъ газетъ о томъ, какими невообразимыми событіями чревата смерть Гамбетты, нарушающая «европейское равновѣсіе»...

Къ счастью, никакихъ подобныхъ недоумѣній и опасеній не возбудила, повторяемъ, смерть Луи Блана. И о чемъ, въ самомъ дѣлѣ, было разсуждать или препираться? Умеръ мыслитель, то есть «утопистъ», а извѣстное дѣло, что утописты—безплодный и пропащій народъ. Додумаются они съ голоду, на чердачкѣ, до

какой-нибудь «новой мысли», утопіи конечно, и пилятъ насъ ею десятки лѣтъ, твердя на всѣ лады, что внѣ ея, безъ нея, нѣтъ намъ исхода и спасенья, пилятъ, пока тюрьма или смерть не избавитъ насъ отъ нихъ. И добро-бъ соображались они съ обстоятельствами, съ нравами, вкусами и капризами того, что мы зовемъ «духомъ времени». Ничуть не бывало. Какъ истуканы неподвижно стоятъ они «на своемъ», и мрутъ, не раскаявшись въ заблужденіи, точно умны одни они, а весь остальной міръ состоитъ изъ глупцовъ. Гамбетта не напрасно громилъ такихъ людей со своею обычною ловкостью, обличая ихъ въ слѣпомъ самообожаніи. Вся страна до послѣдняго человѣка, говорилъ онъ, думаетъ одно, а они осмѣливаются утверждать противное, только потому, что себялюбивы, что личный эгоизмъ для нихъ выше общаго блага. Гордость утопистовъ всему помѣхой. Кабы позолотить да подсластить пилюлю, да ловко подсунуть ее міру, дѣло пошло бы по маслу и сразу уже вышелъ бы прокъ. Не тутъ-то было. Утописты считаютъ это шарлатанствомъ, недостойнымъ творческой силы генія; они думаютъ, что когда ихъ идея созрѣетъ и овладѣетъ умами, то уже сами собой выищутся люди, вполнѣ пригодные на подслащеніе и озолоченіе идей. Пусть-де они и пожинаютъ плоды, да наслаждаются рукоплесканіемъ прихвостней успѣха. До чего можетъ доходить такое горделивое умопомѣшательство, можетъ показать слѣдующая выписка изъ сочиненій хотя бы того же Луи Блана:

«Министры, расчеркиваясь подъ приказами, дипломаты, интригуя за зеленымъ столомъ, полководцы, проливая потоки крови, воображаютъ себя владыками земли. Смѣшная гордость! Не знаютъ они, что міромъ правитъ мысль, одна только мысль. Они не вѣдаютъ, что живые, воображающіе себя всесильными, за частую только приводятъ въ исполненіе молчаливыя велѣнія великихъ мертвецовъ. Истинные властители земли суть тѣ, чья мысль создаетъ дѣла будущности, чей духъ строитъ, задолго впередъ, жизнь грядущихъ поколѣній, чьи слова и примѣры возвышаютъ уровень человѣческой души... [1]».

[1] Louis Blanc. *Questions d'aujourd'hui et de demain.* Troisième série. Paris, 1880.

Какое самообольщеніе! Правда, конечно, что безъ великой идеи, придуманной и распространенной утопистами, не было бы на свѣтѣ и великихъ подвиговъ практическихъ дѣятелей, изъ которыхъ всякій машинально идетъ по стопамъ предшествующаго утописта и имѣетъ успѣхъ лишь благодаря прежней работѣ мысли. Но торжествомъ идеи и благодѣяніями, сопровождающими осуществленіе утопіи, міръ, разумѣется, обязанъ не утопистамъ, не зиждущей силѣ ихъ генія, не ихъ проницательности и предвидѣнію будущихъ судебъ народа, а сметкѣ и дѣловитости людей, которые, сообразивъ, что данная мысль уже понята и усвоена большинствомъ, рѣшаются взять на себя трудъ придать ей силу и форму закона. Кому какое дѣло, что утописты вложили въ нее всю свою душу, что ей посвятили они всѣ свои силы, что ради нея вынесли безконечный рядъ оскорбленій, каръ и гоненій, что иные ей даже жизнью пожертвовали!

По господствующему экономическому закону, въ силу котораго вознагражденіе обратно-пропорціонально труду, и тутъ, какъ во всѣхъ прочихъ областяхъ производства, творцу должны выпасть на долю лишь терніи, а цвѣты и розы достанутся въ удѣлъ тѣмъ, кто съумѣетъ воспользоваться идеей и трудомъ, кто «вò-время» пуститъ ихъ въ оборотъ. Міръ такъ устроенъ. Dura lex, sed lex...

Судьба и смерть двухъ названныхъ дѣятелей наводитъ умъ на соображенія поважнѣе этихъ безплодныхъ сожалѣній о несправедливости современниковъ и о вздорности ихъ похвалъ или приговоровъ. Съ дѣятельностью Луи Блана и Гамбетты тѣсно связана современная исторія Франціи, въ томъ, чтò имѣется въ ней наиболѣе любопытнаго и плодотворнаго для будущности. Въ различные, притомъ наиболѣе критическіе, моменты жизни Франціи, и Луи Бланъ, и Гамбетта играли выдающуюся историческую роль, служили представителями преобладавшаго настроенія, были во главѣ если не всего народа, то лучшей части народа. И тотъ, и другой имѣли часы и мѣсяцы наиболѣе завидной изъ диктатуръ—диктатуры ума, таланта и энергіи. Люди безъ связей, безъ богатства, безъ личныхъ приверженцевъ и, конечно, безъ всякихъ клевретовъ, достигали они, въ наиболѣе смутныя времена жизни своей родины, всеобщаго послушанія и повиновенія, и руководили своимъ не легко дисциплинируемымъ народомъ. Обоимъ имъ тѣмъ труднѣе было добиться такого повиновенія, что они при этомъ не могли опираться ни на прочныя основы традиціонныхъ учрежденій, ни на слѣпое довѣріе общества, ни на вооруженную силу, ни на іерархически послушную администрацію. Единственнымъ ихъ оружіемъ было воздѣйствіе на убѣжденіе и разумъ своихъ согражданъ. За моментами умственнаго и нравственнаго главенства наставали для обоихъ періоды паденія и забвенія, даже полнаго политическаго безсилія. Затѣмъ они вновь всплывали на поверхность толпы, вновь становились ея вождями. Но въ величіи, какъ и въ паденіи, они оставались собою: и умъ, и таланты, и знанія ихъ оставались при нихъ. Чѣмъ же объясняется этотъ попемѣнный приливъ къ нимъ то силы, то безсилія, это колебаніе ихъ политическаго значенія, ихъ вліянія на умы и судьбу своихъ современниковъ? Въ чемъ вообще кроется секретъ великихъ «двигателей толпы», чтò создаетъ ихъ силу, чтò приводитъ ихъ къ паденію? Вопросы эти менѣе праздны, чѣмъ обыкновенно думается, менѣе праздны въ наше время, когда для всѣхъ становится яснымъ, что одною грубою силою, одною машиною власти нельзя уже руководить государствомъ, начавшимъ жить умственною жизнью.

Обычный характеръ газетныхъ статей и надгробныхъ рѣчей—которыми теперь наводнены, по поводу смерти обоихъ дѣятелей, почти всѣ òрганы печати — рѣдко когда даетъ удовлетвореніе вполнѣ законному желанію публики уяснить себѣ истинную роль

почившаго героя. Посмертные некрологи и біографіи, большею частью, какъ двѣ капли воды похожи на характеристики кайдановскаго «Руководства къ исторіи». Такой-то царь, вступивъ на престолъ, засталъ страну въ невообразимомъ безпорядкѣ. Все въ ней было скверно и неблагоустроено. Онъ все это исправилъ, преобразовалъ, улучшилъ. Онъ разсѣялъ и уничтожилъ до тла всѣхъ враговъ страны и оставилъ народъ свой, умирая, въ цвѣтущемъ состояніи, благословляющимъ память своего благодѣтеля. Затѣмъ, на слѣдующей страницѣ: наслѣдникъ его, вступивъ на престолъ, засталъ страну въ невообразимомъ безпорядкѣ. Все въ ней было скверно и неблагоустроено. Онъ все это исправилъ, преобразовалъ, улучшилъ. Онъ разсѣялъ и уничтожилъ до тла всѣхъ враговъ страны и оставилъ народъ свой, умирая, въ цвѣтущемъ состояніи, благословляющимъ память своего благодѣтеля. И такъ далѣе, до конца книги. Тоже впечатлѣніе производятъ обыкновенно и посмертные некрологи. Если вѣрить имъ, то чуть ли не всякій покойникъ былъ геніемъ первой величины и образцомъ всѣхъ добродѣтелей, владеземъ всѣхъ премудростей. Что̀ ни покойникъ, то — спаситель, «единственный герой», надежда страны. И Дюфоръ у некрологистовъ выходитъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, несравненнымъ ораторомъ, и Ледрю-Роллэнъ, и Жюль Фавръ, и Тьеръ, и Гамбетта; и всѣ они родину спасали, да притомъ такъ, что каждому изъ нихъ не удалось спасти ее только потому, что ковы остальныхъ тому помѣшали. Объ ошибкахъ, промахахъ, недостаткахъ и слабостяхъ каждаго дѣятеля въ некрологахъ, разумѣется, не упоминается. Попробуйте тутъ разобраться и понять, кто чѣмъ былъ великъ и въ чемъ слабъ или безтолковъ. А для современныхъ читателей вѣдь едва ли не одними такими некрологами пишется исторія нашихъ дней. Вотъ почему не мѣшало бы, въ виду интереса къ современнымъ дѣламъ Франціи, вызваннаго въ обществѣ смертью Луи Блана и Гамбетты, подбавить немножко критическаго отношенія, исторической правды и трезваго, безпристрастнаго взгляда на вещи къ односторонне-хвалебной болтовнѣ некрологистовъ, для которыхъ все въ почившихъ дѣятеляхъ было геніально и изумительно, все, не исключая даже и ничтожнѣйшихъ мелочей ихъ будничной жизни. Кстати, такое отношеніе къ дѣлу дастъ возможность пролить немножко свѣта на слишкомъ мало извѣстныя страницы современной исторіи страны, стоящей во главѣ общечеловѣческаго движенія.

Намъ нѣтъ надобности разсказывать подробно біографію покойниковъ, ни распространяться объ ихъ талантахъ и заслугахъ. Эта сторона дѣла, полагаемъ, исчерпана вполнѣ въ газетныхъ статьяхъ, въ которыхъ не было недостатка, и которыя, навѣрное, хоть отчасти знакомы читателю. Скажемъ только, для полноты нашей оцѣнки, что мы не менѣе панегиристовъ отдаемъ должную дань удивленія изъ ряду вонъ выходящимъ дарованіямъ и способностямъ обоихъ дѣятелей. Что-

бы стать на такую высоту, чтобы премьерствовать въ такой странѣ, нужны были дарованія и силы, во сто кратъ превышающія тѣ, которыя въ прочихъ странахъ могутъ составить прочную славу даже и выдающимся государственнымъ людямъ. Гамбетта въ особенности отличался всѣми эффектными чертами многосторонняго дарованія. Повидимому, судьба щедрою рукою надѣлила его всѣми качествами, необходимыми главѣ правительства. Увлекательный ораторскій талантъ, электризовавшій массы, сочетался въ немъ съ гибкостью ума, способнаго усвоить на лету всякую новую мысль и на лету же сдѣлать ее всеобщимъ достояніемъ. Опытный и ловкій полемистъ, наносившій противникамъ непоправимые, ошеломляющіе удары, шелъ въ немъ рука объ руку съ добродушнѣйшимъ говоруномъ-весельчакомъ, обворожительно привлекавшимъ къ себѣ симпатію всѣхъ, кто имѣлъ случай встрѣтиться и поговорить съ нимъ. Смѣлость, доходившая до дерзости, до наглости, стояла въ немъ рядомъ съ осторожнѣйшимъ разсчетомъ. Онъ могъ равнодушно молчать и не двигать бровью, въ виду событій, отъ которыхъ вопили даже камни, и въ то же самое время онъ умѣлъ страстно относиться ко всякому явленію, обращавшему на себя общее вниманіе. Энергичный и рѣшительный до-нельзя, онъ умѣлъ терпѣливо ждать годы цѣлые осуществленія предзаданнаго плана. Никто лучше его не умѣлъ вылить сложную политическую мысль въ рамки двусловной формулы, способной врѣзаться въ умы даже и равнодушныхъ. Словомъ, всѣ способности политическаго вождя точно нарочно сошлись въ этомъ человѣкѣ, какъ никто на свѣтѣ знавшемъ свои силы и вѣрившимъ въ свою звѣзду, въ свое призваніе, задолго раньше, чѣмъ имя его стало извѣстно даже сотнѣ его согражданъ. Прочтите вновь его первую рѣчь о памятникѣ Бодэну, рѣчь адвоката, никому рѣшительно неизвѣстнаго — какимъ сознаніемъ своей силы, какимъ авторитетомъ дышетъ вся она! Берье и Жюль Фавры не имѣли такого властнаго тона даже и на склонѣ своей карьеры, когда весь свѣтъ, затаивъ дыханье, внималъ каждому ихъ словечку. Судьба, такъ обильно наградившая Гамбетту всѣми своими дарами — изъ которыхъ каждаго отдѣльно взятаго было бы достаточно, чтобы составить репутацію человѣка — не пожалѣла для него и обстановки, случаевъ и обстоятельствъ, могшихъ выставить его таланты въ наиболѣе рельефномъ видѣ. Она припасла для своего любимца безконечный рядъ эффектныхъ сценъ и бенгальскихъ освѣщеній. Опозоренные и осмѣянные Рошфоромъ валы второй имперіи пали, какъ стѣны Іерихона, предъ трубными звуками его рѣчей. Среди народа, ввергнутаго въ ужасъ и уныніе разгромомъ наполеоновскихъ армій послѣ Седана, свалился онъ съ неба на воздушномъ шарѣ, съ словами надежды и ободренія, и подъ его мановеніемъ точно изъ земли выросли пять армій. Сигналомъ прекращенія войны послужило паденіе Парижа, паденіе, котораго ему никто не могъ приписать. Затѣмъ,

послѣ образованія монархическаго національнаго собранія, послѣ разгрома коммуны, является онъ съ вѣстью побѣды республики, и подъ его командою падаютъ всѣ ковы, всѣ замыслы и интриги монархистовъ. Республика торжествуетъ, онъ побѣдилъ. Все это въ какихъ-нибудь десять, двѣнадцать лѣтъ. Есть тутъ изъ чего создаться легендѣ, есть изъ чего превратить имя этого человѣка въ политическій талисманъ, чарующій и увлекающій массы. И если человѣкъ съ такими богатыми задатками, съ такимъ невообразимымъ обаяніемъ не смогъ, однакожь, заставить безумно его любившую массу свернуть съ ея пути, чтобы стать на тотъ, который былъ любъ ему, то гдѣ-жь заурядным министрамъ и публицистамъ мечтать о «руководствѣ народомъ», о «проведеніи въ немъ своихъ излюбленныхъ теорій и идей»!

Имѣется на свѣтѣ вещь, называемая историческимъ прогрессомъ, законы котораго тѣмъ болѣе ненарушимы, что въ канцеляріяхъ и учреждаемыхъ при нихъ комиссіяхъ ихъ перекраивать невозможно. Законовъ этихъ напрасно было бы искать въ сводѣ дѣйствующаго права, но философія исторіи могла бы показать ихъ несокрушимую силу. Къ несчастію, Гамбеттѣ эта философія исторіи была неизвѣстна: государственные люди и кандидаты въ оные ея не жалуютъ. Убаюканный своими успѣхами, въ слѣпомъ довѣріи въ престижъ своего имени, онъ, одолѣвъ противниковъ, вообразилъ себѣ, что ему все позволительно, что онъ можетъ дерзнуть измѣнить ходъ исторіи, что онъ можетъ перехитрить историческій прогрессъ, какъ провелъ версальскихъ монархистовъ. Въ этомъ и кроется разгадка безплодности послѣднихъ годовъ его дѣятельности, разгадка его съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возроставшаго политическаго безсилія, его паденія, подточившаго богатыя силы его натуры.

Дѣло въ томъ, что блестящія способности Гамбетты потому только создали ему силу, что способности свои онъ отдалъ на служеніе правому дѣлу, дѣлу, поставленному на очередь ходомъ историческаго прогресса. Пока онъ вѣренъ былъ этому дѣлу, онъ былъ силенъ и несокрушимъ, ибо всѣ *живыя силы* страны стояли за нимъ. Онъ далеко не былъ такимъ непогрѣшимымъ, всезнающимъ, всеразрѣшающимъ геніемъ, какимъ рисуютъ его некрологисты. Еще въ лучшую пору своей дѣятельности надѣлалъ онъ массу ошибокъ и промаховъ, не ускользнувшихъ отъ вниманія современниковъ. Но даже эти ошибки и промахи не ослабляли его значенія: репутація его и слава росли, несмотря на эти ошибки. Повторяемъ, какъ и всѣ великіе дѣятели, онъ великъ былъ только тѣмъ, что стоялъ за великое дѣло прогресса, и до тѣхъ только поръ, пока стоялъ за него. Но будь Гамбетта въ сотни разъ геніальнѣе, чѣмъ былъ, онъ, навѣрное, явился бы такимъ же политическимъ ничтожествомъ, какъ не менѣе его талантливый Нума Бараньонъ, еслибъ онъ отдалъ силы свои на служеніе дѣлу регресса.

Двѣ главныя черты съ особенною рельефностью обрисовыва-

ются въ первоначальной дѣятельности Гамбетты, и черты эти, безспорно, занимаютъ виднѣйшее мѣсто въ ряду его заслугъ. Онъ съумѣлъ привлечь къ республикѣ симпатіи средняго сословія—арміи и буржуазіи—и заинтересовалъ въ ея процвѣтаніи массы искусныхъ, дѣятельныхъ и сильныхъ личностей, до него входившихъ въ контингентъ монархическихъ партій. Путемъ настойчивой пропаганды, неопровержимыми доводами разума, облеченными въ образную и пламенную рѣчь, доказалъ онъ пугливымъ, своекорыстнымъ и апатическимъ слоямъ болѣе или менѣе мелкихъ собственниковъ всякаго рода, что одна только республика можетъ дать Франціи истинный порядокъ, не тотъ, что̀ держится на силѣ штыковъ и на угнетеніи всѣхъ живыхъ силъ общества, а разумный, дѣйствительный порядокъ, созидаемый правильнымъ удовлетвореніемъ законныхъ стремленій и интересовъ страны. Нужно помнить, что прежнія правительства Франціи нашпиговали темныя массы населенія безконечнымъ количествомъ предубѣжденій и клеветъ противъ республики и республиканцевъ. Эти басни о потокахъ крови, о разбояхъ и т п. разрушилъ Гамбетта съ необычайнымъ блескомъ таланта. Вторая, еще болѣе важная заслуга, оказанная имъ дѣлу прогресса, заключается въ установленіи дисциплины между республиканцами, въ созданіи той организаціи, которая помогла республиканской партіи выйти побѣдительницею изъ борьбы со всѣми врагами, и въ постепенномъ превращеніи этой партіи изъ оппозиціонной въ партію, способную править государствомъ.

Еще до Гамбетты республиканцы, по численности своей, составляли во Франціи едва ли не самую значительную изъ политическихъ партій. Но ихъ вліяніе нетолько на ходъ событій, но и на умы согражданъ, было нейтрализовано междуусобицей отдѣльныхъ группъ партіи. Ни общей, сколько-нибудь уясненной цѣли, ни систематично направляемыхъ пріемовъ, ни взаимной подмоги, ни—главное—экономіи въ затратѣ силъ и средствъ не было въ партіи и помину. Если республиканская партія, тѣмъ не менѣе, признавалась серьёзною политическою силою, съ которою волей-неволей приходилось считаться власти, если ея ряды росли и увеличивались, если она не глохла въ бездѣйствіи, то объясняется это, съ одной стороны, стихійною силою историческаго прогресса и непрерывнымъ приливомъ новыхъ и новыхъ силъ страны, а съ другой—героическимъ, беззавѣтно самоотверженнымъ характеромъ дѣятельности главнѣйшихъ членовъ партіи. Люди, въ родѣ Армана Кареля, Годфруа Кавеньяка, Гарнье-Пажеса старшаго, Ледрю-Роллена и т. п., приковывали къ себѣ всеобщее вниманіе и завоевывали изумленныя симпатіи толпы нетолько блескомъ таланта или благородствомъ стремленій, но и фанатическою страстностью энтузіазма и всегдашнею готовностью во всякую минуту поставить на карту и свободу свою, и жизнь для достиженія цѣлей, всѣмъ тогда казавшихся химерическими. Примѣръ ихъ плодилъ массы по-

слѣдователей. Таковы обыкновенно начальные шаги всякой живучей партіи, всякаго ученія, имѣющаго за собою будущность. Но разъ героическія усилія первоначальной фаланги привлекли къ партіи толпы сторонниковъ, потребна становится разумная и дальновидная организація, цѣль которой—идти дальше уже не скачками, не на авось, не очертя голову, а твердою и естественною поступью, стройность которой возрастала бы по мѣрѣ постепеннаго усиленія могущества партіи. Возникають заботы о томъ, что затрату силъ и средствъ надо сообразовать съ вѣроятнымъ значеніемъ ожидаемыхъ результатовъ, что нужно заранѣе взвѣсить и расчистить каждый шагъ, каждый переходъ, чтобы не пришлось возвращаться вспять или топтаться на мѣстѣ. Рисковать, ставить ребромъ послѣдній грошъ, не заглядывать въ будущее могутъ и должны только люди, не имѣющіе прочной обстановки. Но когда владѣешь средствами навѣрняка добиться, хоть поздновато, но зато уже безъ риска, чего-нибудь осязательнаго и долговѣчнаго, было бы уже неразумно удѣлять хоть малѣйшую дозу своихъ средствъ на рискованныя попытки. За всѣмъ тѣмъ, нѣтъ ничего труднѣе, какъ перейти отъ кружковой, рискованной политики къ партійной, строго выдержанной. Да это и естественно. Въ политикѣ главное дѣло энергія, какъ въ составленіи плана дѣйствія, такъ и въ его осуществленіи. А энергія, какъ извѣстно, вещь трудно хранимая и удобно улетучивающаяся. Можно набрать массу лицъ, способныхъ проявить величайшую энергію въ теченіи извѣстнаго количества часовъ или дней, способныхъ безтрепетно встрѣтить смерть, смѣло подставить грудь подъ удары. Но у очень немногихъ изъ тѣхъ же вполнѣ энергичныхъ натуръ хватитъ выдержки сохранить ту же силу энергіи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, предъ лицомъ не смерти, а мелкихъ, еле замѣтныхъ, будничныхъ затрудненій. Люди, непреклонные передъ угрозою смерти, сплошь и рядомъ опускаются и уступаютъ передъ мелкою интригою, передъ прозаическими препятствіями. На этомъ основаніи, политическому дѣятелю требуется, въ сущности, несравненно больше твердости и энергіи при приведеніи въ исполненіе сложной, послѣдовательной партійной программы, чѣмъ при участіи въ повременныхъ вспышкахъ и манифестаціяхъ, хотя бы и крайне рискованныхъ или эффектныхъ. Съ другой стороны, всякая партійная программа требуетъ для сколько-нибудь удовлетворительнаго выполненія огромнаго количества разностороннихъ талантовъ, знаній и силъ, тогда какъ кружковая, будучи, по необходимости, узко-одностороннею, можетъ обойтись несравненно болѣе скромными средствами. Вотъ почему и французскіе республиканцы черезчуръ долго оставались безъ партійной организаціи, сохраняя характеръ разрозненныхъ кружковъ или, вѣрнѣе, болѣе или менѣе мелкихъ цыганскихъ таборовъ, предоставленныхъ каждый отдѣльно всѣмъ превратностямъ и случайностямъ стихій... А кружковъ плодилось съ каждымъ

днемъ все болѣе и болѣе. Соотвѣтственно съ увеличеніемъ числа адептовъ должны были, конечно, усложняться и задачи партіи, и планы дѣйствія, да и самая роль или борьба должна была принять болѣе вѣскій характеръ. Ничуть не бывало. Сорокъ лѣтъ спустя послѣ смерти Армана Кареля и Годфруа Кавеньяка, ихъ партія оставалась, въ главныхъ чертахъ, въ томъ же положеніи, въ какомъ была при нихъ, несмотря даже на то, что въ теченіи этого промежутка времени партія разъ уже захватила въ свои руки власть и почти годъ упражнялась въ ней. Въ теченіи этихъ сорока лѣтъ все, что только можно было придумать для ослабленія и уничтоженія вліянія партіи, было пущено въ ходъ не только ея врагами—это было бы въ порядкѣ вещей—но и самыми членами и адептами партіи, ихъ раздорами, ихъ взаимнымъ противодѣйствіемъ, ихъ неумѣлостью и промахами.

Когда Гамбетта примкнулъ къ этой партіи, въ послѣдніе годы царствованія Наполеона III, она представляла собою хаотическую массу взаимно враждовавшихъ кружковъ, дѣйствовавшихъ каждый за себя, часто наперекоръ другъ другу. Нужно было вращаться въ этихъ кружкахъ, дотрогиваться пальцемъ до царившей въ нихъ мелкоты политическихъ замысловъ и концепцій—мелкоты, всегда неразлучной съ замкнутостью въ тѣсномъ кругу — чтобы понять всѣ затрудненія задачи, предпринятой Гамбеттой сплотить воедино всѣ эти разрозненные элементы. Не говоря уже о личномъ самолюбіи и тому подобныхъ, въ сущности не важныхъ, препятствіяхъ, какое количество энергіи, настойчивости и труда нужно было пустить въ ходъ, чтобы справиться съ предразсудками, иллюзіями и традиціями каждой отдѣльной группы и побудить ее промѣнять ея мелкія, но излюбленныя задачи на общую и притомъ крайне отдаленную!

Гамбетта предложилъ своимъ политическимъ единомышленникамъ планъ такой организаціи, которая, покрывъ всю Францію сѣтью отдѣльныхъ кружковъ и комитетовъ, связывала ихъ и другъ съ другомъ, и съ однимъ общимъ центромъ, но не для того, чтобы подчинить ихъ центру, а чтобы поставить этотъ послѣдній въ возможность соображаться съ желаніями и волею мѣстныхъ фракцій. Установивъ непрерывный обмѣнъ мыслей между каждымъ такимъ комитетомъ и окружавшимъ его населеніемъ, организація, предложенная Гамбеттою, имѣла возможность во всякую данную минуту, благодаря связи между комитетами, восполнять недостатки каждаго изъ средствъ и силъ, имѣвшихся въ запасѣ у остальныхъ. Установилась прочная, реальная связь; дарованія и знанія уже не гибли въ бездѣятельности, въ узкой сферѣ кружковъ. Таланты не успѣвали проявляться, какъ ихъ выдвигали, пріискивая имъ соотвѣтствующую роль въ тѣхъ кружкахъ и областяхъ, гдѣ въ нихъ чувствовался недостатокъ. Этимъ достигался одинъ изъ наиболѣе трудно осуществимыхъ результатовъ политики—извлеченіе возможно бо́льшей пользы изъ наличныхъ силъ страны путемъ постановки каждой способности

въ надлежащую среду: the right man in the right place. Благодаря такой экономіи силъ, республиканская партія, до тѣхъ поръ казавшаяся и неподготовленною, и практически безсильною, вдругъ блеснула такимъ количествомъ свѣдущихъ, практичныхъ и даровитыхъ людей, о какомъ и мечтать не могли остальныя партіи во Франціи. Въ этой организаціи и заключается та «дисциплина», безъ которой не можетъ быть партіи, а не въ слѣпомъ повиновеніи всѣхъ членовъ волѣ и капризамъ одной какой бы то ни было личности, какъ бы геніальна она ни была.

Не станемъ распространяться также подробно объ остальныхъ заслугахъ Гамбетты, во-первыхъ, потому, что онѣ и безъ насъ достаточно освѣщены, а во-вторыхъ, потому, что по отношенію къ нимъ мы держимся мнѣнія значительно расходящагося съ общепринятымъ. Намѣтимъ только вскользь эту разницу. Гамбетта обыкновенно считается чудеснымъ организаторомъ военнаго сопротивленія, выказаннаго Франціею послѣ седанскаго разгрома, и искуснымъ основателемъ республики, ловкимъ творцомъ ея нынѣшней конституціи. Роль Гамбетты, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, представляется намъ незаслуженно раздутою и нисколько не соотвѣтствующею характеру истинно великаго государственнаго человѣка. Для людей, незнакомыхъ съ дѣлами и событіями великой революціи и не имѣющими понятія о томъ, какъ подготовлялись и осуществлялись чудеса 1793 года — воскресить которые взялся Гамбетта въ 1870 г.—и попытки, и прокламаціи Гамбетты. конечно, должны показаться по истинѣ сверхъестественными. Но мы знаемъ чему и кому онъ подражалъ, и знаемъ какъ далеко отсталъ онъ отъ оригинала. Стоитъ сличить знаменитое показаніе его передъ парламентскою комиссіею, провѣрявшею его дѣйствія [1], съ рапортомъ и докладомъ конвенту Карно и комиссаровъ великой республики [2], стоитъ изучить организаторскій трудъ Карно, языкъ или дѣйствія комиссаровъ, чтобы понять, насколько слабы, въ корнѣ безсильны были безсистемныя, урывчатыя, противорѣчивыя усилія Гамбетты. Люди 1793 г. отмѣчены были печатью творчества. Въ виду новыхъ затрудненій и новаго положенія вещей, они создали новые пріемы войны, подняли и организацію войскъ, и умѣнье располагать ими, и стратегію, и тактику, и снабженіе и снаряженіе армій до уровня новыхъ требованій времени. Этимъ, и только этимъ, вышли они побѣдителями изъ опасностей, равныхъ которымъ не знавала ни до того, ни послѣ, Франція. Гамбетта не возвысился до такой созидательной роли. Онъ ни разу, ни въ чемъ существенномъ, не вышелъ изъ рутины. Онъ подражалъ языку и внѣшней энергіи

[1] *Enquête sur les actes du gouvernement de la Défense Nationale*, т. V. Paris, 1873.

[2] *Réimpression de l'ancien «Moniteur»*, т. XVI и слѣд. Paris, 1854.

людей 1793 г., думая, что они побѣдили страстными воззваніями, и забывая, что за эфектными призывами ихъ къ патріотизму и къ доблести шла систематическая реорганизація всѣхъ сторонъ военнаго строя. Впрочемъ, намъ нѣтъ тутъ надобности особенно напирать на эту сторону вопроса. Какъ бы то ни было, Гамбетта «воспламенялъ сердца» наперекоръ всему, и ни неудачи, ни ошибки, ни безтолковое бросанье изъ стороны въ сторону не должны затмить той его заслуги, что онъ не упалъ духомъ и вѣрилъ въ борьбу, когда всѣ уже перестали вѣрить. Такъ или иначе, онъ «спасъ честь родины», которая, если и пала, то пала все-же не безъ сопротивленія.

Въ дѣлѣ основанія нынѣшней республики роль Гамбетты, по нашему мнѣнію, была еще болѣе раздута и преувеличена. Выше мы указали на плодотворную дѣятельность Гамбетты по части привлеченія къ республикѣ симпатій пугливой части французскаго общества и по установленію въ партіи сознательной дисциплины. Если подъ словами «основаніе» или «упроченіе республики» разумѣть эту сторону дѣла, то нѣтъ сомнѣнія, что Гамбетта оказалъ ей громадныя услуги. Но вѣдь панегиристы его разумѣютъ не эту плодотворную дѣятельность Гамбетты, шедшую рука объ руку съ движеніемъ историческаго прогресса, а совсѣмъ другое, совершенно ничтожное дѣло. Они утверждаютъ, что заслуги Гамбетты заключаются въ борьбѣ его съ интриганами-монархистами, да въ той парламентской дѣятельности, которая увѣнчалась утвержденіемъ конституціи 25 февраля 1875 года. Тутъ-то и нужно сдѣлать оговорки, чтобы не обманываться въ оцѣнкѣ роли и заслугъ Гамбетты.

Мы не принадлежимъ къ числу лицъ, придающихъ реальное значеніе тому «монархическому движенію», которое проявлялось въ національномъ собраніи 1871—1875 гг. Ниже, когда мы станемъ перечислять крупныя ошибки Гамбетты, мы укажемъ изъ какого печальнаго недоразумѣнія создалось это фиктивное большинство, лишенное всякой реальной силы и механически сплоченное изъ несовмѣстимыхъ элементовъ. Партія, состоящая изъ такихъ призраковъ, ни въ какомъ случаѣ не могла ниспровергнуть республики, за которую стояли наиболѣе подвижныя и энергическія силы націи. Это сознавалось и провозглашалось всѣми: и Тьеромъ, и монархистами, въ родѣ Ремюза, Дюфора и т. п., и самимъ Гамбеттой. Люди, судящіе о политическихъ событіяхъ по сценической ихъ обстановкѣ, по оффиціальнымъ церемоніямъ и по резолюціямъ парламентовъ, могутъ, конечно, думать и утверждать, что Гамбетта упрочилъ колеблющуюся республику и добился ея торжества путемъ осторожной и ловкой парламентской тактики. Но кто ищетъ реальной основы вещей, тотъ знаетъ, что еслибъ парламентская интрига и краснорѣчіе могли творить такія чудеса, то Руэръ и Берье, Брольи и Бараньонъ, Тьеръ и Кассаньякъ не вѣдали бы неудачъ и достигли бы осуществленія завѣтныхъ своихъ желаній. Если республика устояла въ 1871 г.,

если она не пала ни въ 1873, ни въ 1877, то всякій знатокъ современной исторіи объясняетъ это фатальнымъ безсиліемъ монархистовъ, не имѣвшихъ ни опоры въ странѣ, ни единства въ цѣляхъ, да энергическою беззавѣтною преданностью дѣлу республики населенія главнѣйшихъ городовъ Франціи, существеннѣйшей силы государства. Въ національномъ собраніи, правда, имѣлось огромное анти-республиканское большинство. Большинство это, разумѣется, воспользовалось бы своимъ положеніемъ, еслибъ оно не сдерживалось двумя препятствіями. Оно сознавало, что проникло въ собраніе фуксомъ, благодаря войнѣ и промахамъ Гамбетты, и что массы народа не поддержатъ его, а горожане, и въ особенности парижане, скорѣе дадутъ изрубить себя въ куски, чѣмъ допустятъ возстановленіе стараго режима. Съ другой стороны, внутреннія неустранимыя распри между приверженцами трехъ отдѣльныхъ династій дѣлили это большинство на три различныя группы, изъ которыхъ ни одна, отдѣльно взятая, не могла составить въ парламентѣ большинства, т. е. ни одна не располагала половиною съ лишнимъ голосовъ собранія. Легитимисты, орлеанисты, бонапартисты могли соединяться въ общей ненависти къ республикѣ, для проведенія всякаго рода реакціонныхъ законовъ и мѣропріятій—и тогда получалось подавляющее большинство. Но разъ выдвигалась кандидатура на престолъ члена той или другой династіи, или кандидатура на государственное главенство рѣшительнаго приверженца той или другой партіи, обѣ остальныя монархическія партіи присоединялись къ республиканцамъ, оставляя честолюбивую партію въ ничтожномъ меньшинствѣ. Вотъ на какихъ двухъ основахъ продержалась и окрѣпла республика. Эти основы видны были всѣмъ, всѣ ими руководствовались, и Гамбетта нисколько не раньше и не яснѣе остальныхъ замѣтилъ ихъ силу и значеніе. Le pacte de Bordeaux, вынужденное перемиріе между четырьмя партіями, изъ которыхъ ни одна не могла захватить власти, придуманное Тьеромъ и Греви, вытекало изъ обстоятельствъ положенія. Если Гамбетта и былъ тутъ при чемъ-нибудь, то развѣ тѣмъ, что сами эти обстоятельства, какъ увидимъ ниже, во многомъ обязаны были своимъ происхожденіемъ его ошибкамъ.

Это «равновѣсіе партій» въ парламентѣ, очевидно, продлиться не могло, въ особенности въ виду съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивавшагося въ странѣ значенія республиканской партіи. Еслибы Гамбетта былъ въ парламентѣ такимъ же способнымъ и полезнымъ дѣятелемъ, каковымъ былъ внѣ парламента, агитируя въ массѣ населенія, то онъ ограничился бы разстройствомъ интригъ и замысловъ монархическихъ партій, безсиліе которыхъ вынуждало собраніе разойдтись, не издавъ никакой конституціи. Но Гамбеттѣ вздумалось созидать конституцію руками того самаго большинства, которое обнаружило безплодіе свое родить монархію. И онъ употребилъ весь свой та-

лантъ на то, чтобы уговорить республиканцевъ войти въ сдѣлку съ монархистами, и выработать совмѣстно съ ними такую конституцію, въ которой бы монархическія и республиканскія идеи, стремленія и учрежденія были скомбинированы на скорую руку, сообразно съ требованіями монархистовъ. Исторія съ трудомъ объяснитъ себѣ, зачѣмъ Гамбеттѣ нужно было дѣлать такую уступку людямъ, осужденнымъ на безслѣдное исчезновеніе съ политической арены, зачѣмъ нужно было въ угоду имъ пеленать на долгіе годы республику во всевозможные путы. И только таже самая исторія — но уже исторія будущности — въ состояніи будетъ выяснить, какими затрудненіями и препятствіями, какою ненужною борьбою наградилъ республику Гамбетта, навязавъ ей, въ союзѣ съ обломками обезсиленныхъ партій, конституцію 25 февраля 1875 г., если она во-время не будетъ передѣлана на республиканскій ладъ.

Въ изданномъ на этихъ дняхъ посмертномъ сочиненіи Луи Блана «Histoire de la Constitution du 25 févrrier 1875» заключается сплошной обвинительный актъ противъ парламентской политики Гамбетты, приведшей къ этой уродливой конституціи. Доказавъ во-очію, что не было ни малѣйшей надобности издавать ее, Луи Бланъ подробно перечисляетъ всѣ опасности, которыя представляла она для республики, и всѣ западни, которыя заключаетъ она для ниспроверженія существующаго теперь порядка. Теоритически Луи Бланъ, конечно, безусловно правъ въ оцѣнкѣ достоинствъ и опасностей этой конституціи. Но лучшимъ подтвержденіемъ нашей мысли о томъ, насколько воля, ошибки и дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, какъ бы вліятельны они ни были, безсильны противъ движенія историческаго прогресса, насколько даже наиболѣе хитроумныя выдумки противниковъ движенія, не въ силахъ воспрепятствовать торжеству его, видно изъ самаго хода примѣненія конституціи 25 февраля. Казалось, все разсчитано было на то, чтобы помѣшать развитію и упроченію республики, казалось, что прогрессивные слои населенія не должны были и разсчитывать на успѣхъ, что во всякую минуту глава государства могъ упразднить республику совершенно законными средствами, предоставляемыми ему конституціею, путемъ распущенія палаты депутатовъ и вліянія чрезъ посредство консервативнаго сената. Но историческій процессъ далъ жизненное развитіе тѣмъ только сторонамъ новой конституціи, которыя благопріятствовали прогрессу, и заглушилъ всѣ остальныя, придуманныя въ видахъ регресса. Выборы 1876 и 1877 г. дали Франціи палату депутатовъ съ подавляющимъ республиканскимъ большинствомъ, и среди этого большинства радикальные элементы пріобрѣли невиданную до тѣхъ поръ силу. Сенатъ, придуманный оплотомъ монархіи, постепенно замѣнился сенатомъ республиканскимъ. Республика перешла въ руки республиканцевъ. Реакція убита была силою вещей. Луи Бланъ не правъ, забывая эту силу и поддаваясь теоретическимъ страхамъ. Жаль, конечно,

дающею чертою его личнаго характера и государственной дѣятельности, была чисто цыганская беззаботность о завтрашнемъ днѣ. Онъ жилъ, думалъ и дѣйствовалъ изо дня въ день, не заглядывая въ будущее, не вѣря въ немилосердную и неустранимую преемственность событій. Ради мелкой цѣли сегодняшней политики постоянно забывалъ онъ о существеннѣйшихъ интересахъ будущаго. Онъ нетолько предпочиталъ синицу въ рукѣ журавлю въ небѣ — сравненіе это не примѣнимо къ нему — но постоянно готовъ былъ уступить всѣ несомнѣнныя права первородства за чечевичную похлебку, поднесенную ему подъ носъ. Мало и этого: онъ готовъ былъ наобѣщать въ будущемъ груды благъ и злата, чтобы получить сегодня грошъ и, обѣщая, никогда не помнилъ о томъ, что нужно сдержать данное слово. И дѣлалъ все это онъ не по подлости или хитрости, не съ расчетомъ надуть кого-нибудь, а по цыганской беззаботности, по непривычкѣ серьёзно думать о будущемъ и помнить строго обѣщанія, свои, какъ и чужія. Альфонсъ Додэ прекрасно выставилъ эту черту въ своемъ «Нума Руместанѣ», въ которомъ публика совершенно ошибочно видитъ портретъ Гамбетты, тогда какъ срисовывался не онъ, а Нума Бараньонъ, одинъ изъ виднѣйшихъ предводителей французскихъ клерикаловъ-легитимистовъ и бывшій министръ Макъ-Магона.

Мы заговорили объ этой чертѣ для объясненія роли Гамбетты послѣ торжества республики. Семь лѣтъ проповѣдывалъ Гамбетта необходимость превращенія республиканской партіи изъ оппозиціонной въ правительственную. Семь лѣтъ твердилъ онъ, что всякія полемики и споры объ очередныхъ вопросахъ государственнаго и общественнаго устройства совершенно излишни, что всѣ эти вопросы разрѣшатся вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ первѣйшаго изъ всѣхъ вопросовъ—вопроса о захватѣ власти. Мы должны захватить власть легально, говорилъ онъ, все остальное — придетъ само собою. Десятки и сотни рѣчей, имѣвшихъ громадное распространеніе, посвящены были этой основной тэмѣ. Напомнимъ о главнѣйшей, о рѣчи, произнесенной въ Гаврѣ 18-го апрѣля 1872 г., въ которой онъ дошелъ до того, что отрицалъ вовсе существованіе «соціальнаго вопроса», доказывая, что этотъ вопросъ, состоящій будто бы только изъ множества мелкихъ вопросовъ, разрѣшается «путемъ постоянныхъ и непрестанныхъ усилій *правительства честныхъ людей*». Выдѣляя ошибочность этой послѣдней мысли, нельзя не признать, что политика «захвата власти» была совершенно основательная, и на этой почвѣ Гамбетта повторялъ только всеобщее убѣжденіе всѣхъ безъ исключенія членовъ своей партіи. Всѣ сознавали разумность пароля, всѣ терпѣливо ждали вождѣленнаго дня побѣды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, всякій думалъ, что человѣкъ, проповѣдующій такія идеи, человѣкъ явственно предвидящій скорое наступленіе перехода власти въ руки его партіи, имѣетъ же понятіе о томъ, что властью нужно пользоваться, что

люди, держащіе въ рукахъ власть и неумѣющіе при ея посредствѣ приносить своему народу максимумъ возможныхъ облегченій и благодѣяній, нетолько не достойны власти, но и не въ силахъ удержать ее за собою. Можно было не считать Гамбетту геніемъ первой величины, но никто не имѣлъ права думать о немъ, что онъ можетъ не понять, не знать, что партія, мечтающая о полученіи или захватѣ власти, должна взяться за нее съ готовою программой реформъ и улучшеній, что достигнувъ власти, поздно уже думать, а надо дѣйствовать, что изучать, соображать, колебаться позволительно пока придвигаешься къ власти, а не тогда, когда каждая минута должна употребляться на дѣло... Человѣкъ, твердившій совершенно основательно, что годъ власти плодотворнѣе десятка лѣтъ оппозиціи, долженъ былъ сознавать, что изъ этого года нельзя удѣлять ни дня, ни часу, на запоздалыя размышленія. Поэтому, всѣ были убѣждены, что Гамбетта въ нужное время явится достойнымъ своей же цѣли, что онъ предстанетъ съ выработанною программою реформъ, съ обдуманною системою дѣйствія, съ готовымъ штабомъ сотрудниковъ. Этою надеждою, этою увѣренностью объясняется терпѣливость республиканцевъ, ихъ долговременное подчиненіе обаянію Гамбетты. Всеобщее ожиданіе, однакожь, обмануто было вполнѣ. Обѣщая наступленіе періода «созидательной работы», періода реформъ, вслѣдъ за достиженіемъ партіею власти, Гамбетта забылъ, оказывается, подготовить себя и товарищей къ предстоящей имъ роли. Какъ во время войны 1870—1871 г., собирая молодыя арміи, онъ забылъ, или не смогъ снабдить ихъ ни талантливыми вождями, ни разумнымъ планомъ военныхъ дѣйствій, ни даже яснымъ указаніемъ на ближайшія цѣли ихъ операцій, такъ и тутъ, не смогъ онъ дать ни программы реформъ, ни системы политики. Онъ топтался годы на мѣстѣ, и Рошфоръ обнажилъ его ахилесовую пяту, съостривъ, что Гамбетта обѣщаетъ приняться за реформы «завтра», какъ лѣнивые школьники клянутся, что начнутъ заниматься съ слѣдующаго понедѣльника. Гамбетта съ трудомъ могъ составить даже пресловутое свое «великое министерство», причемъ бо̀льшую часть портфелей пришлось раздать людямъ, не обладавшимъ нетолько довѣріемъ страны, но и авторитетомъ въ тѣсномъ парламентскомъ кругу. Съ совершенно пустыми руками сталъ онъ во главѣ власти, сперва келейно, за спиною Фрейсинэ и Ферри, а затѣмъ и открыто, подъ своимъ настоящимъ именемъ. Ни малѣйшаго плана реформъ, никакой новой политической системы, долженствовавшей замѣнить прежнюю, не могъ выдвинуть человѣкъ, все время обѣщавшій проявить свои государственныя идеи только послѣ достиженія власти. Ферри явился предъ страною съ полнымъ, зрѣло во всѣхъ деталяхъ обдуманнымъ планомъ такого кореннаго преобразованія дѣла народнаго просвѣщенія, которое соотвѣтствовало бы духу и нуждамъ республики, основанной на всеобщей подачѣ голосовъ. Фрейсинэ

представилъ планъ соотвѣтственнаго же преобразованія и веденія общественныхъ работъ. Клемансо выставилъ основныя черты коренныхъ измѣненій въ общемъ веденіи республиканской политики. Одинъ только Гамбетта рѣшительно ничего не могъ представить, кромѣ мелочныхъ, совершенно ничтожныхъ или, во всякомъ случаѣ, не основныхъ преобразованій, въ родѣ измѣненія системы пополненія сената и выборовъ по списку. Гора родила мышь. Парламентъ глазамъ своимъ не вѣрилъ, видя, что Гамбетта, взявшись за власть, предсталъ предъ нимъ ни съ чѣмъ. Послѣ образованія «великаго министерства» (въ ноябрѣ 1881 г.) парламентъ отсрочилъ свои занятія на два мѣсяца, единственно съ цѣлью дать Гамбеттѣ возможность поправить эту невообразимую ошибку. Въ январѣ 1882 г. Гамбетта выступилъ съ проэктомъ реформъ... сенатскихъ и депутатскихъ выборовъ, да съ обѣщаніемъ такихъ «основныхъ» законопроэктовъ, какъ законъ о рецидивистахъ. Жальче этого не падало никакое министерство: сила и глубина паденія соотвѣтствовала высотѣ возлагавшихся на Гамбетту надеждъ и упованій. Ударъ, нанесенный тогда моральному и умственному авторитету Гамбетты, какъ государственнаго дѣятеля, законодателя, реформатора, политика, въ высшемъ значеніи этого слова, былъ на столько силенъ и непоправимъ, что вліяніе его отразилось даже и на чувствѣ, вызванномъ во Франціи его внезапною смертью, даже на «величественныхъ похоронахъ», которымъ благодарная страна почтила заслуги и дарованія бывшаго своего любимца. Всѣ адресы и телеграммы, вызванные его смертью, всѣ статьи и надгробныя рѣчи, всѣ заявленія безчисленнаго множества делегацій, сопровождавшихъ его гробъ, касались патріотизма Гамбетты, его военной роли въ 1870 г., его ловкой борьбы съ правительствомъ Мак-Магона, его организаторскихъ трудовъ, и только. Потерю его всѣ оплакивали только съ точки зрѣнія возможнаго столкновенія съ внѣшнимъ врагомъ. Но никто, не исключая и ближайшихъ друзей, не заикнулся при этомъ, что Франція потеряла въ Гамбеттѣ крупную законодательную силу, преобразователя, новатора. Всѣ видѣли и знали, что съ этой стороны Гамбетта былъ безплоденъ, какъ никто.

Гамбетта и самъ, впрочемъ, инстинктивно чувствовалъ этотъ свой недостатокъ. Это видно, между прочимъ, изъ того старанья, съ которымъ онъ постоянно выдвигалъ на очередь вопросы, всячески отдалявшіе наступленіе эпохи реформъ въ законодательствѣ страны. Нужно помнить, что послѣ паденія коммуны, въ іюнѣ 1871 г., Гамбетта, за четыре мѣсяца передъ тѣмъ проповѣдывавшій «войну во что бы ни стало», выступилъ передъ республиканскою партіею съ программою, вполнѣ соотвѣтствовавшею тогдашнимъ стремленіямъ и потребностямъ страны. Въ основаніи этой программы лежала мысль, что только одна республика можетъ обезпечить Франціи внутреннее спокойствіе и внѣшній миръ, что всякая монархія несомнѣнно вызоветъ внутри страны рядъ революціонныхъ взрывовъ, а внѣ—рядъ кровавыхъ

войнъ. Бордосская рѣчь Гамбетты [1], выставлявшая эту формулу—одна республика обезпечитъ внутренній порядокъ и внѣшній миръ—предлагала республиканцамъ политику легальной борьбы на избирательной почвѣ, и обѣщала имъ побѣду противъ непримиримо разрозненнаго и, въ сущности, безсильнаго монархическаго большинства парламента. Рѣчь эта, какъ извѣстно, возымѣла громадное вліяніе на страну. Да иначе и быть не могло. Франція тогда вдвойнѣ была обезсилена и утомлена неудачною внѣшнею войной и внутреннимъ, тоже неудавшимся возстаніемъ. Народъ жаждалъ отдыха и покоя, а наиболѣе страстные и энергическіе элементы передовыхъ слоевъ народа только что лишились сотни тысячъ горячихъ головъ, разстрѣлянныхъ или сосланныхъ послѣ подавленія коммуны. Понятное дѣло, что въ странѣ и партіи одинаково обезсиленныхъ и напуганныхъ, сохранившихъ лишь «осторожные и робкіе» элементы, перевѣсъ и вліяніе могли получить только люди и программы, предлагавшіе совѣты осторожности, ловкости и воздержанія отъ всякихъ энергическихъ пріемовъ. Не до головоломныхъ, всегда трудно достающихся реформъ и преобразованій бываетъ народу въ такія эпохи. Совѣтники, навязывающіе ему тогда крупныя и тревожныя задачи, не могутъ найти доступа къ его уму и сердцу: ему любы только люди, предлагающіе легкій моціонъ силъ. Въ этомъ кроется секретъ преобладанія Гамбетты въ теченіи 1871 — 1878 гг. надъ болѣе рѣшительными и дальновидными главарями партіи, секретъ его силы и ихъ безсилія за это время. Ходъ историческихъ событій давалъ тогда значеніе и главенство только осторожному, нерѣшительному, уступчивому вождю, далекому отъ всякихъ радикальныхъ пріемовъ, которыхъ и не выдержалъ бы разслабленный организмъ страны. Въ силу этого закона провалился Гамбетта со своею партіею на февральскихъ выборахъ 1871 г., въ силу этого закона создалось тогда вліяніе Тьера, и въ силу этого же закона всплылъ Гамбетта въ 1872 г., когда уразумѣлъ, что ошибся, ставъ на почву энергической политики войны.

Прошло десять лѣтъ, безъ малаго. Страна отдохнула, народъ окрѣпъ въ «легкомъ моціонѣ» борьбы съ фантомами реакціи. Бѣлый терроръ 1871 г. разсѣялся, выросли и вступили въ политическую жизнь, въ качествѣ избирателей, новыя поколѣнія, не испытавшія на себѣ ни гнета наполеоновскаго режима, ни ужасовъ версальскихъ репрессалій. По политическому организму Франціи прошла та лихорадочная дрожь, которая свидѣтельствуетъ о томъ, что «то кровь кипитъ, то силъ избытокъ». Чуялось повсюду наступленіе весенней поры. Чопорные дѣдушки и бабушки монархической реакціи сданы были выборами 1876 и 1877 гг. въ чуланы забвенія; у пугалъ бонапартизма

[1] *Discours et plaidoyers politiques de M. Gambetta*, т. II, стр. 15. Paris, 1881.

какіе-то зулуссы отшибли крылья и голову, и молодыя силы страны, закусивъ удила, рвались впередъ. Обстоятельства и положеніе видимо перемѣнились и были ужь не тѣ, чтò въ 1871 г. Съ присущею французамъ страстностью начали избиратели выбиваться изъ осторожной политики, рекомендованной имъ Гамбеттой въ дни унынія и слабости, въ которой они до тѣхъ поръ такъ хорошо себя чувствовали, которая такъ люба была имъ. Они стали требовать уже не черепашьяго прогресса, а смѣлаго движенія впередъ, осуществленія обѣщанныхъ реформъ. Гамбетта не могъ не оцѣнить по достоинству всей силы этого естественнаго прилива энергіи и ретивости: приливъ для всѣхъ былъ очевиденъ. Но, чувствуя въ себѣ коренной недостатокъ преобразовательныхъ талантовъ и знаній, онъ вновь не угадалъ духа и потребностей страны, и снова сдѣлалъ крупную политическую ошибку.

Передовые элементы Франціи, разумѣется, должны были, при подобныхъ обстоятельствахъ, окрылиться надеждой и броситься впередъ, увлекая за собою, волей-неволей, и болѣе апатическіе слои населенія. Помѣшать такому поступательному движенію, остановить его, понятное дѣло, не въ силахъ былъ бы даже и архи-геній. Истинно государственный умъ извлекъ бы изъ этого положенія наибольшую долю пользы для страны, ставъ самъ во главѣ движенія и открывая ему разумный путь. Всѣмъ поэтому казалось, что Гамбетта воспользуется вліяніемъ своего обаятельнаго имени, силою своего увлекательнаго таланта, и съумѣетъ разрѣшить мирнымъ путемъ крупные вопросы, дамоклесовымъ мечемъ висящіе надъ современными государствами, умѣряя требовательность и порывы страстныхъ элементовъ и успокоивая, утѣшая, подбодряя пугливыхъ. Послѣ окончательнаго торжества республики, въ 1880 г., въ шербургской своей рѣчи, въ которой Франція надѣялась найти указанія на новыя основы будущей политики государства, Гамбетта выдвинулъ программу подготовленія къ внѣшней войнѣ, съ цѣлью возстановить утраченное Франціею мѣсто «въ совѣтахъ великихъ державъ». Вотъ въ какую сторону направлялъ Гамбетта избытокъ силъ своей родины, вотъ въ чемъ мечталъ онъ найти предохранительный клапанъ противъ накопленія въ ней энергіи. Онъ только повторилъ пріемы и ошибки Наполеона III: прогрессивное движеніе внутри страны онъ надѣялся побороть отводомъ силъ и вниманія Франціи на внѣшнія дѣла, на военныя заботы...

Мы не даромъ сопоставляемъ тутъ шербургскую рѣчь Гамбетты съ его бордоскою рѣчью. Обѣ эти программы служатъ верстовыми столбами на пути, по которому Гамбетта предполагалъ вести, а отчасти и велъ, Францію. Но въ Бордо, въ 1871 г. Гамбетта явственнѣе угадалъ настроеніе своего народа, чѣмъ въ Шербургѣ въ 1880 г. Роль Гамбетты въ 1871 г. соотвѣтствовала ходу историческаго прогресса, а въ 1880 г. противорѣчила ему. Поэтому вся Франція откликнулась на призывъ

1871 г., вся она, какъ одинъ человѣкъ, пошла тогда за Гамботтой, предлагавшимъ искусную политику послѣдовательныхъ завоеваній демократическихъ благъ. На призывъ же 1880 г. страна отозвалась молчаливымъ, но рѣшительнымъ отказомъ стать на указываемый ей путь.

Многимъ можетъ показаться страннымъ такое наше заявленіе. — «Помилуйте, скажутъ намъ, возможно ли сомнѣваться въ единодушномъ патріотическомъ настроеніи Франціи, въ виду величественныхъ похоронъ, которымъ сами же вы придаете исключительно военно-демонстративный характеръ?» Тѣмъ не менѣе отъ мирныхъ манифестацій такого свойства до дѣйствительнаго стремленія къ войнѣ очень и очень далеко. Что передовые элементы французской демократіи твердо и обдуманно не хотятъ войны, что они ни зачто на свѣтѣ не позволятъ скомпрометировать теперешняго завиднаго своего положенія шансами войны, могущей повести, въ случаѣ пораженія, къ возврату стараго режима, а въ случаѣ побѣды — къ установленію военной диктатуры — это, полагаемъ, не подлежитъ и тѣни сомнѣнія. Нужно не знать вовсе рѣчей Клемансо, статей Рошфора и Марэ, заявленій Кловиса Гюга и всѣхъ остальныхъ агитаторовъ, чтобы думать противное. Насколько населеніе раздѣляетъ въ этомъ отношеніи ихъ чувства и воззрѣнія, видно изъ успѣха, выпавшаго на долю всѣхъ колоссальныхъ миттинговъ, организованныхъ для сопротивленія различнымъ попыткамъ военныхъ экспедицій, миттинговъ, послѣдствіемъ которыхъ было поспѣшное отозваніе французскаго флота отъ Дульциньо, отмѣна посылки французскихъ инструкторовъ въ Грецію и мирный оборотъ французской политики въ египетскомъ вопросѣ. Нужно также не знать вовсе характера и нравовъ сельскаго населенія Франціи, чтобы думать, что оно можетъ сочувствовать воинственной политикѣ. На выборахъ нетолько 1876 и 1877 г., но даже и 1881 г., ни одинъ кандидатъ не осмѣлился предстать предъ избирателями иначе, какъ съ формальнымъ обѣщаніемъ соблюденія внѣшняго мира. Докладъ парламенту Камиля Пельтана о сличеніи, по предложенію Randэ, избирательныхъ программъ и обѣщаній кандидатовъ въ депутаты прямо свидѣтельствуетъ объ этомъ знаменательномъ фактѣ. О врожденномъ отвращеніи къ войнѣ въ буржуазныхъ слояхъ французскаго населенія распространяться не стоитъ. Одна только аристократія искренно желаетъ войны, но не рвется и не толкаетъ къ ней, потому что не увѣрена въ успѣхѣ и страшится возможнаго пораженія. Таково *реальное* настроеніе Франціи. Оно, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ порывамъ мирнаго задора, величественнымъ смотрамъ, колоссальнымъ издержкамъ на военныя приготовленія. Оно, быть можетъ, не помѣшаетъ и страстному отношенію Франціи къ войнѣ, насильно ей навязанной. Но мало ли на свѣтѣ людей, тратящихся на дорогое оружіе и упражняющихся въ стрѣльбѣ, безъ всякаго желанія подставить грудь подъ чужіе выстрѣлы? Нужно совер-

шенно исключительное стеченіе обстоятельствъ, чтобы Франція втянулась въ сколько-нибудь серьёзную войну: для этого необходимо, чтобы она вызвана и приперта была къ стѣнѣ, чтобы Германія видимо ослаблена была столкновеніемъ съ другимъ какимъ-нибудь могущественнымъ противникомъ и т. п. Такая перспектива еще очень мало вѣроятна. Въ сущности, всѣ приготовленія, манифестаціи и затраты французовъ имѣютъ строго оборонительное значеніе. Гамбетта служилъ при этомъ, въ глазахъ фрацузовъ, тѣмъ самымъ заряженнымъ револьверомъ, которымъ мирные граждане запасаются про всякій случай, противъ нападенія на страхъ врагахъ, но на котораго сами они взираютъ не безъ опаски и затаеннаго ужаса, какъ бы онъ нечаянно не довелъ владѣльца до бѣды.

Лучшимъ подтвержденіемъ вѣрности нашей оцѣнки дѣйствительнаго настроенія Франціи служитъ то обстоятельство, что страна высказала упорнѣйшее сопротивленіе усиліямъ Гамбетты втянуть ее въ войны, несравненно менѣе опасныя, чѣмъ столкновеніе съ Германіей. Вспомнимъ съ какимъ единодушіемъ ополчились и печать, и избиратели, и парламентъ противъ всѣхъ этихъ тунисскихъ, египетскихъ и тонкинскихъ поползновеній, въ которыхъ имѣлся нѣкоторый смыслъ—испробовать и вышколить новую армію Франціи. Страна, повторяемъ, не пошла покорно за Гамбеттой по пути, открытому его шербургскою рѣчью. Но примѣры, только что нами приведенные, свидѣтельствуютъ нетолько о промахѣ Гамбетты въ выборѣ основнаго направленія политики, но также о невообразимыхъ ошибкахъ, высказавшихъ неумѣніе его идти по имъ же самимъ избранному пути, выполнить имъ же на себя взятую роль. Преобладаніе внѣшнихъ задачъ, преслѣдованіе цѣли возстановить военное и международное значеніе Франціи, значило—готовиться къ войнѣ съ Германіею. Для этого, очевидно, необходимо было избрать такую иностранную политику, которая обезпечивала бы за Франціею, на случай войны, союзъ и содѣйствіе какой-нибудь великой державы, а внутри страны — заготовлять исподволь коренную реформу военной организаціи, чтобы война не застала Францію въ расплохъ. Слѣдившіе внимательно за иностранною политикою Гамбетты по его органамъ и заявленіямъ, должны помнить какою невѣроятною неустойчивостью, какими колебаніями и внезапными поворотами отличалась она всегда. То онъ мечталъ опереться на Россію и въ союзѣ съ нею сжать въ тиски Германію, то думалъ найдти поддержку въ Австріи, то лелѣялъ химеру союза латинскихъ народовъ, Италіи, Франціи и Испаніи, то грубо отталкивалъ и задѣвалъ Италію, чтобы сблизиться съ Англіей, то пытался привлечь къ Франціи силы и поддержку мелкихъ народностей—Даніи, Греціи, Румыніи, Сербіи, Черногоріи. Государственные умы, способные одолѣть Бисмарка, не путаются въ такомъ лабиринтѣ союзовъ и комбинацій, а имѣютъ явственное понятіе о томъ, существенные интересы какого государства

и традиціи какого правительства предвѣщаютъ Франціи либо несомнѣнный союзъ, либо неминуемое противодѣйствіе. Говорить ли о колебаніяхъ и промахахъ Гамбетты въ дѣлѣ чисто военной организаціи? Всѣ помнятъ, что никакого *общаго* плана реорганизаціи боевыхъ силъ страны онъ выдвинуть не могъ, что никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ на существенные вопросы военнаго дѣла онъ не высказалъ, что генералъ Фарръ, рекомендованный и поддерживавшійся имъ, какъ обновитель арміи, оказался бездарностью, напутавшею все дѣло, что когда понадобилось выдвинуть, для покоренія Туниса, небольшой экспедиціонный отрядикъ, пришлось дезорганизировать всѣ части французской арміи. Интендантство, санитарное вѣдомство, генеральный штабъ, чуть ли не всѣ роды оружія оказались въ такомъ же безпомощномъ, хаотическомъ положеніи, въ какомъ оставила ихъ имперія при своемъ паденіи. Отчеты, дебаты и заявленія депутата Амедэ Лефора съ наглядностью обнаружили всю военную безпомощность тогдашней арміи. Отъ генерала Фарра, отъ прежнихъ системъ реорганизаціи, пришлось отказаться даже самому Гамбеттѣ. Пришлось сознаться, что чуть ли не весь организаторскій трудъ былъ безплоденъ, что надо начинать дѣло заново... Прибавьте ко всему этому, что отдаленными экспедиціями, которыя могли имѣть значеніе лишь пробы арміи, Гамбетта, отвлекая силы Франціи отъ германской границы, тѣмъ самымъ ослаблялъ наличную боевую готовность родины, а вмѣстѣ съ тѣмъ задѣваніемъ интересовъ то Италіи, то Турціи, то Англіи, увеличивалъ число непріятелей Франціи, и мы убѣдитесь, что Гамбетта не стоялъ на высотѣ своей роли и задачи — одолѣть Бисмарка, что онъ, по неумѣлости, игралъ въ руку своему противнику.

Достаточно, полагаемъ, перечисленія этихъ крупныхъ, такъ сказать первоклассныхъ, капитальныхъ ошибокъ и недостатковъ Гамбетты, чтобы не имѣть надобности въ повѣствованіи о массѣ промаховъ болѣе мелкихъ и ничтожныхъ, совокупность которыхъ вызвала замѣтное пониженіе его престижа и политическаго вліянія. Этотъ «отливъ силъ» заслуживаетъ, впрочемъ, вниманія и самъ по себѣ. Для его полной характеристики мы коснемся его подробнѣе.

Выше замѣчено было, что главною причиною ослабленія роли и значенія Гамбетты былъ естественный приростъ свѣжихъ, прогрессивныхъ элементовъ въ французскомъ народѣ, и неумѣніе Гамбетты разумно направить избытокъ накоплявшейся энергіи страны. Когда нарождаются силы, когда накопляются и окрѣпаютъ стремленія, въ ихъ выразителяхъ недостатка не бываетъ. Былъ бы медъ, а мухи найдутся. Первою такою мухою явился человѣкъ, одаренный несравненнымъ талантомъ, человѣкъ, котораго Наполеонъ III, еще раньше, чѣмъ испробовалъ на себѣ его убійственные удары, считалъ «способнымъ взорвать на воздухъ любое правительство», Рошфоръ. Нужно вспомнить, какимъ презрительнымъ

пленепожатіемъ отнеслась вся европейская печать къ перчаткѣ, брошенной Рошфоромъ Гамбеттѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что перчатку кидалъ не первый встрѣчный, не задорный юноша, а писатель, находившійся во всемъ обаяніи славы, по общему сознанію, сразившій вторую имперію, и встрѣченный парижскимъ населеніемъ съ неподдѣльнымъ тріумфомъ, какого не удостоивался еще никто. Все-таки презрительное недовѣріе печати къ «дерзкой вылазкѣ» Рошфора было понятно. Гамбетта находился тогда въ апогеѣ своего величія. Предъ нимъ покорно склонялся парламентъ; онъ единовластно составлялъ, тасовалъ и опрокидывалъ министерства, за нимъ былъ блескъ эффектныхъ политическихъ побѣдъ, въ его политическую мудрость свято вѣрила вся пресса, вся страна. Робкіе голоса «независимыхъ» республиканцевъ, въ родѣ Луи Блана, Клемансо и т. п., не иначе дерзали выражать свое «особое мнѣніе», какъ въ формѣ почтительнаго дополненія къ мысли республиканскаго самодержца. И такому человѣку объявлялъ войну Рошфоръ, не имѣвшій за собою ни единаго депутата, ни одной газеты. «Очевидная безразсудность» этой борьбы всѣмъ бросалась въ глаза, всѣмъ, за однимъ исключеніемъ, за исключеніемъ Гамбетты. По достоинству цѣня «адскую силу» противника, Гамбетта не могъ не поднять брошенной перчатки. Кто слѣдилъ за мыслью и политикою Гамбетты нетолько по его рѣчамъ, но и по главнѣйшимъ его органамъ печати—«République française» и «Voltaire»—тотъ знаетъ, какое рѣшительное вліяніе имѣли «безумныя нападки» Рошфора на внезапныя видоизмѣненія тактики и воззрѣній главы оппортюнистовъ. Въ исторіи современной политической печати мы не знаемъ страницъ болѣе поучительныхъ и грандіозныхъ—ни болѣе блестящихъ—чѣмъ та страстная полемика, которая въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ велась между Рошфоромъ и Гамбеттой, поддерживаемымъ блестящими полемистами, въ родѣ Эмиля Жирардэна, Ранка, Аллэна-Тарже и Спюллера. Съ той и съ другой стороны ежедневно сыпались удары, способные сбить съ ногъ слона, не то что человѣка. О ловкости, изворотливости, искуствѣ, остроуміи и силѣ, повидимому одинаково геніальныхъ противниковъ нельзя дать читателю даже и приблизительнаго понятія. Послѣ каждаго новаго удара, изумительнаго по силѣ и ловкости, казалось, что противникъ убитъ на повалъ, что теперь-то онъ уже не встанетъ. Но вслѣдъ за тѣмъ этотъ же самый противникъ, пряча окровавленную руку, наносилъ другою раны не менѣе смертоубійственныя, чѣмъ тѣ, которыя самъ только-что получилъ. Не довольствуясь доводами и остроуміемъ, Гамбетта пустилъ въ ходъ свои знаменитые капканы, «секретныя письма», которыя онъ, въ качествѣ итальянца, такъ ловко умѣлъ таить за пазухой и пускать въ оборотъ, на манеръ браво, пользующихся скрытыми стилетами. Убѣдившись однако-жь, что пріемы, сшибавшіе съ ногъ интригановъ, въ родѣ Бёлэ, Фурту и Брольи, не избавляютъ его отъ противника, опирающагося

на жизненную идею, Гамбетта началъ мѣнять фронтъ своей позиціи и дѣлать уступки, казавшіяся ему неминуемыми. Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, заключалась сила и неотразимость нападеній Рошфора?—Вы видите, твердилъ онъ массамъ, Гамбетта не даетъ вамъ, не можетъ дать демократическихъ реформъ, необходимыхъ для благополучія народа, обѣщанныхъ имъ самимъ. Онъ стоитъ за неприкосновенность современной соціально-экономической неурядицы, онъ, твердившій, что ее устранитъ торжество республики. И тутъ же, обращаясь къ буржуазіи, ко всѣмъ слоямъ, заинтересованнымъ въ охраненіи нынѣшняго строя общественныхъ отношеній, онъ писалъ: Гамбетта, не умѣя справиться съ внутренними затрудненіями, толкаетъ васъ къ войнѣ, то-есть къ разворенію, къ паденію страны. Въ аргументахъ, въ иллюстраціяхъ, въ примѣрахъ у него, конечно, не было недостатка. Все это облекалось ежедневно въ образную, ядовитую, «пронзительную» рѣчь, оставлявшую по себѣ неизгладимые слѣды въ умахъ публики. Что было дѣлать, что можно было возразить на эти образныя, понятныя для всѣхъ, «слова истины»? Рошфоръ одновременно отталкивалъ отъ Гамбетты и прогрессивные, и умѣренные элементы Франціи. Гамбетта сообразилъ опасность положенія, и понялъ, что безъ «внутреннихъ реформъ» ему обойтись невозможно. Онъ выдвинулъ тогда вопросъ о выкупѣ и огосударствленіи желѣзныхъ дорогъ. Мѣра эта рекомендована была Луи Blаномъ еще въ 1841 г., въ брошюрѣ «L'Etat et les chemins de fer», въ такое время, когда «великіе практическіе дѣятели», въ родѣ Тьера, мудрость которыхъ вѣчно ставится въ примѣръ утопистамъ, отрицали даже самую полезность и будущность желѣзныхъ дорогъ. Съ тѣхъ поръ вопросъ о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ нетолько разработывался въ печати, нетолько вызвалъ цѣлую спеціальную литературу, но подлежалъ обсужденію европейскихъ парламентовъ и разрѣшенъ былъ въ Бельгіи, Баденѣ, въ Германіи. Слѣдовательно, всякій государственный человѣкъ, хоть мало-мальски подготовленный къ веденію дѣлъ своей страны, долженъ былъ умѣть если не разрѣшить окончательно, то по крайности толково поставить вопросъ этотъ предъ законодательною властью. Гамбетта не съумѣлъ и этого. Онъ ограничился «постановкой вопроса на очередь» и предложеніемъ образовать особую комиссію для его изученія. Предоставляемъ читателю догадаться, въ какомъ комическомъ свѣтѣ выставилъ Рошфоръ это безсиліе Гамбетты. Попытка не удалась. За нею послѣдовало то колоссальное разочарованіе страны, при образованіи «великаго министерства», о которомъ говорилось выше. Гамбетта попытался отвернуться отъ неудачи новымъ маневромъ. Онъ ухватился за одно изъ тѣхъ жалкихъ средствъ, одно прикосновеніе къ которымъ изобличаетъ въ государственномъ дѣятелѣ отсутствіе всякой творческой силы, всякой солидной программы. За подобныя средства, обыкновенно, хватаются только утопающіе, окончательно потерявшіе надежду

*

воздѣйствовать на умы интеллигентной части народа, и потому обращающiеся къ низменнымъ инстинктамъ невѣжественной толпы. Изъ затхлыхъ арсеналовъ второй имперiи выдвинулъ онъ порядкомъ-таки заржавѣлый «красный призракъ», и принялся въ своихъ органахъ пугать имъ консервативную часть французскаго народа. Гамбетта такъ сильно разсчитывалъ на это средство, что органы его заранѣе поспѣшили отпраздновать побѣду. Даже «Агентство Гаваса» оповѣстило всю Европу, что въ виду возростающей наглости анархистовъ возникло во всѣхъ слояхъ Францiи сочувственное движенiе въ пользу Гамбетты и замѣчается «неожиданный поворотъ» въ сторону свергнутаго главы «великаго министерства». Онъ-де одинъ можетъ спасти Францiю отъ ужасовъ и опасностей соцiальной революцiи. Но исходъ монсолеминскаго процесса, обнаружившаго истинные и конечно вовсе не значительные размѣры предстоявшей опасности, разстроилъ въ конецъ и эту попытку. Въ «спасителѣ общества» надобности не оказалось.

Побѣдилъ Рошфоръ. Къ голосу и доводамъ Рошфора присоединились мало-по-малу голоса нетолько цѣлой фаланги молодыхъ талантовъ и силъ, но и влiятельнѣйшихъ изъ органовъ печати, важнѣйшихъ изъ ораторовъ и вождей демократiи. Само собою разумѣется, что не генiемъ и сверхъестественными силами Рошфора объясняемъ мы этотъ изумительный поворотъ—точно также, какъ не генiемъ и сверхъестественными силами Гамбетты объясняли его прежнiя побѣды. Рошфоръ побѣдилъ потому, что былъ правъ, что стоялъ за движенiе, что творилъ—сознательно или нѣтъ, это все равно — волю историческаго прогресса, а Гамбетта палъ потому, что шелъ наперекоръ этому прогрессу или служилъ препятствiемъ его ходу. Роль памфлетиста была тутъ лишь вводнымъ обстоятельствомъ, лишь указателемъ движенiя и направленiя народныхъ массъ.

Въ рѣчахъ и статьяхъ радикальныхъ противниковъ Гамбетты, съ такою яростью нападавшихъ на него въ теченiи послѣднихъ трехъ лѣтъ, постоянно звучитъ одна и таже нота, кажущаяся намъ глубоко вѣрною. Не то, чтобы противники эти отрицали таланты, заслуги и силу Гамбетты—ихъ нельзя обвинять въ такой вопiющей несправедливости, въ такомъ очевидномъ ослѣпленiи. Но они отчетливо предвидѣли, что изумительныя силы его дарованiя и необычайное влiянiе его имени фатально осуждены въ близкомъ будущемъ перейти въ услуженiе чисто реакцiонныхъ элементовъ страны. Они предвидѣли въ Гамбеттѣ могучiй тормазъ дальнѣйшаго мирнаго развитiя Францiи и знали, что всѣмъ передовымъ элементамъ придется встрѣтить преградой на своемъ пути эту крупную силу, тѣмъ болѣе опасную, чѣмъ реальнѣе была она. Въ интересахъ правды и справедливости слѣдуетъ помнить, что нѣтъ такой принципiальной уступки, нѣтъ такой жертвы, которую бы не сдѣлали и не принесли представители передовой демократiи, лишь бы удержать Гам-

бетту на своей сторонѣ, лишь бы сохранить за своею партіею всю силу престижа и талантовъ Гамбетты. Вспомнимъ, какъ покорно подавали они голоса, въ угоду ему, и противъ своего убѣжденія, за безконечный рядъ мѣръ, несовмѣстимыхъ, ни съ традиціями, ни съ идеями, ни съ принципами республиканцевъ. Не изъ-за пустяковъ, не по недоразумѣнію отдожилась демократія отъ человѣка, не хотѣвшаго, не могшаго идти съ нею. Видно и «практическіе дѣятели» подчинены тѣмъ же точно законамъ природы, какіе властвуютъ надъ утопистами, мыслителями и всѣми прочими смертными. Видно и они «истощаются», исчерпываются, не могутъ безсрочно сохранить гибкость ума и свѣжесть чувствъ. Настаетъ время, когда измѣняетъ имъ даръ «комбинацій», когда овладѣваетъ ихъ умомъ рутина, убивающая силы государственнаго дѣятеля, какъ ржавчина разъѣдаетъ оружіе... Разъ стало очевиднымъ, что въ будущемъ Гамбетта непремѣнно долженъ стать опорой регресса, тормазомъ развитія и угрозой войны, республиканцамъ, разумѣется, ничего другого не оставалось дѣлать, какъ разрушать—насколько то было возможно — силу и вліяніе Гамбетты въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, слояхъ населенія, которые отзывчаты къ свѣжимъ идеямъ и вѣяніямъ. Ошибки и недостатки Гамбетты помогли имъ въ этой работѣ.

Гамбетта умеръ во-время, ранѣе чѣмъ міръ сталъ свидѣтелемъ его творческаго безсилія. Мы вовсе не думаемъ сказать этимъ, что онъ ничего уже не могъ бы сдѣлать для своей родины. Мы убѣждены только, что самый размѣръ его силъ осуждалъ его выказаться недостаточнымъ для той роли, которую ходъ историческаго прогресса налагаетъ теперь и въ близкомъ будущемъ на руководителя судьбами французской республики.

Луи Бланъ не имѣлъ блестящихъ сторонъ дарованія Гамбетты, не обладалъ его кипучимъ, страстнымъ темпераментомъ, хотя былъ несравненно глубже и проницательнѣе его. Скромный до щепетильности, онъ отъ души ненавидѣлъ сценическую обстановку и нарочито избѣгалъ всякихъ эффектовъ. Сознавая въ себѣ силы глубокаго творческаго ума и способности вполнѣ популярнаго писателя, онъ стыдился унизиться до пріемовъ, разсчитанныхъ на уровень развитія толпы. Съ рабочими, засѣдавшими съ нимъ, въ 1848 г., въ знаменитой люксенбургской комиссіи, съ массами, читавшими его листки и брошюры, онъ говорилъ тѣмъ же языкомъ, какимъ велъ бесѣды съ Джономъ Стюартомъ Миллемъ. Не въ этомъ, однако-жъ, слѣдуетъ искать объясненія недостаточно сильнаго вліянія его на массы. Луи Бланъ обладалъ талантомъ возвышать своихъ слушателей и читателей до своего уровня, умѣлъ быть популярнымъ, понятнымъ даже и въ наименѣе развитой средѣ. Всякое его слово, каждая его статья оставляли по себѣ неизгладимый слѣдъ въ умахъ публики. Болѣе стертая политическая роль его объясняется

просто недостаточною подготовленностью тѣхъ слоевъ, къ которымъ обращался Луи Бланъ. Луи Бланъ оказалъ республикѣ услуги поважнѣе гамбеттовскихъ и привлекъ къ ней симпатіи и силы посерьёзнѣе тѣхъ, пріобрѣтеніе которыхъ мы сами ставимъ въ заслугу главы оппортюнистовъ. Точно также, какъ симпатіями и поддержкой буржуазныхъ слоевъ республика обязана Тьеру и Гамбеттѣ, она обязана главнымъ образомъ Луи Блану пріобрѣтеніемъ прочныхъ и страстныхъ симпатій рабочаго сословія. Мало кто знаетъ теперь, что человѣкъ, прославляемый, какъ «основатель третьей республики», цѣлый день бился, 4-го сентября 1870 г., противъ толпы рабочихъ, ворвавшихся въ законодательный корпусъ съ цѣлью провозглашенія республики, что онъ убѣждалъ и умолялъ толпу дозволить ему войти въ сдѣлку съ наполеоновскими депутатами и совмѣстно съ ними составить какое-нибудь временное правительство. Самъ Гамбетта свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своемъ показаніи, о которомъ говорено было выше. Если, несмотря на его убѣжденія, республика все-таки была провозглашена, если она устояла въ 1873 и 1877 гг., то она обязана этимъ, главнымъ образомъ, рабочему сословію. Во время борьбы Версаля съ коммуною представители всѣхъ главнѣйшихъ городовъ Франціи открыто заявляли Тьеру, что какъ только на республику занесена будетъ рука монархистовъ, всѣ города возстанутъ, какъ одинъ человѣкъ. Извѣстно, что тогда лишь формальнымъ обязательствомъ удержать республику купилъ Тьеръ возможность изолировать и побѣдить Парижъ. Когда, два съ половиною года спустя, монархисты, свергнувъ Тьера, чтобы имѣть право нарушить его обѣщанія, и добившись примиренія принцевъ орлеанской династіи со старшею линіею Бурбоновъ, мечтали провозгласить королемъ графа Шамбора, самъ Мак-Магонъ остановилъ эту попытку заявленіемъ, что онъ не ручается за порядокъ, не ручается даже за армію, что «шаспо начнутъ стрѣлять сами собою». Нѣтъ спора, цѣнно и важно было пріобрѣтеніе буржуазныхъ сторонниковъ республики, но кадрами реальныхъ силъ республики, ядромъ ея устойчивости, повторяемъ, всегда служили рабочіе классы, по преимуществу городскіе. Пріобрѣтеніе ихъ симпатій было не такъ-то легко. Еще со временъ первой республики большая часть мыслителей и публицистовъ, входившихъ въ положеніе рабочихъ классовъ, совершенно равнодушно относилась къ политическимъ формамъ и нисколько не симпатизировала республикѣ. Среди соціалистовъ первоначальнаго сбора, обѣ важнѣйшія школы, фурьеристская и сен-симонистская, проповѣдывали открыто, что соціализмъ не нуждается въ республикѣ, что онъ прекрасно можетъ ужиться съ монархіей, хотя бы и неограниченною, лишь бы монархія эта взялась осуществлять реформы, необходимыя для достиженія «возможно полнѣйшаго благоденствія возможно бо́льшей части народа». Выискалось, наконецъ, и такое правительство, правительство Наполеона III, автора массы соціа-

листическихъ сочиненій. О характерѣ и особенностяхъ этого движенія публикѣ мало извѣстно. Она не знаетъ, напримѣръ, что столбы второй имперіи, пріобрѣвшіе ей симпатіи, пережившія даже позоръ седанскаго паденія, были вовсе не авантюристы, а люди съ убѣжденіями, съ доктриною, съ именемъ и съ талантами вовсе не заурядными. Сен-симонисты, въ родѣ Анфантена, Перейры, Мишеля Шевалье, Талабо, барона Османа, новаторы, въ родѣ Бильо и даже Руэра, внесли въ жизнь Франціи, подъ руководствомъ Наполеона III, цѣлый строй матеріальнаго прогресса, объясняющаго посмертную живучесть бонапартистской партіи. Еслибъ имперія, опиравшаяся на такія силы, твердо держалась только политики прогресса и не надѣлала бы массы ошибокъ, въ силу шовинистскихъ своихъ традицій, то неизвѣстно на сколько десятковъ лѣтъ, отсрочено было бы во Франціи торжество республики. Изъ этого видно, что не за легкое дѣло взялся Луи Бланъ въ 1832 г., и не съ призраками боролся онъ съ 1832 г. по 1870, преслѣдуя цѣль—упрочить за республикою поддержку и симпатіи рабочихъ классовъ. Весь громадный талантъ свой посвятилъ онъ преимущественно достиженію этой цѣли. Онъ взялся убѣдить рабочихъ, что только республика достаточно сильна, чтобы добиться «экономической правды» въ жизни народа. Въ интересахъ утвержденія этой мысли, ему приходилось бороться нетолько противъ личныхъ и родственныхъ связей своихъ—извѣстно, что онъ приходился родственникомъ Наполеону III, высоко цѣнившему его талантъ и характеръ, и не разъ дѣлавшему попытки сближенія съ нимъ—но и противъ единомышленниковъ своихъ по соціализму. Нужно вспомнить о полемикахъ, выдержанныхъ имъ противъ Мишеля Шевалье, Консидерана и Прудона, изъ которыхъ послѣдній, какъ извѣстно, не прочь былъ вступить въ сдѣлку съ имперіей, даже послѣ декабрьскаго переворота. Противъ политиковъ и соціалистовъ, проповѣдывавшихъ достаточность послѣдовательныхъ преобразованій, путемъ отдѣльныхъ реформъ, въ строѣ современныхъ экономическихъ отношеній, Луи Бланъ создалъ и выдвинулъ доктрину государственнаго соціализма, основанную на коренномъ переустройствѣ всего государства на соціальный ладъ, доктрину, нашедшую такихъ послѣдователей и ревнителей, какъ Лассаль и Карлъ Марксъ. Намъ нѣтъ тутъ надобности распространяться о доктринахъ, воззрѣніяхъ и препирательствахъ Луи Блана и его противниковъ. Мы не біографію его пишемъ, не исторію литературы излагаемъ, да и никакой журнальной статьи не хватило бы для сколько-нибудь удовлетворительнаго выполненія такой задачи.

Мы видѣли, какъ легко доставался успѣхъ Гамбеттѣ, когда онъ вѣренъ былъ прогрессу, и знаемъ, что Луи Блану, еще болѣе вѣрному тому же прогрессу, несравненно труднѣе было достичь удовлетворительныхъ результатовъ. Чѣмъ объяснить это видимое противорѣчіе? Неужто разницею силы талантовъ обоихъ

дѣятелей? Такое объясненіе было бы поверхностнымъ, не больше. Различествовалъ успѣхъ, потому что существовала рѣзкая разница въ цѣляхъ, въ аренѣ дѣйствія, въ характерѣ и подготовкѣ массъ, къ которымъ обращался тотъ или другой дѣятель. Дѣйствуя въ средѣ достаточно развитой и практически подготовленной, богатой досугомъ и средствами, Гамбетта, конечно, несравненно легче и удобнѣе Луи Блана могъ воздѣйствовать на общій ходъ событій, тѣмъ болѣе, что въ интересахъ непосредственнаго вліянія на свою среду ему необходимо было задаваться цѣлями менѣе сложными и легче осуществимыми, чѣмъ тѣ, которыя приходилось ставить и достигать Луи Блану, чтобы найти доступъ къ уму и сердцу рабочихъ. Чтобы дать полное удовлетвореніе интересамъ, честолюбію и стремленіямъ буржуазіи, Гамбеттѣ достаточно было взять готовыя, законченныя доктрины, выработанныя его предшественниками, республиканцами прежнихъ формацій. Ни въ теоріи, ни въ практическихъ примѣненіяхъ ему не было надобности развивать, совершенствовать или видоизмѣнять политическія ученія и теоріи, пріобрѣвшія право гражданства даже и въ оффиціальной наукѣ его времени. Совсѣмъ иныя затрудненія выпали на долю Луи Блана, которому, для удовлетворенія интересовъ и стремленій рабочихъ, приходилось созидать цѣлую доктрину, вырабатывать ея практическія примѣненія, опровергать возраженія и предразсудки, постоянно встрѣчаемые каждымъ новымъ ученіемъ, и биться надъ безчисленнымъ количествомъ вопросовъ и препятствій, ставимыхъ житейскою нуждою. Не трудно разыграть роль любезнаго и ловкаго хозяина въ полномъ домѣ, доставшемся по наслѣдству. Но попробуйте выйти съ честью изъ задачи — приютить и удовлетворить голодныхъ, промокшихъ и продрогшихъ путниковъ въ пустынѣ, гдѣ и домъ-то вы сами должны построить и припасы достать, и огонь развести, и посуду сочинить, и кушанье стряпать. И еще: отъ осуществленія стремленій той массы, съ которою имѣлъ дѣло Гамбетта, отъ выполненія его политическихъ доктринъ, въ сущности, никому не было бы ни тепло, ни холодно, въ томъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ, что ничьи реальные, насущные, матеріальные или нравственные интересы ими не задѣвались и не нарушались. Ожесточенную, непримиримую ненависть къ его дѣлу могли питать развѣ члены до него и безъ него свергнутыхъ партій. А между тѣмъ сколько злобы и ожесточенія, сколько сопротивленій и затрудненій встрѣтилъ Гамбетта даже на этомъ, повидимому безпрепятственномъ пути! Можно, слѣдовательно, представить себѣ во сколько десятковъ тысячъ разъ сильнѣе и непреодолимѣе должны были быть затрудненія, предстоявшія Луи Блану. Вѣдь для удовлетворенія тѣхъ слоевъ, на которые онъ дѣйствовалъ, нужно было затронуть и нарушить существенные интересы не сотни-другой честолюбцевъ, а прямыя выгоды и пріобрѣтенныя права милліоновъ наиболѣе ловкихъ, свѣдущихъ и богатыхъ людей всей Франціи.

Была еще и другая, не менѣе существенная разница. Луи Бланъ и Гамбетта одинаково держались мнѣнія—совершенно притомъ основательнаго — что въ странѣ свободы и всеобщей подачи голосовъ нѣтъ мѣста и смысла какимъ бы то ни было насильственнымъ дѣйствіямъ, что въ ней всѣ улучшенія и реформы должны быть вводимы исключительно путемъ воздѣйствія на умы согражданъ. Но и эту мысль легче было проводить въ буржуазной средѣ, чѣмъ въ рабочей. И буржуазія, дѣйствительно, поэтому, довѣрчивѣе могла идти за Гамбеттой, единодушнѣе могла придвигать его къ власти, чѣмъ рабочіе—за Луи Бланомъ. Эти послѣдніе не могли по временамъ не отставать отъ Луи Блана, не находить его «вялымъ и нерѣшительнымъ». Ни вѣчный трудъ, ни вѣчная нужда не могли, конечно, дать имъ спокойствіе и ясность ума, необходимыя для того, чтобы вникнуть въ тактику Луи Блана, и проникнуться убѣжденіемъ, что осуществленіе его совѣтовъ несомнѣнно приведетъ народъ, лѣтъ этакъ черезъ сто, къ справедливому общественно-экономическому строю. Удивительно ли послѣ этого, что подобныя непреоборимыя трудности должны были отодвинуть торжество Луи Блана?

Луи-Бланъ во время іюльской монархіи сыгралъ такую же роль, какая при второй имперіи выпала на долю Рошфора. Геніальнымъ своимъ памфлетомъ «Histoire de dix ans» онъ нанесъ буржуазной монархіи смертельные удары. Неутомимая пропаганда и баснословный успѣхъ его книги «Organisation du travail» создали ему популярность, выдвинувшую его въ 1848 г. на постъ члена временнаго правительства второй республики. Извѣстно, что послѣ провозглашенія этой республики рабочее населеніе Парижа, всевластно царившее въ ту эпоху, принесло новому правительству въ жертву «три мѣсяца терпѣнія и голода». Луи Бланъ, бывшій идоломъ этого населенія, былъ тогда всемогущимъ заправителемъ политики. Стоило ему сказать слово, и отъ сладкорѣчивыхъ, но безпомощныхъ сочленовъ его по временному правительству не осталось бы и слѣда. Онъ не рискнулъ тогда на этотъ смѣлый и, конечно, болѣе чѣмъ рискованный шагъ. Онъ не захотѣлъ объявить себя диктаторомъ, не съумѣлъ или не смогъ воспользоваться паникой буржуазіи, чтобы провести въ жизнь—хоть на время—такія реформы, слѣдовъ которыхъ не могла бы замять впослѣдствіи никакая реакція. Трудно сказать почему онъ такъ поступилъ: по природной ли нерѣшительности, по неподготовленности ли къ практической роли, или по убѣжденію, что масса, поддерживавшая и толкавшая его, недостаточно еще созрѣла для осуществленія такого дерзкаго и опаснаго замысла. Во главѣ власти онъ—подобно прочимъ—принялся «изучать вопросъ». Образована была въ Люксембургскомъ дворцѣ комиссія изъ делегатовъ рабочихъ и Луи Бланъ предсѣдательствовалъ на этихъ академическихъ спорахъ о томъ, какъ быть и что̀ дѣлать съ мелочными подробностями вопроса. Прошло три мѣсяца; страхи буржуазіи разсѣялись.

съѣхалось учредительное собраніе, въ которое провинція, разумѣется, прислала монархическое большинство.

Политическій дѣятель, ходомъ событій придвинутый къ власти и упускающій благопріятный случай извлечь изъ нея для своей доктрины и партіи возможно большее количество пользы, почти всегда лишается кредита въ глазахъ своихъ послѣдователей, не говоря уже о потерѣ значенія въ глазахъ противниковъ и постороннихъ. «Онъ былъ во власти, и ничего не съумѣлъ сдѣлать, значитъ пустой онъ человѣкъ, человѣкъ слова, а не дѣла». Нужно было народиться новому поколѣнію, нужно было забыть ошибки и разочарованія 1848 г., чтобы существенныя стороны доктринъ Луи Блана и его громадный талантъ вновь создали бы ему значеніе и авторитетъ въ массѣ республиканцевъ. Принужденный въ 1848 же году удалиться въ Англію, Луи Бланъ не потерялъ даромъ долгихъ годовъ изгнанія. Онъ ревностно принялся изучать нравы, порядки и прошлое страны, пріютившей его, и вынесъ изъ этого знакомства блистательный арсеналъ доводовъ и фактовъ, которыми онъ пользовался въ борьбѣ противъ второй имперіи. Его «Письма объ Англіи», каждая строчка которыхъ написана въ сущности нетолько для Франціи, но и о Франціи, поддерживали въ обществѣ сопротивленіе противъ соблазновъ и искушеній имперіи. Но даже престижъ, созданный Луи Блану двадцати-двухъ лѣтнимъ изгнаніемъ, проведеннымъ въ трудѣ и борьбѣ, не въ силахъ былъ упрочить за нимъ опредѣленной политической роли въ правительствѣ третьей республики. Для придвиженія его къ власти не настало еще время на циферблатѣ историческаго прогресса...

Общественная дѣятельность Луи Блана послѣ 1870 г. несоотвѣтствовала значенію его въ 1848 г. Онъ стушевался, какъ самъ объяснялъ, совершенно сознательно, убѣжденный, что очередные, насущные интересы его партіи и родины требуютъ того. Въ виду монархистовъ, грозившихъ республикѣ, въ виду задачъ по организаціи партіи, по установленію въ ней единства и дисциплины, Луи Блану казалось несвоевременнымъ выступать на первый планъ со своею программою. Благодаря этому направленію, та фракція республиканской партіи, которая твердо держится воззрѣній Луи Блана, оставалась въ тѣни, почти бездѣйствующею, въ то время, какъ крѣпла и выдвигалась чисто республиканская фракція партіи.

Выше мы говорили, чѣмъ вызваны были и на чемъ основаны симпатіи къ республикѣ въ рабочемъ сословіи. Увѣренія Луи Блана, что одна только республика можетъ разрѣшить «соціальный вопросъ», что безъ нея нельзя достигнуть экономическаго освобожденія, давно уже перешли въ область общеупотребляемыхъ аксіомъ. Нужно помнить, что не одинъ Луи Бланъ и не одни соціалисты давали рабочимъ такія обѣщанія. Республиканцы чисто-политическіе, въ родѣ Барбеса, Кавеньяка и самого Гамбетты, не однократно, постоянно повторяли эти обѣща-

нія. Въ умѣ рабочихъ слоевъ въ теченіи многихъ поколѣній, подъ вліяніемъ проповѣди республиканцевъ всѣхъ школъ, народились надежды и созрѣли стремленія. Надежды эти составляли главнѣйшее основаніе слѣпой, страстной, беззавѣтной привязанности рабочихъ къ республиканской формѣ правленія. Пока республика была въ зародышѣ, пока она боролась за существованіе, рабочія массы терпѣливо ждали «настоящей республики». Основалась республика, окрѣпла, перешла цѣликомъ въ руки несомнѣнно-*настоящихъ* республиканцевъ — и вотъ, съ каждымъ днемъ все томительнѣе шевелится вопросъ: «гдѣ-же обѣщанныя блага, гдѣ то экономическое освобожденіе, ради котораго боролись мы за республику, не щадя жизни?»

Н. Николадзе.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивые государи!

Будучи человѣкомъ постороннимъ, я, однако, очень люблю литературу. Нѣтъ—«люблю» не совсѣмъ подходящее слово, по крайней мѣрѣ, недостаточно опредѣлительное. Я люблю литературу, какъ единственный органъ выраженія русской мысли, достаточно громкій, чтобы его слышно было на сѣверѣ и югѣ, на востокѣ и западѣ; памятую, какой свѣтъ литература вносила и вноситъ въ нашу бѣдную, сѣрую, ниже травы ползущую, тише воды текущую жизнь; болѣю сердцемъ, когда этотъ единственный органъ русской мысли звучитъ хрипло и сдавленно; ненавижу ту струю въ литературѣ, которая, по глупой слѣпотѣ или по слѣпой злобѣ, самоубійственно замахивается на свободу печатнаго слова и кричитъ: «держи! лови! гони! бей!»; ненавижу и ту, другую струю, которая несетъ не знаю за что, не знаю зачѣмъ, сегодня одно, завтра другое, и своимъ преступнымъ легкомысліемъ или легкомысленною преступностью позоритъ священное знамя литературы; благоговѣю передъ памятью тѣхъ, кто несъ это знамя до конца; могу понимать всѣ оттѣнки печали и злобы, надеждъ и разочарованій, торжества и отчаянія, какіе встрѣчаютъ люди, идущіе по этому великому, но тернистому пути... Вотъ изъ чего слагается моя «любовь» къ литературѣ. Конечно, это слишкомъ мало для права надоѣдать вамъ своими письмами. Конечно, и того мало, что вашъ журналъ представляется мнѣ, изъ наличныхъ органовъ пе-

чати, наиболѣе удовлетворяющимъ требованіямъ, которыя, по моему, могутъ быть поставлены литературѣ. Говоря это, я вовсе не льщу вамъ и не собираюсь льстить. Вы убѣдитесь въ томъ, если не въ этотъ разъ, то въ одинъ изъ слѣдующихъ. Во всякомъ случаѣ, ваше дѣло предавать мои письма тисненію или, напротивъ того, сожженію. Мнѣ будетъ, разумѣется, огорчительно, если вы ихъ жечь станете. Да вѣдь мало ли что иногда и самому сжигать приходится... Притомъ же, я человѣкъ посторонній, времени у меня вдоволь—все равно, куда же мнѣ его дѣвать? Ходи себѣ изъ угла въ уголъ или думай, думай, думай всю безсонную ночь напролетъ. Не подумайте, однако, что это очень веселое занятіе. А впрочемъ, дѣло не въ томъ. Довольно предисловій и рекомендацій. Приступимъ къ предмету настоящаго письма.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ одного изъ послѣднихъ номеровъ вашего журнала за прошлый годъ, была выражена (по поводу произведеній г. Окрейца и кн. Мещерскаго) мимоходомъ мысль, заслуживающая, мнѣ кажется, болѣе подробнаго развитія. Авторъ библіографической замѣтки говоритъ о томъ любопытномъ явленіи, что враги и обличители такъ называемаго отрицательнаго направленія въ литературѣ, сами этимъ отрицательнымъ направленіемъ заражены до мозга костей; бичуя своихъ противниковъ за якобы излишнюю мрачность ихъ образовъ и картинъ текущей русской дѣйствительности, сами рисуютъ эту дѣйствительность красками мрачнѣйшими. Вотъ на эту-то тэму и позвольте мнѣ для перваго раза побесѣдовать.

Сначала соберемъ документы.

Въ № 6 «Русскаго Вѣстника» (1882 г.) въ статейкѣ о книгѣ г. Бѣляева «Воспоминанія декабриста», между прочимъ, напечатано:

«Въ *Воспоминаніяхъ декабриста* проходитъ передъ читателемъ длинная галлерея живыхъ лицъ, съ которыми авторъ на пространствѣ почти полувѣка встрѣчался и состоялъ въ прямыхъ и близкихъ отношеніяхъ, начиная съ высшихъ сановниковъ государства и кончая рабочими изъ «поселенцевъ» въ какомъ-нибудь городѣ Минусинскѣ—и все это *хорошіе* люди въ полномъ значеніи этого слова... Какъ далеко это отъ тѣхъ «облитыхъ горечью и злостью» изображеній русскаго человѣка на всѣхъ ступеняхъ нашей общественной іерархіи, которыми, словно кичась ими и любуясь на ихъ мерзость и каррикатурность, такъ изобилуетъ современная наша печать! Невольно въ умѣ возникаетъ вопросъ: неужели такимъ кореннымъ образомъ могло въ какія-нибудь тридцать лѣтъ измѣниться все лицо земли нашей, что и слѣда не осталось въ ея обитателяхъ тѣхъ качествъ «идеальной симпатичности и чудной доброты», о которыхъ съ такимъ восторженнымъ умиленіемъ душевнымъ свидѣтельствуетъ человѣкъ, имѣвшій, какъ выражается онъ, «счастіе не разъ и не два» въ теченіи своей тюремной и изгнаннической жизни убѣдиться на дѣлѣ, какъ вообще присущи эти нравственныя качества нравственной природѣ русскаго человѣка? Но мы впали бы въ большое заблужденіе, еслибы приняли такое предположеніе за дѣйствительность. «Хорошіе люди», слава Богу, не перевелись на Руси и понынѣ. Но свѣтлыя стороны души раскрываются лишь передъ тѣмъ, кто самъ вѣрою въ *человѣка* вызываетъ сочувственный откликъ

въ каждомъ, не утерявшемъ образъ Божій человѣческомъ существѣ. А, конечно, не этотъ божественный образъ отыскиваютъ въ наши дни въ душѣ своихъ соотечественниковъ — да и едва ли признаютъ самую необходимость таковаго—извѣстные «этнографы» и «народники» *Вѣстника Европы* и *Отечественныхъ Записокъ*, съ авторомъ *Писемъ къ тетенькѣ* во главѣ своей».

И далѣе:

«Повсюду въ этихъ дальнихъ углахъ Сибири, какъ было уже упомянуто нами, изгнанникъ «имѣлъ счастіе» встрѣчать прекрасныхъ, честныхъ, деликатныхъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые отличались дѣйствительно «идеальными добродѣтелями». Пусть прочтетъ читатель объ отцѣ Петрѣ, напримѣръ, священникѣ одной церкви, къ которой приписанъ былъ Илгинскій заводъ, о старикѣ поселенцѣ со старушкой женой... о сосланной въ работы на тотъ же заводъ полковницѣ Полянской... Какъ мало походятъ рисуемые авторомъ живые портреты минусинскихъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, которыхъ считаетъ онъ долгомъ помянуть добрымъ словомъ за то участіе и ту пріязнь, какую всѣ они оказывали ему и брату во все время ихъ пребыванія тамъ—на грубо каррикатурныхъ «помпадуровъ» и чиновныхъ циниковъ господина Щедрина! Какъ далеки фотографическіе снимки, снятые нашимъ декабристомъ съ лицъ простого званія, съ которыми приходилось ему по разнымъ занятіямъ его въ Сибири находиться въ ближайшихъ сношеніяхъ, отъ тѣхъ полускотовъ и идіотовъ, какими малюютъ намъ русскаго рабочаго, русскаго пахаря Рѣшетниковы, Успенскіе e tutti quanti.. Какъ въ Вандиковыхъ портретахъ вы чувствуете въ каждой фигурѣ доброе отношеніе къ ней самого художника, такъ и здѣсь сказывается прежде всего то глубокое христіанское доброе расположеніе, съ которымъ повѣствователь относится къ каждому, вступающему съ нимъ въ сношеніе человѣческому существу, и неотразимое, какъ бы чисто инстинктивно вырывающееся у него изъ души стремленіе отыскать въ этомъ существѣ его свѣтлую духовную сторону... Еслибы кому-либо понадобилось *примиреніе* съ Россіей, съ нашимъ столь оклеветаннымъ, оплеваннымъ за послѣдніе годы *человѣчествомъ*, мы бы посовѣтовали ему познакомиться съ этими воспоминаніями человѣка, не подкупленнаго, конечно, жизненною долею смотрѣть на близко видѣнную имъ родную дѣйствительность въ розовыя очки»...

Милостивые государи! вамъ хорошо знакомы эти трогательныя рѣчи, вы ихъ много разъ слыхали; и вы, и ваши отцы и можетъ быть даже дѣды. Во всякомъ случаѣ, со времени Гоголя эти упреки не измѣнились ни на волосъ, ни по сущности своей, ни даже по формѣ. Господамъ критикамъ «Русскаго Вѣстника», «Московскихъ Вѣдомостей» и прочихъ пристанищъ благородства и любви къ отечеству нѣтъ никакой надобности ломать себѣ головы надъ изобрѣтеніемъ новыхъ аргументовъ. Имъ стоитъ только въ случаѣ надобности заглянутъ въ тѣ изъ старыхъ журналовъ, которые въ свое время тоже были Ноевыми ковчегами, гдѣ отъ всеобщаго потопа спасались чистыя (а впрочемъ и нечистыя) животныя; заглянуть и выписать оттуда то, что писалось о «Мертвыхъ душахъ» или «Ревизорѣ». Столь прочны традиціи идей истиннаго благородства! Кругомъ бушуетъ разсвирѣпѣвшій океанъ, хлещутъ волны, исчезаютъ берега, а Ноевъ ковчегъ все носится по волнамъ и все тѣ же звуки издаютъ населяющія его отборныя животныя: и прежде каркали, ревѣли, пищали, лаяли, и теперь каркаютъ, ревутъ, пищатъ, лаютъ...

Воздавъ должную дань удивленія этой непоколебимости обитателей Ноева ковчега, позвольте обратить ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Критикъ «Русскаго Вѣстника» отсылаетъ тѣхъ, кому нужно «примиреніе съ Россіей», «съ оклеветаннымъ и оплеваннымъ за послѣдніе годы русскимъ человѣчествомъ», къ запискамъ г. Бѣляева. Но вѣдь записки г. Бѣляева представляютъ явленіе совершенно случайное. Г. Бѣляевъ, доживъ до весьма преклоннаго возраста, вздумалъ написать свои мемуары. Никто не могъ этого ни ожидать, ни тѣмъ паче требовать. Еслибы г. Бѣляевъ просто на печи лежалъ или грѣлся подъ лѣтнимъ солнышкомъ гдѣ-нибудь на заваленкѣ, вмѣсто того, чтобы писать книжки, такъ это было бы вполнѣ естественно. Неужели же эта случайность представляетъ такой исключительный оазисъ въ пустынѣ русской литературы, что только тамъ и можно найти примиреніе съ оклеветеннымъ русскимъ человѣчествомъ? Полагаете ли вы, милостивые государи, что участь русскаго человѣчества была бы дѣйствительно столь безпомощно ужасна, еслибы г. Бѣляевъ лежалъ на печкѣ? Я не полагаю, ибо на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ; на то и Ноевъ ковчегъ въ русской литературѣ, чтобы хранить преданія благородства и рисовать умилительные образы и картины текущей русской дѣйствительности. Критикъ «Русскаго Вѣстника» долженъ былъ, конечно, отмѣтить въ книгѣ г. Бѣляева то, что онъ считаетъ ея достоинствами, но за примиреніемъ съ оклеветаннымъ русскимъ человѣчествомъ ему надлежало отсылать читателей не къ такому случайному литературному явленію, а къ какой-нибудь постоянной, организованной проповѣди добра и правды, и прежде всего, конечно, къ «Русскому Вѣстнику» и «Московскимъ Вѣдомостямъ». Тамъ навѣрное собраны мысли перловъ и адамантовъ русской добродѣтели, ибо вѣдь тамъ нѣтъ такихъ «клеветниковъ Россіи», какъ гг. Щедринъ, Успенскій, Рѣшетниковъ. Тамъ «отыскиваютъ божественный образъ въ душѣ своихъ соотечественниковъ», тамъ «съ христіанскимъ добрымъ расположеніемъ относятся къ каждому человѣческому существу». О, тамъ должно быть очень хорошо...

Однако, критикъ «Русскаго Вѣстника» не посылаетъ туда читателей за примиреніемъ съ оклеветаннымъ русскимъ человѣчествомъ: идите, говоритъ, вотъ къ этому почтенному старичку, который могъ бы безпрепятственно на солнышкѣ грѣться, вмѣсто того, чтобы писать книжки. И критикъ «Русскаго Вѣстника» зналъ, что̀ онъ дѣлалъ, по крайней мѣрѣ, на столько же, насколько кошка знаетъ, чье она мясо съѣла.

Въ доброе старое время обитатели Ноева ковчега не ограничивались простымъ карканьемъ, ревомъ, пискомъ и лаемъ объ исчезновеніи всего добраго въ волнахъ всемірнаго потопа. По мѣрѣ своихъ скромныхъ силъ (силы ихъ были всегда скромныя), они противопоставляли мрачностямъ потопа идилліи и пасторали, героическіе и свѣтлые портреты и картины изъ русской дѣй-

вающихся въ достоинствахъ минусинскихъ чиновниковъ и проч. Наконецъ, центральный пунктъ всего предпріятія находится въ «Московскимъ Вѣдомостяхъ»...

Г. Катковъ высоко держитъ знамя русской литературы. Своеобразно, но высоко. Онъ утверждаетъ, напримѣръ, что намъ не нужно политическихъ правъ, потому что «у насъ есть политическія обязанности, а это больше. Въ обязанностяхъ уже заключаются права, обязанности неотлучно сопровождаются правами. Что намъ въ обязанность поставленно, на то намъ, конечно, и право дано» («Московскія Вѣдомости» отъ 11-го мая, «Русскій Вѣстникъ» № 6). Это общее правило относится и къ литературѣ. «Но служить въ печати государству—дѣло не легкое. Какъ разъ столкнешься съ интересами, которые пользуются привилегіями власти, но не всегда правдиво и честно къ ней относятся, не всегда служатъ ей должнымъ образомъ, не всегда бываютъ способны понимать и исполнять ея требованія, и нерѣдко вредятъ ея дѣлу, вмѣсто того, чтобы служить ему. Если общественное слово видитъ это, то оно обязано сказать; оно измѣнитъ своему долгу, оно поступитъ нечестно, оно поступитъ подло, если не скажетъ».

И такъ, впередъ, господа литераторы! Помните, что вы обязаны и имѣете право говорить правду по силѣ своего разумѣнія и не взирая на лица; помните, что вы поступите *подло*, если промолчите при видѣ какихъ-либо злоупотребленій или непорядковъ. Литература, mein Liebchen, was willst du noch mehr?!- Здѣсь всѣ Diamanten und Perlen, здѣсь alles was Menschen begehren, здѣть—законъ и пророки свободнаго слова... Но увы! не сбѣгаютъ отъ этихъ вѣскихъ словъ слезы съ очей моей Liebchen, не выпрямляется гордо ея станъ, не раздвигаются ея хмурыя брови. Она знаетъ, что право, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть совсѣмъ особенное право, не предусмотрѣнное никакимъ кодексомъ и никакою юридическою системою, что это—право монолога г. Каткова.

Вѣскія слова о подлости молчанія были написаны 11-го мая. Черезъ полторы недѣли, 22-го мая, «Московскія Вѣдомости», быть можетъ, тѣмъ же самымъ, неуспѣвшимъ еще притупиться перомъ, писали: «По печати сдѣланно распоряженіе не говорить ничего ни въ пользу, ни противъ... (вы не имѣете права монолога, а потому, дабы не накликать вамъ какихъ-нибудь непріятностей, я не назову изъятаго изъ печатнаго обращенія предмета). Нельзя не признать этого распоряженія весьма, какъ говорится, цѣлесообразнымъ». И затѣмъ слѣдуетъ обширный монологъ на запретную тэму. 20-го мая «Московскія Вѣдомости» радуются: «Сдѣлано распоряженіе по печати о прекращеніи анти-еврейской агитаціи—давно бы пора!» (Вы тоже, вѣроятно, радуетесь прекращенію анти-еврейской агитаціи, но, полагаю, не можете радоваться распоряженію по печати). 17-го августа «Московскія Вѣдомости» скорбятъ: «Удивительно ли, что поль-

*

ская интрига довольна своимъ московскимъ òрганомъ (подразумѣвается «Русскій Курьеръ»)? Удивляться надо лишь тому, что у насъ среди бѣла дня такъ открыто можетъ проповѣдоваться государственная измѣна». 27-го мая «Московскія Вѣдомости» опять призываютъ возмездіе: «Мы идемъ быстро путемъ прогресса. Теперь и въ церковное управленіе вторгается интрига посредствомъ печати. Это таже характеристическая черта нынѣшняго дня... Каково состояніе того общества, гдѣ могутъ безпрепятственно и безнаказанно совершаться подобныя безчинства?.. Признаемся, мы также мало довѣряемъ нашимъ такъ называемымъ консервативнымъ, какъ и либеральнымъ органамъ». И т. п. Видите, какъ просто устраивается дѣло. Вы, господа литераторы, будете поступать «подло», если не выскажетесь о какихъ-нибудь порядкахъ или непорядкахъ по силѣ своего разумѣнія и не взирая на лица. Но если высказанная вами мысль не совпадетъ съ монологомъ г. Каткова, онъ назоветъ ее государственной измѣной, безчинствомъ, вообще какъ ему вздумается, и будетъ вопіять о необходимости кары...

Но оставимъ эту матерію, то есть литературу. Положимъ, что г. Катковъ наклеветалъ и наплевалъ на эту часть русскаго человѣчества сколько его душѣ хотѣлось, и, какъ насосавшаяся піявка, отвалился. Положимъ даже, что литература «окончила жизнь свою смертію», унесла съ собой въ могилу всѣ свои права и обязанности и нѣтъ на святой Руси никакихъ печатныхъ словъ, кромѣ монологовъ г. Каткова (каюсь, милостивые государи, что въ глубинѣ души я бы отчасти даже желалъ этого: тàкъ, изъ любознательности, посмотрѣть). Но и это радостное погребеніе никоимъ образомъ удовлетворить г. Каткова не можетъ, ибо и за всѣмъ тѣмъ остается еще колоссально большое «не-я» въ разныхъ видахъ. О «русскихъ пахаряхъ» нечего и говорить. Весьма сомнительно, чтобы они носили въ душѣ своей божественный образъ, потому что ихъ понятія рѣшительно не совпадаютъ съ монологомъ г. Каткова насчетъ великаго значенія интенсивнаго хозяйства. Въ эту собственно минуту г. Катковъ не имѣетъ прямыхъ поводовъ къ оклеветанію и оплеванію пахаря, но еще недавно онъ въ этомъ направленіи весьма старался, противопоставляя невѣжественной, грубой, стихійной массѣ пахарей—«культурнаго человѣка». Изъ этого однако отнюдь не слѣдуетъ, чтобы культурный человѣкъ, въ свою очередь, не былъ достоинъ оклеветанія и оплеванія. Напримѣръ: «у насъ есть судебное сословіе, которое ни отъ кого не зависитъ, у насъ есть институтъ присяжныхъ. Самодержавный судъ и люди, взятые изъ общества, судятъ на всей своей волѣ, безповоротно и безконтрольно, всякія дѣла и дѣла о хищеніяхъ. И что же? Никогда хищенія такъ не процвѣтали, какъ въ наши дни; люди общества нетолько выгораживаютъ преступниковъ по этой части, но и самое преступленіе въ принципѣ обѣляютъ и оправдываютъ» («Московск. Вѣд.» 4-го сентября). Я беру первое, случайно по-

павшееся подъ руку замѣчаніе, но вы сами знаете, что еслибы кто вздумалъ собрать все, наклеветанное и наплеванное г. Катковымъ на русское человѣчество по поводу суда присяжныхъ, то «яма надобна большая»; яма не яма, а этакая хорошая лохань, въ родѣ тѣхъ, куда помои сливаютъ. Администрація, вся правительственная машина есть опять-таки «не-я». «Именно то, чего намъ недостаетъ, и есть правительство. Мы страдаемъ не полнокровіемъ правительственнымъ, а развѣ анеміей и оттого нервностью. Правда, у насъ есть многочисленныя правительственныя мѣста и лица; но выражаютъ ли они собою правительство, то есть исполняютъ ли они обязанности правительства, дѣйствуютъ ли въ томъ духѣ и въ тѣхъ интересахъ, которые правительство призвано блюсти и развивать, служатъ ли цѣлямъ правительства—это другой вопросъ... Они слишкомъ эманципировались отъ правительственнаго долга»' («М. В.» 4-го сентября). Иначе говоря, правительство все еще недостаточно расчищаетъ почву для монологовъ г. Каткова! Наконецъ, общество есть «сборище людей деморализованныхъ и смущенныхъ», «сбродъ людей» («М. В.» 11-го мая). «Наше общество во всѣхъ слояхъ своихъ, и въ высшихъ болѣе, чѣмъ въ низшихъ, легко обработывается политическою интригою... При такомъ состояніи общества даже здравомыслящіе порознь люди даютъ негодный духъ. Когда люди не чувствуютъ твердой почвы подъ ногами, когда умы въ разбродѣ и сами не знаютъ чего хотятъ и чего ищутъ, тогда по малой мѣрѣ безсмысленно искать опоры въ обществѣ» («Моск. Вѣд.» 18-го мая).

Будетъ, я думаю. Нельзя счесть лучи планетъ, пески морей. Нельзя переписать ту массу клеветъ и оплеваній, которою г. Катковъ обливаетъ изо-дня въ день все русское человѣчество. И спрашиваю я васъ, милостивые государи, гдѣ же «божественный образъ» въ этой безконечной вереницѣ глупцовъ, интригановъ, негодяевъ, дрянныхъ, пустыхъ, преступныхъ людей? И еще спрашиваю: почему же вы, воздерживаясь отъ пасторальной живописи, оказываетесь клеветниками и измѣнниками, а г. Катковъ, въ корнѣ подрѣзывающій всякую вѣру въ русское человѣчество и всякую надежду на него, не клеветникъ и не измѣнникъ? Тщетно было бы искать отвѣта на эти вопросы, ибо право монолога не есть отвѣтъ. Но оно не есть и право. Никогда человѣчество (въ томъ числѣ и русское) не признаетъ монологіи мысли и слова, и никогда такая монологія не основывается на дѣйствительной силѣ. Истинная сила можетъ выразиться монологомъ, но она никогда не прибѣгаетъ для этого къ искуственнымъ мѣрамъ, никогда не будетъ вопіять: зажмите ротъ Петру, заставьте замолчать Ивана, прикажите Сидору держать языкъ за зубами. Истинная сила не боится ратоборства съ Иваномъ, Петромъ и Сидоромъ, она надѣется на себя. Между тѣмъ, весь политическій словарь г. Каткова состоитъ изъ подобныхъ повелительныхъ наклоненій отрицательнаго характера и руга-

тельныхъ словъ. Маленькій глазъ циклопа сдѣлалъ большую личную ошибку, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказалъ большую услугу обществу своимъ нововведеніемъ, перепечаткою передовыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей» на страницахъ «Русскаго Вѣстника». Газетный листъ быстро стирается изъ памяти, оставляя послѣ себя большею частью очень смутное впечатлѣніе. Собранныя воедино, передовыя статьи «Московскихъ Вѣдомостей» могутъ быть одна другою провѣрены и истолкованы. Попробуйте же вынуть изъ нихъ перецъ повелительныхъ наклоненій и ругательныхъ словъ: вы увидите необыкновенную скудость мысли, плоскость и размазистость аргументаціи и необыкновенное обиліе противорѣчій.

Если искать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» краткой и ясной формулы всего политическаго багажа ихъ руководителя, то таковою надо будетъ признать, я думаю, слѣдующую фразу: «Всѣ преисполнены гражданской скорби; у всякаго, вмѣсто вида, свой идеалъ въ карманѣ» («Московскія Вѣдомости», 18 мая). По обыкновенію, мысль выражена въ отрицательной формѣ, но вы понимаете въ чемъ дѣло: надо, чтобы у всякаго былъ, вмѣсто идеала, паспортъ. И кто прислушивался къ монологамъ г. Каткова, тотъ не усомнится, конечно, что таковъ именно его идеалъ. Ибо, увы! это тоже не паспортъ, а идеалъ; притомъ недостижимѣйшій изъ идеаловъ, потому что дѣйствительно есть какой-то «божественный образъ», вложенный природою даже въ самыя скудныя души. Недостижимѣйшій и оскорбительнѣйшій. Самая мечта о возможности его водворенія въ русское человѣчество есть высшая клевета и оскорбленіе, какія только могутъ быть на это человѣчество возведены... Долой политику и нравственность, это не болѣе, какъ побочныя отрасли паспортной системы! Долой все, что выстрадано русскимъ человѣчествомъ въ войнѣ и мирѣ, въ потѣ лица, въ слезахъ скорби и умиленія, все долой и да здравствуетъ паспортъ! Паспортъ и монологъ г. Каткова...

Я думаю, однако, что этого не будетъ, хотя вѣроятно еще незавтра прекратятся издѣвательства «Московскихъ Вѣдомостей» нетолько надъ «божественнымъ образомъ въ душѣ соотечественниковъ», но и надъ простымъ здравымъ смысломъ. Въ нынѣшнемъ 1883 году, г. Катковъ тянетъ все ту же пѣсню, которая наконецъ расшевелила даже «Новое Время», доселѣ весьма склонное потворствовать монологамъ «Московскихъ Вѣдомостей». Вотъ что мы читаемъ здѣсь:

«Нигилизмъ, говорятъ «Московскія Вѣдомости», само по себѣ явленіе ничтожное; злою силою сдѣлало его государство, государство не въ смыслѣ географическаго термина, а въ смыслѣ политической системы. Государство, разъясняютъ дальше «Моск. Вѣд.», направляетъ и воспитываетъ общество, народъ; оно дѣлаетъ населеніе такимъ, какимъ это населеніе мы застаемъ въ каждую данную историческую минуту. На долю самого народа (въ широкомъ смыслѣ слова), его природныхъ талантовъ и способностей, его долгимъ историческимъ искусомъ сложившихся стремленій, вѣрованій, его политическихъ и нравственныхъ идеаловъ, его этнографическаго, наконецъ, характе-

ра—не остается ровно ничего. Самъ по себѣ русскій народъ, не взирая на его тысячелѣтнюю исторію, на его трудный подвигъ созиданія и обороны государства—есть нуль, къ которому можно приставлять какія угодно единицы и который съ одинаковымъ удобствомъ можетъ перескакивать отъ величайшаго могущества къ величайшему ничтожеству. Вотъ, по истинѣ, безнадежная теорія». (Новое Время, 8 января).

Да, безнадежная и клеветническая, и состоитъ она, какъ видите, именно въ томъ, что у русскаго человѣчества нѣтъ или не должно быть идеала, «божественнаго образа», а есть или долженъ быть паспортъ. Такою постановкою переживаемаго нами нынѣ вопроса минуты «Московскія Вѣдомости», если хотите, очень уясняютъ его. Клевета, будто въ душѣ русскаго человѣчества нѣтъ божественнаго образа; клевета, будто оно можетъ и должно замѣстить въ себѣ идеалъ паспортомъ. Но злоба дня до извѣстной степени дѣйствительно состоитъ въ тяжбѣ идеала съ паспортомъ. Кто устоитъ въ неровномъ спорѣ, предвидѣть не трудно. Верховный судъ исторіи, конечно, рѣшитъ тяжбу въ пользу идеала. Паспортъ выдается на срокъ и даже безсрочный паспортъ все-таки смертенъ, а идеалъ безсмертенъ. Этою своею жизненностью онъ и подкупитъ судъ исторіи. Но когда наступитъ этотъ конецъ? Боюсь, что дерзкое противопоставленіе смертнаго безсмертному протянется если не абсолютно долго, то слишкомъ долго въ ущербъ человѣческому достоинству. Но уже и теперь мы съ совершенною ясностью знаемъ гдѣ гнѣздятся истинные клеветники Россіи.

Г. Катковъ заявилъ какъ-то, что онъ никогда не получалъ коронныхъ субсидій, да и не нуждался въ нихъ, но еслибы нуждался и получалъ, то считалъ бы это за честь. Съ свойственною ему скромностью, онъ сослался при этомъ на примѣръ Сократа, который заявилъ судившимъ его аѳинянамъ, что онъ заслуживалъ бы содержанія на счетъ государства... Многое бы можно было сказать на эту пикантную тему, но я скажу не многое. Пусть г. Катковъ есть русскій Сократъ — по Сенькѣ шапка и «сброду людей» можетъ быть приличествуетъ такой Сократъ, но тотъ, настоящій Сократъ не былъ и не могъ быть аѳинскимъ Катковымъ. Онъ не разжигалъ паспортныхъ страстей, не организовалъ возстанія паспорта противъ идеала, не объявлялъ политики и нравственности побочными отраслями паспортной системы...

Посторонній.

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ.

Намъ очень не хотѣлось бы, по примѣру прошлаго года, нарушать и въ нынѣшнемъ году литературный обычай подведенія годовыхъ итоговъ. Это, право, не дурной и не совсѣмъ безполезный обычай, столь же, по крайней мѣрѣ, не безполезный, какъ и всякое разсмотрѣніе общественныхъ дѣлъ, какъ и всякое апеллированіе къ общественному сознанію и совѣсти въ интересахъ будущаго. Но до какой степени разсмотрѣніе общественныхъ дѣлъ бываетъ труднымъ и непріятнымъ, когда дѣла запутаны, когда одни счеты совсѣмъ неизвѣстны, а другіе затеряны или запрятаны, когда грѣшники, которымъ прежде всего надлежало бы покаяться, нетолько не обнаруживаютъ къ тому ни малѣйшей склонности, но и отрицаютъ даже всякое покаяніе (помимо покаянія у знакомаго духовника), это пойметъ всякій. Само собою разумѣется, что подведеніе итоговъ и разсмотрѣніе дѣлъ мы понимаемъ не въ смыслѣ одного только перечня и регистраціи фактовъ, не въ видѣ только входящихъ и исходящихъ №№ бумагъ, а въ смыслѣ болѣе широкомъ, принимая въ соображеніе умственную и нравственную жизнь общества и его движеніе впередъ по пути знанія, свободы и общественной справедливости. Но до какой степени трудно подведеніе такихъ итоговъ для прошлаго года, лучше всего можно видѣть изъ итоговъ, сдѣланныхъ большинствомъ нашихъ газетъ.

Итоги эти прежде всего отличаются удивительнымъ лаконизмомъ. Однѣ газеты даютъ либо настолько краткіе итоги, что въ нихъ ничего не увидишь, либо говорятъ, что ничего въ прошломъ году не сдѣлано: другія доказываютъ, что есть у насъ то, что̀ есть; третьи, выражаются совсѣмъ туманно, и т. д. Даже оптимистическія газеты не особенно какъ-то веселы. «Новое Время», напримѣръ, и то находитъ, что 1882 году «было оставлено его предшественникомъ обильное и благодарное на-

слѣдство въ видѣ неоконченныхъ и притомъ весьма важныхъ трудовъ по разнообразнымъ вопросамъ, занимавшимъ тогда наши правительственныя сферы», но что самъ по себѣ 1882 годъ можетъ быть названъ только подготовительнымъ годомъ, такъ какъ нельзя въ немъ указать «законченной серьёзной работы.» (№ 2458). Газета, правда, увѣрена, что послѣдующіе годы увидятъ результаты «многочисленныхъ начинаній» и «благочестивыхъ пожеланій», но на какомъ камнѣ основана эта вѣра не поясняетъ. Выгораживая 1882 годъ и виня «все предшествующее время» за неумѣлость привести въ порядокъ «наши сильно разстроившіяся дѣла», газета главною заслугою прошлаго года считаетъ то, что онъ ознаменовался «работою въ сознаніи, въ области политическихъ идей и убѣжденій», а именно, что *мы стали сопознаваться*, что русская мысль стала *самоуглубляться* и что русское общество стало дѣлаться *болѣе русскимъ*. Что значитъ весь этотъ наборъ фразъ, весь этотъ крѣпкій ерофеичъ, доселѣ встрѣчавшійся только на страницахъ «Руси» и «Московскихъ Вѣдомостей», понять, разумѣется, невозможно. Что значитъ: мы стали сопознаваться и мысль наша стала самоуглубляться? Если это значитъ, что «Новое Время» стало сопознаваться съ «Московскими Вѣдомостями» и стало вмѣстѣ съ ними самоуглубляться, то это произошло уже давно, во всякомъ случаѣ раньше прошлаго года, и дѣло это совершенно частное, ни мало не относящееся ко всей остальной печати, а тѣмъ подавно къ русскому обществу, которое, конечно, въ концѣ концовъ, все это оцѣнитъ надлежащимъ образомъ. Что значитъ: мы становимся болѣе русскими (точно прежде мы были болѣе французскими?) и точно это прибавляетъ намъ разума, цивилизаціи и добросовѣстности, а Мельницкіе и Рыковы переводятся или превращаются въ добродѣтельныхъ людей? Будучи русскимъ, я признаюсь откровенно, многимъ русскимъ желалъ бы сдѣлаться болѣе французскими, нѣмецкими или хоть голландскими, чтобы они не срамили только свою страну и не приготовляли для нея ерофеичей, когда сказать ничего лучшаго не имѣютъ и не умѣютъ.

Указывая, что «склонность увлекаться хорошими идеями, не задаваясь вопросомъ объ ихъ практической осуществимости, уступаетъ мѣсто (?) постепенно крѣпнущему убѣжденію, что хорошо только то, что можетъ найдти для себя опору въ насъ самихъ, въ нашей гражданской зрѣлости» и что «въ мыслящей части общества теряютъ свою силу и обаяніе даже закоренѣлые предразсудки, связывающіе вопросы политическаго благополучія исключительно съ внѣшними формами», газета не желаетъ, разумѣется, знать, что предразсудки не являются тоже ни съ того, ни съ сего и возникаютъ всегда изъ какой нибудь реальной причины, что внѣшнимъ формамъ никто первенствующаго значенія не придастъ, если онѣ остаются только формами, и что

оцѣниваются онѣ всегда только по ихъ сущности, сущности тоже вполнѣ реальной. Но перейдемъ къ краткому фактическому обзору прошлаго года, возможно ближе придерживаясь немногочисленной оптимистической прессы, чтобы не заслужить какого-нибудь неосновательнаго упрека. Мы тоже вѣримъ въ лучшее будущее и въ торжество правды въ жизни, не той, конечно, правды, какой покланяются политическіе интриганы и весельчаки, для которыхъ все Божья роса, а правды настоящей, человѣческой, водворенію которой они такъ сильно мѣшаютъ.

Къ сожалѣнію, и нашъ обзоръ будетъ очень кратокъ. Положенія о пониженіи выкупныхъ платежей и объ обязательномъ выкупѣ, состоявшіяся еще въ 1881 году, мало двинулись впередъ и передаются для осуществленія будущему году. Переселенческій и питейный вопросы, о которыхъ было столько разговоровъ, по случаю засѣданій въ 1881 году свѣдущихъ людей, окрещенныхъ г. Катковымъ прозвищемъ «кабацкаго парламента», также остались не рѣшенными. Питейный вопросъ, по сообщенію «Новаго Времени», *постигла неудача*: выработанный свѣдущими людьми проэктъ «не прошелъ» и для новаго разсмотрѣнія вопроса были «учреждены въ іюлѣ губернскія питейныя коммиссіи съ участіемъ различныхъ мѣстныхъ спеціалистовъ». А что сдѣлали и сдѣлаютъ эти комиссіи съ спеціалистами пока еще неизвѣстно. Преселенческому вопросу удалось было «въ 1881 году сдѣлать нѣкоторый шагъ впередъ, а именно достигнуть разрѣшенія, въ отдѣльныхъ случаяхъ, перехода нуждающихся крестьянъ на назначенныя казенныя земли съ правомъ сперва аренды ихъ на опредѣленный срокъ, а потомъ и окончательнаго отвода, но съ тѣхъ поръ онъ такъ и остается безъ дальнѣйшихъ указаній. Что сдѣлала въ 1882 г. комиссія по преобразованію мѣстнаго управленія, послѣ опубликованія программы подготовительныхъ работъ, неизвѣстно. Судьба и содержаніе вновь проэктированнаго желѣзнодорожнаго закона, выработаннаго комиссіею гр. Баранова, также неизвѣстны. Результаты сенаторской ревизіи, выразившіеся въ обширныхъ трудахъ, заключающихъ, по слухамъ, въ высшей степени интересный матерьялъ, также неизвѣстны. Неизвѣстно, вообще, многое,. и, можетъ быть, эта неизвѣстность и послужила источникомъ недоумѣній большинства газетъ и внушила имъ предположеніе, что мы пришли въ состояніе покоя.

Говоря, что «рядъ важныхъ узаконеній за первые шесть мѣсяцевъ составляетъ частію результатъ задуманнаго и начатого въ предыдущіе годы», «Новое Время» свидѣтельствуетъ, что «и послѣ этого времени не прерывалось та *невидимая* работа, за которой *непосвященные* склонны предполагать застой и неподвижность». Мы очень рады вѣрить этому, такъ какъ вовсе не принадлежимъ къ разряду тѣхъ нетерпѣливыхъ барынь, которыя не привыкли ждать и которымъ все подавай сразу. Мы отлично

понимаемъ, что нельзя каждый день выработывать по закону, да еще по такому закону, который «оставлялъ бы слѣдъ въ исторіи народа» (въ этомъ и надобности нѣтъ); но, по слабости человѣческой, невольно и намъ хочется знать—какія у органовъ печати, что-нибудь говорящихъ, имѣются къ тому основанія, дѣйствительно ли они посвящены во что-нибудь и знаютъ то, что говорятъ? Можетъ быть, они говорятъ только предположительно, а когда вы ихъ спросите о подробностяхъ, то скажутъ вамъ: «много будете знать—скоро состаритесь», или: «развѣ не извѣстно, что денегъ не бываетъ передъ деньгами, а флотовъ передъ флотами?»

Узнавъ, что работа идетъ непрерывно, находится даже «въ полномъ разгарѣ» и что извѣстно это только пока посвященнымъ, вы невольно и съ особеннымъ вниманіемъ начинаете относиться къ тому, что сообщаетъ вамъ говорящая это газета, а газета, между тѣмъ, вдругъ возьметъ да и начнетъ сопровождать чуть ли не каждое свое сообщеніе словомъ «по слухамъ»: «крупная работа по преобразованію мѣстнаго управленія находится, по слухамъ, въ полномъ разгарѣ»; «также выработывается, по слухамъ, улучшеніе нашихъ народныхъ школъ усиленіемъ въ нихъ религіозныхъ элементовъ, осуществляются (также по слухамъ) льготы для раскольниковъ», и т. п. По слухамъ-то и мы знаемъ кое-что, но достовѣрны ли эти слухи и можно ли на нихъ что-нибудь основывать? Мы, напримѣръ, слышали, что льготъ раскольникамъ дать не предполагается, а относительно усиленія религіозныхъ элементовъ въ народной школѣ читали въ газетахъ (тоже слухъ), что народную школу предполагалось совсѣмъ отдать въ руки духовенства. Который же изъ этихъ слуховъ достовѣренъ? Но это не все: сообщивъ о готовящихся раскольникамъ льготахъ и *улучшеніи* въ народной школѣ, газета ничего больше не сообщаетъ, даже по слухамъ, и говоритъ только, что главная *невидимая* работа «клонится къ обновленію административной, гражданской и уголовной сферъ», причемъ позволительно предположить, что въ сферѣ административной предполагается работа кахановской комиссіи, въ сферѣ гражданской—занятія комитета для выработки гражданскаго уложенія и въ сферѣ уголовной—труды уголовной комиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ сенатора Фриша, о которыхъ мы говорили и о которыхъ газетѣ извѣстно, повидимому, столько же, сколько и намъ, и всѣмъ вообще. Не лучше ли говорить съ увѣренностью только о томъ, что видишь и знаешь, чѣмъ украшать неизвѣстную дѣйствительность цвѣтами своего воображенія; не лучше ли неизвѣстное называть неизвѣстнымъ, дурное—дурнымъ, а хорошее—хорошимъ?

Вѣроятно, никто вѣдь дурно не отнесется къ законоположеніямъ о пониженіи выкупныхъ платежей, о прекращеніи временно-обязанныхъ отношеній и объ отмѣнѣ подушной подати, о ко-

торой шла рѣчь цѣлыхъ двадцать лѣтъ и въ литературѣ, и въ податныхъ комиссіяхъ и подкомиссіяхъ. Вѣроятно, никто вѣдь даже не обмолвится несочувственнымъ словомъ по поводу приступа къ устройству такъ называемыхъ вольныхъ людей западнаго края, и если кто-нибудь станетъ возражать, то развѣ только по поводу примѣненія самой идеи на практикѣ, желая, чтобы это устройство было настоящимъ устройствомъ, и чтобы, вслѣдъ за нимъ, поскорѣе было приступлено къ устройству чиншевиковъ, разрѣшенію вопроса о сервитутахъ и исправленію другихъ недостатковъ и несправедливостей польскаго аграрнаго строя. Вѣроятно, очень не многіе рѣшатся возражать по существу и противъ пошлины съ наслѣдствъ, и противъ воспрещенія отчуждать казенныя земли въ частную собственность, помимо коллегіальнаго рѣшенія въ высшемъ государственномъ учрежденіи, и противъ идеи крестьянскаго поземельнаго кредита. Противъ крестьянскаго поземельнаго банка въ томъ видѣ, какъ онъ имѣетъ быть устроенъ, возможны много возраженій, но возраженія эти будутъ касаться организаціи и направленія кредита, недостаточности ассигнованнаго капитала или условій, среди которыхъ ему придется дѣйствовать, а не самой идеи, которую онъ представляетъ. Трудно возразить что-нибудь по существу и противъ ограниченія труда малолѣтнихъ на фабрикахъ, и противъ фабричной инспекціи, какъ перваго шага къ регулированію фабричныхъ отношеній и устройству правильнаго инспектората въ широкихъ размѣрахъ. Немногіе, за исключеніемъ желѣзнодорожныхъ дѣятелей и любителей гешефтовъ и подрядовъ, будутъ въ состояніи найдти достаточно серьёзныхъ доводовъ и противъ выкупа задолженныхъ и несостоятельныхъ передъ казною желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства, а равнымъ образомъ и противъ правительственной постройки желѣзныхъ дорогъ, стремленіе къ чему обозначилось, напримѣръ, въ покупкѣ Тамбовско-Саратовской дороги и въ предположеніи министерства путей сообщенія строить на казенныя средства Екатеринбурско-тюменскую и нѣкоторыя другія очередныя дороги. Но, само собою разумѣется, что всѣ эти законоположенія и мѣры (возникшія, по большей части, не въ прошломъ, а въ позапрошломъ году и ранѣе, и прошедшія въ законодательномъ порядкѣ въ первую половину прошлаго года) нуждаются въ объединеніи и въ согласованіи съ другими законоположеніями и мѣрами, чтобы образовать цѣлую стройную систему, черезъ которую проходила бы одна основная политическая идея. Кромѣ того, онѣ нуждаются, и нуждаются столь же настоятельно въ общественномъ содѣйствіи и въ свободѣ печати. Иначе трудно разсчитывать на послѣдовательное проведеніе ихъ въ жизнь; иначе онѣ легко могутъ быть искажены и даже совсѣмъ сведены на нѣтъ, какъ это не разъ и случалось со многими прекрасными въ принципѣ вещами. Еслибы сами по себѣ они были даже очень неполны и несовершенны, были даже только искуствен-

нымъ плодомъ недавнихъ «либеральныхъ вѣяній» и «народной политики», плодомъ, выращеннымъ въ административной теплицѣ, съ спеціальною цѣлью только показать—«въ какую эпоху мы живемъ и что дѣлаемъ», и безъ серьёзнаго желанія дѣйствительно что-нибудь сдѣлать для народа, то и тогда при надлежащемъ стараніи и искренности, они могли бы обратиться въ живое дѣло страны. Одно въ нихъ могло бы быть исправлено, другое измѣнено, третье болѣе правильно истолковано и развито. То, что дѣлается во имя народа, цивилизаціи и свободы, всегда будетъ таить въ себѣ зародышъ жизни, который, при благопріятныхъ условіяхъ, упавши не на каменистую канцелярскую почву, а въ землю, можетъ начать жить. Совсѣмъ другая судьба того, что дѣлается во имя идей и цѣлей противоположныхъ, во имя идей, лишенныхъ жизни. Съ какимъ бы тщаніемъ это сѣмя ни сѣялось, какъ бы глубоко отъ зловредныхъ птицъ ни зарывалось въ землю, его не принимаетъ земля или оно сгниваетъ въ ней.

Мы, какъ видитъ читатель, вовсе не относимся ко всему съ слѣпымъ отрицаніемъ и скептицизмомъ, а желаемъ только, чтобы вещи оцѣнивались по ихъ дѣйствительной стоимости и назывались ихъ настоящими именами, или хоть, по крайней мѣрѣ, при строгости цензурной, не назывались вовсе и Афросинья не превращалась вдругъ въ Фаину, а Агаѳонъ въ Агу. Мы относимся сочувственно даже къ такимъ мѣрамъ, какъ подчиненіе земельныхъ банковъ контролю министерства финансовъ, хотя и не ждемъ отъ этого коренного измѣненія банковскихъ порядковъ и прекращенія произвола директоровъ и правленій.—Если однимъ г. Борисовымъ, пристроившимся къ тульскому и самарско-саратовскому банкамъ, будетъ меньше, то и это будетъ не худо, по крайней мѣрѣ, на время, пока есть болѣе важныя дѣла.

Перемѣны, происшедшія въ различныхъ учрежденіяхъ и состоящія въ переименованіяхъ или переводѣ дѣлъ изъ однихъ учрежденій въ другія, важны только въ административно хозяйственномъ отношеніи: вмѣсто упраздненнаго II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, столь извѣстнаго своими кодификаціонными ошибками, будетъ дѣйствовать кодификаціонный отдѣлъ при государственной канцеляріи, упраздненіе кавказскаго намѣстничества и закрытіе кавказскаго комитета, безъ введенія земскихъ учрежденій, направитъ много дѣлъ въ Петербургъ, въ общія учрежденія, что̀ вызоветъ увеличеніе частныхъ расходовъ и проволочку времени. Сокращеніе расходовъ, принесенное закрытіемъ западно-сибирскаго генералъ-губернаторства, вѣроятно, будетъ поглощено вновь учрежденнымъ степнымъ генералъ-губернаторствомъ. Изъ перемѣнъ въ учрежденіяхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ закрытіе Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, дѣла котораго

перешли частію въ сенатъ, а частію въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Объ этой перемѣнѣ, въ виду не вполнѣ еще законченнаго устройства крестьянъ, а равно—обширности и сложности крестьянскихъ интересовъ, можно сказать, что сенатъ и министерство внутреннихъ дѣлъ, обремененные другого рода дѣлами, едва ли замѣнятъ комитетъ.

Изъ другихъ узаконеній нельзя не отмѣтить введеннаго съ 1-го іюня новаго повышенія въ таможенномъ тарифѣ, а затѣмъ повышеніе табачнаго акциза, сопроводившееся прежде всего сильнымъ вздорожаніемъ простого табака.

По внутренней политикѣ 3-го мая состоялись временныя правила, воспрещающія евреямъ селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ, съ ограниченіемъ ихъ правъ по торговлѣ, пріобрѣтенію и арендѣ недвижимыхъ имуществъ. Продолжено еще на годъ положеніе объ усиленной охранѣ; введены новыя временныя правила о печати, которыя только еще разъ заставляютъ желать скорѣйшаго пересмотра нашихъ законовъ о печати, чтобы поставить печать, такъ долго пребывающую подъ временными правилами, на почву и подъ защиту положительнаго закона. 12-го марта состоялось положеніе о поднадзорныхъ и административно-ссыльныхъ; а во второй половинѣ года, въ силу особой инструкціи, предоставлены одному изъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующему государственной полиціей, права, въ силу которыхъ, выражаясь словами «Новаго Времени», полиція «вновь до нѣкоторой степени получила отдѣльное существованіе». Относительно положенія о надзорѣ по распоряженію административныхъ властей, представляющемъ сводъ негласныхъ циркуляровъ, примѣнявшихся и прежде къ ссыльнымъ, мы достаточно говорили въ одной изъ нашихъ хроникъ, а потому здѣсь скажемъ только, что позволительно смотрѣть и на это положеніе лишь какъ на временное, въ особенности въ виду его чрезвычайной суровости и неопредѣленности. Имѣя цѣлью улучшить и сколько-нибудь узаконить положеніе административно-ссыльныхъ, оно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже *ухудшило* ихъ положеніе, «такъ какъ мѣстная администрація, по своему усмотрѣнію, примѣняетъ къ ссыльнымъ и прежніе циркуляры и новый законъ, пользуясь тѣмъ, что въ послѣднемъ не упомянуто прямо объ отмѣнѣ дѣйствовавшихъ прежде циркуляровъ» («Русскія Вѣдомости» № 9, 1883 г.). Въ сферѣ уголовнаго законодательства—усилены наказанія за порубку лѣса и уменьшены за оскорбленіе Величества и святотатство; измѣнены подсудность и наказаніе за кражу со взломомъ. Въ военноокружныхъ судахъ упразднены должности военныхъ судей съ высшимъ юридическимъ образованіемъ; предоставлено начальству закрывать по усмотрѣнію двери суда по всякому дѣлу и, вмѣсто названія преступленій, приказано указывать въ приказахъ только на статьи закона, по которымъ подсудимый судится.

Въ экономическомъ отношенiи 1882 г. ознаменовался довольно удовлетворительнымъ урожаемъ, но, несмотря на это, слабымъ спросомъ и плохимъ отпускомъ хлѣбовъ за-границу, затишьемъ во внутренней торговлѣ, которое наши оптимисты относили, конечно, то къ мелководью Волги («Моск. Вѣд.»), то къ антиеврейскимъ безпорядкамъ, то къ спекуляцiямъ съ сахарнымъ пескомъ, повысившимъ цѣну сахара до громадныхъ размѣровъ («Нов. Вр.»). Относительно нужды въ хлѣбѣ во многихъ мѣстахъ, конечно, въ оптимистическихъ балансахъ не упоминается, хотя объ этомъ и было не мало корреспонденцiй. Въ финансовомъ отношенiи 1882 годъ, по ихъ мнѣнiю, весьма благопрiятенъ, по крайней мѣрѣ, *гораздо лучше* 1881 г: «Погашенiе долга государственному банку идетъ исправнѣйшимъ образомъ. Государственные доходы увеличились, а расходы значительно сократились, «такъ что можно думать, что 1882 г. заключится безъ дефицита или съ небольшимъ дефицитомъ», зависящимъ «только отъ желанiя сооружать желѣзныя дороги на казенный счетъ». Если все обстоитъ благополучно, то почему же, какъ это говорятъ сами же они и на той же страницѣ, «вексельные курсы и цѣны почти всѣхъ русскихъ бумагъ понизились весьма значительно въ теченiи 1882 г.» и принесли владѣльцамъ ихъ «огромныя потери», почему «и на заграничныхъ биржахъ дѣла съ русскими валютами и фондами были очень неблестящи и доведены теперь до минимума оборотовъ» («Новое Время»). Положимъ, страховыя акцiи упали отъ многочисленныхъ пожаровъ, а вексельные курсы, валюты и фонды почему упали? Какъ заключится 1882 г. покажетъ отчетъ государственнаго контроля; изъ сравненiя же сметъ 1882 и 1883 гг. не видно сокращенiя расходовъ, а въ государственномъ хозяйствѣ, какъ извѣстно, совершенно наоборотъ съ частнымъ, не доходы опредѣляютъ расходы, а расходы доходы. Обыкновенные государственные расходы были исчислены въ 1882 г. въ 658,595,151 р., а съ чрезвычайными и другими сверхсметными въ 762,004,512 р. Въ 1883 году обыкновенные расходы опредѣлены въ 702,371,492 руб., а съ чрезвычайными и сверхсметными въ 778,505,423 р. («Прав. Вѣст.» № 2). Во всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи г. министръ финансовъ, останавливаясь на увеличенiи обыкновенныхъ расходовъ въ размѣрѣ 31.783,201 руб., говоритъ, что увеличенiя эти произошли «отчасти отъ увеличенiя назначенiй, въ видахъ уменьшенiя ежегодно испрашиваемыхъ сверхсметныхъ кредитовъ по вѣдомствамъ военному, морскому и путей сообщенiя, отчасти отъ увеличенiя расходовъ на усиленiе устройства полицейскаго управленiя въ городахъ и уѣздахъ, на содержанiе служащихъ по нѣкоторымъ вѣдомствамъ, на выдачу пенсiй» и т. д. Изъ того же министерскаго доклада можно видѣть, что увеличенiе расходовъ послѣдовало почти по

всѣмъ вѣдомствамъ и расходнымъ статьямъ (за исключеніемъ только уменьшившихся расходовъ оборотныхъ и чрезвычайныхъ), а именно: расходы увеличились по государственному долгу на 303,870 р., по министерству двора на 1,596,000 р., по министерству иностранныхъ дѣлъ на 148,644 р., по военному на 9,928,608 р., морскому на 3,125,479 р., финансовъ на 7,698,869 руб., государственныхъ имуществъ на 842,958 р., внутреннихъ дѣлъ на 3,128,182 р., народнаго просвѣщенія на 349,514 р., путей сообщенія на 3,276,416 р., юстиціи на 824,386 р., государственнаго контроля на 116,548 р., по гражданскому управленію Закавказскаго края на 402,063 р., по высшимъ государственнымъ учрежденіямъ на 26,496 р., по Святѣйшему Синоду на 13,629 р. и по государственному коннозаводству на 1,539 р.

Мы не вдаемся ни въ разборъ всѣхъ этихъ увеличеній въ расходахъ, ни въ разборъ самой росписи, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу. Мы обратились къ росписи и докладу министра финансовъ просто какъ къ ближайшему и наиболѣе интересному документу. Г. Министръ финансовъ не считаетъ задачи, предстоящія въ области народнаго и государственнаго хозяйства, неразрѣшимыми, но откровенно говоритъ, что онѣ «трудны». Онъ указываетъ на поглощеніе доходовъ сверхсметными расходами, на колебаніе вексельнаго курса, на прошлогодній застой въ торговлѣ, отразившійся на положеніи земледѣльческой и фабричной промышленности, на послѣдствія послѣдней войны, которыя до сихъ поръ чувствуются и т. д. Онъ говоритъ о необходимости, для поправленія дѣлъ, превышенія «въ теченіи многихъ лѣтъ доходовъ надъ расходами», о необходимости «уменьшенія заграничныхъ платежей» и развитія «внутренняго производства». Насколько успѣшно могутъ разрѣшиться на практикѣ трудныя задачи тѣми путями и пріемами, какіе имѣетъ въ виду г. Бунге, покажетъ, конечно, только будущее. Очень возможно, что пріемы эти не разрѣшатъ задачъ, но несомнѣнно, что намъ прежде всего нужно превышеніе доходовъ надъ расходами (отъ чего зависитъ и уменьшеніе заграничныхъ платежей) и развитіе внутренняго производства, несомнѣнно, что однимъ выпускомъ бумажныхъ денегъ, какъ это предлагаютъ финансисты «Московскихъ Вѣдомостей», дѣлу не поможешь.

Другое дѣло, когда, наговоривъ комплиментовъ финансамъ, арміямъ и флотамъ, славословы переходятъ къ обзору литературы, которую они почти всю цѣликомъ ненавидятъ, ненавидятъ злою и глубокою ненавистью, за то прежде всего, что она первая презирать ихъ стала. Тутъ они положительно выходятъ изъ береговъ и несутъ такую массу навоза и тины, безцеремонности и ругани, клеветы и несправедливости, что положительно можно захлебнуться во всей этой мерзости. Прежде всего, конечно, въ области журналистики минувшій годъ ничего не далъ; критика

почти совсѣмъ исчезла изъ нашихъ журналовъ, потому что нечего критиковать—нѣтъ достойной беллетристики, нѣтъ настоящей изящной словесности; всѣ разбились на кружки, на «свои муравейники». Въ этихъ муравейникахъ «встрѣчаются свои геніи, свои корифеи, свои творцы «силы непомѣрной»; въ этихъ муравейникахъ встрѣчаются великіе критики—истолкователи идей и образовъ этихъ творцовъ; но какъ творцы, такъ равно и ихъ произведенія и критики этихъ произведеній дивятъ и занимаютъ единственно собственный муравейникъ» и т. д. («Нов. Вр.»). Само собою разумѣется, что послѣ этой увертюры первый камень летитъ въ насъ. «Замѣчательно, что даже старые, давно установившіеся органы нашей журналистики, за послѣднее время, начали постепенно съуживать свой общій литературный горизонтъ и превращаться въ журналы кружковые. Такъ, напримѣръ, «Отечественныя Записки» и «Вѣстникъ Европы» съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ кружковую физіономію. Если отъ «Записокъ» отнять г. Салтыкова, огромный талантъ котораго, несмотря на упорное его размѣниваніе на фельетонныя мелочи, нисколько не ослабѣваетъ съ годами, отнять Островскаго, отнять даровитаго Глѣба Успенскаго, то многихъ ли изъ остальныхъ писателей-беллетристовъ можно считать удобочитаемыми для всѣхъ православныхъ христіанъ? Развѣ разсказцы, сценки и очерки съ отупѣлыми мужиками и оголтѣлыми якобы представителями молодой жизни—развѣ всѣ эти разказцы, очерки и сценки выходятъ «въ свѣтъ», а не въ печать только? Развѣ ихъ примитивное искуство, ихъ узко-шаблонныя тенденціи, ихъ герои съ борьбой противъ рожна, съ куриными страданіями и изныванiями, могутъ имѣть интересъ для кого-либо иного, кромѣ самихъ творцовъ разсказцевъ и сценокъ, ихъ пріятелей и пріятельницъ, поклонниковъ и поклонницъ? Разумѣется, не могутъ имѣть и не имѣютъ».

Отвѣчать «могутъ и имѣютъ», разумѣется, совершенно излишне, такъ какъ дѣло не въ этомъ. Намъ кажется, что *отупѣлые* мужики и оголтѣлые якобы представители молодой жизни могутъ быть очень интересны. Для насъ, по крайней мѣрѣ, они гораздо интереснѣе оголтѣлыхъ романистовъ, въ родѣ Е. Маркова, и оголтѣлыхъ критиковъ, въ родѣ г. Буренина, воображающихъ, что они представляютъ какой-то «свѣтъ» и что для нихъ-то именно и нужно писать беллетристическія произведенія и критическія статьи. Даже маленькая рыбка, говорятъ, лучше большого таракана, а за отупѣлыхъ мужиковъ и оголтѣлыхъ якобы представителей молодой жизни смѣло можно пожертвовать и «свѣтомъ» и выслушать упрекъ въ кружковой замкнутости, чувствуя, конечно, при этомъ, что кружокъ твой настолько же исключителенъ и узокъ, насколько исключительны и узки интересы народа и всего того, что искренне къ нему

относится. Мы знаемъ, что литература наша не блещетъ талантами, несмотря на все наше гостепріимство по отношенію къ начинающимъ писателямъ; мы знаемъ, что уровень литературы понизился, но объясняемъ это себѣ совершенно другими, внѣшними причинами, о которыхъ оголтѣлые люди, обращаясь съ ихъ строгими требованіями къ литературѣ, не упоминаютъ. Можетъ быть даже они забыли объ этихъ причинахъ, такъ какъ имъ рѣдко приходится съ ними сталкиваться и такъ какъ имъ больше нравится писать о великосвѣтскихъ амурахъ. Они не понимаютъ, конечно, того, что бываютъ эпохи, когда невозможно заставить себя писать о великосвѣтскихъ амурахъ. Но отчего же, спрашиваемъ мы въ свою очередь, тѣ органы печати, которые не чувствуютъ никакихъ внѣшнихъ причинъ, которые такъ довольны жизнью и расчистили ее совсѣмъ по своему, не создаютъ ничего выдающагося, ни по части изящной словесности, ни по части критики? Отчего они требуютъ этого именно отъ насъ, такъ или иначе постоянно чувствующихъ давленіе разныхъ причинъ? Отчего, наконецъ, они не выступаютъ съ своими большими вопросами, съ своею положительной и необыкновенно будто бы мудрой программой?! Почва, кажется, великолѣпно утрамбована, тишина такая, что даже зефировъ не слышно, въ небѣ сіяетъ солнце и какъ разъ время прійти строителямъ и зодчимъ и начать созидать великолѣпное зданіе, въ памать поколѣніямъ и на зло Европѣ? А строителей и зодчихъ нѣтъ. Нѣтъ и работниковъ. Земскіе люди бѣгутъ изъ собраній и не ѣдутъ въ собранія, вслѣдствіе чего, за неявкою необходимаго числа гласныхъ, собранія никакъ не могутъ состояться. И происходитъ это не въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ уѣздахъ или губерніяхъ, а въ Черниговской, Херсонской, Рязанской, Московской, Самарской, Казанской и другихъ губерніяхъ. Пришлось обратиться къ понудительнымъ мѣрамъ: «московское земство, наскучивъ терять время въ ожиданіи прибытія гласныхъ на засѣданія, постановило: время для сбора назначить 1½ часа, и коль скоро къ назначенному времени гг. гласные не соберутся въ достаточномъ числѣ — считать засѣданіе несостоявшимся. Казанское же пошло еще дальше; оно назначило собираться въ 11 часовъ утра и ждать только одинъ часъ; если къ 12-ти часамъ семнадцати гласныхъ не соберется — засѣданіе откладывается до слѣдующаго дня. А вотъ другого рода факты: харьковское земство разъѣхалось, не дослушавъ 40 докладовъ, самарское оставило не разсмотрѣнными 21 докладъ. Черниговское собраніе разъѣхалось на четвертый день по открытіи (а законъ опасался затяжки земскихъ собраній, устанавливая, что собранія не могутъ продолжаться долѣе 20 дней!); рязанское сперва совсѣмъ не состоялось, потомъ состоялось, но послѣ трехъ засѣданій разъѣхалось» («Нов. Вр.», № 2460).

Что за странная такая притча? «Московскія Вѣдомости» объясняютъ дѣло такъ: «Не доказываетъ ли это, говорятъ онѣ:—что земскія учрежденія служатъ синекурою, предоставляющею кому нужно должности, приличное содержаніе, обезпеченное положеніе, средство производить агитацію по вопросамъ, не входящимъ въ сферу земскихъ учрежденій, но отнюдь не служатъ дѣлу мѣстнаго управленія?..» Если не иначе, то, конечно, такъ. Обычный катковскій ключъ ко всѣмъ вопросамъ (агитація, запретные вопросы, etc.) явился на помощь и здѣсь. Кажется, рязанскіе земцы дали достаточно убѣдительный примѣръ благонамѣренности, собравшись только для того, чтобы пошумѣть по поводу тенденціозности своихъ статистиковъ и произнести ауто-да-фе надъ составленнымъ ими и пропущеннымъ губернаторскою цензурою земскимъ сборникомъ. Но дѣло въ томъ, что такіе-то земскіе элементы, а равно и любители синекуръ и теперь посѣщаютъ собранія и лѣзутъ въ должности; только толку-то въ нихъ мало. Бѣгутъ же отъ земской дѣятельности совсѣмъ другіе люди, люди живые, которые прежде интересовались земскимъ дѣломъ. Прямой выводъ изъ сдѣланнаго г. Катковымъ объясненія можетъ быть, конечно, только одинъ: такъ какъ земскія учрежденія не служатъ дѣлу мѣстнаго управленія и суть лишь синекура и мѣсто для агитаціи, то не лучше ли будетъ ихъ закрыть совсѣмъ или хоть пріостановить ихъ дѣйствіе, на подобіе того, какъ сдѣлано въ Донской области; но произнесетъ ли это ауто-да-фе великій московскій инквизиторъ? «Новое Время» истолковало дѣло нѣсколько иначе. Указавъ, съ подобающей ему ироніей, на тѣхъ *газетныхъ мудрецовъ*, которые объясняютъ факты земскаго равнодушія отсутствіемъ въ земской жизни настоящаго дѣла, оно говоритъ: «Мы, конечно, не станемъ увѣрять, что для всякаго «весело» думать и говорить о дорогахъ, мостахъ, больницахъ и т. п. вещахъ. Но кто взялъ на себя думать объ этомъ (насильно вѣдь никого въ гласные не гонятъ), тотъ, вѣроятно, зналъ, «весело» это или «скучно». Кромѣ того, рѣдкій бюджетъ губернскаго земства не простирается до полумилліона рублей, собираемыхъ съ населенія, и нужно заботиться о цѣлесообразномъ ихъ расходованіи. Упразднять земскихъ учрежденій не нужно, а надо скорѣе преобразовать ихъ, не откладывая этого дѣла въ долгій ящикъ. Ну, это еще, слава тебѣ Господи, снисходительно. Но, заговоривъ о преобразованіи мѣстнаго управленія, газета узнала, что занятія «такъ называемой кахановской комиссіи» находятся вовсе не «въ полномъ разгарѣ», а «грозятъ затянуться на неопредѣленное время», что «самая комиссія превращается въ какое-то оригинальное учрежденіе для разбора всякихъ фантазій, какія кому вздумается переложить въ проэктъ и отправить въ Петербургъ въ назиданіе правительству». Узнала это газета опять, конечно, по слу-

хамъ только, и потому добавляетъ, что «если это въ самомъ дѣлѣ такъ (а оффиціально о занятіяхъ комиссіи ничего не извѣстно), то нельзя не пожалѣть, что дѣло въ высшей степени неотложное попало на такой фальшивый путь» (3 янв.. 1883 г.). Что долженъ подумать читатель, прочитавшій 1-го января одно, а 3-го января совсѣмъ другое. Такихъ пассажей съ жизнерадостною прессой великое множество. 1-го января говорили о сокращеніи расходовъ и объ удовлетворительномъ положеніи финансовъ, а 4-го, по прочтеніи новой росписи и по ознакомленіи съ программою г. министра финансовъ, говорятъ, что «самой важной части этой программы — бережливости по всѣмъ отраслямъ управленія что-то мало замѣтно», и что самъ г. министръ финансовъ имѣетъ «*оптимистическій*» взглядъ на наше «*запутанное финансовое положеніе*» (id., № 2461). Мы привыкли къ этимъ пассажамъ и отлично знаемъ, что происходятъ они не отъ чего другого, какъ именно отъ отсутствія какой бы то ни было положительной программы. Г. Суворинъ плохой ученикъ г. Каткова: онъ то великолѣпно усвоитъ себѣ все, что слѣдуетъ, то вдругъ увидитъ что-нибудь страшное и все, что выучилъ, въ одну минуту позабудетъ. Я думаю, учитель въ сердцахъ не разъ считалъ его волченкомъ, который, какъ ни корми его, все въ лѣсъ смотритъ, но это совершенно напрасно, потому что происходитъ совсѣмъ отъ другихъ причинъ. Съ самимъ учителемъ, конечно, такихъ пассажей на столь близкомъ разстояніи, какъ два-три дня, не бываетъ, но зато тамъ внутренихъ огорченій больше. Огорченія учителя носятъ всегда не частный, а общій, болѣе философскій, такъ сказать, характеръ. Тамъ и поводовъ для огорченій больше: какъ ни какъ, а г. Катковъ все-таки сѣятель. Онъ постоянно сѣетъ свое сѣмя, сѣмя, правда, совсѣмъ пустое, затхлое и никуда негодное, изъ котораго ничего никогда не произростаетъ, но сѣетъ его, тѣмъ не менѣе, въ теченіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, питаетъ постоянно надежды и постоянно въ концѣ-концовъ получаетъ разочарованіе. Другой давно уже отказался бы отъ обсѣмененія отечества, но онъ должно быть будетъ продолжать заниматься этимъ до самаго конца дней своихъ. Онъ все думаетъ, что неудачи происходятъ оттого, что ему мѣшаютъ другіе, всѣ мѣшаютъ: и птицы, и нигилисты, и друзья, и враги, и люди, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на самыхъ надежнѣйшихъ помощниковъ своихъ, и самая даже земля.

Онъ не можетъ понять, что однимъ выпускомъ бумажныхъ денегъ финансовъ не поправишь, что однимъ закрытіемъ питейныхъ заведній и ежевой рукавицей народнаго благосостоянія не создашь, что упраздненіе всего того, что не согласно съ нимъ думаетъ, только вызоветъ всеобщее бѣгство и распространитъ вокругъ пустыню. Иногда ему кажется, что все пришло въ надлежащій порядкъ, что нива его даже какъ будто зеленѣетъ,

---

НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Редакція «Отеч. Записокъ» считаетъ долгомъ напомнить гг. авторамъ присылаемыхъ стихотвореній, что послѣднія, въ случаѣ непризнанія ихъ удобными къ напечатанію, подвергаются уничтоженію. Поэтому, ни въ какую переписку по поводу этихъ стихотвореній Редакція не входитъ, даже въ томъ случаѣ, ежели на отвѣтъ прилагается почтовая марка.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ имѣютъ выходить въ 1883 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ: безъ доставки 15 р. 50 к., *съ доставкою* 16 р. сер.; *съ пересылкою:* 17 руб. сер.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Данію, Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію, Америку, во Францію 19 руб.

Редакторъ **М. Е. Салтыковъ.** Издатель **А. А. Краевскій.**